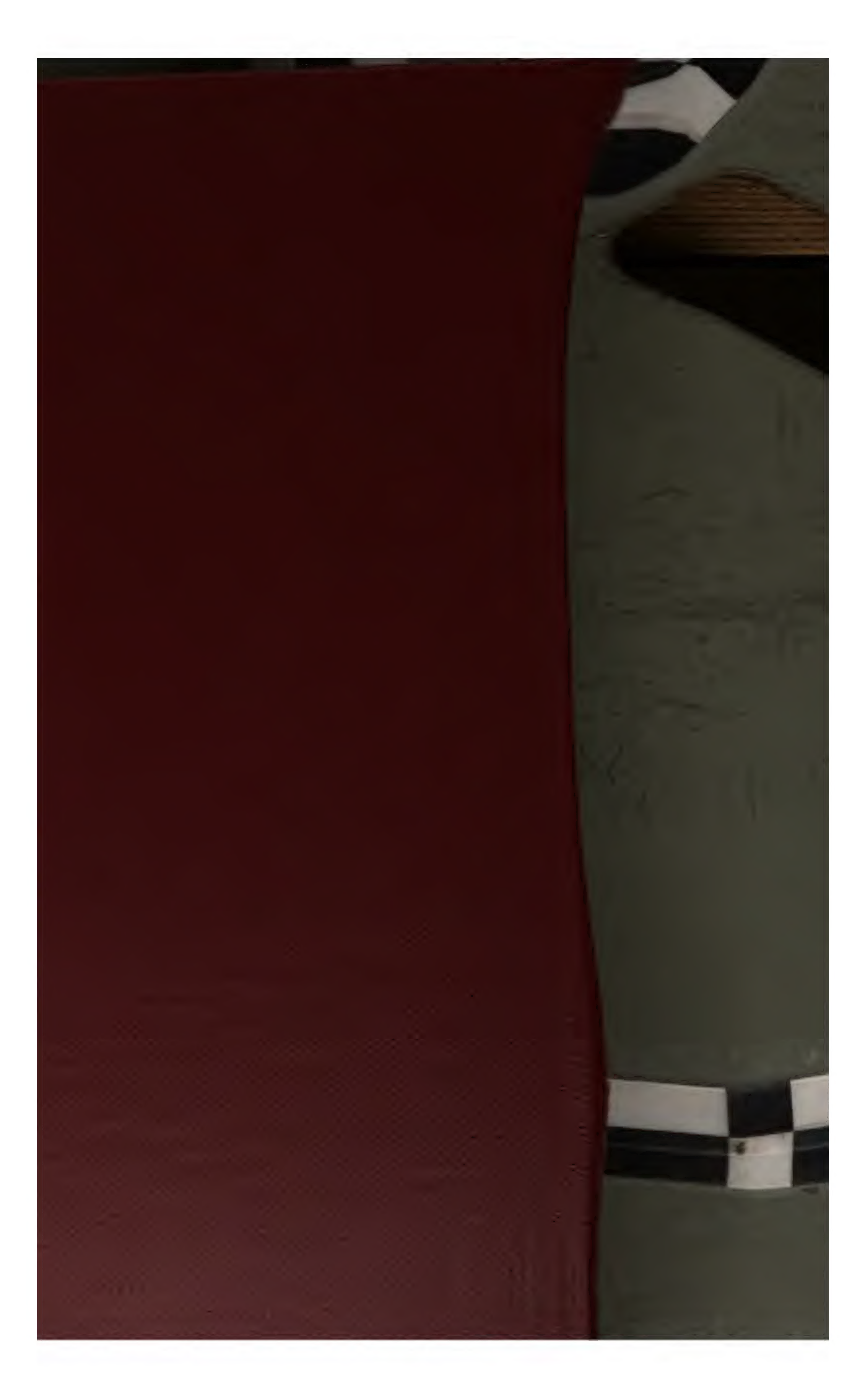

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ·ПОЛИТИКИ·ЛИТЕРАТУРЫ.

ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 6-я.

ІЮНЬ. 1871.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи Ф. Сушинскаго, Моховая, 7.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 6-я. — ІЮНЬ, 1871.

ОБЪЯВЛЕНІЯ книжныя и торговыя см. въ приложеніи I-VIII стр.

ЛИЧНОСТИ

СМУТНАГО ВРЕМЕНИ.

Михаилъ Скопинъ-Шуйскій.—Пожарскій.—Мининъ.—Сусанинъ.

Всѣмъ извѣстно, какія трудно-преодолимыя препятствія возникаютъ въ процессѣ обработки исторіи. Конечно, нѣтъ науки болѣе трудной для изученія и для передачи другимъ. Но кромѣ недостаточности письменныхъ извѣстій, кромѣ невѣрностей и неясностей въ сохранившихся извѣстіяхъ, кромѣ, наконецъ, чрезвычайнаго разнообразія предметовъ, входящихъ въ область историческаго изслѣдованія и требующихъ подготовительнаго знакомства съ другими вѣтвями человѣческихъ знаній, мы часто встрѣчаемъ препятствія въ собственномъ воображеніи и сердцѣ. Очень часто историческія событія и лица являются намъ только въ общихъ очертаніяхъ, безъ крупныхъ характерныхъ признаковъ, такъ что одно данное походитъ на другое. Утомляясь подъ тягостію однообразія, не находя ничего, что бы служило намъ для заключеній и выводовъ, не встрѣчая ясныхъ живыхъ образовъ, мы часто насильственно пытаемся оживить мертвое, бездушное, и прибѣгаемъ къ собственному воображенію, а потомъ признаемъ за плодъ нашего уразумѣнія фактовъ то, что собственно есть плодъ одной нашей субъективной дѣятельности. Часто тамъ, гдѣ источники предоставляютъ въ наше распоряженіе однѣ только названія—мы воображали себѣ лица, общества, учрежденія; тамъ, гдѣ передъ нами только неясныя черты, мы видѣли характеры, угадывали побужденія, указывали причины и послѣдствія. Многое изъ того, что мы привыкли

считать достояніемъ науки, пришлось бы, скрѣпя сердце, выбросить вонъ, если бы достояніе это подвергнуть надлежащимъ образомъ безпощадному ножу критическаго анализа. Много бы нашлось такихъ мѣстъ, гдѣ увѣренность въ нашемъ знаніи нужно было бы замѣнить добросовѣстнымъ признаніемъ въ нашемъ невѣдѣніи.

Наша русская исторія, особенно древняя, легко подвергается этому недостатку, потому что значительная часть ея источниковъ отличается тѣми качествами общности, сухости, недосказанности, маложизненности и удобоподатливости различнымъ толкованіямъ, которыя вызываютъ дѣятельность воображенія. Но тамъ, гдѣ есть просторъ воображенію, легко увлекаетъ насъ въ заблужденіе и сердце. Какъ только является воображенію поводъ, за отсутствіемъ ясныхъ данныхъ, создавать образы и дѣлать выводы, сердце побуждаетъ насъ вымышлять именно такъ, какъ ему хочется. Отсюда происходитъ вредное для исторической правды возведеніе въ апотеозу историческихъ дѣятелей, преувеличенія, направленіе въ одну извѣстную сторону изображаемыхъ событій, предпочтенія однѣхъ сказаній другимъ на томъ только основаніи, что первыя болѣе согласуются съ нашимъ чувствомъ, чѣмъ другія, ревнивое прилипаніе къ одному способу толкованія и безусловное устраненіе всякаго иного, наконецъ, обращеніе предположеній въ догматы, нетребующіе повѣрки, недопускающіе опроверженій.

Едва ли въ мірѣ есть страна, гдѣ бы историки, описывая свое прошедшее, были совершенно изъяты отъ этого недостатка. Замѣчательно, однако, что чѣмъ народъ здоровѣе, чѣмъ болѣе имѣетъ права уповать на свое будущее, чѣмъ общество, которое онъ изъ себя образуетъ, прочнѣе и благоустроеннѣе, тѣмъ историки его способнѣе стать выше предразсудковъ и смотрѣть безпристрастнѣе и трезвѣе на прошедшее своего отечества. Напротивъ, тамъ, гдѣ нація переживаетъ времена упадка, разслабленія или глубокаго застоя, ея историки, чувствуя, что у ихъ народа нѣтъ того, чего бы имъ хотѣлось чтобъ онъ имѣлъ, не видя ничего или очень мало видя въ будущемъ, какъ бы для утѣшенія, уходятъ всѣмъ сердцемъ въ свое прошедшее, и обращаются съ нимъ самымъ несдержаннымъ и пристрастнымъ способомъ. У насъ, къ чести читающаго русскаго общества, критическое направленіе пользуется сочувствіемъ и уваженіемъ, хотя и не примѣнялось къ отечественной исторіи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ было бы то желательно. Правда, у насъ раздавались голоса, которые высказывали боязнь предъ свободными, безпристрастными сужденіями о нашемъ прошедшемъ, стояли

за утвердившіеся въ исторіи произвольные взгляды, считая ихъ необходимыми для патріотическихъ видовъ, и отыскивали заднія мысли и скрытыя враждебныя обществу или государству намѣренія въ сужденіяхъ тѣхъ, которые имѣли смѣлость посягать на предразсудки. Но такіе возгласы могутъ плѣнять только невѣждъ и никакъ не раздѣляются истинно-мыслящими людьми. Въ дѣлѣ науки только убѣжденія послѣднихъ могутъ служить мѣриломъ для опредѣленія общественныхъ настроеній. Великое историческое всегда останется великимъ, и никакой критическій анализъ не можетъ уничтожить или уронить его значенія, такъ точно, какъ мелкія изслѣдованія естествоиспытателей не могутъ разрушить поэтическаго обаянія, производимаго на насъ цѣлостностью явленій природы: онѣ, напротивъ, еще возвышаютъ это обаяніе, одухотворяя его смысломъ.

I.

Въ нашей отечественной исторіи эпоха смутнаго времени есть дѣйствительно великая эпоха. Держава наша разлагалась; народъ былъ на краю чужеземнаго покоренія—и однако послѣдовало спасеніе и избавленіе. Но лица, дѣйствовавшія въ эту славную и бѣдственную эпоху, облеклись сіяніемъ славы и воплотились для насъ въ такіе образы, которые, при строгомъ и трезвомъ изслѣдованіи, окажутся болѣе произведеніями нашего воображенія, чѣмъ историческаго изученія былой дѣйствительности. Это сдѣлалось тѣмъ легче, что о многихъ изъ нихъ недостаетъ такихъ подробностей, при помощи которыхъ можно было бы уяснить себѣ ихъ характеръ и опредѣлить дѣйствительное ихъ значеніе въ свое время.

Къ такимъ личностямъ принадлежитъ Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

По первому впечатлѣнію, эта личность представляется въ высшей степени поэтическою и привлекательною. Молодость князя Михаила Васильевича, его быстрое возвышеніе на общественномъ поприщѣ, важные успѣхи и ранняя смерть съ характеромъ трагической таинственности — все это придаетъ ему поэтическій оттѣнокъ; прибавимъ къ этому и то, что народъ съ любовью внесъ его имя въ свои пѣсни, а этой чести въ великорусскомъ народѣ достигали немногіе. Но какъ только мы приблизимся къ этой личности съ холоднымъ анализомъ, мимо всякаго поэтическаго увлеченія, предвзятыхъ понятій и заранѣе составленнаго образа—то встрѣтимъ лицо очень тусклое. Начнемъ

задавать себѣ вопросы и не будемъ знать, что̀ отвѣчать на нихъ. Прежде всего является вопросъ: что это была за натура? Пылкій ли юноша, увлекаемый жаждою подвиговъ и дѣятельности, у котораго энергія поступковъ зависѣла отъ сердечныхъ побужденій, или это холодный, разсудительный умъ, чуждый увлеченія, взвѣшивающій обстоятельства, осмотрительный, проницательный, всегда разсчетливый. Нѣкоторые признаки склоняютъ насъ видѣть въ немъ характеръ послѣдняго рода; во-первыхъ, намъ не представляются нигдѣ такія черты, которыя бы указывали на господство сердечныхъ побужденій; во-вторыхъ, — мы замѣчаемъ въ его дѣйствіяхъ хитрость, напр., онъ предъ Делагарди скрывалъ важность бѣдствій, посѣтившихъ Русь, а въ своихъ грамотахъ, разсылаемыхъ по Руси, преувеличивалъ свои успѣхи. Но такихъ чертъ слишкомъ мало, чтобъ мы были вправѣ сдѣлать какое-нибудь точное опредѣленіе о его характерѣ, тѣмъ болѣе, что вмѣстѣ съ тѣмъ представляется намъ важнымъ другой вопросъ, на который мы отвѣчать никакъ не въ состояніи: насколько этотъ человѣкъ дѣйствовалъ по собственной иниціативѣ или уразумѣнію, и насколько исполнялъ волю и совѣты другихъ? Въ повѣствованіяхъ о его дѣяніяхъ нѣтъ ни одного мѣста, гдѣ бы онъ явился съ свойственнымъ ему одному, отлично отъ другихъ, образомъ взглядовъ, чувствъ и пріемовъ, нѣтъ ни одного случая, гдѣ бы высказалась его индивидуальность. Мы также находимся въ невѣдѣніи относительно его нравственныхъ побужденій: руководствовался ли онъ безкорыстною любовью и преданностью дѣлу родины, или же онъ не былъ чуждъ честолюбивыхъ видовъ? Какъ относился онъ въ самомъ дѣлѣ къ намѣренію поставить его царемъ въ московскомъ государствѣ, что̀ могло совершиться только съ низложеніемъ царя Василія? Намъ это неизвѣстно. Когда Ляпуновъ заявилъ предъ нимъ желаніе рязанской земли избрать его царемъ, Скопинъ, хотя не потакалъ открыто такому предложенію, однако, не преслѣдовалъ Ляпунова, и даже, какъ говорятъ, не доложилъ объ его поступкѣ царю. Быть можетъ, онъ не принялъ предложенія, потому что не хотѣхъ допускать къ себѣ и мысли о низверженіи царя, а царю не сказалъ, не желая подвергать опасности Ляпунова, котораго считалъ человѣкомъ полезнымъ для отечества. А можетъ быть онъ радовался этому, но какъ умный человѣкъ понималъ, что рязанская земля не можетъ дѣлать того, что принадлежитъ Руси, и оставлялъ Ляпунова въ покоѣ, для того, чтобъ онъ привелъ дѣло къ тому, что подобное предположеніе послѣдуетъ отъ болѣе широкаго круга. Въ Москвѣ, куда онъ вступилъ побѣдителемъ, слышалось желаніе имѣть его царемъ, и кто

знаетъ: какъ бы онъ поступилъ, когда бы это желаніе высказалось рѣшительнымъ заявленіемъ массы! Смерть его остается неразгаданною. Конечно, онъ могъ умереть отъ внезапной болѣзни; но народная молва и увѣренность многихъ современниковъ, въ томъ числѣ шведскаго полководца Делагарди, приписывали ее отравленію. Обвиняли, какъ извѣстно, жену царскаго брата Димитрія. Если это обвиненіе справедливо, то мы все-таки не знаемъ, по какому поводу совершено злодѣяніе, участвовали ли въ немъ другіе члены царской фамиліи и самъ царь? Не было ли это плодомъ какой-нибудь личной злобы или, быть можетъ, это была вынужденная попытка крайняго самосохраненія въ виду готовности народа провозгласить Михаила царемъ, въ виду того, что новый царь могъ поступить съ прежнимъ царемъ и съ его близкими родичами такъ, какъ поступилъ въ Новгородѣ съ Татищевымъ? Событіе съ Татищевымъ въ жизни Скопина представляется чѣмъ-то страннымъ, набрасываетъ какъ-бы тѣнь на безупречность его поступковъ, но по неясности своей и неполнотѣ сообщаемыхъ извѣстій, все-таки не можетъ повести къ заключеніямъ о личности замѣчательнаго человѣка. Татищева, новгородскаго воеводу, обвинили въ намѣреніи передаться на сторону Тушинскаго вора и сдать Новгородъ. Скопинъ выдалъ его на растерзаніе, не подвергши, насколько извѣстно, обвиненіе изслѣдованію. Если въ этомъ обстоятельствѣ оправдать совершенно Скопина, то надобно допустить, что Татищевъ былъ дѣйствительно измѣнникъ. Однако, какъ-то странно допустить это въ такомъ человѣкѣ, который отличался самою яростною ненавистью ко всему иноземному, доходившею до тупого фанатизма, который отважился перечить названному Димитрію, когда все предъ послѣднимъ склонялось, и тѣмъ доказывалъ, что не принадлежалъ въ то время къ себялюбцамъ, готовымъ изъ своекорыстныхъ видовъ продавать себя всякой сторонѣ, который, кромѣ того, давно служилъ государству вѣрно и дѣятельно. Правда, мы все-таки не настолько знаемъ его, чтобы составить ясное понятіе о томъ, что онъ могъ и не могъ дѣлать при различныхъ обстоятельствахъ; но насколько онъ намъ извѣстенъ,—ничто не внушаетъ подозрѣнія въ способности его измѣнить отечеству для второго названнаго Димитрія, когда онъ былъ однимъ изъ главныхъ лицъ, уничтожившихъ перваго. Карамзинъ, описывая это происшествіе, спѣшитъ извинять Скопина молодостью и пылкостью; но мы, какъ уже выше сказали, не знаемъ изъ источниковъ ни одной черты, которая бы указывала на пылкость Скопина. Изъ описи имущества убитаго мы видимъ, что многія вещи взяты были безъ денегъ шуриномъ Скопина,

Головинымъ, а отчасти и самимъ Скопинымъ — быть можетъ и не для своей корысти, а съ цѣлью обратить на общее дѣло. Какъ бы то ни было — это темное событіе нельзя объяснить положительно ни въ хорошую, ни въ дурную сторону для Скопина.

II.

Къ такимъ же тусклымъ личностямъ принадлежитъ и князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій.

Его важное значеніе не подлежитъ сомнѣнію, но возникаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, на которые источники не представляютъ отвѣта. Мы не знаемъ: отъ чего Мининъ и бывшіе съ нимъ нижегородцы пригласили въ предводители собиравшагося противъ поляковъ ополченія его, Пожарскаго, а не кого-нибудь другого. Мы не видимъ, чтобъ князь Пожарскій прежде отличался какими-нибудь способностями и успѣхами. При Шуйскомъ онъ дѣйствовалъ въ рязанской землѣ, но заурядъ съ другими, и не совершилъ ничего необыкновеннаго. Участвуя въ нападеніи русскихъ на поляковъ, овладѣвшихъ Москвою въ 1611-мъ году, онъ былъ раненъ близъ церкви Введенія на Лубянкѣ, и, по выраженію лѣтописи, плакалъ о погибели царствующаго града. Все это были еще не такіе подвиги, которые давали бы русскимъ поводъ предпочесть его всѣмъ другимъ и поручить ему важнѣйшее дѣло — руководить спасеніемъ отечества. Въ этомъ случаѣ, мы находимъ себѣ удовлетвореніе въ одномъ: мы полагаемъ, что этотъ человѣкъ заслужилъ уваженіе за безупречность поведенія, за то, что не приставалъ, подобно многимъ, ни къ полякамъ, ни къ шведамъ, ни къ русскимъ ворамъ. Но если это обстоятельство, въ минуты перваго воодушевленія (впослѣдствіи русскіе не были строги къ тѣмъ изъ своихъ знатныхъ особъ, которые запятнали себя такими поступками), и способствовало выбору Пожарскаго, то едвали было единственною его причиною. Были лица не менѣе его безупречныя и болѣе его заявившія о своихъ способностяхъ: таковъ былъ хоть бы Ѳедоръ Шереметевъ; онъ же, сверхъ того, былъ близокъ къ Романовымъ, которыхъ и тогда любили и многіе уже хотѣли возвести на престолъ. Между Пожарскимъ и нижегородцами было что-то связывающее, что-то такое, чего мы не знаемъ; видно, что Пожарскій, для Минина и нижегородцевъ, былъ болѣе свой, чѣмъ всякой другой. Когда пріѣхалъ къ нему печерскій архимандритъ и дворянинъ Жданъ Болтинъ съ просьбою принять начальство надъ ополченіемъ, По-

жарскій согласился, но пожелалъ, чтобъ выборнымъ человѣкомъ отъ посадскихъ былъ Козьма Мининъ Сухорукъ. Мининъ хотѣлъ Пожарскаго; Пожарскій хотѣлъ Минина. Мы не знаемъ, откуда возникла эта взаимность.

Князь Пожарскій, послѣ своего избранія, сталъ очень высоко. Онъ писался «у ратныхъ и земскихъ дѣлъ по избранію всѣхъ чиновъ людей московскаго государства» и вмѣщалъ въ своей особѣ всю верховную власть надъ русскою землею. Великое, славное дѣло совершалъ русскій народъ подъ его начальствомъ. Но въ какой степени онъ самъ лично содѣйствовалъ этому дѣлу и насколько, въ качествѣ военачальника, давалъ ему ходъ? Это вопросъ, на который едвали кто дастъ удовлетворительный отвѣтъ при существующихъ данныхъ. Во все время своей новой дѣятельности, Пожарскій, насколько извѣстно намъ по источникамъ, не показалъ ничего, обличающаго умъ правителя и способности военачальника. Его не всѣ любили и не всѣ слушали. Онъ самъ сознавалъ за собою духовную скудость: «Былъ бы у насъ такой столпъ — говорилъ онъ — какъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ—всѣ бы его держались, а я къ такому великому дѣлу не придался мимо его; меня нынѣ къ этому дѣлу сильно приневолили бояре и вся земля». Въ продолженіе всей его дѣятельности въ званіи главноначальствующаго, мы видимъ поступки, которые современники считали ошибками, но мы не можемъ рѣшать: кого и насколько слѣдуетъ винить за нихъ.

Тогдашнее положеніе дѣлъ требовало, чтобъ русское ополченіе, какъ можно скорѣе, поспѣшало къ Москвѣ. Это было полезно для будущаго успѣха; медлить же было опасно. Ожидали прибытія короля съ свѣжими силами, а вмѣстѣ съ нимъ долженъ былъ пріѣхать и сынъ его Владиславъ, нареченный царь московскій. Разомъ съ матеріальнымъ усиленіемъ поляковъ могло возникнуть опять раздѣленіе между русскими; появленіе Владислава въ землѣ, избравшей его въ цари, образовало бы тотчасъ партію, такъ какъ его неприбытіе во́-время раздражило русскихъ и соединило ихъ противъ поляковъ. Надобно было предупредить эту опасность и поскорѣе отбить у враговъ столицу, которой святыня служила знаменемъ для земли русской. Освобожденіе Москвы подняло бы духъ народа; успѣхъ Пожарскаго привлекалъ бы къ нему массы, всегда ободряемыя успѣхомъ и падающія духомъ отъ неудачъ. Узнавши, что Москва болѣе не въ рукахъ непріятеля, русскіе отважнѣе и охотнѣе пошли бы на брань за отечество. Такъ смотрѣли на дѣло троицкія власти и безпрестанно торопили Пожарскаго. Увѣщатели за увѣщателями ѣздили въ Ярославль, заклиная Пожарскаго поскорѣе выступать

къ Москвѣ. Мало утѣшительнаго встрѣчали они тогда въ Ярославскомъ ополченіи: они видѣли около Пожарскаго и другихъ воеводъ—«мятежниковъ, ласкателей, трапезолюбцевъ, воздвизающихъ гнѣвъ и свары между воеводами и во всемъ воинствѣ». Изъ дошедшихъ до насъ письменныхъ извѣстій видно, что въ апрѣлѣ воеводы жаловались на недостаточность средствъ на плату войску, доставляемыхъ преимущественно съ сѣверо-востока. Видно по всему, Пожарскій и воеводы считали свои силы еще малыми и сверхъ того боялись казаковъ, съ которыми имъ приходилось дѣйствовать за-одно подъ Москвою. Но троицкія власти, конечно, лучше знавшія тогдашнія обстоятельства, чѣмъ можемъ знать ихъ мы черезъ двѣсти шестьдесятъ лѣтъ, считали возможнымъ походъ къ Москвѣ. Если у Пожарскаго, быть можетъ, и не такъ много было войска, чтобъ одолѣть многочисленнаго непріятеля, то, кажется, его было достаточно, чтобы помѣряться съ такими силами, какія онъ засталъ бы въ Москвѣ. По крайней мѣрѣ, намъ извѣстно, что, стоя въ Ярославлѣ, онъ отправлялъ отряды подъ Москву. Такъ, напр., въ половинѣ іюля пришелъ туда отрядъ подъ начальствомъ Михайла Симеоновича Дмитріева. Если была возможность посылать подъ Москву войско частями, то едвали было невозможнымъ двинуться туда и самому Пожарскому со всѣми остальными силами. Мы узнаемъ, что Пожарскій разсылалъ отряды по сторонамъ—къ Бѣлоозеру, на Двину, слѣдовательно, не боялся уменьшить своего войска. Походъ его подъ Москву не помѣшалъ бы приставать къ нему свѣжимъ ополченіямъ; они приходили бы туда также удобно, какъ и въ Ярославль, а нѣкоторымъ это было даже подручнѣе. Мы встрѣчаемъ извѣстія, что въ то время, какъ Пожарскій стоялъ въ Ярославлѣ, иныя ополченія прямо проходили къ Москвѣ и потомъ посылали къ Пожарскому въ Ярославль, умоляя его скорѣе идти къ столицѣ. Что касается до казаковъ, стоявшихъ подъ Москвою, то хотя они издавна смотрѣли недружелюбно на земскихъ людей, однако, тремя-двумя мѣсяцами ранѣе прихода Пожарскаго къ столицѣ, ихъ отношенія къ земскимъ людямъ не могли быть враждебнѣе и опаснѣе того, какъ были впослѣдствіи. Главный врагъ Пожарскаго Заруцкій былъ не силенъ; Трубецкой давно уже готовъ былъ отстать отъ него, и если мирволилъ ему, то потому только, что не имѣлъ другой опоры, кромѣ казаковъ; съ появленіемъ подъ Москвою ратныхъ земскихъ людей Заруцкій до того увидѣлъ свое положеніе ненадежнымъ, что долженъ былъ бѣжать, а это случилось недѣль за пять до прибытія Пожарскаго подъ Москву. Относительно скудости средствъ, имѣя свѣдѣнія о недостаткѣ ихъ въ апрѣлѣ,

мы не знаемъ: насколько онѣ увеличились въ послѣдующее время. Но не можемъ не привести слѣдующихъ соображеній: во-первыхъ, жалобы на недостатокъ денегъ и припасовъ (вспоможеніе въ станъ Пожарскаго доставлялось не только деньгами, но и натурою) слышались въ апрѣлѣ, — время года крайне неудобное для сообщенія, но положеніе дѣлъ этого рода должно было улучшиться уже въ маѣ; во-вторыхъ,—вполнѣ вѣря, что русскіе терпѣли недостатокъ, неизбѣжный при обнищаніи края, мы, однако, не видимъ, чтобы ополченіе умалялось, напротивъ увеличивалось до того, что была возможность посылать изъ него отряды по сторонамъ, отвлекая отъ главной цѣли: ясно, что оно не разошлось бы, еслибъ военачальникъ перевелъ его изъ-подъ Ярославля подъ Москву. Доставка жизненныхъ припасовъ и вообще сообщеніе войска съ восточными областями было удобнѣе въ Ярославлѣ, чѣмъ въ Москвѣ, но, во всякомъ случаѣ, цѣль похода была Москва, а не Ярославль. Изъ-подъ Москвы затруднительнѣе было сообщеніе, а тѣмъ самымъ и доставка средствъ прокормленія; но вѣдь стояли подъ Москвою казаки и какъ-нибудь существовали; приходили туда ранѣе Пожарскаго земскія ополченія, и также не перемерли съ голода. Для насъ, незнакомыхъ съ подробностями тогдашнихъ условій въ этомъ отношеніи, все-таки важенъ авторитетъ троицкихъ властей, которыя не считали безусловно невозможнымъ переходъ ополченія изъ Ярославля къ Москвѣ, когда такъ сильно торопили Пожарскаго.

Русскіе всего удобнѣе могли явиться подъ столицею въ іюнѣ. Въ маѣ Гонсѣвскаго смѣнилъ Струсь; а литовскій гетманъ Ходкѣвичъ, появившись подъ столицею въ послѣднихъ числахъ мая, нуждаясь въ продовольствіи, тотчасъ же сталъ подъ Крайцаревомъ и распустилъ свое войско на фуражировку. Такъ какъ окрестности были опустошены, то жолнеры уходили отрядами далеко въ новгородскую область. У гарнизона, оставшагося въ Кремлѣ, при первомъ полномъ перерывѣ сношеній съ внѣшностію, средствъ было бы еще меньше, чѣмъ въ сентябрѣ и октябрѣ, когда русскіе держали его въ осадѣ: тогда литовское войско, несмотря на потерю своего обоза, все-таки успѣло пропустить въ Кремль нѣсколько десятковъ возовъ съ запасами, а это продлило упорство гарнизона. Лѣтомъ его принудить къ сдачѣ было легче. Но предположимъ, что Пожарскому не удалось бы этого сдѣлать, прежде чѣмъ Ходкѣвичъ успѣлъ бы собрать свое распущенное войско и поспѣшить на выручку осажденнымъ. И въ такомъ случаѣ русскіе остались бы съ выгодою, пришедши подъ Москву ранѣе: литовское войско должно было

собраться наскоро, не успѣвъ набрать съ собою того, что впослѣдствіи привозило; оно бы лишено было продовольствія, не могло бы снабдить имъ осажденныхъ въ Кремлѣ; и притомъ, оно было слишкомъ деморализовано: Ходкѣвичъ не могъ бы выдерживать долгое время битвъ съ русскими; если, впослѣдствіи, онъ появился съ огромнымъ количествомъ запасовъ и, потерявъ ихъ, долженъ былъ бѣжать, то, явившись безъ этихъ запасовъ, убѣжалъ бы также скоро. Пожарскій не могъ не знать положенія враждебныхъ силъ подъ Москвою, потому что и троицкія власти и вѣстовщики изъ-подъ Москвы ему объ этомъ сообщали. Напротивъ, какъ мы уже показали, медлить подъ Ярославлемъ цѣлое лѣто, какъ сдѣлалъ Пожарскій, значило подвергать и себя и все русское дѣло возможности большихъ затрудненій и опасностей. Правда, на счастье Руси не случилось того, чего такъ боялись троицкія власти и чего такъ желали засѣвшіе въ московскомъ Кремлѣ враги; но этого не случилось никакъ не по усмотрѣнію русскаго военачальника: послѣдній не могъ предвидѣть и разсчитать напередъ, что король съ свѣжимъ войскомъ не придетъ къ Москвѣ ранѣе конца года; Пожарскій не могъ знать о несостоятельности короля Сигизмунда, когда и поляки, сидѣвшіе въ Кремлѣ, и Ходкѣвичъ съ своими литвинами, надѣялись, что онъ пріѣдетъ и поправитъ свое дѣло въ Московскомъ государствѣ. Ближайшая цѣль Ходкѣвича состояла въ томъ, чтобъ какъ можно болѣе привезти гарнизону запасовъ, чтобы гарнизонъ могъ продержаться въ Москвѣ до прибытія короля; ближайшая цѣль Пожарскаго должна была состоять въ томъ, чтобъ недопустить Ходкѣвича исполнить свое намѣреніе, а гарнизонъ принудить какъ можно скорѣе къ сдачѣ и, до ожидаемаго появленія короля, удержать столицу въ своихъ рукахъ.

Несмотря на неоднократное увѣщаніе троицкихъ властей, Пожарскій, даже рѣшившись выступить изъ Ярославля, шелъ къ Москвѣ чрезвычайно медленно, сворачивалъ съ дороги, ѣздилъ въ Суздаль кланяться гробамъ своихъ отцовъ, а между тѣмъ не только троицкія власти, но и ратные земскіе люди, которые прежде него пришли къ Москвѣ, умоляли его идти скорѣе. Ходкѣвичъ въ это время успѣлъ окончить свое дѣло, набрать запасовъ въ достаточномъ количествѣ, собрать свое распущенное на фуражировку войско и благополучно приблизиться къ столицѣ. Пожарскій прибылъ къ ней въ одно время съ Ходкѣвичемъ.

Столкновеніе съ Ходкѣвичемъ, однако, окончилось благопріятно для русскихъ. У Ходкѣвича отняли возы съ продовольствіемъ. Этимъ были погублены всѣ плоды его лѣтнихъ операцій. Не-

доставивши гарнизону запасовъ, кромѣ небольшого количества, не имѣя ничего для прокормленія своего войска, Ходкѣвичъ долженъ былъ поневолѣ удалиться, тѣмъ болѣе, что его буйное и голодное жолнерство угрожало бунтомъ. Отбой возовъ съ запасами было самое крупное и важнѣйшее дѣло русскихъ. Но его совершили, главнымъ образомъ, казаки, находившіеся подъ начальствомъ князя Трубецкого, а не Пожарскій. Послѣ ухода Ходкѣвича, русскіе осаждали поляковъ въ Кремлѣ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ. Ужасный голодъ, доходившій до того, что жолнеры пожирали другъ друга, принудилъ ихъ къ сдачѣ. Надобно безпристрастно сказать, что, въ этомъ случаѣ, ошибки поляковъ и, главное, неприсылка помощи въ свое время порѣшили дѣло въ пользу русскихъ. Да и вообще поляки, съ которыми тогда боролась Русь, вели себя до такой степени безсмысленно, такъ мало у нихъ было согласія, искусства, сознанія цѣли, и напротивъ, все у нихъ происходило такъ некстати, не во время, что они были страшны для Руси только потому, что ея политическій составъ былъ въ совершенномъ разстройствѣ и внутреннія общественныя связи порвались отъ долгихъ безпорядковъ. При малѣйшемъ водвореніи порядка и согласія, поляковъ не трудно было прогнать. Мы не думаемъ однако считать вообще Польшу неопасною для Московской Руси. Стоило только сосредоточить наличныя силы Польши, дававшія ей перевѣсъ предъ Московскимъ государствомъ уже по превосходству образованности, стоило явиться въ Польшѣ уму, который бы съумѣлъ воспользоваться ими кстати—Русь была бы подавлена. Называя поляковъ слабыми врагами, мы имѣемъ въ виду только тѣ условія, въ которыхъ находилась Польша въ 1612-мъ году. Сигизмунду не давали денегъ на войну; въ Польшѣ если и хвастали тѣмъ, что побили москвитянъ, но вовсе не охотно смотрѣли на успѣхи Сигизмунда, считая усиленіе могущества короля опаснымъ для шляхетской свободы. Война съ Московскимъ государствомъ была вовсе не популярна въ тогдашнемъ шляхетскомъ обществѣ, уже терявшемъ прежній духъ предпріимчивости, удальства, отваги, и создававшемъ себѣ другой идеалъ—веселаго, лѣниваго довольства рабовладѣльческой республики. Воевавшія у насъ польскія войска состояли изъ наемниковъ, безъ чувства долга по отношенію къ отечеству, руководимыхъ только страстью къ грабежу и веселому военному буйству, которое въ тотъ вѣкъ плѣняло молодежь, особенно ту, которая приходила въ бѣдность и крайность отъ развратной жизни. Кварцяное войско состояло не изъ однихъ поляковъ; напротивъ, въ томъ, которое находилось тогда въ Москвѣ, было болѣе нѣмцевъ, чѣмъ поляковъ. Всегда несогласные между собою,

алчные, корыстолюбивые, эти наемные воины подъ-часъ были храбры и стойки, но не терпѣли дисциплины и, при малѣйшемъ неудовлетвореніи своихъ желаній, бунтовали, а какъ польское правительство очень часто отличалось неисправностію въ уплатѣ жалованья, то такіе бунты были дѣломъ обычнымъ; и, какъ извѣстно, по окончаніи московской войны, эти наемники стали разорять Польшу почти также, какъ прежде разоряли Московское государство. Въ добавокъ военачальники, польскіе паны, постоянно были не въ ладахъ другъ съ другомъ. Ходкѣвичъ былъ соперникъ Якуба Потоцкаго, а чрезъ него ненавидѣлъ и племянника его Струся, начальствовавшаго кремлевскимъ гарнизономъ; говорили, что Ходкѣвичъ безъ сожалѣнія, даже съ тайнымъ удовольствіемъ, оставилъ Струся на произволъ судьбы. Такого рода военныя силы не могли выдержать борьбы съ единодушнымъ возстаніемъ народа.

Въ дѣлѣ побѣды, одержанной подъ Москвою, Пожарскій почти не показалъ своей личности, по крайней мѣрѣ, насколько сообщаютъ намъ источники. Но можетъ быть они укажутъ намъ, какъ много онъ сдѣлалъ для другой спасительной цѣли—для устроенія Руси, для соединенія русскихъ силъ воедино? Быть можетъ, не будучи особенно великимъ полководцемъ, онъ былъ великимъ гражданиномъ и государственнымъ человѣкомъ? Къ сожалѣнію, тогдашніе источники и въ этомъ отношеніи не сообщаютъ намъ ничего. Мы знаемъ только, что, подъ его предводительствомъ, происходили ссоры, несогласія и онъ долго не могъ съ ними сладить. Прямо возводить на него вину мы не имѣемъ права, потому что ничего объ этомъ не дошло до насъ, кромѣ общихъ мѣстъ, возбуждающихъ вопросы, на которые мы не въ состояніи дать отвѣты. Быть можетъ, въ этотъ періодъ Пожарскій оказалъ какія-нибудь важныя услуги отечеству, но мы объ нихъ не знаемъ, а чего мы не знаемъ, о томъ не въ силахъ разсуждать и дѣлать какія-либо заключенія.

Со взятіемъ Москвы оканчивается первостепенная роль Пожарскаго. Съ этого времени до самаго избранія въ цари Михаила Ѳедоровича онъ уже не стоитъ на челѣ безгосударной Руси. Въ грамотахъ пишется въ началѣ не его имя, какъ дѣлалось прежде, а имя князя Дмитрія Тимоѳеевича Трубецкого; имя Пожарскаго стоитъ вторымъ, въ товарищахъ. Оттого ли такъ сталось, что Трубецкой былъ бояринъ, хотя пожалованный въ этотъ санъ Тушинскимъ воромъ; оттого ли, что родъ Трубецкого былъ знатнѣе рода Пожарскаго, красуясь цѣлымъ рядомъ государственныхъ людей; оттого ли, что самъ князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой стоялъ непоколебимо подъ Москвою съ марта

1611-го г. и воевалъ противъ поляковъ, а князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій прибылъ незадолго предъ тѣмъ; оттого ли, наконецъ, что побѣду надъ Ходкѣвичемъ Трубецкой, начальствовавшій казаками, приписывалъ себѣ? Быть можетъ, всѣ эти условія вмѣстѣ поставили имя князя Трубецкого выше имени князя Пожарскаго. Мы подлинно не знаемъ, какъ относился къ дѣлу избранія въ цари Михаила Ѳедоровича человѣкъ, котораго судьба выдвинула впередъ, поставила на короткое время во главѣ русской земли. Онъ не былъ въ числѣ пословъ, ѣздившихъ къ царю Михаилу Ѳедоровичу съ просьбою отъ земскаго собора принять царскій вѣнецъ. Ни во время прибытія царя въ столицу, ни во время его вѣнчанія Пожарскій не выказалъ себя ничѣмъ.

Новый царь возвелъ его изъ стольниковъ въ бояре, но замѣчательно, что существеннѣйшія награды, состоявшія въ вотчинахъ, Пожарскій получилъ главнымъ образомъ уже послѣ, по возвращеніи Филарета, тогда какъ Трубецкой былъ награжденъ гораздо раньше и гораздо щедрѣе Пожарскаго.

Князь Дмитрій Тимоѳеевичъ Трубецкой получилъ богатѣйшую область Вагу, которая нѣкогда составляла источникъ богатствъ и матеріальной силы Бориса Годунова. Грамота на владѣніе этою областью дана была ему еще до царскаго избранія земскимъ соборомъ, и Пожарскій былъ въ числѣ подписавшихъ ее. Въ ней, между прочимъ, выставляется важнѣйшею заслугою князя Дмитрія Тимоѳеевича — отбитіе возовъ съ запасами у Ходкѣвича, и притомъ объ этомъ событіи не упоминается о князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ, тогда какъ, при исчисленіи другихъ дѣлъ Трубецкого, совершенныхъ послѣ прибытія подъ Москву Пожарскаго, говорится и о послѣднемъ, но всегда какъ о второмъ лицѣ, ниже Трубецкого. Во все царствованіе Михаила Ѳедоровича мы не видимъ Пожарскаго ни особенно близкимъ къ царю совѣтникомъ, ни съ особенно важными государственными порученіями, ни главнымъ военачальникомъ: онъ исправляетъ болѣе второстепенныя порученія. Въ 1614-мъ году онъ воюетъ съ Лисовскимъ и скоро оставляетъ службу по болѣзни. Въ 1618-мъ году мы встрѣчаемъ его въ Боровскѣ противъ Владислава; онъ здѣсь не главное лицо; онъ пропускаетъ враговъ, не дѣлаетъ ничего выходящаго изъ ряда, хотя и не совершаетъ ничего такого, чтобы ему слѣдовало поставить особенно въ вину. Въ 1621-мъ г. мы видимъ его управляющимъ разбойнымъ приказомъ. Въ 1628-мъ г. онъ назначенъ былъ воеводою въ Новгородъ, но въ 1631-мъ смѣнилъ его тамъ князь Сулешевъ; въ 1635-мъ году завѣдывалъ суднымъ приказомъ, въ 1638-мъ году былъ воеводою въ Переяславлѣ-Рязанскомъ, и въ слѣдующемъ году былъ смѣненъ княземъ Рѣпнинымъ. Въ

остальное время мы встрѣчаемъ его большею частію въ Москвѣ. Онъ былъ приглашаемъ къ царскому столу въ числѣ другихъ бояръ, но нельзя сказать, чтобъ очень часто: проходили мѣсяцы, когда имя его не упоминается въ числѣ приглашенныхъ, хотя онъ находился въ Москвѣ. Въ отвѣтахъ съ послами онъ былъ рѣдко—не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всегда только въ товарищахъ. Мы видимъ въ немъ знатнаго человѣка, но не изъ первыхъ, не изъ вліятельныхъ между знатными. Уже въ 1614-мъ г., по поводу мѣстничества съ Борисомъ Салтыковымъ царь, «говоря съ бояры, велѣлъ боярина князя Дмитрея Пожарскаго вывесть въ городъ и велѣлъ его князь Дмитрея за безчестье боярина Бориса Салтыкова выдать Борису головою». Какъ ни сильны были обычаи мѣстничества, но все-таки изъ этого видно, что царь не считалъ за Пожарскимъ особыхъ великихъ заслугъ отечеству, которыя бы выводили его изъ ряда другихъ. Въ свое время не считали его, подобно тому, какъ считаютъ въ наше время, главнымъ героемъ, освободителемъ и спасителемъ Руси. Въ глазахъ современниковъ это былъ человѣкъ «честный» въ томъ смыслѣ, какой это прилагательное имѣло въ то время, но одинъ изъ многихъ честныхъ. Никто не замѣтилъ и не передалъ года его кончины; только потому, что съ осени 1641-го г. имя Пожарскаго перестало являться въ дворцовыхъ разрядахъ, можно заключить, что около этого времени его не стало на свѣтѣ. Такимъ образомъ, держась строго источниковъ, мы должны представить себѣ Пожарскаго совсѣмъ не такимъ лицомъ, какимъ мы привыкли представлять его себѣ; мы и не замѣчали, что образъ его созданъ нашимъ воображеніемъ по скудости источниковъ... Это не болѣе, какъ неясная тѣнь, подобная множеству другихъ тѣней, въ видѣ которыхъ наши источники передали потомству историческихъ дѣятелей прошлаго времени [1]).

---

[1]) При такой неясности образа человѣка, безспорно, нѣкоторое время поставленнаго на челѣ народа, конечно было-бы драгоцѣнно всякое новое свидѣтельство современниковъ, касающееся его біографіи. И вотъ въ прошломъ 1870-мъ г. въ I книгѣ чтеній Императорскаго московскаго общества исторіи и древностей мы съ жадностію бросились на статью подъ названіемъ: «Слѣдственное дѣло о князѣ Дмитріѣ Михайловичѣ Пожарскомъ во время бытности его воеводою во Псковѣ». Въ предисловіи къ этому дѣлу, написанномъ дѣйствительнымъ членомъ общества П. Ивановымъ сказано: «Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, посланный въ 7136-мъ (1628) воеводою во Псковъ, былъ обвиненъ, вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ княземъ Даніиломъ Гагаринымъ, во время своего управленія, въ разныхъ злоупотребленіяхъ власти. Почему въ 7139-мъ наряжено было надъ нимъ особое слѣдствіе. Слѣдователями назначены были новые воеводы: князь Никита Михайловичъ Мезецкій и Пименъ Матвѣевичъ Юшковъ; при нихъ для дѣлопроизводства находился дьякъ Евстафій Кувшинниковъ. Слѣдствіе продолжалось цѣлые восемь мѣсяцевъ (съ декабря по іюль включительно). Въ продолженіи

III.

Нѣсколько яснѣе представляется намъ образъ другого знаменитаго дѣятеля конца смутной эпохи, неразлучнаго въ нашей исторіи съ Пожарскимъ—Козьмы Минича Сухорукаго, извѣстнаго подъ

этого времени городскіе и пригородные жители всѣхъ сословій, духовенство, служилые люди, посадскіе и крестьяне собираемы были для показаній въ съѣзжую избу».

Изъ напечатаннаго дѣла оказывается, что князя Дмитрія Пожарскаго обвиняли въ разныхъ злоупотребленіяхъ, совершенныхъ во время его двухлѣтняго воеводствованія во Псковѣ, которыя сводятся, главнымъ образомъ, къ тремъ видамъ преступленій: къ обращенію въ свою пользу казеннаго интереса, къ составленію лживыхъ актовъ (записываніе лицъ, обращенныхъ въ своихъ холопей, на имя другихъ) и къ притѣсненіямъ посадскихъ и волостныхъ людей, находившихся подъ его управленіемъ.

Относительно первыхъ двухъ видовъ преступленій спрошенныя лица не показали ничего обвинительнаго. Не то оказалось по поводу третьяго вида—притѣсненія подчиненныхъ. Правда, духовные и служилые люди не показали и здѣсь ничего, но городскія сотни (исключая одной, отозвавшейся невѣдѣніемъ) показали, что оба воеводы, Пожарскій и Гагаринъ, наносили имъ большія притѣсненія и оскорбленія, какъ-то: заставляли извозчиковъ возить свои поклажи безъ денегъ, брали у рыбныхъ ловцовъ даромъ для себя рыбу, брали у купцовъ даромъ товары изъ лавокъ, брали взятки съ тѣхъ, которыхъ отпускали изо Пскова для торговли, заставляли работать на себя разныхъ ремесленниковъ, зазывали къ себѣ на обѣдъ посадскихъ и брали съ нихъ за то по полтинѣ или по рублю, а съ иныхъ и болѣе. Тѣхъ посадскихъ, которые не хотѣли исполнять такихъ несправедливыхъ приказаній, воеводскіе люди били и сажали въ тюрьму. Кромѣ того, воеводы притѣсняли и подгородныхъ крестьянъ.

Написавшій предисловіе къ этому «слѣдственному дѣлу» г. дѣйствительный членъ П. Ивановъ силится доказать, что Пожарскаго слѣдуетъ извинить тѣмъ, что вѣдь тогда допускалось кормленіе и пр. При томъ-же, замѣчаетъ г. Ивановъ, «слѣдствіе надъ Пожарскимъ и его товарищемъ осталось безъ послѣдствій и Пожарскій сохранилъ до смерти расположеніе государя и переведенный изъ Пскова немедленно получилъ въ управленіе помѣстный приказъ». Хлопоты г. Иванова по защитѣ «освободителя нашего отечества отъ поляковъ», пропали даромъ. Дмитрій Михайловичъ Пожарскій не былъ тогда воеводою во Псковѣ и не получалъ въ управленіе помѣстнаго приказа. Прежде чѣмъ составлять предисловіе и заглавіе къ дѣлу съ именемъ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, надобно было заглянуть въ первый и второй томы дворцовыхъ разрядовъ; тамъ на стр. 1030, I тома, стоитъ слѣдующее: «тогожъ года (7136) августа въ 21 день указалъ государь быть въ Великомъ Новѣградѣ боярину и воеводамъ князь Дмитрію Михайловичу Пожарскому да Моисею Ѳедорову сыну Глѣбову»; а на стр. 87-й, 2-го тома, напечатано слѣдующее: «Тогожъ года (7137) годовали бояре въ Новѣгородѣ бояринъ и воеводы князь Дмитрей Михайловичъ Пожарскій, да Моисей Ѳедоровъ сынъ Глѣбовъ, да дьяки: Григорей Волковъ да Рохманинъ Болдыревъ. Во Псковѣ князь *Дмитрей Петровичъ Лопата-Пожарскій*, да князь Данило княжъ Григорьевъ», и. т. д.

Итакъ, несомнѣнно, что князь Дмитрей Пожарскій, надъ которымъ производилось слѣдствіе, былъ не князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, а князь Дмитрій Петровичъ Пожарскій-Лопата, также участвовавшій нѣкогда въ ополченіи противъ поляковъ, вмѣстѣ съ Дмитріемъ Михайловичемъ Пожарскимъ и ранѣе послѣдняго прибывшій подъ Москву съ своимъ отрядомъ. Самое слѣдственное дѣло, изданное въ «Чтеніяхъ», очень любопытно, какъ по многимъ чертамъ нравовъ и быта, такъ и потому, что оно доставляетъ матеріалъ для описанія города Пскова и его состоянія въ XVII-мъ вѣкѣ.

сокращеннымъ прозвищемъ Минина (по общеупотребительному у великоруссовъ способу называть людей по отчеству — Ивановъ, Петровъ, Лукинъ, Силинъ и т. п.). Благодаря нѣкоторымъ, хотя короткимъ и отрывочнымъ, но рѣзкимъ и характернымъ признакамъ, мы можемъ, хотя приблизительное, отчасти, составить себѣ представленіе объ этой личности, какъ о живомъ человѣкѣ. Намъ прежде всего помогаетъ извѣстіе о томъ, какъ, во время перваго собранія нижегородцевъ, по случаю чтенія грамоты, присланной троицкимъ архимандритомъ Діонисіемъ, Мининъ заявилъ народу, что ему были видѣнія, являлся св. Сергій. «Не было тебѣ никакого видѣнія»! сказалъ соперникъ его Биркинъ, какъ-бы холодною водою окатившій восторженное заявленіе Козьмы Минича.—«Молчи»! сказалъ ему Козьма Миничъ и тихо пригрозилъ объявить православнымъ то, что̀ зналъ за Биркинымъ; и Биркинъ долженъ былъ замолчать.

Достовѣрность этого сказанія съ перваго взгляда не безъ основанія можно подвергнуть сомнѣнію. Если Мининъ произнесъ свои слова Биркину тихо, то кто же слышалъ ихъ и какимъ образомъ онѣ сдѣлались извѣстными и попали въ историческій источникъ? Но съ другой стороны, разсмотрѣвши обстоятельства дѣла, мы должны будемъ признать, что это было возможно. Биркинъ заявилъ свое сомнѣніе въ справедливости чудесныхъ видѣній Минина гласно; всѣ это слышали; но вслѣдъ затѣмъ послѣ короткаго тихаго изреченія, сказаннаго ему Мининомъ, можетъ быть даже послѣ одного слова, сопровождаемаго взглядомъ, который Биркинъ долженъ былъ понять, это сомнѣніе уже не раздавалось. Знавшіе—кто такой Биркинъ, или считавшіе его человѣкомъ съ предосудительными поступками, сейчасъ поняли, въ чемъ тутъ дѣло; наконецъ, и самъ Мининъ своимъ пріятелямъ могъ впослѣдствіи сказать, что заставилъ Биркина замолчать. Остается необъяснимымъ одно—почему Мининъ не обличилъ Биркина тогда же, если зналъ за нимъ дурное? Но тутъ могло быть нѣсколько причинъ и соображеній, одинаково вѣроятныхъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ необходимости отрицать фактическую вѣрность этого извѣстія, тѣмъ болѣе, что и выдумывать его не было причины и повода. Оно не служило ни къ пользѣ, ни ко вреду Минина. Тотъ, кто сообщилъ о сомнѣніи Биркина и о тайномъ замѣчаніи, сдѣланномъ ему Мининымъ, не заподозрѣвалъ, чрезъ то, добросовѣстности заявленій Минина о видѣнныхъ имъ знаменіяхъ. Весь складъ этого сказанія показываетъ, что оно составлено во время, близкое къ описываемымъ событіямъ. Мы видимъ въ Козьмѣ Миничѣ человѣка тонкаго и хитраго, сознававшаго, что онъ по

уму стоитъ выше той толпы, на которую вознамѣрился дѣйствовать. Онъ избралъ вѣрный путь овладѣть этою толпою: надобно было ухватиться за ея благочестивое легковѣріе, надобно было показать себя человѣкомъ, осѣненнымъ благодатію религіозныхъ видѣній, навести на слушателей обаяніе чудесности, и, такимъ образомъ, внушить уваженіе къ своимъ рѣчамъ и совѣтамъ и заставить покоряться своей волѣ. Такъ поступалъ когда-то іерей Сильвестръ съ немногоумнымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ, и Курбскій оправдывалъ его примѣромъ тѣхъ родителей, которые приказываютъ стращать дѣтей вымышленными пугалами. Умные люди стараго времени не считали безнравственнымъ дѣломъ подъ-часъ обманывать людей чудесами для хорошей цѣли. Такъ поступилъ и Мининъ съ цѣлію двинуть и повести народъ на великое и благое дѣло спасенія земли русской. Не онъ былъ первый. Чудесныя видѣнія были тогда въ большомъ ходу, несмотря на то, что о вымышленности нѣкоторыхъ тогда же узнавали. Измученный народъ уже не довѣрялъ человѣческимъ силамъ, ожидалъ помощи только свыше и не сталъ бы слушать никакого умнаго совѣта и увѣщанія, если не видѣлъ на немъ печати чудесности. Минину, для успѣха, непремѣнно было нужно начать съ того, съ чего онъ началъ. Мининъ, какъ видно, хорошо и въ разныхъ видахъ понималъ человѣческую природу, и сообразно этому взвѣшивалъ шаги свои. Онъ зналъ, что значитъ расположеніе толпы: она увлечется его рѣчами, повѣритъ его видѣніямъ, слѣпо отдастся ему на волю и послѣдуетъ за нимъ; но потомъ, когда почувствуетъ неизбѣжную тяжесть отъ его руководства, тогда, по наущенію какого-нибудь Биркина, отстанетъ отъ него, измѣнитъ общему дѣлу. Нижегородцы просили его быть надъ ними старшимъ человѣкомъ, но Мининъ сообразилъ, что слѣдуетъ поставить ихъ въ большую необходимость избрать его старшимъ и повиноваться ему. Онъ сначала предложилъ въ предводители будущей ратной силы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго; мы думаемъ, что Мининъ уже прежде сносился съ нимъ, по крайней мѣрѣ несомнѣнно зналъ его близко. Пожарскій, какъ извѣстно, соглашаясь принять начальство, заявилъ о необходимости избрать выборнаго человѣка для сбора казны и прямо указалъ на Минина. Тогда нижегородцы, избравъ Пожарскаго, естественно не только расположены были, но уже должны были выбрать того, кого желалъ приглашаемый военачальникъ. Принялись просить Минина, Мининъ отказывался для того, чтобъ его болѣе просили и тѣмъ болѣе предоставили ему власти; наконецъ, онъ согласился не иначе, какъ выговоривши себѣ крѣпкую диктатуру.

Кому не извѣстны много разъ повторенныя въ разныхъ книгахъ слова, произнесенныя Мининымъ при первомъ возбужденіи нижегородцевъ: «животы, дворы наши продадимъ, женъ и дѣтей въ кабалу отдадимъ». Нѣкоторые считали эти слова однимъ риторствомъ. Намъ кажется, эти слова имѣли дѣйствительный, буквальный и притомъ тяжелый смыслъ; онѣ объясняются тѣмъ, что̀ высказалъ Мининъ послѣ того, какъ Пожарскій согласился принять начальство надъ предполагаемымъ ополченіемъ, а Мининъ былъ избранъ выборнымъ человѣкомъ. Онъ потребовалъ рукоприкладства въ томъ, чтобы слушаться во всемъ его и князя Пожарскаго, ни въ чемъ не противиться, давать деньги на жалованье ратнымъ людямъ, а если денегъ не будетъ, то силою брать животы и продавать, даже женъ и дѣтей закладывать.

Здѣсь открывается намъ еще новая сторона характера Минина. Это былъ человѣкъ съ крѣпкою волею, крутого нрава, человѣкъ въ полномъ значеніи слова практичный,—одинъ изъ тѣхъ типовъ политическихъ дѣятелей, которые избираютъ самый ближайшій и легчайшій путь, ведущій къ цѣли, не останавливаясь ни передъ какими бы то ни было тягостями и бѣдствіями, могущими отъ этого возникнуть для другихъ, не заботясь о томъ, что̀ произойдетъ послѣ, лишь бы скорѣе была достигнута намѣченная цѣль. Выгнать поляковъ—то была цѣль; для нея необходимо было войско, а на войско необходимы были деньги. Если онѣ у кого были, то развѣ у богатыхъ купцовъ и вообще посадскихъ; но въ тѣ времена, какъ намъ извѣстно, люди, копившіе деньги, скрывали ихъ, прятали въ землѣ, а сами ходили и жили черно, показывая видъ, что у нихъ нѣтъ богатства, — иначе либо власти отнимутъ, либо воры и разбойники похитятъ; въ смутное время подавно денежнымъ людямъ надобно было такъ поступать. Но какъ вытянуть денегъ отъ такихъ людей, чтобы потомъ пустить въ оборотъ для общаго дѣла? Добровольно они не отдадутъ, а насильно взять нельзя, потому что онѣ у нихъ зарыты гдѣ-нибудь въ землѣ. Раздражать богачей было безполезно, да притомъ и самъ Мининъ, очевидно, принадлежалъ къ ихъ средѣ; онъ былъ «говядарь» —гуртовщикъ, продавецъ скота, а этотъ промыселъ отбывался людьми зажиточными. Мининъ обложилъ всѣхъ пятою деньгою (по нѣкоторымъ даже третьею), т.-е. пятою (или третьею) частью состоянія; но этого было мало, потому что ему, конечно, не удалось бы взять отъ богачей положенной части: богачи, безъ крайней нужды, не покажутъ сколько у нихъ есть того, о чемъ, кромѣ ихъ, никто не знаетъ; самопожертвованіе могло

быть удѣломъ только немногихъ, въ родѣ той вдовы, которая своею искренностію, по выраженію источниковъ, всѣхъ въ страхъ вложила; но у большинства человѣческая природа должна была брать верхъ. И вотъ Мининъ, для пріобрѣтенія денегъ, пустилъ въ торгъ бѣдняковъ: за неимѣніемъ у нихъ денегъ, оцѣнивали и продавали ихъ имущества и отдавали ихъ семьи и ихъ самихъ въ кабалу. Кто же могъ покупать дворы и животы, кто могъ брать людей въ кабалу? Конечно, богатые люди. Этимъ путемъ можно было вытянуть отъ нихъ спрятанныя деньги. Само собою разумѣется, имущества и люди шли за безцѣнокъ, потому что въ деньгахъ была нужда, а выставленнаго товара было много. Конечно, нужно было, чтобъ покупать и брать въ кабалу было для богачей очень выгодно; только тогда они рѣшатся пустить въ обращеніе свои деньги. Такая мѣра влекла за собою зловредныя послѣдствія; изгнавши чужеземныхъ враговъ, Русь должна была накатить на себя внутреннее зло—порабощеніе и угнетеніе бѣдныхъ, отданныхъ во власть богатымъ. У насъ подъ руками нѣтъ достаточнаго количества матеріаловъ, которые бы разъяснили намъ основательно, насколько эта мѣра въ свое время принялась и какъ отразилась на народной жизни въ послѣдующія времена; но извѣстія о множествѣ бѣглыхъ кабальныхъ людей въ царствованіе царя Михаила Ѳедоровича и о тѣснотѣ, которую въ посадахъ бѣдные люди терпѣли отъ «мужиковъ-горлановъ», должны состоять въ связи съ тѣми средствами, къ которымъ прибѣгалъ Мининъ для составленія ратныхъ и веденія войны. Вообще рука этого выборнаго человѣка была тяжела: онъ не жаловалъ ни поповъ, ни монастырей, хотя, какъ завѣрялъ, ему и являлись святые. Круты и жестоки были мѣры Козьмы Минина, но неизбѣжны: время было черезъ-чуръ крутое и ужасное; нужно было спасать существованіе народа и державы на грядущія времена.

Если бы мы позволили себѣ дѣлать заключеніе объ отсутствіи того въ дѣйствительности, чего отсутствіе находимъ въ источникахъ, то, не видя за Пожарскимъ никакихъ признаковъ, возвышающихъ его личность надъ уровнемъ дюжинныхъ личностей, мы пришли бы къ такому заключенію, что Мининъ умышленно пригласилъ предводителемъ малоспособнаго князя, чтобы удобнѣе было самому безусловно всѣмъ распоряжаться, тѣмъ болѣе, что этотъ говядарь, нѣсколько прежде ознакомившись съ военнымъ дѣломъ, показывалъ способности военнаго человѣка. Подъ Москвою, въ то самое рѣшительное время, когда казаки покушались отбивать непріятельскій обозъ на Замоскворѣчьи, Мининъ смекнулъ, что надобно побезпокоить литовское войско съ

другой стороны и развлекать непріятельскія силы; онъ выпросилъ у Пожарскаго небольшой отрядъ, пригласилъ съ собою передавшагося поляка Хмѣлевскаго, ударилъ на непріятельскія роты у крымскаго двора и сбилъ ихъ, содѣйствуя, такимъ образомъ, главному дѣлу, совершаемому казаками. Подъ Москвою, въ битвѣ, Мининъ выказалъ себя болѣе Пожарскаго. Но признавать несомнѣннымъ фактомъ предположеніе о такого рода побужденіяхъ Минина въ избраніи Пожарскаго, при всей его вѣроятности, мы считаемъ несообразнымъ съ осторожностію, необходимою при составленіи историческихъ выводовъ.

Уже указанныхъ нами чертъ достаточно, чтобы признать въ Мининѣ человѣка большого ума и крѣпкой воли, человѣка необыкновеннаго. Но этимъ почти и ограничиваются наши свѣдѣнія объ этомъ человѣкѣ. Недавно намъ досталось любопытное свѣдѣніе, касающееся біографіи Минина. За Волгою, противъ Нижняго, въ нынѣшнемъ Семеновскомъ уѣздѣ, былъ монастырь Толоконцовскій (теперь тамъ село Толоконцево), построенный при великомъ князѣ Василіѣ Ивановичѣ бортниками. Монастырь былъ самостоятеленъ и получилъ отъ царя Ивана Васильевича жалованную грамоту. Но позже, при царѣ Өедорѣ Ивановичѣ, игуменъ этого монастыря Калликстъ «проворовался и пропилъ всю монастырскую казну и всѣ грамоты и документы отдалъ печерскому монастырю». Съ тѣхъ поръ печерскій монастырь противозаконно завладѣлъ толоконцевскимъ. Въ смутное время толоконцевскіе бортники жаловались на такое неправое завладѣніе въ приказъ Большого дворца Борису Михайловичу Салтыкову да Ивану Болотникову. Февраля 22-го 1612-го, посланъ былъ произвести обыскъ нѣкто Антонъ Рыбушкинъ. По обыску оказалось, что толоконцевцы были вполнѣ правы; монастырь былъ государево строенье, а не печерскаго монастыря, но нижегородскіе посадскіе старосты Андрей Марковъ и Кузьма Мининъ Сухорукъ «норовя Өеодосію, архимандриту печерскому, по дружбѣ и посуламъ, опять отдали толконцевскій монастырь печерскому». При Михаилѣ Өедоровичѣ бортники жаловались снова. Если вѣрить этому документу, то Мининъ, какъ русскій человѣкъ того времени, не изъятъ былъ отъ пороковъ кривосудія и посуловзимательства [1]). Кромѣ этого извѣстія, мы не знаемъ ничего о его прежней, ни о его послѣдующей жизни, не знаемъ, какъ онъ относился къ медленности Пожарскаго, на которую жаловались троицкія власти, неизвѣстны намъ способы обращенія его съ

---

[1]) За сообщеніе этого свѣдѣнія приношу благодарность Павлу Ивановичу Мельникову.

казною, которая была ему ввѣрена,—хотя толоконцевское дѣло подаетъ намъ намекъ на то, каковъ долженъ былъ быть этотъ способъ; множество вопросовъ готовы явиться къ намъ на глаза и на нихъ мы не въ состояніи отвѣчать. Мы все-таки не можемъ возсоздать себѣ вполнѣ яснаго, выпуклаго образа этого замѣчательнаго человѣка.

IV.

Скажемъ еще о четвертой личности, мимоходомъ промелькнувшей при самомъ окончаніи смутной эпохи—объ Иванѣ Сусанинѣ. Мы уже изложили свое мнѣніе на счетъ этой личности въ статьѣ, напечатанной въ І-мъ томѣ историческихъ монографій и, сверхъ того, въ качествѣ дополненія къ означенной статьѣ въ примѣчаніи, напечатанномъ въ 3-мъ томѣ сочиненія «Смутное время Московскаго государства—Московское разоренье» [1]. Мы бы не воротились къ этому предмету, еслибы не появлялись въ изданіяхъ, спеціально посвященныхъ русской исторіи, статьи, изъявляющія притязаніе на открытіе новыхъ, до сихъ поръ неизвѣстныхъ въ наукѣ источниковъ. Во 2-й книжкѣ Русскаго Архива текущаго 1871-го года, г. Владиміръ Дорогобужиновъ рыцарски возстаетъ на насъ за Ивана Сусанина, возмущаясь «покушеніемъ отнять у народа кровную заслугу его» и требуетъ оставить ему и другимъ «вѣру въ Сусанина». Если бы шло дѣло объ одной «вѣрѣ», то и возражать было бы неумѣстно. Отчегожъ не вѣрить, если отъ этого тепло и пріятно? Но когда собственную вѣру выдаютъ намъ за правду о Сусанинѣ и когда, по этому, приводятъ новые факты въ качествѣ историческихъ, то мы считаемъ обязанностію подвергнуть ихъ критикѣ и сообразить: можно ли, въ самомъ дѣлѣ, признать ихъ достовѣрность.

Г. Дорогобужиновъ сообщаетъ записку протоіерея села Домнина Успенской церкви Алексѣя Домнинскаго. Въ ней сообщаются слѣдующія «народныя преданія», послужившія источниками для составленія разсказа о Сусанинѣ, приложеннаго подъ названіемъ: «Записка или сводъ преданій».

1) Въ село Домнино пріѣзжали паны съ собаками погубить царя Михаила Ѳеодоровича (къ этому сдѣлано примѣчаніе: пріѣзжали не на саняхъ и не въ телѣгахъ, а на лошадяхъ верхомъ, съ собаками такими, кои по обонянію могутъ отыскивать слѣдъ человѣческій).

[1]) См. также «Вѣстн. Евр.», 1867, сент. 36 стр.

2) Царь Михаилъ Ѳедоровичъ спасся отъ пановъ на дворѣ подъ яслями коровьими.

3) Крестьянинъ Иванъ Сусанинъ былъ старостой въ господскомъ домѣ лѣтъ тридцать (протоіерей прибавляетъ къ этому отъ себя: что Сусанинъ былъ старостою, это полагаю справедливо, потому что первоначально о семъ слышалъ я отъ престарѣлаго села Станкова священника, который родился и былъ воспитанъ въ домѣ своего дѣда, домнинскаго священника Матвѣя Степанова, а сей былъ внукъ домнинскому же священнику Фотію Евсевьеву, самовидцу описываемаго событія. Онъ въ жалованной грамотѣ значится дьячкомъ и наименованъ Фторомъ. Это я знаю потому, что отъ того же родоначальника происхожу и имѣю на то документы. Домнинскіе старые крестьяне тоже говорили, что Сусанинъ былъ старостою).

4) Паны его мучили и кроили изъ спины ремни, чтобы онъ сказалъ имъ про царя Михаила Ѳедоровича, но онъ ихъ обманулъ и провелъ лѣсами и оврагами на Чистое Болото къ селу Исупову.

5) Тамъ его изрубили непріятели на мелкія части.

6) Царь Михаилъ Ѳедоровичъ самъ складывалъ въ гробъ изрубленныя части.

7) Сусанинъ погребенъ подъ церковію и туда каждаго дня ходили въ старину пѣть панихиды.

8) Дочь Сусанина Степанида каждогодно ѣздила въ гор. Москву въ гости (протоіерей замѣчаетъ, что, вмѣсто Антониды, молва ошибочно называетъ ее Степанидою).

9) Крестьянамъ тогда житье было самое хорошое.

10) Мать царя Михаила Ѳедоровича наказывала молвитинскимъ крестьянамъ не обижать ея крестьянъ.

11) Ахъ, матушка наша была Оксинья Ивановна!

12) Царя Михаила Ѳедоровича провожали крестьяне изъ Домнина въ обозѣ съ сѣномъ (изъ опасенія—замѣчаетъ отецъ протоіерей—чтобы на дорогѣ не случилось такой же смертной опасности, какъ и въ Домнинѣ).

13) Много припасено было Сусанинымъ про царя Михаила Ѳедоровича ямъ, т.-е. тайныхъ мѣстъ въ землѣ.

14) Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ закрытъ былъ отъ пановъ въ сгорѣвшемъ овинѣ (здѣсь от. протоіерей присовокупляетъ: «должно быть и у зятя Сусанина въ деревнѣ Деревнищѣ приготовлено было мѣсто въ землѣ для укрывательства отъ набѣговъ непріятельскихъ. Въ исторіи о Костромѣ князя Козловскаго (1840 г., стр. 157) напечатано: «Въ одной древней рукописи, находящейся у издателя «Отечественныхъ Записокъ», сказа-

но, что Сусанинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнище и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами, а по моему, за два дня передъ тѣмъ сгорѣлъ овинъ не случайно, а нарочно зажженъ; увезъ въ свою деревню Деревнище; по моему, Сусанинъ, явившійся къ великой старицѣ, вскорѣ по прибытіи ея изъ Москвы въ Кострому, съ отчетами вотчинными, нашедъ ее въ смертельномъ страхѣ, по случаю прибывшихъ въ Кострому поляковъ и узнавши всѣ ея тѣсныя обстоятельства, самъ выпросилъ Михаила Өедоровича къ себѣ въ Домнино съ клятвою сохранить его во что бы то ни стало, а привезя въ Домнино, наказалъ зятю своему перевезть его, когда откроется удобный случай, изъ Домнина въ Деревнище. «За два дни сгорѣвшаго предъ тѣмъ»—это, кажется, означаетъ, что Сусанинъ привезъ Михаила Өедоровича только за два дня до прибытія поляковъ и при томъ такъ скрытно, что никто про него не зналъ, кромѣ зятя и дочери.

15) Сусанинъ, по прибытіи пановъ въ Домнино, угощалъ ихъ хлѣбомъ-солью.

16) Сверхъ того недавно слышалъ я отъ одного старика слѣдующій разсказъ. Хотѣли-было убить царя Михаила Өедоровича паны и гнались за нимъ отъ Москвы до Костромы: «тамъ, сказали ему, никто, кромѣ Ивана Сусанина тебя спасти не можетъ». И пріѣхали-было паны въ село Домнино съ собаками, спрашивали Сусанина про царя Михаила Өедоровича, мучили его и кроили изъ спины ремни; но онъ имъ не сказалъ про него и увезъ въ лѣсъ, да въ овраги, а оттуда на Чистое Болото; тамъ бросился-было онъ черезъ рѣку, но враги схватили его и изрубили на мелкія части.

Народныя преданія, переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, подвергаясь вліянію фантазіи и случайнымъ передѣлкамъ вслѣдствіе запамятованія, сами по себѣ есть такой источникъ, который болѣе важенъ для опредѣленія народнаго воззрѣнія на событія, чѣмъ для узнанія фактической правды. Въ послѣднемъ отношеніи ими можно пользоваться только съ самою крайнею осторожностію.

Какимъ путемъ переходили выше приведенныя извѣстія о Сусанинѣ, которыя названы народными преданіями?

Тотъ же о. протоіерей «неизлишнимъ дѣломъ считаетъ сказать, что крестьяне села Домнина всѣ суть недавніе жильцы онаго; они всѣ переселились въ него изъ разныхъ селеній послѣ перехода монастырскихъ имѣній въ государственное вѣдомство, а прежде сего перехода въ селѣ Домнинѣ крестьянъ не было; за то священники въ немъ были тутошніе всѣ урожден-

цы и притомъ съ незапамятныхъ временъ отъ одного рода, а потому неудивительно, что сіи преданія перешли отъ нихъ къ крестьянамъ. Родитель мой (говоритъ о. протоіерей въ выноскѣ) и его предмѣстникъ происходили отъ двухъ братьевъ, священствовавшихъ въ Домнинѣ около 1700 г., Матѳея и Василья Стефановыхъ, изъ коихъ первый Матѳей первому (родителю автора) былъ прадѣдъ, а второй Василій предмѣстнику родителя автора былъ дѣдъ; а оныхъ священниковъ дѣдъ, тоже домнинскій священникъ, Фотій Евсевьевъ былъ самовидцемъ описываемаго событія».

Значитъ — крестьяне села Домнина въ своихъ народныхъ преданіяхъ повторяютъ только то, что̀ слышали, какъ думаетъ о. протоіерей, отъ священниковъ, которые всѣ происходили отъ одного рода.

Мы не въ состояніи повѣрить генеалогіи и послѣдовательности священниковъ села Домнина, но вѣримъ на слово о. протоіерею, тѣмъ болѣе, что вѣримъ и въ его добросовѣстность: происходя изъ того же рода, изъ котораго перешли въ народъ преданія, онъ однако ничего не получилъ отъ членовъ своего рода относительно Сусанина и его подвиговъ, кромѣ того что слыхалъ отъ двоюроднаго дѣда своего, что Сусанинъ былъ вотчиннымъ старостою. И болѣе ничего. Самъ г. Дорогобужиновъ говоритъ: «родитель (отца протоіерея) относился довольно безучастно къ подвигу Сусанина; спросили у него крестьяне—онъ разсказалъ имъ что зналъ; не спрашивалъ сынъ смолоду, пока живъ былъ отецъ — послѣдній не счелъ и нужнымъ по собственному побужденію говорить ему объ этомъ». Еслибъ нынѣшній отецъ протоіерей былъ менѣе добросовѣстенъ,—ему ничего бы не стоило сказать: такъ я слыхалъ отъ отца и дѣда — и дѣлу конецъ. Тутъ было бы фамильное преданіе, но онъ этого не говоритъ; онъ передаетъ только то, что слыхалъ въ качествѣ народныхъ пересказовъ, и только полагаетъ, что послѣдніе перешли къ крестьянамъ отъ священниковъ. Но странно! если у священниковъ села Домнина было такъ мало интереса къ памяти Сусанина, что сынъ не слыхалъ объ немъ подробностей отъ отца, то какъ могли быть счастливѣе и любознательнѣе въ этомъ отношеніи крестьяне? Если только преемственность священническаго сана въ селѣ Домнинѣ, оставаясь въ одномъ родѣ, что-нибудь да значила для сусанинской исторіи, то разсказы объ ней должны были переходить отъ отцовъ къ дѣтямъ; мы же, напротивъ, встрѣчаемъ то многознаменательное обстоятельство, что одинъ изъ членовъ этого рода, желая сказать что-нибудь о Сусанинѣ, долженъ ловить разсказы крестьянъ и по-

чти ничего не въ силахъ вынести изъ своей фамильной сокровищницы. Кто же поручится, что и прежніе священники села Домнина передавали своимъ потомкамъ болѣе свѣдѣній о Сусанинѣ, чѣмъ могъ получить отъ своихъ родныхъ почтенный отецъ протоіерей Алексѣй? Если же сомнительно, чтобы преданія о Сусанинѣ въ одномъ и томъ же родѣ переходили отъ старшихъ членовъ рода къ младшимъ, то сомнительно, чтобъ онѣ и сохранились въ этомъ родѣ. Самъ г. Дорогобужиновъ, выставивъ, какъ оружіе противъ насъ, возможность преемственнаго сохраненія преданій о Сусанинѣ въ родѣ, изъ котораго лица были священниками въ с. Домнинѣ, очень добросовѣстно поражаетъ тѣмъ же оружіемъ себя самого. Онъ говоритъ: «глядя на современныхъ намъ стариковъ изъ духовенства по деревнямъ, легко представить себѣ, какъ узко кругозоромъ и бѣдно научными интересами должно было быть развитіе заурядныхъ сельскихъ священниковъ въ концѣ минувшаго столѣтія». При такомъ положеніи, всего вѣроятнѣе, что если въ селѣ Домнинѣ и священнодѣйствовали лица изъ одного рода одинъ вслѣдъ за другимъ, съ самаго Михаила Ѳедоровича, то все-таки, будучи «бѣдны научными интересами» и поэтому мало находя интереса въ историческихъ вопросахъ, не могли не утратить воспоминанія о старинѣ, которой свидѣтелями были ихъ предки: слѣдовательно, уже по той причинѣ, какую привелъ г. Дорогобужиновъ, едва-ли у нихъ могло сохраниться преданіе о Сусанинѣ. Притомъ самъ отецъ протоіерей Алексѣй очень неясно представляетъ намъ свѣдѣнія объ источникахъ преданій, слышанныхъ имъ отъ крестьянъ. Онъ сообщаетъ, что эти преданія извѣстны ему *большею частью* отъ крестьянъ села Домнина, «наипаче же такихъ, кои близко были расположены къ его родителю (утопленному раскольниками еще въ 1814-мъ г.) и къ его предмѣстнику». Слова—*большею частью*, *наипаче* показываютъ, что отецъ Алексѣй не всѣ преданія слышалъ отъ тѣхъ, которые были близки къ его родителю и его предмѣстнику: если такъ, то, слѣдовательно, не всѣ эти преданія могли исходить изъ архива фамильныхъ воспоминаній священническаго рода, и хотя отецъ Алексѣй полагаетъ, что эти преданія перешли къ крестьянамъ отъ лицъ того рода, къ которому онъ самъ принадлежалъ, но это не болѣе какъ предположеніе, тѣмъ болѣе, что добросовѣстный отецъ Алексѣй хотя и замѣтилъ, что многіе, говорившіе съ нимъ объ Сусанинѣ, были близки къ его родителю и его предмѣстнику, однако, не увѣряетъ насъ положительно, что они отъ послѣднихъ слышали то, что разсказывали.

Читатели ясно могутъ видѣть, что источникъ преданій очень

мутенъ и неясенъ. Разсмотримъ самыя преданія по ихъ содержанію.

Отецъ протоіерей, говоря, что всѣ крестьяне села Домнина недавніе жильцы, и прежде сего въ селѣ Домнинѣ крестьянъ не было, объясняетъ, что и при Сусанинѣ въ селѣ Домнинѣ не было крестьянъ. Г. Дорогобужиновъ, ухватившись за это, говоритъ: «вотъ и отвѣтъ на слова г. Костомарова: если поляки пришли въ село Домнино, гдѣ находился въ то время царь, то ужъ конечно нашли въ этомъ селѣ не одного Сусанина, который былъ притомъ житель не самаго села, но выселка. Въ такомъ случаѣ они пытали бы и мучили не одно лицо, а многихъ». Отчего же не допустить—замѣчаетъ г. Дорогобужиновъ,—что, въ моментъ подвига, Домнино было не село съ десятками или сотнями жильцовъ, а просто помѣщичья усадьба, приказанная одному крестьянину Сусанину»? Но развѣ была возможность, чтобы въ помѣщичьей усадьбѣ тогдашняго знатнаго боярина былъ всего-на-всего одинъ человѣкъ, и чтобы при этомъ тамъ находился самъ бояринъ, да еще какой бояринъ, — тотъ, кого избирали въ цари! Это утверждать было бы до крайности нелѣпо, и вотъ думаютъ замазать эту нелѣпость другою. Въ запискѣ или сводѣ преданій, составленномъ отцомъ Алексѣемъ, разсказывается, что Михаилъ Ѳедоровичъ былъ въ Костромѣ (гдѣ ему и подобало быть по исторіи); вдругъ — «враги царства русскаго» прибыли въ предмѣстье Костромы, и въ это время явился Сусанинъ; управитель-староста домнинской вотчины и сказалъ Марѳѣ Ивановнѣ: «Отдай мнѣ Михаила Ѳедоровича, я сохраню его для святой Россіи» и пр. Михаилъ Ѳедоровичъ, съ согласія матери, въ крестьянской одеждѣ, выѣхалъ изъ города и прибылъ въ Домнино ночью же, безъ всякой огласки. Здѣсь онъ тотчасъ скрылся на дворѣ въ подземномъ тайникѣ и закрытъ былъ коровьими яслями, а Сусанинъ каждый разъ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера уходилъ въ лѣсъ рубить дрова. Мы не знаемъ,—*преданіе* ли это, или это, какъ и вѣроятно, комментаріи отца Алексѣя на преданія (въ числѣ преданій это не помѣщено), во всякомъ случаѣ измыслить такой историческій романъ могли только люди, глубоко невѣжественные въ исторіи. Сообразно ли съ бытомъ и обычаями времени, чтобъ отъ опасности бѣжали изъ города въ необитаемую усадьбу, тогда какъ наоборотъ, заслышавши о приближеніи враговъ, люди изъ селъ и деревень бѣжали въ города? Сообразно ли съ здравымъ смысломъ, чтобы мать юноши, кандидата въ цари, отпустила его съ однимъ крестьяниномъ Богъ знаетъ куда? И когда это было, и какіе это были враги? Въ «Запискѣ или сводѣ преданій»

говорится, что это происходило послѣ того какъ «въ Москвѣ» всѣ чины соединились въ одну думу: быть царемъ Михаилу Ѳедоровичу Романову, вѣсть сія о предназначеніи Михаила Ѳедоровича на царство скоро донеслась въ непріятельскую армію; не опуская изъ вида главной цѣли: покорить Россію польской державѣ, тамъ, въ воинскомъ совѣтѣ, положили послать отрядъ смѣлыхъ охотниковъ въ Кострому для погубленія Михаила Ѳедоровича, и эти «извѣстія какъ о назначеніи Михаила Ѳедоровича на царство, такъ и о посланныхъ польскихъ злодѣяхъ для погубленія его, дошли до Мареы Ивановны въ то самое время, когда враги царства русскаго прибыли уже въ предмѣстье Костромы и чрезъ своихъ доброхотовъ изыскивали средства къ исполненію своего намѣренія». Но послѣ избранія Михаила (22 февр.) до прибытія пословъ въ Кострому (10 марта) никакъ не могла дойти вѣсть въ Польшу (а непріятельской арміи въ Россіи не было); не могли, вслѣдствіе этого, послать въ Кострому отрядъ смѣлыхъ охотниковъ, и смѣлые охотники не могли дойти до Костромы; наконецъ, намъ достовѣрно извѣстно, что Мареа Ивановна получила вѣсть объ избраніи сына чрезъ пословъ, прибывшихъ въ Кострому съ значительнымъ отрядомъ, который былъ въ состояніи защищать новоизбраннаго царя удобнѣе, чѣмъ крестьянинъ Сусанинъ. Еслибъ все это было въ самомъ дѣлѣ народное преданіе (въ чемъ мы сомнѣваемся), то оно не имѣло бы никакой фактической достовѣрности, а если это комментарій, то онъ показываетъ столько же невѣжество, сколько большую несообразительность его составителей.

Въ такъ-называемыхъ «народныхъ преданіяхъ», мы видимъ четыре признака подобныхъ, но не тождественныхъ, явно относящихся къ одному и тому же главному моменту и взаимно себя уничтожающихъ. № 2-й народныхъ преданій (см. выше) говоритъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ спасся отъ пановъ на дворѣ подъ яслями коровьими; № 12-й говоритъ, что царя Михаила Ѳедоровича провожали крестьяне изъ Домнина, въ обозѣ съ сѣномъ; № 13-й говоритъ о тайныхъ ямахъ, вырытыхъ Сусанинымъ въ землѣ заранѣе про царя Михаила Ѳедоровича; № 14-й говоритъ, что царь Михаилъ Ѳедоровичъ былъ закрытъ отъ пановъ въ овинѣ. Отецъ Алексѣй въ своемъ сводѣ преданій прибѣгнулъ къ способу, крайне несостоятельному съ точки исторической критики. Онъ сближаетъ два изъ признаковъ въ одинъ моментъ — коровьи ясли и ямы, а остальные прикидываетъ къ различнымъ, вымышленнымъ для этой цѣли, событіямъ; между тѣмъ для всякаго, кто будетъ смотрѣть на это безпристрастно, безъ заранѣе предвзятой вѣры, слишкомъ ясно, что все это не болѣе,

какъ видоизмѣненія одного и того же представленія, котораго смыслъ состоитъ въ томъ, что царь Михаилъ Θедоровичъ, по приближеніи враговъ, куда-то спрятался; затѣмъ уже та и другая фантазія, по своему вкусу, сочиняла для этого и коровьи ясли, и обозъ съ сѣномъ, и ямы, и овины. Такіе варіанты — самое обыкновенное и почти неизбѣжное явленіе въ народныхъ пересказахъ. Простодушный составитель свода преданій, напередъ задавшись слѣпою вѣрою въ несомнѣнную достовѣрность того, что говорятъ ему преданія, заботится только о томъ, чтобъ каждому признаку отвести приличное мѣсто; но историческая критика не можетъ удовлетворяться такимъ произволомъ. Это, въ нѣкоторомъ родѣ, напоминаетъ особенности древней римской исторіи, гдѣ подобные составители сводовъ преданій создавали различныя событія, похожія одно на другое, однако наука, разработавшая римскую исторію въ лицѣ Нибура и его ученыхъ преемниковъ, не иначе понимала подобныя сказанія, имѣвшія видъ различныхъ событій, какъ видоизмѣненія однихъ и тѣхъ же первоначальныхъ представленій.

Несообразность съ истиной народныхъ преданій о Сусанинѣ, съ которыми насъ знакомятъ во 2-й кн. «Русскаго Архива» текущаго года, — видна во всемъ. «Паны мучили Сусанина и кроили у него съ спины ремни, чтобъ онъ имъ сказалъ про царя Михаила Θедоровича, но онъ ихъ обманулъ и провелъ лѣсами и оврагами на Чистое Болото къ селу Исупову». Есть ли какая-нибудь физическая возможность человѣку, съ котораго кроили ремни, ходить нѣсколько верстъ! Статочное ли дѣло, чтобы въ боярской усадьбѣ не было, какъ толкуютъ, живой души, кромѣ Сусанина? Если бы Сусанинъ былъ такъ близокъ къ царю Михаилу Θедоровичу, возможное ли дѣло, чтобъ царь только чрезъ восемь лѣтъ наградилъ семью его и притомъ такимъ скуднымъ образомъ? А каждогодныя поѣздки дочери Сусанина въ Москву въ гости? Къ кому она ѣздила въ гости? Къ царю? Здѣсь черезъ-чуръ видно крестьянски-патріархальное представленіе объ условіяхъ жизни! Обратимъ, наконецъ, вниманіе на то, что «Сусанинъ погребенъ подъ церковью и туда каждаго дня ходили въ старину пѣть панихиды». Если такъ, то, значитъ, подъ церковью былъ погребъ. Дѣйствительно, о. протоіерей говоритъ: «Съ южной стороны подъ придѣлъ Успенія Божіей Матери построенъ былъ входъ, дверь коего отъ долговременности такъ была угружена въ землю, что, при сломкѣ, церкви видѣнъ былъ только верхній косякъ. Преданіе же говоритъ, что туда подъ церковь ходили пѣть панихиды». И въ самомъ дѣлѣ, послѣ разборки церкви, подъ придѣломъ Успенія Божіей Матери, въ томъ же 1831-мъ году,

при взрытіи могилы для умершаго младенца, въ глубинѣ земли открытъ былъ гробъ, и въ немъ остатки мужескаго тѣла: «черепъ и волосы были цѣлы, а въ изголовьѣ была найдена фарфоровая чашка съ яркими на выпуклости цвѣтами. Думать должно, что тѣло сіе было похоронено у самой церковной стѣны, при распространеніи же церкви закрыто было придѣломъ Успенія Божіей Матери. На всемъ пространствѣ, какое занимала церковь своимъ зданіемъ, кромѣ означенной, ни одной могилы не открыто». Отецъ протоіерей не говоритъ намъ прямо, что это Сусанинъ, но оставляетъ читателямъ самимъ догадаться. «Что касается могилы, найденной мною въ 1831-мъ году—замѣчаетъ онъ — то совершенно не лгу, и сохрани меня Боже лгать при концѣ жизни на истину, хотя на историческую». Но если это Сусанинъ, то какъ попала въ гробъ его чайная чашка? Въ то время не только у крестьянъ — у бояръ не было такого рода вещей, да и не было въ нихъ нужды! Очевидно, могила—времени болѣе позднѣйшаго. Замѣтимъ, что если надъ могилою Сусанина служили панихиды, а потомъ перестали, то это значитъ, что и воспоминанія о немъ исчезли у священниковъ.

Нельзя не поблагодарить отца Алексѣя за сообщеніе публикѣ этихъ преданій. Повторимъ, что нимало не сомнѣваемся въ его добросовѣстности не только относительно преданій, но и относительно составленной имъ записки или свода преданій. Вѣря имъ вполнѣ, онъ сшивалъ ихъ произвольно, починялъ заплатами собственнаго измышленія, и поступалъ добросовѣстно: не его вина, что онъ не умѣлъ иначе относиться къ этимъ матеріаламъ и обращаться съ ними; не его вина, что распространить короткія и отрывочныя сказанія силою своего воображенія для него не значило «лгать на истину, хотя на историческую».

Но какого рода эти преданія: древнія ли они или сравнительно позднѣйшаго изобрѣтенія, и могутъ ли они въ какой бы то ни было степени указывать на дѣйствительно-совершавшіеся факты?

Г. Дорогобужиновъ сильно хочетъ опровергнуть высказанное въ статьѣ «Иванъ Сусанинъ», напечатанной въ 1-мъ томѣ Историческихъ Монографій и Изслѣдованій, мнѣніе о томъ, что книжные вымыслы могли распространяться въ народѣ. Но онъ не точно говоритъ, будто въ этой статьѣ вообще «преданіе о Сусанинѣ», если оно есть въ народѣ, непремѣнно признается пришедшимъ изъ книгъ, разобранныхъ, по отношенію къ Сусанину, въ этой статьѣ. Не о преданіи вообще тамъ говорилось, а о преданіи о томъ образѣ, въ какомъ излагалась въ книгахъ исторія Сусанина.

Преданія, сообщенныя о. протоіереемъ, отличны отъ этой исторіи и не заимствованы цѣликомъ прямо изъ тѣхъ книгъ, о которыхъ шла рѣчь; но и это не упрочиваетъ однако за ними древности, не освобождаетъ ихъ отъ вліянія книжности на ихъ составленіе и еще болѣе — не даетъ имъ никакого права занять мѣсто между источниками русской исторіи. За происхожденіемъ ихъ нѣтъ ни признаковъ, ни доводовъ древности; они не истекаютъ изъ архива фамильныхъ преданій священствовавшаго рода; иначе отцу протоіерею нечего бы упираться на нихъ: ему достаточно было привесть то, что онъ слыхалъ не отъ крестьянъ, а отъ своихъ родныхъ; да наконецъ мы думаемъ, что еслибы преданія о Сусанинѣ интересовали членовъ священствовавшаго рода, то ранѣе отца Алексѣя нашелся бы кто-нибудь изъ этого рода, который записалъ бы то, что зналъ, если не для себя, то для другихъ. Незаимствовавши этихъ преданій изъ фамильныхъ родовыхъ воспоминаній, крестьяне села Домнина не получили ихъ въ качествѣ мѣстныхъ воспоминаній отъ своихъ предковъ; самъ же о. Алексѣй полагаетъ, что они, какъ люди недавніе, могли слышать объ этомъ только отъ священниковъ.

Жители окрестностей Костромы естественно должны знать имя Сусанина. Во-первыхъ — существуютъ крестьяне, пользующіеся льготами за подвигъ Сусанина; во-вторыхъ, въ Костромѣ есть памятникъ съ барельефными изображеніями событія въ томъ видѣ, въ какомъ его разсказывали книжники. Конечно, очень многіе изъ окрестностей бывали въ Костромѣ и видали этотъ памятникъ, слыхали что̀ такое онъ означаетъ и для чего поставленъ, а тѣмъ самымъ знакомились, хотя въ основныхъ чертахъ, съ исторіей Сусанина. Всякій, учившійся на Руси исторіи, навѣрно знаетъ о Сусанинѣ, а въ Костромѣ, гдѣ съ его именемъ соединяется мѣстный интересъ, вѣроятно, знаетъ объ немъ всякій грамотный; отъ грамотныхъ узнаютъ и неграмотные.... тутъ не нужно никакого Макферсона, какъ говоритъ г. Дорогобужиновъ. Проникая въ сельскій народъ, эта исторія естественно облеклась въ образъ преданія и видоизмѣнилась, сообразно крестьянскимъ представленіямъ: ясно, что ясли, обозъ съ сѣномъ, овинъ, собираніе собственными руками царя частей тѣла, поѣздки Степаниды въ Москву въ гости — все это измышленія крестьянской фантазіи, при неизбѣжномъ вліяніи крестьянскаго кругозора.

Итакъ, послѣ напечатанной въ 2-й кн. «Р. Архива» статьи «Правда о Сусанинѣ», мы знаемъ объ этомъ лицѣ не больше того, сколько прежде знали, а именно: что въ 1619-мъ году, Богданъ Сабининъ получилъ отъ царя Михаила Ѳедоровича

обѣльную грамоту за своего тестя Ивана Сусанина, котораго польскіе и литовскіе люди пытали, желая довѣдаться отъ него, гдѣ находился царь Михаилъ Ѳедоровичъ и, не допросившись, замучили до смерти [1]). Затѣмъ всякія подробности, выдуманныя и, какъ оказывается, до сихъ поръ выдумываемыя, слѣдуетъ выбросить изъ исторіи, — подобно тому, какъ и многое еще придется выбросить изъ отечественной исторіи, если дружно приняться чистить авгіеву конюшню.

Н. Костомаровъ.

---

[1]) Извѣстный нашъ этнографъ С. В. Максимовъ, самъ будучи родомъ изъ Костромской губерніи, сообщалъ намъ, что слышалъ на своей родинѣ такое преданіе о Сусанинѣ, что злая судьба постигла его не въ Домнинѣ, а гдѣ то на дорогѣ, по которой онъ шелъ въ гости къ своей дочери, отданной за-мужъ куда то въ иную сторону. Поляки встрѣтили его, стали допрашивать и замучили. Это преданіе приблизительно согласуется съ тѣмъ предположеніемъ, которое высказано было нами въ III томѣ сочиненія: «Смутное Время», именно, что Сусанинъ скорѣе могъ быть замученъ не вблизи Костромы, а гдѣ-нибудь поближе къ Волоку, гдѣ зимою 1612—1613 гг. нѣсколько времени находился польскій лагерь, изъ котораго, по военному обычаю, посылались разъѣзды—хватать языковъ и собирать вѣсти. Впрочемъ, мы не выдаемъ своихъ предположеній за несомнѣнные факты. Предположенія бываютъ полезны только, какъ нити, по которымъ, при удачѣ, можно иногда добираться до истины.

EUTHANASIA

Изъ Байрона.

Когда, свершивъ свое земное назначенье,
Скажу себѣ: пора почить безгрезнымъ сномъ!
Ты осѣни въ тотъ часъ, о сладкое забвенье,
Мой смертный одръ твоимъ ласкающимъ крыломъ!

Не надо мнѣ ни тѣхъ, кому съ моимъ наслѣдствомъ,
Ни даже тѣхъ, кому со мной разстаться жаль,
Ни дѣвъ съ распущенной косою—жалкимъ средствомъ
Изображать свою обычную печаль.

Нѣтъ! пусть сольюся я въ тиши съ земной скуделью,
Безъ общепринятыхъ стенаній надъ собой,
Не ставъ помѣхою чьему-нибудь веселью,
И дружбы не смутивъ нежданною слезой.

Но еслибы любовь въ подобный часъ остаться
Могла покойною и вздохъ замять въ груди —
Въ послѣдній разъ вся власть ея могла-бъ сказаться
Въ той, что живетъ, и въ томъ, кто долженъ отойти.

Какъ сладко было-бъ видѣть мнѣ, моя Психея,
Что смотришь до конца ты ясно и свѣтло —
Само страданіе забылось-бы, и млѣя,
Съ улыбкой счастія въ міръ лучшій отошло!

Но тщетно! красота уходитъ поневолѣ,
По мѣрѣ какъ бѣжитъ дыханіе отъ насъ,

И слезы женщины, текущія по волѣ,
Лгутъ въ жизни и дарятъ безсильемъ въ смертный часъ.

Да будетъ же мое послѣднее дыханье
Не остановлено присутствіемъ людскимъ!
Для насъ, людей, вѣдь смерть не есть ужъ ожиданье
И скорбь земли давно невѣдома ужъ имъ...

Да! умереть, уйти на вѣкъ и безъ возврата
Туда, куда уйдетъ и каждый изъ людей,
Стать снова тѣмъ «ничто», которымъ былъ когда-то,
Предъ тѣмъ, что въ міръ пришелъ для жизни и скорбей...

Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастія пришлось тебѣ испить,
И убѣдись, что чѣмъ бы ни былъ ты въ семъ мірѣ —
Есть нѣчто, болѣе отрадное: не быть!

Ив. Гольцъ-Миллеръ.

ВЪ ПЛѢНУ

У

ФРАНЦУЗОВЪ.

Воспоминанія корреспондента.

Кому изъ бывшихъ въ Парижѣ и его окрестностяхъ не знакома знаменитая терраса Сенъ-Жермена, этого старшаго, но менѣе избалованнаго счастьемъ, брата Версаля. С. Жерменъ былъ резиденціей многихъ французскихъ королей, въ томъ числѣ и Людовика XIV-го, въ началѣ его царствованія. Но великому королю, какъ разсказываетъ анекдотъ, было невыносимо видѣть ежедневно башни собора Сенъ-Дени, съ бренными останками французскихъ королей, напоминающаго непрочность всякаго величія, и Людовикъ перенесъ свою резиденцію въ Версаль; при этомъ пустыни его были превращены въ чудеса искусства, удивлявшія такъ долго весь свѣтъ и поражающія до сихъ поръ, несмотря на то, что стиль парка для насъ и безвкусенъ и чопоренъ. Въ теченіи долгаго времени сенжерменскій дворецъ стоялъ пустымъ, пока Людовикъ XIV-й не отдалъ его для житья изгнанному изъ Англіи королю Якову II, и еще разъ засвѣтился въ немъ блескъ двора, начало которому было положено могущественнымъ и великолѣпнымъ властелиномъ Франціи. Съ того времени въ Сенъ-Жерменѣ жизнь мало-по-малу заглохла, и въ настоящее время онъ насчитываетъ всего около 16,000 жителей, между тѣмъ, какъ въ Версалѣ, несмотря на ударъ, нанесенный цвѣтущему его состоянію великой французской революціей,—болѣе 40,000

жителей. Въ прошедшемъ году Версалю посчастливилось особеннымъ образомъ. Главныя квартиры прусскаго короля и наслѣднаго принца находились въ Версалѣ впродолженіи болѣе чѣмъ пяти мѣсяцевъ, а по удаленіи пруссаковъ, французское національное собраніе въ Бордо рѣшило перенести въ Версаль свою резиденцію. Но Сенъ-Жермена война почти не коснулась, хотя тамъ и квартировали пруссаки, а благодаря своей несравненной террассѣ, онъ снова сдѣлается тѣмъ, чѣмъ былъ, т.-е. любимой прогулкой парижанъ, отправляющихся туда въ хорошіе дни тысячами, по желѣзной дорогѣ, въ экипажахъ и даже пѣшкомъ.

Вся окрестность Парижа, какъ извѣстно, холмиста, и красивые виды встрѣчаются повсюду, но сенжерменская терраса отличается тѣмъ, что представляетъ совершенно правильную плоскую возвышенность съ крутыми обрывами на югъ и на востокъ. Восточный край ея идетъ параллельно Сенѣ, въ разстояніи отъ нея на нѣсколько тысячъ шаговъ; Сена образуетъ здѣсь нѣсколько маленькихъ островковъ, усердно посѣщаемыхъ парижанами лѣтомъ. Черезъ рѣку перекинутъ великолѣпный желѣзнодорожный мостъ, за рѣкой находится *Bois du Vesinet*, усѣянный виллами, которыхъ бѣлыя стѣны и красныя крыши проглядываютъ сквозь зелень деревьевъ. Единственный недостатокъ вида тотъ, что не видно Парижа, закрытаго на востокѣ Монъ-Валерьеномъ. За то во время осады изъ Сенъ-Жермена можно было наблюдать, безъ всякой опасности для себя, въ высшей степени грандіозное зрѣлище. Какъ далеко ни хватали пушки Монъ-Валерьена, но даже самая громадная изъ нихъ, *la Valérie*, перевезенная теперь въ берлинскій арсеналъ, не хватала до сенжерменской террассы, которая вслѣдствіе того, при маломальски сносной погодѣ, бывала усѣяна зрителями. Въ красивомъ павильонѣ Генриха IV-го, принадлежащемъ весьма элегантной гостинницѣ того-же имени, построенной на краю террассы, съ утра до ночи засѣдали офицеры и иностранцы, прибывшіе туда въ немаломъ количествѣ, и распивали шампанское, въ то время, какъ съ Валерьена раздавались, послѣ продолжительныхъ паузъ, залпы изъ тяжелыхъ орудій. Крѣпость Монъ-Валерьена расположена весьма живописно, но въ случаѣ нападенія, котораго, какъ извѣстно, не было, большія казармы, находящіяся на вышкѣ холма, были бы быстро уничтожены выстрѣлами. Сила крѣпости заключается, конечно, не въ этихъ строеніяхъ, предназначенныхъ болѣе для мирныхъ, чѣмъ для военныхъ цѣлей, а въ незамѣтныхъ, скрытыхъ въ зелени насыпяхъ, изъ-за которыхъ разражались громъ и молнія. Выше всякаго описанія поразительно было зрѣлище въ вечернее время. Внезапно появлялось,

какъ-бы изъ нѣдра горы, пурпурово-красное пламя, освѣщало окрестность и оставляло тяжелое облако дыма. Дожидаешься съ часами въ рукахъ — повидимому, вѣчность, въ дѣйствительности же отъ 30—40 секундъ, пока услышится громъ орудія, глухо раздастся и какъ волна разобьется о край террассы. Эти 30 или 40 секундъ, втеченіи которыхъ ожидаешь выстрѣла, кажутся, не хочу сказать: часами, потому что это опять-таки была бы произвольная мѣра времени — но вѣчностью, между тѣмъ, какъ въ жизни иногда часы, дни пролетаютъ, какъ секунды.

Въ воскресенье 6-го ноября прошлаго года я поѣхалъ съ однимъ пріятелемъ изъ Версаля, гдѣ я жилъ во время осады, въ Сенъ-Жерменъ, и остановился тамъ въ павильонѣ Генриха IV-го, въ которомъ мы обѣдали на парижскій манеръ и по парижскимъ цѣнамъ вплоть до поздняго вечера. Какъ-бы предчувствуя близкое будущее, сказалъ я шутя своему пріятелю: «нужно ѣсть хорошенько, потому что на войнѣ не знаешь, удастся ли завтра хоть что-нибудь закусить». На слѣдующій день, правда, я еще не постился, но восемь дней спустя, въ слѣдующее воскресенье, сидѣлъ уже не въ павильонѣ Генриха IV-го, а въ тюрьмѣ, и на хлѣбѣ и на водѣ!

Вотъ какъ это случилось. Возвратясь домой, я нашелъ у себя приглашеніе отъ знакомаго ѣхать съ нимъ на другой день въ Орлеанъ, куда онъ отправлялся, какъ іоаннитъ[1]), для инспекціи гошпиталей; я принялъ приглашеніе съ радостью, такъ какъ уже давно желалъ повидать этотъ городъ, занятый уже съ 11-го октября нѣмецкими войсками, городъ, который, благодаря безсмертной драмѣ Шиллера, представляетъ для каждаго образованнаго нѣмца своего рода очарованіе. Желѣзная дорога еще не была возстановлена, и потому путешествіе пришлось совершать въ экипажѣ. Предмѣстья Версаля тянутся довольно далеко на югъ; по окончаніи ихъ, проѣзжаешь одно мѣстечко за другимъ: всѣ изящно обстроены, какъ мѣстечки всѣхъ окрестностей Парижа, на подобіе города, и обильно украшены виллами и садами. Въ ближайшихъ изъ нихъ квартировалъ новый ландверъ, недавно прибывшій сюда съ родины; обросшія бородами лица придавали солдатамъ мужественный видъ. Этотъ ландверъ, по общей организаціи войска, собственно долженъ быть устраняемъ отъ службы, но къ нему принуждены были обратиться, такъ какъ размѣры, принятые войной, требовали громадной массы людей; но онъ не уступалъ ни въ чемъ арміи: особенно отличились гвардейскій ландверъ предъ Парижемъ, цѣлая

[1]) Членъ братства для вспоможенія раненымъ.

дивизія генерала Куммера, состоявшая также изъ ландвера и выдерживавшая всю тяжесть многихъ серьезныхъ нападеній Базена, во время осады Метца, и ландверъ, который подъ командой генерала Вердера имѣлъ рядъ отчаяннѣйшихъ и кровопролитнѣйшихъ битвъ втеченіи долгаго времени въ восточной Франціи.

Едва мы отдалились отъ окрестностей Версаля, какъ густой осенній туманъ скрылъ отъ насъ ландшафты ближайшихъ окрестностей. Только разъ показались весьма живописныя руины замка Монлери, мѣста, гдѣ въ тринадцатомъ или четырнадцатомъ вѣкѣ происходило сраженіе, которое въ то время и долго потомъ было весьма знаменито, но о которомъ въ настоящее время никто ничего не знаетъ, кромѣ тѣхъ, кто занимается спеціально старой французской исторіей. Это представило намъ прекрасный случай пофилософствовать о тщетности войны, а также вспомнить изреченіе Ѳукидида, а именно, что люди склонны считать войны, пережитыя ими, за самыя большія.

Въ послѣобѣденное время мы прибыли въ Арпажонъ, маленькій городокъ, издавна извѣстный своими сапожными фабриками, и къ вечеру достигли Этампа, находящагося, приблизительно, на полдорогѣ между Парижемъ и Орлеаномъ, гдѣ мы и переночевали. Французскіе провинціальные города вообще лучше обстроены, нежели нѣмецкіе, и страна безконечно богаче Германіи, особенно сѣверной Германіи. Тѣмъ не менѣе, вполнѣ или на половину оставленные жителями, города имѣли очень печальный видъ. Въ Этампѣ, городѣ съ 10,000 жителей, осталось только 2,000 человѣкъ, и это еще, сравнительно, благопріятное отношеніе. Здѣсь сдѣлалось уже весьма замѣтнымъ, какъ слабо были заняты нѣмцами мѣстечки между Парижемъ (т.-е. Версалемъ) и Орлеаномъ; далѣе это еще болѣе бросалось въ глаза. Цѣлыми часами проѣзжали мы по деревнямъ, не встрѣчая ни одного солдата; но это нисколько не удивительно, потому что и на большой этапной дорогѣ, отъ французско-нѣмецкой границы у Саарбрюкена до главной квартиры, было не иначе. Сельское населеніе относилось, съ весьма немногими исключеніями, пассивно, и для прикрытія почты между главной квартирой и Берлиномъ, которая обыкновенно везла много денегъ и важную переписку, достаточно было двухъ пѣхотинцевъ. Насколько мнѣ извѣстно, на всемъ этомъ пространствѣ только одинъ разъ почта была захвачена, и то только вслѣдствіе ошибки почтальона, взявшаго дорогу близъ крѣпости Вердюнъ, еще занятой въ то время французами. Нѣсколько разъ по почтѣ стрѣляли. За это, а также за порчу телеграфной проволоки близъ-лежащія мѣстечки не

мало поплатились. Телеграфные чиновники были всегда въ передовыхъ отрядахъ армій, и гдѣ только развѣвалось нѣмецкое знамя, тамъ дѣйствовалъ телеграфъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстечкахъ телеграфные чиновники были единственными представителями нѣмецкой силы. Благодаря этой отважности, многіе изъ нихъ попали въ плѣнъ, но телеграфное сообщеніе вообще было менѣе повреждено, чѣмъ въ австрійскую войну 1866-го года. Равнодушіе населенія яснѣе всего выказалось въ томъ, что ни одинъ изъ фельдъегерей не былъ взятъ въ плѣнъ, несмотря на то, что отъ нихъ требовалось часто почти невозможное, что они, по важности бумагъ, имъ поручаемыхъ, должны были обращать на себя вниманіе, а также, что имъ приходилось, особенно въ началѣ, запасать кормъ для лошадей въ деревняхъ, гдѣ не было ни единаго нѣмецкаго солдата. Одинъ изъ нихъ долженъ былъ однажды доставить приказаніе генералу Вердеру, близъ Дижона, и для этого проскакать *17 миль* по странѣ, не занятой нѣмецкими войсками. Такіе примѣры показываютъ, какъ смѣшны были газетные возгласы къ *guerre à 'outrance.* Сельское населеніе, съ немногими исключеніями, вовсе не было расположено подвергать опасности свою жизнь и достояніе. Позвольте мнѣ привести еще нѣсколько примѣровъ, которые набросятъ сомнѣніе также и на духъ горожанъ. Въ своей *promemoria* объ участи рейнской арміи и паденіи Метца, Базенъ приводитъ, что очень мало людей изъ населенія соглашалось доставлять извѣстія, и онъ получалъ ихъ только черезъ парламентеровъ и плѣнныхъ. Въ Парижѣ, въ послѣднее время, также было прервано всякое сообщеніе съ внѣшнимъ міромъ, хотя само собой разумѣется, что онъ никогда не былъ такъ плотно окруженъ, чтобы не могъ проскользнуть ни одинъ человѣкъ, да это и невозможно было бы сдѣлать. Еслибы люди, знающіе хорошо мѣстность, которыхъ въ Парижѣ, конечно, не мало, рѣшились рисковать своею жизнью, то никогда сообщеніе не было бы такъ прервано, какъ это случилось на дѣлѣ. Главной же причиной этого была апатія населенія, апатія, которая въ то же время облегчала нѣмецкой арміи сообщеніе съ родиной. Одинъ разъ только толпа вольныхъ стрѣлковъ, около 1,000 человѣкъ, пробралась изъ крѣпости Лангръ до парижско-ліонской желѣзной дороги и взорвала мостъ около Туля, что причинило большой безпорядокъ и замедленіе въ доставленіи транспортовъ, необходимыхъ для арміи. Тотъ фактъ, что республика была въ состояніи набрать столь много сотенъ тысячъ рекрутъ, главнымъ образомъ изъ крестьянъ, не можетъ служить возраженіемъ. Въ настоящей Франціи жизнь сосредоточивается только въ Парижѣ и нѣсколькихъ большихъ городахъ. Горсть людей можетъ измѣ-

нить правленіе, какъ это случилось 4-го сентября, и затѣмъ все чиновничество, до послѣдняго полевого сторожа, повинуется всякому правительству, а крестьянинъ повинуется еще меру и жандармамъ. При этомъ всегда возможно набрать весьма большія массы войска, но внутри его оказывалось тотчасъ много недовольныхъ. Я вдоволь насмотрѣлся въ плѣну на то, какъ такой народъ, подъ различными предлогами, населяетъ лазареты. Одна коммиссія за другой посылалась для изслѣдованія, кто изъ нихъ дѣйствительно боленъ и кто здоровъ, но напрасно: ихъ невозможно было выжить изъ госпиталей *).

За Этампомъ начинается Босъ (Beauce), житница Франціи, простирающаяся почти до самаго Орлеана. Эта страна не можетъ ни въ какомъ случаѣ назваться красивой: плоская возвышенность, почти безъ всякихъ неровностей, безъ проточной воды, почти безъ деревьевъ; плодородность же ея обусловливается главнымъ образомъ тѣмъ, что почва всасываетъ и удерживаетъ дождевую воду, а по другую сторону Лоары, въ наименѣе плодородной полосѣ Франціи, Солоньи, почва пропускаетъ воду и оттого бываетъ попеременно засуха и страшное водополье. Какъ острова изъ моря, выступаютъ отъ времени до времени деревни изъ плоской поверхности, окруженныя бѣлыми стѣнами и оттѣненныя нѣсколькими деревьями; природа пожертвовала здѣсь красивымъ для полезнаго. Поселянинъ пашетъ плугомъ, запряженнымъ тяжеловѣсными бретонскими жеребцами и обладаетъ милліонами барановъ, которыхъ безчисленныя реквизиціи столь же мало могли истребить, какъ милліонъ нѣмецкихъ ртовъ не въ состояніи былъ истощить запасовъ винныхъ погребовъ Франціи. Между всѣми богатствами Франціи первое мѣсто занимаетъ винодѣліе. За-границей извѣстны только бордо, шампанское и нѣсколько тонкихъ сортовъ бургундскихъ винъ. Но вся Франція, за исключеніемъ нѣсколькихъ сѣверныхъ департаментовъ, пригодна для винодѣлія, и во всей Франціи за 4 или 5 су можно получить литръ чистаго, здороваго и вкуснаго вина, отличающагося отъ тонкаго экспортируемаго вина, которое пьется въ

*) Наблюденія нашего почтеннаго корреспондента подтверждаются почти дословно акад. Н. И. Пироговымъ въ его послѣднемъ «Отчетѣ», гдѣ онъ, напримѣръ, говоритъ: «Я не видалъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи ничего похожаго на фанатизмъ національной войны. Какъ ни было коротко мое пребываніе во Франціи, но мнѣ кажется, что еслибы любовь къ отчизнѣ была сильно возбуждена въ народѣ, то это не могло бы не кинуться въ глаза. Можно ли, по нашимъ понятіямъ о національной войнѣ, спокойно торговать въ городахъ и пахать землю въ селахъ, когда народъ возстаетъ поголовно за отечество и свободу? Видѣвъ это спокойствіе, я не сомнѣваюсь въ существованіи городского и сельскаго индифферентизма въ нынѣшней Франціи». — *Ред.*

Петербургѣ, Лондонѣ и Санъ-Франциско, тѣмъ, что оно не разбавлено, между тѣмъ какъ вина, предназначенныя къ экспорту, должны этому подвергаться. Повсюду, на ряду съ обыкновеннымъ виномъ, существуютъ болѣе тонкіе сорта, совершенно неизвѣстные за-границей (вѣдь вкусомъ также управляетъ всесильная мода), сорта, которые можно принять за знаменитѣйшія марки Жиронды. Но цѣны на эти тонкіе сорта очень высоки; для народа обыкновенное вино, отъ котораго съ презрѣніемъ отвернется знатокъ, гораздо важнѣе, какъ источникъ питанія. Представьте себѣ счастливую страну, гдѣ каждый работникъ выпиваетъ ежедневно, по крайней мѣрѣ, пол-литра вина, гдѣ въ каждой больницѣ больной получаетъ два раза въ день по стакану вина, не съ наперстокъ величиной, какъ наши рюмки, а съ обыкновенный стаканъ. Нѣмецкіе врачи утверждаютъ единогласно, что превосходное состояніе здоровья арміи должно быть приписано французскому красному вину, и серьезные французы увѣряли меня, что для покрытія всѣхъ потерь Франціи, въ томъ числѣ и контрибуціи, достаточно двухъ хорошихъ урожаевъ винограда. Это можетъ быть преувеличено, но, находясь долго во Франціи, все болѣе и болѣе поражаешься неимовѣрнымъ богатствомъ страны. Богъ сказалъ человѣку: «работай въ потѣ лица», но стóитъ ли намъ, бѣднымъ жителямъ сѣвера, работать для того, чтобы влачить свое тяжелое существованіе, и какъ удобна, наоборотъ, жизнь тамъ, гдѣ теплые солнечные лучи выманиваютъ изъ почвы богатѣйшія сокровища.

8-го ноября, въ восемь часовъ вечера, я прибылъ въ Орлеанъ. Безконечно длинная улица, образующая сѣверный форштадтъ, и по которой приходится ѣхать каждому прибывшему съ сѣвера, точно вымерла: ни единаго человѣка на улицѣ, ни одного огня въ окнахъ, на большомъ разстояніи одинъ отъ другого уныло горѣли газовые фонари. Изъ форштадта въѣзжаешь на площадь, отъ которой налѣво идетъ бульваръ, охватывающій часть города. Здѣсь также господствовала тишина. По ту сторону площади начинается главная улица Орлеана, Бонье, которая у площади Мартруа, не измѣняя направленія, получаетъ названіе улицы Ройяль и подъ этимъ именемъ спускается до Лоары. На первомъ планѣ лежитъ большая гостинница «Орлеанъ», самая лучшая въ городѣ. Передъ гостинницей стояли люди, по улицѣ прошли нѣсколько человѣкъ, каждый съ фонаремъ въ рукѣ. Мнѣ еще не случалось видѣть города, занятаго нѣмецкими войсками. Намъ объяснили, что въ узкихъ, худоосвѣщенныхъ боковыхъ улицахъ были нападенія на нѣсколькихъ солдатъ и что потому жителямъ было приказано или лучше освѣщать улицы, или же вы-

ходить изъ дому не иначе, какъ съ фонаремъ въ рукѣ, и они предпочли послѣднее. Въ столовой гостинницы было мало офицеровъ, они имѣли безпокойный видъ, перешептывались одинъ съ другимъ и, наконецъ, исчезли. Тѣмъ не менѣе, изъ ихъ разговоровъ я понялъ то, что они получили приказаніе къ выступленію. Мой товарищъ по путешествію добылъ свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ и вернулся въ 11 часовъ ночи въ гостинницу съ извѣстіемъ, что генералъ Таннъ только-что выступилъ изъ Орлеана, съ намѣреніемъ дать сраженіе французамъ, отступившимъ за Лоару, что онъ вернется черезъ 12 часовъ, такъ какъ принцъ Фридрихъ-Карлъ обѣщалъ ему подкрѣпленіе, и, наконецъ, что въ городѣ остается одинъ полкъ гарнизону. Было слишкомъ поздно, чтобы ѣхать къ генералу, и я рѣшился спокойно остаться въ Орлеанѣ. Съ прибытіемъ принца Фридриха-Карла, здѣсь должны были начаться важныя событія. Послѣ двухдневнаго пути я спалъ очень хорошо и, посмотрѣвъ на другое утро въ окно, замѣтилъ, что городъ далеко не былъ такъ печаленъ, какъ вчера вечеромъ, напротивъ, улицы были очень оживлены, и въ окна выглядывали головы съ особенно довольнымъ выраженіемъ лицъ. Я вышелъ и отправился внизъ по улицѣ. Мнѣ хотѣлось увидѣть по крайней мѣрѣ статую Жанны д'Аркъ, увѣковѣченной Шиллеромъ Орлеанской Дѣвы, Лоару и соборъ. Впрочемъ, статуя дѣвы, на площади Мартруа, неважное произведеніе искусства: шлемъ сидитъ на головѣ неловко, мало выраженія въ лицѣ; но меня занимали въ настоящую минуту болѣе вѣнки, брошенные за рѣшетку на пьедесталъ и снабженные всевозможными патріотическими надписями: «Sauve la France!» «Vive l'armée!» и т. п. Мостъ черезъ Лоару былъ занятъ баварцами, которые не пропускали черезъ него публику. По другую сторону моста свободная площадь, на которой находится старая статуя дѣвы. Фигура немного рутинна, но одушевленіе въ чертахъ лица и во всемъ образѣ недурно изображено. Въ Орлеанѣ немного достопримѣчательностей, и между ними соборъ занимаетъ первое мѣсто. Это весьма величественное зданіе построено не въ чистомъ готическомъ стилѣ. Есть люди, которымъ нравятся тяжелыя, круглыя колонны и соотвѣтствующія имъ круглыя линіи всего зданія: я лично предпочитаю имъ легкія, прозрачныя, стремящіяся къ небу произведенія готическаго стиля. Франція превосходитъ другія страны Европы красивыми средневѣковыми церквями, между которыми наилучшія въ Реймсѣ, Шартрѣ и Буржѣ.

Пока я осматривалъ достопримѣчательности города, физіономія его значительно измѣнилась. Вдали слышался громъ отъ

сраженія, а всякій разъ, втеченіи войны, какъ только до французовъ въ городахъ, занятыхъ нѣмецкими войсками, долеталъ этотъ громъ, они проникались полнымъ убѣжденіемъ, что уже пробилъ послѣдній часъ для вторгнувшагося врага. Головы ихъ, до сихъ поръ опущенныя, поднимались, глаза загорались, языкъ развязывался и изливалъ потоки проклятій и угрозъ врагу. Я уже не разъ видѣлъ подобныя сцены и былъ къ нимъ равнодушенъ, потому что «envahisseurs» всякій разъ побѣждали, французы притихали, опускали голову еще ниже, чѣмъ она была до того опущена, и въ тиши завѣряли, что ни одинъ пруссакъ не выйдетъ живымъ изъ страны. На этотъ разъ однако они оказались правы. Я попалъ въ роковой часъ въ Орлеанъ и не подозрѣвалъ, что въ то время, какъ я занимался невиннымъ изученіемъ искусства, — мнѣ былъ отрѣзанъ обратный путь. Послѣдній полкъ, стоявшій на мосту, былъ тайно отозванъ, громъ пушекъ отдалился на сѣверо-западъ, и всѣ мы, бывшіе въ городѣ, оказались отрѣзанными. Насъ было около 1000 человѣкъ, раненыхъ, больныхъ, выздоравливающихъ, и врачей двухъ походныхъ госпиталей, тщетно ожидавшихъ приказанія выступать и просто забытыхъ. Я на нихъ разсчитывалъ и раздѣлялъ ихъ участь, съ тою только весьма значительною разницею, что они находились подъ защитой женевской конвенціи. Я же не имѣлъ этой защиты и былъ просто частное лицо, въ которомъ французы, конечно, сейчасъ же усмотрѣли шпіона графа Бисмарка. Во всѣхъ войнахъ, та сторона, которой счастье не благопріятствуетъ, повсюду видитъ измѣну и шпіоновъ. Но никогда еще не былъ такъ великъ страхъ относительно шпіоновъ, какъ теперь. Французы вездѣ видѣли шпіоновъ Бисмарка. Само собой разумѣется, что прусская армія, какъ всякая другая, старалась разузнать о положеніи и намѣреніяхъ своего противника, но шпіонство было не больше, какъ обыкновенно. Напримѣръ, несомнѣнно, что пруссаки были худо извѣщены объ оборонительныхъ средствахъ Парижа. Въ высшихъ кругахъ полагали, что Парижъ снабженъ провіантомъ не болѣе какъ на 4—6 недѣль, а между тѣмъ это не трудно было разузнать. Также, во время послѣдняго періода осады Парижа, нѣмцы не имѣли никакого сообщенія съ городомъ. Мнѣ разсказывали весьма комическую исторію, въ какомъ замѣшательствѣ была главная квартира, когда Жюль Фавръ прибылъ туда въ послѣднихъ числахъ января для переговоровъ о капитуляціи. Парижскихъ газетъ не было и ничего не знали о положеніи Парижа. Наконецъ удалось посредствомъ одной хитрости, изъ самого Фавра сдѣлать измѣнника, доставившаго необходимое газетное извѣстіе.

Вѣрѣ въ прусскихъ шпіоновъ особенно содѣйствовало невѣроятное невѣжество французовъ относительно знанія языковъ и географіи. Въ нѣмецкой арміи, между 10-ю офицерами найдется не болѣе одного, который не могъ бы свободно объясниться по-французски, даже между унтеръ-офицерами и рядовыми весьма многіе болѣе или менѣе говорятъ по-французски, нѣкоторые же очень хорошо. Каждый унтеръ-офицеръ и многіе изъ рядовыхъ умѣютъ пользоваться географической картой. Знаніе англійскаго языка также весьма распространено. Французъ напротивъ не знаетъ ни одного изъ иностранныхъ языковъ и вообще не интересуется чужими странами. Хотя невѣжество французовъ въ географіи вошло въ поговорку, тѣмъ не менѣе поражаешься образчиками, которые приходится слышать, находясь во Франціи. Высокообразованные люди не церемонятся дѣлать вамъ вопросы, которые заставятъ каждаго покраснѣть, какъ, напр., также ли холодно въ Берлинѣ, какъ въ Петербургѣ, или говорятъ ли австрійцы также по-*прусски*. Въ школахъ учатъ географіи и исторіи, но страшно плохо. Зачѣмъ въ самомъ дѣлѣ, думаетъ французъ, утруждать себя ученіемъ и запоминать что-либо о другихъ странахъ, когда Франція первая страна, а французы первый народъ міра.

Въ этотъ день однако я былъ не слишкомъ озабоченъ своимъ положеніемъ, потому что считалъ за невозможное, чтобы Орлеанъ былъ отданъ безъ боя. Стратегики-спеціалисты увѣряли, что Орлеанъ весьма силенъ по своему положенію, и что съ южной стороны его нельзя взять. Кромѣ того, каждую минуту можно было ожидать прибытія если не всего корпуса Фридриха-Карла, то по крайней мѣрѣ подкрѣпленія отъ него, такъ какъ Метцъ уже капитулировалъ 28-го октября, и 3-го или 4-го ноября пришли въ Версаль подкрѣпленія изъ его арміи, осаждавшей Метцъ. Я справлялся у многихъ и при этомъ слышалъ различныя мнѣнія. Одни весьма хвалили генерала фонъ-деръ-Танна за его ловкое отступленіе, другіе утверждали, что онъ могъ бы удержать Орлеанъ до прибытія подкрѣпленій. Одни увѣряли, что генералъ допустилъ застать себя въ расплохъ французамъ, другіе,—что ошибка должна быть приписана главной квартирѣ въ Версалѣ, которая имѣетъ маленькую слабость быть непогрѣшимой. Вѣрно то, что въ Версали слишкомъ низко оцѣнили силу лоарской арміи. Послѣ взятія Орлеана (11-го октября) «Берлинская провинціальная корреспонденція», которая, какъ извѣстно, вполнѣ правительственный органъ, напечатала, что лоарская армія совершенно разбита, и когда Тьеръ, во время своего пребыванія въ Версалѣ въ первыхъ числахъ ноября, увѣрялъ, что лоарская армія имѣетъ 120,000 человѣкъ, то на это по-

смотрѣли какъ на патріотическое увлеченіе. Несмотря на то, въ Версалѣ — позднѣе — считалось, что генералъ Таннъ былъ достаточно предупрежденъ и долженъ былъ гораздо раньше отступить,—чего однако не сдѣлалъ. Меня увѣряли въ Орлеанѣ, что за восемь дней жители города уже знали, что ихъ армія перешла черезъ Лоару съ цѣлью обойти и, если возможно, отрѣзать маленькій корпусъ Танна, и съ немалой радостью взирали они на роковую увѣренность Танна. Во всякомъ случаѣ, если Таннъ считалъ невозможнымъ съ своими малыми силами защищаться нѣкоторое время въ Орлеанѣ, слѣдовало поспѣшить отступленіемъ, и отступленіе было сдѣлано ловко. Но въ Версалѣ, надо полагать, было нѣсколько дней весьма безпокойныхъ, потому что генералъ д'Орель стоялъ не болѣе какъ въ 10-ти миляхъ отъ Версаля, и корпусъ Танна, послѣ сраженія при Куломье и поспѣшнаго отступленія, не могъ дать ему серьезнаго отпора. Генералъ Мольтке, какъ разсказываютъ, сказалъ, что еслибы даже генералъ д'Орель еще ближе пододвинулся, не было бы необходимости снимать осаду Парижа, но, по-моему, положеніе осаждающей арміи между двумя огнями было бы не изъ пріятныхъ. Помимо всякихъ догадокъ, для меня было прежде всего ясно то, что мое настоящее положеніе далеко не блестящее. Массы народа, двигавшіяся по улицамъ, пригнали къ станціи желѣзной дороги находившихся въ городѣ солдатъ (тѣхъ, которые настолько поправились, что могли ходить), врачей и прислугу походныхъ лазаретовъ, и улица, идущая вдоль станціи и имѣющая дома только съ одной стороны, была набита народомъ. Одинъ молодой баварскій врачъ предложилъ мнѣ помѣститься въ его квартирѣ, въ маленькомъ, покинутомъ владѣльцами и охраняемомъ экономкой домикѣ. Мы ждали всю ночь съ нетерпѣніемъ, не услышимъ ли какого-нибудь признака вступленія баварцевъ или пруссаковъ, но тщетно.

Вечеромъ шелъ сильный дождь, а ночью пошелъ снѣгъ, такъ что къ утру улицы покрылись мокрымъ, тающимъ снѣгомъ. Вмѣсто ожидаемыхъ пруссаковъ мы услышали приближеніе съ юга локомотива и вскорѣ трубу вступающихъ французскихъ войскъ. Баварцы не взорвали желѣзно-дорожнаго моста черезъ Лоару, хотя все къ тому было приготовлено, и поѣздъ за поѣздомъ, наполненные провіантомъ, пріѣзжали изъ Буржа, въ то время какъ французскія войска вступали по направленію отъ Куломье, гдѣ вчера была битва. Когда не осталось никакого сомнѣнія, что городъ находился въ рукахъ французской арміи, мнѣ необходимо пришлось на что-нибудь рѣшиться, чтобы себя спасти. Я обратился въ письмѣ къ епископу орлеанскому, Дюпанлу, котораго

просилъ о покровительствѣ, и на другой день меня посѣтилъ какой-то почтенный старецъ, который отрекомендовалъ себя какъ главный викарный епископа и отъ имени епископа сказалъ мнѣ, что онъ сдѣлаетъ для меня все, что только въ силахъ сдѣлать. Онъ прибавилъ, что епископъ желаетъ со мной лично поговорить, но не можетъ пока назначить для того часа, потому что ему нездоровится. Я принужденъ былъ запастись терпѣніемъ. Наконецъ, 12-го числа вечеромъ, тотъ старецъ снова появился и пригласилъ меня слѣдовать за нимъ. По маленькимъ переулкамъ мы подошли съ задней стороны къ дворцу епископа и различными лѣстницами достигли просторной залы, гдѣ я долженъ былъ подождать. Немного времени спустя мой проводникъ снова появился и ввелъ меня во вторую залу, въ которой находились различные офицеры и полковые священники, дожидавшіеся епископа. По стѣнамъ были полки съ книгами, въ большомъ каминѣ горѣлъ яркій огонь. Дверь растворилась и показался епископъ, человѣкъ лѣтъ около 50-ти, средняго роста, съ весьма тонкимъ и умнымъ лицомъ. Онъ сдѣлалъ знакъ мнѣ и моему проводнику, и мы вошли въ кабинетъ, слабо освѣщенный лампой, стоявшей на большомъ письменномъ столѣ. Епископъ попросилъ разсказать ему о моемъ положеніи и затѣмъ сказалъ мнѣ, что посылалъ къ генералу Орель-де-Паладину, главнокомандующему лоарской арміей, своего секретаря и что тотъ обѣщалъ мнѣ свое заступничество. Онъ замѣтилъ, что мнѣ невозможно получить позволеніе ѣхать прямо въ Версаль, потому что въ настоящую минуту происходитъ значительное передвиженіе войскъ: меня отправятъ черезъ Швейцарію домой. Трудно было бы найти человѣка счастливѣе меня. Я поблагодарилъ епископа и сказалъ, что буду дожидаться дома рѣшенія генерала. Викарный проводилъ меня обратно почти до самаго дома. Онъ видимо былъ доволенъ, что аудіенція имѣла столь хорошій исходъ, и сказалъ: «Vous êtes homme à vous tirer d'affaire».—«Si cela se peut», отвѣтилъ я ему и былъ такъ доволенъ и увѣренъ, что съ готовностью показалъ дорогу батальону мобилей, только-что прибывшему и незнавшему, какъ попасть на станцію, и нѣкоторое пространство прошелъ даже вмѣстѣ съ ними.

Въ этотъ вечеръ не было никакого посла отъ генерала, на слѣдующее утро тоже самое. Экономка собиралась подавать завтракъ, какъ вдругъ двери отворились и вошли господинъ и дама, которую я сейчасъ-же узналъ. Ея фотографія висѣла у камина и бросилась мнѣ въ глаза, какъ только я вошелъ въ этотъ домъ, сѣдыми волосами при молодомъ лицѣ и злобной складочкой около рта, такъ что тогда мнѣ часто приходило въ голову,

что ея мужъ, надо полагать, разумно поступилъ, покинувъ ее, какъ разсказала мнѣ экономка, послѣ короткаго сожительства. Обстоятельства, понятно, не могли хорошо отозваться на нравѣ этой дамы: она нашла въ своемъ домѣ чужихъ гостей, которые не имѣли болѣе никакого основанія тамъ находиться, потому что притязанія доктора на квартиру *ipso facto* прекращались съ уходомъ нѣмцевъ, а гостепріимство относительно меня, которое представлялось столь великодушнымъ, въ глазахъ этой дамы должно было быть только несправедливостью. Но я вскорѣ замѣтилъ, что экономка замолвила объ насъ доброе словечко своей госпожѣ, поставивъ ей на видъ, какъ много обязанъ весь домъ молодому доктору, который дѣйствительно выказалъ себя весьма гуманнымъ человѣкомъ.

Моя дама не могла удержаться отъ соблазна прочесть мнѣ лекцію о политикѣ. Она убѣждала меня, что хотя пруссаки и побѣдили французовъ, тѣмъ не менѣе слава останется за французами, даже и въ томъ случаѣ, если пруссаки дальше будутъ побѣждать, но этому не бывать, и заключила свою рѣчь словами: *La Loire a été toujours funeste aux envahisseurs*! Я отвѣчалъ насколько возможно дипломатично, бросивъ эту тему и распространяясь больше о благодѣяніяхъ мира. Я бы могъ весьма долго говорить на эту тему, потому что уже раньше, всякій разъ, когда не хотѣлъ ссориться съ образованными или вообще разумными французами, давалъ разговору поворотъ въ этомъ направленіи, будучи увѣренъ заранѣе, что французы будутъ вполнѣ со мной согласны, исключая одного пункта. Они утверждаютъ именно всякій разъ, что Пруссія настолько-же нуждается въ мирѣ, какъ и Франція, и если я на это замѣчалъ, что въ этомъ отношеніи между обѣими странами существуетъ разница, такъ какъ война ведется на французской почвѣ, то наши хорошія отношенія сейчасъ-же прекращались. Французы допускали въ этомъ случаѣ самое большее, это—равенство интересовъ. На этотъ разъ я, конечно, поостерегся коснуться этого деликатнаго пункта; дама, повидимому, надо мной смилостивилась, и я рѣшился съ терпѣніемъ ожидать обѣщаннаго *sauf-conduit*. Погруженный въ свои мысли, стоялъ я у окна, которое выходило въ маленькій садикъ, какъ вдругъ замѣтилъ, что народъ изъ одного бокового переулка глазѣетъ на меня, переговаривается между собою и показываетъ на мое окошко. Мнѣ это было непонятно, потому что окно было довольно скрыто, но вдругъ дверь отворилась и вошелъ капралъ вольныхъ стрѣлковъ, объявившій мнѣ, что я долженъ быть отведенъ къ плацкоменданту и всѣ мои вещи должны быть взяты со мной. Довольно большое число вольныхъ стрѣлковъ

занимали лѣстницу, сѣни и подъѣздъ, каждый изъ нихъ взялъ съ собой что-нибудь изъ моихъ немногихъ вещей (я оставилъ Версаль почти безъ поклажи, такъ какъ хотѣлъ вернуться черезъ нѣсколько дней), одинъ—мой регенмантель, другой—мой плэдъ, третій—галстухи, которые только вчера были куплены экономкой по моему порученію, четвертый—Бедекера и т. д. Мы разговаривали дорогой совершенно любезно другъ съ другомъ и отъискивали общими силами плацкомендатуру, такъ какъ и имъ дорога туда была мало извѣстна. При этомъ мы проходили черезъ площадь Мартруа, на которой статуя дѣвы на этотъ разъ утопала въ вѣнкахъ. Площадь была полна войскъ, толпы музыкантовъ играли марсельезу и какой-то тріумфальный маршъ. Въ комендатурѣ былъ мнѣ сдѣланъ допросъ и отобраны мои бумаги. Самымъ невыгоднымъ было для меня то обстоятельство, что я оставался три дня въ Орлеанѣ, послѣ того какъ онъ оставленъ былъ нѣмецкими войсками. Единственнымъ свидѣтелемъ, что мое пребываніе здѣсь было недобровольнымъ, былъ епископъ. Я сослался на него. Офицеръ, который меня допрашивалъ, сказалъ на это: *C'est la plus mauvaise recommendation*! Епископъ, какъ и все духовенство, считался реакціонеромъ. Позднѣе онъ имѣлъ непріятности съ прусской стороны, какъ я впослѣдствіи, возвращаясь изъ плѣна, узналъ. Въ день сраженія при Куломье онъ написалъ посланіе, въ которомъ напоминалъ, что защитникъ города Сентъ-Эньянъ спасъ городъ отъ Аттилы и его гунновъ и теперь снова спасетъ его. Пруссаки, занявъ вторично Орлеанъ 4-го декабря, нашли упоминаніе объ Аттилѣ и гуннахъ неудачнымъ сравненіемъ и продержали епископа нѣсколько дней подъ строгимъ арестомъ въ его дворцѣ. Отъ плацкоменданта я былъ отведенъ въ тюрьму, конечно, какъ шпіонъ, и засаженъ въ холодную клѣтушку на хлѣбъ и на воду. Это случилось въ воскресенье, ровно восемь дней послѣ того, какъ я такъ хорошо и весело завтракалъ въ Сенъ-Жерменѣ. Разница была велика, и перспектива предстать передъ военнымъ судомъ не улучшала положенія. Мнѣ удалось, при входѣ въ ворота тюрьмы, отправить одну строчку къ епископу, и честный малый, взявшійся исполнить это порученіе, дѣйствительно его исполнилъ. Я спалъ ночью, несмотря на холодъ, хорошо. На другой же день я замѣтилъ благопріятное вліяніе извнѣ. Генералъ Орель прислалъ въ тюрьму своего секретаря съ порученіемъ сообщить, что я не шпіонъ. Дальнѣйшаго допроса не было, и я переведенъ былъ въ тюремную больницу, которая показалась мнѣ раемъ, несмотря на то, что тамъ господствовали тифъ, оспа и дизентерія. Но когда нѣтъ выбора и когда

уже разъ готовъ на *все*, то преодолѣваешь вещи, которыя для мирнаго человѣка показались бы верхомъ ужаса, сравнительно легко. Я оставался въ тюрьмѣ пять дней, послѣ чего вышло приказаніе отправить меня въ По, департаментъ Нижнихъ-Пиренеевъ. Частнымъ образомъ было прибавлено, что оттуда, вѣроятно послѣ короткаго пребыванія, я могу ѣхать черезъ Швейцарію домой. Вмѣстѣ со мной отправлялись три офицера, также оставленные въ Орлеанѣ. Двое изъ нихъ были ранены, третій былъ боленъ. Въ томъ же поѣздѣ отправлялось въ По большое число солдатъ, оставшихся въ Орлеанѣ, какъ выздоравливающіе. Мы выѣхали вечеромъ и ночевали въ Турѣ, который, какъ извѣстно, былъ въ то время мѣстопребываніемъ правительства. Здѣсь мы ночевали на станціи и на другое утро поѣхали дальше черезъ Туренъ и Поатье въ Бордо, куда прибыли вечеромъ и послѣ часовой остановки отправились далѣе. Около полуночи мы были въ Байоннѣ, съ утренней зарей увидѣли Адуръ, который величественно изливалъ свои воды въ океанъ; затѣмъ показалось справа отъ насъ предгорье Пиренеевъ, и въ первый разъ страна и люди получили веселый видъ, въ первый разъ, потому что уравненіе между различными странами Европы наступаетъ быстро, и въ нѣкоторыхъ французскихъ городахъ можно было счесть себя въ Германіи, еслибы не слышать языка. Наружный видъ домовъ, лавки, кафе, костюмы совершенно одинаковы въ обѣихъ странахъ. Въ По я разстался съ своими спутниками и былъ отведенъ къ префекту, который весьма любезно объяснилъ мнѣ, что онъ еще ожидаетъ инструкцій отъ правительства, и пока— какъ это ему ни непріятно—не можетъ дать мнѣ свободы, потому что я, какъ писатель, могу легко подмѣтить и сообщить въ Германію многое такое, что̀ было бы невыгодно для Франціи.

Тщетны были мои возраженія, что мнѣ невозможно писать домой—меня отвели въ тюрьму, но дозволили провести этотъ день въ комнатѣ тюремщика, а также получать за свои деньги сколько угодно ѣды, вина и сигаръ. Въ книгахъ также не было недостатка. Тюремные сторожа были такими же, какъ въ Орлеанѣ, любезными, добрыми, славными людьми. «Вы увидите, сказалъ мнѣ главный сторожъ, при моемъ прибытіи, что вы находитесь между хорошими людьми (*braves garçons*)»; и дѣйствительно, я не могу принести ни одной жалобы. Да, эти люди были не только любезны, но служили доказательствомъ, что прежняя добродѣтель французскаго народа еще не погасла. Въ Орлеанѣ, въ день моего ареста, главный сторожъ получилъ приказаніе отъ полковника вольныхъ стрѣлковъ доставить меня къ допросу. Онъ совершенно хладнокровно отказался исполнить приказаніе, на

томъ основаніи, что я находился въ распоряженіи плацкоменданта, а не перваго попавшагося офицера, и сказалъ мнѣ весьма серьезно, что тюрьма должна служить также охраной для заключеннаго. Не припомню при какомъ случаѣ, но въ По разговоръ однажды зашелъ на эту тему, и тамошній главный тюремный сторожъ повторилъ почти тоже слово въ слово, прибавивъ, съ свойственнымъ гасконцамъ паѳосомъ и преувеличеніемъ, что дойти до меня возможно не иначе, какъ черезъ его трупъ, еслибы пожелали сдѣлать со мной какую-нибудь несправедливость. Приведу еще третью черту подобнаго же благородства. Жандармъ, сопровождавшій меня, когда я былъ уже освобожденъ, долженъ былъ собственно доставить меня только до Пуатье и тамъ сдать военному начальству. Но такъ какъ я при этомъ пропустилъ бы поѣздъ, то онъ взялъ на свою отвѣтственность проводить меня до прусскихъ форпостовъ.

Всѣ эти люди, какъ вообще всѣ низшіе чиновники во Франціи, изъ старыхъ отслужившихъ солдатъ, показываютъ всегда вѣрность долгу, любовь къ порядку и любезность, и тѣмъ рекомендуютъ съ весьма хорошей стороны армію, уничтоженную подъ Вейсенбургомъ, Вёртомъ, Седаномъ и Метцомъ. Но эти же самые люди отъ души ненавидятъ республику и жалѣютъ Наполеона. Тоже самое должно сказать относительно большинства крестьянъ. Какъ ни кажется это невѣроятнымъ послѣ революціи 4-го сентября, когда ни одна рука не поднялась за падшаго императора, и послѣ выборовъ національнаго собранія, столь невыгодныхъ для бонапартизма, тѣмъ не менѣе, кто нѣсколько ближе знакомъ съ французскимъ народомъ, тотъ объяснитъ себѣ это очень просто. Масса народа твердо убѣждена, что императоръ Наполеонъ измѣнилъ странѣ, или какъ эта обыкновенно говорится: продалъ страну Бисмарку. Совершенно безполезно задавать при этомъ вопросъ, какая выгода была императору Наполеону измѣнять Франціи—это вопросъ рѣшенный. И надобно сознаться, изъ всѣхъ живущихъ нынѣ французовъ, никто не содѣйствовалъ столько односторонней выработкѣ французовъ, какъ Тьеръ. Своими историческими сочиненіями онъ вызвалъ снова то увлеченіе Наполеономъ I, которое сдѣлало возможнымъ возвращеніе Наполеона III во Францію. Онъ же настоялъ на укрѣпленіи Парижа, которое теперь оказалось столь губительнымъ для Франціи, что самый утонченный врагъ Франціи не могъ бы поднести странѣ худшаго подарка. Въ 1841-мъ году Тьеръ, доказывая во французскомъ парламентѣ необходимость укрѣпленія Парижа, произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова о французахъ:

«Пруссія, Австрія, Испанія, сама Англія, не такъ единодушны, какъ Франція. Наша прекрасная страна имѣетъ одно громадное преимущество: она нераздѣльна. Никогда еще и ни въ какія времена, такое обширное государство не представляло такого полнаго единодушія во всѣхъ отношеніяхъ. Тридцать-четыре милліона людей, обитающихъ на территоріи средняго размѣра, живутъ одной общей жизнью, *чувствуютъ, мыслятъ, говорятъ одно и то же, почти въ одинъ голосъ*, благодаря главнымъ образомъ учрежденіямъ, которыя передаютъ слово въ нѣсколько часовъ съ одного конца Франціи на другой, благодаря административнымъ средствамъ, помощью которыхъ приказаніе передается въ нѣсколько минутъ изъ края въ край страны. *Это великое цѣлое мыслитъ и движется, какъ одинъ человѣкъ*. Этому единодушію оно обязано силой, которой не имѣютъ имперіи гораздо болѣе обширныя, но необладающія этой необыкновенной общностью дѣйствія. Но оно пользуется этими преимуществами лишь подъ условіемъ существованія единаго центра, изъ котораго исходитъ общій импульсъ, двигающій все цѣлое. Парижъ вѣщаетъ посредствомъ прессы и приказываетъ посредствомъ телеграфа. Поразите этотъ центръ, и Франція получитъ какъ-бы ударъ въ голову».

Это «единство мышленія» дѣйствительно необыкновенно распространилось во Франціи: лозунгъ, данный въ Парижѣ, покорно принимается всѣми. Независимость индивидуальнаго мышленія, доведенная до крайности въ Германіи, долго мѣшала единству ея, которое однако необходимо для безопасности и самозащиты націи. Графъ Бисмаркъ установилъ это единство, но оно будетъ заключать въ себѣ зародышъ къ раздорамъ, если пойдетъ въ Германіи тѣмъ же путемъ, какимъ развивалось во Франціи. Характеръ и исторія нѣмецкаго народа предохранятъ, конечно, отъ этой опасности. Я могъ бы привести безчисленное множество примѣровъ этого единства во Франціи или что то-же, отсутствія мышленія, но ограничусь однимъ.

Приблизительно въ началѣ войны, появилась въ одной французской газетѣ статья о прусскихъ уланахъ, въ которой разсказывалось, что эти уланы снабжаютъ себя всѣмъ необходимымъ на свой собственный счетъ, не получаютъ жалованья и живутъ добычей. Только немножко пожелавъ узнать истину—если она дѣйствительно не была извѣстна—французы могли бы убѣдиться, что эта исторія чистая выдумка. Но, проѣхавъ по Франціи отъ Форбаха до подножья Пиренеевъ, я вездѣ слышалъ ту-же исторію объ уланахъ, и не только повторяемую, но повторяемую съ полной вѣрой, до такой степени, что когда я однажды попробовалъ доказать одному господину нелѣпость этой басни, то мои старанія

остались тщетными. Мнѣ разсказывали, что когда Тьеръ въ первый разъ, въ ноябрѣ, былъ въ Версалѣ, то графъ Бисмаркъ упрекнулъ его въ томъ, что французское правительство употребляетъ тюркосовъ въ европейской войнѣ, и что Тьеръ на это ему отвѣчалъ: «А ваши уланы?» Такимъ образомъ, и онъ раздѣлялъ взгляды своихъ соотечественниковъ на это войско столь же регулярное, какъ и всякое другое войско прусской арміи.

Это прославленное единомысліе французовъ не помѣшало однако странѣ—что можетъ показаться логическимъ противорѣчіемъ, но въ сущности не противорѣчіе—быть раздираемой партіями. Тамъ существуютъ партіи: легитимистовъ, орлеанистовъ, бонапартистовъ, синихъ и красныхъ республиканцевъ. Но каждая изъ этихъ партій—съ немногими достойными уваженія исключеніями—мало заботится о дѣлѣ, и вся политика ихъ основана на извѣстномъ принципѣ: «Ôte-toi de là, pour que je m'y mette!» (пусти меня на твое мѣсто). Гамбетта достигъ власти, и съ этого момента его дѣятельность, главнымъ образомъ, была направлена къ тому, чтобы всѣ мѣста въ арміи и въ управленіи замѣстить своими партизанами. Его преемникъ по власти прогонитъ, разумѣется, ихъ прочь и посадитъ своихъ пріятелей на ихъ мѣста. И такъ до безконечности!

Я уже упомянулъ, что книги не были мнѣ запрещены, но газетъ не давали, и въ этомъ отношеніи сторожа повидимому имѣли строгую инструкцію. Ни одна газета до меня не доходила, и если я спрашивалъ, не случилось ли чего-нибудь новаго, то получалъ стереотипный отвѣтъ, что ничего новаго нѣтъ. Такое лишеніе весьма тяжело для того, кто привыкъ ежедневно читать дюжину газетъ, кто живетъ политикой и провелъ мѣсяцы въ главной квартирѣ среди ежеминутныхъ новостей. Только послѣ нѣсколькихъ недѣль заключенія, добылъ я въ первый разъ настоящія извѣстія. Трактирщикъ, отъ котораго я получалъ обѣдъ, прислалъ мнѣ однажды къ дессерту кизиль, отвратительный фруктъ, который дѣлается съѣдобенъ только, когда загніетъ. Этотъ кизиль лежалъ на кускѣ газетной бумаги. Газета оказалась изъ новыхъ. Въ ней я прочелъ слѣдующую фразу: «прусскіе французы (т.-е. настроенные въ пользу пруссаковъ французы), которые какъ акулы слѣдили за правительствомъ въ Турѣ, послѣдовали за нимъ и *сюда*». Изъ этого сдѣлалось мнѣ ясно, что правительство перемѣстилось изъ Тура, но куда? Надъ этимъ я долго ломалъ голову, но не могъ отгадать. Только выраженіе «прусскіе французы» сдѣлало мнѣ указаніе въ другомъ направленіи. Газета принадлежала очевидно къ партіи Гамбетты и обзывала пруссаками тѣхъ, кто считалъ

миръ необходимымъ. Такимъ образомъ, во Франціи должна существовать партія мира, и это уже было утѣшеніемъ для плѣнника, который могъ разсчитывать получить свободу только по заключеніи мира.

Такимъ же путемъ я еще разъ получилъ клочекъ газеты. Въ этой газетѣ я прочелъ двѣ фразы, которыя какъ солнцемъ освѣтили мракъ моего заточенія. Это были отрывки одной передовой статьи, предсказывающей погибель прусской арміи. Позже сравнивая печать и форматъ, я увидѣлъ, что эта газета была «Petit Journal», весьма извѣстная и распространенная газета, издаваемая въ Бордо, въ которой послѣ каждаго предложенія оставляется пустое мѣсто и ставятся три звѣздочки, какъ бы для того, чтобы дать время читателю спокойно вникнуть въ глубину его премудрости. Въ ней я прочелъ приблизительно такія цитаты:

* * *

«Затѣмъ мы возьмемъ обратно Орлеанъ съ тѣмъ, чтобы съ нимъ больше не разставаться, и Лоара послужитъ могилой смѣльчакамъ, которые ее перешли».

* * *

«Быстрымъ потокомъ пронеслась волна нѣмецкаго завоевателя до пороговъ Орлеана, и только Парижъ, какъ непокорная скала, воздымается изъ этого потока. Орлеанъ будетъ преградой для завоевателя, и на обратномъ пути волна разобьется въ прахъ», и т. д.

Я былъ твердо убѣжденъ, что пруссаки, будь они даже вдвое предпріимчивѣе, не ринутся въ океанъ, для того чтобы потонуть подобно войску Фараона, и радовался безконечно новому взгляду, который былъ мнѣ открытъ этими двумя предложеніями. Успокоенный въ этомъ отношеніи я могъ, не развлекаясь, предаться чтенію. Въ тюрьмѣ была маленькая библіотека, изъ летучей библіотеки я получалъ книги для легкаго чтенія. Главный секретарь префектуры одолжилъ мнѣ очень хорошій французскій переводъ Ѳукидида, отрывки изъ котораго я читалъ въ гимназіи, прочесть же вполнѣ никогда не находилъ времени при массѣ занятій по моей спеціальности. Я утопалъ въ наслажденіи и сказалъ себѣ, довольный собой: «Deus nobis haec otia fecit». Въ теченіе двухъ тысячелѣтій, прошедшихъ съ тѣхъ поръ, не было написано ничего болѣе законченнаго, какъ первая книга Ѳукидида и въ этой книгѣ выступаетъ, какъ колоссальное произведеніе, рѣчь надъ тру-

пами аѳинянъ, падшихъ въ сраженіи «на рѣкахъ», которую произнесъ Периклъ (т.-е., которую Ѳукидидъ вложилъ въ его уста). Снова пройдутъ тысячелѣтія, забудутся многіе историки, которые теперь высоко цѣнятся, а этотъ герой будетъ сіять тѣмъ же блескомъ, какъ вѣчныя звѣзды. Мы гордимся, и справедливо гордимся нашими успѣхами во всѣхъ практическихъ наукахъ, но въ исторіографіи, искусствѣ говорить рѣчь, въ пластикѣ мы не возвысились ни на іоту надъ уровнемъ, котораго достигло человѣчество около полутарытысячи лѣтъ тому назадъ въ Греціи. Когда приходится цѣлый день проводить за чтеніемъ, то стараешься доставить себѣ въ немъ разнообразіе. Я читалъ одновременно «Донъ-Кихота» Сервантеса (котораго конечно не разъ уже читалъ, но перечитывалъ съ удовольствіемъ) и исторію французской революціи Барро. Это сопоставленіе производило на меня весьма странное впечатлѣніе. Между тѣмъ, пока я занимался чтеніемъ, пришли извѣстія о новѣйшей парижской революціи, и мнѣ хотѣлось воскликнуть: развѣ господство Санхо-Панча на островѣ Баратавія не идеалъ всякой мудрости? Но я не люблю парадоксовъ.... Одно только вѣрно, что глубокій юморъ, которымъ не обладалъ древній міръ, составляетъ цвѣтъ современнаго человѣческаго ума.

Въ концѣ декабря я сдѣлался боленъ и былъ перемѣщенъ въ госпиталь, въ палату, гдѣ вмѣстѣ со мной находилось восемь человѣкъ. Мои семь товарищей, которые часто мѣнялись, были ремесленники или крестьяне и говорили діалектомъ По, сроднымъ главному гасконскому діалекту и весьма похожимъ на провансальскій. Рѣзкій признакъ этого діалекта состоитъ въ томъ, что вмѣсто *в* произносится вездѣ *б* (извѣстный филологъ Скалигеръ съострилъ на этотъ счетъ: «Felices populi, quibus vivere est bibere»), и что двугласныя раздѣльно произносятся, такъ что городъ По (Pau) на діалектѣ значится Пау. Для сѣвернаго француза этотъ діалектъ совершенно непонятенъ, и наоборотъ, малообразованный классъ здѣсь не понимаетъ ни слова по-французски. Въ школѣ французскій языкъ преподается какъ иностранный, лучшей же школой бываетъ военная служба, которая такимъ образомъ способствуетъ единству языка страны. Изъ жителей Эльзаса, напримѣръ, знаютъ по-французски только тѣ, кто служитъ въ арміи. Между здѣшними крестьянами я встрѣтилъ (въ госпиталѣ) весьма толковыхъ людей, но и они восхваляли, что я уже и прежде замѣтилъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, куда переѣзжала главная квартира,—правленіе императора Наполеона и ненавидѣли республику и Парижъ. Дѣйствительно, Наполеонъ весьма много сдѣлалъ для матеріальнаго быта сельскаго населенія: достаточно одного устройства сѣти проселочныхъ дорогъ, чтобы упрочить

въ крестьянинѣ благодарное о себѣ воспоминаніе. Сверхъ того, политика свободной торговли императора принесла большую пользу крестьянамъ. Всѣ продукты страны значительно поднялись въ цѣнѣ и втеченіе послѣднихъ 20-ти лѣтъ крестьяне почти сплошь сдѣлались достаточными. Но таже политика возстановила противъ императора промышленный міръ и большую часть городского населенія, потому что прежняя покровительственная система исключала иностранную конкурренцію относительно многихъ предметовъ и дѣлала возможнымъ существованіе при меньшемъ трудѣ. Этимъ отчасти объясняется постоянная оппозиція императорскому правительству городского населенія и преданность населенія сельскаго. Къ этому во всякомъ случаѣ присоединяется — чего не слѣдуетъ упускать изъ виду и что болѣе важно — то, что образованный классъ, имѣющій болѣе представителей въ городахъ, чѣмъ въ деревняхъ, никогда не могъ простить императору «coup d'état», посредствомъ котораго онъ похитилъ власть, между тѣмъ какъ образованный классъ желалъ либеральной системы правленія.

Въ госпиталѣ въ По, какъ и въ большинствѣ подобныхъ учрежденій Франціи, завѣдываютъ всѣмъ сестры общества Сенъ-Венсенъ-де-Поль. Эти дамы дѣятельны до самопожертвованія, и въ этомъ отношеніи достойны удивленія; но мнѣ сомнительно, что не было ли бы лучше передать, по крайней мѣрѣ главное завѣдываніе большими учрежденіями, мужчинамъ, которые, не увлекаясь гуманностью, часто выражающеюся въ послабленіяхъ, держали бы все въ порядкѣ. Я замѣтилъ по крайней мѣрѣ, что прилагается недостаточно старанія, чтобы поскорѣе вылечить больного, и, наблюдая за моимъ небольшимъ кружкомъ, видѣлъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выздоровленіе несомнѣнно могло бы послѣдовать раньше. Докторъ появлялся одинъ разъ, утромъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ молодыхъ людей, державшихъ все время руки въ карманахъ панталонъ и къ которымъ онъ никогда не обращался. Онъ осматривалъ только тѣхъ больныхъ, которые вновь поступали или надъ которыми намѣревался произвести какую-нибудь манипуляцію.

Если положеніе одного изъ больныхъ ухудшалось, сестра, ухаживающая за больными въ палатѣ, обращала на него вниманіе доктора. Докторъ не прописывалъ рецептовъ, но отдавалъ свои приказанія сестрамъ словесно, которыя приготовляли затѣмъ лекарства въ аптекѣ, находящейся также въ ихъ завѣдываніи. Леченіе бывало очень просто. Въ палатѣ, гдѣ я находился, лежали такъ-называемые *blessés civils*, т.-е. страдавшіе наружными болѣзнями или переломами костей. У многихъ были повреждены ноги, что въ По встрѣчается весьма часто; у одного былъ весьма

серьёзный обжогъ. Въ подобныхъ случаяхъ леченіе состояло въ слѣдующемъ: перевязка со спускомъ (смѣсь воска съ медомъ) и затѣмъ усердное прижиганіе ляписомъ. Техническое выраженіе для этого по-французски: *passer le crayon*; каждая сестра носила дѣйствительно въ карманѣ кусокъ ляписа, вставленнаго въ ручку, на подобіе карандашной, и натирала имъ усердно бѣднягъ, корчившихъ ужасныя рожи. Моя опытность, конечно, не велика, но судя по тому, что я видѣлъ, способъ леченія въ нѣмецкихъ госпиталяхъ слѣдуетъ предпочесть. Французскіе госпитали, какъ я уже замѣтилъ раньше, имѣютъ только одно преимущество, а именно, что больные два раза въ день получаютъ по стакану чистаго, хорошаго вина, которое имъ вѣроятно больше помогаетъ, чѣмъ всякое лекарство.

Я всегда думалъ, что время должно медленно тянуться для плѣнника (а такимъ я былъ и въ госпиталѣ), но совершенно наоборотъ, недѣли пролетали, какъ никогда въ моей жизни. Только ночи были длинны, потому что по правиламъ госпиталя въ 8 часовъ всѣ ложились спать, а свѣтало не раньше 8 часовъ утра. Но привыкаешь ко всему, и я утѣшалъ себя тѣмъ, что сплю *въ запасъ*. Большимъ удовольствіемъ было для меня въ госпиталѣ, что я не былъ тамъ вполнѣ лишенъ газетъ. Хотя было строго запрещено давать мнѣ газеты и даже говорить со мной о новостяхъ, но въ госпиталѣ невозможно было исполнять приказаніе это такъ строго, какъ въ тюрьмѣ, и такъ какъ, кромѣ того, съ своей стороны я дѣлалъ все, что могъ, чтобы пріобрѣсти расположеніе моихъ сотоварищей, то у меня не было недостатка въ помощи. Я разскажу сейчасъ одинъ поступокъ, который меня особенно тронулъ. Втеченіе послѣдней недѣли января до меня не дошла ни одна газета; повидимому, за этимъ стали наблюдать особенно строго. Я былъ въ нетерпѣніи: должна же наконецъ кончиться осада Парижа, послѣ того, какъ этотъ городъ держался дольше всякихъ ожиданій. Освобожденіе Парижа отъ осады было немыслимо, потому что въ этомъ случаѣ французы бы торжествовали. Вдругъ замѣтилъ я нѣчто, чего не могъ сразу себѣ объяснить: случилось что-то необыкновенное, чего я не зналъ. Наконецъ, я догадался. Глухой городской шумъ (По имѣетъ около 30,000 жителей), достигавшій обыкновенно до госпиталя, сразу умолкъ: наступила гробовая тишина. Оказалось, Парижъ капитулировалъ. Одинъ изъ больныхъ, ходившій свободно по госпиталю и добывавшій мнѣ обыкновенно газеты, объявилъ, что не въ состояніи сегодня достать ихъ. Ему также не было извѣстно никакихъ новостей. Наконецъ, послѣ обѣда, подошелъ онъ ко мнѣ снова и шопотомъ проговорилъ: «тамошніе (въ большой палатѣ, противъ моей, въ которую я не смѣлъ входить, помѣщались старые и неизлечимые больные — тамъ читались газеты

и сообщались новости) говорятъ, что Трошю продалъ Парижъ графу Бисмарку за пять милліоновъ».

Изъ этого видно, какъ быстро французы переходятъ отъ безусловнаго уваженія чуть не къ полному презрѣнію, но винить въ этомъ слѣдуетъ правительства, льстившія постоянно честолюбію французовъ. Со времени революціи 1789-го года, ни одно правительство не было безгрѣшно въ этомъ отношеніи. Дѣтямъ уже проповѣдуютъ въ школахъ, что они принадлежатъ къ первой націи міра, націи, обладающей въ изобиліи всѣми человѣческими добродѣтелями. Во время моего пребыванія во Франціи, мнѣ часто попадалась на глаза одна книжка, написанная вышеупомянутымъ авторомъ исторіи революціи г. Барро. Она озаглавлена: *La Patrie* и заключаетъ въ себѣ географическо-историческо-статистическое описаніе Франціи. Министръ народнаго просвѣщенія Дюрюи утвердилъ ее для преподаванія въ школахъ. Въ этой книгѣ не только все время развивается тезисъ, что французы, во всѣхъ отношеніяхъ, первая нація въ мірѣ, но въ одномъ мѣстѣ доходитъ чуть не до богохульства. Послушайте и посудите сами. Въ главѣ объ арміи говорится: «Французская нація страстно любитъ военную славу. Вся вселенная была театромъ ея подвиговъ, исторія полна ими и настоящая эпоха со славой обновила воспоминанія о нихъ. Ничто не можетъ сравниться съ безстрашнымъ и блестящимъ мужествомъ нашихъ солдатъ. Вотъ что говорилъ по этому поводу, послѣ Іенскаго сраженія, одинъ прусскій генералъ: «Еслибы противъ французовъ намъ приходилось употреблять только руки, то мы бы легко побѣдили ихъ, мы выше ихъ ростомъ, сильнѣе; но въ сраженіяхъ ими овладѣваетъ невыразимый пылъ, *они становятся подъ огнемъ сверхъ-естественными существами*».

Развѣ провозглашеніе подобныхъ вещей, и не только провозглашеніе, но преподаваніе мальчикамъ въ школахъ не есть доказательство полнѣйшаго отсутствія такта? Я жалѣю, что не выписалъ еще одной цитаты изъ этой книги, но передамъ ее своими словами, ручаясь за точный смыслъ. Въ главѣ о деньгахъ говорится: «Франція самая богатая страна міра (я уже замѣтилъ, что Франція во что бы то ни стало должна быть всегда первой страной міра). Природа отказала ей въ благородныхъ металлахъ, но она надѣлила ее *желѣзомъ*, посредствомъ котораго она извлекаетъ ихъ изъ хлѣбопашества, промышленности *и войны* (?)». Такимъ образомъ, военная добыча разсматривается какъ правильный доходъ Франціи.

Но я забылъ разсказать трогательный поступокъ, о которомъ упомянулъ. Мало-по-малу я узнавалъ нѣкоторыя подробности капитуляціи Парижа, сначала черезъ одного надзирателя

за больными, испанца, говорившаго языкомъ, составленнымъ изъ смѣси испанскаго, французскаго и гасконскаго діалекта, и понять котораго стоило не мало труда, затѣмъ отъ одного молодого человѣка, находившагося въ госпиталѣ, который однажды таинственно вручилъ мнѣ записочку и шепнулъ: «можете прочесть»? Я пробовалъ, но прочесть было невозможно. Записочка была покрыта гіероглифами, которые были для меня непонятны. Я признался въ своемъ невѣжествѣ. Тогда молодой человѣкъ прошепталъ мнѣ: *Paris a capitulé.* Онъ хотѣлъ сообщить мнѣ радостную для меня вѣсть и, не умѣя писать, срисовалъ печатныя буквы.

Около восьми дней спустя послѣ перемирія, я получилъ извѣстія изъ дома, что употребляются всѣ усилія для моего освобожденія, и въ безпокойномъ ожиданіи прошло время до 18-го. Французское правительство желало обмѣнить меня на одного префекта, взятаго въ плѣнъ въ Мезьерѣ; по заявленіи этого желанія, обращеніе со мной сдѣлалось гораздо мягче. Я получилъ позволеніе, безъ просьбы съ своей стороны, иногда прогуливаться въ сопровожденіи госпитальнаго священника. 15-го мнѣ было объявлено позволеніе, а 16-го любезный священникъ пришелъ за мной для первой прогулки, и послѣ трехъ мѣсяцевъ мнѣ предстояло въ первый разъ покинуть комнату. Эта зима и въ По была очень холодна, сорокъ лѣтъ не было такого холода. Такъ утверждаютъ по крайней мѣрѣ тамошніе жители, но я полагаю, что они восхваляютъ свой климатъ болѣе, чѣмъ онъ того заслуживаетъ, какъ это обыкновенно бываетъ въ такихъ мѣстахъ, куда пріѣзжаютъ лечиться климатомъ. Въ январѣ пять разъ выпадалъ снѣгъ и не таялъ по нѣскольку дней. Въ началѣ февраля погода стала лучше, а къ серединѣ мѣсяца была превосходна. Изъ моей госпитальной комнаты видѣнъ былъ огородъ, непредставлявшій ничего живописнаго, затѣмъ виднѣлись задніе фасады домовъ, также весьма мало живописные, и вдали видѣнъ былъ длинный холмъ, составлявшій предметъ моего наслажденія, потому что онъ былъ обращенъ ко мнѣ солнечной стороной и втеченіи дня мѣнялъ, по крайней мѣрѣ, двадцать разъ цвѣта. Если я говорю двадцать, то это относится къ впечатлѣніямъ моего неопытнаго глаза: художникъ открылъ бы, вѣроятно, сотни различныхъ измѣненій въ нюансахъ. Свѣтъ составляетъ, безъ сомнѣнія, самую большую красоту юга. Я люблю сѣверные ландшафты, но въ нихъ нѣтъ, въ сравненіи съ южными—свѣта и красокъ.

Городъ По знаменитъ своимъ мѣстоположеніемъ. Онъ лежитъ на берегу Гаве (въ этой странѣ всѣ рѣки называются Гаве и различаются прибавленіемъ имени мѣстности, напр., Гаве

По, Гаве Олерона, и т. д.), на плоской возвышенности, которая круто спускается къ рѣкѣ, такъ что съ каждаго пункта края возвышенности открывается видъ на всю долину рѣки, на склонъ противуположнаго берега, покрытый домами, и на заднемъ планѣ на Пиренеи. На одномъ изъ самыхъ выдающихся мѣстъ возвышенности стоитъ дворецъ Генриха IV-го, знаменитѣйшаго изъ гасконцевъ, служившій во времена Луи-Филиппа мѣстопребываніемъ Абдель-Кадера, реставрированный по приказанію императора Наполеона и въ которомъ, въ настоящее время, находится весьма богатое собраніе древностей. Ко дворцу примыкаетъ съ сѣверной стороны красивый паркъ, по направленіи къ югу, аллея вдоль края террасы приводитъ на Королевскую площадь,—центръ жизни въ По. Это — небольшая, покрытая платанами площадь, посреди которой стоитъ мраморный бюстъ Генриха IV-го съ надписью (на гасконскомъ діалектѣ): *Lou nouste Herrie* (нашъ Генрихъ). Съ трехъ сторонъ площадь обстроена домами, съ четвертой, прилегающей къ краю терассы, домовъ нѣтъ, и Пиренеи представляются въ рамкѣ, какъ на картинѣ. Я исходилъ Швейцарію во всѣхъ направленіяхъ, но видѣлъ немного ландшафтовъ, которые могли бы конкуррировать съ видомъ съ Королевской площади въ По. Размѣры Пиренеевъ не такъ громадны, какъ размѣры Альпъ, внушающіе человѣку на ряду съ удивленіемъ и какое-то чувство страха, но они величественны и въ тоже время изящны. Въ это раннее время года вся цѣпь горъ была покрыта еще снѣгомъ и тающія поля его блестѣли на солнцѣ, какъ колоссальныя зеркала. Въ серединѣ цѣпи, и нѣсколько въ глубинѣ воздымается темносиняя, крутая пирамида *Pic du midi de Pau*, на которой снѣгъ мало держится.

Слѣдующіе за тѣмъ дни были для меня весьма печальны. 18-го кончилось перемиріе (о продленіи его я еще не зналъ), а ничто не указывало на то, чтобы хлопотали объ моемъ освобожденіи. Въ самый этотъ день всѣ содержавшіеся въ По нѣмецкіе солдаты были отправлены отсюда и мнѣ оставалось только думать, что меня забыли. Еслибы война снова началась, то, безъ сомнѣнія, отличалась бы большимъ ожесточеніемъ съ обѣихъ сторонъ и даже, будь успѣхи пруссаковъ еще значительнѣе, могло бы пройти много времени до заключенія мира. Было воскресенье. Больные, которые были въ состояніи встать съ постели, отправились къ своимъ знакомымъ въ другія палаты. Погода была превосходная, но такъ какъ въ воскресенье священникъ не имѣлъ времени за мной зайти, я былъ осужденъ восхищаться ею изъ своей комнаты. Я, по обыкновенію, принялся за чтеніе. Вдругъ отворилась дверь и вошла старшая надзирательница въ сопровожденіи начальника жандармовъ, который въ то-же время

былъ и плацъ-комендантомъ По. Это было, конечно, не даромъ. Я всталъ и пошелъ къ нимъ на встрѣчу. *Je crois que c'est une bonne nouvelle*, начала-было надзирательница, желая вѣроятно меня подготовить; но начальникъ жандармовъ брякнулъ прямо: Le ministre a ordonné votre mise en liberté immédiate. Конечно, не разъ думалъ я о томъ, что эти слова будутъ-же когда-нибудь произнесены, но это нисколько не ослабило дѣйствія, которое они на меня произвели. Кого не постигала подобная участь, тотъ не можетъ оцѣнить счастье такого момента. Онъ примиряетъ съ мѣсяцами плѣна. Я никому не желаю испытывать это на себѣ, что-же касается меня, то долженъ признаться, что не сожалѣю о случившемся. Начальникъ жандармовъ предложилъ мнѣ свой экипажъ, дожидавшійся его у госпиталя, и сопровождалъ меня, въ то время, какъ я дѣлалъ прощальные визиты. Я былъ много обязанъ одному англичанину, который уже двадцать лѣтъ проводитъ каждую зиму въ По, и который, по просьбѣ моего семейства, испробовавшаго всѣ пути, чтобы устроить сообщеніе со мной, получилъ исключительное позволеніе префекта посѣщать меня и снабжать меня англійскими книгами, а также патеру Гратри, къ которому я имѣлъ рекомендательное письмо отъ епископа орлеанскаго. На другой день я выѣхалъ изъ По, вмѣстѣ съ однимъ нѣмецкимъ военнымъ пасторомъ, взятымъ въ плѣнъ въ Дижонѣ и содержавшимся въ По,—въ сопровожденіи жандармскаго бригадира. Вечеромъ мы пріѣхали въ Бордо, гдѣ прождали нѣсколько часовъ дальнѣйшаго поѣзда на сѣверъ; на слѣдующій день на станціи Сенъ-Моръ, въ двухъ миляхъ отъ Тура, мы были переданы прусскимъ аванпостамъ, снова вполнѣ счастливые, освобожденные изъ плѣна. Въ Турѣ была главная квартира принца Фридриха-Карла, и городъ, повидимому, свыкся съ своимъ положеніемъ, Орлеанъ же, напротивъ, имѣлъ безконечно унылый видъ. На нѣсколько мѣсяцевъ городъ былъ превращенъ въ огромный лазаретъ, и хотя ему и удалось избѣжать самаго худшаго, борьбы въ его стѣнахъ, но все же пришлось испытать много бѣдствій, нераздѣльныхъ съ войной. Версаля нельзя было узнать, казалось, что населеніе въ немъ удвоилось. Главная квартира была исключительно занята переговорами о мирѣ, въ кружкѣ офицеровъ, съѣхавшихся въ Версаль въ огромномъ числѣ на время перемирія, царствовало искреннее веселье при мысли о скоромъ возвращеніи домой. Послѣ продолжительныхъ лишеній, большихъ опасностей и тягостей всякій спѣшилъ, при удобномъ случаѣ, осушить до дна кубокъ радости.

Когда въ Версаль пришло извѣстіе о томъ, что собраніе въ Бордо приняло предварительныя условія мира, я собрался въ

обратный путь въ Берлинъ, чтобы избѣжать страшнаго потока, который черезъ нѣсколько дней долженъ былъ политься къ нѣмецкой границѣ. Я уже имѣлъ случай во время первыхъ мѣсяцевъ похода слишкомъ хорошо познакомиться съ удовольствіями подобнаго путешествія, когда мнѣ пришлось 72 часа ѣхать отъ Берлина до Саарбрюкена. Теперь я возвращался черезъ Нанси и Метцъ. Я уже былъ разъ въ Нанси, въ октябрѣ, и желалъ еще разъ взглянуть на этотъ очаровательный городъ. Изъ всѣхъ французскихъ городовъ ни одинъ такъ не нравится мнѣ. Нанси лежитъ въ роскошной равнинѣ, на берегу Мерты, окруженъ вѣнкомъ садовъ предмѣстій, а на нѣкоторомъ разстояніи отъ него возвышаются холмы. Самый городъ расположенъ на холмистой мѣстности, съ широкими и прямыми улицами. Самый красивый пунктъ—площадь Станислава, посерединѣ которой стоитъ статуя герцога, которому городъ столь многимъ обязанъ. Вокругъ этой площади расположены красивая ратуша, дворецъ епископа и театръ; улицы, выходящія на площадь, и прелестная аллея, носящая названіе *pepinière*, загорожены со стороны площади бронзовой рѣшеткой. Съ золотыми остріями рѣшетокъ гармонируютъ массивные бронзовые фонтаны, расположенные противъ аллеи, а по направленію къ старому городу виднѣется тріумфальная арка, построенная Станиславомъ въ честь Людовика XV. Населеніе, особенно женское, представляетъ типъ прекрасной смѣси нѣмецкой силы и полноты формъ съ французскою живостью и миловидностью; настроеніе его чисто-французское, а потому большое счастье, что городъ остается въ рукахъ Франціи.

Изъ Нанси я поѣхалъ въ Метцъ. Въ августѣ я былъ свидѣтелемъ жаркихъ битвъ, происходившихъ вокругъ этого города, видѣлъ его гордые форты и темную массу собора. Теперь я могъ проникнуть внутрь города, черезъ гордые ворота Серпенуазъ, на передней сторонѣ которыхъ надписи возвѣщаютъ о геройскихъ защитахъ крѣпости, остававшейся дѣвственной до прошлаго года. Съ цитадели обозрѣваешь весь городъ и вѣнецъ фортовъ, опоясывающихъ его широкимъ кругомъ. Метцъ дѣйствительно страшный больверкъ и понятно, что потеря его для французовъ тяжелѣе всѣхъ остальныхъ потерь этой войны. Въ день моего отъѣзда изъ Метца въ Берлинъ, пушки фортовъ гремѣли въ честь заключенія мира...

—ръ.

МОИСЕЙ НА НИЛѢ

Изъ В. Гюго.

И вышла дочь Фараонова на рѣку мыться;
а прислужницы ея ходили по берегу рѣки.
Исходъ.

«Пойдемте, подруги, въ часъ утра волна
Прохладою вѣетъ, кругомъ тишина,
Жнецы отдыхаютъ подъ кровами хижинъ,
Мемфисъ еще дремлетъ и пустъ, и недвиженъ.
Пойдемте туда, гдѣ деревьевъ шатеръ
Широкую тѣнь надъ рѣкою простеръ:
Тамъ рѣзвыя наши забавы примѣтитъ
Лишь солнце, что̀ съ неба такъ ласково свѣтитъ.

«Прекрасенъ отца золоченый чертогъ;
Но здѣсь мнѣ милѣе: здѣсь свѣтлый потокъ
Струится и, полонъ гармоніи чудной,
Ласкаетъ коверъ береговъ изумрудный;
Здѣсь вѣтеръ колеблетъ цвѣты, и струятъ
Они изъ сверкающихъ чашъ ароматъ
Пріятнѣй курильницъ съ смолой благовонной;
Здѣсь птицы щебечутъ средь рощи зеленой.

«Пойдемте! прохладно дыханіе водъ
И ясенъ лазури сіяющій сводъ;
Пусть нашихъ покрововъ ревнивыя складки
На вѣтви кустовъ упадутъ въ безпорядкѣ:
Смотрите, какъ вьетъ ихъ зари вѣтерокъ....
Снимите мой поясъ, снимите вѣнокъ —
И волны журчащія грудью разрѣжемъ,
Отдавшись потока лобзаніямъ свѣжимъ.

«Скорѣе, скорѣе... Но чтò это тамъ,
Чернѣя въ туманѣ, плыветъ по волнамъ?...
Не бойтесь: то старая пальма подгнила
И рухнула въ воды струистыя Нила,
И, бѣдную, онъ изъ пустыни влачитъ
Туда, гдѣ возвысился рядъ пирамидъ,
Гдѣ льется въ безбрежномъ и бурномъ просторѣ
Далекое море, шумящее море.

«О нѣтъ, то не пальма плыветъ — то челнокъ.
Смотрите: къ намъ гонитъ его вѣтерокъ;
Смотрите: чтò голубь въ гнѣздѣ бѣлоснѣжный
Лежитъ въ немъ ребенокъ, и съ ласкою нѣжной
Бѣгущія волны, какъ мать колыбель,
Пловучую тихо качаютъ постель;
Журчаніемъ ихъ убаюканъ, съ улыбкой
Безпечно уснулъ онъ надъ бездною зыбкой.

«Проснулся онъ: дѣвы Мемфиса, скорѣй!...
Онъ плачетъ.... Какая изъ злыхъ матерей
Покинула сына на страшныя муки?
Блуждаетъ онъ взорами, слабыя руки
Безпомощно онъ протянулъ... но потокъ
Все дальше влечетъ тростниковый челнокъ
И, бѣднаго, вопль не внимая унылый,
Его погребетъ среди влажной могилы.

«Спасемъ его, дѣвы Мемфиса, спасемъ!
Быть можетъ, то мальчикъ еврейскій: отцомъ
Губить ихъ дано повелѣніе злое.
Несчастный малютка! Какъ сына его я
Возьму: пробудилъ онъ мнѣ въ сердцѣ любовь.
Онъ матерью брошенъ: во мнѣ ее вновь
Найдетъ онъ и будетъ мнѣ жизни спасеньемъ
Обязанъ, какъ ей былъ обязанъ рожденьемъ....»

Такъ Ифисъ, надежда и счастье царя,
Прекраснымъ подругамъ своимъ говоря,
Покровы откинула съ юнаго тѣла
И въ воды струистыя бросилась смѣло;
И дѣвы стояли, смущенья полны:
Казалося имъ среди влажной волны
Предъ ними богиня Изида нагая
Явилась, красою небесной сіяя.

Подъ нѣжной ногой ея брызжетъ вода,
Стремитъ она шагъ боязливый туда,
Гдѣ слышны ребенка тоскливые крики,
Хватаетъ челнокъ и съ весельемъ на ликѣ
Назадъ съ драгоцѣнною ношей спѣшитъ.
Румянцемъ невольнымъ дѣвическій стыдъ
Покрылъ ея щеки, когда, обнаженной,
Она поднялась изъ волны, и, зеленый

Ломая тростникъ, пробралась на песокъ,
И, бережно тамъ опустивши челнокъ,
Ребенка своимъ показала подругамъ.
Столпились веселымъ, лепечущимъ кругомъ
Онѣ предъ малюткой; лобзаньями ихъ
Утѣшенъ, младенецъ прекрасный затихъ,
Открылъ широко, съ удивленіемъ глазки
И сталъ улыбаться на рѣзвыя ласки....

Ты, бѣдная мать, что, таясь при рѣкѣ,
Слѣдишь за ребенкомъ въ тревожной тоскѣ —
Приблизься, подъ видомъ чужой, не робѣя:
Въ родныя объятья возьми Моисея;
И радость души благодарной своей
Предъ юной царевной безъ страха излей:
Она не пойметъ твоей тайны, не зная,
Какъ любитъ дитя свое матерь родная....

Въ тотъ часъ, какъ царевна, душою свѣтла,
Съ спасеннымъ ребенкомъ торжественно шла
Въ чертогъ Фараона, средь неба звучали
Архангеловъ хоры: «Утѣшьтесь въ печали
Израиля дѣти! Довольно лилось
Въ изгнаньи и рабствѣ мучительныхъ слезъ:
Спасенный младенецъ святому народу
Дастъ снова отчизну, дастъ снова свободу!»

В. Буренинъ.

СТАРАЯ И НОВАЯ
ФРАНЦІЯ

Централизація и общественная инициатива.

V*).

Quantité de gens pourront dire,
Qu'il vaudrait autant rien n'écrire
Que d'écrire si tristement;
Mais qui pourrait faire autrement?
Le feu comme dedans du chaume,
Se repand par tout le royaume...

Lorет: Muse historique.

Когда въ началѣ этого года я старался опредѣлить существенныя задачи «старой» и «новой» Франціи, когда я указывалъ при этомъ на солидарность, на тѣсную связь между «старою» и «новою» Франціей, и утверждалъ, что тѣже неразрѣшенные, а только выдвинутые революціей впередъ, вопросы требуютъ себѣ отвѣта отъ новой Франціи, какъ требовали того же и отъ старой; что таже борьба двухъ политическихъ началъ—абсолютной централизаціи и повсемѣстнаго представительства, — стоитъ на очереди и предъ современными поколѣніями, какъ и прежде стояла предъ ихъ дѣдами во Франціи стараго режима; что отъ того или другого разрѣшенія этого вопроса зависятъ мирное развитіе или грозныя смуты для страны, которая, поневолѣ, за-

*) См. выше: мартъ, 12 стр.

ставляетъ сосредоточивать на себѣ тревожное вниманіе всего міра, какова бы при этомъ ни была форма правленія; — когда, однимъ словомъ, я обращался къ исторіи прошлаго для выясненія правильнаго взгляда на настоящее, — я не думалъ, что необычайныя событія ближайшихъ дней такъ быстро дадутъ столь гигантское и столь кровавое подтвержденіе моимъ доводамъ о современности такого этюда!

Но великая революція—говоритъ Луи-Бланъ въ одномъ мѣстѣ своей исторіи—представилась бы только дикою рѣзней и чудовищнымъ разрушеніемъ безъ всякаго смысла, еслибы смотрѣть на нее, не оглядываясь назадъ, не обращая вниманіе на всю исторію французскаго народа до революціоннаго взрыва.

Современныя событія—должны мы сказать въ свою очередь — явились бы точно также безсмысленными и совершенно непонятными, еслибъ мы вздумали изолировать ихъ отъ всей исторіи французской революціи, отъ ея хода, отъ ея причинъ, отъ того положенія — политическаго и соціальнаго —французскаго народа, которое привело къ ея началу въ 89-мъ году, и которое вызываетъ до сихъ поръ періодическія возобновленія революціонныхъ взрывовъ, подтверждающихъ мнѣніе историковъ о томъ, что эта революція далеко еще не кончена.

Въ этомъ вооруженномъ возстаніи двухмилліоннаго населенія, въ этомъ, алчущемъ крови, призывѣ къ подавленію возстанія картечью Монъ-Валерьена и оружіемъ капитулировавшихъ бонапартистовъ и суевѣрныхъ фанатиковъ папизма, вы напрасно хотѣли бы видѣть только глупую и печальную случайность, только крамольничество однихъ и государственную мудрость другихъ; этотъ бой подъ стѣнами Парижа, и, можетъ быть, очень скоро, въ самыхъ стѣнахъ Парижа,—только одинъ изъ новыхъ фазисовъ «давнишняго, стараго спора», — спора между формулою политической централизаціи и стремленіемъ народа къ самоуправленію, къ народной иниціативѣ во всѣхъ общественныхъ дѣлахъ... Это—споръ, тянущійся чрезъ всю исторію Франціи; задушенный желѣзною рукою Ришелье и его интендантовъ, снова поднятый при Лудовикѣ XV-мъ парламентами и провинціальными штатами; споръ, который искалъ себѣ напраснаго разрѣшенія въ реформахъ, предложенныхъ Тюрго и Неккеромъ, и который, неудовлетворившись, поднялъ французскій народъ на революцію, для того, чтобъ быть снова подавленнымъ и отброшеннымъ на заднiй планъ государственной жизни. Но то, что подавлено, то отнюдь не разрѣшено, и вотъ онъ снова завязался на кровавой аренѣ гражданской войны; только съ теченіемъ времени онъ выросъ, развился и усложнился. Сведенный прежде на борьбу

между роялизмомъ и привилегированнымъ обществомъ изъ-за идеи представительства, восторжествовавшаго въ 89-мъ году надъ роялистскою опекою,—теперь этотъ споръ выражается въ борьбѣ между двумя обширными классами самого французскаго общества, —между привилегированнымъ и обездоленнымъ классами, и если снова раздается обвиненіе въ централизаціи, и снова торжественно заявляется стремленіе къ представительству,—то уже дѣло идетъ не о той централизаціи и не о прежнемъ представительствѣ. Десятки лѣтъ испытанія доказали, что *централизація* остается централизаціей, несмотря на свое наименованіе только исполнительною или же вмѣстѣ съ тѣмъ и законодательною властью; и представительство, выраженное въ формѣ національнаго собранія, не обставленнаго провинціальными и муниципальными представительными учрежденіями, — точно также всегда вырождалось во Франціи въ диктатуру отвлеченной политической формулы надъ жизненными интересами всей націи.

А нація искала въ идеѣ представительства не подавленія, а торжества общественной иниціативы; это стремленіе ея было затемнѣно другими симптомами внутренняго разлада, другими фактами общественнаго недовольства, которые мы привыкли обозначать *борьбою классовъ*, но, въ сущности, политическая исторія Франціи никогда не переставала представлять собою все тотъ же споръ изъ-за права общественной иниціативы.

Этимъ правомъ въ средніе вѣка владѣло безраздѣльно феодальное дворянство, потому что въ тѣ вѣка дворянство только и считало себя одного обществомъ, — и за это право оно вступило въ борьбу, съ одной стороны—съ роялизмомъ, съ другой—съ городскими *коммюнами*. Роялизмъ, опираясь съ начала на однихъ, потомъ на другихъ—подавилъ и дворянство, и коммюны, и сталъ добиваться путемъ фиска и оружія до торжества своей централизаторской власти. Историки «великаго единства» Франціи воспѣвали побѣду роялизма надъ феодальной *раздробленностью* націи, но мы увидимъ, каково было на самомъ дѣлѣ это «великое единство», и дѣйствительно ли роялизму удалось наконецъ уничтожить раздробленность, разрозненность французской націи, или же вся его работа, творившаяся огнемъ и мечомъ, ограничилась только внѣшнимъ призракомъ единства? Во всякомъ случаѣ, ранѣе, чѣмъ роялизмъ успѣлъ подавить стремленія привилегированныхъ классовъ—дворянства и духовенства—къ оппозиціи королевской централизаціи, во имя правъ общественной иниціативы,—онъ столкнулся съ новыми стремленіями къ тѣмъ же правамъ, шедшимъ со стороны новой политической силы — буржуазіи и, въ борьбѣ съ нею, — былъ пораженъ на смерть.

Буржуазія создала во Франціи свое представительство, подѣлившись своимъ правомъ—*не* съ низшими классами, помощь которыхъ дала ей побѣду,—а съ двумя феодальными орденами, — олицетворенными при реставраціи и іюльской монархіи — въ палатѣ перовъ.

Когда же низшіе классы — пролетаріатъ, въ свою очередь, заявили требованіе на право участія въ общественной иниціативѣ, въ системѣ общественнаго представительства,—то упорство буржуазіи привело къ февральской революціи 48-го года. Она боялась, что съ политическимъ правомъ пролетаріатъ пріобрѣтетъ способъ къ осуществленію своихъ экономическихъ стремленій; она привѣтствовала декабрьскій переворотъ, потому что онъ обѣщалъ ей *спасеніе* отъ всѣхъ такихъ стремленій, несмотря на уступку политическаго права, выразившуюся въ suffrage universel'ѣ. Но и Луи-Наполеонъ и буржуазія ошиблись: они съумѣли овладѣть suffrage universel'емъ, но они не съумѣли подавить экономическихъ стремленій пролетаріата. Да и не могли съумѣть! Цѣлыя 20 лѣтъ желѣзной централизаціи не помѣшали развитію экономическихъ стремленій пролетаріата, — потому что такое развитіе лежало въ самомъ положеніи вещей, въ самомъ матеріальномъ состояніи рабочихъ массъ, и остановить революціонное развитіе пролетаріата можно было бы только легальнымъ удовлетвореніемъ его насущныхъ нуждъ. Болѣе того, режимъ имперіи не могъ даже помѣшать правильному организованію силъ пролетаріата, и вотъ въ этомъ крикѣ: Коммюна!—онъ предъявляетъ теперь свое право на политическую способность, право на участіе въ общественномъ представительствѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ реформы этого представительства на основахъ не централизаціоннаго, а повсемѣстнаго самоуправленія. Формула suffrage universel'я представляется теперь городскому населенію — неудовлетворительною, потому что это населеніе сознаетъ, что его интересы—промышленные и рабочіе—требуютъ своего обезпеченія республиканской формою самоуправленія; между тѣмъ какъ село, порабощенное клерикальной пропагандою, не видитъ еще необходимости въ такомъ обезпеченіи для своихъ интересовъ, и не понимаетъ, что централизація власти, немощная предъ многосторонними интересами всей націи—беретъ съ села, какъ и съ города, налогъ, въ лицѣ рекрутовъ, необходимыхъ для арміи, на которую она (централизація) опирается, и налогъ всѣхъ субсидій и военныхъ пеней вслѣдствіе неизбѣжныхъ войнъ для поддержанія армій. Такимъ образомъ, разница между селомъ и городомъ лежитъ не въ различіи ихъ интересовъ, а въ различіи ихъ сознаній, и эта роковая разница привела теперь къ той

распрѣ, при которой мы присутствуемъ. Она привела къ ней, потому что, въ силу отсутствія разумнаго сознанія, сельское населеніе вручило обереженіе и управленіе всѣми своими интересами исключительно представителямъ *старыхъ партій*, и здѣсь мы должны остановиться предъ *дѣйствительною* разницею въ интересахъ двухъ элементовъ французской націи: элемента республиканскаго населенія промышленныхъ центровъ и элемента монархическихъ представителей всѣхъ старыхъ партій—партій феодальной, клерикальной и буржуазной привилегій. Эти партіи никогда не могли бы спокойно и миролюбиво допустить фактическаго участія пролетаріата въ общественной инціативѣ, въ общественномъ представительствѣ; они не хотятъ считать пролетаріата политической силой, потому что они очень хорошо знаютъ, что пролетаріатъ въ свою очередь стремится къ политическому господству или къ участію въ *политикѣ* страны, для того, чтобъ придти къ осуществленію экономическихъ реформъ въ своемъ бытѣ. Буржуазія забыла, что она шла къ своей политической власти, выраженной въ національномъ представительствѣ 89-го года, съ подобною же цѣлью экономической реорганизаціи страны.

Съ своей стороны, когда пролетаріатъ большихъ городовъ увидѣлъ, при послѣднихъ выборахъ, что suffrage universel, даже при республиканской формѣ, отдаетъ представительство всей страны въ неограниченное распоряженіе старыхъ партій, которыя никогда не задумывались идти кровавымъ путемъ къ подавленію республиканской свободы и экономическихъ реформъ, — то въ немъ рушилась вѣра въ давно лелѣянный догматъ suffrage universel'я, и его страстная критика разбила въ прахъ прежнее поклоненіе предъ «великимъ единствомъ». Онъ увидѣлъ въ этомъ единствѣ не что̀ иное, какъ всесильную централизацію, которою обладаютъ привилегированныя партіи и которая давитъ всякую народную инціативу, и онъ обратился къ новой идеѣ представительства—къ муниципальному самоуправленію и къ федераціи муниципалитетовъ. Онъ назвалъ требуемое имъ муниципальное управленіе *коммюной*, заимствуя это названіе изъ средневѣковой исторіи Франціи, и — страннымъ образомъ — мы присутствуемъ теперь при повтореніи борьбы 93-го года между парижскою коммюною и національнымъ собраніемъ, только ихъ роли помѣнялись: въ то время федералисты были въ средѣ самого національнаго собранія, и парижская коммюна, борясь противъ всемогущества національнаго собранія, противъ его централизаціи, сама стремилась къ той же централизаціи, къ тому же абсолютному господству; и коммюна, и конвентъ одинаково счи-

тали федерализмъ за государственное преступленіе; и коммюна начала свою вооруженную аттаку противъ конвента (31-го мая—2-ое іюня 1793-го года) требуя изгнанія федералистовъ-жирондистовъ. Теперь, наоборотъ, коммюна провозглашаетъ себя за федеративный принципъ Жиронды, а національное собраніе Версаля обвиняетъ ее въ покушеніи на единство Франціи!

Вы можете вполнѣ основательно вывести изъ этого двоякое заключеніе: во-1-хъ, что федеративная идея сдѣлала во Франціи громадный прогрессъ, и что съ этихъ поръ, несмотря на вѣроятно-грядущее пораженіе парижской коммюны, — федеративная республика будетъ предметомъ стремленій рабочихъ массъ и даже мелкой буржуазіи большихъ промышленныхъ центровъ Франціи; во-2-хъ, глядя на всю путаницу понятій и на всѣ взаимныя обвиненія партій, вы въ правѣ будете рѣшить, что во время столь тревожныхъ и отчаянныхъ столкновеній—партіи не очень заботятся о добросовѣстности аргументовъ и готовы употребить противъ врага самыя безсмысленныя обвиненія.

Обобщая такимъ образомъ современныя событія, вы можете смѣло сказать, что въ настоящую минуту идетъ процессъ противъ всей прошлой исторіи *оффиціальной* Франціи, и что народъ снова обращается къ революціи XVIII-го вѣка, добиваясь, съ одной стороны, торжества представительства, въ его новой формѣ, надъ системой централизаціи; съ другой—выполненія тѣхъ реформъ въ экономическомъ бытѣ народа, которыхъ не выполнила первая революція, остановившись на дарованіи новыхъ привилегій буржуазіи. Я говорю, что идетъ процессъ противъ исторіи *оффиціальной* Франціи, потому что главный спорный пунктъ вертится около *единства* Франціи, единства, будто бы выработаннаго вѣками національныхъ усилій; а между тѣмъ, въ картинѣ прошлаго — въ картинѣ народной и оффиціальной Франціи, которую постараюсь представить подробнѣе въ слѣдующихъ главахъ—мы увидимъ, что только парижская и позже *версальская* власть стремились и стремятся создать это *единство*, эту централизацію, руководясь при этомъ только *фискальными* видами; а народъ и общество Франціи пребывали до самаго 89-го года въ полной разрозненности и никогда не признавали навязываемаго имъ единства и никогда не подчинялись ему, не видя въ немъ залоговъ для благоденствія. Въ народной исторіи Франціи *единства* не было, потому что была не только разрозненность, но и полный антагонизмъ классовъ; низшій классъ былъ лишенъ всякаго права гражданства, и единственные «граждане» старой Франціи —феодалы и облагороженное магистратурой и адвокатурой чиновничество — руководились во всѣхъ своихъ политическихъ

дѣйствіяхъ не идеей единства и нераздѣльности Франціи (unité et indivisibilité), а насущными интересами своихъ привилегій. Болѣе того, мы увидимъ, что самая централизація, существовавшая въ старой Франціи, особенно со времени Лудовика XIV-го, несмотря на всѣ стремленія и усилія роялизма, никогда не могла быть возведена имъ въ правильно-организованную систему (Токвиль, Буато). Феодальная Франція, въ которой, по мнѣнію Сисмонди, лежали всѣ данныя *федеративнаго* политическаго строя, —не переставала до конца представлять систематическій отпоръ захвату роялизмомъ политической централизующей власти, и этимъ объясняется то, повидимому, странное явленіе, что революціонное движеніе 80-хъ годовъ нашло себѣ прежде всего энергическое выраженіе въ вѣковыхъ учрежденіяхъ феодальной привилегіи—въ провинціальныхъ штатахъ и парламентахъ, протестовавшихъ противъ роялистской централизаціи! Установить эту точку зрѣнія для насъ чрезвычайно важно, потому что, не принимая этого во вниманіе, мы не могли бы понять, какимъ образомъ цѣлая нація періодически, почти цѣлый вѣкъ уже подвергается революціоннымъ кризисамъ, каждый изъ которыхъ снова ставитъ на очередь вопросъ о политической формѣ управленія страною? Исторія прошлаго говоритъ намъ, что этотъ вопросъ остался неразрѣшеннымъ, и что Франція никогда еще не обладала стройною, выработанною и установившеюся политическою системою. Задатки ея, тѣ начала ея, которыя были бы наиболѣе свойственны національному, народному духу страны, точно также какъ и ея политическому и экономическому положенію, — эти задатки мы должны искать въ исторіи прошлаго Франціи, и съ этой точки зрѣнія ея прошлое представляетъ намъ, какъ я уже говорилъ выше—серьезный, великій интересъ для разъясненія ея настоящихъ бурь и грядущихъ кризисовъ.

Итакъ, задача и интересъ современной исторіографіи вполнѣ зависятъ отъ событій дня: прошлое должно представлять для насъ великую лабораторію современнаго движенія, и когда въ нынѣшней жизни того или другого народа мы встрѣчаемся съ явленіемъ, которое поражаетъ насъ своей положительною или отрицательною силою, своимъ насильственнымъ или страстнымъ характеромъ, своей торжественной или трагической обстановкою, — то, для того, чтобъ знать, насколько это явленіе — *органическое* или наносное, полное послѣдствій или безслѣдно-исчезающее,—мы должны обращаться къ этой лабораторіи исторіи, и въ ней искать отвѣтовъ на смутные вопросы дня, потому что, въ этомъ случаѣ, только она даетъ опредѣленные отвѣты и заставляетъ отбрасывать въ сторону всѣ иллюзіи въ пользу той

или другой утопіи, —утопіи прошедшаго или утопіи будущаго; — только она можетъ остановить насъ въ увлеченіи или въ осужденіи того или другого явленія, потому что, вооруженная безпощадностью факта, она можетъ остановить насъ, когда мы напрасно будемъ осуждать то, что лежитъ въ естественномъ историческомъ развитіи народа, или также напрасно мечтать объ осуществленіи того, что еще чуждо всеобщему народному пониманію, что не пустило еще корней въ его исторіи и потому не создано еще для торжества. Я думаю, что только такимъ образомъ исторіографія получаетъ серьезное политическое значеніе въ современной литературѣ, которая одинаково во всѣхъ странахъ страдаетъ отъ наплыва поверхностнаго, публицистическаго элемента, руководящагося въ произносимыхъ имъ сужденіяхъ своими пожеланіями и гаданіями, а не фактами исторической жизни народа.

VI.

То было время пасхи, но людямъ было не до веселья. Война разорила торговлю и промышленность, голодъ ворвался въ жилища рабочаго люда, за голодомъ слѣдовала его вѣчная спутница—зараза, которая какъ бы приходитъ мстить богатымъ людямъ за бѣдныхъ, неся изъ убогой лачуги въ богатыя хоромы смерть, съ ея безпощадно-равенственною косою.

Мелкая буржуазія и рабочее населеніе обратились къ парламенту съ просьбою о льготной отмѣнѣ насильственнаго платежа за квартиры:

«Главные и второстепенные (sous-locataires) жильцы города Парижа и его предмѣстій почтительно просятъ, на томъ основаніи, что, претерпѣвая вотъ уже четыре года всѣ ужасы разоренія, войны, голода и заразительныхъ болѣзней, рядомъ съ невообразимыми страданіями, они отчаяваются въ возможности существовать долѣе, и у нихъ нѣтъ болѣе силъ переживать столько бѣдствій; потому что, въ продолженіи настоящихъ смутъ, волнующихъ Францію, всѣ дѣла прекращаются, торговля останавливается, торговцы не въ состояніи болѣе продолжать обмѣна своихъ товаровъ, и бѣдные рабочіе, ремесленные люди, обремененные семействами, умираютъ ежедневно отъ голода, нищеты и истощенія, не находя себѣ болѣе труда для заработыванія жизни. Гонимые нуждою, они обращаются за подаяніемъ, за этимъ послѣднимъ убѣжищемъ несчастныхъ, и зло чрезъ то увеличивается еще болѣе, ибо это средство не можетъ удовлетво-

рить всѣхъ нуждъ, какъ по причинѣ безчисленнаго количества нищихъ въ Парижѣ, такъ и по случаю дороговизны съѣстныхъ припасовъ и дровъ, доставка которыхъ связана съ громадными пошлинами въ портахъ, на заставахъ и при входѣ въ города, занятые солдатами. Дороговизна, поэтому, поднялась до неслыханныхъ цѣнъ, такъ что бѣдные люди, ремесленники, за неимѣніемъ денегъ, лишены всякихъ средствъ къ существованію. И несмотря на то, мы видимъ, что безъ всякаго вниманія и снисхожденія къ безчисленной массѣ лицъ, лишенныхъ имущества, не находящихъ занятія для заработыванія хлѣба, власти заставляютъ жильцовъ отправлять службу охраны городскихъ воротъ въ то время, какъ ихъ бѣдная семья страждетъ и стонетъ отъ нужды. Дѣло жестокое и достойное состраданія! Еслибъ теперь власти захотѣли заставить жильцовъ заплатить хоть одинъ триместръ за ихъ квартиры, то большая часть изъ нихъ, еслибы даже они продали солому своей постели, не были бы въ состояніи уплатить найма.

«Примите это во вниманіе, милостивѣйшіе господа наши, и такъ какъ нищета теперь гораздо бо́льшая, чѣмъ ее представляютъ, то да угодно будетъ парламенту возъимѣть жалость къ такому большому числу бѣдныхъ жильцовъ, крайняя нужда которыхъ, рядомъ съ ихъ отчаяніемъ, можетъ, наконецъ, заставить ихъ подняться на какое-либо возмущеніе, крайне опасное, чего слѣдуетъ избѣгать всѣми возможными средствами! При такомъ положеніи, парламенту да будетъ угодно приказать, чтобы жильцы были избавлены отъ платежа за наемъ квартиръ за три срочные триместра въ послѣднюю пасху, на св. Іоанна и на будущій С. Реми, такъ какъ имъ невозможно уплатить этого, несмотря ни на какія мѣры насилія; или же пусть они будутъ освобождены отъ отбыванія стражи у городскихъ воротъ, ибо они не могутъ исполнять этой службы въ то время, какъ семьи ихъ мрутъ съ голоду. Было бы болѣе основательно, еслибъ собственники домовъ доставляли людей для стражи у воротъ на свой счетъ, вмѣсто того, чтобы принуждать къ тому бѣдныхъ жильцовъ, изъ коихъ большая часть не имѣетъ оружія и не обладаетъ средствами для пріобрѣтенія онаго.

«Жильцы ждутъ отъ парламента удовлетворенія такому дѣлу справедливости и христіанской любви; онъ будетъ вознагражденъ, если облегчитъ ихъ этою сбавкою трехъ триместровъ квартирнаго найма до тѣхъ поръ, пока божьей милости угодно будетъ даровать миръ и возможность заработывать жизнь бѣдному народу. И вы совершите доброе дѣло!»

Рядомъ съ вопросомъ о квартирахъ, шелъ вопросъ и о трудѣ

начались *стачки* (grèves): «Каменьщики и другіе рабочіе строительныхъ ремеслъ пытались произвести возмущеніе, которое было такъ велико, что возбудило бы серьезныя опасенія, еслибъ бунтовщики не были взяты въ плѣнъ»....

Но вмѣстѣ съ арестомъ непокорныхъ, сдѣлана и уступка парижскимъ рабочимъ,—указъ верховной власти отмѣнилъ всѣ корпоративныя стѣсненія для рабочаго населенія революціоннаго предмѣстья С. Антуана, на томъ основаніи, что «наибольшая часть рабочихъ ремесленниковъ изъ разныхъ провинцій, и изъ пограничныхъ мѣстностей Франціи,—ремесленниковъ, разоренныхъ бѣдствіемъ войны, потерявшихъ все свое имущество,—принуждена была покинуть родной край, и вмѣсто того, чтобъ нищенствовать и пробавляться милостыней,—искала спасенія въ предмѣстьи, всегда пользовавшемся цеховыми льготами, и что стѣсненія корпоративныя лишили бы всю эту массу труда и привели бы ее къ самой крайней нищетѣ, особенно при дороговизнѣ всѣхъ припасовъ и при разореніи предмѣстья военными людьми и наводненіемъ, разрушившими большую часть домовъ, и до сихъ поръ непоправленныхъ, въ то время, какъ госпитали Парижа и такъ уже переполнены»....

Но, несмотря на эти мѣстныя и частныя льготы, «бѣдствія нашей Франціи такъ велики, что чувствуется недостатокъ въ рабочихъ рукахъ: въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прошла война съ своимъ разореніемъ, смерть скосила большинство рабочихъ, другіе разбѣжались, или также ушли сражаться, такъ что *нѣтъ людей для обработыванія земли*»....

Рядомъ съ внѣшней войной идетъ внутреннее кровавое *междоусобіе*: по всей странѣ вспыхиваютъ мѣстныя возстанія и за ними слѣдуетъ подавленіе ихъ властью, *легальной* властью, если только въ этомъ хаосѣ что-либо можетъ считаться легальнымъ! Легальныя войска живутъ насильственными поборами; повстанцы принуждены жить такимъ же образомъ; на городскихъ стѣнахъ стоятъ день и ночь дозорщики, обязанные бить тревогу, какъ только завидятъ «бѣдныхъ инсургентовъ, идущихъ на городъ за добычей: около Солоня этихъ инсургентовъ оказалось цѣлыхъ семь тысячъ и съ ними 500 лошадей, ими начальствуетъ офицеръ арміи». Вице-префектъ Шартра попробовалъ-было усмирять возмущеніе, но принужденъ былъ *отступить* къ зáмку Сюлли, гдѣ повстанцы Солоня осадили его и такъ обложили зáмокъ со всѣхъ сторонъ, что храбрый полководецъ былъ лишенъ всякой провизіи и всякой военной помощи!

Волненіе охватило Орлеанъ, «чернь и предмѣстья взбунтовались», и несмотря на всю военную силу города, они разгра-

били семь барокъ, нагруженныхъ солью. «Говорятъ, что это зло пойдетъ очень далеко и сильно разростется»....

Въ Ліонѣ запрещены всякія собранія рабочихъ, «по причинѣ ихъ зловредности для общественнаго спокойствія».... Но и безъ этихъ зловредныхъ собраній, торговцы разоряются, и весь Парижъ ропщетъ на банкротство.

Голодъ и холодъ не щадятъ даже и монастырей. Монахини-урсулинки оставлены безъ хлѣба и вина. Власть обѣщаетъ всякія льготы тѣмъ изъ молодыхъ работниковъ, которые женятся на сиротахъ Госпиталя-Милосердія, ибо этотъ госпиталь «скоро совсѣмъ разрушится, если не явится помощь»....

Въ высшемъ обществѣ общій кризисъ вызываетъ разгулъ страстей и преступленій: въ церквахъ попы, по приказанію высшихъ властей, увѣщеваютъ женщинъ не умерщвлять своего плода, ибо втеченіи одного года болѣе 600 женщинъ изъ высшаго, придворнаго и привилегированнаго класса покаялись на исповѣди въ дѣтоубійствѣ! Но эти увѣщанія тщетны; религіозныя чувства вообще быстро падали: земныя бѣдствія столь велики, что никакія обращенія къ небу уже не облегчаютъ ихъ, а это подрываетъ вѣру въ небесную помощь. Примѣръ къ тому подаютъ богатые классы, заставляя «меньшихъ братьевъ» чувствовать свое безвѣріе охлажденіемъ къ благочестивой филантропіи: «Карманы очень туги, холодность вытѣсняетъ любовь къ ближнему и милосердіе (пишетъ одинъ знаменитый проповѣдникъ одному изъ милліонеровъ въ Седанѣ). Я глубоко опечаленъ бѣдствіями на вашей границѣ и тѣмъ числомъ нищихъ, которые васъ удручаютъ, но я только могу просить Бога объ ихъ облегченіи, ибо прибавить что-либо къ тѣмъ 200-мъ франкамъ, которые вамъ выдаютъ для нихъ ежемѣсячно, объ этомъ нечего и думать: Седанъ остается еще единственною мѣстностью, на границѣ которой благотворительность Парижа продолжаетъ еще посылать помощь. Парижъ принужденъ былъ прекратить свое вспомоществованіе повсюду для поддержки вашего округа въ его нуждѣ, которую посѣяло въ немъ долгое пребываніе армій.... Достаточно ли вамъ пяти духовниковъ въ такое бѣдственное время?...»

Война, голодъ, зараза, нищета, междоусобія, волненія, грозный рабочій вопросъ, запрещеніе народныхъ собраній, тревожный вопросъ объ уплатѣ за квартиры и о военной службѣ у городскихъ воротъ, даже тутъ и *Седанъ*.... кажется, мы опять заговорили о современности, вмѣсто того, чтобъ перенестись въ старую Францію!...

Нѣтъ, на этотъ разъ читатель ошибся! Событія, приведенныя мною, относятся къ половинѣ XVII-го вѣка, и не моя вина,

что, читая средневѣковую хронику, я невольно встрѣчаюсь съ поразительной аналогіею фактовъ: та просьба объ отмѣнѣ платы за квартиры была подана парижскому парламенту 19 іюня 1652-го года! Тѣ смуты въ городахъ и селахъ происходили съ 1654-го и до 1658-го года....

Я хочу показать читателю старую Францію наканунѣ революціи, Францію, во всей ея нищенской наготѣ, для того, чтобъ онъ увидѣлъ, какъ отзывалась на народномъ благосостояніи та пресловутая система правленія, которую превозносили историки «великаго единства» Франціи, и которую я изображу ниже, насколько только можно еще изобразить ее въ ея противорѣчіяхъ, запутанностяхъ и хаосѣ; и вотъ, обращаюсь къ памятникамъ этой старой Франціи затѣмъ, чтобъ заставить ихъ разсказать намъ жизнь народную. Мы вдругъ натыкаемся на пожарища и кладбища, на изуродованные остовы и трупы, и вмѣсто живого звука, слышимъ только безконечный отчаянный стонъ, и этотъ стонъ несется несмолкаемо чрезъ цѣлые вѣка, такъ что эпитафію, которую поэтъ Фронды поставилъ надъ исторіей Франціи:

„France, qui n'a plus rien que l'ombre de toi-même,
Squelette décharné que n'a plus que la peau,
Cadavre infortuné près d'entrer au tombeau,
. . . .
Champs jadis si féconds changés en cimetière,

— эту эпитафію историкъ можетъ смѣло поставить надъ всею феодальною Франціей до самой великой революціи. Но если читатель, пораженный сходствомъ событій средневѣковья съ нашею современностью, остановился бы въ раздумьи надъ тѣмъ, не слѣдуетъ ли и всю исторію XIX-го вѣка, какъ и наши дни, подвести подъ ту же эпитафію, то я сказалъ бы ему: нѣтъ; событія представляются аналогичными, и это, дѣйствительно, означаетъ, что ихъ должны были вызвать и аналогичныя причины, что въ самомъ дѣлѣ и правда: та же система правленія господствовала во Франціи и въ XIX-мъ вѣкѣ, и тѣ же интересы отжившаго, осужденнаго революціонною гильотиною міра вносили и въ XIX-й вѣкъ, и въ наши дни, борьбу за свое существованіе; эта борьба, эта война кровопролитная порождаетъ всегда и вездѣ однѣ и тѣ же послѣдствія; но исторія нашихъ дней далеко не сказала еще своего послѣдняго слова: новыя начала идутъ на смѣну старымъ фактамъ, и если эти факты все тѣ же еще, какіе мы видимъ и въ XVII-мъ вѣкѣ, то это только свидѣтельствуетъ о дряхлости и негодности ихъ, о необходимости торжества новыхъ началъ, для водворенія въ жизни новыхъ

фактовъ. Эта необходимость тѣмъ болѣе настоятельна, чѣмъ болѣе совершающіяся событія носятъ на себѣ характеръ давности, потому что всякій организмъ можетъ долго страдать отъ тяжелаго хроническаго недуга, но въ извѣстный моментъ онъ долженъ излечиться отъ него, пройдя чрезъ кризисъ остраго состоянія, или же ему суждено погибнуть. Но во Франціи слишкомъ много новыхъ жизненныхъ соковъ для того, чтобъ не предвидѣть заранѣе ея обновленія, ея избавленія отъ старыхъ недуговъ.

Вѣрно только то, что старая система правленія во Франціи, система правительственной централизаціонной опеки безвозвратно осуждается всей исторіей прошлаго: посмотрите, какъ въ то время, когда придворные пѣвцы и историки, какъ и вся позднѣйшая оффиціальная исторія, прославляютъ эту королевскую систему,—какъ страна погибаетъ въ хаосѣ и нищетѣ, въ усмиреніяхъ и оффиціальныхъ грабежахъ: почти 20 лѣтъ спустя послѣ изображеннаго выше положенія, губернаторъ Дофинэ пишетъ *великому* министру *великаго* короля, Кольберу при Лудовикѣ XIV-мъ (1675 г.): «Я не могу болѣе медлить въ увѣдомленіи васъ о нищетѣ, въ которую повержена наша провинція; всякая торговля прекратилась, и со всѣхъ сторонъ меня умоляютъ довести до свѣденія короля о невозможности уплаты податей. Извѣстно, что небольшая часть жителей провинціи питается теперь травою и древесною корой».

За голодомъ идетъ обычной колеей возстаніе, воскресаетъ задавленная въ XIV-мъ вѣкѣ жакри (пугачовщина) и охватываетъ цѣлыя провинціи, и вмѣстѣ съ нею, какъ и въ XIV-мъ вѣкѣ, волнуется буржуазія. Въ Бретани возстаніе началось съ недовольства буржуазіи, и замки дворянства запылали огнемъ мщенія.

И какъ будто мало было жертвъ голода и разоренія, какъ будто не въ этихъ жертвахъ, отъ которыхъ народъ уставалъ, былъ главный поводъ къ возстаніямъ, — центральная власть высылала свои усмирительныя команды и брала съ народа новыя жертвы для *примѣра:* «Этимъ синимъ шапкамъ, — восклицала маркиза де-Савинье о мятежникахъ,—нужно быть повѣшеннымъ, для того, чтобъ ихъ научить какъ слѣдуетъ жить!» — Педагогическое желаніе маркизы исполнялось съ такою точностью благодѣтельною властью, что она наконецъ вздыхаетъ свободно, когда казни останавливаются: «Наши бѣдные бретонцы сходятся шайками въ 40, 50 человѣкъ въ полѣ, и какъ только завидятъ солдатъ, бросаются на землю и кричатъ: Виноваты! Mea culpa! Это единственное, *французское (!)* слово, которое они знаютъ. Ихъ

однако все-таки вѣшаютъ; они просятъ напиться, и затѣмъ съ ними быстро расправляются... Въ Реннь есть 5000 человѣкъ, изъ которыхъ болѣе половины будетъ перевѣшено этой зимою; останется все-же достаточно, чтобъ сдѣлать маленькихъ (pour y faire des petits!), какъ говоритъ маршалъ Граммонъ; полагаютъ, что будетъ много *вѣшанья!*... Схвачено на-обумъ 25 или 30 человѣкъ, которые будутъ повѣшены... Всѣ деревни обязаны содержать войска... Суровость смягчается; столько народу перевѣшано, что скоро перестанутъ вѣшать!»

Ко всѣмъ экономическимъ и административнымъ бѣдамъ народа присоединялись еще религіозныя преслѣдованія, и тоже прежде всего падали всей своей тяжестью на его нищенскую суму, только обогащая королевскихъ баскаковъ. Вмѣстѣ съ драгонадами противъ гугенотовъ, съ отнятіемъ 5-ти, 6-ти-лѣтнихъ младенцевъ у протестантовъ для того, чтобы отдать ихъ на воспитаніе въ руки католическихъ поповъ, мудрое правительство изобрѣло для своего вѣрнаго католическаго народа новый налогъ на браки и крещеніе.

Крестьяне перестали ходить въ церковь, они считали себя повѣнчанными въ силу взаимнаго объявленія при свидѣтеляхъ, они перестали носить дѣтей въ церковь для крещенія и такимъ образомъ отказывались отъ церковно-гражданскаго узаконенія дѣтей своихъ, лишь бы не платить лишней подати.

Новыя преслѣдованія — новые мятежи. Мятежъ овладѣвалъ деревнями и даже городами: голодные, измученные инсургенты, конечно, разграбляли все, что только могло утолить ихъ голодъ или прикрыть ихъ наготу. Крестьяне, по свидѣтельству С. Симона, объявляли, что «они готовы платить поземельную и подушную подати (la taille et la capitation), готовы платить десятинную подать (la dîme) духовенству, всѣ повинности помѣщикамъ, но не могутъ платить еще сверхъ того, ни слышать о новыхъ налогахъ и вымогательствахъ. Наконецъ, принуждены были оставить безъ исполненія указъ о налогѣ на крещенія и браки, къ великому сожалѣнію цѣлой ватаги чиновниковъ, которые безмѣрно обогащались вымогательствами, безполезными розысками и мошенничествомъ».

«По селамъ — пишетъ Лабрюеръ — разсѣяны какія-то дикія животныя мужского и женскаго пола; черныя, сожженныя солнцемъ, истощенныя, они прикованы къ землѣ, которую они роютъ съ непоколебимымъ упорствомъ; вмѣсто рѣчи, они издаютъ какіе-то безсвязные звуки, а когда они поднимаются на ноги, то вы видите на нихъ человѣческія лица, и въ самомъ дѣлѣ это люди! На ночь они укрываются въ своихъ берлогахъ, гдѣ

питаются чернымъ хлѣбомъ, водой и кореньями; они избавляютъ другихъ людей отъ труда засѣвать и обработывать землю, и поэтому не слѣдуетъ лишать ихъ того хлѣба, который они сѣяли.

«*Нужны* конфискаціи земель и пожитковъ, *нужны* тюрьмы и казни, я признаю это; но, оставляя въ сторонѣ юстицію, законы и ихъ необходимость, я не могу оставаться хладнокровнымъ зрителемъ того, съ какимъ звѣрствомъ люди обращаются съ другими людьми!»

Семнадцатый вѣкъ закончился траги-комическимъ признаніемъ оффиціальнаго міра въ неизбѣжности улучшеній и въ неизбѣжности еще большаго зла. «Я согласенъ съ вами во всемъ — писало одно сановное лицо другому (1693-го года) — но такъ какъ вы въ свою очередь согласны со мной относительно печальнаго и бѣдственнаго положенія, которое принуждаетъ насъ принимать самыя худшія мѣры, — то я имѣю слишкомъ много основаній страшиться, что мы будемъ принуждены поступить еще хуже. Въ ожиданіи такой необходимости, будемъ пока творить это зло!»

Напрасно на рубежѣ двухъ вѣковъ Фенелонъ, Буагильберъ, Вобанъ рисовали предъ королевской властью всю страшную картину положенія народа; власть забавлялась въ Версалѣ и наказывала своей немилостью непрошенныхъ совѣтниковъ.

А между тѣмъ Фенелонъ завѣщалъ исторіи свое краснорѣчивое показаніе: «Ваши народы умираютъ съ голоду; обработка земли почти совсѣмъ брошена; города и деревни пустѣютъ; вся земля въ запущеніи и не кормитъ болѣе рабочихъ. Вмѣсто того, чтобы отнимать послѣдній грошъ у этого бѣднаго народа, слѣдовало бы помогать ему и кормить его. Цѣлая Франція представляетъ собою теперь громадный опустошенный госпиталь. Народныя волненія, неизвѣстныя въ прежнія времена, повторяются теперь все чаще, и вы приведены къ пагубной крайности или оставлять возмущеніе безнаказаннымъ, или истреблять усмиреніемъ народъ, доведенный вами до отчаянія и гибнущій и безъ того ежедневно отъ болѣзней, причиняемыхъ голодомъ. И въ то время, какъ у него нѣтъ хлѣба, у васъ нѣтъ денегъ, и вы все же не хотите видѣть той бездны, къ которой вы приведены».

Фенелонъ былъ осужденъ на изгнаніе за такія рѣчи, и та же участь ждала маршала Вобана. Самоотверженный филантропъ мечталъ облегчить участь погибавшаго народа, освободивъ его отъ бездны налоговъ и обложивъ всѣ классы безразлично одною податью—*десятинною* (la dîme royale), состоящею изъ десятой части производства земли, и изъ извѣстной части доходовъ съ

торговли и промышленности. Вобанъ объяснялъ королю, что онъ считаетъ долгомъ своей чести указать, что во всѣ времена во Франціи слишкомъ не щадили «низшаго народа», несмотря на то, что этотъ народъ составляетъ громадное большинство въ королевствѣ, что онъ несетъ на себѣ всѣ государственныя тяжести и что только онъ производитъ все богатство, поставляя въ то же время рекрутовъ и матросовъ. Подъ этимъ «низшимъ народомъ» Вобанъ очевидно разумѣлъ то, что получило позже названіе третьяго сословія (Tiers-Etat), подъ именемъ котораго до извѣстнаго времени надо разумѣть все земледѣльческое и рабочее населеніе, торговое мѣщанство и чиновничество; поэтому и Вобанъ, вычисляя такъ сказать службы, отправляемыя «низшимъ народомъ», прибавляетъ: «этотъ низшій народъ поставляетъ намъ большое количество офицеровъ, всѣхъ торговцевъ и судейскихъ людей, этотъ народъ ведетъ всю государственную торговлю и мануфактуру».

С. Симонъ, восхищаясь проектомъ Вобана и воздавая ему хвалу, объясняетъ очень естественно его неудачу. «Этотъ проектъ имѣлъ большой недостатокъ. Онъ, правда, давалъ королю гораздо болѣе средствъ, нежели тѣ, которыми король обладалъ; проектъ, правда, не только спасалъ народъ отъ разоренія и страданій, но и обогащалъ его, но... онъ разорялъ цѣлую армію финансистовъ и всякаго рода чиновниковъ и низводилъ ихъ до необходимости жить собственными средствами, собственнымъ трудомъ, а не на счетъ общества, и онъ подрывалъ въ корнѣ всѣ эти несмѣтныя богатства, которыя выростаютъ въ нѣсколько дней. Этого было вполнѣ достаточно, чтобы проектъ провалился!»[1]).

Проектъ провалился; маршалъ, огорченный немилостью, умеръ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того. Буагильберъ, вздумавшій въ небольшой книжечкѣ совмѣстить картину всѣхъ злоупотребленій, злоупотребилъ только терпѣніемъ министровъ, былъ отставленъ отъ должности и посланъ въ ссылку за то, что посмѣлъ сказать, что «Франція была бы слишкомъ могущественна, еслибъ распредѣленіе налоговъ совершалось равенственнымъ образомъ».

Чрезъ нѣсколько времени, при дворѣ спохватились, что планъ Вобана заключалъ въ себѣ *практическую* сторону: въ стѣсненныхъ

---

[1]) По вычисленію Вобана, десятая часть населенія была доведена до нищенства и существовала только подаяніемъ, и половина остальнаго населенія едва-едва имѣла самое необходимое; въ другой половинѣ населенія $^{3}/_{4}$ всегда терпѣли недостатокъ и нужду, изъ послѣдней $^{1}/_{4}$ только весьма небольшое число—т.-е. *10 тысячъ* (!) состояло изъ людей *богатыхъ*, принадлежавшихъ къ разнымъ чиновнымъ должностямъ и ко двору.

обстоятельствахъ, король приказалъ обложить всѣ имущества десятинною податью, *помимо* всѣхъ другихъ разорительныхъ налоговъ, и эта десятинная подать возобновлялась съ тѣхъ поръ по поводу каждой войны. «Вотъ какъ,—замѣчаетъ С. Симонъ—слѣдуетъ во Франціи оберегаться отъ самыхъ справедливыхъ и полезныхъ намѣреній, и вотъ какъ изсякаютъ источники всякаго добра! Кто бы посмѣлъ предсказать маршалу Вобану, что всѣ его труды для облегченія всего народонаселенія Франціи, поведутъ единственно къ новому налогу, сверхъ всѣхъ другихъ, и налогу болѣе тяжелому, болѣе постоянному и болѣе дорогому, чѣмъ всѣ другіе!»

Но, повидимому, и этакого налога было мало для центральной власти, и она обращалась къ легкому способу мошенничества въ дѣланіи монеты, заимствуя эту мѣру изъ времени королей-фальшивыхъ монетчиковъ (les rois faux-monnayeurs).

VII.

Послѣдніе годы XVII-го вѣка оставили исторіи весьма поучительный документъ,—это рапорты, мемуары интендантовъ о состояніи ихъ провинцій; эти рапорты могутъ считаться, на подобіе тетрадей 89-го года, тетрадями оффиціальной Франціи XVII-го вѣка.

Буленвилье, въ царствованіе Лудовика XV-го, посвятилъ ихъ разбору свое многотомное сочиненіе «l'Etat de la France», которое служитъ источникомъ всѣмъ историкамъ, въ томъ числѣ и Боньмеру, въ его прекрасномъ сочиненіи «Histoire des paysans», изъ котораго я и заимствую нѣсколько указаній на состояніе Франціи въ началѣ XVIII-го вѣка. «Нищета крестьянъ такова, — свидѣтельствуетъ мемуаръ парижскаго генеральства (généralité) — что дѣти становятся болѣзненными, хилыми и не долго-живущими, ибо они лишены всего, что потребно для роста здороваго поколѣнія, и нѣтъ болѣе дѣйствительнаго средства противъ зла, какъ облегченіе налоговъ....» Въ другомъ интендантствѣ «число населенія значительно уменьшилось вслѣдствіе изгнанія гугенотовъ, смертности, нищеты и милицій.... половина жилищъ находится въ развалинахъ, — за неимѣніемъ средствъ къ ихъ починкѣ; жители живутъ безъ крышъ, и бѣдность повсюду распространяетъ горе и поразительное звѣрство...»

Далѣе, еще въ другомъ интендантствѣ (Ларошель), «населеніе уменьшилось на цѣлую треть, вслѣдствіе изгнанія гугено-

товъ, войны и крайней нищеты крестьянъ, которая заставляетъ ихъ скверно питаться и убивая ихъ силы, ведетъ ихъ къ преждевременной смерти...»

Впрочемъ, этими двумя-тремя показаніями интендантовъ можно и ограничиться, потому что иначе пришлось бы на нѣсколькихъ страницахъ повторять одно и тоже—повсюду таже нищета и повсюду тѣже самыя причины ея, причины, о которыхъ мы будемъ говорить ниже.

Народонаселеніе, съ 20-ти милліоновъ въ 1700-мъ году опустилось во время регентства на 16! — въ этомъ уменьшеніи населенія участвуетъ главнымъ образомъ именно земледѣльческій классъ.

Около половины XVIII-го вѣка (1740) Массильонъ приходилъ къ сознанію, что «негры нашихъ островов гораздо болѣе счастливы, чѣмъ наши крестьяне, ибо за ихъ работу, негровъ кормятъ и одѣваютъ, также какъ и ихъ женъ и дѣтей, между тѣмъ какъ наши крестьяне, самые работящіе въ королевствѣ, не могутъ, самымъ тяжелымъ и упорнымъ трудомъ, добыть себѣ и своимъ семьямъ пропитанія и оплатить налоги... большая часть изъ нихъ въ продолженіе половины года лишены даже овсянаго хлѣба, который составляетъ ихъ единственную пищу и который они принуждены вырывать изо-рту своихъ дѣтей для уплаты налоговъ!...»

Налоги, налоги! жалоба на нихъ несется изо всѣхъ концовъ Франціи, «налоги и суды разорили народъ», говорилъ Буленвилье, и тоже самое повторяетъ С. Симонъ и д'Аржансонъ. Земля не производитъ трети того, что должна была бы; люди мрутъ на землѣ, люди покидаютъ землю и бѣгутъ, и въ 1756-мъ году цѣлая четвертая часть плодородной земли оставалась безъ рукъ и безъ засѣвовъ, а между тѣмъ изъ 25-ти милліоновъ жителей въ XVIII-мъ вѣкѣ 21 милліонъ занимались земледѣліемъ... Но земля, на которой работалъ крестьянинъ, принадлежала на $^3/_4$ королю, духовенству и дворянству, остальная $^1/_4$ перешла мало-по-малу въ собственность промышленнаго класса (roturiers), хотя и этотъ переходъ былъ связанъ съ бездною фискальныхъ затрудненій. Историки и политико-экономы изощряются въ доказательствахъ того, что въ старой Франціи, въ XVIII-мъ вѣкѣ, существовала мелкая собственность, и это служитъ для нихъ аргументомъ въ пользу стараго режима и противъ революціи, будто бы надѣлившей народъ благомъ мелкой поземельной собственности. Но этотъ споръ историковъ лишенъ серьезнаго значенія, тѣмъ болѣе, что они представляютъ чрезвычайную путаницу понятій. Мелкая собственность существовала въ старой

Франціи, но, за весьма немногими исключеніями, она принадлежала или феодаламъ или буржуазіи; масса же земледѣльческаго люда обработывала ее или въ качествѣ оброчнаго откупа, величающагося названіемъ фермерства или въ качествѣ половниковъ (métayers). Токвилль съ жаромъ рисуетъ страсть крестьянина къ землѣ, къ владѣнію ею; эта страсть весьма понятна, потому что въ ней выражается страсть къ существованію трудомъ, къ владѣнію плодами своего труда; но если даже постоянное стремленіе крестьянина приводило его наконецъ къ обладанію небольшимъ участкомъ, то онъ все же не могъ считаться собственникомъ, господиномъ своего участка; мы увидимъ сейчасъ, какія государственныя и помѣщичьи повинности тяготили его и въ сущности сводили его участокъ къ разоренію. Но ранѣе, чѣмъ говорить объ этомъ, я хочу замѣтить, что даже и въ старой Франціи раздавались жалобы на это мелкое участковое дробленіе земли, и — весьма замѣчательнымъ образомъ — эти жалобы содержатъ въ себѣ тѣже самые доводы *противъ* мелкой собственности [1]), которыми руководится и теперь, въ данную минуту, западный пролетаріатъ, формулируя свое стремленіе къ общинному землевладѣнію (la collectivité du sol.). Знаменитый англійскій путешественникъ А. Юнгъ указывалъ весьма просто и ясно на причину бѣдственнаго состоянія земледѣлія: «Существованіе большого помѣщика, собственника, всегда будетъ достаточнымъ объясненіемъ того, почему земли, годныя для обработыванія, остаются безплодными».

Дѣйствительно, предъ тѣмъ положеніемъ, въ которое крестьянинъ, вѣчный батракъ, или счастливый собственникъ, былъ поставленъ казною и феодаломъ,— вопросъ о политико-экономическомъ началѣ частной или общинной собственности совершенно неумѣстенъ, и доказательства историковъ, что частная мелкая собственность существовала въ старой Франціи, могутъ служить только еще лишнимъ и сильнымъ поводомъ для партизановъ революціи къ требованію уничтоженія такой формы собственности, какъ вещи, принадлежащей порядку старой Франціи. Историки и политико-экономы вносятъ современные взгляды въ сужденіе о старыхъ учрежденіяхъ; они находятъ прекраснымъ дробленіе собственности на мелкіе участки и приписываютъ это благо старому режиму, въ то время, какъ другіе отстаиваютъ мелкую собственность какъ достояніе революціи; но замѣтьте, что между тѣми и другими идетъ споръ о *хронологіи*, а не о *принципѣ* самого владѣнія, и съ своей стороны, внося современный взглядъ

---

[1]) См. *Levasseur*, т. I, стр. 25.—Luvergne, стр. 280.—Tocqueville.—Boiteau.

въ сужденіе объ этомъ вопросѣ, мы можемъ справедливо сказать, что, къ какому бы времени ни относилось чрезмѣрное развитіе частной мелкой поземельной собственности, оно одинаково вредно отзывается на народномъ благосостояніи, точно также, какъ и частное крупное поземельное владѣніе: первое ведетъ къ батрачеству, къ пролетаріату, второе къ феодализму, и если времена старой Франціи представляютъ собою всѣ гибельныя послѣдствія феодальнаго владѣнія, то періодъ съ конца XVIII-го вѣка и до нашей минуты представляетъ печальный примѣръ того, какъ отзывается мелкое поземельное владѣніе на всей судьбѣ извѣстной страны, въ данномъ случаѣ, Франціи. Я нисколько не преувеличу дѣйствительности факта, если скажу, что въ этомъ участковомъ поземельномъ владѣніи лежитъ теперь для Франціи великое зло ея экономическаго и политическаго анархическаго состоянія: съ одной стороны, большая часть земель отягощена гипотеками; мелкіе собственники принуждены дѣлать займы при условіяхъ 7%, 10%, и если вычислить всѣ затраты, то даже 20%, между тѣмъ какъ земля не приноситъ имъ болѣе 3%; это, въ концѣ концовъ, разореніе ведетъ къ неизбѣжной продажѣ участка, и мы видимъ, какъ быстро, въ послѣднее время, мелкая собственность снова скопляется въ руки крупныхъ собственниковъ промышленнаго феодализма (féodalité industrielle) и какъ растетъ пролетаріатъ городовъ, вслѣдствіе наплыва рабочихъ рукъ голодныхъ крестьянъ изъ села въ городъ; съ другой стороны, та страсть къ владѣнію землею, про которую говоритъ Токвилль, сохранилась и до сихъ поръ и всегда сохранится, ибо она присуща земледѣльцу, — и вотъ крестьянинъ держится за свой клочокъ, несмотря ни на какія мытарства и невзгоды, и когда попъ говоритъ ему въ церкви, что революціонеры городовъ хотятъ ограбить его, что война и разорительные налоги причиняются не Бонапартами, не Вандейскимъ королемъ и не королемъ Биржи, а революціоннымъ пролетаріатомъ, то конечно крестьянинъ, въ своемъ невѣжествѣ, готовъ послать хоть самого попа въ собраніе, про которое ему говорятъ, какъ про всемогущее, — лишь бы только революціонеры оставили ему иллюзію, будто онъ въ самомъ дѣлѣ владѣетъ своимъ клочкомъ земли! Вотъ гдѣ лежитъ корень реакціонной тьмы села, вотъ откуда выходитъ *деревенское* большинство, томящее великій мученическій городъ свободолюбиваго міра въ крови его лучшихъ защитниковъ, въ крови междоусобной войны, роющей бездну во Франціи, — а за ней можетъ быть и во всей Европѣ, — между двумя слоями современнаго общества, слоями, одушевленными, какъ свидѣтельствуютъ современныя событія,

бо́льшею взаимною ненавистью, чѣмъ одною общею ненавистью къ тому, что называется другою, чужеземною націею.

Я констатирую этотъ послѣдній фактъ, не сопровождая его никакими личными соображеніями; но я думаю, что надо радоваться исчезновенію интернаціональной вражды столько же, сколько надо бы радоваться, еслибъ исчезли тѣ злоупотребленія, которыя создаютъ вражду внутреннюю, т.-е. національную, въ истинномъ смыслѣ этого слова. И если я снова ссылаюсь на событія дня, — то это гораздо полезнѣе, чѣмъ оставаться въ рамкахъ безвыходнаго спора о томъ, что̀ лучше: то ли положеніе народа, которое было до революціи, или то, въ которомъ онъ очутился послѣ революціи, когда, въ сущности, и то и другое было одинаково ужасно, ибо покоилось одинаково на томъ же самомъ основаніи, на тѣхъ же самыхъ началахъ, между тѣмъ какъ положеніе народа требуетъ осуществленія новыхъ началъ. Крупная или мелкая поземельная собственность,—все равно будутъ вызывать бури во Франціи и сѣять междоусобныя войны до тѣхъ поръ, пока къ земледѣлію не будетъ приложено новое начало—общиннаго владѣнія, въ смыслѣ артельнаго. Я сказалъ, что партизаны мирнаго прогресса отстаиваютъ существованіе мелкой поземельной собственности въ старомъ режимѣ, какъ свидѣтельство въ пользу его прогрессивности; но я говорилъ уже выше вообще о несостоятельности всей аргументаціи подобныхъ партизановъ и защитниковъ стараго режима: такъ и въ данномъ случаѣ, было ли или нѣтъ *сильное* развитіе мелкой собственности, оно не спасло стараго режима и, слѣдовательно, оно тоже нашло въ себѣ ложное, анти-народное начало. Я настаиваю на этой точкѣ зрѣнія, потому что немного ниже, говоря о политическихъ элементахъ стараго режима, мы увидимъ точно также стремленія въ старой Франціи къ децентрализаціи, мы увидимъ борьбу— и подъ-часъ энергическую, полную перипетій, борьбу парламентовъ и штатовъ противъ централизаціи королевской власти, но эта борьба не могла предохранить Францію отъ кроваваго переворота, потому что борьба эта была заражена *привилегированными* элементами и не опиралась на массы народа,—на трудящіеся классы, она была немощна и осуждена на пораженіе. Въ томъ-то и дѣло, что въ старой Франціи всѣ отправленія государственной жизни — экономическія и политическія, феодальныя и административныя, и даже моральныя и церковныя, такъ тѣсно переплетены и такъ глубоко покоятся на круговой порукѣ привилегій, что, забывая объ этомъ, историки, вырывая какой-нибудь фактъ изъ жизни старой Франціи, могутъ принять его за проявленіе серьезнаго свободнаго начала, между тѣмъ какъ онъ

представляетъ собою только остатокъ свободной формы безъ содержанія. Въ этомъ случаѣ примѣръ, приводимый самимъ Токвиллемъ объ общинномъ самоуправленіи, какъ нельзя лучше поясняетъ и подтверждаетъ сказанное здѣсь: допустите на минуту, что въ старой Франціи былъ крестьянинъ-собственникъ; вообразите себѣ, что онъ даже былъ изъятъ отъ всѣхъ феодальныхъ королевскихъ разорительныхъ набѣговъ и поборовъ и расправъ, вамъ все же будетъ достаточно выслушать приговоръ политической или административной формѣ въ деревнѣ, чтобъ понять, что въ старомъ режимѣ не могло быть и рѣчи о законномъ огражденіи крестьянской собственности и жизни.

«Нѣкоторые признаки—пишетъ Токвилль—указываютъ мнѣ, что въ средніе вѣка жители каждой деревни составляли *общину*, отдѣльную отъ помѣщика. Помѣщикъ пользовался ею, наблюдалъ за нею, управлялъ ею, но она владѣла сообща извѣстными имуществами, составлявшими ея полную собственность; она избирала своихъ старшинъ, она управляла демократически сама собою.... До самой революціи сельскій приходъ сохраняетъ въ своемъ управленіи нѣчто подобное тому демократическому виду, который былъ въ немъ въ средніе вѣка. Надо ли выбирать въ муниципальныя должности, или обсуждать какое-либо общее дѣло — церковный колоколъ созываетъ крестьянъ къ церковной паперти; тамъ бѣдные и богатые имѣютъ право присутствовать. Правда, въ такомъ собраніи не происходитъ ни правильнаго обсужденія, ни голосованія, но всякій имѣетъ право выразить свое мнѣніе, и нотаріусъ записываетъ, подъ открытымъ небомъ, въ свой протоколъ всѣ рѣчи и мнѣнія. Когда же сравниваешь эту пустую внѣшность свободы съ той реальной немощью, которая сопровождаетъ ее, то видишь на маломъ примѣрѣ, какъ самое абсолютное правительство можетъ допускать извѣстныя формы самой крайней демократіи, такъ что къ гнету присоединяется еще насмѣшка надъ людьми, имѣющими видъ, будто они не чувствуютъ этого гнета! То демократическое собраніе прихода могло выражать свои желанія, но оно точно также не имѣло права исполнять свою волю, какъ и муниципальный совѣтъ города. Оно даже могло разсуждать только тогда, когда ему позволяли открыть ротъ, ибо оно никогда не могло сходиться иначе, какъ съ формальнаго разрѣшенія интенданта и, какъ выражались тогда, по его благоусмотрѣнію (sous son bon plaisir). Еслибъ даже сельскій сходъ единодушно желалъ чего-нибудь, онъ все же не могъ бы ни обложить все село налогомъ, ни купить, ни продать, ни нанять безъ того, чтобы то не было предварительно разрѣшено королевскимъ совѣтомъ. Надо было до-

биться постановленія этого совѣта для починки церковной крыши, поврежденной вѣтромъ или стѣны, грозившей паденіемъ....»

Вотъ почему Тюрго могъ справедливо сказать, что «приходъ представляетъ собою собраніе лачугъ и ихъ жителей, столь же нѣмыхъ, пассивныхъ, какъ и онѣ». Но допустите теперь обратное предположеніе, допустите, что община обладала бы полнымъ административнымъ самоуправленіемъ въ старой Франціи,— она все же осталась бы пустою формою безъ содержанія, потому что экономическое положеніе общины было таково, что крестьянство вѣчно оставалось taillable et corvéable à merci et à miséricorde. Въ этомъ смыслѣ, одинъ изъ публицистовъ избирательнаго періода 89-го года справедливо восклицалъ:

«Къ чему послужитъ мудрая конституція народу скелетовъ, ободранныхъ голодомъ? Голосъ свободы ничего не говоритъ нищему, умирающему съ голоду! Изъ 25-ти милл. обитающихъ мое отечество, по крайней мѣрѣ 18-ть мил. умираютъ съ голоду». Въ этихъ строкахъ какъ нельзя лучше выражена тѣсная, неразрывная связь между политическимъ и экономическимъ положеніемъ народа и ихъ постоянное взаимодѣйствіе одного на другое. Вотъ почему и мы не можемъ говорить только объ одной политической формѣ, не напомнивъ, хоть въ нѣсколькихъ словахъ, объ экономическомъ состояніи французскаго народа при старомъ режимѣ.

VIII.

Въ прежнія времена вся земля, находившаяся во владѣніи короля, дворянства и духовенства пріобрѣталась богатыми промышленниками изъ буржуазіи, становившимися, такимъ образомъ, въ свою очередь, помѣщиками, и крестьяне обработывали или находились во владѣніи землей на основаніи фермерства и системы «метэріи» (métairie, métayeurs — половщики). Но фермерство, въ смыслѣ денежной уплаты аренды, существовало только въ болѣе богатыхъ провинціяхъ, т.-е. въ 7-й или 8-й части всего королевства; въ остальныхъ $^{7}/_{8}$ Франціи господствовала система *половничества*. На дѣлѣ, первая форма владѣнія была не менѣе разорительною, чѣмъ вторая. Арендные контракты не шли долѣе 9-ти лѣтъ; послѣ этого срока помѣщикъ сгонялъ фермера, пользуясь всѣми улучшеніями его земли или налагалъ особую таксу за продолженіе контракта. Наканунѣ революціи, со всѣхъ концовъ сельской Франціи несутся жалобы на краткосрочные контракты, особенно на земляхъ, принадлежавшихъ

духовенству, гдѣ эти контракты ограничивались часто шестью годами. Помимо этой краткосрочности, контрактъ терялъ всякую силу при смерти помѣщика и при вступленіи во владѣніе его наслѣдника: наслѣдникъ могъ прогнать фермера съ земли безъ всякой уплаты проторей и убытковъ; этого было достаточно, чтобъ заставить фермера просить о новомъ заключеніи контракта, чтó было сопряжено съ новыми разорительными расходами, лишавшими крестьянина послѣднихъ средствъ къ улучшенію земледѣлія. Пятая часть земель королевства находилась постоянно въ такомъ критическомъ положеніи. Въ Бретани, особый обычай, подъ названіемъ *domaine congéable*, оставлялъ за помѣщикомъ еще болѣе широкое право уничтожить контрактъ, отказать фермеру во всякое время года, за уплатою только тѣхъ издержекъ, которыя были растрачены фермеромъ на улучшеніе почвы. Феодальное духовенство шло еще дальше и не стѣснялось никакими обычаями, ни законами, въ увеличеніи своихъ доходовъ:

«Управляющіе имуществомъ духовныхъ лицъ—пишетъ одинъ земледѣлецъ незадолго до революціи—грабятъ и налагаютъ подати на всѣхъ фермеровъ при всякой перемѣнѣ. Мы видѣли недавно новый примѣръ тому. Управляющій нашего новаго архіепископа, прибывъ на мѣсто, отдалъ приказъ всѣмъ фермерамъ, чтобъ они немедленно оставили свои земли, объявляя уничтоженными всѣ контракты, заключенные съ его предшественникомъ, или чтобъ уплатили снова обыкновенные праздничные расходы введенія во владѣніе (de gros pots de vin). Такъ, ихъ лишили 7-ми или 8-ми лѣтъ аренды, заставляя ихъ покинуть свои жилища наканунѣ Рождества, т.-е. въ самое критическое время года, по причинѣ трудности въ такой періодъ кормленія скота, не говоря ужъ о томъ, что не знаешь куда дѣваться, куда идти жить? *Прусскій король не поступилъ бы хуже этого!*»

Но, оставляя въ сторонѣ духовенство и его управляющихъ, «худшихъ, чѣмъ прусскій король», взгляните на крестьянина въ его самомъ счастливомъ положеніи. Вотъ онъ пріобрѣлъ кусокъ земли во владѣніе; онъ платитъ за нее помѣщику-собственнику *только* половину всего ея производства; съ остальной половиной онъ можетъ распоряжаться по своей доброй волѣ. Вотъ онъ вздумалъ прикупить или продать клочекъ изъ своей земли—lods et ventes!—раздается въ его ушахъ—это значитъ фискальное право помѣщика на купчую. Вотъ пришло время жатвы;—*champort!* останавливаетъ сборъ хлѣба и плодовъ—это значитъ право помѣщика на предварительный сборъ этой части (champort, campi pars) плодовъ, которая приходится помѣщику по контракту; крестьянинъ не смѣетъ тронуть съ поля своей жатвы

до тѣхъ поръ, пока помѣщикъ не соберетъ своей части, но управляющіе помѣщика не спѣшатъ: хлѣбъ лежитъ на полѣ и гніетъ подъ невзгодами неба.... Вотъ созрѣлъ виноградъ, — жди, пока помѣщикъ кончитъ приготовленіе своего вина (bon des vendanges), и только тогда ты можешь приниматься за свое винодѣліе; вино готово,—подожди 40 дней, пока помѣщикъ не продастъ своего вина, тогда и ты можешь сбывать свое за цѣну, которую тебѣ дадутъ (droit de banvin). Хлѣбъ собранъ, вези его на помѣщичью мельницу (banalité des moulins) и жди, пока она освободится для тебя; и то же самое, когда послѣ надо печь твой хлѣбъ (banalité des fours). «Голодъ не ждетъ!» — ропщешь ты, это правда, и благородные парламенты, услышавъ твой стонъ, издаютъ преважный указъ, по которому помѣщикъ лишается своего права на помолъ и печеніе твоего хлѣба, если у него недостатокъ въ мельницѣ или печкѣ (*les seigneurs étaient tenus à suffisance!*); но, поди, достучись у дверей правосудія—ты вѣдь знаешь, что для этого мало было бы продать твою послѣднюю рубаху, если только она у тебя есть, надо еще душу твою продать дьяволу, потому что главную жалобу ты все же понесъ бы на поповъ за то, что они своимъ устройствомъ мельницъ поглощаютъ за одинъ помолъ седьмую часть всего твоего хлѣба!... Лишь бы мука была, лишь бы было чтó свезти на рынокъ, на ярмарку — вези, если только есть деньги, чтобъ заплатить помѣщику за право продажи (droit de leyde), и это совершенно *основательно*: дороги, какъ и земля, принадлежатъ помѣщику; правда, эти дороги политы твоимъ крестьянскимъ потомъ и кровью, но это ничего не значитъ, — съ тебя вѣдь не берутъ денегъ за дороги, и когда великій министръ захотѣлъ обложить тебя дорожной повинностью, попъ и помѣщикъ подняли тебя на бунтъ,—ты узналъ отъ нихъ, что министръ хочетъ положить твои деньги въ свой карманъ и все же заставить тебя нести дорожную барщину (la corvée); добрый король внялъ твоему голосу и, еслибъ не проклятая ночь 4-го августа 89-го г.—ты бы и до сихъ поръ уравнивалъ барскую дорогу своимъ лбомъ....

Трудъ былъ не большой: во всякое время года, крестьянина могли оторвать отъ его поля и дома и погнать куда угодно для починки дорогъ; но обыкновенно не всегда отрывали его отъ работы, а только въ страдную пору, когда поле требовало наибольшаго ухода, когда безъ крестьянскихъ рукъ поле сиротѣло и жатва пропадала.... Правда, прогрессъ совершался замѣчательнымъ образомъ: въ XVII-мъ вѣкѣ было больше господской барщины (corvée seigneuriale), въ XVIII-мъ — болѣе королевской

(corvée royale) — крестьянину было вѣроятно легче отправлять вторую, чѣмъ первую!

«Люди, которые могутъ существовать только своимъ заработкомъ, обреченные работать даромъ; семьи, пропитаніе которыхъ заключается въ трудѣ ихъ головы,—осужденные на голодъ и нищету; скотъ, необходимый для поля, похищенный съ этого поля, и все это безъ всякаго вниманія къ нуждамъ крестьянъ, въ части цѣлаго края; жестокая и непреклонная воля начальниковъ; суровыя и тяжелыя пени и наказанія, соединяющіе отчаяніе съ нищетой и горе съ униженіемъ — вотъ какова картина дорожной повинности. И если къ этому прибавить, что дороги строились кое-какъ, людьми, которымъ это ремесло, весьма сложное, было вполнѣ чуждо; что, подъ предлогомъ принужденія народа къ болѣе правильной работѣ, его гнали за нѣсколько льё отъ жилища; что при этой *даровой* работѣ, которою власти нисколько не стѣснялись именно потому, что она была даровая, инженеры считали себя вправѣ поправлять ошибки своей небрежности на счетъ пота и крови несчастныхъ: то нельзя не видѣть въ этой повинности самаго жестокаго рабства и самаго тяжелаго налога, на который когда-либо народъ былъ осужденъ. И ясно, что этотъ налогъ падалъ исключительно на бѣдныхъ, такъ какъ онъ взимался натурою и къ нему можно было принудить только тѣхъ, *которые могли* работать» [1]).

«Я никогда не забуду — разсказываетъ Вуае д'Аржансонъ — весь ужасъ бѣдствій, которыя терпѣла Франція во время прибытія Маріи Лещинской. Продолжительные дожди уничтожили жатву, и голодъ еще увеличился худою администраціей правительства. Въ тотъ моментъ надо было торопиться убрать все, что еще оставалось на поляхъ. Бѣдный земледѣлецъ ожидалъ вёдра для сбора. Но его заставили заняться другимъ дѣломъ, его погнали на починку дорогъ, гдѣ должна была проѣзжать королева; но дороги отъ этого были только хуже: ея величество рисковала нѣсколько разъ потонуть! Крестьянскія лошади были согнаны на дорогу изъ-за 10-ти льё въ окрестностяхъ для того, чтобъ вытаскивать изъ грязи королевскій багажъ. Королевская свита — господа и дамы, видя, что ихъ собственныя лошади очень устали, захотѣли пользоваться несчастными животными крестьянъ. Имъ худо платили и ихъ вовсе не кормили. Крестьянскія лошади въ упряжи проводили ночи подъ открытымъ небомъ; иные говорили, что ихъ лошади ничего не ѣли уже четверо сутокъ....»

---

[1]) Кондорсе, жизнь Тюрго.

Гибла крестьянская скотина на отправленіи дорожной повинности, а съ нею гибло и все хозяйство: нѣтъ скота — нѣтъ удобренія — пропала земля!

Но не только гибла скотина, пропадалъ и человѣкъ.

Тюрго, въ его бытность интендантомъ въ Лиможѣ, удалось уничтожить эту барщину и замѣнить ее денежною повинностью; быстрые, благіе результаты его реформы — улучшеніе сельскаго хозяйства, улучшеніе и дешевизна постройки и ремонта дорогъ, заставили его, когда онъ сталъ министромъ, стремиться къ введенію гуманной реформы во всемъ королевствѣ.

Въ королевскомъ эдиктѣ февраля 1776-го года Лудовикъ XVI-й рисовалъ, или скорѣе подписывалъ печальную картину, нарисованную перомъ Тюрго:

«Отрывать насильно земледѣльца отъ его работъ,—это всегда значитъ наносить ему ущербъ, даже когда онъ получаетъ за свой трудъ поденную плату. Напрасно думали бы избирать для насильственнаго труда то время, когда жители деревень наименѣе заняты: работы по земледѣлію столь различны, столь многосложны, что никогда не оставляютъ совершенно свободнаго времени, и ошибка администратора можетъ заставить земледѣльца потерять такіе дни, что никакая плата не въ состояніи будетъ вознаградить его потери. Брать время земледѣльца, даже оплачивая его, было бы равносильно налогу. Брать его время безъ платы — является двойнымъ налогомъ, и этотъ налогъ становится внѣ всякаго размѣра, когда падаетъ на простого поденщика, который имѣетъ только трудъ своихъ рукъ для поддержанія своего существованія.... Люди, обреченные на барщину (les corvoyeurs, отъ corvée), принужденные часто пройти три и болѣе льё, чтобы добраться до мѣста назначенія, и столько же, чтобы послѣ возвратиться домой, теряютъ, безъ всякой пользы для работы, бо́льшую часть времени. Работа, совершаемая такимъ образомъ людьми несвѣдущими, собранными со всѣхъ сторонъ, сто́итъ народу и государству вдвое или втрое болѣе, нежели стоила бы, еслибъ дѣлалась на деньги.

«Надо прибавить еще къ этому множество несчастныхъ случайностей: потеря скота, который, будучи истощенъ долгимъ путемъ до мѣста назначенія, пропадаетъ отъ непосильной работы, требуемой отъ него; и хуже того, гибель и искалѣченіе людей, отцовъ семействъ, смерть ихъ отъ болѣзней, вслѣдствіе непогоды или усталости; печальная гибель! когда погибающій пропадаетъ отъ насильственной причины и безъ всякаго вознагражденія.

«Надо еще упомянуть о всѣхъ штрафахъ и наказаніяхъ,

вызываемыхъ сопротивленіемъ закону, который, по жестокости своей, не можетъ исполняться безъ ропота; все это можетъ быть сопровождается еще тайными истязаніями, весьма возможными при той многосложности и запутанности администраціи, юстиціи и полиціи, которыя завѣдываютъ этой повинностью. Власти эти, раздробленныя и разбитыя на множество мелкихъ инстанцій, попадаютъ большей частью въ руки низшихъ чиновниковъ, которыхъ назначеніе производится безъ всякаго выбора и наблюдать за которыми почти невозможно. *Мы считаемъ невозможнымъ опредѣлить во сколько обходится народу дорожная повинность.*

Далѣе, самъ король откровенно сознавался, что несмотря на всѣ эти страшныя жертвы народа, «состояніе, въ которомъ находится большая часть дорогъ въ нашихъ провинціяхъ, несмотря на столь долгіе годы существованія дорожной и натуральной повинности, доказываетъ, сколь ложно мнѣніе, что подобная система можетъ ускорить постройку дорогъ.... Кромѣ того, вся тяжесть этого налога падаетъ и не можетъ не падать исключительно на бѣднѣйшую часть нашихъ подданныхъ, на тѣхъ, собственность которыхъ составляютъ только ихъ руки и ихъ промыселъ, т.-е. на земледѣльцевъ и фермеровъ. Собственники, почти всѣ принадлежащіе къ привилегированнымъ классамъ, изъяты изъ этой повинности, или принимаютъ въ ней самое ничтожное участіе. А между тѣмъ общественныя дороги именно полезны собственникамъ, такъ какъ стоимость продуктовъ ихъ земли возвышается посредствомъ путей сообщенія, тогда какъ онѣ не представляютъ никакой особенной выгоды ни нынѣшнимъ земледѣльцамъ, ни тѣмъ поденщикамъ, которыхъ заставляютъ строить эти дороги....

«Такимъ образомъ, всѣ выгоды отъ постройки дорогъ сосредоточиваются въ рукахъ класса собственниковъ земли, и этотъ классъ долженъ давать на это средства, ибо только онъ можетъ получить съ путей сообщенія проценты на затраченный въ нихъ капиталъ.

«Какимъ образомъ справедливость можетъ допустить, чтобы средства на подобное предпріятіе взимались съ тѣхъ, у которыхъ ничего нѣтъ, чтобы ихъ заставляли отдавать свое время и свой трудъ даромъ, безъ всякаго вознагражденія, отнимая у нихъ послѣдній источникъ противъ нищеты и голода и вынуждая работать въ пользу гражданъ болѣе богатыхъ, чѣмъ они!....

«Справедливость будетъ во всѣ времена основою нашего управленія, и для того, чтобы она соблюдалась по отношенію

къ наиболѣе многочисленной части нашихъ подданныхъ, требующей особеннаго вниманія нашего, ибо они наиболѣе нуждаются въ нашемъ покровительствѣ — мы поспѣшили уничтожить натуральную повинность во всѣхъ провинціяхъ нашего королевства»...

Эдиктъ Лудовика XVI-го или Тюрго, изъ котораго мы приводимъ это извлеченіе, былъ изданъ въ февралѣ 1776-го года; но парламентъ думалъ иначе, чѣмъ Тюрго и Лудовикъ, и пришлось проводить законъ объ уничтоженіи барщины, corvée, чрезъ *королевскій сеансъ* (lit de justice). Въ этомъ сеансѣ, значеніе котораго я укажу ниже—12-го марта 1776-го года, Лудовикъ повторилъ тѣ же доводы въ пользу отмѣны натуральной повинности. Въ отвѣтъ ему «первый президентъ», потомъ «королевскій адвокатъ» высказали нѣсколько крайне характеристичныхъ взглядовъ и завѣтныхъ убѣжденій феодальнаго міра, изъ которыхъ вы можете увидѣть его отношеніе и къ народу, и къ государству.

«Государь,—говорилъ первый президентъ—въ тотъ день, въ который ваше величество выказываетъ свою власть въ увѣренности, что оно (величество) ослѣпляетъ присутствіе (сеансъ), окружающее ваше величество блескомъ своего милосердія, — въ тотъ день абсолютное употребленіе вашей власти внушаетъ всѣмъ вашимъ подданнымъ глубокій ужасъ, и предвѣщаетъ намъ печальное принужденіе (une facheuse contrainte)....

«Эдиктъ о дорожной повинности заставляетъ насъ предвидѣть, какъ неизбѣжное послѣдствіе его, запущеніе дорогъ и, слѣдовательно, совершенное разореніе торговли. Этотъ эдиктъ, введеніемъ новаго рода *постояннаго* и *произвольнаго* налога на поземельную собственность, наноситъ существенный ущербъ *собственности*, какъ *бѣдныхъ*, такъ и богатыхъ, и служитъ новымъ посягательствомъ на естественныя вольности дворянства и духовенства, отличія и права которыхъ неразрывно связаны съ конституціей монархіи»....

Когда же, несмотря на эти жалобы на разореніе доблестнаго дворянства и благочестиваго духовенства, на покушенія короля на несуществовавшую конституцію, несмотря на заботливое и даже галантное указаніе на ущербъ, наносимый несуществовавшей собственности бѣдныхъ, какъ и богатыхъ (бѣдные однако идутъ впереди изъ уваженія къ нимъ!), хранитель печатей все же произнесъ: «Господа, король счелъ нужнымъ (le roi a jugé à propos) дать указъ объ уничтоженіи натуральной повинности и приказалъ, чтобы большія дороги устраивались и содержались на денежныя суммы». И когда былъ снова прочтенъ эдиктъ,

то съ мѣста поднялся метръ-Антуанъ-Луи-Сегье, адвокатъ реченнаго государя-короля (du dit seigneur roi) и въ свою очередь сталъ защищать—не короля, а феодаловъ:

«Государь, королевское могущество не знаетъ другихъ предѣловъ, какъ тѣ, которые ей самой угодно поставить себѣ. Въ эту минуту ваше величество считаетъ нужнымъ употреблять свою абсолютную власть.... Но, ваше величество, дозвольте нашему усердію представить вамъ весьма почтительно, что та самая причина, которая побуждаетъ васъ протянуть руку несчастнымъ, должна одинаково побуждать васъ не налагать всей тяжести повинностей на землевладѣльцевъ, собственность которыхъ будетъ скоро уничтожена тяжестью налоговъ!... Разорять подданныхъ — это значитъ разорять государя, ибо всѣ источники государства находятся въ богатствѣ частныхъ лицъ.... Этотъ налогъ смѣшаетъ дворянство, которое представляетъ самую твердую опору трона, и духовенство — священнаго служителя алтаря—съ остальнымъ народомъ, который не имѣлъ бы даже права жаловаться на дорожную повинность, еслибъ *только* для ежедневнаго пропитанія его семьи не требовалось, чтобъ каждый день давалъ ему насущный плодъ его труда».

Эдиктъ, тѣмъ не менѣе, былъ внесенъ по приказанію короля въ парламентскіе регистры; одно изъ феодальныхъ золъ уничтожалось, но.... первый президентъ въ своей рѣчи сказалъ и предсказалъ еще нѣчто другое; онъ сказалъ, что король пойметъ всю «глубину скорби» парламента только тогда, когда увидитъ развитіе пагубныхъ результатовъ стольких нововведеній, одинаково противныхъ общественному *порядку* и конституціи государства. «Ваше величество увидитъ тогда, съ *какой стороны* (это былъ камень въ Тюрго!) находится дѣйствительная преданность вашей священной особѣ, просвѣщенное усердіе къ вашей службѣ, любовь къ общему благу, сообразная съ видами вашего величества. Ваше величество хочетъ блага народа и когда опытность покажетъ вамъ, что эти новыя системы, вмѣсто принесенія добра, создаютъ только зло, то вы поспѣшите отбросить ихъ....

«Намъ не остается болѣе иной надежды, какъ уповать на осторожность и справедливость вашего величества. Полные довѣрія, которое оно внушаетъ намъ, мы никогда не перестанемъ возобновлять наши настоятельныя просьбы, и мы смѣемъ льстить себя, государь, увѣренностью, что ваше величество удостоитъ отдать справедливость чистотѣ нашихъ чувствъ и нашей ненарушимой любви къ его священной особѣ.»

Первый президентъ не напрасно предвѣщалъ Лудовику, что

онъ поспѣшитъ отмѣнить реформу, гибельную для привилегированныхъ классовъ: за отставкою Тюрго, какъ мы увидимъ, слѣдовала отмѣна реформы, возвращеніе къ натуральной повинности: такъ, старый режимъ доказывалъ свою полную невозможность идти мирнымъ реформаторскимъ путемъ; эдикты, изъ которыхъ я привелъ отрывки, характеризуютъ и привилегированные классы и королевскую власть и ихъ отношенія къ народу, и королевское сознаніе о бѣдствіяхъ народа и королевскую немощь въ концѣ концовъ облегчить эти бѣдствія. Такъ проникая въ «темное царство» привилегированныхъ порядковъ и будто бы всемогущей правительственной централизаціи, вы убѣждаетесь все болѣе и болѣе, что въ старой Франціи, гдѣ оффиціальный міръ оказывался немощенъ, тамъ, рано или поздно, общественная иниціатива, народный міръ долженъ будетъ выступить на сцену, чтобъ спасти себя отъ политической и соціальной смерти, въ силу чувства самосохраненія.

Пойдемте далѣе въ этомъ лабиринтѣ народнаго истязанія во Франціи: конечно, одной дорожной натуральной повинности было достаточно для разоренія и истребленія народа, но у стараго режима была еще цѣлая бездна подобныхъ же средствъ,—и прежде всего была еще другая натуральная повинность, вносившая въ село страхъ и ужасъ, заставлявшая народъ искать спасенія отъ нея въ лѣсахъ и бродяжествѣ — я говорю о *народной милиціи*.

IX.

Регулярная армія во Франціи ведетъ свое начало съ XV-го вѣка; она состояла въ своихъ высшихъ, офицерскихъ чинахъ, изъ привилегированныхъ лицъ; своихъ солдатъ, кромѣ рекрутъ, изъ милиціи, она вербовала наемничествомъ: старые унтеръофицеры ловили гулящихъ людей, поили ихъ и вербовали, точно также, какъ это и до сихъ поръ дѣлается въ Англіи. Но этотъ способъ велъ къ ропоту въ народѣ, къ обвиненію власти въ похищеніи людей, и часто ропотъ переходилъ въ возмущеніе, такъ что, напр., при Лудовикѣ XVI-мъ, министръ Монбарей принужденъ былъ кассировать, объявить уничтоженнымъ всякое обязательство, не заключенное по доброй волѣ, и угрожать галерами безчестнымъ вербовщикамъ. Обязательство рекрута шло на 4 года, за 50 ливровъ (100 фр.), послѣ чего онъ могъ снова возобновить обязательство. Но казна или ея чиновники платили солдатамъ весьма неправильно, и это тоже

вызывало смуты; военная администрація вела себя такъ, что солдаты ходили босоногіе даже зимою и вслѣдствіе того, по выраженію министра Сен-Жермена, ихъ нищета наполняла госпитали. Кромѣ наемниковъ, правительство брало солдатъ изъ провинціальныхъ милицій, что, повидимому, было противозаконно, ибо Тюрго, въ 1773-мъ г. жаловался на этотъ обычай [1]), какъ на еще болѣе удручающій положеніе народныхъ милиціонеровъ. Французская милиція «существовала съ тѣхъ поръ, какъ начала свое существованіе французская нація». Съ 1726-го г. милиціи формировали постоянные полки или батальоны, получивъ въ 1771-мъ г. названіе провинціальныхъ войскъ (troupes provinciales). Во время войны, они составляли резервныя войска, дозволявшія вести на границу всѣ линейныя войска, и часто служившія для пополненія опустошенныхъ рядовъ. Для состава этой милиціи, ежегодно въ февралѣ и мартѣ, интенданты, установивъ число рекрутовъ съ деревни, производили наборъ по жребію (черными и бѣлыми билетами). Расходъ по набору оплачивался общиною или приходомъ. Всѣ холостые и бездѣтные вдовцы съ 18-ти до 40-а лѣтъ — подлежали рекрутчинѣ, и если количество ихъ въ общинѣ не соотвѣтствовало цифрѣ, назначенной интендантомъ, — наборъ распространялся на молодыхъ женатыхъ людей, бездѣтныхъ. Замѣщеніе охотникомъ не допускалось изъ *гуманныхъ* видовъ, на томъ основаніи, что это портило бы цѣну казнѣ, въ ея наймѣ охотниковъ въ регулярныя войска! Только отецъ семейства могъ замѣстить себя и братъ замѣнить брата, но въ такомъ случаѣ подставной милиціонеръ долженъ былъ прослужить шестью годами долѣе законнаго срока, т.-е. 12 лѣтъ. Затѣмъ, начинались изъятія — весьма многообразныя въ пользу богатаго мѣщанства, буржуазіи: такъ, между прочимъ, были изъяты изъ обязательства службы молодые парни, владѣвшіе фермою въ 300 франковъ; торговцы и промышленники, платившіе 40 фр. (тогдашней монеты) подушной подати, главный конторщикъ торговца; слуги на жалованьи у духовенства, привратники и садовники сельскихъ господскихъ домовъ; единственное дѣйствительно просвѣщенное изъятіе было сдѣлано въ пользу школьнаго учителя съ 30-ти лѣтъ, студенты тоже были изъяты къ чести XVIII-го вѣка, хотя и феодальнаго. Въ сущности, за всѣми изъятіями для набора оставалось только

[1]) .... l'usage que la cour *c'est permis*, de prendre des hommes de milice pour les incorporer dans d'autres corps;... s'il n'est pas possible de rendre inviolable la promesse de ne jamais tirer les soldats provinciaux de leurs corps, il faut renoncer au plan de former ces corps de représentants des paroisses de chaque canton.... ce serait doubler sa charge (*Turgot*. Oeuvres. Ed. Guillaumin, т. II. стр. 119).

нищее неимущее населеніе села,—и бѣдныя матери молили небо и природу, чтобъ ихъ дѣти были хоть немного искалѣчены для того, чтобъ избавиться отъ военной службы. Значитъ, служба была ужъ очень хороша: за малѣйшую своевольную отлучку миліціонера ожидали вѣчныя галеры. Время набора было временемъ бѣгства и эмиграціи, временемъ плача и побоищъ: одни спасались бѣгствомъ отъ набора, другіе гнались за бѣглецами, для того, чтобъ не попасть въ рекруты на мѣсто ихъ. Мало того, деревня оставалась всегда отвѣтственною за своего миліціонера, и въ случаѣ его исчезновенія, всегда должна была быть готова замѣнить его другимъ! За лишеніемъ права поставлять охотниковъ, деревня прибѣгала къ другому средству—гуманному и въ тоже время стратегическому: когда происходилъ наборъ, вся деревня стекалась и несла свои гроши въ *шапку* рекрутовъ. Правительство запретило эти пожертвованія, потому что видѣло въ нихъ тоже искушеніе для молодыхъ крестьянъ идти въ рекруты, получивъ шапочный сборъ, и чрезъ то лишеніе для казны въ людяхъ, которыхъ она можетъ нанять для регулярнаго войска. Но запрещеніе правительства было безсильно противъ обычая *de la mise au chapeau*.

«Миліція — писалъ одинъ феодалъ въ 1787-мъ году, обращаясь къ собранію нотаблей — есть подать людей, взимаемая натурой путемъ жребія. Добрая женщина жертвуетъ всѣмъ для того, чтобъ ея сынъ былъ признанъ искалѣченнымъ или неподходящимъ по росту. Если же онъ все-таки подверженъ жребію, она продаетъ свою курицу, свою свинью и послѣднюю простыню своей постели для взноса въ общинную шапку, и эта несчастная складчина, которая, несмотря на всѣ запрещенія, все же присоединяется ко всѣмъ другимъ неизбѣжнымъ или излишнимъ расходамъ, — является второю подушною податью, тѣмъ болѣе тяжелою для деревень, что она падаетъ только на самыхъ бѣдныхъ, и что она гонитъ изъ деревень большую часть парней и особенно самыхъ здоровыхъ и сильныхъ. Я помню, когда была введена эта миліція: деревня Лоншанъ, близъ Рамбулье, гдѣ я родился, поставляла въ 1726-мъ г. болѣе 50-ти парней годныхъ для набора, теперь она въ состояніи поставить только 20!»

«Всѣ работы—говоритъ Кондорсе, — прекращались во время набора; между семьями, между приходами возраждались непримиримыя ненависти; часто текла кровь; они дрались храбро изъ-за того, чтобъ остаться внѣ набора....»

Наборъ конченъ, рекруты поставлены,—но когда приходило время собранія батальоновъ, приходскіе старосты (синдики) должны были гнать миліціонеровъ съ помощью жандармовъ и

полиціи и часто тащить связанныхъ, «какъ разбойниковъ на каторгу». Но и тутъ еще, если не рекруты, то милиціонеры находили случай сбѣжать и направляться въ города искать приключеній, убѣжища и добычи; въ городахъ же они встрѣчались съ солдатами регулярной арміи — общее бѣдствіе вело ихъ къ общему бродяжеству: «Армія — говорилъ Мирабо 1790 г.,— поставляетъ орудія для разбоя всякому, который хочетъ заняться ремесломъ грабежа въ большихъ размѣрахъ. Мандренъ (французскій Пугачевъ) можетъ стать королемъ одной или многихъ провинцій».

Очевидная негодность такого обращенія всего нищенскаго народа въ милицію, особенно при администраціи, обкрадывавшей еще и этихъ нищихъ, — привела, въ 1775-мъ году, графа С. Жермена къ рѣшенію распустить эти провинціальныя войска, удерживая въ силѣ систему набора по жребію для людей, которые обязаны были бы идти въ рядахъ во время войны. Но съ слѣдующаго же года эта мѣра была отмѣнена для морскихъ городовъ, а съ 1778-го года снова принялись за устройство провинціальныхъ войскъ!

Тюрго и въ этомъ дѣлѣ предлагалъ реформу, носившую характеръ децентрализаціи, предоставлявшую мѣстной общественной иниціативѣ поставленіе извѣстнаго числа представителей въ мѣстную милицію (одного съ каждой общины и даже съ двухъ общинъ), долженствовавшую оставаться на мѣстѣ и даже получать льготу оставлять службу въ ненужное время и пребывать въ деревнѣ.... «Милиція должна перестать—говорилъ Тюрго— быть предметомъ ужаса и смятенія для жителей села при каждомъ наборѣ. Я знаю все, что можно сказать объ обязательствѣ каждаго гражданина вооружиться противъ общаго врага, и о томъ уваженіи, которое должно быть воздано защитникамъ отечества; но я знаю также, что можно бы отвѣтить на эти слова, для такого отвѣта нашлось бы содержаніе въ устройствѣ современнаго общества и правительства, въ составѣ армій, въ самой цѣли и характерѣ современныхъ войскъ. Можно наговорить объ этомъ за и противъ много краснорѣчивыхъ вещей, но эти фразы никого не убѣждаютъ; даже народъ научился давно уже цѣнить ихъ по ихъ стоимости, и все же всегда нужно возвратиться къ дѣйствительности....»

Для полноты картины, мнѣ остается намѣтить только, что рядомъ съ такою милиціей, подобной нынѣшнимъ мобилямъ, или, вѣрнѣе, прошлымъ уже moblots, существовали такъ-называемыя *gardes bourgeoises*, подобныя gardes sédentaires нашихъ дней. Въ началѣ они были составлены изъ всѣхъ городскихъ

жителей, способныхъ носить оружіе, но впослѣдствіи это учреждение выродилось, и на мѣсто такой гвардіи явились полицейскіе «un ramassis de gens sans aveu», изъ всякаго сброда, наемники мера, нѣчто въ родѣ нынѣшнихъ *волонтеровъ* Тьера и Пикара, — переодѣтыхъ бонапартовскихъ полицейскихъ агентовъ.

Въ большихъ городахъ существовало еще иное городское войско, нѣчто въ родѣ національной гвардіи, которую составляли ремесленныя корпораціи, подобно тому, какъ теперь въ Парижѣ батальоны коммюны состоятъ преимущественно изъ членовъ различныхъ рабочихъ секцій и ремесленныхъ союзовъ. Кромѣ того, Парижъ пользовался льготою, избавлявшею его отъ поставки милиціи. Только въ 1743-мъ году правительство потребовало съ Парижа 5000 милиціонèровъ, и «городъ долго оставался въ волненіи». И какъ теперь гражданская армія Парижа вдругъ оказалась храброю и геройскою, такъ и въ старой Франціи были времена Фронды и Лиги, когда мирные буржуа дрались съ отчаяннымъ мужествомъ.

X.

Деревня отбыла, наконецъ, свою дорожную натуральную повинность, и свою солдатскую натуральную повинность, — избавленный отъ этихъ повинностей, и отъ тѣхъ феодальныхъ стѣсненій, которыя мы видѣли выше, крестьянинъ можетъ, вы думаете, спокойно работать теперь на *своей* землѣ. Да, конечно, только... встрѣчаются еще нѣкоторыя неудобства. Крестьянинъ уплатилъ помѣщику нѣкоторыя повинности, но кромѣ *частнаго* помѣщика, есть еще *общій* помѣщикъ, есть центральное правительство, казна... На крестьянинѣ лежитъ всѣмъ своимъ давящимъ грузомъ *taille* и *capitation*. Taille — это налогъ, сдѣлавшійся постояннымъ въ XV-мъ вѣкѣ, — на поземельную собственность и на доходъ съ промысла и рабочаго дня; но, несмотря на первый аттрибутъ этого налога, привилегированные классы успѣли освободиться отъ него и его несли только крестьяне и торговые люди.

Королевскій совѣтъ установлялъ общую цифру этого поземельнаго налога и увѣдомлялъ интенданта каждой провинціи о суммѣ приходившейся на нея; интендантъ отдавалъ приказы низшимъ властямъ, затѣмъ сборщики начинали свой обходъ по деревнямъ. Эти *избранные* сборщики принадлежали всегда къ числу зажиточныхъ семействъ села; правительство видѣло въ томъ свою выгоду, потому что, до самаго министерства Тюрго, сбор-

щики были отвѣтственны своимъ «тѣломъ и имуществомъ» за полный взносъ назначенной суммы.

Это положеніе было исходнымъ пунктомъ самаго разорительнаго произвола; сборщикъ не смѣлъ *обидѣть*, т.-е. принудить къ уплатѣ зажиточныхъ поселянъ, ибо каждый изъ нихъ въ свою очередь могъ стать сборщикомъ и наказать тою же требовательностью своего предшественника. Но вдовы и нищіе крестьяне не имѣли въ своихъ рукахъ такихъ орудій мщенія, и поэтому сборщики, конечно, должны были пополнять свой сборъ изъ ихъ нищенской сумы: «Люди—говоритъ современникъ 1766-го года,—легко становятся слѣпы, когда дѣло идетъ объ ихъ интересахъ; ненависть, мщеніе, частное покровительство—все идетъ въ ходъ; и они отправляютъ свою службу тѣмъ съ большей тираніей, что имѣютъ на то власть по закону, и что самое большее несчастье, проистекающее отсюда, состоитъ въ томъ, что бѣдный становится жертвою болѣе богатаго»[1]).

Сотни регламентовъ и безчисленное количество приказовъ было нужно по этому поводу для уменьшенія злоупотребленій, но они не вели и не поведутъ ни къ чему».—«Бѣдный—говоритъ тотъ-же современникъ—могъ жаловаться, но всякая малѣйшая жалоба обошлась бы ему не менѣе 15 франковъ!»—А сборщикъ не стѣснялся, и въ случаѣ неустойки шайка его полицейскихъ врывалась въ избу и забирала все, что попало—бѣлье, утварь, все, даже крышу съ избы, если она была черепичная, снятыя двери и вырубленныя балки.

Поселяне поняли, что имъ нѣтъ другого выхода, какъ въ укрывательствѣ; и вотъ въ отвѣтъ на централизаторскую, фискальную систему сверху, воцаряется повсемѣстная контрабандная система снизу! Крестьянинъ пряталъ все, что у него было, лишь бы глаза сборщика не могли остановиться на его *собственности*. Впрочемъ, въ этой контрабандной системѣ крестьянинъ только

---

[1]) Это свидѣтельство современника особенно важно въ противоположность жалобамъ богатыхъ, зажиточныхъ поселянъ (а за ними и всѣхъ историковъ) на законъ о *contrainte solidaire*, наша *круговая порука*. Тюрго отмѣнилъ ее, и историки и политико-экономы видятъ въ такой отмѣнѣ торжество принципа свободы личности! какъ будто могла идти рѣчь о свободѣ личности, когда изъ крестьянина выжимали послѣдніе соки,—свобода личности примѣненная только къ богатому, равнялась свободѣ кошеля быть замкнутымъ, когда бѣдные умирали съ голоду. Политико-экономы рѣшительно не хотятъ понять, что вопіющее зло лежало не въ соціальномъ принципѣ круговой поруки, а въ правительственной машинѣ, заставлявшей эту круговую поруку разоряться на ненужные для блага народа налоги, вмѣсто того, чтобъ служить къ росту и процвѣтанію общины, въ которой богатые могли справедливо нести болѣе повинностей денежныхъ, ибо они отъ общины же пользовались большими удобствами и средства ихъ обогащенія были извлечены изъ общины.

бралъ примѣръ съ привилегированныхъ классовъ, которые по поводу другихъ налоговъ на доходы и имущество, старательно скрывали свои средства и на розыски правительственныхъ властей отвѣчали негодованіемъ на вторженіе въ тайны ихъ *семейныхъ дѣлъ!* Это напоминаетъ вамъ негодованіе промышленныхъ феодаловъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, при Наполеонѣ III-мъ, когда эти феодалы требовали закона противъ прессы, ограждающаго ихъ отъ вторженія въ ихъ частную жизнь (le mur de la vie privée!), т.-е. отъ оповѣщенія ихъ биржевыхъ продѣлокъ, разорявшихъ дѣйствительный кредитъ Франціи.

Крестьяне не только прятали все что могли, но они ѣли и спали худо, они оставляли землю въ запущеніи, боясь новыхъ налоговъ, новыхъ вымогательствъ, и населеніе гибло отъ истощенія, и почва бѣднѣла все болѣе и болѣе. Одно провинціальное земледѣльческое общество хотѣло подарить крестьянамъ нѣсколько быковъ и коровъ въ знакъ ободренія, крестьяне испугались и отказались: народъ увидитъ, сборщикъ услышитъ, бѣда будетъ, разорятъ новыми поборами!

Рядомъ съ *taille* существовалъ другой налогъ: *capitation.* Великій король, Лудовикъ XIV-й учредилъ его въ 1695-мъ году *только* на три года и съ *великодушнымъ* намѣреніемъ обложить одинаково всѣхъ подданныхъ своего королевства, начиная съ самого наслѣдника, дофина; великій король дѣлалъ изъятіе только для бѣдныхъ поселянъ, которые не платили 40 су поземельнаго налога. Но, *страннымъ* образомъ, на дѣлѣ вышло такъ, что и отъ этого подушнаго, личнаго налога съумѣли избавиться опять-таки привилегированные классы! Сначала они прямо воспротивились и заставили уничтожить этотъ налогъ въ 1698-мъ году, но черезъ три года онъ былъ снова возобновленъ и принялъ постоянную форму; духовенство откупилось, по обыкновенію, отъ этого налога, своимъ дарственнымъ приношеніемъ *(don gratuit!)*; провинціи, сохранившія штаты, тоже откупились на выгодныхъ условіяхъ, остальное дворянство умѣло устроиться такъ, что на него падала самая незначительная доля, сравнительно съ неимущими классами: правительство умудрилось принять за основаніе для распредѣленія этого поголовнаго налога—росписи поземельнаго и подоходнаго налога, и такъ какъ мы видѣли, что этотъ налогъ падалъ вполнѣ на бѣдные классы, то понятно, что и новый налогъ удручалъ все тѣхъ же самыхъ плательщиковъ! [1]).

---

[1]) «La capitation des taillables—писалъ Тюрго—est devenue une imposition accessoire de la taille... il est arrivé que la capitation de nobles est reduite à un objet excessivement modique, tandis que la capitation des taillables est presque égale au principal de la taille».

Тоже самое отношеніе, таже пропорція существовала во всѣхъ другихъ налогахъ, какъ, напримѣръ, въ налогѣ на доходъ — *le dixième*, обратившійся въ 1749-мъ г. въ *vingtième* и перешедшій, позже въ *les vingtièmes*...

Но духовенству было мало избавиться отъ государственныхъ податей, оно само еще брало съ народа свои поземельные налоги, — *la dîme*, которая взималась натурою съ продуктовъ земли и преимущественно съ зерновыхъ хлѣбовъ, и это вело, съ одной стороны — къ тому, что духовенство не дозволяло крестьянину вводить въ земледѣліе какихъ-либо иныхъ продуктовъ; съ другой стороны — крестьяне, платя извѣстную часть со всего продукта, конечно, не стремились къ употребленію своей земли на болѣе дорогіе продукты, которыхъ получилось бы меньшее количество и которые обошлись бы крестьянамъ гораздо дороже, вслѣдствіе церковной десятинной подати. Такъ владѣніе духовенства вело къ обѣдненію поселянъ и къ застою въ земледѣліи.

Но и за покрытіемъ всѣхъ приведенныхъ налоговъ не исчерпывались еще всѣ мудрыя изобрѣтенія стараго режима для истощенія земли и народа. Цѣлыя господскія стада имѣли законное право *прогона* или *пастбища* въ извѣстныя времена года по всѣмъ землямъ, будто бы принадлежавшимъ *крестьянину-собственнику*, (droit de parcours). Еслибъ *собственникъ* вздумалъ защищать свою землю, то всей его собственности и даже жизни не хватило бы, чтобъ заплатить за такое нарушеніе вѣчныхъ правъ феодаловъ. «Святая птица» — голубь былъ тоже однимъ изъ заклятыхъ враговъ крестьянина — она поѣдала его хлѣбъ, а онъ не смѣлъ прикоснуться къ ней (colombiers).

Но и эти «покушенія на частную собственность» были ничто въ сравненіи съ другимъ правомъ дворянства: господскій скотъ наносилъ все же менѣе вреда крестьянской землѣ, чѣмъ сами господа во время своей *охоты* (droit de chasse). По вычисленію современниковъ, конечно, далеко не полному, земледѣліе несло отъ права охоты ежегоднаго убытку 10 милліоновъ. Феодалъ, не стѣсняясь засѣвами, топталъ, вмѣстѣ съ своими прислужниками, конями и собаками хлѣбъ, виноградники и сады; часто даже въ самыхъ условіяхъ аренды господинъ обязывалъ крестьянина дѣлать такіе посѣвы, чтобъ дичь всегда находила себѣ пищу и приманку.

Фермеры обводили свои владѣнія каменными стѣнами и дере-

Дюбуа-Крансе, въ конституантѣ, доказывалъ что этотъ налогъ, долженствовавшій падать преимущественно на богатыхъ, сводился на дѣлѣ къ тому, что на *полтора милліона* ливровъ въ провинціи Champagne привилегированные классы платили только *147,200* ливровъ въ 1789-мъ году!

вянными заборами, но это было только напрасною, разорительною тратою, потому что феодалы не стѣснялись никакими преградами и когда надо было, когда охота за дичью того *требовала*, они ломали заборы и разбивали стѣны; въ иныхъ мѣстахъ феодалы вовсе не дозволяли ни каменныхъ, ни деревянныхъ изгородей.

Самою тяжелою, самою разорительною для государства и для крестьянскаго хозяйства была охота королевская.

Эта охота повела къ раздѣленію почти всей Франціи на *капитанства*—(capitaineries), страшныя инквизиціонныя судилища, казнившія крестьянъ за малѣйшее нарушеніе королевскихъ правъ и удобствъ охоты!

Въ 1789-мъ году отовсюду раздается единодушное требованіе уничтоженія капитанствъ,—въ этихъ капитанствахъ сосредоточивалась главная юрисдикція управленія водами и лѣсами: «Охотническіе сторожа (gardes-chasse), лѣнтяи, всегда презрѣнные, насиловали въ открытомъ полѣ, на глазахъ родителей, бѣдныхъ дѣвушекъ, осмѣлившихся имъ сопротивляться».—«Жестокіе и дикіе, привычные къ крови, они стрѣляли въ людей и часто убивали ихъ».

«Королевская охота—говоритъ Буато—была дѣйствительнымъ бичемъ для деревень королевскихъ удѣловъ и для деревень окрестныхъ. Никакое соображеніе не принималось въ разсчетъ, когда дѣло шло объ этомъ высшемъ удовольствіи короля. Особенно Лудовикъ XVI-й, несмотря на свою мягкость и любовь къ общему благу, становился жестокъ въ обращеніи съ людьми изъ-за всякой мелочи, мѣшавшей ему наслаждаться во всей полнотѣ его прерогативами короля-охотника. Ему достаточно было встрѣтить крестьянина, заблудившагося въ королевскомъ лѣсу, чтобъ придти въ бѣшенство на цѣлый день; весь дворъ дрожалъ передъ его охотническимъ гнѣвомъ... Всѣ пути и дороги были преграждены заставами, когда король отправлялся на охоту въ лѣсъ или поле ...Tel maître, tel valet, говоритъ французская пословица;—въ уменьшенномъ видѣ, каждый феодалъ былъ Лудовикомъ XVI-мъ, королемъ-охотникомъ, относительно своихъ феодальныхъ земель».

Сверхъ обложенія такими налогами земли, труда и лица,—сверхъ налоговъ на производство и личность, шли еще налоги на потребленіе и опять-таки на личность, налоги—на голодъ и жажду [1]).

Прежде, всѣ такіе налоги были окрещены общимъ названіемъ *aides*; это названіе *aide*—помощь, происходило изъ того, что

---

[1]) Къ смѣшанному налогу должны быть отнесены *traites*—внѣшнія и внутреннія заставы, перегораживавшія всю Францію для взиманія пошлинъ.

прежде налогъ на съѣстные припасы и напитки являлся въ видѣ чрезвычайной *помощи* королевской власти; и потому, всѣ налоги на потребленіе, какъ и всѣ таможенныя пошлины, звались—*aides;* потомъ это названіе удержалось только за *питейными сборами.* Эти питейные сборы отдавались *на откупъ* — генеральнымъ откупщикамъ (fermiers généraux до 1778-го г.), и департаментъ или палата питейныхъ сборовъ (la Cour des aides), игравшая въ послѣдніе годы феодальной монархіи важную роль въ оппозиціи парламентовъ королю, считалась, во время откупщиковъ, на откупу у нихъ, за что и должна была покровительствовать всѣмъ ихъ злоупотребленіямъ и насиліямъ надъ народомъ.

«Законы, касающіеся откупной системы, безчисленны и нигдѣ не собраны въ одинъ кодексъ, такъ что частное лицо, подверженное процессу (изъ-за нарушенія какого-либо постановленія) не можетъ знать этихъ законовъ, и не можетъ ни къ кому обратиться за совѣтомъ; оно принуждено полагаться на чиновника, на своего противника и преслѣдователя».

Это свидѣтельство принадлежитъ самой палатѣ питейныхъ сборовъ и занесено ею въ ремонтрансы 5-го мая 1775-го года.— «Никогда—говорятъ историки—духъ фиска не простирался такъ далеко, какъ при откупахъ, и ни отъ чего народъ такъ не страдалъ, какъ отъ откуповъ».

Но на дѣлѣ, самый страшный налогъ, сопровождавшійся невообразимыми истязаніями народа—налогъ, одно имя котораго приводило народъ въ ужасъ—это былъ *налогъ на соль,*—*la gabelle* или *les gabelles.* Этотъ налогъ подѣлилъ всю Францію на различныя категоріи: земли grandes gabelles, земли petites gabelles, земли выкупленныя отъ габели (pays redimés), земли избавленныя (pays exempts); хотя, въ сущности, изъ-за этого налога всю Францію можно бы назвать однимъ общимъ именемъ — земли каторжниковъ, земли контрабандистовъ, — потому что суровость законовъ казнила каторгою за малѣйшее нарушеніе безчисленныхъ постановленій казны, а нищета народа, обремененнаго непомѣрными налогами, не могла не заставлять его нарушать законы на каждомъ шагу.

Дѣйствительно, треть каторжниковъ на галерахъ была осуждена за нарушеніе соляныхъ регламентовъ, — 2800 мужчинъ, 1800 женщинъ и 6600 дѣтей было осуждено въ годъ за контрабанду солью! Въ тоже время, полиція совершала 3700 домовыхъ обысковъ, сопровождаемыхъ конфискаціей контрабандной соли. 18,000 стражей габель располагали по своему усмотрѣнію судьбою народа, вторгаясь въ его жилища днемъ и ночью и конфискуя все, что только было въ домѣ, подъ предлогомъ конфискаціи за контра-

банду. Указъ изъ половины XVII-го вѣка былъ въ полной силѣ и въ концѣ XVIII-го, и этотъ указъ, по вѣрному выраженію историка Фёлье, «объявлялъ народу войну на смерть изъ-за налога на соль».—Королевская власть повелѣвала своимъ чиновникамъ, гражданскимъ и военнымъ «преслѣдовать (особенно на границахъ смежныхъ провинцій, свободныхъ отъ габели), хватать и арестовывать всѣхъ и каждаго, который замѣшанъ въ контрабанду, въ *ложный* соляной промыселъ (faut saunage и отсюда faut-sauniers, соляные контрабандисты), употреблять силу противъ нихъ, преслѣдовать ихъ въ городахъ, замкахъ, частныхъ домахъ, гдѣ бы они ни укрывались, уничтожать всѣ *незаконные* запасы и склады такъ, чтобы faut-sauniers не могли ими пользоваться; въ случаѣ надобности, дѣйствовать противъ контрабандистовъ всей военной силой и даже *пушками* и *вообще* дѣлать все, *что будетъ сочтено нужнымъ* для уничтоженія въ королевствѣ контрабанды; схваченныхъ сдавать въ руки капитана Гранде, лейтенанту жандармской полиціи, коему предоставляется судить их и чинить надъ ними расправу по усмотрѣнію».

Но противъ нужды драконовы законы безсильны. Народъ ненавидѣлъ соляныхъ баскаковъ, которыхъ окрестилъ прозвищемъ *gabelon* (отъ gabelle) и оказывалъ всякую помощь и укрывалъ *faux-sauniers*-овъ. Народъ и Пугачева своего—Мандрена—прозвалъ начальникомъ контрабандистовъ, commandant des faux-sauniers!

Мандрена казнили (въ іюнѣ 1758-го г.), но народъ сохранилъ въ него вѣру,—въ то, что придетъ другой Мандренъ и освободитъ его отъ gabelle; Мандренъ былъ только однимъ изъ смѣлыхъ выраженій народнаго протеста; весь народъ готовъ былъ идти за нимъ на возстаніе противъ налоговъ, какъ уже ранѣе шелъ за другими вожаками еще въ XVII-мъ вѣкѣ изъ-за той же gabelle и изъ-за питейныхъ сборовъ, и не было ни одного налога, который не вызывалъ бы, рано или поздно, во Франціи мятежей и ихъ кровавыхъ усмиреній. Что касается до соляной подати, то не лучше народа думалъ о ней даже самъ С. Симонъ, съ ужасомъ говоря о «30-ти тысячахъ мошенниковъ (fripons) габелёровъ (gabeleurs), которые жили и обогащались только грабежами и насиліемъ, которые они совершали надъ народомъ».

Въ январѣ 1781-го г. въ своемъ «Compte rendu au Roi» Неккеръ посвятилъ соляной подати краснорѣчивыя страницы, отрывки изъ которыхъ всего лучше опредѣляютъ значеніе и роль этого налога:

«Всеобщій крикъ поднимается противъ этого налога въ то время, какъ онъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ налоговъ

вашего королевства» [1]). Далѣе, Неккеръ указываетъ на неудобство отъ раздѣленія Франціи на земли большихъ габель и малыхъ, на выкупленныя и изъятыя, и «отъ этой разницы въ цѣнахъ, которая существуетъ на соль, не только между этими землями, но и въ средѣ каждой изъ этихъ категорій, на основаніи разныхъ обычаевъ, вольностей и привилегій. Это различіе между провинціями породило желаніе наживы посредствомъ пріобрѣтенія соли въ мѣстности, свободной отъ соляной пошлины (lieu franc) для перепродажи ея въ мѣстности, подверженной габели (pays de gabelle)»; очевидно, что эти «спекуляціи, гибельныя для казенныхъ доходовъ», совершались посредствомъ контрабанды; спекуляторы старались ввозить соль тайно въ земли, обложенныя пошлиною, — «потребовалось назначать чиновниковъ, вооружать бригады и противопоставить этой недозволенной торговлѣ — суровыя наказанія; такимъ образомъ поднялась во всѣхъ концахъ королевства внутренняя и гибельная война. Тысячи людей, безпрестанно привлекаемые искусомъ легкой поживы, постоянно занимались торговлей запрещенной законами. Люди покидаютъ земледѣліе для того, чтобы отдаваться промыслу, обѣщающему большія выгоды въ болѣе короткій срокъ; дѣти, на глазахъ своихъ родителей, съ ранняго возраста формируются въ понятіяхъ о дозволенности нарушенія своего долга, и такимъ образомъ эти фискальныя комбинаціи готовятъ цѣлое поколѣніе извращенныхъ людей; нельзя измѣрить зла, проистекающаго отъ этой школы безнравственности. Народъ, этотъ многочисленный классъ вашихъ подданныхъ, вслѣдствіе бѣдности, *лишенъ средствъ воспитанія*, и удерживается въ своемъ долгѣ только въ силу религіознаго вліянія на него; но разъ, какъ народъ отброситъ это вліяніе, неизвѣстно куда можетъ его повести интересъ или случайность... Постоянныя наказанія караютъ народъ, но эти наказанія суровы, по опредѣленію закона, имѣвшаго безъ сомнѣнія въ виду поставить противовѣсъ той легкости, съ какою можно избѣжать ихъ. Грустное послѣдствіе худого устройства, требующаго наказаній, какъ постоянной необходимости казны... Я долженъ признать, что въ этой отрасли администраціи, *какъ и во всѣхъ другихъ*, развитіе зла совершается гораздо легче, чѣмъ открытіе мудраго или практическаго средства противъ зла, и когда оно длится съ давняго времени, то эта самая давность его, способствующая его точному изслѣдованію, мѣшаетъ унич-

[1]) Этотъ ежегодный доходъ съ соляного налога равнялся 60-ти милліонамъ, кромѣ 17 или 18-ти милліоновъ фискальныхъ расходовъ и барышей откупщиковъ. Зло отъ налога усугублялось тѣмъ, что треть всей этой суммы оплачивалась провинціями, не составлявшими и четвертой части Франціи.

тоженію его, такъ велика сила привычки и такъ много нужно принужденія для того, чтобы привести частные интересы къ содѣйствію общему благу!»...

Шесть лѣтъ спустя, въ собраніи нотаблей въ 1787-мъ г. Monsieur (братъ Лудовика XVI-го, будущій и бывшій Карлъ X) объявлялъ, что «габель» есть «адская машина», «неспособный къ реформѣ или улучшенію налогъ» (un impot irréformables).

Между тѣмъ два года спустя, въ 1789, Неккеръ рѣшилъ, что открыто средство къ улучшенію, къ реформѣ не только этого налога, но и всѣхъ другихъ,—это средство для него состояло въ собраніи генеральныхъ штатовъ. Но Неккеръ не зналъ, что средство, которое въ свою очередь придумаютъ генеральные штаты для исправленія зла и для «принужденія частныхъ интересовъ къ содѣйствію общему благу», встрѣтивъ сопротивленіе, поведетъ къ коренной, всеобъемлющей, ни передъ чѣмъ не останавливающейся революціи; — и Monsieur, братъ Лудовика XVI-го, не предвидѣлъ, что противъ «адской машины» стараго режима — противъ его налоговъ и управленія, большая революція выдвинетъ свою адскую машину — гильотину, которую только въ эту минуту—въ апрѣлѣ 1871-го года, народъ сжегъ въ Парижѣ.

Можетъ быть, мой перечень налоговъ и повинностей и всѣхъ безобразій фискальныхъ неистовствъ старой Франціи покажется слишкомъ длиннымъ, но дѣло идетъ хотя и о прошедшей жизни, но жизни цѣлаго народа; а главное — то, что характеръ этой жизни для новой Франціи не во многомъ измѣнился съ тѣхъ поръ. Въ той длинной номенклатурѣ налоговъ, повинностей, поборовъ, изъ которыхъ я привелъ только главныя, но далеко не всѣ, каждый налогъ, каждая повинность, каждый поборъ обозначаютъ собою цѣлый рядъ безконечныхъ истязаній, лишеній и страданій народа. Конечно, я могъ бы представить читателю болѣе яркую, разукрашенную разными эпизодами, картину народнаго состоянія въ старой Франціи; я могъ бы вставить въ рамку моего этюда цѣлыя патетическія сцены народныхъ смутъ и государственныхъ усмиреній, и можетъ быть тогда каждый понялъ бы лучше, насколько справедливы извѣстныя слова Зибеля: будучи скорѣе консерваторомъ, во всякомъ случаѣ далекій отъ радикализма, этотъ нѣмецкій историкъ французской революціи вынужденъ былъ однако признать, что въ старой Франціи «крестьянинъ не могъ смотрѣть на башни господскаго замка безъ пробужденія въ немъ желанія пожечь въ одинъ день этотъ замокъ и вмѣстѣ съ нимъ счетныя записи, хранившіяся въ немъ»; болѣе понятнымъ сдѣлалось бы и вос-

клицаніе благороднаго, степеннаго англійскаго агронома, — путешественника того времени А. Юнга: «О, еслибъ я, хоть одинъ день, былъ законодателемъ Франціи, какъ бы я заставилъ плясать всѣхъ этихъ великихъ людей!» Но, я думаю, что для убѣжденія въ негодности порядковъ стараго режима гораздо важнѣе вникнуть не въ самыя картины, порождавшіяся подъ этими порядками, а въ *причины* народныхъ бѣдствій,—безъ сомнѣнія лежавшія въ экономическомъ и политическомъ устройствѣ страны, въ устройствѣ, противъ котораго каждый налогъ и способъ его взиманія служатъ неотразимымъ аргументомъ; — въ такомъ вопросѣ безполезно ограничиваться только *картинностью* самыхъ бѣдствій. Притомъ эта картинность оставалась въ старой Франціи безсмѣнно одна и таже на протяженіи цѣлыхъ вѣковъ, всѣ ее видѣли и никого она не убѣждала въ опасности ея и въ необходимости исправить зло въ его источникахъ. Присоединю ко всему сказанному одно личное наблюденіе: когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ я обратился къ изученію Франціи, — цѣлая груда краснорѣчивыхъ описаній историковъ о прошломъ состояніи французскаго народа не дала мнѣ еще никакого опредѣленнаго понятія о томъ, и у каждаго историка я натыкался на одно и тоже стереотипное сознаніе о запутанности и непроходимомъ мракѣ въ жизни и учрежденіяхъ стараго режима, и у каждаго историка я встрѣчалъ рядомъ величавый акаѳистъ современной французской цивилизаціи и завѣренія, что теперь жизнь идетъ совершенно иначе и не имѣетъ ничего общаго съ прошлою жизнью; — запутанность и тьма оставались запутанностью и тьмою и для меня до тѣхъ поръ, пока я не обратился къ цифрамъ и къ самому голому механизму административной и финансовой, политической и юридической машины стараго режима; тогда только я увидѣлъ, что одно знакомство съ этой машиной можетъ образовать въ насъ ясное понятіе, не только о прошлыхъ, но и о настоящихъ событіяхъ. Я увидѣлъ, что только уничтоженіе этой причины могло уничтожить ея послѣдствія. А потому, чтобъ понять вполнѣ прошлое и настоящее Франціи, надо изучить политическія и экономическія учрежденія и прошлаго и настоящаго, и надо сравнить ихъ для того, чтобъ видѣть, что̀ въ настоящемъ осталось изъ прошлаго? Тогда только намъ будетъ ясно, что̀ причиняетъ и въ настоящую минуту, волненія и катастрофы, горе и бѣдствія, современной Франціи. Только такой пріемъ дастъ намъ возможность ознакомиться съ исторіею этой страны, которая долго еще будетъ сосредоточивать на себѣ изученіе историковъ, какъ вѣками

сосредоточивала на себѣ всеобщее вниманіе давно поконченная исторія Рима.

До сихъ поръ мы видѣли, такъ-сказать, житье-бытье крестьянина старой Франціи, но мы не видѣли еще ни того, какъ творился надъ нимъ судъ и расправа, ни того, какъ онъ самъ относился къ своему положенію, какъ онъ мыслилъ и чувствовалъ; для объясненія всего этого намъ нужно будетъ говорить объ учрежденіяхъ юстиціи, а позже, когда мы дойдемъ до великой революціи, мы услышимъ голосъ самого народа, въ его тетрадяхъ, въ его *челобитной*, обращенной къ его представителямъ въ генеральныхъ штатахъ.

Но достаточно и сказаннаго до сихъ поръ, чтобъ понять, что крестьянину — босому, голодному — часто ничего не оставалось дѣлать, какъ бѣжать изъ села, бѣжать отъ податей, отъ побора, отъ казни за контрабанду; и несмотря на то, что село часто было оцѣплено жандармскою командою для предупрежденія побѣговъ; что на каждомъ шагу бѣглецъ натыкался на безпощадныхъ стражей,—крестьянинъ все же бѣжалъ, бѣжалъ въ городъ, куда несъ только свой голодъ и свои неумѣлыя руки, и гдѣ такимъ образомъ онъ только увеличивалъ число голодныхъ ртовъ и лишнихъ рукъ. Вмѣстѣ съ крестьяниномъ и мы перейдемъ тогда въ городъ и посмотримъ на жизнь городского населенія старой Франціи. Въ городѣ, какъ и въ селѣ мы увидимъ, что за отсутствіемъ мудрой политической системы, истинно муниципальнаго самоуправленія, господствовало только одно начало—начало контрабанды: — снизу контрабандисты изъ толпы — во имя естественнаго права голода и несмотря на всѣ гоненія и казни; а сверху — контрабандисты администраціи — во имя абстрактнаго права оффиціальной тоги, подъ покровительствомъ великой круговой поруки централизаціонной системы.

И. Н.

ИЗЪ ОГНЯ ДА ВЪ ПОЛЫМЯ

М. В. Авдъева. Три повѣсти: Магдалина. Пестренькая жизнь. Сухая любовь. Спб. 1871 г.

I.

Можно подумать, что на русской жизни лежитъ какой-то зарокъ. Какъ будто враждебная какая-то сила заложила русской мысли путь здороваго развитія. Русская мысль не идетъ прямымъ путемъ, но мечется изъ стороны въ сторону и при всемъ этомъ отчаянномъ метаньи очень мало подвигается впередъ. Это метанье русской мысли — печальное и вполнѣ естественное послѣдствіе ея прошлаго. Освобожденная изъ давившихъ ее тисковъ, примятая, изломанная, обезсиленная, русская мысль не можетъ удержаться въ равновѣсіи; порывъ, съ какимъ она вырвалась изъ тисковъ, откидываетъ ее въ противуположную сторону. Это развитіе скачками удѣлъ не одной русской мысли; но дѣло въ томъ, что самые отчаянные скачки европейской мысли не сравнятся въ своей отчаянности со скачками русской. Квасной патріотизмъ можетъ видѣть въ этомъ доказательство шири и мощи русской натуры, но эта легкость скачковъ не есть ли скорѣе признакъ легковѣсности. Человѣкъ, у котораго есть своя, добытая изъ жизни ноша, не станетъ прыгать легко. Только балетные пейзане дѣлаютъ пируэты, выплясывая полевыя работы, тогда какъ земледѣлецъ твердо ступаетъ съ лопатой и сохой. Грѣха нечего таить: у насъ не обошлось безъ искусственности и игранья роли; но была вмѣстѣ съ тѣмъ и полнѣйшая искренность, хотя не было опять самостоятельности мысли, воплощавшейся въ дѣйствительной жизни и захватывающей духъ то борьбою, то мгновен-

нымъ торжествомъ, которое, несмотря на смѣнившее его пораженіе, могло бы служить пророчествомъ грядущаго торжества ея,—у насъ было только блѣдное отраженіе европейской мысли, и то въ небольшихъ кружкахъ. Могучія волны европейской мысли докатывались до этихъ кружковъ мелкой зыбью. Люди эти кружковъ — соль русскаго общества, переживали это движеніе не дѣломъ, не порываньями къ дѣлу, а мечтами о немъ. Чѣмъ менѣе корней пустила мысль въ жизнь, тѣмъ легче ей уноситься въ сторону. Вотъ что обусловливало легкость этихъ скачковъ, которые невозможны здоровому работнику, потому что для нихъ нужны выдрессированные долголѣтней муштровкой члены плясуна. Послѣднее десятилѣтіе было въ особенности ознаменовано скачками, доходившими до геркулесовскихъ столбовъ нелѣпости; но за эти скачки должно отвѣчать передъ судомъ потомства предшествовавшее ему тридцатилѣтіе. Иначе не могло и быть. Тамъ, гдѣ —

Подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни честной человѣческой
Плодотворное зерно,—

нечему было и взойти богатою жатвой, обѣщающею здоровый хлѣбъ. Тамъ могла накипѣть одна безграничная, безпощадная ненависть къ прошлому, неудержимо страстное стремленіе разорвать съ этимъ прошлымъ, уйти отъ него куда бы то ни было. Вырывающейся изъ тисковъ мысли ненавистна всякая мѣра, въ ней она видитъ напоминаніе прежнихъ тисковъ. Послѣ долгой неподвижности она порой можетъ сознать свою свободу только въ размашистомъ метаньи, послѣ долгаго безмолвія — свою силу только въ дикомъ крикѣ и гамѣ; послѣ долгаго бездѣйствія, свое дѣло—не въ сознательной обдуманной борьбѣ со зломъ, неправдой, мракомъ, борьбѣ, въ которой разсчитывается каждый шагъ, взвѣшивается каждый ударъ, а въ яростной свалкѣ, въ которой бьютъ направо и налѣво, не распознавая ни своихъ, ни чужихъ, бьютъ потому, что расходились долго связанныя руки.

Не мудрено, послѣ годовъ холопскаго молчанія, буйный крикъ и наглость отпущенника принять за самостоятельную и сильную рѣчь свободнаго человѣка; не мудрено, въ дикой свалкѣ не распознать ни своихъ, ни чужихъ, особенно если эти чужіе такъ долго носили личину своихъ. Невѣжество и своекорыстіе произвола съумѣли изъ наслѣдія мысли, скопленной прошлымъ человѣчества, сдѣлать орудіе его неволи и бѣдствій. Камни, которые одинъ за однимъ собирались на созиданіе великаго храма человѣческой

свободы, блага, обтесанные хитрыми каменотесами, послужили на кладку устоевъ, на которыхъ укрѣпили давившіе его тиски. Не глубокіе умы вырвались изъ тисковъ и принялись озлобленно разметывать эти камни во всѣ стороны. Началось огульное отрицаніе, отрицали для того, чтобы отрицать. Прежнему идеалу жизни противупоставили другіе, даже такіе, которые не были подготовлены жизнью, а просто придуманы въ противуположность прежнимъ. Прежнія мистическія и идеалистическія ученія, признавая въ человѣкѣ преобладающимъ одно духовное начало, съ презрѣніемъ относились къ плоти, во имя духа уродовали жизнь, отказывали ей въ самыхъ естественныхъ потребностяхъ, въ самыхъ законныхъ правахъ ея: но проповѣдуя отреченіе отъ матеріальнаго во имя заоблачныхъ стремленій, они поддерживали тиски тѣмъ, что возводили въ идеалъ отрѣшеніе отъ собственной воли во имя другой, чуждой. Протестомъ неглубокихъ умовъ противъ этого ученія явилось другое, которое, отвергая въ человѣкѣ присутствіе сверхъестественныхъ началъ, отвергало вмѣстѣ съ тѣмъ и начала человѣчности, выработанныя вѣковой культурой, отвергало все, что поднимало человѣка надъ животнымъ. Прежнія ученія, давя личность со всѣхъ сторонъ во имя отвлеченныхъ теорій, породили условія жизни, которыя, по выраженію г. Авдѣева, стали перегородками на пути человѣчества къ счастію; новое ученіе слабоголовыхъ протестаторовъ, въ своей боязни перегородокъ, не захотѣло ставить никакихъ зданій и очутилось въ пустынѣ, гдѣ нѣтъ слѣдовъ ни человѣческаго жилья, ни человѣческой жизни. Прежнее ученіе, проповѣдуя отреченіе отъ личной воли, изъ живыхъ людей дѣлало автоматовъ, которыми двигала чужая воля, живыхъ мертвецовъ, за которыхъ жили и думали другіе, немногіе; новое ученіе этихъ протестаторовъ, проповѣдуя, подъ именемъ свободы личности, разнузданность, дѣлало изъ людей животныхъ, готовыхъ отдаться каждой прихоти, каждой потребности, не стѣсняясь отношеніями къ другимъ людямъ, не разбирая, что этимъ топталось въ грязь достоинство человѣка. Это отраженіе великихъ идей свободы, разума, въ ослабѣвшихъ недоразвитыхъ головахъ прикрывалось ореоломъ свободы и неприкосновенностью ея въ глазахъ честныхъ людей, и потому нужна смѣлость, чтобы высказать эту горькую истину въ виду нелѣпыхъ обвиненій въ измѣнѣ и въ отступничествѣ служенію свободѣ и разуму, которое она подниметъ. Но молчаніе объ этихъ темныхъ сторонахъ, примѣшавшихся къ протесту русской мысли— измѣна служенію свободѣ и разуму. Нужно сказать, что эти стороны—чуждая примѣсь протестующей мысли; что онѣ—темное наслѣдіе старой жизни, скрывающее по временамъ, какъ туманъ

болотныхъ испареній, идеалъ разумной, человѣческой жизни. Дѣло каждаго честнаго человѣка стараться, по мѣрѣ силъ, разсѣять этотъ туманъ.

Ни въ чемъ, быть можетъ, этотъ протестъ неглубокихъ умовъ не доходилъ до такихъ нелѣпыхъ крайностей, какъ въ теоріяхъ, опредѣлявшихъ отношенія мужчины и женщины. Это вполнѣ понятно. Политическія и общественныя теоріи касаются только тѣхъ сторонъ человѣческой жизни, которыя человѣкъ привыкъ болѣе или менѣе считать подъ контролемъ общества, которыя онъ даже, при извѣстной долѣ тупости и инерціи, привыкъ въ нѣкоторыхъ странахъ считать дѣломъ, только издалека касающимся его, если не совершенно постороннимъ ему. Эти же теоріи врываются въ тотъ міръ, въ которомъ онъ привыкъ считать себя полнымъ хозяиномъ, въ тѣсный міръ личныхъ чувствъ, кровныхъ связей, который тѣмъ болѣе цѣпко охватывалъ его жизнь, чѣмъ болѣе онъ привыкъ считать не касающимися его другія стороны жизни. Въ этомъ тѣсномъ кружкѣ страсти кипятъ сильнѣе, разгаръ борьбы страстенъ — до дикости; эта борьба ломаетъ тотъ уголъ общаго зданія, въ которомъ такъ тѣсно улеглась мелкая личная жизнь. Тутъ, чтобы отстоять темноту и тѣсноту этого угла, зовутся на помощь всѣ темныя силы, таящіяся въ человѣчествѣ, тутъ часто и люди, пришедшіе обновить все зданіе, вмѣсто того, чтобы вносить въ него свѣтлыя свѣжія силы, разнуздываютъ темныя. Повѣсти, заглавіе которыхъ выписано выше, служатъ подтвержденіемъ этихъ словъ. Въ этихъ повѣстяхъ г. Авдѣевъ, разбивая идеалистическія ученія, которыя искажали человѣческую природу и ставили на мѣсто здоровыхъ естественныхъ отношеній превыспреннія паренія, отрывавшія ихъ отъ здоровой почвы, даетъ свой идеалъ отношеній мужчины и женщины—но вмѣсто здоровой почвы низводитъ эти отношенія въ грязь. Онъ представляетъ въ своихъ повѣстяхъ два крайніе полюса женскаго развитія. Съ одной стороны, жизнь, изломанная крайнимъ идеализмомъ и оканчивающаяся жалкимъ и безплоднымъ увяданіемъ; съ другой — то, что онъ называетъ естественнымъ, здоровымъ развитіемъ, которое невозможно вслѣдствіе перегородокъ, поставленныхъ общественными условіями, порожденіями того же идеализма. Много усилій, труда и тонкой наблюдательности положено авторомъ на то, чтобы предостеречь женщинъ отъ огня, который высушилъ жизнь первой героини, и чтобы бросить ихъ въ дымное полымя, которое пожгло жизнь другой.

Г. Авдѣевъ, съ появленіемъ своего романа «Подводный камень», былъ признанъ нѣкоторыми критиками спеціалистомъ по

женскому вопросу, хотя трудно сказать, почему эта спеціальность была приписана ему преимущественно передъ другими писателями, такъ какъ взглядъ его на этотъ вопросъ не отличается ни глубиной, ни многосторонностью. Начиная съ «Подводнаго камня», который въ свое время надѣлалъ довольно шума, потомъ пройдя, несмотря на жаркое названіе его, далеко не горячимъ романомъ «Между двухъ огней», и кончая его послѣдними повѣстями, читатель видитъ, что авторъ постоянно смотритъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія брачныхъ и любовныхъ отношеній. Эти отношенія, безспорно, занимаютъ важное мѣсто въ женской жизни, до того важное, что жизнь большинства женщинъ вполнѣ поглощается ими, и отъ правильнаго рѣшенія этой стороны женскаго вопроса зависитъ будущее развитіе женщины и доступъ для нея къ самостоятельной, широкой, общечеловѣчной жизни. Но г. Авдѣевъ въ этой сторонѣ вопроса съумѣлъ отмежевать себѣ одинъ крошечный уголокъ, изъ котораго онъ не выходитъ, это — спеціальность въ изображеніи любовныхъ чувствованій и отношеній въ ихъ самомъ тѣсномъ смыслѣ. Героини г. Авдѣева существуютъ исключительно для любви, т.-е. мечтаній, признаній, объятій, поцѣлуевъ, кромѣ любви имъ ничего не надо въ жизни. Г. Авдѣевъ, кажется, не подозрѣваетъ, что могутъ существовать женщины, которыя неудовлетворятся этими отношеніями, а потребуютъ отъ жизни большаго, которыя въ любви, кромѣ наслажденія и упоенія страстью, ищутъ удовлетворенія этой потребности въ большемъ, и которыя откажутся отъ любви, какъ скоро она не въ состояніи удовлетворить этой потребности. Эта черта до того осязательна въ женщинахъ послѣднихъ двухъ десятилѣтій, что писатели самыхъ противуположныхъ направленій, даже писатели враждебно и недобросовѣстно отнесшіеся къ вопросу освобожденія женщины, не могли не замѣтить ее и положили эту черту въ основаніи характера своихъ героинь. Наталья въ «Рудинѣ» плачетъ не столько о своей обманутой любви, сколько о томъ, что по ея понятіямъ любимый человѣкъ оказался героемъ только на словахъ. Ольга въ «Обломовѣ» тоскуетъ съ обожаемымъ мужемъ, мучится неотступными вопросами; мужу ея, чтобы сохранить любовь, нужно постоянно стоять на извѣстной высотѣ, и тотъ день, когда онъ сойдетъ съ нея, будетъ послѣднимъ днемъ ихъ любви. Лиза въ «Дворянскомъ гнѣздѣ» не изъ-за одной разбитой любви уходитъ въ монастырь, ее давно уже загоняло въ него желаніе замолить неправду окружавшей ее жизни. Не объ одной любви и упоеніи страсти мечтаетъ Елена въ «Наканунѣ», ей нужна жизнь дѣятельнаго добра, жизнь великаго дѣла, она ждетъ человѣка, ко-

торый повелъ бы ее въ этой жизни, и отдается всецѣло любви— только встрѣтивъ такого человѣка. Героиня «Труднаго времени», разлюбила мужа потому, что вмѣсто великой работы, на которую онъ ее звалъ, засадилъ ее солить огурцы да смотрѣть на его разсчеты и перебранки съ работниками. Инна въ «Маревѣ» не сворачиваетъ съ своей дороги, несмотря на всѣ убѣжденія любимаго человѣка. Лиза Бахарева въ «Некуда» расходится съ Райнеромъ, думая, что онъ отказывается служить дѣлу, которому она служитъ. Эта черта осталась совершенно незамѣченною г. Авдѣевымъ, и читатель напрасно сталъ бы искать ее въ женщинахъ, созданныхъ его фантазіей. Женщины его—одалиски, созданныя исключительно для гаремной жизни, или для воздыханій о ней; въ нихъ нѣтъ ничего, кромѣ страстности, или явной, или прикрытой мечтами «воспаленнаго воображенія». Въ «Подводномъ камнѣ» героиня увлекается страстью къ человѣку, съ которымъ у нея ничего не было общаго, чьи взгляды и понятія и пугали и отталкивали ее своею сухостью, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ бросаетъ его и снова любитъ мужа. Ольга Мытищева въ «Между двухъ огней», еще пустѣе и ничтожнѣе; выйдя замужъ за старика на томъ основаніи, что дѣвушка должна выходить, когда ей представляется хорошая партія, она восчувствовала великую любовь къ гражданскому герою, считавшему должность мирового посредника миссіей, возраждающей общество, восчувствовала потому, что гражданскій герой былъ интереснымъ молодымъ человѣкомъ; но когда оказалось, что служеніе этой возраждающей миссіи не оставляло герою достаточно времени на веденіе нѣжныхъ разговоровъ, то эта великая любовь обратилась на великосвѣтскаго франта, изъ военныхъ, въ качествѣ флигель-адъютанта не мечтавшаго ни о какихъ миссіяхъ и потому имѣвшаго полный досугъ для веденія нѣжныхъ разговоровъ.

Впрочемъ, какъ нѣтъ правила безъ исключенія, то и г. Авдѣевъ, дѣлая уступку требованіямъ жизни, попытался-было разъ дать читающей публикѣ типъ героини, исключеніе изъ того типа женщинъ, который онъ рисуетъ съ такой любовью—и далъ въ Анютѣ Барсуковой—другой героинѣ «Между двухъ огней» какую-то резонерку, изрекающую нѣсколько пошлѣйшихъ сентенцій о безполезности увлеченій извѣстными цѣлями, которыя почему-то ей кажутся непрактичными, и это резонерство въ двадцатилѣтней дѣвушкѣ свидѣтельствуетъ о ея безнадежномъ духовномъ убожествѣ и полнѣйшей неспособности быть чѣмъ-либо инымъ, кромѣ утѣшительницы героя, отставленнаго отъ служенія своей возраждающей миссіи; потому что, еслибы у ней

были силы на что—либо лучшее, то эти силы увлекли бы въ то время именно къ тѣмъ цѣлямъ, безполезность которыхъ она доказывала съ такимъ похвальнымъ благоразуміемъ. Но, неужели всѣ силы русской женщины, весь міръ ея жизни исчерпывается этими героинями. Неужели у насъ и въ далекомъ и болѣе близкомъ прошломъ не было женщинъ, жизнь которыхъ не могла улечься въ тѣсныя рамки, отмѣренныя имъ обществомъ? Онѣ были, эти женщины, и если бы ихъ не было, то не было бы возможно и настоящее движеніе въ русскихъ женщинахъ. Эти женщины были тѣми десятью праведниками, которые нужны были Лоту для спасенія Содома отъ гибели; въ этихъ женщинахъ хранились задатки живыхъ великихъ силъ, которымъ суждено развернуться во всей своей полнотѣ не въ наше время; эти задатки, переданные ими дочерямъ, выводятъ тѣхъ изъ тѣснаго міра исключительно женской жизни, эти задатки — ручательство, что эти женщины могли быть далеко не тѣмъ, чѣмъ сдѣлала ихъ жизнь. Намеки и очень ясные на типъ такой женщины начала нынѣшняго столѣтія даетъ г. Полонскій въ своемъ романѣ — «Признанія Сергѣя Чалыгина», въ характерѣ матери Чалыгина. Если въ двадцатыхъ годахъ въ женщинахъ были такіе задатки, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы ожидать ихъ въ женщинахъ конца сороковыхъ.

Въ своей героинѣ повѣсти «Сухая любовь» г. Авдѣевъ хотѣлъ создать типъ женщины сороковыхъ годовъ, женщины, отвѣчавшей идеалу минуты. Надо сказать, что минута, требовавшая этихъ идеаловъ, была довольно продолжительна. Послѣ грубой животности екатерининскаго вѣка, прикрытой тонкой лакировкой европейской цивилизаціи, и изъ ученія энциклопедистовъ съумѣвшей сдѣлать себѣ оправданіе, общество кинулось въ другую крайность. Мистицизмъ смѣнилъ религію разума въ Европѣ. Разъѣдающій анализъ оказался не подъ силу общественной мысли — это отразилось и у насъ. Истощенное оргіями регентства, времени Людовика XV-го и революціи, человѣчество захотѣло отдохнуть, и эта потребность отдыха сказалась въ стремленіи въ заоблачныя выси, чтобы не видѣть грязи жизни. Вмѣсто вакханокъ этихъ оргій ему стали нужны неземныя дѣвы, воспѣваніе этихъ дѣвъ сдѣлалось лозунгомъ литературы. Русское общество послушно отразило этотъ скачокъ европейской мысли. Въ женской жизни идеализмъ отразился въ одной доступной ей сферѣ любви. Женщина всегда покорно воспринимала то, чему учили ее властелины ея, дѣлалась тѣмъ, чѣмъ они хотѣли видѣть ее, и бригадирши фонъ-Визина, бредившія тѣмъ, «какъ бы махаться съ болванчиками», смѣнились чистыми дѣвами, для ко-

торыхъ любовь заключалась въ неясныхъ стремленіяхъ, мечтаніяхъ, сладкихъ вздохахъ и молитвахъ о возлюбленномъ. Увлеченіе общества извѣстными идеалами всего осязательнѣе воплощается въ натурахъ, которыя глубиной и силой выдаются надъ толпой, но выдаются не настолько, чтобы понять, что есть ложнаго и нежизненнаго въ идеалахъ, которыми живетъ ихъ время. Героиня повѣсти «Ольга Рамзаева» принадлежала именно къ такимъ натурамъ. Вся жизнь ея и лучшія силы ея природы сложились на то, чтобы изсушить ее въ безплодныхъ высяхъ идеализма. Она была дочерью богатыхъ помѣщиковъ, со связями. Вся жизнь Ольги сводилась на храненіе приличій; идеалъ жизни, который они давали дочери — былъ идеалъ благовоспитанной барышни, который тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ болѣе дѣвушка походитъ на куклу, и чѣмъ менѣе на живое существо. Этотъ завѣтъ приличій скрывалъ отъ молодой дѣвушки все безобразіе жизни, которое такъ ярко выступаетъ въ семьяхъ, гдѣ этотъ завѣтъ соблюдается только въ показные дни. Этотъ идеалъ заковывалъ трепетъ молодой жизни въ механическое вращеніе колесъ и пружинъ автомата. Небольшая сценка, набросанная г. Авдѣевымъ, гдѣ папенька разглагольствуетъ о политикѣ, маменька волнуется за картами, и аргусъ-гувернантка выступаетъ съ своимъ соглядатайствомъ, вполнѣ объясняетъ, почему Ольга съ такимъ увлеченіемъ отдалась мечтаніямъ о неземной любви. Въ семнадцать лѣтъ трудно примириться съ мыслью—видѣть въ жизни одинъ чинный обрядъ, свершаемый безъ увлеченія, безъ трепетанія живыхъ силъ, безъ смысла, холодно, механически, по привычкѣ, едвали не безсознательно. Молодость жадно проситъ жизни, молодость задыхается въ этомъ мірѣ помѣщичьей китайщины; а куда же ей уйти, если она—не отмѣченная печатью избранія, а простая честная молодость—какъ не въ міръ романовъ и мечтаній о любви. Англійскіе романы семейной жизни, ихъ отмѣнно длинные, нравоучительные и чинные family novels, которые маменьки съ такимъ достойнымъ лучшей цѣли рвеніемъ даютъ въ руки дочкамъ, показываютъ туже обрядность, возведенную въ идеалъ. Французскіе романы романтиковъ и соціалистовъ будили мысль, давали болѣе широкій идеалъ жизни, но ставили страсть на ходули и вслѣдствіе того подвергались строгой критикѣ маменекъ, которыя, не обращая вниманія на содержаніе и направленіе романа, безпощадно преслѣдовали всѣ мѣста, гдѣ страсть говоритъ слишкомъ откровеннымъ языкомъ. Идеаломъ благовоспитанной барышни было полнѣйшее невѣдѣніе жизни. Лицемѣрная мораль, исходя изъ аскетическихъ ученій, проклинавшихъ плоть, заклеймила стыдомъ союзъ любви,

который даетъ жизнь человѣку. Въ силу такой морали, знаніе этой стороны любви считалось позоромъ для дѣвушки, и заботливыя маменьки тщательно охраняли отъ него своихъ дочекъ. Это знаніе лишило бы ихъ ореола наивности и невинности, и тѣмъ испортило бы ихъ карьеру невѣсты. Нужды нѣтъ, что этотъ ореолъ наивности и невинности изъ десяти разъ девять, вмѣсто лучезарнаго сіянія, оказывался кускомъ папки, оклееннымъ сусальнымъ золотомъ, потому что невѣдѣніе наивности было маской, прикрывавшей очень обстоятельныя теоретическія свѣдѣнія; но ореолъ блюлся неприкосновенно маменьками и носился тщательно дочками, потому что наивности какъ нельзя лучше понимали, какія выгоды давалъ имъ этотъ ореолъ въ глазахъ ихъ недальновидныхъ поклонниковъ. Лучшія натуры принимали на вѣру поученія маменькиной морали: все, что сводило любовь изъ міра превыспреннихъ пареній, мечтаній, на естественную почву, было для нихъ грязью, отъ которой онѣ отворачивались брезгливо; всѣ силы и помыслы ихъ сосредоточивались, по мѣткому замѣчанію г. Авдѣева, на «длинныхъ спорахъ о чувствахъ, изученіи ихъ оттѣнковъ, анализѣ любви разныхъ героевъ и разныхъ опредѣленій любви извѣстныхъ авторовъ, словомъ — на всѣхъ тѣхъ сладкихъ и, какъ имъ казалось, глубокихъ наблюденіяхъ надъ любовью, которыя обыкновенно появляются между молодыми любви-испытателями вмѣстѣ съ чувствомъ и составляютъ исключительный предметъ ихъ разговоровъ, эти сладкія копошенія и зарыванія въ свои чувства, изслѣдованія пріятныя тѣмъ, что для нихъ не требуется никакой подготовки кромѣ молодости и неотталкивающей наружности».

Кромѣ этого значенія, любовь имѣла для идеальныхъ дѣвушекъ и другое. Жизнь китайской обрядности научила мечтать о другой жизни, широкой, полной смысла, движенія, восторговъ, подвиговъ, жизни прекрасной, свѣтлой, чистой, честной, но какой — именно на это затруднились бы отвѣтить мечтательницы. Эта другая жизнь рисовалась въ ихъ горячемъ воображеніи въ очень неясныхъ и неопредѣленныхъ чертахъ, и онѣ ни за что не съумѣли бы сказать, въ чемъ именно должны заключаться ширь, красота, свѣтъ, честь и подвиги мечтаемой жизни: но одно онѣ твердо знали, что она не должна быть похожа на ту, которою ихъ заставляли жить. Онѣ знали тоже, что эта жизнь недоступна женщинѣ одинокой, въ эту жизнь она могла проникнуть только объ руку съ избранникомъ своего сердца. Въ эту жизнь, стоящую неизмѣримо высоко надъ жизнью китайской обрядности, дюжинный человѣкъ не могъ ввести женщину — это могъ сдѣлать одинъ герой. И послушная фантазія рисовала идеалъ героя. Жизнь не

дала никакой подкладки для созданія этого идеала—тѣмъ легче работать фантазіи. Въ мірѣ китайской обрядности легко принять малѣйшее свѣжее слово за геніальную мысль, живого, но дюжиннаго человѣка, за героя. Каждая надежда — ручательство его великихъ подвиговъ, каждая мечта — откровеніе великой истины. Молодая дѣвушка сравниваетъ своего героя съ окружающимъ міромъ, онъ одинъ явился ей вѣстникомъ другого, неизвѣстнаго ей, лучшаго міра, она слѣпо вѣритъ каждому его слову, она слѣпо отдается своей любви. Все, что есть лучшаго въ ея природѣ, всѣ задатки здороваго человѣчнаго развитія, которые таятся въ ней,—все подкупаетъ ее въ пользу ея любви. Эти минуты для дѣвушекъ такого склада ума и характера, какъ Ольга, бываютъ роковыми. Эти минуты рѣшаютъ, выйдутъ ли онѣ изъ міра китайщины и мечтаній на жизнь подвиговъ, или останутся безплодно изнывать въ мечтаніяхъ, задыхаться въ китайщинѣ. Такія дѣвушки лишены собственной иниціативы, онѣ могутъ идти только вслѣдъ за человѣкомъ, который возьмется вести ихъ. Писаревъ прозвалъ этихъ дѣвушекъ кисейными. Вотъ какъ опредѣляетъ такихъ дѣвушекъ авторъ: «Ольга подходила подъ разрядъ тѣхъ женщинъ, которыя не всегда ладили съ обыденной практической жизнью, стояли на искусственной почвѣ, но тѣмъ не менѣе были честными дѣвушками, способными на высокій подвигъ, а еще болѣе—на высокое чувство». Встрѣть Ольга въ эти роковыя для нея минуты человѣка, который съумѣлъ бы указать ей смыслъ жизни, она не высохла бы въ безплодныхъ мечтаніяхъ, даже если бы ей не пришлось раздѣлить жизнь этого человѣка. Она встрѣтила Авзянцева.

Авзянцевъ принадлежитъ къ типу героевъ особенно любимыхъ г. Авдѣевымъ. Авзянцевъ, говоритъ онъ, «былъ того мятежнаго и неудовлетвореннаго характера, который не укладывается въ обыденную рамку, но безпокойно ища чего-то, если не прокладываетъ себѣ дороги, то старается попасть на самую новую и малоторную». Сороковые года были временемъ полнаго разцвѣта этого типа. Люди шестидесятыхъ годовъ развѣнчали этотъ типъ за то, что онъ не проложилъ широкой гладкой дороги, по которой новыя поколѣнія могли бы идти спокойно, не ломая себѣ ноги объ острые камни, не проваливаясь въ грязь. Но люди шестидесятыхъ годовъ, въ свою очередь, не приготовили такой путь, они могли только сдѣлать такія попытки поставить вѣхи этого пути, какъ дѣлали люди сороковыхъ, и сняли опалу съ людей сороковыхъ годовъ. Они поняли, что грѣшно, по словамъ поэта, пятнать тѣхъ, кто когда-то держалъ ихъ знамя, за то, что знамя выпало изъ обезсиленной руки. Они поняли, что

если эти люди не сдѣлали того, что поставили на своемъ знамени, то въ томъ виноваты условія жизни, о которыя разбилась ихъ жизнь. Несмотря на гоненія, воздвигнутыя на нихъ ультра-реализмомъ, должно сознаться, что жизнь этихъ людей и крупныхъ какъ Рудинъ, и мелкихъ какъ Авзянцевъ, была трагична. Они были горстью, оторвавшеюся отъ общества. Стоя неизмѣримо выше его, они были чужды его интересамъ, его идеямъ, его жизни, и несмотря на то, чувствовали свою кровную связь съ нимъ; оно было почвой, на которой они стояли, средой, въ которой одной они могли дѣйствовать, въ немъ только могли они надѣяться осуществить свои стремленія, свои идеалы. Крупные люди, бросивъ въ общество закваску, поднявшую броженіе въ затхломъ мірѣ китайщины, уходили умирать на чужой землѣ за общее дѣло. Не признать за ними этой заслуги могутъ только узко практическіе умы, въ родѣ Грандграйнда Диккенса, которые все хотятъ подвести подъ итоги счетной книги. Мелкіе люди не были способны умереть смертью Рудиныхъ. Въ нихъ, какъ въ Авзянцевѣ, эти стремленія не складывались въ опредѣленное слово и только томили ихъ порываніями къ другому складу жизни, не похожему на тотъ, который давилъ ихъ тисками, но они не съумѣли бы провести этотъ складъ въ жизнь, ни даже опредѣлить его. Авзянцевъ былъ тоже Ольгой своего рода. Въ этихъ-то мелкихъ людяхъ движеніе европейской мысли отражалось, какъ въ балетныхъ пейзанахъ. Много было, безспорно, въ нихъ искренности, но къ этой искренности примѣшивалась и извѣстная доля искусственности, рисовки. Они не продали бы своего убѣжденія за всѣ блага міра, не пошли бы служить враждебнымъ ему началамъ, несмотря на гоненія и пытки, но они за то считали себя героями и желали, чтобы общество видѣло въ нихъ этихъ героевъ. Они охотно играли въ обществѣ, и особенно передъ женщинами, роль пророковъ, апостоловъ иныхъ грядущихъ временъ. Наивное удивленіе толпы, наивное обожаніе молодыхъ дѣвушекъ льстило ихъ самолюбію. Имъ нужна была трибуна, и за неимѣніемъ дѣйствительной, они создавали ее себѣ вездѣ, гдѣ находилось нѣсколько зѣвакъ, готовыхъ, отъ нечего дѣлать, послушать хорошихъ словъ, нѣсколько барышень, мечтавшихъ о герояхъ. Спасибо имъ и за то, они были сѣятелями слова правды, свободы. Немногія изъ бросаемыхъ ими сѣмянъ пали на хорошую почву и дали плодъ сторицей; но Авзянцевы не столько заботились о томъ, на какую почву упадетъ сѣмя, сколько объ эффектности роли сѣятеля. Эта роль доставляла столько лестныхъ успѣховъ самолюбію, уничтожала ихъ соперниковъ, и въ виду такихъ пріятныхъ ре-

зультатовъ, какъ же было не рисоваться ею? И сколько лжи, и обмана, и невольныхъ и вольныхъ, было въ этой рисовкѣ! И сколько испорченныхъ женскихъ жизней было на совѣсти у этихъ сѣятелей!

И лицемѣрные моралисты, и женскіе эманципаторы не находили достаточно грозныхъ и горькихъ словъ, чтобы заклеймить кокетство женщины; не мѣшало бы приберечь хоть немного этихъ словъ для кокетства мужчинъ: рисовка себя въ герои, въ проповѣдники—кокетство глубоко безнравственное; это нравственная аксіома, своего рода дважды два-четыре. Кокетство—кража чужого чувства съ помощью надѣтой маски, нравственное шулерство. Но игроку, у котораго на карту поставлено все, что есть за душой, вся будущность, простительнѣе передернуть карту, нежели тому, у котораго поставлена на карту одна доля имущества, иногда самая ничтожная. Понятно, что эта рисовка произвела глубокое, неизгладимое впечатлѣніе на дѣвушку въ положеніи Ольги. Слова Авзянцева были первымъ лучемъ свѣта, блеснувшимъ въ мертвой обрядности ея жизни, онѣ были для нея откровеніемъ другой, лучшей, но безъимянной, смутное представленіе которой бродило въ головахъ дѣвушекъ, отвѣчавшихъ идеалу минуты. Авзянцевъ явился для нея воплощеніемъ этой жизни, и она преклонилась предъ нимъ, увѣровала въ него всѣми силами души. Это слѣпое обожаніе объясняется и рисовкой Авзянцева и—низостью умственнаго уровня людей, среди которыхъ она жила. Несмотря на свой идеализмъ, Ольга не была такой отпѣтой мечтательницей, какъ большинство барышень, которыя не могли жить безъ героевъ и за неимѣніемъ ихъ производили въ Грандисоновъ гвардейскихъ франтовъ и хватовъ. Въ Ольгѣ была, по отзыву самого автора, своя и порядочная, для семнадцатилѣтней дѣвушки, доля здраваго смысла и чутья людей: не сдѣлала же она себѣ героя изъ Евлева, образца благоразумныхъ, прекрасныхъ, скромныхъ молодыхъ людей, которые такъ милы сердцу маменекъ, ищущихъ солидныхъ жениховъ дочкамъ,—а для большинства барышень, зачитавшихся романовъ въ семнадцатилѣтнюю пору жизни, «пору любви, пору мечтаній», произвести даже Евлева въ герои было дѣломъ не только возможнымъ, но и очень легкимъ. Евлевъ былъ не дуренъ собой, не смѣшонъ, не идіотъ—причины совершенно достаточныя для такого производства.

Романъ Ольги оборвался въ самомъ началѣ. Сцена разлуки влюбленныхъ ярко выставляетъ всю дрянность характера Авзянцева и все превосходство надъ нимъ Ольги—превосходство въ любви столь несомнѣнно признанное за женщинами. Любовь была един-

ственной святыней ихъ жизни—и ей онѣ были вѣрны. Авзянцевъ, который собирается ѣхать во Францію въ смутной надеждѣ служить идеямъ, провозглашеннымъ 48-мъ годомъ, и сознаетъ, что Ольга была бы помѣхой его планамъ, уговариваетъ ее бѣжать съ нимъ; его мелкому самолюбьицу нужно отмстить родителямъ Ольги за то, что они не хотятъ выдать ее за него. Онъ и въ минуту разлуки безжалостно мучитъ язвительными намеками дѣвушку, которая для него не побоялась бы порвать самыя дорогія связи. Ольга отказываетъ ему. Она не хочетъ стать на пути его къ великой дѣятельности, къ которой онъ призванъ: она отрекается отъ счастія для того, чтобы любимый человѣкъ не измѣнялъ своему служенію. Эта черта здоровой, честной натуры. Мечтательницы, вздыхавшія на луну, зачитавшіяся романовъ барышни, создававшія себѣ Грандисоновъ изъ гвардейскихъ хватовъ, сказали бы, что съ милой рай и въ шалашѣ, и потребовали бы, чтобы избранникъ ихъ сердца забылъ бы о всякомъ служеніи для того, чтобы запереться съ ними въ шалашѣ. Наши критики превозносили простую крестьянскую дѣвушку Катю изъ романа Шпильгагена «Одинъ въ полѣ не воинъ», за то, что она по такимъ же побужденіямъ отказалась отъ Туски. Катя не понимала Туски. Ольга въ Авзянцевѣ видѣла чуть-ли не русскаго Туски. Катя, разбивши свое счастіе для Туски—героиня. Ольга, сдѣлавшая тоже для Авзянцева—смѣшная мечтательница. Но такъ ли виновата Ольга? Въ побужденіяхъ, руководившихъ и той и другой, сказалась нравственная сила. Не мелкій страхъ лишенія роскоши и удобствъ жизни, не ужасъ благовоспитанной барышни передъ скандаломъ побѣга удержали Ольгу; для пустенькой мечтательницы побѣгъ имѣлъ бы особую прелесть, бывали даже такія любительницы романическихъ приключеній, которыя устроивали побѣги, чтобы обвѣнчаться тайкомъ, когда родители ихъ спали и видѣли только, какъ-бы обвѣнчать ихъ съ тѣмъ, съ кѣмъ онѣ бѣжали. Ольгу удержала вѣра въ величность служенія Авзянцева. И послѣ, Ольгѣ для того, чтобы выжить томительную жизнь дѣвушки, старѣющейся въ мірѣ китайщины, вынести презрѣніе этого міра къ старымъ дѣвамъ, какъ къ жалкимъ, обойденнымъ жизнью существамъ, вынести нравственную пытку родительскихъ увѣщаній, вздоховъ, слезъ, жалобъ, упрековъ, и не выйти за какого-нибудь Евлева, нужно было силы побольше нежели сколько нужно было для того, чтобы, очертя голову, рѣшиться бѣжать съ любимымъ человѣкомъ. Жаль, что эта сила была потрачена напрасно—но жизнь не мартирологъ ли даромъ загубленныхъ силъ!?

Черезъ двадцать лѣтъ разлученные влюбленные свидѣлись. Ольга—старой дѣвой, засохшей въ мечтаніяхъ объ своемъ идеалѣ;

идеалъ—поломаннымъ жизнью, опустившимся холостякомъ, который изъ прежнихъ порывовъ къ міровой дѣятельности сохранилъ одну способность развивать молодыхъ дѣвушекъ. Авзянцевъ, бывъ сосланъ въ дальнія и неудобообитаемыя мѣста «за то что кипятился, искалъ дѣятельности, думалъ съ небольшимъ кружкомъ молодежи о возможности ввести если не въ жизнь, то по крайней мѣрѣ въ понятія тогдашняго общества мысли о реформахъ и улучшеніяхъ», благоразумно отрексл отъ всего, и возвращенный въ свою деревню, наконецъ, успокоился на дѣятельности члена земской управы. Ольга, провздыхавъ двадцать лѣтъ, осталась безъ кровной связи съ жизнью, безъ цѣли, безъ счастья, и съ долгими годами томительнаго, холоднаго угасанія впереди. У ней не осталось даже утѣшительнаго сознанія, что она принесла свою жизнь въ жертву чувству, которая поднимала бы ее высоко надъ толпой.

Встрѣча съ героемъ убила Ольгу. Вмѣсто героя она увидѣла самаго дюжиннаго смертнаго. Ея жизнь была потрачена даромъ, и эта трата была и смѣшна и жалка. А кругомъ нея закипала молодая жизнь, вставали молодыя силы. Ольга была чужда имъ, она была лишнимъ, безполезнымъ существомъ въ закипавшей жизни. Она съ ужасомъ спросила себя: «Чѣмъ изжить полинялый остатокъ жизни, который остался ей? Нѣтъ ни цѣли, ни привязанности, ни умѣнья, да и за что приниматься въ сорокъ лѣтъ? Завести собачку, табатерку, ходить къ обѣднѣ и стать на стражѣ нравственности? Но у Ольги было столько мягкаго, привычнаго къ любви сердца, что она чувствовала всю скверность подобной жизни. А кругомъ нея жизнь, вся трепещущая отъ избытка плодотворныхъ силъ, вешняя жизнь, такъ и стояла кругомъ, такъ и вливалась неудержимой волной повсюду. Но этотъ приливъ и трепетаніе жизни, которые въ былое время будили фантазію Ольги, теперь страшно болѣзненно врывались въ ея безплодную, необитаемую, пустую и пустынную душу. Какъ весенній воздухъ разрываетъ больныя легкія, этотъ кругомъ стоявшій избытокъ жизни тяготѣлъ надъ нею и убивалъ ее сознаніемъ безплодности, пустоты и ничтожности ея жизни. Въ присутствіи этой трепещущей полнотой жизни она видѣла, она ощущала, какъ безслѣдно и безполезно прошла ея жизнь. Ольга переживала тотъ трагическій моментъ, когда въ человѣкѣ въ отчаяніи зрѣетъ рѣшимость броситься въ воду, или еще въ худшій нравственный омутъ. То было великое, неотразимое горе, горе о напрасно потраченной, хуже, о брошенной на какой-то хламъ жизни. Съ глухимъ стономъ Ольга схватила себя за виски, она была бы счастлива, еслибы могла заплакать». Этими словами показываетъ ав-

торъ, какъ попранная, во имя превыспреннихъ пареній, жизнь отмстила за себя Ольгѣ.

Месть тяжелая, страшная, но справедливая. Передъ Ольгой, засушенной этими пареніями, даже такой некрупный человѣчекъ, какъ Авзянцевъ, оказался живымъ человѣкомъ. Если онъ не былъ титаномъ, за котораго не слѣдовало бы ему выдавать себя ребенку незнавшему жизни, то онъ все-таки принадлежалъ «къ ищущимъ и толкущимъ, и быть можетъ если не дѣломъ, то хоть неудачей помогалъ великому дѣлу исканія и открытія». Кромѣ этой отрицательной заслуги у него есть и положительная: онъ развиваетъ молодыхъ дѣвушекъ. Отъ словъ его объ общемъ женскомъ дѣлѣ начинаетъ бродить сумбуръ, вбитый въ ихъ головы заботливыми маменьками; но этимъ и ограничивается его дѣятельность, и его забота объ общемъ благѣ не мѣшаетъ ему ни мало ростить своихъ дѣтей, не то какъ дворовыхъ въ холѣ, не то какъ барчатъ безъ призору—система воспитанія, необыкновенно способствующая развитію честныхъ людей! Онъ съ сознаніемъ мужского превосходства относится къ Ольгѣ, онъ уничтожаетъ ее, указавъ всю безплодность ея мечтаній, безполезность и безцѣльность ея жизни. Но если разобрать внимательнѣе, это превосходство результатъ ли нравственныхъ силъ Авзянцева или его положенія? Кому больше дано, съ того больше и спросится. На мѣстѣ Авзянцева, Ольга, осмѣянная Ольга, съ тѣми задатками, которыя въ ней были, не успокоилась бы на развиваньи молодыхъ дѣвушекъ. Ольга не слыхала тѣхъ словъ въ молодости, которыя Авзянцевъ говорилъ ея племянницѣ. Тогда Авзянцевъ самъ до нихъ не додумался, между тѣмъ въ Европѣ сороковыхъ годовъ эти слова провозглашались громко на народныхъ собраніяхъ; эти слова повторялись и у насъ. Надъ ними зубоскалилъ Брамбеусъ, и Бѣлинскій писалъ противъ нихъ въ статьяхъ, отъ которыхъ впослѣдствіи отрекался. Авзянцевъ ѣхалъ во Францію въ то время, когда Полина Роберъ и Жанна Деруань заявляли республиканскому правительству о правахъ женщины на голосъ и участіе въ общественныхъ дѣлахъ, когда составлялись женскіе клубы съ цѣлью измѣнить положеніе женщины. Скажутъ, отчего же Ольга помимо Авзянцева не узнала эти слова? Но развѣ въ мірѣ китайщины для женщины жизнь, кромѣ жизни объ руку съ любимымъ человѣкомъ, не книга за семью печатями? Когда женщину вѣками ростили въ сознаніи, что она сама по себѣ ничто, внушали ей это сознаніе ея вѣчнаго несовершеннолѣтія и неспособности какъ священный завѣтъ, нелѣпо бросить камнемъ за то, что она сдѣлалась тѣмъ, что изъ нея сдѣлали.

Въ параллель съ превыспренними пареніями Ольги авторъ

выставляетъ жизнь крестьянъ, основанную на одной естественной закваскѣ. Онъ горько упрекаетъ Ольгу, зачѣмъ она отказалась отъ такой жизни, и приписываетъ ея паренія одной праздности и сытости. Въ послѣднемъ обвиненіи высказывается демократическое чувство, похвальное какъ нельзя болѣе, но только справедливо ли оно, тѣмъ болѣе въ отношеніи женщинъ. Если безчеловѣчно бросать народу въ глаза упрекъ въ пьянствѣ, въ которомъ онъ, губя и жизнь и силы, находитъ возможность передохнуть на мигъ отъ тяжелаго труда, забыть всю неприглядность своей жизни, свою нищету, униженіе, то такъ-же безчеловѣчно бросать камнемъ въ женщинъ, за то что онѣ изъ затхлаго міра китайщины, изъ своей сѣрой, однообразной, пустой жизни уносились въ міръ мечтаній! Такъ-же какъ первые невиноваты въ своей нищетѣ, такъ и послѣднія невиноваты въ своей сытости. Несытость вредна сама по себѣ, — чего же какъ не права на сытость добивается каждый, — а отвратительна зарывшаяся въ себя сытость, сытость которой нѣтъ дѣла ни до кого. Безъ сытой горсти человѣчества, безъ праздности въ смыслѣ досуга, свободы отъ тяжелаго физическаго труда, конечно не было бы сдѣлано и то немногое, что сдѣлано человѣчествомъ. Человѣку, который бьется изъ-за куска хлѣба, не до удовлетворенія высшихъ потребностей его природы; возможность удовлетворить духовный голодъ наступаетъ, когда удовлетворенъ физическій. Но этотъ духовный голодъ—не слѣдствіе праздности и сытости. Не однимъ хлѣбомъ будетъ живъ человѣкъ. Этотъ духовный голодъ, — эта потребность жить не одной сѣрой, будничной жизнью, эта потребность высшаго томитъ, и голодный, задавленный работой народъ наравнѣ съ праздной и сытой горстью. Эта потребность гонитъ его скитаться по богомольямъ, гонитъ въ разные раскольничьи толки. Демократическій взглядъ на мечтанія Ольги, какъ продуктъ сытости и праздности, оказывается черезъ-чуръ узкимъ. Если эти мечтанія оказались такъ же безполезны, какъ и скитанія народа по разнымъ Палестинамъ, то въ этомъ Ольга виновата столько же, какъ виноваты и эти скитальцы. Въ Ольгѣ были задатки лучшаго, она была способна на высокій подвигъ, и встрѣть она не фразера, а человѣка, который съумѣлъ бы направить эти мечтанія на дѣло, изъ нея вышла бы дѣльная работница для жизни. Автору, чтобы вполнѣ показать всю несостоятельность Ольги, слѣдовало бы свести ее съ такимъ человѣкомъ. Если бы Ольга оттолкнула его для своихъ романическихъ воздыханій объ Авзянцевѣ — ей бы не было оправданій. Тогда она дѣйствительно оказалась бы сумасбродной, изломавшей жизнь ради призраковъ. А теперь читателю ясно, что не

столько Ольга изломала свою жизнь, сколько жизнь изломала Ольгу. Натуры цѣльныя и глубокія, какъ Ольга, натуры кисейныхъ барышень, за которыхъ вступался Писаревъ, разъ вырвавшись изъ міра китайщины, не могутъ уже болѣе вернуться въ него. Здоровой, твердой почвы не было у Ольги подъ ногами; ей осталось одно—уноситься все болѣе и болѣе въ своемъ пареніи. У Авзянцева была хоть земская управа. Авторъ обрушиваетъ на нее громы своего гнѣва за то, что она не успокоилась на земской управѣ своего рода — бракѣ, на одной естественной закваскѣ съ какимъ-нибудь Евлевымъ, на которой успокоилась рудинская Наташа. Но выигралъ ли бы отъ того Евлевъ, семья, выиграло ли бы общество? Изъ своего мозга не выскочишь, слѣдуетъ сказать въ отвѣтъ на авторскія слова — изъ своей кожи не выскочишь.

Бывали примѣры, что идеальныя барышни изъ натуръ помельче, когда подходили роковыя для барышень двадцать-пять лѣтъ, отказывались отъ мечтаній, и чтобы имѣть какую-нибудь цѣль жизни, выходили за Евлевыхъ и вмѣсто гнѣзда въ курятникѣ, устраивали домашній адъ. Прежнія мечтанія, задавленныя, запрятанныя глубоко на днѣ души бродили въ нихъ глухо закваской домашнихъ бурь и сценъ. Въ то время для женщины не было средины между пошлостью и идеализмомъ. Идеальныя дѣвушки не могли не видѣть, насколько онѣ выше практическихъ барышень, вся практичность которыхъ сводилась на отбиванье другъ у друга мелкими сплетнями, интригами, часто злобной, безстыдной клеветой поклонниковъ, на ловлю иногда самымъ безсовѣстнымъ кокетствомъ жениховъ повыгоднѣе, и проникались глубочайшимъ презрѣніемъ къ матеріальности, какъ онѣ выражались, этихъ практическихъ барышень, проникались вмѣстѣ съ тѣмъ и сознаніемъ собственной чистоты и превосходства надъ своими матеріальными сестрами. Поэты того времени окончательно вскружили имъ голову воспѣваніемъ чистыхъ неземныхъ дѣвъ. Идеалы того времени требовали отъ нихъ только отрицательнаго достоинства чистоты, какъ отсутствія грязи. Сознавая, что онѣ удовлетворяютъ этимъ идеаламъ женщины, онѣ, въ свою очередь, считали себя достойными только идеала мужчины, человѣка стоявшаго высоко надъ толпой, героя. И когда имъ приходилось снизойти до человѣка толпы, то отъ него требовалось, чтобы онъ умѣлъ цѣнить всю великость этого снисхожденія, всю безпредѣльность чести и счастія имѣть женой идеальное, чистое существо. Но грубая жизнь не могла довольствоваться, какъ поэзія, одной идеальной чистотой. Человѣкъ толпы, болѣе всѣхъ превыспреннихъ пареній и неземной чистоты, цѣнилъ въ

женѣ умѣнье печь пироги и солить огурцы. Дѣти тоже болѣе привязывались къ нянькѣ, которая умѣла забавлять ихъ, чѣмъ къ идеальной мамашѣ съ идеальными чувствами. Семья не умѣла окружать ихъ тою безпредѣльной любовью, которая была имъ нужна; сѣрая, будничная жизнь съ ея заботами и дрязгами охватывала ихъ кругомъ, и идеальныя чистыя дѣвы превращались въ непонятыхъ женщинъ. Эти непонятыя женщины были бичемъ семьи. Ихъ вздохи, хандра, изныванье заставляли и мужа и дѣтей проклясть всѣ высокія стремленія. Семья, какъ Ѳома невѣрный, упорно не хотѣла признать неземного превосходства и требовала доказательствъ. Доказательствъ же онѣ не могли дать. Идеалъ минуты пріучилъ ихъ видѣть всю заслугу жизни въ однихъ превыспренихъ пареніяхъ. Эти паренія дѣлали жизнь идеальныхъ героинь мукой Тантала и вырождались мало-по-малу въ мелкое неудовольствіе и озлобленіе. Наконецъ, и самая чистота очень страдала отъ мелкихъ дрязгъ и пошлости жизни, которая мало-по-малу всасывала героинь, до того, что и онѣ окрашивались наконецъ тою же неприглядной сѣрою краской подъ цвѣтъ своимъ презираемымъ практическимъ сестрамъ. А самолюбіе, раздутое поэтическими восхваленіями, не могло примириться съ этой мыслью. Воспоминаніе о прежней призрачной высотѣ грызло ихъ какъ червь. Онѣ не могли не видѣть въ своей жизни на естественной закваскѣ измѣны самимъ себѣ: съ этимъ сознаніемъ нѣтъ внутренняго мира, нѣтъ мира съ окружающими людьми. Если Тургеневъ въ Рудинѣ показалъ Наташу примиренною, то оттого, что она, утративъ вѣру въ Рудина, утратила вѣру въ то лучшее, которое онъ проповѣдывалъ. Но такое примиреніе—нравственная смерть—и стоитъ медленной судорожной агоніи, какою бываетъ жизнь идельныхъ дѣвъ, спустившихся со своей призрачной высоты. Въ такой жизни умъ, чувство мельчаютъ, жизнь становится адомъ истерикъ, слезъ, упрековъ, и непонятыя женщины превращаются, мало-по-малу, въ весьма знакомый и понятный типъ фурій. Вотъ чѣмъ была бы жизнь Ольги, еслибы она была натурой менѣе цѣльной и глубокой, и во избѣжаніе упрековъ г. Авдѣева вышла за какого-нибудь Евлева. Чѣмъ была супруга Евлева полезнѣе Ольги?

Гнѣздо въ курятникѣ, какъ называла Ольга семейную жизнь народа, понятно только для народа. Онъ поставленъ внѣ человѣческой жизни. Старшая братія усердно вѣками заботилась о томъ, чтобы держать его исключительно въ мірѣ курятника, и потому стремленіе его къ курятнику вполнѣ законно. Обезпеченное пользованіе курятникомъ для него первая ступень къ дальнѣйшему развитію. Его борьба за курятникъ, борьба святая—этой

борьбой онъ отстаиваетъ право своего существованія. Каждый честный человѣкъ не можетъ не слѣдить съ глубокимъ сочувствіемъ за этой борьбой, каждый честный человѣкъ долженъ, по мѣрѣ силъ, помогать народу одержать въ ней побѣду. Но стремленія Евлевыхъ къ курятнику возбуждаютъ далеко не эти чувства; это стремленіе праздныхъ и святыхъ людей запереться отъ всего міра въ своей праздности и сытости. Эти люди не обречены на борьбу за кусокъ хлѣба; эти люди имѣютъ полную возможность употребить свою праздность на служеніе человѣчеству— и не дѣлаютъ ничего. Они дали поглотить себя жизнью курятника, они, какъ рабы лукавые и лицемѣрные, зарыли свой таланть въ землю, и какъ рабы лукавые и лицемѣрные должны быть извергнуты вонъ изъ великаго братства человѣчества, изъ жизни. Дѣвушка, въ которой были задатки лучшаго, не могла выбрать эту жизнь. Нечего жалѣть о томъ, что Ольга не жила жизнью Евлевыхъ. Жизнь человѣческая не исчерпывается жизнью курятника. Въ каждомъ человѣкѣ, если только онъ не Евлевъ, есть потребность жить общей міровой жизнью. Идеализмъ удовлетворялъ этой потребности дѣвушекъ сороковыхъ годовъ. Позже, когда другое жизненное направленіе смѣнило его, оно не могло уже проникнуть до Ольги. Міръ китайщины не впускаетъ въ себя свѣжаго воздуха. Ольга, засохшая въ безплодныхъ мечтаніяхъ, оказалась не только безполезнымъ, но вреднымъ существомъ; она стала тормозомъ на пути молодого поколѣнія. Она дрожитъ, чтобы Авзянцевъ рѣзкимъ словомъ не разбилъ міра мистицизма, въ которомъ она хочетъ держать свою племянницу. Но жизнь оказывается сильнѣе ея. Молодая дѣвушка слушаетъ съ жадностью слово другой жизни. Идеализмъ разбитъ. Много труда положилъ авторъ на то, чтобы доказать всю тщету его. Онъ съ необыкновеннымъ рвеніемъ подбиралъ черту за чертой, чтобы выставить всю духовную нищету, всю безполезность Ольги, онъ безпощадно обрушивалъ на нее упрекъ за упрекомъ—и поставилъ себя въ положеніе человѣка, который тратилъ свои заряды на мертвое тѣло. О мертвыхъ—гласитъ древняя пословица—надо говорить или хорошо, или ничего; но эта медвѣжья добродѣтель: не трогать труповъ — нелѣпа. Живущее имѣетъ полное право произносить свой судъ надъ отжившимъ; этотъ судъ—повѣрка наслѣдства, оставленнаго ему отжившимъ, но когда строгій неумолимый судъ былъ уже произнесенъ жизнью, второй оказывается роскошью. Тѣмъ болѣе, что идеализмъ, который побиваетъ г. Авдѣевъ въ Ольгѣ, никогда не могъ, вслѣдствіе трезвости русской натуры, привиться настолько, чтобы переродить эту трезвость въ германскій отпѣтый идеализмъ. Если сравнить

русскіе романы съ нѣмецкими и французскими, то ни въ одномъ изъ нихъ не найдется ни одной тирады въ родѣ тѣхъ, которыя Андре Лео заставляетъ своихъ героевъ декламировать, сидя на днѣ пропасти. Нѣтъ возможности переводить во всей ихъ точности сцены объясненій въ любви французскихъ и нѣмецкихъ романистовъ на русскій языкъ. Поневолѣ приходится смягчать превыспренность, мелодраматичность языка для того, чтобы не возбудить смѣха. Никогда Вертеръ не могъ создаться на русской почвѣ. Идеализмъ, сдѣлавъ много зла, принесъ и свою долю пользы. Онъ будилъ, онъ толкалъ впередъ общество, которое безъ него погрязло бы въ своемъ курятникѣ. Если онъ не ставилъ общество на твердую почву, за то отрывалъ его отъ грязи. И только люди, умѣвшіе уноситься въ заоблачныя выси идеализма, позже могли найти въ себѣ силу стать на твердую почву здоровой жизни.

Люди курятника такъ и остались людьми курятника. Осмѣянная Ольга съумѣла заставить Авзянцева почувствовать, какъ говоритъ авторъ, «почти» физически всю свою приземистость и некрасивость. Мать ея или Евлева никогда не заставили бы почувствовать ничего подобнаго. Теперь можно безъ страха помянуть добрымъ словомъ и идеализмъ. Онъ былъ созданіемъ жизни и имѣлъ свое оправданіе; тѣмъ болѣе странно обрушивать на него громы негодованія, когда есть другіе подсудимые, ожидающіе приговора курятника. Эти подсудимые созданы тою праздностью и сытостью, противъ которыхъ ополчается г. Авдѣевъ, и къ нимъ можно вполнѣ приложить народную поговорку «съ жиру бѣсятся». Жизнь этихъ подсудимыхъ такъ же безплодна и безцѣльна, какъ жизнь Ольги, такъ же брошена на ненужный хламъ. Но для этихъ подсудимыхъ у г. Авдѣева нѣтъ тѣхъ громовыхъ стрѣлъ, которыя онъ мечетъ въ первыхъ. Для этихъ подсудимыхъ у него не только полное пониманіе, но и полнѣйшее любовное отношеніе. Онъ не только оправдываетъ ихъ безплодно изжитую жизнь въ курятникѣ, но выставляетъ ихъ жертвами, имѣвшими право на лучшую жизнь. Нужды нѣтъ, что у этихъ подсудимыхъ не было никакихъ задатковъ, никакихъ стремленій къ высокимъ подвигамъ, онъ заставляетъ читателя проливать слезы надъ ихъ ранней гибелью. Безпощадно осудивъ Ольгу, онъ поднимаетъ Магдалину на пьедесталъ. Эта разность отношеній г. Авдѣева къ обѣимъ героинямъ своихъ повѣстей объясняется спеціальностью его взглядовъ на женскій вопросъ.

II.

Героиня другой повѣсти г. Авдѣева, Магдалина, принадлежитъ къ разряду женщинъ, неспособныхъ занять въ жизни другое мѣсто, кромѣ гаремной одалиски, и несмотря на то, при первомъ появленіи этой повѣсти нашлись рецензенты, которые завѣрили читающую публику, что г. Авдѣевъ этой героиней двинулъ женскій вопросъ на огромный шагъ впередъ. Заявленіе громкое — разсмотримъ, насколько оно справедливо. Подъ словомъ: женскій вопросъ, соединяются нѣсколько различныхъ понятій. Женскій вопросъ — вопросъ освобожденія женщины отъ тройнаго гнета: отъ гнета законовъ, признающихъ ее несовершеннолѣтней и неполноправной личностью, отъ пожизненнаго закрѣпленія ея какъ законной собственности въ чужое пользованіе, и экономическое освобожденіе ея открытіемъ для нея новыхъ путей трудомъ достигнуть обезпеченія и самостоятельности, безъ которыхъ самыя эманципирующія учрежденія окажутся мертвой буквой. Повѣсть г. Авдѣева протестъ и, какъ будетъ доказано далѣе, довольно неловкій и оригинальный только противъ одного закрѣпощенія ея въ пользованіе другого. Героиня повѣсти Магдалина—замужняя женщина, которая не признаетъ себя ничьей собственностью и очень горячо стоитъ за право располагать, но только въ извѣстномъ смыслѣ, потому что брачныя узы ея были вовсе не тяжелы и не помѣшали бы ей идти куда угодно, выбрать любое дѣло въ жизни, еслибы только она была способна избрать себѣ какое-либо стремленіе или дѣло, кромѣ тѣхъ, воспѣваніемъ которыхъ занимались поэты въ родѣ гг. Случевскаго и Крестовскаго.

Авторъ рекомендуетъ героиню читателямъ, какъ очень обыкновенную женщину, которая ничѣмъ не выдавалась надъ уровнемъ женщинъ своего времени. Это не упрекъ автору: потому что выборъ въ героини женщины обыкновенной, а не энергической и даровитой личности, выборъ, какъ нельзя болѣе удачный, если, какъ надо судить по многимъ либеральнымъ и жалостнымъ тирадамъ, онъ дѣйствительно задался мыслью двинуть женскій вопросъ на какой-нибудь шагъ. Когда какія-нибудь учрежденія, въ свое время послужившія развитію человѣчества, отживутъ свой вѣкъ и станутъ перегородками на пути его къ счастливой разумной жизни, въ обществѣ начинаетъ ощущаться тоскливое чувство общаго, болѣе или менѣе сознательнаго недовольства. Это состояніе всего тяжелѣе отзывается на обыкновенныхъ личностяхъ. Даровитыя и энергическія натуры найдутъ въ себѣ силы

пробиться сквозь перегородки и устроить себѣ жизнь, насколько то возможно, соотвѣтствующую ихъ потребностямъ; если имъ не удастся достигнуть цѣли, то, по крайней мѣрѣ, онѣ боролись за нее: борьба — есть жизнь, и онѣ взяли ту долю жизни, которая была доступна имъ; въ самомъ пораженіи своемъ онѣ найдутъ утѣшеніе въ сознаніи, что онѣ не складывали безсильно рукъ, но своей борьбой поколебали увѣренность въ святости и неприкосновенности этихъ перегородокъ, такъ страшныхъ для слабыхъ и робкихъ умовъ, и своимъ примѣромъ доказали возможность борьбы и успѣха, когда силы борющихся будутъ ровнѣе. Положеніе обыкновенныхъ личностей несравненно хуже. Въ нихъ также жива потребность другихъ, разумныхъ началъ жизни; тѣ же перегородки, поставленныя на ихъ пути къ счастію, закрываютъ отъ нихъ просторъ и свѣтъ, онѣ тоже задыхаются за этими перегородками—но только задыхаются. Для обыкновенныхъ личностей нѣтъ ни оживленія борьбы, ни надежды на избавленіе, ни утѣшительнаго сознанія принесенной пользы; для нихъ весь ужасъ сознанія безвыходности своего положенія и собственнаго безсилія, для нихъ или медленное угасаніе, томительная смерть, или, что̀ еще хуже, примиреніе съ тѣмъ, что разбило ихъ жизнь, примиреніе полное, доходящее до утраты самой способности понимать возможность иной жизни, привольной, свѣтлой, безъ душныхъ перегородокъ, до признанія этихъ перегородокъ законной и разумной нормой жизни. Кромѣ того, даровитыя и энергическія личности всегда будутъ исключеніемъ, и именно вслѣдствіе этой исключительности примѣръ ихъ страданій не можетъ такъ ярко и выпукло выставить все убійственно-гнетущее вліяніе этихъ перегородокъ; найдется много охотниковъ, которые, въ силу русской пословицы: «смирнаго Богъ нанесетъ, а рѣзвый самъ наскочитъ», припишутъ эти страданія не перегородкамъ, поставленнымъ на ихъ пути къ свободѣ и счастію, а ихъ собственной безпокойной натурѣ, побуждающей ихъ къ рѣзвому наскакиванью, когда онѣ могли бы жить себѣ безмятежно и благополучно, жить, какъ всѣ живутъ; найдутся и такіе судьи, которые признаютъ ихъ не живыми людьми, а созданіями досужей фантазіи автора за то, что онѣ, выдаваясь надъ общимъ уровнемъ — колютъ глаза этому уровню. Не то бываетъ, когда авторъ выведетъ на сцену личность, которая не оскорбитъ своимъ превосходствомъ филистерскую пошлость и слѣдовательно не подастъ филистерамъ повода заподозрить свою дѣйствительность, личность изъ толпы, въ которой каждый можетъ признать себя, своихъ близкихъ; тогда читателю легко поставить себя на мѣсто этой личности; въ ея жизни онъ увидитъ соб-

ственную жизнь, въ ея страданіяхъ — страданія, пережитыя его близкими, имъ самимъ, или которыя ему, быть можетъ, придется пережить. Эта мысль будетъ усиливать впечатлѣніе, производимое на него описаніемъ страданій этой личности, и еще яснѣе и убѣдительнѣе докажетъ ему всю несостоятельность и необходимость уничтоженія этихъ перегородокъ, о которыя разбиваются и счастье, и жизнь тысячъ людей. Вотъ почему повѣсть съ дюжинными героями и героинями будетъ всегда несравненно болѣе сильнымъ протестомъ противъ всѣхъ «перегородокъ», нежели повѣсти съ героями, выдающимися надъ обыкновеннымъ уровнемъ.

Впрочемъ, дальнѣйшая характеристика героини, если повѣрить автору на слово, противорѣчитъ его завѣренію, что она ничѣмъ не выдавалась надъ общимъ уровнемъ женщинъ. Въ ней не было ни малѣйшаго слѣда дрессировки свѣтскихъ барышень, она отличалась ясностью пониманія, здравымъ смысломъ и независимостью характера. «Она ничего не дѣлала, потому что такъ принято, потому что такъ дѣлаютъ другіе, но во всемъ отдавала себѣ отчетъ, говоритъ далѣе авторъ. Эта привычка отдавать себѣ отчетъ въ каждомъ шагѣ, вмѣстѣ съ ясностью пониманія и независимостью характера — очень драгоцѣнныя и въ тоже время рѣдкія качества въ нашемъ обществѣ, а тѣмъ болѣе въ подчиненной и менѣе развитой его части — въ женщинахъ, и потому не могутъ быть удѣломъ дюжинныхъ натуръ. Изъ этихъ словъ слѣдуетъ заключить, или что героиня, обладавшая этими качествами, поднималась надъ общимъ уровнемъ женщинъ, или что авторъ въ микроскопъ разсматривалъ тѣ неуловимыя для простого глаза проблески независимости, яснаго пониманія жизни и здраваго смысла, которые мелькаютъ въ жизни женщинъ обыкновеннаго уровня. Но читатели судятъ о герояхъ и героиняхъ не по отзывамъ автора, а по тѣмъ сторонамъ характера, которыя онъ раскроетъ въ ихъ отношеніяхъ къ окружащимъ ихъ людямъ, къ условіямъ ихъ жизни; и несмотря на похвальный ярлыкъ, выставленный авторомъ на лбу героини, каждый толковый читатель, вникнувъ внимательно въ эти стороны, незамедлитъ признать героиню жалкой дурой.

Героиня была существо кроткое, безхитростное и женственное, рекомендуетъ ее далѣе авторъ, словомъ, обладала всѣми качествами необходимыми жалостной героинѣ на то, чтобы преждевременной своей кончиной исторгать слезы изъ глазъ чувствительнаго читателя. Но Магдалина была не простой жалостной героиней, а жалостной героиней совершенно новаго рода. Дѣтство и развитіе ея сложились особеннымъ путемъ. Она считалась не-

законной дочерью въ семьѣ и была отдана на воспитаніе теткѣ, которая была чѣмъ-то въ родѣ «синяго чулка», бредила разными новыми теоріями, кидалась то въ атеизмъ, то въ мистицизмъ. Магдалина рано освоилась со многими понятіями, которыя въ то время были чужды большинству барышень. Подъ вліяніемъ тетки у ней сложился свой исключительный взглядъ на многое: напр., собственностью она считала только то, что пріобрѣтено трудомъ, крѣпостное право казалось ей нелѣпостью, она не понимала, какъ человѣкъ могъ сдѣлаться собственностью другого; того же естественнаго взгляда она держалась и въ отношеніи брака и не понимала закрѣпленія женщины въ пожизненное пользованіе. Въ противоположность идеалисткѣ Ольгѣ, Магдалина держится самаго реальнаго взгляда на любовь. Она поражаетъ жениха своимъ спокойствіемъ и равнодушіемъ послѣ объясненія въ любви; въ противуположность превыспренняго восторга, которому отдались бы идеалистки, она смотритъ такъ, какъ будто съ нею не случилось ничего особеннаго—но естественно ли это? Не одна идеалистка, но каждая дѣвушка съ каплей здраваго смысла и пониманія жизни знала, что это объясненіе для нея начинало новую пору жизни. Въ ея жизни, замкнутой доселѣ, другой требовалъ своей доли; передъ нею открывался міръ неиспытанныхъ ощущеній, новыхъ обязанностей и строгаго долга—долга матери. Несмотря на строгій запретъ, наложенный благовоспитанными маменьками на эти понятія, они должны были жить въ каждой обыкновенной дѣвушкѣ съ здоровымъ естественнымъ взглядомъ на жизнь. Объясненіе въ любви должно навести на дѣвушку цѣлый рядъ мыслей, которыя не позволили бы ей имѣть видъ, какъ будто съ ней не случилось ничего особеннаго. Дѣвушка съ естественнымъ взглядомъ на жизнь, непризнававшая вѣчнаго закрѣпощенія себя, разумѣется, должна была встрѣтить эти объясненія безъ того трепета, съ какимъ бы его встрѣтила идеалистка, для которой это объясненіе—роковой безвозвратный шагъ, навсегда рѣшающій участь, безъ ощущенія присутствія высшей таинственной силы, освящающей принимаемыя ею на себя обязательства, но не съ полнѣйшимъ равнодушіемъ героини, показывавшимъ, что для нея все сводилось на одну естественную закваску. Естественные взгляды въ убогой головкѣ героини породили хаосъ, но не хаосъ броженія противуположныхъ взглядовъ и понятій,—предшественникъ къ созданію новаго свѣтлаго міросозерцанія, а хаосъ—предвѣстникъ разложенія и гибели. Вслѣдствіе этого естественнаго взгляда героиня отдается человѣку, не заботясь ни мало о томъ, что онъ за человѣкъ, что̀ можетъ дать ей, къ какой жизни поведетъ онъ ее.

Ея естественный взглядъ сводится на полнѣйшее равнодушіе тому высшему міру ума, чувства, дѣла, въ которомъ только человѣкъ и можетъ быть человѣкомъ. Если это не идеальное, а естественное развитіе—по мнѣнію г. Авдѣева — то, во всякомъ случаѣ, оно не реальное.

Супругъ героини, человѣкъ разочарованный жизнью—какъ всѣ люди сороковыхъ годовъ и даже, по увѣренію автора, будто бы съ законными причинами на это разочарованіе по неимѣнію дѣла, которому бы онъ могъ отдать свои силы: но для людей сороковыхъ годовъ это дѣло было въ словѣ; а этотъ герой разочаровался до утраты способности слова и сохранилъ одну способность — развлекать свою хандру слоняньемъ по бульварамъ, тасканьемъ по баламъ и театрамъ, и наконецъ вздумалъ развлечь ее женитьбой. Въ отношеніи женщинъ герой тѣхъ годовъ, когда Жоржъ Зандъ писала свои пламенные протесты, придерживался эстетически-гастрономическаго взгляда, который былъ такъ безпощадно мѣтко заклейменъ Писаревымъ. Дѣвушка, про которую герой бы узналъ, «что она любила хоть бы то было самымъ наиплатоническимъ образомъ, утрачивала въ глазахъ его ту притягательную силу незнанія, которому, думается, можно открыть новый міръ чувствъ и ощущеній: между тѣмъ, женщина любившая кого-либо и измѣнившая, напротивъ, получала для него новую прелесть; она влекла его именно своей доступностью, своимъ знаніемъ, какъ ставка, пущенная въ игру для состязанія». Героиня, какъ дѣвушка уже разъ любившая, утратила, въ его глазахъ, свою неприступную чистоту, но она привлекла его «обаятельной короткостью обращенія, чѣмъ-то необыкновенно-нѣжнымъ и любящимъ, этой односторонностью и ограниченностью развитія исключительно слабыхъ и влекущихъ сторонъ женскаго организма, что называется женственностью, и которая, какъ махровость цвѣтка, есть и извращеніе, и вмѣстѣ красота; все это охватило его какъ разслабляющій и вмѣстѣ одуряющій паръ».

Нѣсколько мѣсяцевъ наслаждался супругъ безмятежно своимъ разслабляющимъ и одуряющимъ паромъ, пока не оказалось, что одуряющая героиня имѣетъ свои придури. Въ одинъ прекрасный день супругъ увидѣлъ, что его супруга позволила обнять и поцѣловать себя какому-то идіотику-офицерику, изнывавшему отъ отчаянія, что она досталась другому. На упреки мужа героиня отвѣчала разсужденіями о нелѣпости свѣтскихъ приличій: напр., если принято цѣловать руку, отчего же не цѣловать щеку; въ танцахъ обнимаются, отчего же не обниматься. Эти разсужденія доказываютъ, что на микроскопическую крупицу здраваго смысла и ясности пониманія, приписанныхъ авторомъ героини, прихо-

дилась далеко не микроскопическая доля глупости. Она не понимаетъ, что каждый поступокъ есть выраженіе извѣстнаго чувства, понятія, которыя и опредѣляютъ его смыслъ. Объятіе въ танцахъ не объятіе, тутъ женщину берутъ за талью и она совершенно безразлично относится къ этому; эта безразличность— правда, слѣдствіе того, что она условіями свѣта пріучена смотрѣть на это именно въ этомъ смыслѣ; но когда какую-нибудь дикарку изъ деревенской глуши, неимѣющую ни малѣйшаго понятія о танцахъ, возьмутъ за талью для тура польки или вальса, то если она только дѣвушка съ естественнымъ развитіемъ Магдалины, это взятіе за талью непріятно смутитъ ее, какъ смущаетъ близость каждаго чуждаго намъ лица. Ни одной женщинѣ съ здравымъ смысломъ и ясностью пониманія не придетъ на умъ дать себя обнять человѣку, къ которому бы она не чувствовала привязанности, какъ къ близкому родному, другу, или влеченія, какъ къ любимому человѣку. Отчего же, напр., когда какой-нибудь наглецъ на улицѣ обниметъ и поцѣлуетъ женщину, обличительныя газеты вознегодуютъ несравненно болѣе, чѣмъ вознегодовали бы, еслибы онъ ограничился поцѣлуемъ руки? Ясно, оттого, что оскорбленіе тутъ сильнѣе и сильнѣе потому, что объятіе и поцѣлуй въ щеку—выраженіе большей близости отношеній и большей степени нѣжности. Тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ отношеній, не можетъ быть и мѣста выраженію ихъ. Если героиня любила мужа, то у ней не могло быть мѣста порыву нѣжности къ другому; неужели мнѣніе и услуги идіотика, какъ cavaliere servante для исполненія разныхъ мелкихъ порученій, которыхъ всегда такое великое множество у праздныхъ и пустыхъ барынь и которыми тяготился ея мужъ, внушили ей привязанность къ идіотику, которую непремѣнно нужно было выразить поцѣлуемъ, или просто она позволила ему обнять и поцѣловать себя потому, что ей, въ силу ея оригинально-естественнаго взгляда, захотѣлось въ эту минуту поцѣлуя отъ кого бы то ни было. Въ такомъ случаѣ, какъ же согласить этотъ поцѣлуй съ тѣмъ, что говоритъ авторъ о ея стыдливости: «Она не любила выказывать свои чувства и при постороннихъ не позволяла себѣ ни малѣйшей ласки». Вотъ ужъ подлинно стыдливость особаго рода, вполнѣ приличная героинѣ оригинально-естественнаго рода. Женщина, съ естественнымъ взглядомъ Магдалины на любовь, стыдится малѣйшей лаской при постороннемъ высказать свое чувство къ любимому человѣку, а не стыдясь даетъ себя обнимать и цѣловать человѣку, къ которому равнодушна. Какое полнѣйшее непониманіе женской природы въ спеціалистѣ по женскому вопросу! Женщина, доводящая до такой степени чувство стыдливости въ отношеніи къ любимому

человѣку, никогда не допуститъ поцѣлуя посторонняго. Не такъ понимали женскую стыдливость писатели, отличавшіеся здоровымъ и естественнымъ взглядомъ на жизнь. Чернышевскій, въ «Что дѣлать», заставляетъ дѣвушку, стыдившуюся даже раздѣваться при подругахъ, вспоминать безъ всякаго стыда о ласкахъ любимаго человѣка. Не такъ понималъ женскую стыдливость Гёте: въ его «Вильгельмѣ Мейстерѣ», въ числѣ женскихъ типовъ, есть дѣвушка, которая приводитъ въ ужасъ все филистерское населеніе своей деревушки, признаніемъ, что нимало не стыдится того, что ушла съ любимымъ человѣкомъ и сдѣлалась матерью. У Гёте встрѣчаются тоже типы женщинъ, готовыхъ раздавать свои поцѣлуи встрѣчному и поперечному, но онъ никогда не приписывалъ имъ ни стыдливости, ни ясности пониманія, и никогда не заставлялъ онъ женщину, любившую одного, находить удовольствіе въ поцѣлуяхъ другого. Приходится, поневолѣ, заключить, что г. Авдѣевъ держится того естественнаго взгляда на отношенія мужчины и женщины, котораго держатся многіе просвѣщенные господа, возстающіе противъ совмѣстнаго слушанія лекцій для молодежи обоихъ половъ, на основаніи котораго молодые мужчина и женщина не могутъ встрѣтиться вмѣстѣ, не забывъ всего въ мірѣ ради всепоглощающаго желанія цѣловаться.

Однако, несмотря на свой естественный взглядъ, героиня чувствуетъ что въ этомъ поцѣлуѣ что-то неладно; иначе отчего же ей было смущаться и краснѣть при неожиданномъ приходѣ мужа? Она же должна была отдать себѣ отчетъ въ этомъ поступкѣ и счесть его простымъ обыденнымъ поступкомъ, тѣмъ болѣе, что она была совершенно свободна отъ свѣтскихъ предразсудковъ и не признавала себя собственностью мужа. Что же означало это смущеніе? Авторъ, при подобномъ естественномъ поступкѣ со стороны мужа, приложилъ къ нему сравненіе кота, пойманнаго за сливками, думалъ ли онъ, что героиню его въ эту минуту можно сравнить съ кошкой, пойманной за той же проказой, именно проказой, потому что этотъ поцѣлуй идіотика не имѣлъ даже смысла мести мужу за его проказу. Если же это сравненіе покажется слишкомъ неприличнымъ для героини повѣсти, то быть можетъ, вслѣдствіе ея необычайно чуткой стыдливости, любимый человѣкъ для нея превратился въ эту минуту въ посторонняго. Быть можетъ, эти разсужденія покажутся слишкомъ длинными для такого поступка, но такъ какъ за героиней повѣсти, имѣвшей претензію двинуть женскій вопросъ на огромный шагъ впередъ, поступковъ покрупнѣе не оказалось, то поневолѣ приходится останавливаться на этомъ, и къ тому же нужно выставить всѣ противорѣчія, въ которыя неизбѣжно впадетъ каждый, хоть бы

самый геніальный писатель, когда захочетъ доказывать нелѣпость.

Этотъ поцѣлуй, сопровождаемый курьезными разсужденіями героини, дикая и безсмысленная прелюдія къ пошлой и слезливой мелодрамѣ, которая разыграется между супругами и которая тѣмъ страннѣе поразитъ читателя, ожидавшаго встрѣтить въ повѣсти, написанной съ цѣлью проповѣдовать идеи освобожденія женщины, одну изъ тѣхъ глубоко захватывающихъ жизнь драмъ, которая бросила бы новый и яркій свѣтъ на запутанный и сложный вопросъ отношеній мужчины и женщины, открыла бы новую, остававшуюся до той поры въ тѣни сторону безвыходности положенія женщины, показала бы, что было въ женщинѣ силъ, которыя могли бы развиться при свободной самостоятельной жизни, и которыя гибли не находя выхода, показала бы, что заставило ихъ отвернуться отъ прежней любви и что давала имъ новая. Такія драмы описывала Жоржъ-Зандъ и другіе писатели, съ большимъ или меньшимъ талантомъ работавшіе для освобожденія женщины. Героини этихъ драмъ съ ихъ любовью и измѣной вполнѣ понятны намъ, потому что и любовь ихъ и измѣна вполнѣ человѣчны, обусловлены ихъ жизнью. Такъ, намъ понятна «Валентина» Жоржъ-Занда, эта чистая восторженная молодая дѣвушка, обреченная эгоизмомъ родныхъ въ жертву законнаго насилія мерзавца и въ своей любви находящая силы спасти себя отъ поруганія; намъ понятна и Лиза Обноскова изъ романа А. И. Шеллера «Господа Обносковы»—это простодушное, неопытное, любящее дитя, которая, изъ желанія успокоить отца на счетъ своей будущности, вышла за мелкаго дрянного эгоиста, не понимая ни важности своего шага, ни человѣка, съ которымъ связывала себя и которая въ любви къ другому нашла выходъ изъ пошлой, отравленной мелкими дрязгами жизни—въ жизнь свободы, счастья, осмысленнаго труда; и другая героиня того же автора Катерина Благово, порвавшая всѣ связи съ супругомъ, который хотѣлъ сдѣлать изъ нея приманку для высокаго покровителя; и Вѣра Павловна въ «Что дѣлать», которая, задыхаясь въ атмосферѣ самодурства и грязи, съ радостью кинулась на шею первому порядочному человѣку, котораго встрѣтила, и послѣ, когда разность привычекъ вкусовъ и характеровъ стала между нею и мужемъ, полюбила другого, къ которому влекло ее полное сродство съ ея натурой. И героиня въ «Кто виноватъ» вполнѣ понятна съ ея любовью къ Бельтову: мы видимъ что̀ ей нужно было въ жизни и что̀ могъ ей дать ея плаксивый и нѣжный супругъ. Даже Полинька Саксъ понятна намъ —это нѣжное, простодушное дитя,—подавленное превосходствомъ

своего мужа и полюбившая добраго простого малаго, который былъ ей вполнѣ по плечу, и потомъ увидѣвшая всю пустоту и пошлость этого добраго малаго, когда доросла до пониманія своего прежняго мужа. Вторая любовь этихъ героинь—неизбѣжное и естественное послѣдствіе неудовлетворенной потребности счастья. Героиня романа «Кто виноватъ» погибла, ей не было выхода. Лиза Обноскова и Вѣра Павловна нашли его. Одна порвала унизительную связь цѣной добровольнаго изгнанія, купила себѣ возможность вступить въ союзъ «святой и вольный»; другая, благодаря ловко придуманной комедіи перваго мужа, могла вступить въ союзъ, въ которомъ всѣ законныя формальности были соблюдены, но котораго не признало бы общество безъ этой комедіи. Клеймить этихъ женщинъ за то позоромъ и требовать, чтобы онѣ, подавивъ въ себѣ естественную потребность счастья, осудили себя на жизнь вѣчнаго гнета, страданій, поруганія, могутъ только лицемѣрные фарисеи, которые рады взвалить на плеча ближнихъ бремя неудобоносимое, или тупоумные книжники, чьи близорукіе глаза не могутъ видѣть въ жизни далѣе буквы, которые примутъ слитокъ золота за комокъ грязи, если не увидятъ на немъ узаконеннаго клейма, и какъ драгоцѣнность станутъ хранить кусокъ мѣди, если на немъ выбито это клеймо. Но для людей имѣющихъ глаза, чтобы видѣть, дѣло не въ буквѣ, а въ смыслѣ, и этотъ смыслъ имѣла и отмѣченная этимъ клеймомъ любовь Вѣры Павловны къ Кирсанову, придавъ обоимъ новыя силы на работу, и неотмѣченный имъ союзъ святой и вольный Лизы Обносковой съ Павломъ, тогда какъ этого смысла не было въ ея союзѣ съ Обносковымъ, несмотря на отмѣчавшее его узаконенное клеймо.

Тотъ или другой обзоръ дѣйствій бываетъ нравственнымъ и честнымъ, смотря по порождаемымъ имъ послѣдствіямъ, и эта нравственность—не въ соблюденіи тѣхъ или другихъ формальностей, но въ самой сущности дѣйствія: такъ, напр., контрабанда бываетъ часто источникомъ благосостоянія, а слѣдовательно и развитія цѣлаго края, разореннаго стѣснительными мѣрами, а дозволенная закономъ торговля, какъ, напр., торговля опіумомъ англичанъ, можетъ вносить въ тотъ же край развратъ и смерть. Г. Авдѣевъ не раздѣляетъ взгляда книжниковъ и фарисеевъ, но и взглядъ писателей, названныхъ выше, показался ему неудовлетворительнымъ. Ему захотѣлось высказать свой протестъ противъ закрѣпленія женщины въ пожизненное пользованіе другого, но какъ всѣ разумныя человѣчныя стороны протеста были исчерпаны писателями — ему остались однѣ нелѣпыя — и животныя.

Героиня любитъ мужа, не перестаетъ любить его, потому

что встрѣчаетъ его по возвращеніи изъ похода выраженіями живѣйшей радости, но это нимало не помѣшало ей отдаться Волохову, красивому франту, извѣстному своимъ донъ-жуанствомъ и проказами, и потомъ, по возвращеніи мужа, даетъ Волохову отставку съ тѣмъ равнодушіемъ, съ какимъ смѣняютъ надоѣвшее кушанье другимъ; къ довершенію всего, когда мужъ сталъ мстить ей за измѣну, она пренаивно увѣряетъ, что не отдалась бы Волохову, еслибы могла предвидѣть, что ей придется такъ дорого поплатиться за свой поступокъ. Вотъ и все, что мы знаемъ объ отношеніяхъ ея къ Волохову. Авторъ ни одной сценой между Волоховымъ и Магдалиной не бросилъ свѣта на эти отношенія, не показалъ, изъ чего они возникли, какъ развились, что сблизило обоихъ. Читатель слышитъ объ этихъ отношеніяхъ, но не видитъ ихъ, они остаются все время закулисными. Да и иначе быть не могло. Г. Авдѣевъ, какъ писатель съ тактомъ, понималъ какъ нельзя лучше, что было весьма неудобно приподнять завѣсу съ отношеній подобнаго рода, не записавшись въ цехъ писателей въ родѣ Поль де-Кока, Ксавье де-Монтепена и нашихъ гг. Авенаріуса и Всев. Крестовскаго, дѣйствующихъ преимущественно, по извѣстному выраженію, на спинной мозгъ читателя. Эта закулисность доказываетъ, что чувство, заставившее героиню отдаться Волохову, было чувство, которое неудобно выставлять на свѣтъ; то было не увлеченіе страстью, потому что ей, по ея собственному признанію, было легко отказаться отъ Волохова, не свѣтлое сознательное чувство, не жажда новой жизни, потому что ея жизнь, занятая устройствомъ изящнаго комфорта для супруга, была ей вполнѣ по плечу, равно какъ и ея разочарованный супругъ. Она отдалась Волохову, потому только, что ея супругъ былъ слишкомъ годъ въ отсутствіи, другой причины ея измѣны мужу авторъ не указываетъ. Еслибы разлука изгладила изъ ея сердца любовь къ мужу, то новая была бы понятной, но эта любовь существовала и рядомъ съ нею шла связь съ Волоховымъ. Слѣдовательно, отношенія ея къ нему не были союзомъ святымъ и вольнымъ, а отношеніями—настоящее названіе которыхъ можно пріискать въ какомъ-нибудь физіологическомъ трактатѣ, а не въ литературномъ языкѣ.

Самъ авторъ также смотритъ на эти отношенія, представляя ихъ не увлеченіемъ страсти, не ошибкой чувства, не новымъ чувствомъ смѣнившимъ старое, а вещью самой обыденной въ родѣ принятія пищи, сна, послѣдствіемъ естественнаго взгляда героини на жизнь. Но естественный взглядъ на отношенія половъ не въ томъ состоитъ, чтобы переносить нравы псарни, скотнаго двора или курятника въ жизнь человѣческую,

да и тутъ послѣдователи подобнаго взгляда не будутъ имѣть другого руководства въ выборѣ, кромѣ собственнаго вкуса, потому что царство животныхъ представляетъ самые разнообразные идеалы половыхъ отношеній: пчелъ, муравьевъ, всевозможныхъ видовъ звѣрей и птицъ, какъ хищныхъ, такъ и безвредныхъ. И тутъ для имѣющихъ уши, чтобъ слышать, природа можетъ дать полезный намекъ, потому что чѣмъ совершеннѣе по строенію тѣла и выше по нервной и мозговой дѣятельности животное, тѣмъ менѣе оно склонно къ полигаміи и поліандріи. Впрочемъ comparaison n'est pas raison, какъ говорятъ французы. Человѣкъ не безплотный духъ, но и не безсловесное животное—онъ человѣкъ. И въ себѣ самомъ онъ долженъ искать законовъ для своей жизни. Онъ поднялся отъ степени животнаго, онъ выработалъ себѣ другія, сложныя, высшія стороны жизни. Эти стороны охватываютъ его съ первой минуты его сознанія, становятся для него второй, духовной природой, потребности которой такъ же настоятельны и законны, какъ и потребности его животной природы. Въ вѣка младенчества мысли, человѣкъ не понималъ этой стороны своей природы и придавая всему непонятному сверхъестественное происхожденіе, эту имъ самимъ же выработанную сторону своей природы назвалъ «безсмертнымъ, вѣчнымъ духомъ». Безсмертный вѣчный духъ неумолимо требовалъ жертвъ —и въ жертву ему приносилась презрѣнная, грубая оболочка— тѣло. Но презрѣнная грубая оболочка не могла подчиниться вѣчному насилію, она громко заявляла свои права, она заставляла человѣка возмущаться противъ жертвъ духу, и человѣкъ, подѣленный мистическимъ дуализмомъ на двѣ враждебныя одна другой половины, всю жизнь качался какъ маятникъ между неумолимыми требованіями духовной природы и незаглушенными требованіями животной. Измученный этимъ качаньемъ, онъ наконецъ пришелъ къ заключенію, что онъ одно нераздѣльное цѣлое. Только въ этой цѣлости, только въ полной гармоніи обѣихъ сторонъ его природы—идеалъ жизни. Если, какъ говоритъ Авѣянцевъ, изъ своей кожи не выскочишь, и безъ основной естественной закваски нѣтъ здоровыхъ отношеній въ любви, то равнымъ образомъ нѣтъ здоровыхъ и при одной этой закваскѣ. Если идеализмъ изъ этой естественной закваски лѣпилъ какое-то роковое всепоглощающее, всеподавляющее чувство, которымъ доводилъ столькихъ женщинъ до безплодной ломки цѣлой жизни, до безполезнаго жалкаго увяданія, за то и реализмъ неглубокихъ умовъ, явившись протестомъ противъ него и сводя все на одну естественную закваску убиваетъ всѣ человѣческія стороны женщины, низводитъ ее на степень самки. Осмѣянный, уничто-

женный идеализмъ, несмотря на все зло порожденное имъ, все-таки въ свое время сдѣлалъ болѣе для развитія человѣчества, чѣмъ то сдѣлалъ бы реализмъ, проповѣдуемый г. Авдѣевымъ. Авзянцеву нужно было обаяніе гражданскаго героя для того, чтобы быть любимымъ жалкой, смѣшной, старой дѣвой. Волохову для того, чтобы быть любимымъ такой интересной, несчастной жертвой, какъ Магдалина, достаточно быть красивымъ донъ-жуаномъ)—что лучше? Женщинамъ естественной закваски г. Авдѣева все равно кому ни отдаться. Она не спроситъ отъ человѣка, которому отдается, ни ума, ни чувства, ни честности убѣжденій. Вліяніе женщинъ какъ нимфъ Эгерій, признано. Пускай это вліяніе сдѣлало очень немного, пускай оно не дѣйствовало открыто на глазахъ міра, но проникало въ жизнь подпольными путями, но оно сдѣлало хоть что-нибудь; оно внесло хоть крупицу добра въ жизнь человѣчества и выиграло ли бы человѣчество, если бы не было и этой крупицы, а эту крупицу хочетъ отнять у него г. Авдѣевъ, проповѣдуя, что невозможность свободно вступать въ отношенія, въ родѣ отношеній Магдалины къ Волохову — перегородка на пути развитія женщины.

Но этого нечего бояться. Чѣмъ выше по развитію своему будетъ стоять женщина, тѣмъ менѣе она будетъ способна удовлетворяться исключительно основной естественной закваской, тѣмъ настоятельнѣе будетъ она стремиться къ жизни, которая удовлетворяла бы и высшей сторонѣ ея природы. Съ этими требованіями она отнесется и къ любви, и любовь, неосмысленная ни общей цѣлью въ жизни, ни заботами о взаимномъ счастьи, ни глубокой привязанностью, любовь, удовлетворяющаяся мимолетными встрѣчами съ людьми, которымъ преравнодушно даютъ отставку — не любовь, а половая прихоть, какъ вѣрно характеризовалъ Писаревъ подобныя отношенія въ своей статьѣ о романѣ «Что́ дѣлать». Писаревъ отнесся съ полнѣйшимъ пренебреженіемъ къ этимъ прихотямъ, какъ нельзя болѣе справедливо замѣтивъ, что подобныя прихоти могутъ развиться только среди празднаго и пустого барства. Г. Авдѣевъ той же причинѣ приписываетъ и мечтанія Ольги, хотя въ семнадцатилѣтней дѣвушкѣ въ этихъ мечтаніяхъ и билась крошечная жилка общечеловѣческой жизни. Для Магдалины же у него нѣтъ слова осужденія. Было время, что онъ думалъ иначе, и въ своемъ «Подводномъ камнѣ», заставляя героиню объяснить причины своего увлеченья, онъ одной изъ главной причинъ выставляетъ праздность и дурное воспитаніе женщинъ. Ни одинъ писатель, который сознательно и здраво смотритъ на жизнь и свое дѣло, не отнесется иначе къ подобному чувству, и не назоветъ его нормальной естественной потребностью женщины.

При разрѣшеніи общихъ вопросовъ необходимо стать на общую точку зрѣнія и естественнымъ или неестественнымъ слѣдуетъ признавать то или другое чувство, смотря по тому, свойственно оно или нѣтъ человѣчеству вообще, или хоть той части его, въ которой поднятъ вопросъ о естественности чувства. Напр., потребность пищи естественное чувство каждаго человѣка, но есть господа, ощущающіе потребность наѣдаться, когда ихъ голодъ уже утоленъ; были и такіе артисты, которые принимали рвотное, чтобы имѣть удовольствіе наѣсться еще лишній разъ; чтожъ, слѣдуетъ и ихъ потребность объѣдаться признать естественной потребностью человѣчества? Потребность дать отпоръ насилію, мстить обидчику ударомъ за ударъ—естественное чувство, оно свойственно каждому здоровому человѣку и только человѣкъ, изломанный жизнью въ конецъ или какой-нибудь поврежденный, добровольно изломавшій себя во имя заоблачныхъ теорій, неспособенъ ощутить эти чувства; но потребность давать въ зубы каждому, кто подвернется подъ руку, на томъ основаніи, что она расходилась, можетъ быть естественнымъ чувствомъ только для какого-нибудь Держиморды. Потребность счастья, любви, заставлявшая Вѣру Павловну, Лизу Обноскову и другихъ героинь оставить нелюбимаго человѣка для любимаго — вполнѣ естественное чувство, оно свойственно каждой здоровой женщинѣ и отказаться отъ него могутъ только какія-нибудь фанатички отжившихъ понятій, которыя въ своемъ развитіи недалеко ушли отъ вдовъ индіанокъ, сжигавшихъ себя на могилахъ своихъ мужей; но потребность, не переставая любить мужа, отдаться другому, сознавая при томъ, что легко отказаться отъ этого, можетъ быть естественнымъ чувствомъ только для такой жалкой дуры, какъ Магдалина, и можетъ объясняться только ея чувственно отвороченными губами, т.-е. какими-нибудь физіологическими особенностями организма. Но какъ доказала физіологія, женщины съ такими особенностями не могутъ быть здоровыми женщинами, эти особенности бываютъ часто признакомъ чахотнаго и истеричнаго расположенія—и потому Магдалина не можетъ быть образцомъ здороваго физическаго развитія. Тѣмъ менѣе она можетъ быть образцомъ здороваго нравственнаго развитія. Бѣлинскій въ своемъ разборѣ Татьяны заклеймилъ всю безнравственность дуализма отношеній Татьяны къ мужу и Онѣгину; въ отношеніяхъ Магдалины къ Волохову и мужу—тотъ же дуализмъ. При любви Магдалины къ мужу, отношенія ея къ Волохову тоже поруганіе женщины, за подчиненіе которому Бѣлинскій развѣнчалъ Татьяну изъ героинь. Но Татьяна могла оправдаться идеей долга, а чѣмъ оправдается Магдалина?

До сихъ поръ ни одинъ писатель не пытался заставить чи-

тателей проливать слезы надъ бѣдственнымъ положеніемъ Держиморды, лишеннаго возможности давать въ зубы встрѣчному и поперечному, или какого-нибудь объѣдалы, лишеннаго страсбургскихъ пироговъ и шампанскаго, тогда какъ терзанія голода и чувство законной мести противъ оскорбленія и насилія вызвали не одну страницу, дышащею силой и потрясающей правдой. До г. Авдѣева ни одинъ писатель не возводилъ въ героини женщину съ подобнымъ «естественнымъ» чувствомъ, и невозможность удовлетворять ему безнаказанно не выставлялъ какъ перегородку на пути женщинъ къ свободѣ. Оригинальная честь созданія подобной героини принадлежитъ исключительно г. Авдѣеву; но не думаю, чтобы нашлись писатели, которые захотѣли бы въ подражаніе ему добиваться той же чести.

Дальнѣйшее поведеніе героини, когда ей пришлось такъ безчеловѣчно дорого расплатиться за свою «половую прихоть»,— таже цѣпь несообразностей; когда мужъ, послѣ грубыхъ оскорбленій, предлагаетъ ей разъѣхаться, она сначала отказывается отъ содержанія, которое онъ хотѣлъ ей давать. «Если я не жена тебѣ и не любовница,—говоритъ она,—за чтоже я стану брать твои деньги. Я не хочу милостыни». Это раздѣленіе понятій въ женщинѣ съ естественнымъ взглядомъ на жизнь показываетъ, какой безнадежный хаосъ царилъ въ головѣ героини, рекомендованной авторомъ за здравость смысла и ясность пониманія. Какъ же она могла оставаться его женой, когда онъ порвалъ съ нею всѣ связи, когда ей пришлось отказаться отъ своей единственной обязанности — обставлять ихъ домашнюю жизнь комфортомъ, потому что обманутый супругъ завелъ себѣ другую семью. Потомъ она согласилась брать отъ него это содержаніе, когда онъ позволилъ ей въ глазахъ свѣта остаться его женой, какъ будто это содержаніе отъ человѣка, такъ безчеловѣчно мстившаго ей своимъ презрѣніемъ за одинъ поступокъ, тогда какъ онъ самъ позволялъ себѣ десятки подобныхъ, отъ человѣка такъ грубо, такъ кроваво оскорблявшаго ее—не было тою же горькой и унизительной милостыней, какою было бы, еслибы она ушла жить отъ него подъ другой крышей. Эту несостоятельность своей героини чувствуетъ и самъ авторъ, потому что онъ по поводу содержанія пускается въ объясненія довольно пространныя и натянутыя до той степени, что въ нихъ лопается всякая логика. Изъ этихъ разсужденій оказывается, что героиня, кромѣ своего естественнаго взгляда на бракъ, усвоила еще другой, почерпнутый уже не изъ естественной философіи, а просто изъ мудрости бабушекъ и матушекъ. Бракъ былъ для нея общественнымъ учрежденіемъ, обезпечивавшимъ положеніе женщины, и она въ ранней юности очень благоразумно отказалась

отъ первой любви, потому что предметъ этой любви не могъ доставить ей этого обезпеченнаго положенія. Но пользованіе выгодами каждаго положенія налагаетъ и извѣстнаго рода обязанности; содержаніе имѣетъ смыслъ, когда женщина—жена-помощница, когда она вноситъ свою долю труда какъ хозяйка, нянька, кормилица, воспитательница, — признавать же общественное учрежденіе только въ тѣхъ выгодахъ, которыя оно приноситъ и не считать себя въ тоже время связанной имъ, можетъ только женщина, ясность пониманія которой ничуть не выше пониманія камелій. Еслибъ мужъ ея не догадался о ея «половой прихоти» къ Волохову, она не сказала бы ему ни слова, а преспокойно бы брала отъ него содержаніе на ребенка Волохова, не разрушая иллюзій мужа, что это его сынъ; наконецъ, нѣтъ никакого ручательства, чтобы она не позволила себѣ другую и третью прихоть, не считая себя обязанной отдавать отчетъ ничего неподозрѣвавшему мужу, продолжая пользоваться всѣми выгодами своего положенія и не воображая, что поступаетъ безчестно. Каждая связь налагаетъ обязанности, признаетъ самъ авторъ устами супруга Магдалины и признаетъ этотъ принципъ по поводу его законтрактованнаго разврата съ Эстеръ; супругъ Магдалины относится съ такой тонкой совѣстливостью къ этой связи, что считаетъ себя не вправѣ бросить надоѣвшую ему продажную женщину, не пристроивъ ее въ другія руки — и это въ Петербургѣ, гдѣ француженки-камеліи, кажется, не рискуютъ умереть съ голода. Каждый шагъ нашъ въ жизни въ извѣстной степени опредѣляетъ послѣдующій; обязанности—неизбѣжное и естественное послѣдствіе каждой связи, и существуютъ, пока она существуетъ; нарушать ихъ съ чьей бы то ни было стороны значитъ обманывать довѣріе. Женщина, которая увѣряетъ одного человѣка въ своей любви и отдается другому, поступаетъ безчестно, не потому чтобы она была не вправѣ располагать собой, какъ закрѣпленная собственность перваго, а потому, что подобный поступокъ такой же обманъ, какъ еслибы она, напр., обѣщавъ похлопотать за кого-нибудь, безъ всякаго поводу, ради прихоти вздумала тайкомъ хлопотать за другого, или бы тайкомъ отдала другому сумму денегъ, обѣщанную первому.

Повѣсть заканчивается тѣмъ, что героиня не выноситъ своего разрыва съ мужемъ и умираетъ въ чахоткѣ — той же смерью, какою умирали осмѣянныя идеальныя дѣвы, мечтавшія о вѣчной, неизмѣнной, безграничной любви. Впрочемъ, подобная смерть не противорѣчитъ нисколько естественному взгляду автора на героиню: умирали же собаки на могилахъ своихъ господъ и чахли съ тоски обезьяны и попугаи, когда ихъ разлучали съ товарищами. Но дѣло въ томъ, что авторъ изо всѣхъ силъ ста-

рается увѣрить читателя, что героиня зачахла не отъ чувства неудовлетворенной попугайной или обезьянной любви. Она совершенно спокойно относилась къ новымъ связямъ супруга и зачахла оттого, что онъ, въ силу своихъ крѣпостническихъ воззрѣній на женщину, считалъ себя вправѣ мстить ей презрѣніемъ. «Ты былъ вправѣ не любить меня, но ты одну меня презиралъ», упрекаетъ она мужа. Предъявленіе этой идеальной для такой естественной героини причины—совершенно неожиданный и ничѣмъ необъяснимый пассажъ со стороны Магдалины. Женщина, способная зачахнуть оттого, что любимый человѣкъ презираетъ ее, никогда не будетъ такъ легко смотрѣть на свои отношенія къ мужчинѣ, а женщина позволяющая себѣ прихоти, отъ которыхъ ей ничего не стоитъ отказаться, не станетъ чахнуть отъ презрѣнія супруга, но не замедлитъ найти себѣ утѣшителей; наконецъ, чахнуть отъ любви къ такому дрянному, разъѣденному такимъ мелкимъ самолюбіемъ, человѣчишку, какимъ былъ супругъ Магдалины, бросившій беззащитную женщину на жертву городскихъ сплетень и тысячъ оскорбленій для того только, чтобы не разыграть смѣшную роль обманутаго мужа—тоже пассажъ совершенно несовмѣстный съ здравостью смысла и ясностью пониманія героини. Нѣтъ, видно, человѣческія отношенія никакъ не свести на одинъ физіологическій процессъ, какъ сводила его героиня оригинально-естественнаго взгляда на жизнь, и процессъ всегда будетъ стремиться освятить себя чувствомъ; но чувство это въ героиняхъ въ родѣ Магдалины не можетъ не выказаться безобразно, нелѣпо; зачахнуть отъ любви къ такому супругу, право не умнѣе, чѣмъ провздыхать всю жизнь объ Авзянцевѣ.

Еще одна послѣдняя непослѣдовательность героини. Разбирая съ мужемъ всю нелѣпость романическаго взгляда на любовь, который ставитъ на ходули простое и естественное чувство, она находитъ, что глупо ломать жизнь изъ-за пустяковъ. «Изъ-за какой малости разбилъ ты мою жизнь», упрекаетъ она мужа, ссылаясь при этомъ на извѣстныя слова Татьяны Онѣгину:

«Какая малость васъ привела къ ногамъ моимъ».

Не говоря уже о томъ, что героиня очень плохо понимала Татьяну,—идеальная Татьяна не могла звать малостью любовь вообще, а только любовь Онѣгина, которую приписывала исключительно желанію, чтобы ея позоръ доставилъ ему въ свѣтѣ извѣстность,—въ высшей степени странно видѣть героиню, которая зоветъ любовь малостью, когда сама чахнетъ оттого, что супругъ отказалъ ей въ этой малости. Это также нелѣпо, какъ нелѣпо было бы умирающему съ голода звать голодъ малостью. Что же могло заставить ее остаться жить въ такой тѣсной

близости съ презиравшимъ ее человѣкомъ, какъ не любовь, болѣе идеальная, чѣмъ любовь самой отпѣтой идеалистки, потому что никогда идеалистка Ольга не согласилась бы жить на счетъ презиравшаго ее человѣка, безмолвно выносить его оскорбленія. Странная героиня, — сегодня реальная до степени животности, завтра идеальная какъ рыцарь Тоггенбургъ, умирающій подъ окномъ кельи возлюбленной. Она не живая женщина, но кукла, сшитая изъ разныхъ лоскутьевъ въ угоду оригинально-естественному взгляду автора. Да иначе и быть не могло. Живая женщина этого оригинально-естественнаго типа — это жена Козлова изъ «Обрыва», женщина, отъ которой нечего ждать, женщина, въ которой умъ, чувство все поглощено чувственностью. Но наука доказала, что эта сторона, преобладающая на низшей ступени развитія женщины, принимаетъ при высшемъ ея развитіи размѣры необходимые для нормальной здоровой жизни. Дѣлать героиней романа жену Козлова было невозможно; въ ней нѣтъ никакихъ сторонъ, на которыхъ бы можно было построить драму; эти женщины неспособны испытать тѣхъ страданій, которыя потрясли бы читателей. А между тѣмъ автору, вслѣдствіе его оригинально-естественнаго взгляда, нужно было невозможность жить жизнью жены Козлова представить какъ несчастіе, какъ тормазъ развитію женщины—и онъ изъ жены Козлова сдѣлалъ идеальную героиню. Исходная точка была ложна, и выводъ вышелъ ложенъ. Только умѣя вѣрно глядѣть на жизнь можно создать живые, полные правды образы.

Своею повѣстью «Магдалина», г. Авдѣевъ, несмотря на увѣреніе рецензій, встрѣтившихъ первое появленіе его повѣсти, не только не двигаетъ женскій вопросъ на огромный шагъ впередъ, но оказываетъ женскому вопросу услугу какъ нельзя болѣе медвѣжью. При сбивчивости и неопредѣленности понятій господствующихъ еще въ большей части нашего общества, у насъ непочатый уголъ господъ, которые въ занятіяхъ женщины естественными науками и медициной видятъ какія-то грязненькія побужденія, а въ ея требованіи равноправности и свободы — одно желаніе развратничать безнаказанно. Повѣсть, которая является протестомъ противъ перегородокъ, закрѣпляющихъ женщину, потому что онѣ помѣшали героинѣ безнаказанно удовлетворять своей «половой прихоти»—большая услуга автора взглядамъ подобныхъ господъ; какъ возликуютъ они теперь, съ какимъ торжествомъ возопіютъ: «Не правы ли мы, вотъ для чего женщины добиваются свободы, вотъ для чего онѣ не хотятъ признавать себя ничьей собственностью; имъ хочется кидаться на шею каждому встрѣчному». И кто знаетъ, быть можетъ не одну

молодую дѣвушку, стоящую на распутьи между двумя дорогами, испугаютъ эти возгласы, подтвержденные такимъ полновѣснымъ доказательствомъ, какъ повѣсть автора «спеціалиста по женскому вопросу», возводящая половую прихоть больной жалкой дуры въ естественную потребность всѣхъ женщинъ, и заставятъ ее въ пути къ свободѣ, разумной, осмысленной жизни видѣть путь къ униженію и животности.

Будто какъ нарочно для того, чтобы дать въ руки подобныхъ господъ еще новое оружіе, авторъ поучаетъ читателей разсужденіями героя, который изъ смерти жалостной героини выводитъ слѣдующее заключеніе: «Что свѣтъ не такъ глупъ, какъ считаютъ его моралисты; что этотъ старый, окутанный съ дѣтства и лѣниво выросшій въ пеленкахъ свѣтъ не имѣетъ ни силы, ни воли разорвать эти пути, но онъ съ іезуитской хитростью выработалъ себѣ лазейки и ходы, которыми обходитъ все, что мѣшаетъ ему жить. Пусть снаружи все будетъ чинно и прикрыто наслѣдственной корой, онъ не позволяетъ дотронуться до своей вѣками наростшей оболочки, но онъ улегся довольно покойно, онъ лѣнивъ и трусливъ, боится передѣлокъ. Но подземная работа жизни идетъ своимъ чередомъ, роетъ какъ кротъ свою темную нору и когда какой-нибудь уголъ весь подточится—одинъ легкій ударъ, малѣйшее движеніе, и старое зданіе рухнетъ. Нужды нѣтъ, что появляются зодчіе, которые вновь замазываютъ и вновь наваливаютъ какой-нибудь мусоръ на провалъ. Но опять начнется работа жизни и пойдетъ тѣмъ успѣшнѣе, что она уже пробила себѣ однимъ ходомъ болѣе, знаетъ гдѣ свѣтъ и ближе стремится къ нему. Нѣтъ, не ты глупъ, старый и хитрый свѣтъ, а глупы мы, кинувшіе истоптанную, но пробитую житейскимъ опытомъ колею и вмѣсто нея пустившіеся по искусственной и глухой тропѣ, начатой глупыми и невѣжественными средневѣковыми рыцарями».

Сказано очень красиво, но что за курьезная мораль скрывается подъ этими красивыми фразами. Изъ этой морали оказывается, что праздныя свѣтскія женщины, которыя за своими удобными ширмами, какими оказывается для нихъ «перегородки», дозволяютъ себѣ болѣе или менѣе многочисленныя «половыя прихоти», не просто гулящія бабенки, живущія на чужой счетъ въ свое удовольствіе, а работницы, которыя своей гульбой принимаютъ участіе въ *великой работѣ жизни*. Какъ обрадуются этой морали всѣ подобныя барыни, которыхъ строгіе моралисты, не одаренные галантерейностью г. Авдѣева, такъ невѣжливо упрекаютъ за ихъ неспособность на трудъ и борьбу, и которымъ они, вмѣсто комплиментовъ на счетъ губокъ и одуряющаго пара ихъ женственности, отпускаютъ нелестное названіе трутней и повѣнчанныхъ содер-

жанокъ. Теперь на эти упреки онѣ отвѣтятъ: «Неправда, мы не безполезныя существа, не трутни. Мы тоже принимаемъ участіе въ великой работѣ жизни, намъ это сказалъ г. Авдѣевъ. Мы какъ кроты подрываемъ зданіе старыхъ предразсудковъ, и когда оно рухнетъ, то мы будемъ вправѣ съ гордостью сказать молодому поколѣнію: благодари насъ, здѣсь была доля и нашей работы».

Но никогда никакое зданіе, какъ бы оно ни было разрушено временемъ, не рухнетъ отъ подземной работы такихъ кротовъ; для того, чтобы подрыться подъ него нуженъ подкопъ поглубже кротовыхъ норокъ; сдѣлать такой подкопъ не подъ силу кротовымъ лапкамъ и когтямъ, на это нужны сильные, бодрые работники, готовые работать и въ зной и непогоду, работать несмотря на израненныя руки, не боясь камней, которые обваливаются съ разрушаемаго зданія. Кротамъ, напротивъ того, привольно подъ защитою стѣнъ стараго зданія, ихъ норки такъ безопасно прикрыты его стѣнами и когда оно рухнетъ и по мѣсту, на которомъ оно стояло, пройдетъ лопата и заступъ, чтобы взрыть его подъ основу великаго храма человѣчества, участь кротовъ не слишкомъ будетъ завидна: лопата и заступъ взроютъ и разорятъ кротовыя норки, въ которыхъ они роятся, не думая ни мало о разрушеніи стараго зданія, и въ которыхъ могутъ прорыться цѣлыя тысячелѣтія, не пошатнувъ ни одного камня изъ его основанія. Споконъ вѣка были барыни, благодаря удобству своихъ норокъ, украшавшія головы своихъ мужей болѣе или менѣе многочисленными украшеніями, но эти украшенія ни на шагъ не подвинули впередъ равноправность и самостоятельность женщины. Съ самаго начала существованія гаремовъ водились одалиски, позволявшія себѣ за глазами своего султана всевозможныя половыя прихоти, но эти прихоти до сихъ поръ не подняли на Востокѣ женщину изъ ея рабскаго униженія; въ допетровскія времена наши прародительницы не мало развлекали скуку теремной жизни болѣе или менѣе счастливо сходившими съ рукъ подобными прихотями, но эти прихоти не были хоть бы кротовой работой, которая вывела ихъ изъ затворническихъ свѣтлицъ въ общество и дала имъ въ руки букварь: ихъ вывела воля генія, принесшаго въ ихъ темную теремную жизнь просвѣщающій свѣтъ другихъ странъ. Не шагомъ впередъ для женскаго развитія будетъ повѣсть, возводящая половую прихоть въ естественную потребность всѣхъ женщинъ и заставляющая читателя проливать слезы надъ героиней, безчеловѣчно дорого поплатившейся за подобную прихоть, но шагомъ назадъ по той дорогѣ, которая можетъ привести до оправданія на основаніи оригинально-естественнаго взгляда Магдалины, напр., хоть упоминаемыхъ Гер-

берштейномъ сценъ, происходившихъ на улицахъ Москвы. Ну, еслибы героиня осталась жива, еслибы супругъ ея вмѣсто того, чтобы идти по глухой и искусственной тропѣ, пробитой еще задолго до появленія глупыхъ и невѣжественныхъ средневѣковыхъ рыцарей, пробитой еще библейскими патріархами, тоже вслѣдствіе такихъ же оригинально - естественныхъ соображеній, отнесся къ ея половой прихоти съ благодушіемъ колпака-супруга г-жи Я. или съ разумнымъ снисхожденіемъ развитаго человѣка? Хотѣлось бы мнѣ знать, что именно бы выигралъ отъ этого женскій вопросъ? Приблизила ли бы жизнь праздной придурковатой барыни хоть на секунду часъ признанія правъ женщины? Останься она въ живыхъ или умри, останутся въ живыхъ или умрутъ сотни и тысячи подобныхъ барынь, жизнь или смерть ихъ будутъ совершенно безразличны для рѣшенія женскаго вопроса, какъ безразлично для него, будутъ или нѣтъ опущены въ мѣшкахъ на дно Босфора сотни и тысячи гаремныхъ одалискъ, пойманныхъ за «половыми прихотями»; какъ безразлично для него, останутся въ живыхъ или вымрутъ сотни и тысячи бушменокъ, исполняющихъ на улицахъ своихъ крааловъ (деревень) сцены, видѣнныя Герберштейномъ въ Москвѣ. По человѣчеству, конечно, жаль ихъ, но не это чувство должна возбуждать героиня, надъ чьей преждевременной кончиной авторъ такъ усердно трудился исторгнуть у читателя слезы. Развитіе общества мѣряется не количествомъ, а качествомъ его членовъ. Живучи у кладбища всѣхъ не переплачешь, и не до того чтобы оплакивать героинь подобныхъ Магдалинѣ, когда видишь какъ кругомъ молодыя, многообѣщающія силы, которыя требуютъ у жизни не прихотей Магдалины, но свѣта, науки, свободы, разбиваются о поставленныя на пути ихъ перегородки. Самые идеальные изъ романовъ Жоржъ-Занда, самыя слабыя повѣсти писателей, не только какъ А. Михайловъ, но даже какъ Омулевскій и Кованько, даже нечеловѣческимъ языкомъ написанное «На новомъ пути» Долгово, несравненно болѣе двинутъ женскій вопросъ впередъ, чѣмъ эта повѣсть ветерана нашей литературы и спеціалиста по женскому вопросу, потому что въ нихъ то, какъ у Жоржъ-Занда, сквозь запутывающій ее туманъ идеализма виднѣется новая жизнь, то какъ у другихъ слышится даже подъ безобразной формой, которой одѣла ее бездарность, таже жизнь, которая стучится въ двери, а въ Магдалинѣ изъ-подъ прикрывающихъ ее либеральныхъ фразъ, виднѣется одинъ старый хламъ.

Либеральныя фразы не выручаютъ г. Авдѣева. Онъ, въ заключеніи повѣсти «Сухая любовь», чтобы поддержать свою репутацію спеціалиста по женской части, устами Авзянцева вѣщаетъ молодымъ дѣвушкамъ слѣдующія поученія: что «не дурно играть

на фортепіано и рисовать, но еще лучше готовить изъ себя умную жену и мать». Совѣтъ готовить изъ себя мать—вполнѣ понятенъ: для разумнаго ухода за дѣтьми и воспитанія ихъ требуется серьезная и многосторонняя подготовка, и необходимость этой подготовки, къ сожалѣнію, еще далеко не сознается какъ слѣдуетъ большинствомъ молодыхъ дѣвушекъ. Но совѣтъ готовить изъ себя умную жену страненъ. Каждая человѣчески развитая дѣвушка будетъ умной женой, способной дѣлить жизнь мужа и не тянуть его въ грязь, въ омутъ. Для того, чтобы быть женой, не требуется никакой спеціальной подготовки. Или дѣвушкамъ слѣдуетъ добиваться этого развитія исключительно въ виду будущаго чина супруги? Но не эта ли исключительная подготовка въ жены убиваетъ всякую самостоятельность въ женщинахъ, ставитъ ихъ жизнь въ зависимость отъ случайной встрѣчи. «Надо, чтобы все это дѣлалось сознательно, поучаетъ далѣе Авзянцевъ: чтобы это былъ вашъ трудъ, ваша лепта, которую вы вложите въ общее дѣло. Живите полной жизнью, но не отдѣляйте ее отъ всемірной жизни, поймите, что всякая единичная эгоистическая жизнь, жизнь для себя, только есть узкая и жалкая жизнь, и что полная, настоящая жизнь—есть жизнь въ общей жизни, жизнь трудящаяся для дѣла всемірной жизни. Надо, чтобы личная жизнь не вырывалась изъ общей, чтобы она была жизнью въ міру, такою жизнью, которая бы расширяла, облегчала, устроивала общую жизнь, а не покидала ее для собственнаго жира и удовольствія».

Съ справедливостью этихъ словъ нельзя спорить: общее дѣло—символъ вѣры, обновляющей жизнь; но какъ всѣ символы, оно требуетъ толкованій для вѣрующихъ. Молодыя дѣвушки могли, разинувъ ротъ, слушать красивыя авзянцевскія фразы объ общемъ дѣлѣ, потому что эти фразы были для нихъ новы; но, еслибы онѣ, наслушавшись ихъ, захотѣли слѣдовать этому символу—онѣ не съумѣли бы ступить и шагу, и опять обратились бы къ учителю съ просьбой указать имъ, какъ привязать семейную жизнь къ общей такъ, чтобы требованія общей не сталкивались съ требованіями узкой частной жизни, указать имъ, какъ удовлетворять обѣимъ. Самъ Авзянцевъ черезъ нѣсколько строкъ говоритъ, «какъ будетъ дѣйствовать женщина, которая, при всемъ сочувствіи и пониманіи, едва можетъ удѣлить на общее дѣло какой-нибудь рублишко, и то укравъ его у своего желудка»? И тутъ же осмѣиваетъ Андре Лео за то, что та поставила въ своей Алинѣ идеаломъ дѣвушку, которая отдала все свое состояніе на устройство воспитательнаго заведенія для женщинъ на новыхъ началахъ. Онъ находитъ это сентиментальной прихотью старой дѣвы, изломавшей свою жизнь жалкой дѣя-

тельностью, которая не подвинетъ общее дѣло. «Это дѣло общее и громадное,—поучаетъ онъ,—и надо, чтобы всѣ надъ нимъ работали, кто только понимаетъ его и ему сочувствуетъ. Пусть, кто можетъ, кладетъ свое состояніе, кто свое знаніе, а кто свою копѣйку. Надо, чтобы отъ большой барыни до ея кухарки, всѣ могли участвовать въ этомъ дѣлѣ, это должно быть стройно сложенное и строго обдуманное женское дѣло, да и мужеское тоже, тогда оно можетъ двинуться». Ктожъ этого не понимаетъ? Кто не знаетъ, что никакое общее дѣло не двинется при другихъ условіяхъ. Но много ли понимающихъ и сочувствующихъ? Какъ заставить все общество проникнуться необходимостью этого дѣла, которая сознана только передовымъ меньшинствомъ, общество, которое слѣпо и глухо къ урокамъ жизни. Есть много барынь и большой и средней руки, отпускающихъ ради моды фразы о женскомъ дѣлѣ, а попросить которую-нибудь изъ нихъ употребить свое вліяніе въ оффиціальномъ мірѣ, чтобы двинуть это дѣло—и онѣ тотчасъ на попятный дворъ — гораздо выгоднѣе приберечь это вліяніе для тѣхъ интересовъ, о которыхъ фразъ не отпускается, которые часто прячутся заботливо отъ всего свѣта, да и наконецъ, если нѣтъ такихъ интересовъ, то ихъ удержитъ страхъ скомпрометтироваться, потому что вездѣ женское дѣло кажется какимъ-то пугаломъ. Никакое дѣло не двинется безъ денегъ. Нужно экономическое обезпеченіе, нужно образованіе. Попробуйте предложить этимъ барынямъ, отпускающимъ фразы объ женскомъ дѣлѣ, подписку для этого дѣла, и онѣ раскошелются на цѣлковый. Деньги нужны имъ самимъ на кружева и бархаты, если онѣ молоды, на бархатъ и кружева дочкамъ, если стары, и въ рѣдкихъ случаяхъ на раздачу разнымъ салопницамъ для моленія объ успокоеніи душъ ихъ близкихъ и спасеніи ихъ собственной души. Необходимость этого дѣла понимаютъ только труженицы, но у тѣхъ нѣтъ ни денегъ, ни вліянія. Если бы Авзянцевъ, вмѣсто отпусканія красивыхъ фразъ, попробовалъ бы поработать для этого дѣла, то онъ увидѣлъ бы, что Богъ одинъ можетъ пробить кору равнодушія и тупоумія, заставить этотъ міръ, такъ самодовольно заснувшій въ своемъ своекорыстіи и самодовольствѣ, почувствовать страданіе общее и встать для общей работы, которая одна можетъ двинуть это дѣло. Тѣ, которые пробовали кликнуть кличъ, есть ли въ полѣ живъ человѣкъ, и которымъ среди мертваго молчанія отозвались наконецъ нѣсколько слабыхъ голосовъ, поймутъ, что горстью отозвавшихся не сдѣлаешь ничего, и не осудятъ Алину за то, что она положила все свое состояніе на то, чтобы подготовлять работницъ для общаго дѣла.

Сколько благодѣтельныхъ реформъ общественнаго быта, которыя предлагали учители человѣчества, оказывались утопіями

оттого, что не было людей? Для новаго вина нужны мѣха новые. Общее дѣло не двинется, пока необходимость его сознается горстью; а чтобы масса прониклась сознаніемъ необходимости этого дѣла, ей нужно переродиться—и вмѣсто того, чтобы тратить силы на безплодныя попытки совершить чудо перерожденія слѣпыхъ и глухихъ въ зрячихъ и слышащихъ, гораздо разумнѣе употребить ихъ на то, чтобы создать зрячихъ и слышащихъ,—новые мѣха, которые нужны для новаго вина. Разумѣется, еслибы Алина была Викторіей, только самодержавной, она могла бы разомъ двинуть женское дѣло. Ей бы стоило однимъ почеркомъ пера уничтожить всѣ преграды, которыя мѣшаютъ силамъ женщины развиться во всей полнотѣ. Есть въ женщинѣ великія живыя силы, которыя гибнутъ не находя себѣ исхода—эти силы, разумѣется исключенія; но эти силы, занявъ свое мѣсто, показали бы обществу, что́ можетъ сдѣлать женщина. Общество, какъ невѣрный Ѳома, вѣритъ только тому, что оно можетъ видѣть и осязать. Увидѣвъ, оно повѣрило бы и дало бы массѣ женщинъ развить свои силы для того, чтобы занять въ жизни мѣсто равное съ мужчиной. Устройство воспитательныхъ заведеній было единственнымъ дѣломъ, возможнымъ для Алины въ наполеоновской Франціи. Устроивать общества, агитировать для женскаго вопроса было невозможно. Религіозный фанатизмъ императрицы, вмѣстѣ съ злобной враждой католическихъ поповъ, которые какъ нельзя лучше понимаютъ, что съ образованіемъ женщина ускользнетъ изъ ихъ рукъ а съ нею и богатая пожива и вліяніе ихъ,—упорно преслѣдовали каждое движеніе женскаго дѣла. Наполеоновскіе декреты запрещали подъ страхомъ строжайшаго наказанія всѣ общества. Положимъ, нашлось бы нѣсколько энергическихъ женщинъ, которыя, несмотря на всѣ грозившія невзгоды, устроили бы общества, но что́бы могла сдѣлать эта горсть? А если бы хотя четверть женщинъ была бы способна, несмотря на все, пристать «къ громадному, общему дѣлу», то это дѣло было бы выиграно—и Франція не была бы тѣмъ, чѣмъ она теперь. Нѣтъ, громадное общее дѣло не двинется фразами. Оно должно подготовляться горстью приставшей къ нему, подготовляться—приготовленіемъ къ нему людей. Женщина должна годами труда и науки готовиться къ «громадному общему дѣлу», а не слушаньемъ либеральныхъ фразъ, особенно такихъ, которыя говорятся людьми, способными указать ей путь—только изъ огня да въ полымя.

М. Цебрикова..

ВСЕ ВПЕРЕДЪ

ПОВѢСТЬ.

Переводъ съ рукописи.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Принцъ всталъ сегодня изъ-за стола раньше обыкновеннаго: по случаю пріѣзда гостей, которыхъ ожидали на завтра, приходилось еще обо многомъ потолковать и распорядиться. Сидя на террасѣ, за кофе, онъ еще разъ основательно перебралъ одинъ за другимъ тѣ вопросы, на которые вскользь указалъ обоимъ господамъ за обѣдомъ. Затѣмъ, обращаясь къ старшему изъ своихъ собесѣдниковъ, принцъ замѣтилъ:

— Какъ бы то ни было, любезный Ифлеръ, а это посѣщеніе обойдется намъ не дешево.

— Къ счастію, благодаря мудрой экономіи вашей свѣтлости, мы въ состояніи, не стѣсняя себя ни съ какой стороны, выдержать предстоящіе расходы, возразилъ совѣтникъ канцеляріи.

— Сегодня вы противъ своего обыкновенія оказываетесь щедры, любезный Ифлеръ, подсмѣивался принцъ.

— Ваша свѣтлость, соблаговолите.... началъ-было совѣтникъ канцеляріи.

— Я знаю, что вы хотите сказать, перебилъ принцъ. Это приглашеніе совершилось помимо вашей воли и согласія. Да и жестоко было бы отъ васъ требовать того. Я боюсь, что вы едва ли столкуетесь съ графомъ о томъ, что право принцевъ фонъ-Роде засѣдать въ совѣтѣ нѣмецкихъ государей и подавать свой голосъ неоспоримо.

Совѣтникъ канцеляріи пожалъ плечами.

— Что касается васъ, любезный Цейзель, то вы особая статья, продолжалъ принцъ, обращаясь къ младшему собесѣднику. Хотя вы также далеко не изъ пруссофиловъ, но вы молоды и однообразіе нашей жизни, конечно, давно уже тяготитъ васъ; вы жаждете перемѣны, въ особенности теперь, когда предвидится нѣкоторая кутерьма, и чтó заранѣе можно легко предсказать. Правду ли я говорю?

Принцъ, не дожидаясь отвѣта своего придворнаго кавалера, отошелъ на край террасы. Оба его собесѣдника поглядѣли другъ на друга. Фонъ-Цейзель пожалъ плечами. У совѣтника канцеляріи вертѣлось на языкѣ замѣчаніе, но такъ какъ онъ не могъ его высказать не подойдя ближе къ кавалеру, а между тѣмъ слѣдовало, чтобы принцъ, обернувшись, нашелъ его на прежнемъ мѣстѣ, то совѣтникъ и удовлетворился тѣмъ, что также, какъ и кавалеръ, пожалъ плечами и сморщилъ свой лысый лобъ.

Принцъ все еще стоялъ у колонныхъ перилъ и глядѣлъ черезъ лужайки, разстилавшіяся подъ его ногами, черезъ холмы, на которыхъ раскинулся паркъ въ горы; уступы, громоздившіеся одинъ надъ другимъ, озолотились лучами вечерней зари. На самомъ верхнемъ уступѣ блестѣли домики маленькой деревушки, расположившейся на краю лѣса. Все еще зоркіе глаза престарѣлаго принца долго покоились на этомъ пунктѣ; затѣмъ онъ живо обернулся къ совѣтнику канцеляріи:

— Намъ не нужно стѣснять себя ни съ какой стороны, говорите вы. Я вамъ сейчасъ укажу такую сторону; вотъ—та бѣдная деревушка Гюнерфельдъ. Мнѣ деньги нужны, очень нужны. Но вы знаете мое воззрѣніе: Гюнерфельдъ—для меня барометръ. Если тамъ наверху довольны, то и я здѣсь внизу могу быть доволенъ. А вѣдь тамъ недовольны; этого вы не можете отрицать.

— Я не спорю, ваша свѣтлость, возразилъ совѣтникъ, но дѣло въ томъ, въ правѣ ли они быть недовольными. Пожаръ, случившійся прошлой зимой, былъ великимъ бѣдствіемъ; чтó картофель такъ плохо уродился—это опять зло. Впрочемъ, тифъ значительно ослабѣлъ....

— Послѣ того, какъ полъ-деревни вымерло, прервалъ принцъ.

— Не полныхъ десять процентовъ, продолжалъ совѣтникъ; къ тому же щедрость, съ какой ваша свѣтлость облегчаете настоящія нужды бѣдняковъ, превышаетъ всѣ ихъ ожиданія; касательно же возможныхъ случайностей слѣдующей зимы примутся надлежащія мѣры, и помощь будетъ подана своевременно, какъ это—осмѣлюсь замѣтить,—всегда было, во время управленія вашей свѣтлости.

Ироническая усмѣшка скривила тонкія губы принца.

— Хорошо управленіе, сказалъ онъ, которое мнѣ приходится дѣлить съ господиномъ ландратомъ, да еще вдобавокъ такъ неравномѣрно! Эхъ, любезный Ифлеръ! и весь-то нашъ трудъ сводится къ наполненію бочекъ Данаидъ! Только-что мы успѣемъ заткнуть двѣ, три дыры, и вода уже поднимется въ бочкѣ, какъ приходитъ распоряженіе отъ ландрата и пробиваетъ новую дыру; а не то—въ дѣло замѣшается державный капризъ всесильнаго министра, глядишь, бочка и совсѣмъ опрокинулась. Мы видѣли тому примѣръ въ 1866-мъ году! Какъ мы нуждались тогда и въ деньгахъ, и въ людяхъ! Но министру они были еще нужнѣе, какъ онъ и отвѣтилъ; ну и конечно намъ пришлось уступить. Мнѣ собственно не приходится жаловаться—

Solamen miseris — socios habuisse malorum!

Ганноверъ и Гессенъ постигла тогда та-же самая участь, какая постигла и моего отца, не взирая на декларацію державъ-поручительницъ на вѣнскомъ конгрессѣ; и ударъ былъ нанесенъ тѣмъ же самымъ бранденбургскимъ домомъ, которому въ 1723-мъ году на рейхстагѣ въ Регенсбургѣ приказано было охранять владѣтельныхъ принцевъ дома фонъ-Роде отъ дальнѣйшихъ притязаній со стороны императора и имперіи. Что-жъ, tempora mutantur! Намъ оставили, по крайней мѣрѣ, наши земли, и мы слѣдовательно можемъ всеподданнически благодарить за милостивое наказаніе.

— Тысяча - восемьсотъ - шестьдесятъ - шестой годъ не скоро повторится, сказалъ совѣтникъ канцеляріи.

— Вы полагаете, потому что всѣ артишоки съѣдены. Эхъ, любезный Ифлеръ, l'appétit vient en mangeant; еще остались парочки двѣ, которыя давно бы были уже проглочены, еслибы не боялись ими подавиться. Да, кромѣ того, развѣ вы полагаете, что французы будутъ откладывать in saecula saeculorum отплату за Садову? Я знаю изъ вѣрнаго источника, что у нихъ вліятельные кружки и спятъ и видятъ эту отплату; того и гляди, что въ одно прекрасное утро мы проснемся и съ изумленіемъ примемся протирать глаза, заслышавъ, вмѣсто нашего добраго, нѣмецкаго пѣтуха, пѣніе пѣтуха галльскаго... Вы смѣетесь, любезный Цейзель? Конечно, вамъ, какъ бывшему военному, война мила сама по себѣ. Не забывайте только, что на этотъ разъ легко можетъ случиться, что вы будете сражаться подъ начальствомъ тѣхъ самыхъ полководцевъ, противъ которыхъ вы воевали въ 1866-мъ году. А не пойдешь-молъ добровольно, такъ заставлю идти силой, скажетъ остроумный премьеръ.

Позаботьтесь по крайней мѣрѣ заранѣе, чтобы не пропалъ вашъ патентъ на чинъ поручика. Поговорите-ка объ этомъ съ графомъ, когда онъ завтра пріѣдетъ.

— Я не зналъ, что мои ничтожныя услуги уже наскучили вашей свѣтлости, сказалъ молодой офицеръ, покраснѣвъ до самыхъ ушей при послѣднихъ словахъ принца.

— Простите, любезный фонъ-Цейзель, заговорилъ принцъ, подходя къ обиженному и добродушно протягивая ему руку; я не хотѣлъ васъ огорчить, а еще менѣе высказать вамъ неудовольствіе, котораго во мнѣ вовсе нѣтъ. Напротивъ, я благодарю васъ за вашу вѣрную и рачительную службу; никогда еще въ теченіи того года—какъ быстро летитъ время,—который вы провели у меня, она не была мнѣ такъ необходима, какъ теперь. Вы одинъ у насъ знаете обычаи большого свѣта. Кто же бы помогъ мнѣ принять нашихъ гостей? Мнѣ всѣ эти порядки всегда были чужды, а теперь я позабылъ и то немногое, что̀ зналъ....

Принцъ остановился. Онъ потерялъ нить своихъ мыслей. Въ послѣднее время это бывало съ нимъ чаще обыкновеннаго, хотя ему и удавалось, послѣ тягостнаго для него самого и для другихъ напряженія, снова нападать на свою мысль. Такъ и теперь стоялъ онъ, и ловко прикидываясь внимательнымъ, смотрѣлъ на крышу за̀мка, надъ которой при вечернемъ освѣщеніи кружились ласточки; затѣмъ опять продолжалъ, какъ бы пробуждаясь отъ сна:

— Не такъ, какъ вы, воспитанные въ такой хорошей школѣ при дворѣ вашего государя. Кстати, любезный фонъ-Цейзель, я хочу васъ спросить: не лучше ли будетъ, чтобы вы сами сопровождали завтра карету, когда она поѣдетъ на станцію. Я конечно не боюсь, что Порстъ худо распорядится, но все же такъ будетъ лучше. Какъ вы думаете?

— Я исполню приказаніе вашей свѣтлости, отвѣчалъ кавалеръ.

— Итакъ, рѣшено, сказалъ принцъ. Если, господа, вамъ больше нечего мнѣ докладывать....

Совѣтникъ поклонился; кавалеръ продолжалъ:

— Осмѣлюсь, ваша свѣтлость, спросить, какія будутъ окончательныя распоряженія на счетъ двора фазановъ?

Совѣтникъ сдѣлалъ видъ, что вовсе еще не собирается уходить и погрузился въ созерцаніе альбома, раскрытаго на одномъ изъ столовъ, при чемъ вовсе не замѣтилъ, что держитъ его вверхъ ногами.

— Я полагалъ, что мы относительно этого достаточно условились уже за столомъ, отвѣтилъ принцъ.

Въ тонѣ, съ какимъ были произнесены эти слова, звучало неудовольствіе. Совѣтникъ не могъ оторваться отъ замѣчательной картинки.

— Ваша свѣтлость приказываете, значитъ, привести дворъ фазановъ въ порядокъ, сказалъ кавалеръ запинаясь; — и такъ какъ отвѣта со стороны принца не воспослѣдовало, то онъ продолжалъ съ своей обычной добродушной живостью:

— Тогда я долженъ еще сегодня отдать необходимыя приказанія. Палисадникъ слѣдуетъ исправить, а дорожки расчистить; онѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень заросли. Прахатицъ успѣетъ все это устроить къ завтрему, а самое позднее послѣ-завтра, если ему дать съ десятокъ рабочихъ. Кромѣ того, видъ изъ оконъ чайнаго домика собственно сохранился только на зáмокъ; съ южной стороны и со стороны оленьяго парка необходимо срубить два, три дерева, которыхъ мнѣ очень жалко....

— Такъ не рубите ихъ, сказалъ принцъ сердито.

Совѣтникъ тихонько закрылъ альбомъ, а кавалеръ въ смущеніи поглядѣлъ на него.

— А не то—переговорите еще разъ съ моею женою, сказалъ принцъ. Вы правы, любезный Цейзель; дѣйствительно, за столомъ мы не условились окончательно; я теперь припоминаю. Вообще сомнѣваюсь, чтобы намъ пришлось быть въ чайномъ домикѣ. Часто ли пьютъ тамъ чай! Два, много три раза въ годъ. Итакъ, какъ я уже сказалъ, переговорите съ женою; а не то, если хотите, я самъ съ нею переговорю. Во всякомъ случаѣ подождите, пока я не дамъ самыхъ точныхъ приказаній. Прощайте, любезный Цейзель! А вы подождите еще минутку, — обратился онъ къ совѣтнику.

Кавалеръ откланялся и удалился съ террасы.

Между тѣмъ совѣтникъ ждалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, чтó такое соблаговолитъ сообщить ему принцъ. Вѣроятно, онъ спроситъ его мнѣнія касательно двора фазановъ. Совѣтникъ рѣшилъ въ отвѣтѣ своемъ сообразоваться съ тономъ и постановкой вопроса.

— Я намѣреваюсь быть немного нескромнымъ, сказалъ принцъ.

Совѣтникъ улыбнулся.

— Въ какихъ вы отношеніяхъ съ докторомъ, то-есть, я хочу сказать, вы и ваши дамы?

Такъ какъ совѣтникъ не ожидалъ такого вопроса и не могъ сообразить сразу, къ чему все это клонится, то и проговорилъ не безъ нѣкотораго смущенія:

— Правду сказать... въ очень хорошихъ, какъ всегда, разумѣется...

— Какъ всегда? сказалъ принцъ съ удареніемъ.

— Я такъ думаю, ваша свѣтлость.

— Мнѣ трудно быть нескромнымъ, когда вы сами такъ скромны.

— Я вовсе не хочу быть скромнымъ, принцъ, сказалъ совѣтникъ, но только я право не знаю...

— Ну, если вы ничего не знаете, любезный Ифлеръ—а вы въ самомъ дѣлѣ похожи на незнающаго человѣка—то и я могу воздержаться отъ своего нескромнаго вопроса. Прощайте, любезный Ифлеръ, да приходите-ка завтра часикомъ пораньше съ докладомъ. Гости пріѣдутъ въ часъ. Въ теченіи утра придется еще на счетъ многаго распорядиться.

Совѣтникъ ушелъ совершенно уничтоженный, оплакивая свою глупость. А вѣдь вопросъ принца могъ имѣть только одинъ смыслъ! Какъ этого было не понять сразу! ну какъ теперь сказать объ этомъ нашимъ дамамъ? Но всему виною опять-таки докторъ! Зачѣмъ онъ до сихъ поръ не выскажется? Онъ непремѣнно долженъ сдѣлать это сегодня же вечеромъ, когда вернется изъ Гюнерфельда.

— Что тамъ такое сказалъ вамъ принцъ? спросилъ кавалеръ, подходя къ совѣтнику, котораго поджидалъ на дворѣ зáмка.

— О, пустяки, возразилъ совѣтникъ.

— Надѣюсь, сказалъ кавалеръ смѣясь, что сегодня вечеромъ вы будете откровеннѣе. Кстати, я располагалъ зайти къ вамъ сегодня около восьми часовъ, если вы не пойдете въ кегельный клубъ и если ваши дамы свободны.

— Мы будемъ очень рады, пробормоталъ совѣтникъ.

— Итакъ, рѣшено, громко сказалъ кавалеръ, хлопнувъ совѣтника по плечу и направляясь къ зáмку.

— Опять сглупилъ, сказалъ совѣтникъ, снимая шляпу и осторожно,—чтобы не задѣть бѣлокураго съ просѣдью парика,—утирая шелковымъ платкомъ вспотѣвшій лобъ. — Вотъ опять навязалъ себѣ на шею ихъ обоихъ. Это просто наказаніе!

И совѣтникъ, совершенно разстроенный, направился къ своему дому, отстоявшему около версты отъ зáмка и въ шагахъ въ двухстахъ отъ городка Ротебюль. Домъ стоялъ на великолѣпномъ шоссе, которое вело изъ зáмка въ городокъ, и привѣтливо выглядывалъ изъ-за окружавшихъ его деревьевъ и кустовъ.

Принцъ, по уходѣ совѣтника, оставался неподвиженъ на своемъ мѣстѣ и погрузился въ глубокую думу.

Полу-ласковая, полу-ироническая улыбка, игравшая на его губахъ во время совѣщанія съ подчиненными, смѣнилась выраженіемъ глубокой печали.

— Все мнѣ измѣняетъ, пробормоталъ онъ. Этотъ Ифлеръ, который всю жизнь старался доказать, на основаніи документовъ, что мы—такой же владѣтельный домъ, какъ и всякій другой въ Германіи, который утверждалъ, что не можетъ простить графу его уничиженія передъ этими высокомѣрными Гогенцолернами,—этотъ самый Ифлеръ, какой онъ сталъ теперь ручной! Онъ совсѣмъ готовъ съ музыкой и барабаннымъ боемъ перейти въ чужой лагерь! Я ни на кого больше не могу положиться, а всего менѣе на самого себя,—вотъ что всего обиднѣе?

Съ большого луга, — разстилавшагося въ нижней части парка и орошаемаго рѣчкой Рода, — на которомъ изъ-за деревьевъ стали показываться олени, сначала по одиночкѣ, а потомъ и стадомъ — повѣяло прохладой. Принцъ хотѣлъ-было позвонить и приказать камердинеру принесть ему пальто, но отдернулъ руку, готовую уже дернуть за колокольчикъ. *Она* можетъ придти каждую минуту; пусть она увидитъ его въ легкомъ лѣтнемъ платьѣ; онъ теперь, именно теперь, особенно боялся показаться ей старикомъ. Конечно, онъ могъ войти въ свой рабочій кабинетъ, двери котораго раскрыты на террасу, но солнечный закатъ такъ великолѣпенъ: золотистые, продолговатые облака тянутся по небу, а горы тонутъ въ розоватой, сверкающей мглѣ. Она такъ любитъ эту картину. Они такъ часто любовались ею вмѣстѣ съ этого самаго мѣста, и наблюдали за малѣйшими измѣненіями въ тѣняхъ, когда три года тому назадъ проводили здѣсь первые, блаженные, весенніе дни.

Три года!

Опершись одной рукой на каменныя перила, принцъ стоялъ, устремивъ неподвижный взоръ на солнечный закатъ. Но онъ уже не слѣдилъ за великолѣпными переливами красокъ.... Тогда это былъ по истинѣ первый солнечный лучъ, озарившій его жизнь, свѣтъ, долетавшій до него изъ другого, лучшаго міра, романическая, чудная весна, посѣтившая его на закатѣ дней! Какъ все это было прекрасно!

— А если оно было и прошло, то кто же въ этомъ виноватъ, какъ не я самъ? Кто помрачилъ солнечный лучъ, потушилъ свѣтъ, убилъ чудесную весну, разрушилъ романъ, какъ не я, не я самъ! Я самъ? Но въ чемъ же заключается моя вина? Ей было семнадцать лѣтъ, а теперь ей двадцать-одинъ

годъ; мнѣ было шестьдесять-два года, а теперь... время противъ меня. Да, это такъ!

Принцъ вздрогнулъ, услыхавъ позади себя на террасѣ шелестъ платья. Онъ поспѣшно провелъ рукою по лицу и съ улыбкой обернулся къ молодой дамѣ въ амазонкѣ изъ темно-зеленаго бархата, въ беретѣ, съ перчатками и хлыстомъ въ правой рукѣ; лѣвой она придерживала длинный шлейфъ амазонки.

— А, это ты, Гедвига! ты сегодня поздно собралась на прогулку, сказалъ онъ, цѣлуя молодую даму въ лобъ.

— Много было дѣла, отвѣчала Гедвига. Совѣщанія съ модисткой, такъ какъ нѣкоторые изъ нарядовъ, — черезъ-чуръ роскошныхъ по обыкновенію, — которые ты мнѣ выписалъ — пришлось передѣлать; затѣмъ надо было прибрать комнаты, и хотя моихъ вещей тамъ было и немного...

— Комнаты, спросилъ принцъ, твои комнаты? Зачѣмъ понадобилось ихъ прибирать?

— Да вѣдь ты приказалъ отвести обѣ комнаты въ красной башнѣ для пріѣзжихъ? возразила Гедвига.

Краска гнѣва вспыхнула на блѣдномъ лицѣ принца; вмѣсто отвѣта онъ сильно придавилъ пуговку колокольчика и крикнулъ старику-камердинеру, поспѣшавшему изъ комнатъ черезъ рабочій кабинетъ:—Позвать сюда Порста, сейчасъ, сію минуту!

— Порстъ только-что уѣхалъ съ кухонной фурой въ городъ, какъ было приказано вашей свѣтлостью, возразилъ Андрей Глейхъ.

— Это ему даромъ не пройдетъ, закричалъ принцъ, гнѣвъ котораго разгорался все сильнѣе. Впрочемъ ты вѣдь былъ тутъ, сегодня утромъ, когда я отдавалъ приказанія, а такъ какъ твой любезный зятюшка, какъ мнѣ извѣстно, во всемъ съ тобой совѣтуется, то ты можешь отвѣчать за него. Кто вамъ сказалъ, что вы можете распоряжаться двумя комнатами въ красной башнѣ? я васъ спрашиваю, кто?

— Но, другъ мой, сказала молодая дама, если это простое недоразумѣніе...

— Это вовсе не недоразумѣніе, сказалъ принцъ, и совсѣмъ не ошибка — развѣ только они нарочно оглохли и ослѣпли — я это знаю!

— Ваша свѣтлость изволили точно приказать, чтобы всѣ комнаты покойной свѣтлѣйшей принцессы были отведены для высокихъ посѣтителей, проворчалъ старый камердинеръ, а такъ какъ обѣ комнаты въ красной башнѣ...

— Комнаты, комнаты! закричалъ принцъ; но само собой

разумѣется, не жилые покои! но, само собой разумѣется, не тѣ, которые отведены съ перваго же дня моей женѣ!...

— Но, другъ мой, повторила молодая дама, на которую эта сцена производила повидимому весьма тягостное впечатлѣніе....

— Прошу тебя, оставь меня, сказалъ принцъ поспѣшно отнимая свою руку, которая сильно дрожала; мнѣ не надобны слуги, которые такъ грубо перевираютъ ясныя и точныя приказанія. Чтобы все было приведено въ порядокъ сегодня же, прежде чѣмъ жена вернется съ прогулки! Теперь ступай!

— Но какъ можешь ты сердиться на такіе пустяки, сказала Гедвига, когда слуга вышелъ.

— Твой комфортъ, твой покой для меня не пустяки, сказалъ принцъ, проведя все еще дрожащей рукой по блестящимъ волосамъ молодой дамы, въ особенности теперь, когда мнѣ приходится къ несчастію вносить такое безпокойство и такія неудобства въ нашу жизнь. Конечно, этого нельзя измѣнить; но они все-таки не должны нарушать нашу свободу и наши привычки больше, чѣмъ то слѣдуетъ. Куда ты поѣдешь сегодня, мое дитя?

— Къ двору фазановъ, отвѣчала дама, я хочу лично передать твои приказанія. Прахатицъ такъ привыкъ къ тому, что я распоряжаюсь тамъ на верху, что пожалуй ничего не станетъ дѣлать безъ моего приказа.

— Да я больше объ этомъ и не думаю, сказалъ принцъ не безъ нѣкотораго смущенія.

— А я прошу тебя позабыть о моемъ неприличномъ и дѣтскомъ противорѣчіи, сказала дама, по истинѣ дѣтскомъ! Желаніе мое, чтобы чайный домикъ оставить въ томъ видѣ, въ какомъ я нашла его три года тому назадъ... съ пожелтѣвшими гравюрами и потускнѣвшими зеркалами, съ красивой, старой, источенной червями мебелью-рококо, и чтобы въ маленькомъ паркѣ все оставалось по прежнему... заржавѣвшая рѣшетка, опрокинутыя статуи и заросшія дорожки, ...положимъ, это просто романическая затѣя, быть можетъ приличная семнадцатилѣтней дѣвушкѣ, но которая ко мнѣ теперь совсѣмъ не пристала. Ты смѣешься? Да, еслибы можно было смѣхомъ стереть четыре года!

— Не открыла ли ты такой секретъ? сказалъ принцъ. Оно похоже на то; но къ кому ты намѣрена примѣнить секретъ? къ себѣ? ко мнѣ? къ намъ обоимъ?

Онъ сказалъ это съ улыбающимся лицомъ, но губы его подергивались.

— Ахъ, мнѣ пора ѣхать, сказала молодая дама, давно пора; итакъ, милый другъ, я могу отдать Прахатицу всѣ нужныя приказанія.

— Ты даже очень обяжешь меня, если оставишь все, какъ оно есть, и сообщишь объ этомъ фонъ-Цейзелю... Но ты не должна никому уступать тѣхъ комнатъ въ башнѣ. Ну, прощай, и пожалуйста не скачи сломя голову! У насъ сегодня никого не будетъ за чаемъ,—не прогнѣвайся.

— Не прогнѣваться, сказала Гедвига, это отзывается упрекомъ.

— Я вовсе не хотѣлъ упрекать, возразилъ принцъ.

— Вѣдь ты самъ знаешь, что именно по вечерамъ всего пріятнѣе быть вмѣстѣ, что тогда особенно хорошо болтается.

— Въ самомъ дѣлѣ? сказалъ принцъ.

Онъ держалъ руку молодой женщины въ своихъ рукахъ; глаза его съ выраженіемъ страсти покоились на прекрасномъ ея лицѣ. Снова губы его передернулись, но слова замерли на губахъ, и онъ со вздохомъ выпустилъ ея руку.

— Я не хочу тебя задерживать, сказалъ онъ.

Молодая женщина дошла уже до дверей салона, когда принцъ закричалъ ей вслѣдъ:

— Одно слово, Гедвига! а что́, докторъ не намекалъ тебѣ въ послѣднее время о томъ, что онъ намѣренъ просить отставки?

— Развѣ онъ намѣренъ? сказала молодая женщина. Шлейфъ ея платья, повидимому, зацѣпился въ дверяхъ; она быстро нагнулась, и когда поднялась, щеки ея были красны.

— Да, онъ просилъ объ отставкѣ, сказалъ принцъ, подходя къ молодой женщинѣ, чтобы помочь ей высвободить шлейфъ. Онъ сказалъ мнѣ это въ ту минуту, какъ я остался съ нимъ наединѣ, послѣ обѣда, и хотя не самымъ формальнымъ образомъ, но такъ ясно, что нельзя было ошибиться.

— Ты согласился отпустить его? сказала молодая женщина.

— Боже сохрани, возразилъ принцъ, чтобы я сталъ обращать вниманіе на чистѣйшій капризъ, а это капризъ и больше ничего. Такъ всегда бываетъ съ людьми, когда имъ гдѣ-нибудь сапогъ жметъ. Я уже разспрашивалъ Ифлера; я думалъ, что онъ получилъ отказъ отъ Элизы, но Ифлеръ, повидимому, ничего объ этомъ не знаетъ; конечно, это не доказательство: онъ никогда не знаетъ о томъ, что́ ему слѣдовало бы знать; быть можетъ, ты легче добьешься истины.

Прекрасное лицо молодой женщины омрачилось, а при послѣднихъ словахъ принца темные глаза ея гнѣвно сверкнули.

Она гордо закинула голову и, поглядѣвъ принцу прямо въ лицо, сказала:

— Это совершенно безполезно; докторъ не такой человѣкъ, чтобы прибѣгать къ отговоркамъ. Да и неужели причины, приведенныя имъ, недостаточно основательны?

— Ты говоришь такъ, какъ будто эти причины тебѣ извѣстны, перебилъ принцъ.

— Онѣ мнѣ неизвѣстны,—возразила молодая женщина еще съ бо́льшимъ жаромъ, чѣмъ прежде,—по крайней мѣрѣ онъ мнѣ ихъ не сообщалъ, но я могу представить себѣ, что́ гонитъ отсюда такого человѣка, какъ докторъ; я могу представить себѣ, какъ ему страстно хочется примѣнить свои силы, свои знанія на болѣе обширномъ поприщѣ; могу представить себѣ, какъ ему тѣсно, какъ онъ задыхается въ той узкой сферѣ, какая насъ окружаетъ...

Щеки Гедвиги покрылись яркимъ румянцемъ, когда она произносила эти слова; принцъ же, напротивъ того, совсѣмъ поблѣднѣлъ, губы его побѣлѣли и онъ сказалъ:

— Въ самомъ дѣлѣ! Узкая сфера! Ну, я полагаю, что та сфера, въ которой я нашелъ его три года тому назадъ, изъ которой я вывелъ его три года тому назадъ, была еще уже. Конечно, мало кто умѣетъ цѣнить оказанныя благодѣянія.

— А еще рѣже кто умѣетъ забывать объ оказанныхъ благодѣяніяхъ.

— Я надѣюсь, милая Гедвига, что твое замѣчаніе не относится ко мнѣ? сказалъ принцъ. Онъ чувствовалъ, что колѣни его подгибались; ему стоило большого труда стоять прямо. Неужели развязка, которой онъ постоянно боялся, но которая, онъ чувствовалъ, въ послѣднее время становилась все неизбѣжнѣе, должна была разъиграться теперь?

— Какъ это можно, сказала Гедвига, ты знаешь мою дурную привычку при всякомъ удобномъ случаѣ придираться къ словамъ! да и какое отношеніе это имѣетъ къ данному случаю? Но обсудимъ дѣло такъ, какъ оно есть. Ты пригласилъ тогда доктора на три года; срокъ пришелъ къ концу. Ты не такой человѣкъ, чтобы удерживать его, когда онъ самъ не желаетъ оставаться.

— Ты ошибаешься, милая Гедвига. Я буду откровеннымъ и сознаюсь, что очень не охотно съ нимъ разстанусь. Онъ знаетъ меня, а другому пришлось бы снова знакомиться со мной; наконецъ, я привыкъ къ нему, мнѣ онъ до извѣстной степени нравится. Да и помимо меня, графинѣ Стефаніи, какъ тебѣ извѣстно, рѣшительно нужна медицинская помощь. Генеральша очень без-

покоилась; я обѣщалъ, что Стефанія можетъ обратиться къ моему лейбъ-медику, за искусство котораго я могу поручиться. Какъ непріятно было бы мнѣ, послѣ того, какъ все уже порѣшено и они завтра будутъ здѣсь, не сдержать обѣщанія!

— Но докторъ не уѣдетъ же тотчасъ? сказала Гедвига.

— Въ томъ-то и горе, что да, сказалъ принцъ. Ему совсѣмъ вскружило голову собраніе естествоиспытателей. Онъ долженъ тотчасъ рѣшить. Это непріятно, право, ужасно непріятно!

— А между тѣмъ для тебя возможенъ только одинъ образъ дѣйствія, сказала Гедвига, и я увѣрена, что ты придешь къ тому же результату, когда спокойно обсудишь все дѣло.

Принцъ усмѣхнулся. — Хорошо, сказалъ онъ, мы обсудимъ спокойнѣе это дѣло. Сначала мы взволновались, и совсѣмъ понапрасну. Ступай гулять, я часокъ почитаю. Сегодня вечеромъ за чаемъ мы переговоримъ, какъ слѣдуетъ. Прощай, милая Гедвига!

Онъ поцѣловалъ молодую женщину въ лобъ, проводилъ ее до салона и остановился у окна, чтобы поглядѣть, какъ она сядетъ на лошадь, которую рейткнехтъ держалъ подъ устцы вмѣстѣ съ своею. Она усѣлась въ сѣдлѣ, махнула въ его сторону хлыстикомъ, а онъ отвѣчалъ ей рукой. Затѣмъ принцъ остался у окна, чтобы еще разъ взглянуть на нее, когда она поѣдетъ черезъ мостикъ, перекинутый въ долинѣ черезъ рѣчку. Она должна была показаться на немъ, при ея быстрой ѣздѣ, черезъ двѣ, много черезъ пять минутъ; но прошло пять минутъ, прошло десять минутъ.... принцъ съ сердцемъ закрылъ окно. Дверь на террасу оставалась все время открытой, онъ только теперь замѣтилъ, что стоялъ все время на сквозномъ вѣтру, и почувствовалъ, что его продуло. Вернувшись въ рабочій кабинетъ, онъ позвонилъ:

— Что прикажете, ваша свѣтлость, спросилъ камердинеръ входя.

— Затопи каминъ, сказалъ принцъ. Впрочемъ, нѣтъ, не слѣдуетъ баловать себя.

— А также не слѣдуетъ и другихъ людей пріучать къ милости, ваша свѣтлость.

— Что ты хочешь сказать?

— Я осмѣливаюсь только замѣтить, что ваша свѣтлость въ теченіи сорока лѣтъ, которые я имѣлъ честь прослужить вашей свѣтлости, такъ избаловали меня своей добротой, что мнѣ особенно больно услышать жесткое слово отъ вашей свѣтлости; а такъ какъ ваша свѣтлость не желаете держать слугъ, которые такъ грубо перевираютъ приказанія вашей свѣтлости....

— И ты туда же? рѣзко перебилъ принцъ слугу; ужъ и ты не хочешь ли отойти прочь? Что вы, всѣ съума сошли? или быть можетъ воображаете особенно угодить новому господину, если будете дерзки и неблагодарны относительно стараго? Такъ подождите по крайней мѣрѣ, пока старый сойдетъ съ дороги! Я отрекомендую васъ графу; пусть онъ остережется отъ такихъ вѣроломныхъ тварей... Ну, довольно объ этомъ, мнѣ это все надоѣло. Подай мнѣ вонъ то одѣяло; я простоялъ на сквозномъ вѣтру, это всегда мнѣ нездорово.

Принцъ бросился въ кресло и дрожа завернулся въ мягкое одѣяло.

— Ваша свѣтлость должны были остаться на террасѣ, сказалъ камердинеръ съ увѣренностью, точно послѣднія слова его господина допускали только одно объясненіе; ваша супруга поѣхала къ двору фазановъ.

— Развѣ ты видѣлъ?

— Я стоялъ здѣсь какъ разъ у окна и видѣлъ, какъ онѣ поскакали по дорогѣ къ двору фазановъ. Скакать-то бы, казалось, не годится по такой крутой дорогѣ.

— Ну, тогда мнѣ пришлось бы долго дожидаться, сказалъ принцъ. Зачѣмъ она поѣхала туда, дѣло кажется рѣшено.

Принцъ сказалъ это частью про себя, частью обращаясь къ камердинеру.

Онъ давно привыкъ, чтобы Глейхъ разрѣшалъ его сомнѣнія и отвѣчалъ на его мысли.

— Быть можетъ, онѣ поѣдутъ дальше двора фазановъ, по дорогѣ въ Гюнерфельдъ; оттуда прекрасный видъ на зáмокъ и на долину Роды.

Глейхъ, медленно выпрямляясь при этихъ словахъ, изъ своего согбеннаго положенія бросилъ быстрый, испытующій взглядъ на лобъ и глаза своего повелителя.

— Не совсѣмъ правдоподобно, сказалъ принцъ.

— Можетъ быть, онѣ желаютъ сообщить что-нибудь доктору, который въ это время долженъ возвращаться изъ Гюнерфельда.

— Еще не правдоподобнѣе, пробормоталъ принцъ, я не сообщалъ женѣ, что докторъ тамъ проѣдетъ.

— Но я слышалъ, какъ самъ докторъ сообщилъ имъ объ этомъ за столомъ.

— Вотъ какъ! сказалъ принцъ. Ты, значитъ, слышишь почти все, что говорится въ столовой?

— Да, почти, сказалъ камердинеръ. Ваша свѣтлость ничего больше не прикажете въ настоящую минуту?

Принцъ подперъ голову рукою. Камердинеръ, не получая

отвѣта, хотѣлъ удалиться неслышными шагами, какъ вдругъ принцъ крикнулъ ему вслѣдъ:

— Ты можешь освѣдомиться у жены, когда она вернется домой, можетъ быть она предпочтетъ пить чай въ своей комнатѣ. Я чувствую себя не совсѣмъ хорошо, а долженъ завтра быть свѣжимъ; къ тому же мнѣ нужно написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ.

— Слушаю, ваша свѣтлость, сказалъ Глейхъ, тихонько притворяя за собою дверь.

Принцъ сидѣлъ неподвижно, погруженный въ грустную думу, высвободивъ изъ подъ одѣяла красивыя, бѣлыя руки. Онъ думалъ о завтрашнемъ днѣ, когда спокойствіе и тишина, которыя онъ такъ любилъ, будутъ нарушены вокругъ него шумнымъ наѣздомъ людей, которыхъ онъ въ сущности ненавидѣлъ. Тогда уже нельзя ему будетъ уединяться, слѣдя за игрою своихъ мыслей.

— Сомнительное счастье, думалось ему про-себя, слѣдить за мыслями, которыя плетутся рысцей передъ нами, какъ лошади въ похоронной процессіи, а я самъ — тотъ мертвецъ, котораго онѣ везутъ въ могилу. Зачѣмъ я вызывалъ ее на объясненія? И самъ не знаю, но я былъ правъ, я не слишкомъ мрачно смотрѣлъ на вещи: оно выражалось такъ ярко на ея лицѣ, свѣтилось въ ея глазахъ, звучало въ каждомъ ея словѣ, въ тонѣ ея голоса. И только теперь впервые это обнаружилось. Какъ, повидимому, все было просто сказано, а между тѣмъ въ каждомъ словѣ скрывалась задняя мысль. «Еслибы можно было смѣхомъ стереть четыре года»! Четыре года! къ чему это послужило бы! Еслибы даже прошло сорокъ! и вѣдь я люблю ее лучше, чѣмъ двадцатилѣтній юноша, лучше, чѣмъ кто бы то ни было можетъ любить ее! О Боже мой, Боже мой, какъ я ее люблю!

Принцъ вертѣлся въ креслѣ, онъ никакъ не могъ усѣсться покойно и подложилъ правую руку подъ локоть лѣвой.

— Ну, сказалъ онъ, нервы мои разстроены, у меня лихорадка; моему преемнику не долго придется ждать. А онъ Геркулесъ въ сравненіи со мной. Парады да разводы помогаютъ этимъ людямъ быть здоровыми и глупыми. Нѣтъ, онъ не глупъ, онъ только мнѣ антипатиченъ. Куда какъ весело будетъ мнѣ видѣть около себя своего преемника; а о преемникѣ преемника навѣрное уже позаботились.

Принцъ засмѣялся, но не веселымъ смѣхомъ, и затѣмъ глубоко вздохнулъ. Глейхъ, который стоялъ въ передней, приложивъ ухо къ двери, съ довольнымъ видомъ покачалъ головой.

— Такъ всегда съ нимъ бываетъ, сказалъ онъ, выпрямляясь,

нужно только пользоваться минутой, когда-нибудь да замѣтитъ онъ. И я зашелъ бы гораздо дальше, еслибы Дитрихъ не былъ такой болванъ. Онъ говоритъ, что ничего особеннаго не можетъ подмѣтить, когда они катаются вмѣстѣ верхомъ, и ничего не можетъ слышать. Желалъ бы я быть на его мѣстѣ; ужъ я бы услышалъ, что̀ нужно, и увидѣлъ бы, что̀ слѣдуетъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гедвига, между тѣмъ, неслась по красивой и превосходной дорогѣ, которая, извиваясь какъ лента, вела къ двору фазановъ; Дитрихъ былъ хорошій наѣздникъ, однако едва поспѣвалъ за нею. И чего съ нею никогда прежде не бывало, подсаживалъ ли онъ ее на сѣдло или скакалъ съ нею зеленымъ лѣсомъ,— она ни слова не промолвила съ нимъ ни о свадьбѣ его съ Метой Прахатицъ, которая должна была совершиться нынѣшнимъ лѣтомъ, ни о приданомъ. А также и бѣдныя старухи, попадавшіяся ей на встрѣчу съ большими вязанками хвороста за спиной, громко желали ей вслѣдъ «добраго вечера», и сторонясь прижимались къ каменной оградѣ, но на этотъ разъ не удостоивались ни взгляда, ни привѣта.

— Вотъ скачетъ, словно за ней чортъ гонится по пятамъ, ворчалъ Дитрихъ, пришпоривая своего коня; если она не угомонится, то лошади, того и гляди, растянутся.

Но въ эту самую минуту наѣздница подобрала поводья и начала шагомъ подниматься на послѣднюю возвышенность. Ей не хотѣлось явиться туда на верхъ, не принявъ окончательнаго рѣшенія касательно двора фазановъ, а между тѣмъ, противъ своего обыкновенія, она не могла напасть ни на какую мысль. Но какъ ничтожно, какъ безразлично казалось ей все въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, какое наполняло всю ея душу.

Онъ хочетъ уѣхать! *Онъ* проситъ объ отставкѣ!

Онъ рѣшился это сдѣлать въ тотъ самый моментъ, когда съ пріѣздомъ гостей она будетъ поставлена въ самое затруднительное, въ самое тяжелое положеніе: когда ей придется обнаружить всю свою силу, все свое присутствіе духа; когда другъ будетъ ей нуженъ болѣе, чѣмъ когда-либо.

Онъ хочетъ уѣхать! Ну, чтожъ, пусть уѣзжаетъ; онъ не обязанъ приносить ей жертвъ; долженъ же онъ наконецъ возвратить себѣ страстно желаемую имъ свободу!

Гедвига готова была громко заплакать, мысленно уже разставаясь съ другомъ, съ тѣмъ, чтобы никогда больше не сви-

дѣться съ нимъ. Но она уже разъ отказалась отъ цѣльнаго счастья; что стоитъ ей принести въ жертву жестокой судьбѣ и эту частицу, вмѣстѣ съ другими радостями ея молодой жизни!

Лошадь, фыркая, остановилась у рѣшетки парка, окружавшаго дворъ фазановъ, и Гедвига пробудилась отъ своего тяжелаго сна. Зачѣмъ она сюда пріѣхала? Да, вспомнила!

Рейткнехтъ подъѣхалъ; Гедвига велѣла ему отворить рѣшетку и рысью проѣхала по дорогѣ, осѣненной высокими деревьями и заросшей всякаго рода травой, къ маленькому двору, гдѣ чехъ Прахатицъ проживалъ одинъ въ маленькомъ домикѣ среди своихъ фазановъ.

Дочка его Мета три года тому назадъ поступила въ камеръ-юнгферы къ молодой госпожѣ.

Старика не было въ домикѣ; Гедвига нашла его подъ открытымъ навѣсомъ, гдѣ выведенные нѣсколько дней тому назадъ цыплята клевали насыпанный кругомъ кормъ, между тѣмъ какъ насѣдки важно прохаживались, съ достоинствомъ волоча веревку, привязанную къ ихъ ногѣ.

— Добро пожаловать, сударыня, сказалъ старикъ, отставляя корытце съ кормомъ и снимая маленькую, зеленую, егерскую шляпу; кто бы могъ этого ожидать, давно уже не удостоивался такой чести! а тѣмъ временемъ цыплятки вылупились, девяносто пять штукъ. Была бы полная сотня, да вотъ этотъ молодецъ успѣлъ подцѣпить у меня цѣлыхъ пять штукъ, пока мнѣ не удалось подцѣпить его самого.

При этихъ словахъ Прахатицъ приподнялъ за длинное крыло мертваго коршуна, лежавшаго возлѣ него на сундукѣ.

— Я давно уже точилъ на него зубы, продолжалъ онъ, но птица была умная, такая умная, точно человѣкъ, и ни за что не полѣзла бы въ сѣть, хоть посади туда съ полдюжины голубей.

Старикъ привыкъ, чтобы Гедвига внимательно выслушивала его охотничьи разсказы, а потому не мало изумился, когда она, не удостоивъ взглядомъ великолѣпную птицу, и нетерпѣливо помахивая хлыстомъ, проговорила:

— Хорошо, хорошо Прахатицъ: но сегодня намъ надо заняться другимъ. Вы знаете, что завтра пріѣдутъ графъ съ графиней; принцъ желаетъ, чтобы дворъ фазановъ былъ приведенъ въ порядокъ. Поэтому завтра вы позовете рабочихъ, сколько понадобится, для того, чтобы все было готово къ вечеру. Фонъ-Цейзель непремѣнно заѣдетъ къ вамъ, и вы окончательно переговорите съ нимъ. Само собой разумѣется, что и чайный домикъ слѣдуетъ прибрать. Мои рисовальныя принадлежности вы заберете къ себѣ въ домъ. Ключъ отъ домика при васъ?

Она направилась, не дожидаясь отвѣта изумленнаго егеря, къ чайному домику—большому павильону, построенному во вкусѣ прошедшаго столѣтія; онъ стоялъ на довольно высокомъ холмѣ, вблизи двора фазановъ, и былъ обсаженъ деревьями и кустами. Широкая лѣстница въ формѣ подковы вела къ домику: на нижнихъ ступеняхъ сторожили сфинксы, а полудуга лѣстницы окружала гротъ, украшенный раковинами, Нептуномъ и дюжиной нереидъ и тритоновъ. Гедвига поспѣшно взошла по лѣстницѣ; старикъ, раскачивая головой, послѣдовалъ за ней; раскачивая же головой онъ отворилъ балконъ, между тѣмъ какъ Гедвига нетерпѣливо хлопала по рамѣ хлыстикомъ. Она прошла черезъ среднюю большую комнату, въ боковую, которая служила ей мастерской.

— Все это слѣдуетъ убрать, сказала она, указывая на мольбертъ, стоявшій у окошка и на безчисленные эскизы и начатыя картины, висѣвшія по стѣнамъ и разставленныя по угламъ комнаты. Слышите, Прахатицъ, уберите все и сегодня же вечеромъ заприте у себя въ горницѣ и никому не показывайте. А теперь ступайте и скажите Дитриху, чтобы онъ подавалъ лошадей.

— Не случилось ли чего съ вами, сударыня, или съ его свѣтлостью? спросилъ старикъ съ разстановкой.

Гедвига не отвѣчала. Старикъ не посмѣлъ повторить своего вопроса и ушелъ. Гедвига подошла къ мольберту и поглядѣла, скрестивъ руки на груди, на начатую картину,—ландштафтъ, списанный съ того, который открывался изъ окошка.

— Фи, сказала она, какъ это кажется некрасиво, когда взглянешь спустя двѣ недѣли! А я полагала, что на этотъ разъ вышло удачно. Какое жалкое маранье! А еще они говорятъ, что у меня большой талантъ. *Онъ* никогда этого не говорилъ; ему это лучше извѣстно; ему лучше извѣстно также, что значитъ честно заработывать своими руками дневное пропитаніе. А вѣдь я бы достигла этого, еслибы начала работать во время, какъ другія женщины, еслибы мнѣ нужно было работать; а то, я только забавлялась цѣлыхъ четыре года! Еслибы мнѣ вернуть назадъ эти четыре года!

Она опустилась на стулъ и сидѣла насупивъ брови и уставивъ неподвижно глаза въ пространство, между тѣмъ какъ прекрасный ротъ ея судорожно подергивался.

Онъ уѣдетъ и что же тогда ее ожидаетъ? Пустыня, пустота! безграничная пустыня, страшная, мучительная пустота! О! она какъ бы предвкушала ее, когда ему случилось какъ-то уѣхать на два дня. Какъ медленно тянулись часы, какимъ принцъ казался старымъ, какую невыносимую скуку навѣвали остальныя

лица! И это предстоитъ ей, это она должна будетъ выносить во всю свою послѣдующую жизнь!

Съ глухимъ стономъ вскочила она со стула; ей казалось, что она задыхается. Она рванула окно, которое растворилось настежъ. Передъ ней предстали горы, озаренныя мягкимъ свѣтомъ поздняго, майскаго вечера. Хотя солнце уже зашло, вокругъ было еще свѣтло. На лужайкахъ хребта, описывавшаго мягкую дугу и соединявшаго гору, на которой былъ дворъ фазановъ, съ массой остальныхъ горъ, лежалъ розовато-золотистый отблескъ, отраженіе свѣта еще не погасшаго въ высшихъ слояхъ эѳира.

Черезъ этотъ хребетъ ему нужно проѣхать, возвращаясь изъ Гюнерфельда.

Вдругъ ей вспомнилось то, о чемъ она никогда почти не думала, а именно: что она впервые увидѣла его на этомъ мѣстѣ, три года тому назадъ, и точно также въ прекрасный майскій вечеръ. Она возвращалась съ принцемъ съ прогулки, а онъ стоялъ тамъ на верху подъ одинокимъ деревомъ, которое такъ отчетливо выдѣляется теперь на свѣтломъ вечернемъ небѣ; онъ опирался на палку и смотрѣлъ въ долину, окруженную горами, гдѣ на одинокой скалѣ возвышался зàмокъ, и едва оглянулся, когда они проѣхали мимо него. Но принцъ былъ особенно весело настроенъ и заговорилъ съ одинокимъ путникомъ, который вѣжливо отвѣчалъ ему; такимъ образомъ между ними завязался разговоръ, не прекращавшійся всю дорогу и до того заинтересовавшій принца, что онъ въ тотъ же вечеръ пригласилъ молодого ученаго переѣхать изъ гостинницы «Трехъ Форелей» въ зàмокъ и не хотѣлъ отпустить прежде, чѣмъ онъ не дастъ обѣщанія, что вернется и попытается привыкнуть къ здѣшнему мѣсту.

Онъ пытался.... цѣлыхъ три года; теперь онъ пришелъ къ окончательному выводу и хочетъ уѣхать. Она громко разсмѣялась и испугалась своего собственнаго смѣха.

— Мнѣ кажется, что я съума схожу, прошептала она.

Ей думалось, что цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ Прахатицъ ушелъ отъ нея; она посмотрѣла на часы, прошло не болѣе пяти минутъ. Что такое приказывала она ему? Да, чтобы подали ея лошадь. Зачѣмъ? Чтобы ѣхать ему навстрѣчу? Съ какою же цѣлью? Сказать ему, что она не можетъ безъ него жить? Славное признаніе! Что же ему тутъ дѣлать? Запретить ей, какъ онъ это недавно сдѣлалъ, пить чай по вечерамъ, для успокоенія нервовъ, потому что чай мѣшаетъ ей спать по ночамъ!

И она вновь разразилась такимъ страннымъ хохотомъ, что Прахатицъ, подходившій въ это время къ двери, остановился въ испугѣ и качая головой глядѣлъ ей вслѣдъ, пока она пробѣжала мимо него по лѣстницѣ, усѣлась на лошадь и быстро поскакала прочь.

— А вѣдь мнѣ сдается, что ей куда-какъ хотѣлось бы остаться одной, сказалъ Дитрихъ, подтягивавшій ремень у своего сѣдла. Я не долженъ упускать ее изъ виду, а она всячески старается уйти съ глазъ долой. Нашему брату тяжко приходится подчасъ.

— Кто тебѣ не велитъ спускать съ нея глазъ? спросилъ Прахатицъ.

— Вы узнаете это только тогда, когда выдадите за меня вашу дочь и я сдѣлаюсь вашимъ зятемъ, не раньше. Гоппъ, Лизхенъ!

И Дитрихъ галопомъ пустился, вслѣдъ за своей госпожей, по аллеѣ въ открытыя ворота двора фазановъ. Отсюда шла проселочная дорога, и извиваясь, вела черезъ лѣсъ къ возвышенности, на которой стоялъ Гюнерфельдъ, и дальше въ гору; ниже она пересѣкала шоссе, которое шло къ замку. Дитрихъ, вообразившій, что госпожа его поѣхала въ этомъ направленіи, поскакалъ внизъ съ горы насколько позволяла крутизна дороги, все удивляясь, какъ это его госпожа успѣла такъ далеко отъѣхать.

Тѣмъ временемъ Гедвига доѣхала до еловаго лѣса, не замѣчая вначалѣ, что слуга не слѣдовалъ за ней. Только уже тогда, когда она подъѣхала къ чащѣ, она замѣтила, что съ нею никого нѣтъ. Она придержала лошадь. Въ лѣсу, позади ея все было тихо; на пустошѣ, разстилавшейся передъ ней, трещали сверчки, а жаворонокъ пѣлъ высоко надъ головой, въ тѣхъ слояхъ воздуха, въ которыхъ еще не погасъ свѣтъ. И вотъ, созерцая печально тихую красоту вечера, охваченная глубокимъ миромъ, разлитымъ въ природѣ, между тѣмъ какъ растерзанное сердце ея ныло и болѣло—она вдругъ ощутила глубокую тоску. Слезы неудержимо полились изъ ея глазъ; она плакала такъ, какъ никогда, такъ какъ будто хотѣла утопить все горе въ слезахъ и на вѣки успокоиться.

Она оставалась на опушкѣ лѣса, приложивъ платокъ къ глазамъ, между тѣмъ какъ поводья покоились на гибкой шеѣ лошади, отдыхавшей послѣ быстрой ѣзды; но лошадь вдругъ приподняла голову, уставилась сверкающими глазами въ холмъ, пошевелила ушами и наконецъ тихо заржала.

Гедвига выпрямилась, и вытирая одной рукой слезы, другою

схватилась за поводья и поспѣшно направила лошадь въ лѣсъ. Мысль попасться ему на глаза въ ея теперешнемъ настроеніи привела ее въ ужасъ. Но было поздно. Она услышала позади себя лошадиный топотъ; всадникъ уже, безъ сомнѣнія, замѣтилъ ее. Ей ничего не оставалось, какъ выждать его приближенія. Черезъ нѣсколько минутъ онъ подъѣхалъ къ ней. Гедвига повернулась на сѣдлѣ и сказала съ грустной улыбкой, которая такъ пристала къ ея пунцовымъ губкамъ и темнымъ глазамъ:

— Это вы, докторъ!

Германъ остановилъ лошадь и, снимая шляпу, отвѣтилъ: — Вы гуляете въ такое позднее время! такъ далеко отъ замка и безъ провожатаго!

— Я была у двора фазановъ, возразила Гедвига, и должно быть тамъ разъѣхалась съ Дитрихомъ.

— Позвольте мнѣ сопровождать васъ; притомъ намъ, кажется, одна дорога.

— Сдѣлайте одолженіе, сказала Гедвига.

Германъ надѣлъ шляпу и пустилъ свою лошадь съ лѣвой стороны. Они ѣхали нѣсколько минутъ по лѣсу рядомъ и молча.

— Какъ идутъ дѣла въ Гюнерфельдѣ? спросила наконецъ Гедвига.

— Теперь лучше, отвѣчалъ Германъ; у меня тамъ всего трое больныхъ, да и тѣхъ я скоро поставлю на ноги.

И оба снова замолчали. Гедвига боялась выдать себя, Германъ опасался того же самаго. Онъ сдѣлалъ попытку выдти изъ положенія, которое—онъ это чувствовалъ—могло погубить его, если уже не погубило. Попытка удалась лишь вполовину; онъ не зналъ, слѣдуетъ ли ему горько упрекать себя за то или радоваться? И что она скажетъ? приметъ ли жертву благосклонно? или же отвергнетъ ее? Германъ раздумывалъ все это, когда ѣхалъ, по уединенной дорогѣ, въ уединенную деревеньку; объ этомъ же размышлялъ онъ и за минуту, когда, возвращаясь по пустоши, долго стоялъ подъ дубомъ, на томъ мѣстѣ, съ котораго впервые увидѣлъ ее три года тому назадъ. Снова и сильнѣе, чѣмъ когда-либо, почувствовалъ онъ, что у него ничего не осталось въ жизни, чтó бы онъ могъ назвать своимъ; что его жизнь можетъ быть лишь отраженіемъ ея жизни; что его жизнь загублена этой всесильной, безнадежной страстью, все равно, прикажетъ ли ему Гедвига оставаться или уходить.

— Могу ли я позволить себѣ спросить совѣта у васъ, касательно одного обстоятельства, которое лично для меня очень важно? сказалъ онъ.

Онъ самъ не понималъ, откуда вдругъ взялась у него смѣ-

лость. Его собственный голосъ показался ему какъ будто чужимъ, а сердце билось такъ, что, казалось, готово выпрыгнуть.

— Что же это такое? спросила Гедвига и прибавила съ большимъ усиліемъ, такъ какъ Германъ не тотчасъ отвѣтилъ: — Конечно, это то самое обстоятельство, о которомъ принцъ только-что говорилъ со мной. Вы просили объ отставкѣ. Да, я могу даже сказать вамъ больше: принцъ, который, какъ вамъ извѣстно, имѣетъ любезную привычку совѣтоваться со мной въ затруднительныхъ случаяхъ, поручилъ мнѣ убѣдить васъ отказаться отъ этого намѣренія.

Германъ не смѣлъ поднять глазъ; слова, которыя онъ теперь услышитъ, должны рѣшить участь всей его дальнѣйшей жизни.

— Вы знаете, сказалъ онъ какъ-то беззвучно, что я высоко цѣню ваше мнѣніе и всегда готовъ ему подчиниться.

— Тѣмъ тяжелѣе отвѣтственность, которую я беру на себя, продолжала Гедвига, дѣлая слабую попытку улыбнуться. Признаюсь вамъ, ваше намѣреніе не выходило у меня изъ ума во все время моей прогулки; я старалась, насколько умѣла, выяснить себѣ всѣ мотивы *за* и *противъ*.

— И вы порѣшили, что я долженъ удалиться, неправда ли?

— Да, сказала она, я такъ рѣшила.

При этихъ словахъ она поглядѣла на своего спутника. Отъ взоровъ ея не укрылось, что онъ поблѣднѣлъ и что губы его задрожали, какъ у ребенка, которому не хочется расплакаться. Глаза ея загорѣлись. Ей хотѣлось броситься любимому человѣку на шею и сказать ему, что они не могутъ жить другъ безъ друга, и что лучше имъ умереть, чѣмъ разстаться; но ею тотчасъ же овладѣла досада на него за то, что онъ колебался, за то, что онъ былъ слабѣе ея и сваливалъ на нее всю страшную тяжесть рѣшенія. И между тѣмъ, какъ сердце ея раздиралось отъ противорѣчивыхъ ощущеній, она снова заговорила спокойно и почти холодно:

— Я согласна, что многое, если хотите, весьма многое говоритъ за то, чтобы вамъ остаться: вы пользуетесь здѣсь, въ нашихъ милыхъ горахъ, многими преимуществами, которыхъ вы нигдѣ не найдете въ другомъ мѣстѣ, какого бы положенія вы ни достигли. Я согласна, что вы очень связаны требованіями, которыя заявляетъ вамъ принцъ; но вы должны также сказать себѣ, что, служа принцу, вы служите тѣмъ сотнямъ людей, которые отъ него зависятъ и которымъ весьма чувствительна была бы утрата такого добраго, заботливаго человѣка. Затѣмъ, уваженіе, какое питаютъ къ вамъ и старики и дѣти; благодар-

ность, какую вы по праву заслужили и какою вамъ охотно здѣсь платятъ; хорошія отношенія со многими, добрыми людьми, не отличающимися быть можетъ умомъ и ученостью, но съ которыми однако ученый и умный человѣкъ не безъ удовольствія можетъ провести время; дружба, мало того, привязанность такого образованнаго, любезнаго, опытнаго человѣка, какъ принцъ... ну да что мнѣ перечислять выгоды вашего положенія, вы и безъ меня ихъ знаете, но при всемъ томъ...

— Но при всемъ томъ....

— Вы должны уѣхать по одной очень простой причинѣ. Здѣсь вы не можете стать тѣмъ, чѣмъ вамъ быть суждено, дать того, что вы призваны дать; а вѣдь вы не захотите «согрѣшить противъ святого духа». Когда вы явились сюда три года тому назадъ, вы задавались великими, научными планами. Планы остались планами, не взирая на досугъ, который вы здѣсь, повидимому, могли бы найти для большихъ, кропотливыхъ работъ. Почему? потому что вы, также какъ и всѣ мы здѣсь, дали себя убаюкать вѣчному однообразію тихихъ солнечныхъ дней, которые мы только коротаемъ; потому что вы нуждаетесь въ возбужденіи, какое человѣкъ находитъ лишь въ обществѣ тѣхъ людей, которые одинаково трудятся, одинаково борятся какъ и онъ самъ; потому что вы нуждаетесь въ толчкѣ, которымъ служатъ для всякаго возвышеннаго ума чужіе успѣхи. Мнѣ было больно глядѣть, какимъ обезкураженнымъ, какимъ глубоко печальнымъ вернулись вы недавно съ собранія естествоиспытателей. Тамъ вы на опытѣ провѣрили то, чему насъ учатъ въ школахъ: кто не двигается впередъ, тотъ идетъ назадъ! Тамъ вы видѣли людей моложе васъ, которыхъ усилія увѣнчались успѣхомъ, а вамъ приходилось стоять въ сторонѣ и говорить себѣ: я даромъ растратилъ свое время....

Щеки Гедвиги пылали, пока она такимъ образомъ говорила. Искусственное спокойствіе съ каждымъ словомъ уступало мѣсто страсти, бушевавшей въ ней. Не дожидаясь отвѣта своего спутника, она продолжала дальше, какъ бы разсуждая сама съ собой:

— Я знаю, что значитъ сознавать, какъ блѣднѣетъ мало-помалу свѣтлый идеалъ, къ которому мы стремимся въ молодости; чувствовать, что онъ все болѣе и болѣе удаляется отъ насъ, становится намъ чуждымъ, а если и мерещится по временамъ, то уже не вдохновляетъ насъ, какъ прежде, а повергаетъ въ глубокую, глубокую печаль. Я, дочь служителя, подвластная одной графской фамиліи, и я испытала это! А я только женщина; мы не смѣемъ заявлять требованій на высшую жизнь, мы можемъ толь-

ко страдать отъ низкой доли и ждать, когда будетъ конецъ. Но если я перенесусь въ душу мужчины, когда я представлю себѣ брата, друга, въ такомъ ужасномъ рабствѣ и подумаю, что онъ не разбиваетъ цѣпей во что бы то ни стало.... не знаю, но мнѣ кажется, что я не могла бы больше любить этого брата, друга. Я отказалась бы отъ того, кто самъ себя заживо похоронилъ.

Гедвига дернула поводья и отвела въ сторону голову своей лошади, которую та приблизила къ головѣ чужой лошади, пока спутники, занятые своей бесѣдой, ѣхали шагомъ.

— И это еще, начала она снова, одна только сторона, благодаря которой вы осуждены здѣсь на жизнь празднаго, до извѣстной степени, человѣка. Есть еще другія обстоятельства, которыя, по моему мнѣнію, столь же важны. Вы вынуждены, живя здѣсь, предоставить другимъ рѣшеніе вопросовъ, поднятыхъ въ настоящее время, какъ въ наукѣ, такъ и въ общественной жизни. Можете ли вы брать на себя такую отвѣтственность? Развѣ вы не обязаны, какъ всякій человѣкъ, занять мѣсто въ рядахъ этихъ великихъ бойцовъ. А возможно ли это, оставаясь здѣсь? Ничтожны усилія, которыя мы здѣсь дѣлаемъ: наши ремесленныя школы, гдѣ всего какихъ-нибудь три ученика, наши училища для молодыхъ дѣвушекъ, которыя намъ приходится закрывать по недостатку сочувствующихъ.... какъ все это жалко, какъ позорно для всякаго, кому стóитъ только захотѣть для того, чтобы дѣйствовать въ другомъ мѣстѣ, на болѣе обширномъ поприщѣ и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ! Развѣ не выше всего долгъ предъ родиною?

— У меня нѣтъ больше родины, сказалъ Германъ.

— Потому что вы ганноверецъ, и потому что Ганноверъ перестал̀ъ существовать, какъ самостоятельное государство? Потому что, какъ вы говорите, вы не желаете и не можете подчиниться такому насилію? Потому что вы полагаете, что, поступивъ на службу принца, вы нашли выходъ изъ дилеммы,—выходъ, помогающій вамъ избѣжать необходимости причислить себя къ числу сѣверогерманцевъ, къ которымъ вы теперь принадлежите, или сдѣлаться пруссакомъ въ собственномъ смыслѣ? Но вѣдь это не что иное, какъ странное ослѣпленіе! Развѣ нашъ принцъ—самостоятельный владѣтель оттого, что всѣ мы здѣсь вѣримъ въ эту фикцію, или по крайней мѣрѣ показываемъ видъ, что вѣримъ? Развѣ мы всѣ здѣсь не такіе же пруссаки, несмотря на то, что фрондируемъ противъ гогенцоллернской династіи? Къ тому же я вовсе не хочу обращать васъ въ пруссака, но нѣмцемъ вы обязаны быть; вы обязаны жить и бороться ради той Германіи, которую мы всѣ носимъ въ своей груди. А развѣ это

возможно здѣсь? Здѣсь, въ этой тѣсной долинѣ, среди этихъ горъ, за которыя даже слабыя крылья бабочки могутъ перенести ее, но которыя тѣмъ не менѣе закрываютъ отъ насъ широкій божій міръ, лежащій по ту сторону. Нѣтъ, нѣтъ! Ничего здѣсь нѣтъ хорошаго; изъ всего этого не выйдетъ ничего для васъ путнаго, никогда, никогда! А потому я говорю вамъ: уѣзжайте, такъ какъ самый трудный шагъ сдѣланъ, такъ какъ вы пришли къ убѣжденію, что вы должны уѣхать. Я прошу, я умоляю васъ, думайте только о себѣ. Не думайте о насъ, о принцѣ, обо мнѣ! Вѣрьте мнѣ:

Великодушный другъ
Товарищу по плѣну
Бѣжать не запретитъ!

Стихи это вспомнились Гедвигѣ нечаянно, и ей очень хотѣлось произнести ихъ съ беззаботностью человѣка, котораго чувство вполнѣ свободно, такъ что онъ позволяетъ себѣ подкрѣпить свое мнѣніе посторонней цитатой. Но слова поэта, казалось, переполнили чашу ея страданій; послѣднее слово заглушилось истерическимъ рыданіемъ, и слезы неудержимо потекли по ея щекамъ. Въ тоже самое время она пустила лошадь въ галопъ, а въ это время изъ-за выступа, который образовали тутъ горы, показался рейткнехтъ. Выбравшись изъ лѣса и окинувъ глазами всю дорогу до самаго зáмка, онъ скоро убѣдился, что его госпожа поѣхала по другой дорогѣ. Тогда онъ поспѣшно повернулъ назадъ и теперь, посторонясь съ дороги и приподнявъ шляпу, пропустилъ впередъ госпожу вмѣстѣ съ докторомъ, а самъ поѣхалъ за ними слѣдомъ. Но напрасно нарушилъ онъ на этотъ разъ этикетъ и ѣхалъ ближе отъ господъ, чѣмъ полагалось, напрасно напрягалъ свой слухъ, стараясь ловить слова.

Разговоръ былъ конченъ, продолжать его было нé-зачѣмъ. Гедвига ѣхала, сосредоточивъ, повидимому, все свое вниманіе на дорогѣ, и ни единымъ взглядомъ не требуя отвѣта отъ своего молчаливаго спутника. Да и что ему было отвѣчать? сказать: я уѣду! тогда какъ сердце протестовало и твердило: я не могу уѣхать, и теперь менѣе, чѣмъ когда-либо! Онъ былъ золъ на себя за то, что не могъ рѣшиться, не могъ оторваться, за то, что у него не хватало духу перескочить вмѣстѣ съ своимъ конемъ черезъ низкую ограду дороги и броситься въ пропасть. Онъ выходилъ изъ себя.

Такъ доѣхали они до шоссе и миновали гостинницу «Трехъ-Форелей». У дверей ея стояли только-что прибывшіе путешественники и спрашивали кельнера: не принцъ ли съ принцессой

этотъ господинъ и эта дама, которые проѣхали мимо? На это имъ отвѣчали, что собственно никакой принцессы не существуетъ, а есть только жена принца, такъ какъ ея свѣтлость принцесса умерла уже дватцать пять лѣтъ тому назадъ, а эта госпожа приходится его свѣтлости женой «съ лѣвой руки». Господинъ, проѣхавшій съ госпожей,—это ихъ домашній докторъ, очень милый, любезный человѣкъ, котораго здѣсь всѣ любятъ, хотя онъ не здѣшній, а изъ Ганновера.

Между Гедвигою и докторомъ не было больше произнесено ни слова, и они оставили лошадей скакать, пока тѣ не пронеслись черезъ мостъ въ темныя ворота и не остановились на дворѣ зáмка.

Германъ соскочилъ съ лошади и помогъ Гедвигѣ сойти на землю. Она, не поднимая глазъ, поблагодарила его однимъ наклоненіемъ головы и въ ту же минуту исчезла въ подъѣздѣ зáмка.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

— Если ты только опять не наглупилъ! сказала супруга совѣтника Ифлера, прохаживаясь съ нимъ почти въ это же самое время въ своемъ саду между свѣжими грядами спаржи.

Они вели жаркую бесѣду, между тѣмъ, какъ дочь ихъ, Лиза, хлопотала въ верандѣ, позади дома, около накрытаго для ужина стола, давно уже ожидавшаго гостей, и зажигала свѣчи.

— Но, милый другъ, прервалъ совѣтникъ робко....

— Дашь ты мнѣ однако договорить! продолжала супруга разсерженнымъ голосомъ. Если ты дѣйствительно такого мнѣнія, если ты хочешь выдать ее за доктора, то тебѣ слѣдовало дать понять фонъ-Цейзелю и отдѣлаться отъ него на сегодняшній вечеръ во что бы то ни стало. Но въ томъ-то и бѣда, что ты никогда не дѣлаешь того, что слѣдуетъ, и никогда не знаешь, чего ты хочешь. Вчера еще ты говорилъ: «еслибы Цейзель заикнулся только....», а сегодня....

— Но, милое дитя, сказалъ совѣтникъ.

— Ну, дай-же мнѣ хоть разъ досказать до конца!... А сегодня уже опять ты твердишь: «еслибы докторъ Горстъ наконецъ объяснился со мной»... и все это потому, что его свѣтлость спросилъ: въ какихъ вы отношеніяхъ съ докторомъ? Какъ будто завтра онъ не можетъ спросить: въ какихъ вы отношеніяхъ съ Цейзелемъ?

— Но это невозможно, сказалъ совѣтникъ.

— Съ чего ты это взялъ? почёмъ ты знаешь: можетъ, ему просто хотѣлось удостовѣриться, что у насъ съ докторомъ ни-

И все сильнѣй и сильнѣй разыгрывалась фантазія! ему казалось, что онъ не забылъ ни одной изъ безчисленныхъ сценъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ее въ теченіи этихъ послѣднихъ трехъ лѣтъ; ни одной минуты, когда онъ съ ней бесѣдовалъ въ салонѣ, въ саду, на гуляньѣ, въ лѣсу; что все это въ этотъ полуночный часъ тѣснилось къ нему изъ мрака прошлаго, носилось надъ нимъ, жадно ловило его и манило за собой въ мрачную глубину.

Германъ сжималъ руками свои виски, которые сильно бились. Онъ смутно сознавалъ, что на этомъ пути гнѣздится безуміе. Онъ силился придти въ себя, лечь въ постель, заснуть.

Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста съ дикимъ воплемъ. Ему ясно, поразительно ясно представилась она въ объятіяхъ—графа! Онъ наклонился къ ней, и она глядѣла на него тѣми же самыми глубокими, темными, задумчивыми глазами, въ которыхъ впервые зажглась любовь.

— Въ *его* объятіяхъ! простоналъ Германъ. Только тутъ опомнился юноша и замѣтилъ, что все это сонъ, что онъ никогда не видывалъ графа даже на портретѣ, и что онъ, должно быть, окончательно рехнулся, если вообразилъ ее въ объятіяхъ этого человѣка, который когда-то сталъ ей поперегъ дороги, пріѣзда котораго она ожидала съ величайшимъ безпокойствомъ, котораго она очевидно также ненавидѣла, какъ и онъ ее... Ненавидѣть! какъ можетъ ненавидѣть ее тотъ, кто ее знаетъ? А онъ зналъ ее цѣлые годы до того, и завтра онъ сюда пріѣдетъ, а я долженъ уѣхать, она сама меня гонитъ!...

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ онъ, тысячу разъ нѣтъ! думать такъ—предательство относительно ее, предательство относительно меня самого! И трусъ тотъ, который вызываетъ привидѣніе для того, чтобы ничего больше не видѣть, ничего не слышать и спрятать голову подъ одѣяло.

Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежало письмо. Онъ вспомнилъ только теперь, что слуга, свѣтившій ему, сказалъ, что его свѣтлость прислалъ записку.

Германъ сломалъ печать. Записка гласила слѣдующее:

«Мой молодой другъ, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ лечь спать, исправить несправедливость, съ какой я отнесся къ вамъ сегодня. Вы хотите уѣхать. Мнѣ не слѣдуетъ васъ удерживать, когда васъ самихъ ничто больше не удерживаетъ. Не стану говорить вамъ, какъ мнѣ тяжело васъ отпустить, потому что это наложитъ на васъ новыя цѣпи. Итакъ, пусть будетъ рѣшено. Кто, какъ я, дожилъ до сумерекъ жизни и близится къ закату, тотъ

и описать не можетъ. Ну, разумѣется, онъ тотчасъ же оправился и заговорилъ о прекрасномъ утрѣ, спросилъ, откуда идетъ Лиза, и куда она идетъ, да такимъ образомъ прошелъ съ ней всю дорогу до самой сторожки у воротъ парка, и все время велъ самыя странныя рѣчи: будто на свѣтѣ существуетъ одно только несчастіе, когда никто насъ не любитъ, и что когда Лиза выйдетъ замужъ, то она должна очень любить своего мужа, потому что она такая добрая и славная дѣвушка. А когда Лиза, чтобъ сказать ему хоть что-нибудь, замѣтила: «я никогда не выйду замужъ, ваша свѣтлость» — то онъ остановился, опять странно поглядѣлъ на нее и сказалъ, что она должна выдти замужъ, что ея мужъ будетъ счастливый человѣкъ. Затѣмъ онъ нѣсколько разъ пожалъ ей руку и медленно пошелъ назадъ, и Лиза говоритъ, что она видѣла издали, какъ онъ нѣсколько разъ прикладывалъ платокъ къ глазамъ. Развѣ это не странно?

— Очень, очень странно, возразилъ совѣтникъ. Но что же ты изъ этого выводишь?

— Я вывожу изъ этого, сказала Ифлеръ, что я права, и что повадится кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить, а также и то, что мы еще увидимъ, чѣмъ все это кончится.

— Совершенно справедливо! сказалъ совѣтникъ, но....

— Ты меня съума сведешь своими *но*, заговорила Ифлеръ рѣзко; конечно, мнѣ слѣдовало бы давно уже знать, что у тебя нѣтъ искры любви къ своему ребенку; вѣдь ты же самъ сто разъ говорилъ, что собственно говоря *они* не женаты, что бракъ ихъ недѣйствителенъ, потому что на него не было получено согласія его величества, и что они всегда могутъ разойтись, безъ всякаго развода. Да и на послѣднемъ придворномъ балѣ, прошлою зимой, онъ разговаривалъ съ нею цѣлыхъ полчаса, такъ что и тогда еще всѣ это замѣтили. Да, наконецъ, желала бы я знать, чѣмъ лучше какая-нибудь особа, у которой родители Богъ-знаетъ кто, чѣмъ наша Лиза, которая такъ прелестно поетъ и играетъ на фортепіано, читаетъ по-французки и по-англійски и пишетъ стихи; и еслибы одѣть ее въ зеленый бархатъ, такъ она была бы настоящей принцессой, даромъ, что не умѣетъ ѣздить верхомъ, чему легко впрочемъ пособить, и я ужъ позаботилась бы объ этомъ... Да, но за то мой отецъ былъ придворнымъ проповѣдникомъ, а въ тебѣ всегда будетъ видѣнъ сынъ Ротебюльскаго городскаго писца: яблочко отъ яблони не далеко падаетъ.

Мадамъ Ифлеръ бросила на своего супруга уничтожающій взглядъ и поспѣшно направилась по аллеѣ къ дому, гдѣ уже раздавался звонкій голосъ фонъ-Цейзеля, который только-что явился. Совѣтникъ остался недвижимъ, словно оглушенный гро-

момъ. Чудная перспектива, которую только-что ему указали, совершенно ослѣпила его. Онъ смутно чувствовалъ, что, о чемъ сейчасъ толковала его жена, было легкомысленно, глупо и—такъ-сказать—до отвращенія безнравственно. Но въ тотъ самый моментъ онъ приподнялъ очки и поглядѣлъ на зàмокъ, въ высокихъ окнахъ котораго отражались послѣдніе лучи заходящаго солнца.

— Они, собственно говоря, не женаты, пробормоталъ онъ, и Лиза была бы удивительно какъ мила въ зеленомъ бархатѣ; а ѣздить верхомъ, она въ самомъ дѣлѣ можетъ еще научиться.

— Папà, папà! послышàлся нѣжный голосокъ совсѣмъ у него надъ ухомъ.

Совѣтникъ пробудился отъ своихъ мечтаній; передъ нимъ стояла Лиза; круглыя щечки ея были краснѣе обыкновеннаго, а свѣтло-голубые глаза блестѣли сильнѣе, чѣмъ когда-нибудь.

— Папà, папà, гдѣ ты? фонъ-Цейзель давно уже пришелъ и разсказываетъ такіе интересные анекдоты, а докторъ Горстъ только-что явился..... Отчего у тебя такой странный видъ, папà? Развѣ тебѣ не нравится мой нарядъ? Фонъ-Цейзель уже насказалъ мнѣ, по поводу его, цѣлую кучу комплиментовъ.

— Тебѣ пристало ходить въ шелку и въ бархатѣ, проговорилъ совѣтникъ растроганнымъ голосомъ.

— Что ты хочешь этимъ сказать, папà?

— Бѣдное, невинное дитя! Бѣдное, невинное дитя! прошепталъ совѣтникъ, притягивая къ себѣ молодую дѣвушку и цѣлуя ее въ лобъ.

— Ахъ, Боже мой, папà, ты сомнешь мой новый бантъ! вскрикнула Лиза съ нѣкоторой досадой, высвобождаясь изъ родительскихъ объятій, и поспѣшно побѣжала въ домъ.

— О, святая невинность! сказалъ совѣтникъ, выправляя свои воротнички. Какое странное положеніе! какое необыкновенное положеніе! Два жениха за разъ, а въ перспективѣ.... Слѣдуетъ принять выжидающее положеніе, не нужно торопиться, и ни за что не брать на себя какихъ-нибудь обязательствъ, ни въ какомъ случаѣ!

Общество сидѣло за ужиномъ. Фонъ-Цейзель разсказывалъ самые забавные анекдоты и затѣмъ ловко переходилъ въ такой чувствительный тонъ, что маленькое сердечко Лизы рѣшительно рвалось въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ очаровательный кавалеръ, покручивая свои бѣлокурые усики. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Лиза не была увѣрена въ себѣ, что скажетъ ему «*да*», еслибы серьезный докторъ, сидѣвшій по другую сторону, первый сказалъ рѣ-

шительное слово. Послѣ ея отца, докторъ несомнѣнно былъ самымъ уважаемымъ лицомъ въ за́мкѣ Роде, въ городкѣ Ротебюль и во всей окрестности вплоть до самой долины Роды съ одной стороны и уединенной горной деревеньки—съ другой. Вмѣстѣ съ тѣмъ «*frau Doctor*» было прекраснымъ ти́туломъ, который звучалъ почти также хорошо, какъ и дворянское «*gnädige Frau*»; а фонъ-Цейзель едвали когда-нибудь будетъ въ состояніи, при своемъ незначительномъ камер-юнкерскомъ содержаніи — а другихъ рессурсовъ у него не было — купить господское помѣстье, необходимое для «*gnädige Frau*».

Такимъ образомъ, молодой дѣвушкѣ удавалось, хотя не безъ нѣкотораго труда, относиться одинаково любезно и ровно къ обоимъ молодымъ людямъ, что́ до сихъ поръ и поощрялось ея родителями. Сегодня вечеромъ, напримѣръ, она замѣтила доктору, особенно мрачно настроенному, о трудностяхъ докторскаго призванія и затѣмъ съ дѣвической застѣнчивостью возражала на шутки фонъ-Цейзеля. Каково же было ея удивленіе, когда мамаша, хмуря лобъ, качая головой и подмигивая глазами, дала ей чувствовать, что отнюдь не довольна ея поведеніемъ, и когда папаша, у котораго она въ своемъ замѣшательствѣ вздумала искать помощи, отвѣчалъ ей тоже миганіемъ глазъ, покачиваніемъ головы и морщинами на лбу. Она попробовала-было, перемѣнивъ тонъ, пожурить доктора за его меланхолію, а фонъ-Цейзелю замѣтить, что пора ему перестать дурачиться и сдѣлаться серьезнымъ, какимъ собственно и подобаетъ быть мужчинѣ; но бѣдная дѣвушка, очевидно, никакъ не могла сегодня угодить родителямъ. Манеры мамаши принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ, а брови папаши чуть-чуть не касались парика.

Сознавая свою безпомощность, Лиза окончательно умолкла и ничего не возражала, когда мамаша объявила, что ея милое дитя весь день страдала отъ сильной головной боли, а потому ей давно пора спать. Но фонъ-Цейзель выходилъ изъ себя, что такой веселый вечеръ кончился такъ печально, и объявилъ, что желательно было бы распить еще бутылочку за здоровье барышни. Докторъ едва замѣтилъ отсутствіе дамъ, до того онъ былъ мраченъ и разстроенъ. Совѣтнику поневолѣ пришлось убѣдительнѣйше просить гостей, которые не трогались съ мѣста, распить съ нимъ еще бутылочку.

— Въ сущности я доволенъ, что мы останемся нѣсколько минутъ наединѣ, сказалъ фонъ-Цейзель. У меня весь вечеръ вертится на языкѣ вопросъ, который я не могъ позволить себѣ въ присутствіи дамъ. Умоляю васъ, ради самого неба, господа,

объясните мнѣ, если можете, что за странный тонъ царствовалъ сегодня за столомъ между его свѣтлостью и его супругой?

Совѣтникъ, который самъ дорого бы далъ, чтобы умѣть отвѣтить на этотъ вопросъ, таинственно покачалъ головой. Германъ всталъ и прошелся нѣсколько разъ взадъ и впередъ по садовой дорожкѣ, передъ верандой.

— Но подойдемъ къ дѣлу съ другой стороны, продолжалъ кавалеръ, а въ этомъ-то и вся загадка—*hinc illae lacrimae*, какъ мы говаривали въ школѣ: что́ побудило его свѣтлость къ приглашенію этихъ гостей—для котораго я, поистинѣ, не могу прибрать никакой основательной причины—когда супругѣ его—а ея желанія всегда были для него закономъ—оно, очевидно, приходится contre coeur? Я согласенъ, что его свѣтлость обязанъ выказывать извѣстное вниманіе графу, нашему наслѣдному принцу, но вѣдь все это возможно дѣлать на извѣстной дистанціи; между тѣмъ, приведенie въ порядокъ тирклицкаго наслѣдства такъ волнуетъ его свѣтлость, что это для меня просто непостижимо. Если четыре богемскія помѣстья, составляющія это наслѣдство, и могутъ казаться весьма значительнымъ имуществомъ бѣдному прусскому графу, то для его свѣтлости они составляютъ сущую бездѣлицу, и вы, совѣтникъ нашей канцеляріи, вѣроятно вели уже важные для его свѣтлости переговоры по этому вопросу?

Кавалеръ умолкъ; никто изъ присутствующихъ, казалось, не имѣлъ желанія или возможности отвѣчать на его вопросы.

— Вы, господа, тоже, кажется, напускаете на себя таинственное молчаніе, сказалъ кавалеръ, сердито смѣясь, и это нехорошо съ вашей стороны. Вамъ, право, нѣтъ причинъ скрываться отъ меня такимъ образомъ, какъ скоро рѣчь зайдетъ объ извѣстныхъ вещахъ.

— Я вовсе не имѣю въ виду ничего подобнаго, сказалъ совѣтникъ съ достоинствомъ. Кто можетъ глубже, чѣмъ я, сознавать солидарность, связывающую насъ всѣхъ съ свѣтлѣйшей особой нашего всемилостивѣйшаго господина? Кого, какъ не меня, можетъ всего сильнѣе озабочивать это посѣщеніе?

— Кого?! прервалъ фонъ-Цейзель съ лукавой усмѣшкой. Ну, я бы думалъ.... что супруга принца....

— Не пора ли домой? перебилъ Германъ, подходя къ столу.

— Ну, да побудьте же еще немного! вскричалъ кавалеръ, притягивая доктора къ стулу. Я пари держу, что вамъ также чертовски любопытно было бы знать, почему наша дама такъ замѣтно повѣсила свою хорошенькую головку и ея прекрасные глазки глядятъ печальнѣе, чѣмъ когда-либо, съ той самой минуты, какъ получено извѣстіе о смерти молодого графа Кази-

міра Тирклица и о томъ, что Штейнбургъ наслѣдуетъ ему. Мнѣ кажется, не все ли ей равно, кто наслѣдуетъ, Тирклицкая или Штейнбургская линія? Однако, здѣсь, по всей вѣроятности, замѣшаны личные интересы; но какіе? Я полагаю, что никто не можетъ лучше разъяснить намъ все дѣло, какъ нашъ почтенный хозяинъ, который присутствовалъ въ Висбаденѣ отъ начала до конца, когда заваривалась каша... Ну, полно! Многоуважаемый совѣтникъ, развяжите-ка свой язычекъ! Мы здѣсь между своими? Правда ли, что его свѣтлость подумывалъ вначалѣ о правильномъ бракѣ и что только Штейнбургъ помѣшалъ всему дѣлу?

— Была роковая минута въ жизни нашего всемилостивѣйшаго принца, сказалъ совѣтникъ, потягивая изъ стакана.

— Ахъ, я обожаю роковыя минуты, вскричалъ кавалеръ, и умоляю васъ, дорогой совѣтникъ, ради этой луны, которая такъ скромно свѣтитъ сквозь венеціанскій плющъ, ради пѣнія соловья, который такъ обворожительно заливается въ паркѣ, умоляю васъ, милый совѣтничекъ, разскажите намъ о роковой минутѣ, которую пережилъ нашъ принцъ!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Молодой кавалеръ слишкомъ усердно бесѣдовалъ съ бутылкой, чтобы замѣтить, какое странное выраженіе приняло лицо доктора при его послѣднихъ словахъ. Германъ былъ какъ на иголкахъ. Ему казалось преступленіемъ сидѣть тутъ спокойно и слушать, какъ сплетничали про женщину, которую онъ любилъ. И въ то же время на него нападалъ страхъ, что онъ выдастъ и ее и себя, если не будетъ сидѣть смирно и не покажетъ вида, что его также мало волнуютъ всѣ эти рѣчи, какъ и его собесѣдниковъ. Совѣтникъ же обрадовался обороту, какой принялъ разговоръ. Цѣлый день онъ дѣлалъ промахи, и теперь ему захотѣлось блеснуть своей проницательностью. Къ тому же то, о чемъ его просили разсказать, а именно исторія того союза, начало котораго было такъ необыкновенно, что конецъ не могъ быть совершенно нормальнымъ,—онъ думалъ объ этой исторіи весь вечеръ; для него сдѣлалось потребностью разсказать всю эту исторію, точно она могла послужить указаніемъ къ рѣшенію той трудной задачи, которую задала ему передъ тѣмъ жена. Онъ поправилъ свои воротнички, удостовѣрился, что парикъ на мѣстѣ, принялъ важный видъ и началъ такъ:

— Вы, господа, знаете мою промеморію....

Совѣтникъ пріостановился. Германъ подперъ голову рукой и не отвѣчалъ ни слова. Кавалеръ кивнулъ головой. Совѣтникъ продолжалъ:

— Я спросилъ не безъ умысла. Этотъ документъ, авторомъ котораго я могу назвать себя, по отношенію къ ученой постановкѣ и обработкѣ вопроса, — былъ, однако, написанъ по настоянію и, такъ сказать, подъ руководствомъ его свѣтлости. Хотя онъ изданъ годомъ позднѣе, когда ходъ событій удивительно какъ подтвердилъ наши предвидѣнія, но написанъ онъ еще осенью 1866-го года, то-есть немедленно по окончаніи войны и передъ поѣздкой на воды его свѣтлости, поѣздкой, которая должна была имѣть для всѣхъ насъ самыя важныя послѣдствія. Я упоминаю объ этомъ обстоятельствѣ, чтобы дать вамъ, господа, доказательство того, что послѣдовавшія событія нисколько не подѣйствовали на нашего принца; напротивъ, именно теперь, когда весь свѣтъ преклонился передъ золотымъ тельцомъ успѣха, онъ болѣе чѣмъ когда-либо проникнутъ святостью, ненарушимостью и неотчуждаемостью своихъ правъ. Мы пріѣхали въ Висбаденъ и нашли, что комнаты, которыя его свѣтлость занимаетъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ сряду, заняты однимъ семействомъ, прибывшимъ изъ Берлина: генеральшей, графиней Турловъ, съ дочкой-графиней и компаньонкой. Хозяинъ отеля, какъ онъ объявилъ и какъ то оказалось на дѣлѣ, приготовилъ для его свѣтлости цѣлый рядъ покоевъ, гораздо болѣе красивыхъ и комфортабельныхъ. Какъ будто бы его свѣтлости нужно было ѣхать на воды, чтобы жить въ великолѣпныхъ комнатахъ! Глейхъ, который всегда сопровождаетъ его свѣтлость, и я самъ, — мы оба были внѣ себя отъ негодованія; но его свѣтлость замѣтилъ съ меланхолической улыбкой, что это—знаменіе времени, что старыя, коренныя права больше не уважаются, что старое должно уступать новому, въ особенности когда это новое идетъ изъ Берлина, и намъ слѣдуетъ какъ можно скорѣе свыкаться съ этой мыслью. Въ такомъ же родѣ шутилъ онъ, когда я имѣлъ честь пить съ нимъ вечеромъ чай въ салонѣ, и естественно, что рѣчь зашла и о новыхъ постояльцахъ, занявшихъ наши комнаты. Вы знаете, любезный фонъ-Цейзель, что я спеціалистъ по части исторіи нѣмецкаго дворянства. Иначе мнѣ трудно было бы отвѣчать на вопросы его свѣтлости. Турловы не принадлежатъ къ старинному дворянству; ихъ, напримѣръ, еще и въ поминѣ не было, когда имя вашего рода, фонъ-Цейзель, встрѣчается во всѣхъ рыцарскихъ книгахъ и отчетахъ о турнирахъ...

— Тѣмъ не менѣе, фамиліи Турловъ больше повезло, чѣмъ намъ, замѣтилъ кавалеръ съ легкимъ вздохомъ.

— Конечно, то-есть это зависитъ отъ того, какъ мы смотримъ на вещи, сказалъ совѣтникъ. Турловы неоднократно располагали большимъ состояніемъ, обладали даже не разъ большими рыцарскими помѣстьями, потому что Бранденбургскій домъ, при дворѣ котораго они выступаютъ въ исторіи и гдѣ мы ихъ находимъ въ теченіи послѣднихъ трехсотъ лѣтъ, какъ они существуютъ исторически,—неоднократно осыпалъ ихъ милостями. Но никогда не владѣли они долго своими помѣстьями. Если и выдавался когда-нибудь богатый Турловъ, такъ сейчасъ сыновья его ухитрялись такъ устроить свои дѣла, что снова становились такими же бѣдняками, какъ и ихъ дѣдушка, а по большей части уже самъ владѣлецъ при жизни растрачивалъ то, что ему доставляли его заслуги на войнѣ и въ мирное время. Оттого въ провинціи, отвуда Турловы родомъ, сложилась поговорка: бѣденъ, какъ Турловъ! подобно тому, какъ въ другихъ мѣстахъ говорятъ: бѣденъ, какъ церковная крыса! Однимъ словомъ, Турловы представляютъ собою настоящій типъ того молодого, военнаго дворянства, которое можетъ процвѣтать только при дворѣ такихъ безпокойныхъ, воинственныхъ государей, каковы Гогенцоллерны, и всѣ перемѣны, какія совершаются въ судьбахъ феодальнаго сузерена, отражаются, какъ въ зеркалѣ, на его вассалахъ...

— Въ моихъ глазахъ это вовсе не дурная жизнь, сказалъ кавалеръ, крутя свои бѣлокурые усики.

— Да и въ моихъ также, поспѣшно возразилъ совѣтникъ, а всего менѣе въ глазахъ нашего всемилостивѣйшаго принца, который болѣе, чѣмъ кто-нибудь умѣетъ цѣнить вѣрность: онъ и въ тотъ вечеръ съ замѣтнымъ удовольствіемъ слушалъ то, что я ему разсказывалъ изъ исторіи Турловыхъ, особенно про Ганса фонъ-Турлова, который отличился въ семилѣтнюю войну, былъ произведенъ Фридрихомъ Вторымъ въ графское достоинство за свои заслуги, и о подвигахъ котораго до сихъ поръ сохранилось воспоминаніе въ прусской арміи. Точно также и убитый при Садовѣ послѣдній графъ былъ смѣлымъ кавалеристомъ, и его свѣтлость, внимательную доброту котораго мы всѣ цѣнимъ, выразилъ свое удовольствіе тѣмъ, что былъ потомъ очень любезенъ съ вдовой человѣка, который хотя и сражался за неправое дѣло, но все же палъ, какъ храбрый офицеръ и вѣрный вассалъ своего сузерена... Послѣ того, его свѣтлость отпустилъ меня; мнѣ и не снилось въ ту ночь то, что ожидало насъ на слѣдующее утро. Да и какъ могъ я это предвидѣть: изъ долголѣтняго опыта я зналъ, какъ его свѣтлость остороженъ въ сношеніяхъ съ посторонними лицами, какъ старательно избѣгаетъ онъ въ путешествіяхъ, а въ осо-

бенности на водахъ, столкновеній съ обществомъ. Само собою разумѣется, ея превосходительство генеральша Турлова заявила на слѣдующее же утро желаніе быть представленной мною его свѣтлости и вмѣстѣ представила ему графиню, свою дочь, извиняясь въ безпокойствѣ, причиненномъ ею. Но при всякихъ другихъ обстоятельствахъ это не повело бы ни къ какимъ дальнѣйшимъ отношеніямъ: его свѣтлость молча раскланялся бы съ дамами на прогулкѣ, и тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но посмотрите что вышло? Даже и въ настоящее время, когда у меня уже въ рукахъ ключъ къ этому чудесному явленію, мнѣ тѣмъ не менѣе представляется необыкновеннымъ то, что вечеромъ того же самаго дня мы пили чай въ нашихъ покояхъ, вмѣстѣ съ ея превосходительствомъ...

А за этимъ вечеромъ послѣдовало много другихъ; на прогулкахъ опять дружескія привѣтствія, даже общія катанья. Я не узнавалъ его свѣтлости, хотя и былъ очень благодаренъ за это *intermezzo* въ скучномъ однообразіи нашей жизни на водахъ; также и остальные посѣтители очень завидовали исключительности моего положенія. Ея превосходительство поспѣшила исполнить выраженное вскользь желаніе его свѣтлости и стала такъ разборчива на знакомства, что самъ его свѣтлость не могъ бы быть разборчивѣй. Такая нѣжная внимательность ея превосходительства была тѣмъ цѣннѣе, что между посѣтителями было не мало членовъ прусскаго дворянства, то-есть очень много знакомыхъ генеральши, въ особенности много офицеровъ, которые, по окончаніи войны, пріѣхали на висбаденскія воды возстановлять свои силы, и по всей вѣроятности охотно проводили бы послѣобѣденное или вечернее время въ обществѣ такихъ очаровательныхъ, пріятныхъ во всѣхъ отношеніяхъ, дамъ.

Такъ прожили мы счастливѣйшихъ семь дней, когда на восьмой его свѣтлость приходитъ ко мнѣ, очевидно сильно взволнованный:

— Мнѣ придется уѣхать; сюда явится господинъ, съ которымъ я не могу оставаться на водахъ, гдѣ вообще живутъ такъ тѣсно. Догадываетесь кто?

Ну-съ, господа, то былъ графъ Роде-Штейнбургъ! и что всего хуже, графъ ѣхалъ не только затѣмъ, чтобы лечиться отъ ранъ, полученныхъ при Садовѣ; онъ ѣхалъ ради свиданія съ нашими дамами, какъ его свѣтлость только-что услышалъ это изъ устъ самой генеральши. Она долго не рѣшалась объявить этой новости, потому что знала объ антипатіи нашего принца къ своему прусскому родственнику, и теперь ей тѣмъ мучительнѣе было объявить, что графъ Гейнрихъ очень друженъ съ ея

семействомъ, такъ какъ онъ былъ въ послѣдней войнѣ адъютантомъ графа Турлова. Вы можете представить себѣ волненіе нашего добраго принца. Конечно, онъ не любилъ также и своихъ чешскихъ кузеновъ, и, строго говоря, ему и не было причины любить ихъ. Но Тирклицы по крайней мѣрѣ всегда оставались вѣрны правому дѣлу; въ послѣдней войнѣ опять сражались за императора и имперію, и двое ихъ четырехъ сыновей стараго графа искупили геройской смертью свою, быть можетъ, не совсѣмъ безгрѣшную жизнь: необузданная жажда наслажденій—наслѣдственная черта въ Тирклицкой линіи. Но графы Штейнбургъ! Они, начиная уже съ дѣда—третьяго сына Эриха XXXIV, общаго родоначальника трехъ линій, какъ то вамъ извѣстно, господа —отпали отъ императора и имперіи! Его свѣтлость, поэтому, никогда не считалъ ихъ своими родственниками, о нихъ онъ никогда не говорилъ, если можно было уклониться отъ разговора, а если нельзя, то всегда называлъ ихъ измѣнниками! И вдругъ встрѣтиться съ послѣднимъ отпрыскомъ этой линіи, когда долгіе годы избѣгалъ всякой встрѣчи, когда нашъ принцъ никогда не жалъ руки ни одному Штейнбургу — это было тяжело, а еще тяжелѣе при мысли, что со смертью обоихъ графовъ Тирклицъ, этотъ графъ Гейнрихъ получалъ болѣе шансовъ на наслѣдство. Далѣе, представлялось, что графы Тирклицъ пали въ той самой войнѣ, изъ которой молодой графъ Штейнбургъ вышелъ, такъ сказать, побѣдителемъ, увѣшанный орденами, заслуживъ самое лестное отличіе отъ его величества!

Я уѣду! повторилъ принцъ нѣсколько разъ. Однако, мы не уѣхали; мы остались; графъ явился и сталъ ухаживать за старѣйшимъ въ своемъ родѣ; и хотя встрѣчу ихъ нельзя было назвать особенно дружеской, но молодой графъ отнюдь не имѣлъ причины жаловаться. Вы знаете нашего принца; онъ всегда ненавидитъ людей лишь мысленно; когда онъ ихъ видитъ передъ собой, и въ особенности, когда онъ можетъ имъ помочь, онъ забываетъ рѣшительно все, что думалъ и чувствовалъ передъ тѣмъ, и становится воплощенной благосклонностью и добротой.

Между тѣмъ нашъ всемилостивѣйшій принцъ могъ помочь графу самымъ прямымъ образомъ; и я долженъ здѣсь же упомянуть объ этомъ обстоятельствѣ ради причинной связи, хотя эта связь въ то время и была скрыта отъ меня, точно также какъ и все прочее, что̀ имѣло отношеніе къ этому обстоятельству, не было мнѣ сообщено изъ побужденій, которыя я уважаю.

Графъ былъ помолвленъ съ графиней Стефаніей, или почти-что помолвленъ. Но графъ былъ не только бѣденъ—я чуть-было не сказалъ, какъ Турловъ—но у него были также и значитель-

И все сильнѣй и сильнѣй разыгрывалась фантазія! ему казалось, что онъ не забылъ ни одной изъ безчисленныхъ сценъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ее въ теченіи этихъ послѣднихъ трехъ лѣтъ; ни одной минуты, когда онъ съ ней бесѣдовалъ въ салонѣ, въ саду, на гуляньѣ, въ лѣсу; что все это въ этотъ полуночный часъ тѣснилось къ нему изъ мрака прошлаго, носилось надъ нимъ, жадно ловило его и манило за собой въ мрачную глубину.

Германъ сжималъ руками свои виски, которые сильно бились. Онъ смутно сознавалъ, что на этомъ пути гнѣздится безуміе. Онъ силился придти въ себя, лечь въ постель, заснуть.

Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста съ дикимъ воплемъ. Ему ясно, поразительно ясно представилась она въ объятіяхъ—графа! Онъ наклонился къ ней, и она глядѣла на него тѣми же самыми глубокими, темными, задумчивыми глазами, въ которыхъ впервые зажглась любовь.

— Въ *его* объятіяхъ! простоналъ Германъ. Только тутъ опомнился юноша и замѣтилъ, что все это сонъ, что онъ никогда не видывалъ графа даже на портретѣ, и что онъ, должно быть, окончательно рехнулся, если вообразилъ ее въ объятіяхъ этого человѣка, который когда-то сталъ ей поперегъ дороги, пріѣзда котораго она ожидала съ величайшимъ безпокойствомъ, котораго она очевидно также ненавидѣла, какъ и онъ ее... Ненавидѣть! какъ можетъ ненавидѣть ее тотъ, кто ее знаетъ? А онъ зналъ ее цѣлые годы до того, и завтра онъ сюда пріѣдетъ, а я долженъ уѣхать, она сама меня гонитъ!...

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ онъ, тысячу разъ нѣтъ! думать такъ—предательство относительно ее, предательство относительно меня самого! И трусъ тотъ, который вызываетъ привидѣніе для того, чтобы ничего больше не видѣть, ничего не слышать и спрятать голову подъ одѣяло.

Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежало письмо. Онъ вспомнилъ только теперь, что слуга, свѣтившій ему, сказалъ, что его свѣтлость прислалъ записку.

Германъ сломалъ печать. Записка гласила слѣдующее:

«Мой молодой другъ, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ лечь спать, исправить несправедливость, съ какой я отнесся къ вамъ сегодня. Вы хотите уѣхать. Мнѣ не слѣдуетъ васъ удерживать, когда васъ самихъ ничто больше не удерживаетъ. Не стану говорить вамъ, какъ мнѣ тяжело васъ отпустить, потому что это наложитъ на васъ новыя цѣпи. Итакъ, пусть будетъ рѣшено. Кто, какъ я, дожилъ до сумерекъ жизни и близится къ закату, тотъ

— Я считалъ бы тотъ день, въ который это случилось, счастливѣйшимъ въ моей жизни, отвѣчалъ я.

— А какъ вы думаете, что́ бы сказалъ свѣтъ?

— Свѣтъ нашелъ бы, что вы хорошо поступили, ваша свѣтлость, возразилъ я. Ваша свѣтлость имѣли то несчастіе, что вашъ бракъ съ принцессой Эрнестиной остался бездѣтнымъ; ваша свѣтлость какъ разъ теперь имѣете самыя настоятельныя причины оплакивать послѣдствія этого несчастія. Что можетъ быть естественнѣе того, что ваша свѣтлость пожелали наконецъ пополнить этотъ пробѣлъ въ жизни.

— Немножко только поздно.

— Но не слишкомъ по́здно, возразилъ я. Вашей свѣтлости исполнилось шестьдесятъ два года, силы ваши въ полномъ цвѣтѣ; — владѣтельный домъ, который уже разъ отдалъ одну изъ дочерей вашей свѣтлости, конечно съ радостью...

— Не въ этомъ вовсе дѣло, сказалъ его свѣтлость. За этимъ, онъ взялъ одинъ изъ подсвѣчниковъ и оставилъ меня одного въ большомъ недоумѣніи, какъ вы, господа, можете себѣ представить. Союзъ съ однимъ изъ владѣтельныхъ домовъ конечно былъ единственный, который могъ одобрить авторъ «промеморіи о владѣтельномъ и графскомъ домѣ Роде»; и въ тотъ моментъ, когда дѣло шло о томъ, чтобы отстоять наше несомнѣнное право на мѣсто и голосъ въ высокомъ совѣтѣ сѣверо-германскаго союза, когда я такъ ясно доказалъ это право въ моей промеморіи; въ этотъ моментъ, говорю я, вторичный бракъ нашего принца съ принцессой крови былъ, такъ-сказать, политической необходимостью. И именно теперь могъ принцъ разсчитывать на сочувствіе, потому что медіатизированнымъ и лишеннымъ владѣній принцамъ былъ такой же интересъ доказать, что право остается правомъ, несмотря ни на какой произволъ и ни на какое насиліе.

«Но не въ этомъ дѣло», сказалъ принцъ, уходя. А въ чемъ же? Я почти не могъ сомкнуть глазъ всю ночь отъ мучительнаго ожиданія. На слѣдующій день я съ нетерпѣніемъ ждалъ дальнѣйшаго объясненія, какое мнѣ обѣщалъ принцъ.

День прошелъ однако безъ объясненія; его свѣтлость совершилъ въ обществѣ длинную прогулку, съ которой вернулись только вечеромъ. Я былъ приглашенъ на чай въ покои ея превосходительства. Наши были по обыкновенію одни. Общество, которое въ послѣднее время зачастую бывало у насъ нѣсколько пасмурно, сегодня оживилось, частью по крайней мѣрѣ. Ея превосходительство—необыкновенно умная, любезная дама—не давала разговору прекращаться; графиня Стефанія пѣла и играла;

его свѣтлость, почти не отходившій отъ фортепіано, казался въ восторгѣ и говорилъ графинѣ самые утонченные комплименты. Одинъ графъ былъ очень молчаливъ, что же касается молодой компаньонки, то она могла молчать и все равно не обратила бы вниманія на себя даже и самаго проницательнаго наблюдателя. Короче: я ушелъ изъ салона около одиннадцати часовъ въ убѣжденіи, что выборъ его свѣтлости остановился ни на комъ другомъ, какъ на графинѣ Стефаніи, и это объясняло, — принимая во вниманіе существующія отношенія,—странное настроеніе, въ какомъ я видѣлъ принца въ прошлую ночь.

Я не стыжусь сознаться, господа; я полагаю, что всякій другой на моемъ мѣстѣ впалъ бы въ ту же самую ошибку. Я повторяю, что не имѣлъ, да и не могъ имѣть, ни малѣйшаго понятія о настоящемъ положеніи дѣлъ, и будь я особенно проницательный человѣкъ, то и тогда я могъ опасаться одного только: въ рѣшительную минуту его свѣтлость и графъ могли очутиться въ положеніи соперниковъ. Теперь, разсмотримъ — думалъ я — дѣло съ политической точки зрѣнія: если его свѣтлость рѣшился избрать въ супруги графиню Стефанію, то это былъ во всякомъ случаѣ такой шагъ, который заводилъ насъ далеко съ избраннаго пути, по которому шли до сихъ поръ принцъ и его благородные предки. Но обстоятельства измѣняютъ положеніе вещей, и мнѣ, какъ политическому человѣку, такое направленіе было хотя и ново, однако не непонятно. Въ моихъ глазахъ это было жертвой, такъ сказать *un pis-aller*. При существующемъ ходѣ дѣлъ я могъ понять, могъ совмѣстить въ своей головѣ, что благодаря громаднымъ событіямъ, которыя только-что совершились на нашихъ глазахъ, и для насъ можетъ наступить новая эра. Боже милостивый! не мнѣ, а и великимъ людямъ приходилось волей-неволей примиряться съ обстоятельствами!

Вернувшись въ свою комнату, я погрузился въ эти соображенія. Я думалъ о своей промеморіи, которая уже была готова къ печати, а теперь, очевидно, должна остаться ненапечатанной; я даже мысленно принялся ее передѣлывать. Было очень поздно, а я не могъ рѣшиться лечь въ постель; мнѣ все казалось, что разгадка, которой я жаждалъ, будетъ мнѣ дана сегодня же ночью, и мое предчувствіе меня не обмануло.

Около двухъ часовъ — мнѣ памятны малѣйшія подробности этой замѣчательной ночи! — я услышалъ поспѣшные шаги въ корридорѣ, порывистый стукъ въ мою дверь и прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать «войдите!» его свѣтлость былъ уже у меня. Никогда не позабуду я этой минуты. Съ часъ тому назадъ, я

видѣлъ его во фракѣ, онъ разговаривалъ съ дамами, улыбался съ той важной сдержанностью, которая такъ идетъ къ нему. Теперь онъ стоялъ передо мной безъ галстуха, съ разстегнутой рубашкой, съ взъерошенными волосами; но всего ужаснѣе было то, что самъ онъ, повидимому, вовсе не замѣчалъ этого, что онъ очевидно потерялъ сознаніе времени и мѣста, какъ это бываетъ съ лунатиками.

Какъ лунатикъ, съ искаженнымъ лицомъ и неподвижными глазами, принялся онъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, не говоря ни слова, и я полагаю, что онъ также бы молча ушелъ, какъ и пришелъ, еслибы я наконецъ не рѣшился и не сталъ умолять его нарушить молчаніе и удостоить довѣріемъ самаго стараго и самаго вѣрнаго изъ своихъ слугъ. Я осмѣлился въ то же самое время замѣтить, что я понимаю его сомнѣнія, но что, въ концѣ концовъ, я всенижайше и съ полнымъ убѣжденіемъ одобряю выборъ, который оправдывается современнымъ политическимъ положеніемъ дѣлъ.

— Это радуетъ меня, сказалъ онъ, тѣмъ болѣе радуетъ, что я этого совсѣмъ отъ васъ не ожидалъ.

— Бракъ вашей свѣтлости съ графиней Стефаніей, началъ-было я...

— Чтó, вы шутите? вскричалъ его свѣтлость, подскочивъ на стулѣ, на который онъ только-что бросился передъ тѣмъ. Чтó вы толкуете о графинѣ Стефаніи! Ея бракъ съ графомъ Гейнрихомъ—дѣло рѣшеное! Я вчера уже покончилъ съ моимъ кузеномъ и сдѣлалъ всевозможныя уступки молодой четѣ! Дѣло рѣшено, окончательно рѣшено. Для нихъ! но для меня? Боже мой, Боже мой!

Вы, господа, можете представить себѣ мой ужасъ. Одну минуту я серьезно думалъ, что принцъ лишился разсудка. Вы смѣетесь, добрѣйшій фонъ-Цейзель, но я увѣренъ, что будь вы на моемъ мѣстѣ, вы растерялись бы точно также, какъ и я. Съ часъ тому назадъ вы вздумали утверждать, что свѣтъ, показавшійся позади зáмка, есть не что иное, какъ зарево пожара, и очень напугали моихъ дамъ. Ну, теперь, когда луна взошла на небо и свѣтитъ къ намъ въ бесѣдку, вамъ конечно легко утверждать, что вы съ самаго начала знали, что это луна. Кто теперь видитъ жену принца въ зеленомъ бархатномъ платьѣ, когда она красуется на конѣ и скачетъ по двору зáмка, или же принимаетъ гостей, на одномъ изъ нашихъ зимнихъ баловъ, въ зеркальной залѣ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, тотъ конечно не узнаетъ семнадцатилѣтней дѣвочки, которая въ тотъ памятный вечеръ стояла въ простомъ, черномъ платьѣ за чайнымъ столомъ

ея превосходительства и только тогда раскрывала ротъ, когда съ ней заговаривали, что̀ случалось не часто. Въ такой обстановкѣ я видѣлъ ее тогда, два часа тому назадъ. Какъ могъ я думать, какъ могъ я подозрѣвать, что именно она околдовала нашего принца, который вообще такъ застѣнчивъ съ женщинами, такъ сдержанъ, такъ разсудителенъ можно сказать!

Я употребляю слово въ его настоящемъ смыслѣ, господа, потому что только колдовствомъ могу я себѣ объяснить то, что̀ тогда произошло. Дочь сержанта, который позднѣе былъ въ отелѣ генерала чѣмъ-то въ родѣ дворецкаго, дѣвушка, которую — я говорю это друзьямъ, на скромность которыхъ полагаюсь, — ни въ какомъ случаѣ нельзя было поставить выше камеръ-юнгферы и которая въ эту минуту занимала среднее положеніе между камеръ-юнгферой и компаньонкой графини Стефаніи; съ другой стороны, нашъ благородный принцъ, потомокъ рода, который процвѣталъ цѣлую тысячу лѣтъ, который въ моей промеморіи только-что заявлялъ передъ всѣми кабинетами Европы свое право на мѣсто и голосъ между государями Германіи, — я предоставляю вамъ, господа, вообразить, каково было мое горестное удивленіе, когда я убѣдился, что невозможное становится возможнымъ, несомнѣннымъ, что нашъ всемилостивѣйшій принцъ желалъ взять эту дѣвушку себѣ въ супруги...

И вотъ, любезный фонъ-Цейзель, что̀ я позволилъ себѣ назвать роковой минутой въ жизни нашего принца. Я, господа, человѣкъ безусловно проникнутый святостью долга, а потому, и въ эту трудную минуту я исполнилъ свой долгъ и высказалъ его свѣтлости мое всенижайшее, но неизмѣнное мнѣніе, а именно слѣдующее: ему—говорилъ я—нельзя оправдать своего поступка, ни передъ Богомъ, ни передъ самимъ собой, ни передъ памятью его высокородныхъ предковъ, ни передъ судомъ живыхъ людей, ни передъ исторіей, ни передъ настоящимъ.

Я не знаю, насколько убѣдили эти доводы его свѣтлость; къ счастью у меня былъ еще аргументъ in petto:

— Къ тому же, ваша свѣтлость, сказалъ я, дѣло это почти невозможное; по крайней мѣрѣ прусское государственное право допускаетъ только «бракъ съ лѣвой руки» между особами изъ высшаго дворянства и изъ низшихъ бюргерскихъ классовъ.

— Съ какихъ поръ для меня обязательно прусское государственное право? вскричалъ его свѣтлость.

— De facto всегда, осмѣлился я возразить, но также и de jure, если ваша свѣтлость такъ торжественно отказываетесь отъ святой обязанности государей вступать въ бракъ только съ равными себѣ по рожденію.

— Ну, допустимъ прусское государственное право, сказалъ его свѣтлость. Весь вопросъ, сколько я знаю, спорный. Допустимъ даже, что опредѣленія государственнаго права на счетъ брака съ лѣвой руки настолько же не подлежатъ спору, насколько и подлежатъ, а во многихъ случаяхъ даже оспаривались, — но унтеръ-офицеры, сержанты и фельдфебели арміи, согласно постановленію Фридриха Второго въ 1774-мъ году, не принадлежатъ къ низшимъ бюргерскимъ сословіямъ. Поэтому ничто съ этой стороны не препятствуетъ моему браку.

Вы, господа, согласитесь, что это была роковая, весьма роковая минута—эта была самая злополучная минута въ жизни нашего всемилостивѣйшаго принца. Но я уже замѣтилъ раньше: принцъ былъ похожъ въ эту ужасную ночь на сумасшедшаго, онъ былъ внѣ себя; я никогда не видывалъ его такимъ ни прежде, ни послѣ этого, и слава тебѣ Господи! Лишь мало-помалу удалось мнѣ его успокоить. Его послѣднее замѣчаніе доказало мнѣ, что онъ самъ уже обдумывалъ возможность брака съ лѣвой руки, и вы легко поймете, что я постарался извлечь изъ этого пользу для себя. Противъ такого брака я, само собой разумѣется, ничего не имѣлъ; я припомнилъ его свѣтлости еще въ ту же ночь о подобномъ же случаѣ въ исторіи его дома, а позднѣе, при болѣе точномъ изслѣдованіи, открылъ еще второй подобный случай.

— На это она никогда не согласится, сказалъ его свѣтлость.

— Да ваша свѣтлость дѣлали ей предложеніе или нѣтъ? спросилъ я.

Здѣсь его свѣтлости пришлось волей или неволей посвятить меня въ свои отношенія къ молодой особѣ, которыя во всякомъ случаѣ заключали для меня много изумительнаго. Я узналъ, что его свѣтлость, такъ сказать, съ первой же минуты почувствовалъ сильнѣйшую страсть къ молодой особѣ, что онъ заранѣе имѣлъ въ виду, цѣной согласія своего на бракъ графа съ графиней Стефаніей, купить право на бракъ съ нею; что онъ съ его извѣстной, трогательной застѣнчивостью, съ какой онъ всегда относился къ женскому полу, не осмѣливался и до сихъ поръ не осмѣлился бы объясниться, еслибы не засталъ сегодня на прогулкѣ молодую дѣвушку одну и въ большомъ горѣ, и такимъ образомъ ему представилось удобное время и мѣсто для объясненія. Какъ было принято это объясненіе? Нашъ добрый принцъ, строго говоря, не былъ въ состояніи дать себѣ отчета, и эта тяжелая неизвѣстность и была причиной ужаснаго волненія, въ какомъ онъ находился.

— Я нахожусь въ такомъ же точно состояніи духа, сказалъ онъ, какъ подсудимый, котораго могутъ приговорить къ смерти, и которому уже прочитали и приговоръ, но онъ въ своемъ волненіи не разслышалъ, какъ было сказано: «виновенъ» или «не виновенъ».

— Не угодно ли будетъ вашей свѣтлости поручить мнѣ дальнѣйшее веденіе этого щекотливаго дѣла, сказалъ я тутъ. Ваша свѣтлость ни подъ какимъ видомъ не должны подвергать себя риску услышать отказъ.

Я конечно нисколько не вѣрилъ въ возможность этого отказа; но мнѣ казалось, что давно пора дипломатіи выступить впередъ, вмѣсто личной страсти; былъ ли нашъ принцъ того же самаго мнѣнія, или же силы измѣнили ему, но только я получилъ желаемое позволеніе, и на слѣдующее же утро, такъ рано, какъ только позволяли приличія, отправился съ визитомъ къ молодой дѣвушкѣ.

Вы, господа, конечно не ожидаете, чтобы я сталъ разсказывать о дальнѣйшемъ ходѣ этого дѣла съ откровенностью, которой мнѣ никогда не позволитъ уваженіе къ нашему принцу, также какъ и моя присяга. Я скажу только, что мнѣ случалось вести много важныхъ и щекотливыхъ дѣлъ, но не было ни одного, въ которомъ бы я такъ часто становился въ тупикъ. Я пришелъ въ полной увѣренности, что мнѣ будетъ стоить большого труда уговорить молодую дѣвицу согласиться на мое предложеніе, и съ радостнымъ удивленіемъ встрѣтилъ такое равнодушіе ко всякаго рода формамъ, такое, если можно такъ выразиться, самоотреченіе, что роли въ нѣкоторомъ отношеніи совершенно перемѣнились, и мнѣ самому пришлось настаивать на необходимости законной санкціи союза. Да, вѣроятно, мнѣ бы и совсѣмъ не удалось побѣдить непостижимое для меня тогда,— и до сихъ поръ неразъясненное, — отвращеніе даже и къ этой довольно свободной формѣ брака, еслибы нашъ принцъ въ тайной бесѣдѣ, которая происходила въ теченіи того же утра, не съумѣлъ настоять на своемъ. По крайней мѣрѣ я могъ это заключить изъ успѣха, хотя и нашему принцу побѣда не легко досталась. Я какъ будто вижу, какъ по окончаніи этой бесѣды онъ вошелъ въ салонъ, гдѣ я его дожидался, невѣрной поступью, блѣдный, потрясенный, безнадежный и бросился на стулъ, сжимая руками лобъ, такъ что я въ первую минуту подумалъ, что все пропало, пока наконецъ на мои почтительные разспросы не послѣдовало отвѣта:—Да, да, она согласна! и мы уѣзжаемъ отсюда сегодня же вечеромъ.

— Сегодня вечеромъ! вскричалъ я въ изумленіи, которое вы легко поймете, господа; а церковная церемонія! а высокіе родственники! а согласіе его величества, которое совершенно необходимо для того, чтобы бракъ, хотя бы съ лѣвой руки, считался дѣйствительнымъ.

— Мы уѣзжаемъ сегодня вечеромъ! повторилъ его свѣтлость такъ рѣзко, что я не посмѣлъ возражать.

Ну-съ, господа, вамъ извѣстно, что привилегія высокопоставленныхъ лицъ—садиться всегда за накрытый столъ и никогда не видѣть, какъ его накрываютъ; послѣднее достается намъ грѣшнымъ. Такъ было и со мной тогда, послѣ того какъ принцъ дѣйствительно уѣхалъ въ Италію въ тотъ же самый вечеръ съ своей молодой супругой, въ сопровожденіи Глейха и камеръ-юнгферы, которую пріискали второпяхъ. Меня же оставили для приведенія въ порядокъ разныхъ щекотливыхъ дѣлъ; мнѣ была предоставлена между тѣмъ затруднительная задача принять, такъ сказать, на свою отвѣтственность передъ дамами и графомъ все то, что случилось. Я долженъ сознаться, задача была не изъ легкихъ. Ея превосходительство, графиня-мать, хотя она и весьма любезная, превосходная женщина, не могла скрыть своего глубокаго потрясенія при разсказѣ о случившемся; и мнѣ стоило не малаго труда доказать ей, что я былъ въ этомъ дѣлѣ ни при чемъ. Еще менѣе, чѣмъ графиня-мать, могла графиня Стефанія пріискать мягкія выраженія для передачи своихъ ощущеній; но самый тяжелый оборотъ дѣло приняло, когда пришлось сообщить о немъ графу Гейнриху. Когда я передалъ случившееся отъ имени принца, то онъ поблѣднѣлъ и съ минуту стоялъ безмолвный. Затѣмъ онъ рѣзко вскричалъ: я протестую противъ этого! и повторилъ это нѣсколько разъ; и даже тогда, когда я сказалъ ему, что дѣло шло о бракѣ съ лѣвой руки, онъ отнюдь не хотѣлъ успокоиться. Если бы я не зналъ, что графъ давно уже оффиціозно, а со вчерашняго дня и оффиціально помолвленъ съ графиней Стефаніей, то подумалъ бы, что у него самого... были совсѣмъ иныя намѣренія. Конечно, ни въ чемъ подобномъ нельзя заподозрить гордаго графа, когда познакомишься съ нимъ и ближе его узнаешь; но тогда для меня графъ былъ относительно мало извѣстной личностью, которую я не могъ съ разу понять. Право, трудно повѣрить, когда видишь рядомъ его свѣтлость и графа, что Эрихъ XXXIV—ихъ общій родоначальникъ, и что нашъ принцъ доводится двоюроднымъ дѣдушкой молодому графу.

Но долголѣтнее пребываніе въ прусской службѣ сдѣлало изъ Штейнбурговъ совсѣмъ другихъ людей. Прусская служба, гос-

пода, это—удивительное дѣло вообще. Въ ней есть что-то рѣзкое, неподдающееся шлифовкѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ она щеголяетъ вѣжливостью, которой слѣдуетъ остерегаться. Я узналъ это тогда на опытѣ. Нашъ всемилостивѣйшій принцъ, какъ онъ сообщалъ мнѣ, когда поручилъ мнѣ вести переговоры, назначилъ молодой четѣ значительное ежегодное содержаніе и взялъ на себя уплату громадныхъ, какъ я уже сказалъ, долговъ графа. Онъ поручилъ мнѣ также намекнуть, но именно лишь намекнуть, что ему было бы пріятно, еслибы графъ, послѣ своей свадьбы, оставилъ прусскую службу. Но это оказалось лишь искрой, брошенной въ порохъ.—Я ни за что въ мірѣ не уступлю чести быть прусскимъ офицеромъ, вскричалъ графъ, тѣмъ менѣе за нѣсколько жалкихъ тысячъ годового содержанія, которыми думаетъ его свѣтлость купить у меня эту честь! Да, онъ отказался даже принять капиталъ, который его свѣтлость предоставилъ ему получить для уплаты долговъ.—Ничего я не хочу отъ него, ни большого, ни малаго, сказалъ онъ, я до сихъ поръ обходился безъ него, и на будущее время также обойдусь съ божьей помощью и милостью моего государя. Да и долго ли будетъ лежать у меня это бревно на дорогѣ! Повѣрьте мнѣ, любезный совѣтникъ, Штейнбурги будутъ подолговѣчнѣй, чѣмъ Ротебюли и Тирклицы вмѣстѣ взятые...

Ну-съ, господа, послѣднее предсказаніе исполнилось скорѣе, чѣмъ я или кто-нибудь другой могли тогда предполагать. Кто бы могъ тогда думать, что линія Тирклицъ, которая до войны имѣла пять представителей, а послѣ войны все еще трехъ, вскорѣ будетъ имѣть только двухъ, затѣмъ одного, а со смертью молодого графа Казиміра совершенно угаснетъ? Я сознаюсь, господа, что мнѣ становится страшно, когда я объ этомъ подумаю; а въ особенности, когда я подумаю, что завтра мы будемъ привѣтствовать въ лицѣ этого графа нашего будущаго властителя. Но если для насъ это важное событіе можетъ быть названо обоюдоострымъ, то безъ опасенія быть обвиненнымъ въ нескромности, я могу утверждать, что оно для супруги принца...

— Пойдемте домой, прервалъ неожиданно Германъ, вставая и какъ-бы выходя изъ забытья, въ какое онъ, казалось, впалъ во время повѣствованія совѣтника.

— Такъ возьмите же по крайней мѣрѣ и меня съ собой, закричалъ фонъ-Цейзель, опоражнивая стаканъ и приподнимаясь съ мѣста.

Совѣтникъ не зналъ, что ему думать объ этомъ внезапномъ перерывѣ. Онъ отлично велъ свой разсказъ и только-что соби-

рался перейти къ настоящей темѣ разговора. Напрасно старался онъ уговорить своихъ гостей остаться дольше. Нѣсколько минутъ спустя, они уже шли рядомъ по шоссе, окаймленному тамъ-и-сямъ кустарникомъ, которое извилистой лентой вело вверхъ по холму къ замку. Кавалеръ былъ очень возбужденъ, благодаря выпитому съ излишкомъ вину, и затянулъ пріятнымъ теноромъ пѣсенку, въ которой говорилось о не совсѣмъ чистыхъ отношеніяхъ одного благороднаго пажа къ бюргерской дѣвушкѣ. Затѣмъ онъ остановился и предложилъ своему спутнику: биться съ нимъ не на животъ, а на смерть, въ этотъ полуночный часъ на перекресткѣ, мимо котораго они только-что прошли, при свѣтѣ луны, прятавшейся за облаками, — за ту, которую онъ называлъ «die Eine, die Reine, die Kleine, die Meine» — а именно за Лизу Ифлеръ; затѣмъ сдѣлался почти серьезнымъ и повѣдалъ своему спутнику, въ какомъ странномъ положеніи находится онъ относительно дамы своего сердца.

— Видите ли, докторъ, сказалъ онъ, съ нами Цейзелями повторяется таже исторія, что и съ Турловыми, только немножко похуже. Мы также съ незапамятныхъ временъ состоимъ вассалами нашего леннаго господина, съ тою только разницей, что принцы Роде-Ротебюль не возвели насъ въ графское достоинство, да и не могли этого сдѣлать при существующихъ обстоятельствахъ. Но я чувствую себя отъ этого не менѣе благороднымъ, и дѣйствительно не менѣе благороденъ, чѣмъ какая угодно фамилія въ Германіи. И хотя другія, побочныя вѣтви моей фамиліи все болѣе и болѣе погрязаютъ въ бюргерскомъ образѣ жизни, и я съ краской въ лицѣ, которой вы не можете теперь видѣть, долженъ сознаться, что въ настоящее время одинъ Цейзель продаетъ перчатки въ Лейпцигѣ, а другой фабрикуетъ чулки въ Хемницѣ,—главная отрасль до сихъ поръ все еще поддерживала въ чистотѣ свое дворянское достоинство; я буду первымъ, который женится на бюргерской дѣвушкѣ. Могу ли я это сдѣлать? Долженъ ли я это сдѣлать? Остается слѣдовательно только одно: бракъ съ лѣвой руки, какой заключилъ его свѣтлость. Но то, что считается вполнѣ естественнымъ для такихъ высокопоставленныхъ лицъ, было бы нѣсколько странно для нашего брата, потому что, какъ говоритъ поэтъ:

Zwischen Sinnenglück und Seelenfrieden
Bleibt dem Menschen nur die bange Wahl;
Auf der Stirn des hohen Uraniden
Schwebet ihr vereinter Strahl. [1])

---

[1]) Человѣку остается одинъ тяжелый выборъ между чувственнымъ наслажденi-

католицизмъ во всемъ его прежнемъ значеніи; въ области-ли политической, стремящейся вернуться къ тому началу монархической власти, которая причинила Франціи столько вреда; въ области соціальной, думающей, что народъ, «чернь» создана только для того, чтобы работать въ потѣ лица, а привилегированные классы аристократіи, духовенства и буржуазіи пользоваться только этимъ трудомъ и жить въ свое удовольствіе,—или прогрессъ на сторонѣ «революціи», которая хочетъ уничтоженія католицизма, легитимистскаго, орлеанскаго или бонапартовскаго монархизма, и устраненія такого порядка, при которомъ является невозможною даже сколько-нибудь равная борьба между крупною собственностью, капиталомъ съ одной стороны и трудомъ съ другой. Результатъ, конечный исходъ борьбы долженъ быть на сторонѣ демократіи, на знамени котораго написано одно слово: впередъ! впередъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Демократія одолѣетъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся, весь вопросъ только заключается въ срокѣ, который трудно опредѣлить. Когда кругъ развитого населенія расширится, когда онъ выйдетъ изъ предѣловъ однихъ большихъ городовъ, тогда борьба съ истинною демократіею сдѣлается невозможна, она будетъ торжествовать. Но и теперь уже этотъ слой развитого населенія достаточно силенъ, чтобы бороться, хотя быть можетъ и не достаточно силенъ, чтобы побѣдить.

Революція представлялась республиканской партіи какъ бы лавиной, которая стремительно катится внизъ, безъ того, чтобы кто-нибудь имѣлъ возможность, силу ее остановить. Но какъ никто не въ силахъ ее остановить, такъ никто не въ состояніи сказать, гдѣ остановится революція и каковъ будетъ ея исходъ.

— У насъ мало надежды, высказывалась эта партія, чтобы грядущая революція доставила торжество народу; весьма вѣроятно, что реакція снова выйдетъ побѣдительницею, но торжество ея во всякомъ случаѣ будетъ не прочно. Торжествуя свою побѣду, она должна будетъ, въ тоже самое время, готовиться къ новой борьбѣ, потому что побѣжденный народъ не положитъ своего оружія до тѣхъ поръ, пока онъ не побѣдитъ. Въ каждомъ пораженіи онъ видитъ залогъ будущей окончательной побѣды, потому что каждое пораженіе достается привилегированнымъ классамъ все дороже и дороже, и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ становится все опытнѣе и опытнѣе въ дѣлѣ борьбы. Еслибы реакціонные элементы Франціи, изъ которыхъ состоитъ національное собраніе, понимали эти неизбѣжности революціи, еслибы они сознавали также, какъ сознаемъ мы, что прекращеніе войны, которая въ послѣдніе дни начинала принимать революціонный

компатамъ, расположеннымъ въ общемъ корридорѣ въ одномъ изъ флигелей за̀мка. Германъ открылъ окно и сталъ всматриваться въ темноту. Луна зашла за темныя облака; лишь по временамъ мерцала звѣздочка и снова пропадала. Подъ нимъ, въ саду за̀мка, деревья нашептывали свои грустныя мелодіи, и тяжко, очень тяжко было на сердцѣ у юноши. Никогда еще любовь не заставляла его такъ страдать, какъ въ эту ночь, сегодня, когда ему стало почти ясно, что онъ любимъ.

— Странно,—разсуждалъ онъ самъ съ собою,—то, что другимъ доставляетъ райское счастіе, превращается для меня въ адскую муку. Я могъ бы, съ горестью конечно, но могъ бы разстаться съ ней, питая въ сердцѣ безнадежную любовь; я никогда и ничего не желалъ для себя, я свыкся съ мыслью, что долженъ свершить одинокимъ свой жизненный путь; и вотъ теперь, когда она меня любитъ, не такъ конечно, какъ я ее люблю,—это было бы немыслимо, и я на это не разсчитываю— но когда она питаетъ ко мнѣ чувство, которое сильнѣе дружбы, гдѣ найти силы удалиться!... Ахъ! но гдѣ найти также силы оставаться! Остаться и видѣть ежедневно, ежечасно, что она несчастлива со мной, черезъ меня быть можетъ, и я не могу, не могу этому помочь!

Да и зачѣмъ мнѣ оставаться? развѣ я долженъ оставаться? еще ничего не рѣшено! Мнѣ сто̀итъ только завтра рано утромъ пойти къ принцу и объявить ему, что мое намѣреніе неизмѣнно, что я хочу уѣхать! долженъ уѣхать! да, долженъ уѣхать! Это было бы настоящее, единственное слово! и это слово мнѣ слѣдовало бы ему сказать! и развѣ его тонкое ухо не уловило бы тотчасъ же, что̀ значитъ подобное слово въ моихъ устахъ? Или же я долженъ ему сказать: она сама гонитъ меня!

Молодой человѣкъ опустился на стулъ у открытаго окна и закрылъ лицо руками. Мысли все безсвязнѣе и безсвязнѣе бродили въ его головѣ; все яснѣе и яснѣе становились картины, создаваемыя его возбужденной фантазіей, и во всѣхъ этихъ картинахъ носился образъ прекрасной женщины, которую онъ любилъ. Она представлялась ему такъ, какъ онъ видѣлъ ее въ первый разъ верхомъ на лошади, рядомъ съ престарѣлымъ мужемъ. Она прислушивалась тогда къ разговору, завязавшемуся между нимъ и принцемъ, но большіе, темные, серьезные глаза не глядѣли на него: они задумчиво всматривались въ вечерній ландшафтъ. Ахъ! эти большіе, темные, задумчивые глаза! они погубили его съ первой же минуты; они выпили его душу, его кровь, его жизнь; онъ всѣмъ существомъ потонулъ въ нихъ, какъ въ глубокомъ, бездонномъ морѣ!

И все сильнѣй и сильнѣй разыгрывалась фантазія! ему казалось, что онъ не забылъ ни одной изъ безчисленныхъ сценъ, въ которыхъ онъ видѣлъ ее въ теченіи этихъ послѣднихъ трехъ лѣтъ; ни одной минуты, когда онъ съ ней бесѣдовалъ въ салонѣ, въ саду, на гуляньѣ, въ лѣсу; что все это въ этотъ полуночный часъ тѣснилось къ нему изъ мрака прошлаго, носилось надъ нимъ, жадно ловило его и манило за собой въ мрачную глубину.

Германъ сжималъ руками свои виски, которые сильно бились. Онъ смутно сознавалъ, что на этомъ пути гнѣздится безуміе. Онъ силился придти въ себя, лечь въ постель, заснуть.

Вдругъ онъ вскочилъ съ мѣста съ дикимъ воплемъ. Ему ясно, поразительно ясно представилась она въ объятіяхъ—графа! Онъ наклонился къ ней, и она глядѣла на него тѣми же самыми глубокими, темными, задумчивыми глазами, въ которыхъ впервые зажглась любовь.

— Въ *его* объятіяхъ! простоналъ Германъ. Только тутъ опомнился юноша и замѣтилъ, что все это сонъ, что онъ никогда не видывалъ графа даже на портретѣ, и что онъ, должно быть, окончательно рехнулся, если вообразилъ ее въ объятіяхъ этого человѣка, который когда-то сталъ ей поперегъ дороги, пріѣзда котораго она ожидала съ величайшимъ безпокойствомъ, котораго она очевидно также ненавидѣла, какъ и онъ ее... Ненавидѣть! какъ можетъ ненавидѣть ее тотъ, кто ее знаетъ? А онъ зналъ ее цѣлые годы до того, и завтра онъ сюда пріѣдетъ, а я долженъ уѣхать, она сама меня гонитъ!...

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ онъ, тысячу разъ нѣтъ! думать такъ—предательство относительно ее, предательство относительно меня самого! И трусъ тотъ, который вызываетъ привидѣніе для того, чтобы ничего больше не видѣть, ничего не слышать и спрятать голову подъ одѣяло.

Онъ подошелъ къ столу, на которомъ лежало письмо. Онъ вспомнилъ только теперь, что слуга, свѣтившій ему, сказалъ, что его свѣтлость прислалъ записку.

Германъ сломалъ печать. Записка гласила слѣдующее:

«Мой молодой другъ, позвольте мнѣ, прежде чѣмъ лечь спать, исправить несправедливость, съ какой я отнесся къ вамъ сегодня. Вы хотите уѣхать. Мнѣ не слѣдуетъ васъ удерживать, когда васъ самихъ ничто больше не удерживаетъ. Не стану говорить вамъ, какъ мнѣ тяжело васъ отпустить, потому что это наложитъ на васъ новыя цѣпи. Итакъ, пусть будетъ рѣшено. Кто, какъ я, дожилъ до сумерекъ жизни и близится къ закату, тотъ

долженъ привыкать къ разлукѣ, долженъ быть къ ней готовъ! Но отложите на нѣкоторое время эту разлуку. Я прошу васъ объ этомъ, потому что имѣю въ виду не свое личное благо, а благо другихъ лицъ, относительно которыхъ я принялъ обязательства, причемъ главнымъ образомъ разсчитывалъ на ваше содѣйствіе. Вы знаете, о чемъ я говорю. Итакъ, позвольте мнѣ считать васъ своимъ гостемъ на нѣсколько недѣль, а тѣмъ временемъ принимайте всѣ мѣры, которыхъ требуетъ устройство вашей дальнѣйшей жизни. Тѣ лица, которыя пожелаютъ, чтобы вы перешли къ нимъ, поймутъ, что нельзя же въ какихъ-нибудь нѣсколько дней замѣстить мѣсто, которое вы занимали столько лѣтъ. Затѣмъ желаю вамъ спокойной ночи и остаюсь навсегда вполнѣ расположенный къ вамъ—

Эрихъ.

Германъ медленно опустилъ письмо.

— На нѣсколько недѣль, — проговорилъ онъ, — а болѣзнь свирѣпствуетъ въ моемъ организмѣ уже цѣлыхъ три года. Неужели же я не съумѣю перетерпѣть еще нѣсколько недѣль,—да и она сама пойметъ, что не могу же я грубо оттолкнуть дружескую руку, которая мнѣ такъ пишетъ.

Фр. Шпильгагенъ.

ФРАНЦІЯ и ФРАНЦУЗЫ
ПОСЛѢ ВОЙНЫ.

Изъ путешествія.

III *).

Типы партій въ національномъ собраніи.

Въ какомъ болѣзненномъ, раздражающемъ ожиданіи томилась разбитая, пораженная Франція въ тѣ суровые дни, когда переговоры о злополучномъ мирѣ велись въ гордой резиденціи Людовика XIV-го, превратившуюся въ резиденцію новаго германскаго императора! Свидѣтельница стараго, хотя и недобраго, величія Франціи становилась теперь самою близкою свидѣтельницею ея приниженія, ея бѣдствія. Переговоры велись въ глубокой тайнѣ, ничто не проникало наружу; но вмѣстѣ съ тѣмъ возбужденіе было такъ велико, желаніе что-нибудь узнать поскорѣе было такъ безгранично, что оно должно было находить себѣ удовлетвореніе и находило его въ тѣхъ безчисленныхъ слухахъ, которые съ неимовѣрною быстротою распространялись среди населенія. Десять разъ на день отчаяніе смѣняло надежду; чувство злобы, негодованія, уступало мѣсто болѣе спокойному, великодушному отношенію къ побѣдителю; десять разъ на день происходила крутая перемѣна въ настроеніи людей; нельзя было не удивляться, съ какою изумительною легкостью, быстротою, про-

*) См. выше: апр. 864; май, 317 стр.

исходило это колебаніе въ мысляхъ и чувствахъ. Очевидно было, что впечатлительность сдѣлалась первенствующимъ, поглощающимъ свойствомъ французовъ и достигла своего высшаго предѣла.

— Вы слышали, раздавалось вдругъ среди печали, мы сохраняемъ Эльзасъ, сохраняемъ Лотарингію, и платимъ только денежную контрибуцію! И радость при этомъ сіяла на лицѣ. Часъ спустя вы могли услышать отъ того же самаго человѣка:

— У насъ все берутъ, берутъ Эльзасъ, Страсбургъ, Метцъ, насъ хотятъ поработить, задушить! И при этомъ вы ясно видѣли, что только два чувства борятся въ этомъ человѣкѣ и не могутъ пересилить другъ друга, эти два чувства—отчаяніе и ненависть.

Раздавались и другіе голоса, распространялись и другіе слухи.

— Мы не теряемъ ни Эльзаса, ни Лотарингіи, но мы и не сохраняемъ ихъ; въ Версалѣ порѣшено нейтрализовать ихъ, точно также, какъ нейтрализовать и Ниццу съ Савоіей, чтобы мы были со всѣхъ сторонъ окружены нейтральными государствами. Они хотятъ заключить Францію въ какой-то cercle de fer! Этотъ слухъ находилъ себѣ всего болѣе вѣрующихъ, и какъ ни тяжело было съ нимъ примириться, но подъ угрозою окончательной потери двухъ областей, на этотъ планъ смотрѣли, если не съ особенною радостію, за то и безъ особенной печали.

Нельзя перечислить всѣхъ слуховъ, всѣхъ плановъ, всѣхъ «вѣрныхъ» свѣдѣній, которыя также быстро рождались, какъ быстро и умирали. Внезапно они возникали, облетали улицы, площади, café, клубы, находили пріютъ въ безчисленныхъ газетахъ, и затѣмъ внезапно опять исчезали и давали мѣсто новымъ слухамъ, новымъ планамъ, еще болѣе вѣрнымъ извѣстіямъ. Французовъ весьма мало безпокоила мысль о контрибуціи; рѣдко, почти никогда не сокрушались они о томъ несмѣтномъ количествѣ золота, котораго требовали нѣмцы.

— Пускай, говорили они, пускай берутъ пять, шесть, десять милліардовъ; Франція богата, мы поправимся, лишь бы только они не требовали отъ насъ уступки Эльзаса и Лотарингіи!

Едва ли вообще кто-нибудь ясно отдавалъ себѣ отчетъ, что́ значитъ такая баснословная сумма, какъ пять, шесть милліардовъ, всѣ думали только объ одномъ, это—о территоріальныхъ условіяхъ мира. Нельзя было не видѣть, что французы легко помирились бы съ ударами свирѣпой войны, помирились бы со всевозможными послѣдствіями, и весьма скоро чувство ненависти уступило бы мѣсто болѣе спокойному чувству къ побѣдителю, еслибы только онъ не хотѣлъ оторвать отъ Франціи ея двухъ областей. Только когда рѣчь заходила о Страсбургѣ или Метцѣ, ярость ихъ не знала себѣ предѣловъ, и всѣ, даже горячіе сторонники мира, ко-

торые ни о чемъ не хотѣли слышать, прислушивались къ тому, что говорилось въ коммиссіяхъ, на которыя разбилось національное собраніе, съ цѣлію выслушать мнѣніе компетентныхъ лицъ, объ общемъ положеніи Франціи и о возможности или невозможности для нея продолжать войну.

— Слышали, слышали? повторялъ одинъ голосъ за другимъ:— Шанзи говорилъ въ коммиссіи, говорилъ два часа подъ-рядъ и рѣшительно высказался за продолженіе войны, говоря, что если наступательная война болѣе невозможна, за то оборонительная, партизанская, une guerre négative, совершенно возможна!

Это не былъ одинъ пустой слухъ, какъ многіе другіе; Шанзи дѣйствительно въ коммиссіи горячо отстаивалъ продолженіе войны, и какъ мнѣ передавалъ тогда одинъ изъ депутатовъ, присутствовавшій именно въ этой коммиссіи, произвелъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе.

Среди этого мучительнаго ожиданія, сторонники мира приходили въ ужасъ, въ отчаяніе, каждый разъ, что пробѣгалъ слухъ о черезъ-чуръ тяжелыхъ условіяхъ, предлагаемыхъ Тьеру; за то сторонники войны не скрывали при этомъ своей радости. Они желали, чтобы нѣмцы предложили такія условія, которыя, должны были быть отвергнуты, несмотря на всю жажду мира со стороны «деревенскаго большинства» и несмотря на всю готовпость подчиниться самымъ надменнымъ требованіямъ побѣдителя, лишь-бы освободиться отъ республиканскаго правительства Гамбетты, съ каждымъ днемъ становившагося болѣе «революціоннымъ», такія условія, которыя даже это деревенское большинство не посмѣло бы принять.

— Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше! много разъ приходилось мнѣ слышать, и это не было одною пустою фразою, нѣтъ,—въ этомъ «чѣмъ хуже» истинные республиканцы видѣли единственное спасеніе Франціи.

— Пускай, говорили они, непріятельскія арміи пройдутся вдоль и поперегъ Франціи, пускай сельское населеніе, вотировавшее столько разъ за имперію и теперь вотировавшее за все, что есть самаго гнилого во Франціи, пускай оно испытаетъ всѣ ужасы войны; быть можетъ, тогда оно пойметъ всѣ благодѣянія всевозможныхъ монархій: Бонапартовской, Орлеанской или Бурбонской, и не станетъ больше лѣзть подъ ярмо того или другого интригана. Что дѣлать, съ грустью прибавляли истинные республиканцы, есть извѣстныя болѣзни, бываютъ въ организмѣ такіе гнилые наросты, которые приходится вырѣзать съ корнемъ, выжигать раскаленнымъ желѣзомъ; оно больно, заставляетъ невѣроятно страдать, но вмѣстѣ съ тѣмъ спасаетъ

жизнь. Пускай же Франція лучше перенесетъ всевозможныя страданія, пускай лучше испытаетъ отчаянныя муки, пускай здоровое ея тѣло подвергнется вмѣстѣ съ больными, зараженными частями мучительной операціи—все лучше, чѣмъ допускать эту гниль распространяться по всему тѣлу, и изъ-за того или другого поврежденнаго члена разлагаться цѣлому организму.

— Все это очень хорошо, приходилось много разъ возражать мнѣ; но вы не должны забывать, что ваше радикальное средство, что-называется, о двухъ концахъ; бываетъ, разумѣется, что операціи оканчиваются счастливо, что разорванное операціею мѣсто мало-по-малу возвращается въ нормальное положеніе, рана излечивается и со временемъ даже исчезаетъ слѣдъ съ того мѣста, на которомъ прежде было такое гноеніе; но бываетъ и иначе, бываютъ и смертельныя операціи, когда организмъ мертвѣетъ подъ самымъ ножемъ, когда онъ до такой степени разслабленъ долгою изнурительною болѣзнію, что въ немъ не хватаетъ уже той жизненной силы, благодаря которой можно переносить величайшія страданія. Радикальныя средства хороши, когда организмъ настолько силенъ, чтобы вынести ихъ, а я боюсь, чтобы изнуренная всѣми тѣми экспериментами, которые производила надъ собою....

— Не бойтесь, я знаю, что вы хотите сказать; Франція производила надъ собою столько экспериментовъ, что она обезсилѣла и не въ состояніи будетъ перенести операцію раскаленнымъ желѣзомъ. Вы ошибаетесь; Франція больна, это правда, и слѣпъ тотъ, который этого не видитъ, но еще болѣе слѣпъ тотъ, который не видитъ, что въ ней живетъ еще много силы, что жизнь бьетъ въ ней могучимъ ключемъ. Мы, республиканцы, менѣе чѣмъ кто-либо заблуждаемся относительно всего того, что произошло за послѣдніе мѣсяцы. Мы вовсе не желаемъ сваливать нашего безпримѣрнаго пораженія на судьбу, мы вовсе не говоримъ, что насъ преслѣдовала какая-то Немезида, что мы были биты и биты вслѣдствіе случайнаго совпаденія несчастныхъ обстоятельствъ, нѣтъ; судьба, случай, Немезида тутъ ни при чемъ, все это пустяки, и, говоря по совѣсти, во всѣхъ бѣдахъ мы должны винить только себя. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы, которые были вмѣстѣ и зрителями и дѣйствующими лицами въ этой драмѣ, мы не можемъ не сознавать, что нація, и далеко еще не вся нація, а только незначительная часть ея, которая, будучи застигнута въ расплохъ, безъ оружія, безъ людей, съ достаточной подготовкой, пріобрѣтаемой мало-по-малу, а не съ часа на часъ, чтобы руководить, организовать, съумѣла все-таки выказать такое сопротивленіе впродолженіи пяти мѣсяцевъ

колоссальной и отлично вымуштрованной нѣмецкой арміи,— такая нація не можетъ быть названа безсильною, слабою, неспособною перенести суровую операцію. А операція необходима. Двѣ трети Франціи не испытали нашествія, наводненія непріятельскихъ армій, и это очень жаль, потому что сельское населеніе поняло бы тогда, что значатъ обѣщанія мира и благоденствія, которыя дѣлаются различными Наполеонами. Оно научилось бы недовѣрять всѣмъ подобнымъ спасителямъ, и для него, быть можетъ, сдѣлалось бы яснымъ, что лучше самимъ управлять своими дѣлами, чѣмъ отдавать себя въ опеку какому-нибудь Лудовику, Генриху, Наполеону, будь они всѣ двадцать разъ геніями и клянись они сто разъ въ любви и преданности народу. Нашествіе враговъ для способной перенести его націи, это, безъ сомнѣнія, дорогая школа, но вѣрьте мнѣ, хорошая школа; она не научаетъ читать, но когда чадъ этого нашествія, страхъ его проходитъ, научаетъ хоть немного размышлять и отдавать себѣ отчетъ въ своемъ истинномъ положеніи...

Я не былъ увѣренъ въ томъ, чтобы нашествіе чужеземцевъ было вѣрнымъ средствомъ для просвѣщенія народа, но я твердо сознавалъ, что это—печальное средство, которое разоряетъ народъ, высасываетъ изъ него всю его кровь и на много лѣтъ дѣлаетъ его матеріально разслабленнымъ.

— Но вы не думаете развѣ, возражалъ я, чтобы это нашествіе обратилось противъ васъ и противъ того идеала, который вы преслѣдуете, противъ республики искренной, честной?

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что именно это и составляетъ одну изъ главныхъ причинъ, отчего «деревенское большинство» желаетъ мира во что бы то ни стало. Они сказали себѣ: пускай война кончится теперь, пускай миръ будетъ подписанъ республикою, пускай республика протянетъ свое антипатичное существованіе нѣсколько мѣсяцевъ, чтобы всѣ первыя впечатлѣнія позорнаго мира вслѣдствіе позорной войны обрушились на республику—это одно изъ лучшихъ средствъ погубить ее въ глазахъ народа. Національное собраніе надѣется, что народъ скажетъ, вспоминая о послѣднихъ роковыхъ мѣсяцахъ въ жизни Франціи: у насъ была несчастная война, у насъ свирѣпствовалъ голодъ, мы подверглись нашествію, платили разорительныя контрибуціи, наконецъ заключили унизительный миръ, потеряли Эльзасъ, Лотарингію, обременили Францію неслыханнымъ долгомъ, однимъ словомъ, мы перенесли страшное разрушеніе, и все это во время республики, все это сдѣлала республика, мы не хотимъ больше республики!

— Но вы надѣетесь конечно, что весь этотъ старый хламъ,

изъ котораго состоитъ національное собраніе, ошибется въ своемъ разсчетѣ?

— Какъ вамъ сказать, не очень! Народъ, т.-е. entendons-nous, мы говоримъ о сельской массѣ, столько разъ уже давалъ блистательныя доказательства своей политической слѣпоты и невѣжества, что быть можетъ они и правы, быть можетъ онъ еще разъ поймается на такую удочку. У французскаго народа есть какая-то фатальная особенность: онъ никакъ не умѣетъ различать кто ему другъ, кто ему врагъ. Послѣдняго онъ чуть не носитъ на рукахъ, про перваго кричитъ: распни, распни его! Потому-то именно, что этотъ несчастный народъ можетъ попасть на эту удочку, потому-то тѣмъ болѣе мы хотимъ, чтобы война продолжалась, но война не такая, какою она была до сихъ поръ; война не правильная, не большими массами, не стотысячными арміями, а война партизанская, разсыпная, оборонительная, война чисто народная!

Я нѣсколько разъ слышалъ это требованіе народной войны, требованіе, которое, мнѣ казалось, не совсѣмъ мирилось съ откровеннымъ заявленіемъ, что народъ не хочетъ войны, что сельскія массы враждебны ей.

— Какъ же добьетесь вы, приходилось спрашивать, этой народной войны, безъ желанія самого народа воевать? Что это будетъ за народная война, когда въ массахъ нѣтъ того воодушевленія, той страсти, безъ которой она немыслима?

— Народная война начиналась уже во Франціи, народная война была уже въ сѣверныхъ департаментахъ, она была во всѣхъ разоренныхъ врагомъ, во всѣхъ захваченныхъ мѣстностяхъ, она неминуемо распространилась бы по всей Франціи, когда врагъ проникъ бы до самаго юга. Наконецъ, и это конечно самое главное, для того, чтобы вызвать народную войну, для того, чтобы организовать ее необходимо было употреблять революціонныя мѣры.—Что намъ нужно, слышалъ я много разъ, это —хорошую, откровенную революцію; une franche et bonne révolution намъ просто необходима, безъ нея мы ни на шагъ не подвинемся впередъ, только она развяжетъ многіе затянувшіеся узлы, или вѣрнѣе, только она разсѣчетъ ихъ, потому что никто, къ несчастью, не умѣетъ да главное и не хочетъ развязать ихъ; напротивъ, враждебные другъ другу элементы только стараются ихъ затягивать крѣпче и крѣпче.

Республиканская партія разсуждала такимъ образомъ. Революція и серьезная революція неизбѣжна; не сегодня такъ завтра она должна разыграться въ силу необходимости, въ силу того, что различныя партіи и не столько еще партіи, сколько сословія,

отчасти не желая, отчасти не понимая необходимости сдѣлать уступки, пришли въ такое положеніе, которое требуетъ исхода. Не находя мирнаго исхода главнымъ образомъ вслѣдствіе слѣпоты до сихъ поръ стоявшихъ во главѣ, и въ политическомъ и въ соціальномъ отношеніи, классовъ, не желающихъ дать рядомъ съ собою почетнаго мѣста рабочему городскому сословію, къ которому они относятся съ какимъ-то враждебнымъ страхомъ, натянутое положеніе между различными элементами въ государствѣ должно разрѣшиться путемъ тернистымъ — путемъ революціи. Пускай же, разсуждала эта партія, революція будетъ вызвана теперь, а вызвать ее нѣтъ ничего легче, и тогда первый ея взрывъ обрушится на враговъ, ея увертюрою будетъ отчаянная борьба уже всѣми средствами съ непріятелемъ, и тогда есть надежда, что революція восторжествуетъ надъ нашествіемъ и сломитъ его. Сломитъ — торжество республики обезпечено; не сломитъ — хуже, чѣмъ въ данную минуту, все-таки не будетъ. Если революція, говорилось, неотвратима, то пусть по крайней мѣрѣ она окажетъ еще ту услугу, что поможетъ освободить Францію отъ вражескихъ армій, а вмѣстѣ съ тѣмъ, въ силу этого одного факта, сословія привилегированныя будутъ значительно ослаблены для борьбы внутренней.

Но взывать къ революціи для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ было уже поздно, антиреволюціонное начало въ лицѣ національнаго собранія сдѣлалось какъ бы maître de la situation, и напрасно было надѣяться, что это собраніе рѣшится на крайнія средства, требуемыя положеніемъ страны. Республиканская партія понимала это, но вмѣстѣ съ тѣмъ говорила: тѣмъ хуже! если весь этотъ старый хламъ Франціи дрожитъ передъ революціонными мѣрами, передъ революціею, направленною на борьбу съ внѣшнимъ врагомъ, то вся ея сила направится на борьбу съ внутреннимъ врагомъ, который и есть никто иной, какъ этотъ самый старый хламъ національнаго собранія со всѣмъ тѣмъ «цивилизованнымъ» слоемъ, который стоитъ на его сторонѣ. Неизбѣжная революція, не прорвавшись во время войны прорвется послѣ, черезъ сколько времени, никто конечно не брался опредѣлять, но мало кто съ увѣренностью не произносилъ: мы должны перейти черезъ новую революцію!

Еслибы только національное собраніе, разсуждала республиканская партія, было настолько политически проницательно, чтобы видѣть и понимать то, что видитъ и понимаетъ чуть не всякій ребенокъ, т.-е. что революція представляется неизбѣжнымъ исходомъ для разрѣшенія натянутаго положенія между сословіями, то, безъ всякаго сомнѣнія, оно не приняло бы никакихъ унизи-

тельныхъ мирныхъ условій и рѣшилось бы продолжать ту guerre à outrance, которую требовала республиканская партія. Но оно не имѣетъ этой проницательности, и будучи калифомъ на часъ, воображаетъ себя полнымъ и безусловнымъ распорядителемъ судебъ французскаго народа.

Оно горько ошибется въ своихъ предположеніяхъ и планахъ.

Боязни, опасенія революціи почти никакихъ.

— Мы слишкомъ наказаны, приходилось мнѣ слышать, за нашу боязнь революціи. Еслибы мы ее меньше опасались, еслибы та же буржуазія смѣлѣе смотрѣла ей въ глаза, то мы давно съумѣли бы повалить имперію и были бы, такимъ образомъ, избавлены отъ послѣдней войны и отъ всѣхъ ея тяжелыхъ послѣдствій. Мы боялись ее, приходили въ ужасъ отъ словъ: кровь будетъ пролита, дѣла остановятся, какъ будто во сто разъ больше не было пролито крови, какъ будто во сто разъ больше Франція не разорена войною, которая была въ значительной степени результатомъ нашего опасенія революціи. Имперія держалась страхомъ революціи, обуревавшимъ буржуазію. Если развитіе, историческій ходъ Франціи таковъ, что она не можетъ двигаться впередъ безъ революцій, то пускай лучше эти революціи приходятъ вó-время. Отсрочка ихъ усиливаетъ кризисъ.

— Но кто вамъ сказалъ, не могъ я не возражать, что революція обратится въ вашу пользу; отчего вы знаете, что эта революція не будетъ раздавлена, и господство тѣхъ классовъ, противъ которыхъ вы боретесь, и которыя въ свою очередь поддерживаются невѣжествомъ сельскаго населенія, не укрѣпится еще болѣе?

— Если вы такимъ образомъ станете смотрѣть, то вы всегда будете ошибаться, было мнѣ отвѣтомъ. Смотрите шире, глубже. Спросите, на чьей сторонѣ будущее, на чьей сторонѣ справедливость: на той ли, которая отказываетъ народу въ его требованіяхъ, въ его правахъ, въ возможности самому знать, что ему нужно, и самому защищаться отъ всякаго авантюриста, захватывающаго власть, или той, которая имѣетъ въ виду только интересы привилегированныхъ сословій и всѣми силами препятствуетъ развитой части народа, т.-е. рабочему сословію, занять должное мѣсто въ управленіи страною и путемъ политическихъ преобразованій въ общемъ строѣ государства достигнуть измѣненія своего положенія въ соціальномъ отношеніи. Спросите, на чьей сто онѣ прогрессъ: на сторонѣ ли реакціи, которая хочетъ возстановленія всего стараго и отжившаго во всѣхъ областяхъ народной жизни; въ области ли религіозной, желающей возстановить

католицизмъ во всемъ его прежнемъ значеніи; въ области-ли политической, стремящейся вернуться къ тому началу монархической власти, которая причинила Франціи столько вреда; въ области соціальной, думающей, что народъ, «чернь» создана только для того, чтобы работать въ потѣ лица, а привилегированные классы аристократіи, духовенства и буржуазіи пользоваться только этимъ трудомъ и жить въ свое удовольствіе,—или прогрессъ на сторонѣ «революціи», которая хочетъ уничтоженія католицизма, легитимистскаго, орлеанскаго или бонапартовскаго монархизма, и устраненія такого порядка, при которомъ является невозможною даже сколько-нибудь равная борьба между крупною собственностью, капиталомъ съ одной стороны и трудомъ съ другой. Результатъ, конечный исходъ борьбы долженъ быть на сторонѣ демократіи, на знамени котораго написано одно слово: впередъ! впередъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Демократія одолѣетъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся, весь вопросъ только заключается въ срокѣ, который трудно опредѣлить. Когда кругъ развитого населенія расширится, когда онъ выйдетъ изъ предѣловъ однихъ большихъ городовъ, тогда борьба съ истинною демократіею сдѣлается невозможна, она будетъ торжествовать. Но и теперь уже этотъ слой развитого населенія достаточно силенъ, чтобы бороться, хотя быть можетъ и не достаточно силенъ, чтобы побѣдить.

Революція представлялась республиканской партіи какъ бы лавиной, которая стремительно катится внизъ, безъ того, чтобы кто-нибудь имѣлъ возможность, силу ее остановить. Но какъ никто не въ силахъ ее остановить, такъ никто не въ состояніи сказать, гдѣ остановится революція и каковъ будетъ ея исходъ.

— У насъ мало надежды, высказывалась эта партія, чтобы грядущая революція доставила торжество народу; весьма вѣроятно, что реакція снова выйдетъ побѣдительницею, но торжество ея во всякомъ случаѣ будетъ не прочно. Торжествуя свою побѣду, она должна будетъ, въ тоже самое время, готовиться къ новой борьбѣ, потому что побѣжденный народъ не положитъ своего оружія до тѣхъ поръ, пока онъ не побѣдитъ. Въ каждомъ пораженіи онъ видитъ залогъ будущей окончательной побѣды, потому что каждое пораженіе достается привилегированнымъ классамъ все дороже и дороже, и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ становится все опытнѣе и опытнѣе въ дѣлѣ борьбы. Еслибы реакціонные элементы Франціи, изъ которыхъ состоитъ національное собраніе, понимали эти неизбѣжности революціи, еслибы они сознавали также, какъ сознаемъ мы, что прекращеніе войны, которая въ послѣдніе дни начинала принимать революціонный

оборотъ и стала пользоваться революціонными средствами, не только не остановитъ взрывъ революціи, но будетъ содѣйствовать ей, то безъ всякаго сомнѣнія, между ними и республиканскою партіею, требующей войны до крайности, произошло бы соглашеніе. Къ несчастью, они этого не понимаютъ, они примутъ самыя унизительныя условія, заключатъ миръ, но что будетъ послѣ никто не можетъ сказать. Очевидно одно—спокойно разойтись настоящій кризисъ не можетъ, Франція не такая страна, чтобы, вся поднятая на ноги, могла тотчасъ опять успокоиться и начать жить обыкновенною жизнью. Никто не можетъ сказать, какія бѣдствія ждутъ Францію въ будущемъ, вѣрно только одно, что реакція не утвердится безъ боя...

Подобныя пророчества дѣлались слишкомъ часто, онѣ превратились почти-что въ общія мѣста, и потому теперь, когда онѣ начали оправдываться, не нужно имъ удивляться. Чтобы предвидѣть за мѣсяцъ, за два то, что должно случиться, если такія-то и такія обстоятельства совершатся, для этого вовсе не нужно особенной проницательности, и потому нельзя вовсе ставить въ заслугу республиканской партіи, что она такъ вѣрно предсказывала событія. По всей вѣроятности, люди и другихъ партій ясно видѣли собравшіяся надъ головою революціонныя тучи; едва ли въ самомъ дѣлѣ можно предположить, чтобы посѣдѣвшіе въ государственныхъ дѣлахъ люди реакціи не понимали и не видѣли того, что такъ хорошо понимали и видѣли республиканцы; но они говорили себѣ: если революція должна вспыхнуть, то ужъ лучше скорѣе, пока страна изнурена и не въ силахъ будетъ оказывать долгаго и упорнаго сопротивленія *законной* власти; мы укротимъ эту вспышку и по крайней мѣрѣ снова надолго будемъ спокойны. Можетъ быть реакція и не совсѣмъ ошибалась разсуждая такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ относительно возможности подавленія революціи. Весь вопросъ только въ томъ, долго ли реакція въ состояніи будетъ пользоваться покоемъ, и въ этомъ отношеніи надо полагать, что она обманется въ своихъ ожиданіяхъ. Бѣда монархическихъ партій во Франціи, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что они все еще держатся старыхъ воззрѣній на свое взаимное положеніе, они думаютъ, что въ 1871-мъ году политическая борьба должна будетъ вертѣться по прежнему вокругъ старыхъ, истрепанныхъ знаменъ, и не замѣчаютъ, что послѣдняя война, двадцатилѣтняя имперія и ея паденіе повлекли за собою значительную перемѣну въ понятіяхъ, стремленіяхъ и требованіяхъ французовъ. Не замѣчая этой перемѣны, и думая, что они по прежнему стоятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, они помимо своей воли должны под-

чиняться тому новому обороту, который произошелъ въ политическомъ состояніи Франціи. Что рѣзкая перемѣна въ возрѣніяхъ и стремленіяхъ дѣйствующихъ на политической аренѣ партій произошла во Франціи и во французахъ, въ этомъ нельзя было не убѣдиться изъ разговоровъ, споровъ, происходившихъ на улицахъ, площади, въ частныхъ домахъ, въ café и въ клубахъ.

Мнѣ удалось быть собственно въ одномъ только клубѣ, клубѣ республиканскомъ, въ которомъ появлялись каждый день различные депутаты лѣвой стороны, не исключая Гамбетты, Луи Блана и другихъ выдающихся личностей передового слоя Франціи. Въ этомъ республиканскомъ клубѣ буквально цѣлый день шли оживленные дебаты, касавшіеся прошедшаго, настоящаго и будущаго страны. Не было вопроса, который не дѣлался бы предметомъ обсужденія среди этого безпрерывнаго спора, въ которомъ мѣнялись только участвующія въ немъ лица. Люди и учрежденія подвергались тутъ самой безпощадной критикѣ, и объ одномъ и томъ же дѣятелѣ приходилось на день выслушивать по десяти различныхъ мнѣній. Тутъ высказывались часто самыя затаенныя мысли, въ цѣломъ потокѣ горячихъ, страстныхъ словъ выливалось нерѣдко отчаяніе; тутъ попадались умы всевозможныхъ направленій, отъ самыхъ пессимистическихъ, до самыхъ оптимистическихъ. Посѣщеніе этого клуба, гдѣ «la chose publique» была постоянно на очереди, было не только интересно, но оно во многомъ облегчало пониманіе настроенія цѣлой Франціи въ ту минуту, когда, вся окровавленная и разоренная, она вышла изъ лютаго побоища. Я искалъ другихъ клубовъ, гдѣ могъ бы встрѣтиться съ орлеанистами, легитимистами, бонапартистами, встрѣтиться такъ, чтобы они высказывались откровенно, не подозрѣвая того, что въ ихъ средѣ находится иностранецъ, хотя и любящій и преданный дѣлу Франціи, но тѣмъ не менѣе иностранецъ. Какъ ни близко приходилось сходиться со многими французами, но меня постоянно преслѣдовала мысль, не потому ли они такъ говорятъ, что говорятъ съ иностранцемъ, и такъ ли искренно они высказываются, какъ высказываются съ французомъ.

Для того, чтобы составить себѣ вѣрное пониманіе той картины, которую представляла собою Франція въ данный моментъ, нужно было говорить съ людьми, которые ничего не прикрашивали бы и ничего не скрывали. Въ клубахъ эта цѣль достигается превосходно, и потому я усердно искалъ клуба, гдѣ молча присутствовалъ бы при спорахъ и разговорахъ людей, принадлежащихъ къ монархической Франціи. Къ сожалѣнію такого клуба, по крайней мѣрѣ, такъ говорили мнѣ, въ Бордо не существовало. Мнѣ при-

ходилось бывать еще въ такъ-называемомъ «Cercle alsacien», тоже родъ клуба, но тутъ весь интересъ до того былъ поглощенъ Эльзасомъ и Лотарингіею, разговоры такъ исключительно были направлены на одну тему, что несмотря на то, что въ этотъ cercle являлись люди всевозможныхъ партій, отъ республиканцевъ до самыхъ рѣшительныхъ монархистовъ, тутъ никогда не заводилось такого спора, изъ котораго можно было бы увидѣть различіе въ политическихъ и соціальныхъ стремленіяхъ этихъ людей. У нихъ было одно горе — насильственное отторженіе двухъ провинцій отъ ихъ общей родины, которую теперь, когда она была вся изранена и искалѣчена, они еще болѣе кажется стали любить. Если ненависть, заклятая вражда къ Пруссіи была велика вообще у всѣхъ французовъ, то тутъ, среди этихъ людей она достигала высшихъ предѣловъ. Только съ бѣшенствомъ, съ пѣною у рта могли они говорить о своихъ новыхъ, возмущавшихъ ихъ своимъ звѣрствомъ, своею жестокостью, побѣдителяхъ. Въ разговорѣ съ этими людьми для меня еще болѣе, если было возможно, уяснилось то негодованіе, которое должно возбуждать во всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ людяхъ захватъ, насильственное присоединеніе части одного народа къ другому.

Итакъ, я искалъ другихъ клубовъ, кромѣ республиканскаго, опасаясь односторонности впечатлѣнія, но мнѣ скоро сдѣлалось яснымъ, что опасеніе это излишне. Не говоря о томъ, что въ газетахъ, брошюрахъ, частныхъ домахъ, случайныхъ встрѣчахъ приходилось сплошь и рядомъ сталкиваться съ мнѣніями и стремленіями лагеря, прямо противоположнаго республиканскому, но въ самомъ республиканскомъ клубѣ высказывались такія противорѣчивыя воззрѣнія, что односторонности бояться было нельзя. Невольно приходилось спрашивать себя: какъ объяснить себѣ, что въ этой средѣ республиканцевъ господствуетъ такое разнообразіе понятій, воззрѣній, желаній и даже стремленій; вопросъ этотъ тѣмъ болѣе приходилъ на умъ, что въ этотъ клубъ допускались только одни республиканцы и выборъ дѣлался довольно строго. Вотъ примѣръ. Я помню очень хорошо, какъ президентъ этого клуба, почтенный старецъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, когда я просилъ позволенія ввести туда одного моего русскаго пріятеля.

— Скажите, спросилъ онъ меня, вашъ другъ республиканецъ, вы можете отвѣчать за то, что c'est un bon et vrai républicain?

Я остановился на минуту, и какъ ни хотѣлось мнѣ разсмѣяться, — до того вопросъ, обращенный ко мнѣ, русскому, показался мнѣ наивнымъ, но я, сохраняя всю серьезность, отвѣчалъ, быть можетъ нѣсколько преувеличивая либеральныя стремленія моего друга:

— Oui, c'est un vrai et bon républicain!

И все же, несмотря на то, что сюда принимались только «хорошіе и истинные» республиканцы, приходилось часто выслушивать отъ являвшихся сюда депутатовъ, журналистовъ,—провинціальныхъ и парижскихъ,—военныхъ, различныхъ employés правительства народной обороны, такія противорѣчивыя мнѣнія и присутствовать при такихъ раздражительныхъ спорахъ, что становилось довольно ясно, что республиканская партія не сформирована еще окончательно, и что планъ дѣйствій, планъ борьбы этой партіи съ другими партіями находится въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. Несформированной она казалась мнѣ потому, что «республика» перестала быть лозунгомъ, соединяющимъ всѣхъ республиканцевъ. Мало теперь было произнести это слово, мало было сказать: я желаю республики,—чтобы знать, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Теперь было столько различныхъ понятій о томъ, что́ такое республика и что́ такое республиканецъ, что эти слова безъ всякихъ комментаріевъ потеряли какъ бы свой смыслъ. Еслибы вы ограничились однимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ положеніемъ Франціи и съ стремленіями старыхъ партій, то вы должны были бы, волей-неволей, придти къ заключенію, что всѣ французы — республиканцы и что всѣ говорятъ только о республикѣ, и замѣтьте, вы глубоко бы ошиблись. Дѣйствительно, у всѣхъ на языкѣ было это слово, но не у всѣхъ оно означало одно и тоже. Нужно близкое знакомство съ положеніемъ партій, чтобы васъ не обмануло это слово «республика», и чтобы врага ея вы не приняли за ея друга. Одинъ говоритъ вамъ:

— Я ничего не имѣю противъ республики, я охотно ее принимаю!

Отъ другого вы слышите:

— Я желаю, чтобы у насъ установилась честная республика!

Третій, наконецъ, вамъ сдѣлаетъ такое признаніе:

— Я не хочу іезуитской и буржуазной республики, я хочу настоящей республики!

Вотъ вамъ трое, которые произносятъ это слово, но всѣ эти трое не выносятъ другъ друга, между этими тремя должна неминуемо разгорѣться борьба. Кто же эти трое, спросите вы, къ какимъ же они принадлежатъ партіямъ, чего они хотятъ и каковы ихъ стремленія? Эти три человѣка, по моему мнѣнію, если только я не ошибаюсь, резюмируютъ все положеніе Франціи, и его нужно хорошо понять, нужно вникнуть въ роль каж-

даго изъ этихъ троихъ, чтобы будущее Франціи не представлялось какимъ-то невѣроятнымъ хаосомъ.

Кто эти трое? спрашиваете вы. Эти трое принадлежатъ различнымъ эпохамъ. Они представляютъ собою аристократію съ клерикализмомъ, tiers-état и «четвертое» рабочее сословіе. Первый изъ нихъ преимущественно видитъ идеалъ въ эпохѣ до 89-го года, хотя онъ и готовъ сдѣлать, нѣкоторыя уступки своему времени; второй, главнымъ образомъ, принадлежитъ смутной эпохѣ отъ 89-го до настоящаго дня, съ перерывомъ 48-го года, и, наконецъ, третій не хочетъ ничего изъ прошедшаго и желаетъ будущее сдѣлать своею собственностью. Этотъ послѣдній остается равнодушенъ къ такой республикѣ, которая не обезпечивала бы ему возможности болѣе или менѣе широкаго соціальнаго преобразованія общества.

Вотъ собственно три типа, между которыми распредѣляются, приблизительно, французскія политическія партіи; къ первому можно отнести легитимистовъ, ко второму орлеанистовъ, бонапартистовъ и умѣренныхъ республиканцевъ, и къ третьему, наконецъ, рѣшительныхъ республиканцевъ, которые не заботятся только объ одномъ политическомъ устройствѣ, но стремятся сдѣлать его какъ бы основой болѣе справедливаго соціальнаго порядка вещей. Я съ умысломъ употребилъ слово «приблизительно», такъ какъ строгое размѣщеніе въ эти рамки приверженцевъ монархіи во всей ея чистотѣ, опирающейся на католицизмъ, сторонниковъ примирительной монархіи, какою была іюльская, затѣмъ имперіи на ложно-демократической подкладкѣ и республиканцевъ различныхъ оттѣнковъ, было бы далеко не безусловно вѣрно. Если къ первому типу по преимуществу принадлежатъ легитимисты, то это все-таки не мѣшаетъ встрѣтить здѣсь и бонапартистовъ и орлеанистовъ; точно также ко второму типу, къ которому главнымъ образомъ принадлежатъ орлеанисты, бонапартисты, нельзя не отнести многихъ умѣренныхъ республиканцевъ. Одинъ третій типъ остается безъ примѣси, хотя и въ немъ, рядомъ съ рѣшительными республиканцами-соціалистами, встрѣчаются одинаково рѣшительные республиканцы, но не соціалисты.

Всѣ мои личныя наблюденія, все, что я видѣлъ и слышалъ, всѣ разговоры и споры, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, привели меня къ одному убѣжденію, что старое политическое распредѣленіе французовъ между различными партіями, которыя именовались легитимистскою, орлеанистскою, бонапартисткою и республиканскою, болѣе никуда не годится, что это распредѣленіе отжило свой вѣкъ, и что эти наименова-

нія сохранились только какъ пустыя слова безъ содержанія. Время сдѣлало свое дѣло и разрушило тѣ политическіе заборы, которые отдѣляли каждую изъ этихъ партій. Легитимисты поняли въ значительной степени всю невозможность возстановленія монархіи Лудовика XIV-го; орлеанисты, никогда особенно не отличавшіеся вѣрностью своему знамени, перестали смотрѣть на орлеанскую династію какъ на единственный якорь спасенія; бонапартисты, принципомъ которыхъ всегда служилъ девизъ: кто больше дастъ!—всегда готовы промѣнять любого изъ Наполеоновъ на всякаго диктатора, на всякаго новаго властителя, который покажетъ только ихъ жаднымъ глазамъ груду золота, должностей и всяческихъ почестей. Наконецъ, даже старая умѣренно-республиканская партія, повторяющая по прежнему, своимъ уже нѣсколько старческимъ и обезсиленнымъ голосомъ: хочу свободы! забывая, что «свобода» — слово весьма растяжимое, и которымъ поэтому уже такъ много злоупотребляли, легко можетъ поддаться увѣренію, что и монархія не только не лишитъ желаемой ими свободы, но еще ее обезпечитъ,—вспомнитъ слова стараго, но вѣчно юнаго Тартюфа: avec le ciel on trouve des accommodements! и безропотно покорится замѣнѣ республики какою-нибудь иною формою, говоря про себя съ легкимъ вздохомъ: лучше монархія, чѣмъ революція и демагоги! Безъ сомнѣнія, и теперь существуютъ и легитимисты, и бонапартисты, и умѣренные республиканцы, и орлеанисты, но нѣтъ болѣе этихъ партій, онѣ стерлись, перемѣшались, какъ бы слились между собою.

Для вѣрнаго опредѣленія политическаго состоянія Франціи, для вѣрнаго опредѣленія политическихъ партій, старыя имена болѣе не годятся, нужны новыя наименованія. Старые ярлыки могутъ сбивать только съ толку и затемнять еще болѣе и безъ того не особенно ясное положеніе Франціи. Но какъ, спрашивается, опредѣлить положеніе существующихъ партій, какія наименованія должны быть даны имъ? Бесѣдуя однажды съ однимъ французомъ, который далъ уже мнѣ не одно доказательство глубины своего ума и проницательности, бесѣдуя съ нимъ въ одинъ изъ тѣхъ трепетныхъ, томительныхъ дней, которые предшествовали возвращенію Тьера изъ Версаля, я высказалъ ему мое мнѣніе о той перемѣнѣ, которая, по-моему, произошла въ политическомъ положеніи различныхъ партій, борящихся между собою во Франціи.

— Да, вы правы, отвѣчалъ онъ мнѣ, немного подумавъ; вы, какъ иностранецъ, какъ человѣкъ горячо сочувствующій Франціи и вмѣстѣ съ тѣмъ стоящій въ сторонѣ, не касаясь нашихъ внутреннихъ «раздираній», вы вѣрно подмѣтили то, что для мно-

гихъ изъ насъ еще, въ пылу борьбы, не совсѣмъ ясно. Ваша правда, что легитимизмъ, орлеанизмъ, бонапартизмъ, даже республиканизмъ сдѣлались словами безъ содержанія, что они стерлись, и что въ настоящую минуту идетъ борьба вовсе не между этими партіями. Нѣтъ, не легитимисты, не орлеанисты, не бонапартисты и не республиканцы борятся между собою,—борьба идетъ между реакціею, либерализмомъ и революціей.

— Названія партіямъ найдены, прервалъ я моего собесѣдника, вы мѣтко опредѣлили то, надъ чѣмъ я напрасно ломалъ себѣ голову. Я не могъ найти наименованій тѣмъ партіямъ, которыя заступили мѣсто отжившихъ партій, между тѣмъ теперь для меня ясно, что партизаны легитимизма, орлеанизма, бонапартизма и республиканизма распредѣлились теперь между тремя партіями: партіею реакціи, партіею либерализма и партіею революціи.

Въ партію реакціи вошли всѣ ярые легитимисты, закоренѣлые бонапартисты, клерикалы, незначительное число орлеанистовъ, озлобленныхъ паденіемъ іюльской монархіи, наконецъ тѣ неразвитые политически люди, которыхъ удалось запугать словами: spectre rouge, коммунизмъ! однимъ словомъ, всѣми тѣми кличками, что постарались изобрѣсти друзья реакціи. Въ партію либерализма, едва ли не самую многочисленную изъ всѣхъ, вошло значительное число орлеанистовъ, умѣренныхъ легитимистовъ, мирящихся болѣе или менѣе съ требованіями времени, нѣсколько раскаявшихся бонапартистовъ и, наконецъ, тѣ умѣренные республиканцы, которые, отчасти забитые старыми неудачами, печальнымъ исходомъ двухъ первыхъ республикъ, отчасти опереженные временемъ, идеями, платонически желаютъ установленія республики, свободы, но больше всего боятся революціи, предъ которою ощущаютъ какой-то инстинктивный страхъ. Подъ давленіемъ этого страха они, въ случаѣ надобности и даже съ бóльшею или меньшею готовностью, подадутъ свой голосъ за того или другого кандидата на опустѣвшій французскій престолъ. Наконецъ послѣдняя партія, партія революціи, состоитъ изъ рѣшительныхъ и искреннихъ республиканцевъ, которые ни за что не пойдутъ ни на какой монархическій компромиссъ. Эта партія не желаетъ, не вызываетъ революціи, но не отступается передъ ней, и даже высказываетъ открыто, не стѣсняясь, что революція едва ли не сдѣлалась неизбѣжна, и что многіе затянутые во Франціи узлы не могутъ быть развязаны, но должны быть разсѣчены революціею. Про эту партію нельзя сказать, чтобы она представляла стройное цѣлое, хотя нельзя сказать, чтобы между сторонниками ея шла открытая борьба. Нѣтъ, въ

минуту опасности для республиканскаго дѣла эта партія всегда будетъ дѣйствовать вмѣстѣ, хотя и избирая при этомъ различные пути.

Яблокомъ раздора среди этой партіи служитъ не вопросъ политики, всѣ они желаютъ самой рѣшительной, послѣдовательной и искренней республики, — но вопросъ соціальный. Одни говорятъ: «Не трогайте пока этой жгучей почвы, вы возбудите противъ себя все сельское населеніе, вызовете союзъ и крѣпкій союзъ между партіями реакціи и либерализма и погубите еще разъ республиканскія учрежденія. Дадимъ имъ утвердиться, и тогда тѣ соціальныя преобразованія, которыя должны быть введены въ современное общество, пройдутъ безъ особеннаго потрясенія». Другіе отвѣчаютъ на это: «Двѣ революціи были погублены, потому что въ основѣ ихъ не лежалъ соціальный переворотъ; если мы произведемъ третью республику и не провозгласимъ соціальныхъ реформъ, то мы не сомнѣваемся, что и эта третья революція обратится противъ насъ, какъ обратилась іюльская, какъ обратилась февральская. Чтобы революція теперь одержала побѣду, нужно, чтобы она была энергически поддерживаема рабочимъ сословіемъ всѣхъ городовъ; рабочее же сословіе только тогда станетъ съ рѣшительностью на сторону революціи, когда оно скажетъ себѣ: мы не проливаемъ опять нашу кровь безплодно для насъ самихъ, мы не служимъ болѣе жалкимъ орудіемъ какого-нибудь интригана, у насъ есть за что̀ бороться и мы знаемъ за что̀ мы боремся, мы всѣ хотимъ одного — освобожденія отъ ига привилегированныхъ сословій и главнымъ образомъ—третьяго сословія, освобожденія нашего труда отъ подавляющей и покровительствуемой государствомъ силы капитала».

— Этотъ разладъ среди партіи революціи, говорилъ мнѣ тотъ, который самъ принадлежалъ къ этой партіи, крайне прискорбенъ; прискорбенъ тѣмъ болѣе, что въ основѣ его лежитъ недоразумѣніе, непониманіе, я готовъ сказать, продолжалъ онъ, одни слова. Развѣ политическая революція такъ рѣзко отдѣлена отъ соціальной, что въ одной не заключается вмѣстѣ и другой. А этого именно и не хотятъ понимать весьма многіе. Никто, замѣтьте, среди этой партіи революціи, за исключеніемъ, можетъ быть, нѣсколькихъ человѣкъ, неимѣющихъ никакой силы, никакого вліянія, не желаетъ насильственнаго соціальнаго переворота, т.-е. никто не думаетъ, никому не приходитъ въ голову мысль объ уничтоженіи собственности, распредѣленіи богатствъ, никто не помышляетъ о коммунизмѣ. Все это басня, распространяемая партіею реакціи, чтобы запугать населеніе и вызвать

тельныхъ мирныхъ условій и рѣшилось бы продолжать ту guerre à outrance, которую требовала республиканская партія. Но оно не имѣетъ этой проницательности, и будучи калифомъ на часъ, воображаетъ себя полнымъ и безусловнымъ распорядителемъ судебъ французскаго народа.

Оно горько ошибется въ своихъ предположеніяхъ и планахъ.

Боязни, опасенія революціи почти никакихъ.

— Мы слишкомъ наказаны, приходилось мнѣ слышать, за нашу боязнь революціи. Еслибы мы ее меньше опасались, еслибы та же буржуазія смѣлѣе смотрѣла ей въ глаза, то мы давно съумѣли бы повалить имперію и были бы, такимъ образомъ, избавлены отъ послѣдней войны и отъ всѣхъ ея тяжелыхъ послѣдствій. Мы боялись ее, приходили въ ужасъ отъ словъ: кровь будетъ пролита, дѣла остановятся, какъ будто во сто разъ больше не было пролито крови, какъ будто во сто разъ больше Франція не разорена войною, которая была въ значительной степени результатомъ нашего опасенія революціи. Имперія держалась страхомъ революціи, обуревавшимъ буржуазію. Если развитіе, историческій ходъ Франціи таковъ, что она не можетъ двигаться впередъ безъ революцій, то пускай лучше эти революціи приходятъ во-время. Отсрочка ихъ усиливаетъ кризисъ.

— Но кто вамъ сказалъ, не могъ я не возражать, что революція обратится въ вашу пользу; отчего вы знаете, что эта революція не будетъ раздавлена, и господство тѣхъ классовъ, противъ которыхъ вы боретесь, и которыя въ свою очередь поддерживаются невѣжествомъ сельскаго населенія, не укрѣпится еще болѣе?

— Если вы такимъ образомъ станете смотрѣть, то вы всегда будете ошибаться, было мнѣ отвѣтомъ. Смотрите шире, глубже. Спросите, на чьей сторонѣ будущее, на чьей сторонѣ справедливость: на той ли, которая отказываетъ народу въ его требованіяхъ, въ его правахъ, въ возможности самому знать, что ему нужно, и самому защищаться отъ всякаго авантюриста, захватывающаго власть, или той, которая имѣетъ въ виду только интересы привилегированныхъ сословій и всѣми силами препятствуетъ развитой части народа, т.-е. рабочему сословію, занять должное мѣсто въ управленіи страною и путемъ политическихъ преобразованій въ общемъ строѣ государства достигнуть измѣненія своего положенія въ соціальномъ отношеніи. Спросите, на чьей сто онѣ прогрессъ: на сторонѣ ли реакціи, которая хочетъ возстановленія всего стараго и отжившаго во всѣхъ областяхъ народной жизни; въ области ли религіозной, желающей возстановить

католицизмъ во всемъ его прежнемъ значеніи; въ области-ли политической, стремящейся вернуться къ тому началу монархической власти, которая причинила Франціи столько вреда; въ области соціальной, думающей, что народъ, «чернь» создана только для того, чтобы работать въ потѣ лица, а привилегированные классы аристократіи, духовенства и буржуазіи пользоваться только этимъ трудомъ и жить въ свое удовольствіе,—или прогрессъ на сторонѣ «революціи», которая хочетъ уничтоженія католицизма, легитимистскаго, орлеанскаго или бонапартовскаго монархизма, и устраненія такого порядка, при которомъ является невозможною даже сколько-нибудь равная борьба между крупною собственностью, капиталомъ съ одной стороны и трудомъ съ другой. Результатъ, конечный исходъ борьбы долженъ быть на сторонѣ демократіи, на знамени котораго написано одно слово: впередъ! впередъ во всѣхъ отрасляхъ народной жизни. Демократія одолѣетъ, въ этомъ мы не сомнѣваемся, весь вопросъ только заключается въ срокѣ, который трудно опредѣлить. Когда кругъ развитого населенія расширится, когда онъ выйдетъ изъ предѣловъ однихъ большихъ городовъ, тогда борьба съ истинною демократіею сдѣлается невозможна, она будетъ торжествовать. Но и теперь уже этотъ слой развитого населенія достаточно силенъ, чтобы бороться, хотя быть можетъ и не достаточно силенъ, чтобы побѣдить.

Революція представлялась республиканской партіи какъ бы лавиной, которая стремительно катится внизъ, безъ того, чтобы кто-нибудь имѣлъ возможность, силу ее остановить. Но какъ никто не въ силахъ ее остановить, такъ никто не въ состояніи сказать, гдѣ остановится революція и каковъ будетъ ея исходъ.

— У насъ мало надежды, высказывалась эта партія, чтобы грядущая революція доставила торжество народу; весьма вѣроятно, что реакція снова выйдетъ побѣдительницею, но торжество ея во всякомъ случаѣ будетъ не прочно. Торжествуя свою побѣду, она должна будетъ, въ тоже самое время, готовиться къ новой борьбѣ, потому что побѣжденный народъ не положитъ своего оружія до тѣхъ поръ, пока онъ не побѣдитъ. Въ каждомъ пораженіи онъ видитъ залогъ будущей окончательной побѣды, потому что каждое пораженіе достается привилегированнымъ классамъ все дороже и дороже, и вмѣстѣ съ тѣмъ народъ становится все опытнѣе и опытнѣе въ дѣлѣ борьбы. Еслибы реакціонные элементы Франціи, изъ которыхъ состоитъ національное собраніе, понимали эти неизбѣжности революціи, еслибы они сознавали также, какъ сознаемъ мы, что прекращеніе войны, которая въ послѣдніе дни начинала принимать революціонный

оборотъ и стала пользоваться революціонными средствами, не только не остановитъ взрывъ революціи, но будетъ содѣйствовать ей, то безъ всякаго сомнѣнія, между ними и республиканскою партіею, требующей войны до крайности, произошло бы соглашеніе. Къ несчастью, они этого не понимаютъ, они примутъ самыя унизительныя условія, заключатъ миръ, но что будетъ послѣ никто не можетъ сказать. Очевидно одно—спокойно разойтись настоящій кризисъ не можетъ, Франція не такая страна, чтобы, вся поднятая на ноги, могла тотчасъ опять успокоиться и начать жить обыкновенною жизнью. Никто не можетъ сказать, какія бѣдствія ждутъ Францію въ будущемъ, вѣрно только одно, что реакція не утвердится безъ боя...

Подобныя пророчества дѣлались слишкомъ часто, онѣ превратились почти-что въ общія мѣста, и потому теперь, когда онѣ начали оправдываться, не нужно имъ удивляться. Чтобы предвидѣть за мѣсяцъ, за два то, что должно случиться, если такія-то и такія обстоятельства совершатся, для этого вовсе не нужно особенной проницательности, и потому нельзя вовсе ставить въ заслугу республиканской партіи, что она такъ вѣрно предсказывала событія. По всей вѣроятности, люди и другихъ партій ясно видѣли собравшіяся надъ головою революціонныя тучи; едва ли въ самомъ дѣлѣ можно предположить, чтобы посѣдѣвшіе въ государственныхъ дѣлахъ люди реакціи не понимали и не видѣли того, что такъ хорошо понимали и видѣли республиканцы; но они говорили себѣ: если революція должна вспыхнуть, то ужъ лучше скорѣе, пока страна изнурена и не въ силахъ будетъ оказывать долгаго и упорнаго сопротивленія *законной* власти; мы укротимъ эту вспышку и по крайней мѣрѣ снова надолго будемъ спокойны. Можетъ быть реакція и не совсѣмъ ошибалась разсуждая такимъ образомъ, по крайней мѣрѣ относительно возможности подавленія революціи. Весь вопросъ только въ томъ, долго ли реакція въ состояніи будетъ пользоваться покоемъ, и въ этомъ отношеніи надо полагать, что она обманется въ своихъ ожиданіяхъ. Бѣда монархическихъ партій во Франціи, мнѣ кажется, заключается въ томъ, что они все еще держатся старыхъ воззрѣній на свое взаимное положеніе, они думаютъ, что въ 1871-мъ году политическая борьба должна будетъ вертѣться по прежнему вокругъ старыхъ, истрепанныхъ знаменъ, и не замѣчаютъ, что послѣдняя война, двадцатилѣтняя имперія и ея паденіе повлекли за собою значительную перемѣну въ понятіяхъ, стремленіяхъ и требованіяхъ французовъ. Не замѣчая этой перемѣны, и думая, что они по прежнему стоятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, они помимо своей воли должны под-

это значитъ только одно, что во Франціи прольется еще много крови, что мы дадимъ вамъ еще не одинъ разъ отвратительное зрѣлище междоусобной войны, прежде чѣмъ наступитъ торжество истинной республики и истинно честныхъ людей. Но что это торжество наступитъ, въ этомъ вы не должны отчаяваться.

— Да; но гдѣ же гарантіи, гдѣ доказательства того, что ваши пророчества осуществятся; кто мнѣ поручится, что Франція не находится въ періодѣ своего упадка; кто мнѣ отвѣтитъ, что метаясь во всѣ стороны, то возвышаясь на какую-то идеальную высоту, то падая слишкомъ низко, вы не скатитесь наконецъ въ ту пропасть, гдѣ покоится уже столько народовъ. Скажите сами, развѣ не правы тѣ, которые качаютъ головою, когда имъ говоришь про будущее Франціи; развѣ не правы тѣ, въ душу которыхъ закрадывается отчаяніе въ жизненныхъ силахъ вашего народа?

— Нѣтъ, не правы тѣ, которые качаютъ головою, не правы тѣ, которые отказываютъ намъ въ будущемъ. Вы спрашиваете гдѣ гарантіи, гдѣ ручательство того, что Франція не отжила своего вѣка, что Франція достигнетъ того идеала, къ которому стремится вотъ уже болѣе 80-ти лѣтъ. Скажите, развѣ справедливы эти требованія, развѣ возможно сказать: вотъ вамъ залогъ того, что мы сильны, что мы достигнемъ нашей цѣли! Вы осуждаете, вы вините насъ за то, что мы не достигли еще такого политическаго устройства, которое дѣлало бы каждаго человѣка вполнѣ свободнымъ, полноправнымъ; но отчего же вы не осуждаете, отчего вы не вините за тоже самое всѣ другіе народы континентальной Европы, которые точно также не достигли еще свободнаго политическаго устройства, и которые въ дѣлѣ политической свободы остаются далеко позади насъ. Народъ, который хотя минутами находитъ въ себѣ силы стряхнуть съ себя накопляющуюся годами грязь и подняться на значительную высоту, тотъ народъ не истратилъ еще своихъ жизненныхъ силъ. Назовите мнѣ хоть одно серьезное движеніе въ Европѣ, которое, если даже не исходя изъ самой Франціи, не нашло бы въ ней широкаго развитія, не вызвало бы сочувствія. Къ чему и когда Франція оставалась глуха? Народъ, который способенъ принимать новыя идеи, который способенъ немедленно проводить ихъ въ жизнь, не можетъ быть названъ народомъ отжившимъ. Спросите, какой вопросъ стоитъ на очереди въ Европѣ, къ которому бы Франція относилась безучастно! Malheur au vaincu! мы это давно знаемъ и мы приготовлены къ тому, что всѣ отвернутся отъ насъ и станутъ бросать въ насъ ка-

ходилось бывать еще въ такъ-называемомъ «Cercle alsacien», тоже родъ клуба, но тутъ весь интересъ до того былъ поглощенъ Эльзасомъ и Лотарингіею, разговоры такъ исключительно были направлены на одну тему, что несмотря на то, что въ этотъ cercle являлись люди всевозможныхъ партій, отъ республиканцевъ до самыхъ рѣшительныхъ монархистовъ, тутъ никогда не заводилось такого спора, изъ котораго можно было бы увидѣть различіе въ политическихъ и соціальныхъ стремленіяхъ этихъ людей. У нихъ было одно горе — насильственное отторженіе двухъ провинцій отъ ихъ общей родины, которую теперь, когда она была вся изранена и искалѣчена, они еще болѣе кажется стали любить. Если ненависть, заклятая вражда къ Пруссіи была велика вообще у всѣхъ французовъ, то тутъ, среди этихъ людей она достигала высшихъ предѣловъ. Только съ бѣшенствомъ, съ пѣною у рта могли они говорить о своихъ новыхъ, возмущавшихъ ихъ своимъ звѣрствомъ, своею жестокостью, побѣдителяхъ. Въ разговорѣ съ этими людьми для меня еще болѣе, если было возможно, уяснилось то негодованіе, которое должно возбуждать во всѣхъ сколько-нибудь развитыхъ людяхъ захватъ, насильственное присоединеніе части одного народа къ другому.

Итакъ, я искалъ другихъ клубовъ, кромѣ республиканскаго, опасаясь односторонности впечатлѣнія, но мнѣ скоро сдѣлалось яснымъ, что опасеніе это излишне. Не говоря о томъ, что въ газетахъ, брошюрахъ, частныхъ домахъ, случайныхъ встрѣчахъ приходилось сплошь и рядомъ сталкиваться съ мнѣніями и стремленіями лагеря, прямо противоположнаго республиканскому, но въ самомъ республиканскомъ клубѣ высказывались такія противорѣчивыя воззрѣнія, что односторонности бояться было нельзя. Невольно приходилось спрашивать себя: какъ объяснить себѣ, что въ этой средѣ республиканцевъ господствуетъ такое разнообразіе понятій, воззрѣній, желаній и даже стремленій; вопросъ этотъ тѣмъ болѣе приходилъ на умъ, что въ этотъ клубъ допускались только одни республиканцы и выборъ дѣлался довольно строго. Вотъ примѣръ. Я помню очень хорошо, какъ президентъ этого клуба, почтенный старецъ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, когда я просилъ позволенія ввести туда одного моего русскаго пріятеля.

— Скажите, спросилъ онъ меня, вашъ другъ республиканецъ, вы можете отвѣчать за то, что c'est un bon et vrai républicain?

Я остановился на минуту, и какъ ни хотѣлось мнѣ разсмѣяться,—до того вопросъ, обращенный ко мнѣ, русскому, показался мнѣ наивнымъ, но я, сохраняя всю серьезность, отвѣчалъ, быть можетъ нѣсколько преувеличивая либеральныя стремленія моего друга:

— Oui, c'est un vrai et bon républicain!

И все же, несмотря на то, что сюда принимались только «хорошіе и истинные» республиканцы, приходилось часто выслушивать отъ являвшихся сюда депутатовъ, журналистовъ,—провинціальныхъ и парижскихъ,—военныхъ, различныхъ employés правительства народной обороны, такія противорѣчивыя мнѣнія и присутствовать при такихъ раздражительныхъ спорахъ, что становилось довольно ясно, что республиканская партія не сформирована еще окончательно, и что планъ дѣйствій, планъ борьбы этой партіи съ другими партіями находится въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи. Несформированной она казалась мнѣ потому, что «республика» перестала быть лозунгомъ, соединяющимъ всѣхъ республиканцевъ. Мало теперь было произнести это слово, мало было сказать: я желаю республики,—чтобы знать, съ кѣмъ вы имѣете дѣло. Теперь было столько различныхъ понятій о томъ, чтó такое республика и чтó такое республиканецъ, что эти слова безъ всякихъ комментаріевъ потеряли какъ бы свой смыслъ. Еслибы вы ограничились однимъ поверхностнымъ знакомствомъ съ положеніемъ Франціи и съ стремленіями старыхъ партій, то вы должны были бы, волей-неволей, придти къ заключенію, что всѣ французы — республиканцы и что всѣ говорятъ только о республикѣ, и замѣтьте, вы глубоко бы ошиблись. Дѣйствительно, у всѣхъ на языкѣ было это слово, но не у всѣхъ оно означало одно и тоже. Нужно близкое знакомство съ положеніемъ партій, чтобы васъ не обмануло это слово «республика», и чтобы врага ея вы не приняли за ея друга. Одинъ говоритъ вамъ:

— Я ничего не имѣю противъ республики, я охотно ее принимаю!

Отъ другого вы слышите:

— Я желаю, чтобы у насъ установилась честная республика!

Третій, наконецъ, вамъ сдѣлаетъ такое признаніе:

— Я не хочу іезуитской и буржуазной республики, я хочу настоящей республики!

Вотъ вамъ трое, которые произносятъ это слово, но всѣ эти трое не выносятъ другъ друга, между этими тремя должна неминуемо разгорѣться борьба. Кто же эти трое, спросите вы, къ какимъ же они принадлежатъ партіямъ, чего они хотятъ и каковы ихъ стремленія? Эти три человѣка, по моему мнѣнію, если только я не ошибаюсь, резюмируютъ все положеніе Франціи, и его нужно хорошо понять, нужно вникнуть въ роль каж-

еще много крови и Франція переживетъ не одинъ тяжелый кризисъ...

Такого рода разговоры, споры, значительно помогли мнѣ, чтобы выяснить взглядъ на положеніе Франціи и на состояніе тѣхъ партій, которыя борятся въ настоящую минуту въ этой странѣ. Если для меня съ каждымъ днемъ становилась все виднѣе роль трехъ партій: реакціи, либерализма и революціи, все болѣе уяснялся образъ дѣйствій этихъ партій, за то все болѣе и болѣе стушевывалось то понятіе о легитимистахъ, орлеанистахъ, бонапартистахъ, съ которымъ я пріѣхалъ во Францію. Ни одна изъ этихъ старыхъ партій не смѣетъ громко заявлять о своемъ существованіи, каждая изъ нихъ чувствуетъ, что она потеряла почву подъ ногами, каждая, взятая порознь, сознаетъ свою слабость. Мы знаемъ, чѣмъ выразилась партія реакціи въ національномъ собраніи—страшною нетерпимостью, крикомъ и гвалтомъ каждый разъ, что произносились слова: république, citoyen, но мы не знаемъ, чѣмъ выразилась партія легитимизма—ни одного слова не было произнесено о Генрихѣ V. Также безцвѣтны, также трусливы оказались прежніе орлеанисты, которые не имѣли даже храбрости требовать, чтобы избранные депутатами герцогъ Омальскій и князь Жоанвильскій были допущены въ національное собраніе. Обиліе монархическихъ партій и обиліе претендентовъ принесло ту выгоду Франціи, что они, поглощенные взаимною ревностью, кончили тѣмъ, что подорвали силы другъ друга. Воспоминанія объ ихъ старой преданности той или другой династіи сдѣлали только то, что затруднили достиженіе французскаго престола тому или другому претенденту. Если партія реакціи, напр., желаетъ имѣть короля, то лишь только возбудится вопросъ о томъ, кто долженъ быть королемъ, то немедленно въ этой самой реакціонной партіи произойдетъ расколъ, такъ какъ каждый будетъ тянуть въ сторону своихъ прежнихъ симпатій.

— Какъ это вамъ ни покажется странно, приходилось мнѣ слышать отъ нѣкоторыхъ республиканцевъ-оптимистовъ, но существованіе прежнихъ династическихъ партій только поможетъ утвержденію республики.

Если я позволялъ себѣ выражать сомнѣніе въ этомъ отношеніи, то мнѣ говорили:

— Посмотрите, какъ это просто. Теперь они всѣ ненавидятъ республику и желаютъ возстановить монархію. Но пускай попробуетъ лѣвая партія сказать: пусть будетъ по вашему, пускай республика будетъ свергнута и монархія провозглашена! Вы бы посмотрѣли, какая буря началась бы въ національномъ

собраніи, какъ всѣ эти старцы захотѣли бы съѣсть другъ друга и какъ скоро передрались бы они всѣ на развалинахъ республики. Теперь всѣ хотятъ уничтоженія республики, и реакція и партія либерализма; но возьмите каждаго изъ нихъ поодиночкѣ, отведите въ сторону и спросите его: вы хотите монархіи?—«да, хочу»! отвѣтитъ онъ вамъ съ заносчивостью;—«хорошо, желаніе ваше будетъ исполнено, завтра будетъ приглашенъ герцогъ Омальскій».—«Я не хочу его, это интриганъ, c'est une maudite race!» и т. д. и т. д. Призовите другого и скажите ему потихоньку: «желаніе ваше будетъ удовлетворено, завтра на престолѣ будетъ сидѣть Генрихъ V». «C'est impossible, c'est un idiot»! и вашъ тихій разговоръ перейдетъ въ крикъ и шумъ. Такъ закричатъ орлеанисты и бонапартисты. Наконецъ, вы призовете третьяго и скажете ему: «въ самомъ дѣлѣ, республика невозможна, нужно призвать если не Наполеона III, то IV-го съ регентствомъ»!—«Comment, ce brigand, ce traitre, ce parjure»! и цѣлый потокъ подобныхъ эпитетовъ! Ну, согласитесь сами, развѣ возможно при этомъ установленіе монархіи, и развѣ не правъ я, когда утверждаю, что республика одна выиграетъ отъ соперничества всѣхъ этихъ старыхъ партій, и что республика сдѣлается общею ихъ наслѣдницею. Въ концѣ концовъ, легитимистъ болѣе ненавидитъ орлеаниста, нежели республику, орлеанистъ гораздо скорѣе помирится съ республиканскимъ правленіемъ, нежели съ правленіемъ Генриха V-го, а о бонапартистахъ нечего и говорить: они потому только предпочтутъ республику, что будутъ надѣяться всегда эскамотировать ее точно также, какъ эскамотировали вторую республику. Вы видите, кто имѣетъ болѣе всѣхъ шансовъ. Съ республикой повторится исторія Сандрильоны...

Мнѣ удавалось нѣсколько разъ обливать холодной водой горячій оптимизмъ, говоря:—да, ваша правда, старыя партіи и старые претенденты болѣе невозможны, они отжили свой вѣкъ; но такъ какъ вы сами соглашаетесь, что партія реакціи жаждетъ монархіи, а партія либерализма не прочь отъ нея, то отчего не предположить, что найдется какой-нибудь ловкій, еще неизвѣстный генералъ, который воспользуется этимъ расположеніемъ къ монархіи и не провозгласитъ себя сначала диктаторомъ, а потомъ императоромъ французовъ или королемъ Франціи. Правда, это не будетъ ни Бурбонъ, ни Орлеанъ, ни Бонапартъ, но это будетъ все вмѣстѣ и такимъ образомъ онъ всѣхъ примиритъ.

— Ah, oui! vous avez raison! мы заслужили это предполо-

женіе—было мнѣ горькимъ отвѣтомъ на мое тоже горькое, но, къ несчастью, возможное предположеніе.

Не одни, впрочемъ, республиканцы-оптимисты смотрѣли такимъ образомъ на эту внутреннюю распрю въ лагерѣ реакціи и либерализма между орлеанистами, легитимистами и бонапартистами. Мнѣніе, что какъ ни шатка республика, но она все-таки утвердится, хотя и противъ воли, благодаря невозможности придти къ соглашенію относительно лица, которое должно было бы занять тронъ, было довольно распространено и находило поддержку не только среди республиканцевъ, но и среди враждебныхъ имъ партій. Какъ бы послѣднее погребальное слово надъ легитимистами, орлеанистами и tutti quanti, было произнесено въ одной очень интересной статьѣ, подписанной: Marquis de Noailles и появившейся въ газетѣ «Gironde» во время перерыва въ засѣданіяхъ національнаго собранія, что помогло ей обратить на себя вниманіе.

Съ этой статьей стóитъ, мнѣ кажется, познакомиться ближе. Одно изъ золъ, способствовавшихъ, по мнѣнію автора, бѣдствіямъ, пораженію Франціи, заключается въ томъ невѣжественномъ индифферентизмѣ, которымъ заражено все сельское населеніе. Французскій крестьянинъ, будучи, съ одной стороны, собственникомъ, съ другой, обладая всѣми политическими правами, полагаетъ, что болѣе не должно существовать ни войнъ, ни политическихъ волненій, ни революцій. «Его поле сдѣлалось для него отечествомъ, внѣ его онъ ничего не видитъ». Крестьянинъ не понимаетъ, что если общественныя дѣла идутъ дурно, то также дурно должны идти его частныя дѣла; онъ не понимаетъ, что если правительство дурно управляетъ страною и ведетъ безумную политику, то его хозяйство будетъ разорено и все его благосостояніе держится на волоскѣ. «Къ несчастію, говоритъ авторъ статьи, наше сельское населеніе пріучили ненавидѣть, какъ вредныхъ людей, всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ контролировать правительственную политику. Имъ говорили: не слушайте этихъ болтуновъ и отвѣчайте *да* на все, что мы васъ спрашиваемъ. Сельское населеніе съ точностью слѣдовало этой программѣ. Не понимая даже того, о чемъ ихъ спрашивали, они всегда говорили *да;* они избирали своими представителями, не зная вовсе тѣхъ кандидатовъ, которыхъ имъ указывали префекты. То, что сѣяли, было индифферентизмъ въ политикѣ, то, что пожали, было нашествіе и война». Какъ же помочь горю, спрашиваетъ авторъ? Всѣ отвѣчаютъ: нужно хорошее правительство, но этимъ и ограничиваются, предпочитая оставлять неразрѣшеннымъ, какая форма, какое правительство

дастъ то, чтó понимаютъ подъ словами: «le bon gouvernement». Республика или монархія — вотъ тѣ два термина, которые возбуждаютъ такіе споры.

Вы полагаете, быть можетъ, что маркизъ de Noailles долженъ возвысить свой голосъ въ пользу монархіи. Послушайте его разсужденія, онѣ чрезвычайно любопытны. «Многіе утверждаютъ, что Франція страна монархическая, другіе полагаютъ, что она склонна къ республикѣ. Тѣ и другіе, мнѣ кажется, ошибаются. Франція не есть страна монархическая, не есть также республиканская: справедливо по моему то, что Франція послѣ того, что она была феодальная, была потомъ въ высшей степени страною монархическою въ течепіи самаго длиннаго и самаго блестящаго періода своей исторіи; но въ настоящую минуту она перестала быть монархическою, и должна сдѣлаться республиканскою, потому что не можетъ быть болѣе монархическою страною». Численное превосходство, высказывается marquis de Noailles, должно остаться за республикой. Если сегодня, разъясняетъ онъ свою мысль, на всеобщее голосованіе будетъ отданъ вопросъ: «легитимистская реставрація или республика»? то можно быть вполнѣ увѣреннымъ, что всѣ орлеанисты массою будутъ вотировать за республику. Имперіалисты поступятъ точно также, слѣдовательно большинство голосовъ будетъ обезпечено за республикой. Тоже самое случится, полагаетъ авторъ, если на разрѣшеніе будетъ поставленъ вопросъ: орлеанскій принцъ или республика. «Такимъ образомъ, въ различныхъ комбинаціяхъ, которыя могутъ представиться, за республикою всегда будетъ обезпечено большинство голосовъ, и въ то время, когда монархическая реставрація способна дать Франціи только правительство одной партіи—республика, переставая быть политическою формулою меньшинства, сдѣлается истиннымъ правительствомъ народа посредствомъ самого народа».

Marquis de Noailles произноситъ рѣшительный приговоръ надъ монархіею во Франціи, говоря: «какого бы претендента ни удалось посадить на престолъ, онъ никогда болѣе не будетъ ни королемъ Франціи, ни королемъ французовъ: онъ будетъ только королемъ партіи. Ему можетъ удасться процарствовать фактически нѣсколько лѣтъ; другія партіи станутъ его выносить, пока обстоятельства будутъ помогать ему держаться, но первое дуновеніе вѣтра—и онъ будетъ сброшенъ съ своего трона, и онъ упадетъ, какъ дерево, которое не пустило корня». Анализъ прошедшаго ведетъ этого представителя древняго рода къ тому заключенію, что Франція перестала быть страною монархическою. Онъ не закрываетъ себѣ глаза на тотъ фактъ, что съ

той минуты, когда король Франціи взошелъ на эшафотъ, произошло шесть династическихъ перемѣнъ: сначала первая имперія, потомъ реставрація, Сто дней, царствованіе Лудовика XVIII-го и Карла X-го, затѣмъ Луи-Филиппъ и снова вторая имперія, и ни одной изъ этихъ династій не удалось утвердиться на престолѣ. «Не странно-ли, спрашиваетъ авторъ, разсуждать такимъ образомъ: ни одна династія не могла утвердиться во Франціи, слѣдовательно Франція страна монархическая». Нѣтъ, онъ приходитъ къ другому заключенію, говоря: династическая идея не имѣетъ болѣе корня въ почвѣ, она превратилась въ воспоминаніе прошедшаго. Республика, правда, тоже появлялась два раза, и тоже не удержалась; но вторая республика 48-го года была такъ кратковременна, что она едва можетъ идти въ счетъ; что же касается до первой республики, то она оказала такое громадное вліяніе на всю страну, она совершенно «измѣнила нашъ умъ такъ, что всѣ наши политическія идеи, наши принципы, наши учрежденія исходятъ отъ нея и впродолженіи шестидесяти лѣтъ мы только и живемъ тою жизнію, которую она вселила въ насъ».

Если республика, по мнѣнію маркиза de Noailles, оказывается единственною возможною политическою формою во Франціи, если она одна способна, въ концѣ концовъ, болѣе или менѣе примирить враждующія партіи и установить наконецъ прочный порядокъ, то одинаково необходима республика и для того, чтобы поставить Францію на ту высоту, на которой она прежде стояла. Величіе Франціи никогда не заключалось въ ея побѣдахъ, завоеваніяхъ. Она велика, пока она представляетъ собою какую-нибудь идею; какъ только этого нѣтъ, она падаетъ. Для того, чтобы стоять во главѣ народовъ, нужно не войско, не колоссальная армія, нужна идея, къ осуществленію которой стремились бы всѣ народы, идея, которая свѣтила бы и указывала собою новые пути въ исторической жизни народовъ. Въ печальные годы второй имперіи нравственное вліяніе Франціи должно было ослабѣть. Военнымъ могуществомъ ей не получить его обратно. Передъ нею страшная военная сила, представляемая Германскою имперіею: возобновлять съ нею борьбу ея же оружіемъ было бы надолго безумно. «Только одна республика, говоритъ marquis de Noailles, можетъ смѣло смотрѣть въ лицо германскому колоссу; она одна, и не прибѣгая къ оружію, недосягаемымъ могуществомъ идеи можетъ его опрокинуть». Сравнивая республиканскую Францію съ Франціею монархическою, онъ задаетъ себѣ вопросъ, какую роль могъ бы играть «маленькій король Франціи, едва уважаемый собственными под-

данными, государь конституціонный и буржуазный, родившійся отъ случая, эфемерное существо, которое не имѣло бы другого raison d'être, какъ только безумную и смѣшную боязнь «красныхъ». Это—умственное разстройство, отъ котораго Франціи пора бы было излечиться; такъ какъ эта болѣзнь постоянно пораждаетъ среди насъ политическія паники, мѣшающія намъ достигнуть цѣли въ ту самую минуту, когда мы такъ близки уже къ ея достиженію». Французская «монархія» будетъ третируема свысока старыми и прочными монархическими государствами Европы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, она отталкиваетъ отъ себя симпатіи тѣхъ народовъ, которые стремятся сами къ республиканскимъ учрежденіямъ; между тѣмъ французская «республика» соединитъ вокругъ себя всю передовую и самую развитую часть Европы и сдѣлается центромъ нравственной борьбы съ монархическою Европою. Идея, которою только и можетъ жить Франція, снова поставитъ ее на прежнюю высоту. Такъ разсуждаетъ одинъ изъ людей старой легитимистской партіи, ставящій любовь къ Франціи выше любви къ династіи и партіи и вмѣстѣ съумѣвшій сохранить спокойствіе среди окружающей бури. Помимо республики,—высказывается съ твердою рѣшимостью marquis de Noailles,—рядомъ съ всеобщей подачей голосовъ возможенъ только тотъ политическій порядокъ, который повергнулъ Францію въ страшную бездну. «Люди порядка, къ какой бы партіи вы ни принадлежали, заключаетъ онъ свою проповѣдь, страна, посредствомъ всеобщей подачи голосовъ, вручила вамъ власть! Если ваши слабыя руки не могутъ ее сохранить, если вы еще разъ повергнете ее къ стопамъ какого-нибудь монарха, знайте, вы погубите Францію».

Не одинъ маркизъ de Noailles обращался къ національному собранію съ такими словами,—со всѣхъ сторонъ, со всѣхъ концовъ Франціи слышались голоса, которые кричали имъ:—Представители несчастной, разоренной Франціи! воодушевитесь патріотизмомъ, любовью къ вашей странѣ, къ вашему народу и съумѣйте возвыситься надъ тѣми мелкими страстями, надъ тою взаимною ненавистью, тою взаимною завистью, которыя причинили Франціи столько вреда, столько бѣдствій! Поймите, что желая спасти во Франціи монархію наперекоръ ея историческимъ требованіямъ, вы кончите тѣмъ, что спасши на-время монархію вы навсегда погубите Францію. Придетъ часъ, когда вы поймете все зло, которое вы причините Франціи, придетъ часъ, когда вы раскаетесь, но берегитесь, тогда уже будетъ поздно! Къ сожалѣнію, національное собраніе, выбранное на скорую руку, среди паники, произведенной цѣлымъ рядомъ тяжелыхъ пораженій,

подъ давленіемъ страха, возбужденнаго наплывомъ милліонной нѣмецкой арміи, состояло въ огромномъ большинствѣ изъ такихъ элементовъ, изъ такихъ людей, которые неспособны были воодушевиться патріотизмомъ, которымъ чужда была любовь къ родинѣ, у которыхъ разсудокъ былъ затемненъ тою болѣзнью, о которой говоритъ маркизъ de Noailles, называя ее «безумною и смѣшною боязнью красныхъ».

Та партія, которая порвала съ прошедшимъ, понимая, что монархическая Франція отжила свое время, и потому, стараясь установить искреннюю республику, т.-е. партія революціи, стояла въ національномъ собраніи одиноко и бѣдно представленная. Тѣ же, которые силятся вернуть Францію, даже подъ угрозою ея окончательнаго паденія, къ прошедшему, и тѣ, которые колеблются между умѣренною республикою и умѣренною монархіею, но болѣе ненавидя революцію, нежели реакцію, составляли то громадное «деревенское большинство», которое, обрадовавшись своему численному превосходству, гордо бросило вызовъ партіи революціи, едва понимая въ какую опасную игру, опасную для жизни Франціи, оно захотѣло играть. Къ несчастью, на вопросѣ войны или мира съ внѣшнимъ врагомъ, эти партіи должны были испробовать свои взаимныя силы. Партія революціи сгруппировалась вокругъ войны до крайности, партія реакціи и либерализма вокругъ мира во что бы ни стало. Не долго уже болѣе нужно было ждать, чтобы узнать численное отношеніе съ одной стороны партіи революціи, съ другой реакціи и либерализма. Но нужно сказать, что численное отношеніе этихъ партій въ національномъ собраніи вовсе не означаетъ, чтобы оно было одинаково въ цѣлой странѣ. Что же касается до численнаго отношенія между партіею реакціи и партіею либерализма, то о немъ можетъ сказать только будущее, но не далекое, а близкое будущее. Оно опредѣлится тогда, когда партія революціи будетъ побѣждена, а партія реакціи, окончательно сбросивъ свою маску, захочетъ безусловно господствовать и начнетъ уже открытую борьбу съ партіею либерализма. Тогда не трудно будетъ сосчитать силы реакціи и силы либерализма, теперь же обѣ эти партіи дѣйствуютъ съ такимъ реакціоннымъ единодушіемъ, что можно было бы подумать, что партіи либерализма вовсе и не существуетъ.

Быть можетъ, я утомилъ ваше вниманіе, останавливаясь такъ долго на состояніи политическихъ партій и на ихъ стремленіяхъ, но вотъ мое оправданіе: никогда хаосъ среди людей, понятій, стремленій страны не достигалъ такихъ колоссальныхъ размѣмѣровъ какъ во Франціи послѣ паденія имперіи, послѣ несчаст-

ной войны. Старый реакціонеръ прикидывался ярымъ революціонеромъ, закоренѣлый легитимистъ попадалъ въ среду республиканцевъ, тотъ, который всю жизнь считался республиканцемъ, сдѣлался вдругъ монархистомъ и. т. д., и. т. д.

Среди этого хаоса было выбрано національное собраніе, которое можетъ быть распущено сегодня или завтра, и чѣмъ скорѣе тѣмъ, разумѣется, лучше, потому что ничего худшаго быть уже не можетъ; но во всякомъ случаѣ роль, которую оно играло и продолжаетъ играть еще, такъ велика, что оно должно занять важное мѣсто въ исторіи Франціи. Страница, на которой будетъ вписано національное собраніе 1871-го г., навсегда будетъ принадлежать къ самымъ позорнымъ страницамъ въ исторіи Франціи, навсегда останется живымъ укоромъ французскому народу. Собраніе, которое подписало самый унизительный миръ, который когда-нибудь подписывала Франція; собраніе, которое своимъ реакціоннымъ характеромъ вызвало страшную междуусобную войну, которое приходитъ въ шумный восторгъ при каждомъ извѣстіи о томъ, что нѣсколько сотъ французовъ, жертвующихъ своею жизнью, чтобы отстоять свободу, падаетъ подъ градомъ французскихъ же бомбъ; собраніе, жаждущее крови, разстрѣляній и гильотинъ, бомбардирующее столицу — такое собраніе, безъ сомнѣнія, заслуживаетъ того, чтобы знать изъ кого оно состоитъ и чего оно хочетъ. Когда бы ни окончило свое существованіе національное собраніе, выбранное 8-го февраля 1871-го г., сегодня или завтра, когда бы оно ни было прогнано силою событій, оно во всякомъ случаѣ долго будетъ жить въ памяти народа, и долго будетъ возбуждать къ себѣ интересъ людей, слѣдящихъ за историческими событіями. Если я только не ошибаюсь, этому собранію суждено имѣть много историковъ, такъ какъ оно служитъ, мнѣ кажется, поворотною точкою въ исторіи Франціи. Оно должно служить преддверіемъ къ новой эпохѣ, одни говорятъ—эпохѣ разложенія, паденія Франціи; что же касается меня, то вы знаете, что я болѣе согласенъ думать, что оно будетъ служить преддверіемъ къ эпохѣ обновленной и мощной жизни французскаго народа. Въ одномъ только случаѣ это національное собраніе, несмотря на весь вредъ, причиненный имъ Франціи, заслужитъ благодарность и современниковъ и потомства: если оно поможетъ открыть глаза сельскому населенію, которое должно было бы понять теперь, что значитъ дѣлать своими представителями реакціонеровъ, и правду ли говорятъ эти люди, когда утверждаютъ, что избраніе ихъ служитъ гарантіею умиротворенія страны.

Все что вы читаете объ этомъ собраніи,—говорилъ мнѣ одинъ изъ самыхъ его молодыхъ депутатовъ, принадлежавшій къ крайней лѣвой,—ничто въ сравненіи съ дѣйствительностью; отчеты о нашихъ засѣданіяхъ не даютъ никакого понятія о томъ, что происходитъ на самомъ дѣлѣ; нѣтъ, нужно быть очевидцемъ, нужно всмотрѣться въ физіономіи большинства, чтобы понять, что это за люди, съ которыми приходится сидѣть рядомъ. Вы должны попасть въ національное собраніе, только тогда вы поймете, что каждый день меня такъ и тянетъ крикнуть имъ: vous êtes tous des lâches! и убѣжать навсегда отъ этой заразы.

Слова молодого депутата казались мнѣ вызванными страстью, представлялись преувеличеніемъ, но я соглашался съ нимъ, что я долженъ попасть въ національное собраніе и преодолѣть всѣ трудности, какія встрѣчались на пути къ достиженію постояннаго билета для входа въ зданіе «Комедіи».

— Если вы находите, что я долженъ попасть въ національное собраніе, чтобы получить о немъ вѣрное понятіе, то помогите же мнѣ добыть себѣ билетъ.

Нужно сказать, что добыть себѣ билетъ въ національное собраніе было вовсе не шуткой. Депутаты оказались совершенно безсильны въ этомъ отношеніи; имъ по очереди, по алфавитному списку, выдавали по билету, которымъ они могли располагать для своихъ знакомыхъ; но этой очереди пришлось бы ждать по недѣлямъ, если не по мѣсяцамъ. На депутатовъ слѣдовательно разсчитывать было нечего. Нужно было добиваться инымъ путемъ. Добыть себѣ билетъ въ національное собраніе было рѣшительнымъ подвигомъ. Зала, гдѣ происходили засѣданія, была невелика, и если принять во вниманіе, что болѣе шестисотъ пятидесяти мѣстъ было занято депутатами, затѣмъ мѣста, ложи, отведенныя для дипломатическаго корпуса, для главы исполнительной власти, для президента собранія, для старыхъ депутатовъ и т. д.,—то и выйдетъ, что для всѣхъ остальныхъ смертныхъ оставалось самое большое двѣсти или триста мѣстъ. Между тѣмъ стремившихся попасть въ національное собраніе было разумѣется нѣсколько десятковъ тысячъ человѣкъ. Что дѣлать, какъ попасть? Если я хочу передать вамъ исторію моихъ похожденій за билетомъ, то только потому, что среди этого разсказа вы увидите, быть можетъ, нѣкоторыя типическія черты извѣстной минуты, въ которую вся жизнь шла какъ-то ненормально.

Въ первый же день моего пріѣзда я отправился въ квестуру національнаго собранія, чтобы узнать адрессы какъ тѣхъ двухъ-трехъ депутатовъ, съ которыми я былъ уже знакомъ прежде, такъ и тѣхъ, къ которымъ я получилъ рекомендательныя письма.

Толпа народу стояла у входа съ тою же цѣлью, какъ и я; впускали по два, по три человѣка, такъ что когда, простоявъ часа полтора, я приблизился ко входу, пробило уже одиннадцать часовъ, т.-е. часъ, когда квестура была уже закрыта для такого рода справокъ. Нужно было отложить до другого дня и оставить мысль, которую я питалъ тогда, по своей неопытности и самоувѣренности, попасть въ тотъ же день въ національное собраніе. Мнѣ не хотѣлось оставлять этой мысли, и потому я рѣшился обратиться къ какому-нибудь незнакомому депутату и попросить его оказать мнѣ протекцію. Нѣсколько человѣкъ ихъ разгуливало около самаго входа въ національное собраніе; я выбралъ одного, наружность котораго внушала мнѣ больше симпатіи и подошелъ къ нему.

— Не будете ли вы такъ добры, обратился я къ нему съ просьбою, помочь мнѣ въ моемъ затруднительномъ положеніи. Я пріѣхалъ изъ Петербурга нарочно для того, чтобы слѣдить за засѣданіями національнаго собранія. Я здѣсь почти никого не знаю, а между тѣмъ не попасть для меня въ національное собраніе было бы крайне обидно.

— Je crois bien! произнесъ молодой депутатъ съ пріятною физіономіею, да этого и не должно быть, добавилъ онъ. Неправда ли, вы русскій журналистъ?

Прежде чѣмъ я успѣлъ отвѣтить, онъ попросилъ у меня мою визитную карточку и сказавъ мнѣ, чтобы я подождалъ, куда-то скрылся. Я начиналъ уже думать, что онъ позабылъ о моемъ существованіи, когда онъ возвратился ко мнѣ и сказалъ:

— Такъ вы не попадете; но теперь устроился syndicat de la presse, отправляйтесь туда, предъявите ваши права, и вамъ должны будутъ дать билетъ для входа. Вы имѣете полное право, довольно и того, что вы пріѣхали изъ Петербурга.

— Слѣдовательно, сегодня, сказалъ я ему, поблагодаривъ за указаніе, какъ слѣдуетъ поступить мнѣ,—нечего и думать, чтобы попасть въ національное собраніе.

— Еслибы у меня былъ билетъ, я съ удовольствіемъ бы далъ вамъ, но къ сожалѣнію у меня на сегодня нѣтъ билета. Впрочемъ подождите, я спрошу нѣтъ ли у кого-нибудь изъ моихъ друзей.

Я видѣлъ какъ онъ подошелъ къ двумъ, тремъ депутатамъ, но на мое несчастье и у тѣхъ не было билетовъ. Дѣлать было нечего, я отправился въ синдикатъ. Только-что пріѣхавъ въ Бордо, ничего и никого не зная, я и не подозрѣвалъ, что могло быть два синдиката прессы, что былъ синдикатъ консервативный, въ которомъ предсѣдательствовалъ главный ре-

дакторъ консервативнаго же парижскаго бонапартовскаго журнала «le Constitutionnel», и синдикатъ радикальный, во главѣ котораго стоялъ редакторъ «Жиронды» и одинъ изъ сыновей Виктора Гюго. На мое горе я попалъ въ синдикатъ консервативный. Дней пять или шесть каждое утро и каждый вечеръ я являлся въ этотъ синдикатъ и каждый разъ получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ: demain, monsieur, probablement vous aurez votre billet! Нѣсколько разъ я выходилъ изъ этого синдиката уже вполнѣ увѣренный, и слѣдовательно довольный, что завтра у меня будетъ билетъ. Но «завтра» я получалъ тотъ же отвѣтъ, какой и вчера, съ нѣкоторою варіаціею на ту тему, что это не зависитъ отъ синдиката, что президентъ національнаго собранія не выбралъ еще трибуны для журналистовъ, но что сегодня вечеромъ monsieur Gibiat, т.-е. редакторъ «Constitutionnel'я», непремѣнно получитъ билеты, что онъ поставилъ свой ультиматумъ президенту, что ему нужно столько-то и столько билетовъ, и что завтра я непремѣнно, непремѣнно получу билетъ. Терпѣніе пропадало, а дѣлать было нечего, нужно было подчиняться, въ надеждѣ добиться все-таки билета. Я ждалъ. Наконецъ, на шестой или седьмой день, отправившись, можетъ быть, въ десятый или въ двѣнадцатый разъ въ этотъ синдикатъ, вполнѣ убѣжденный, что это «завтра» уже превратилось въ «сегодня» и я получу въ концѣ концовъ мой билетъ, я вдругъ, безъ всякихъ приготовленій, услышалъ такого рода фразу: c'est désolant, mais nous ne pouvons pas vous donner un billet, ce n'est pas notre faute и т. д., и т. д. Я имѣлъ всѣ основанія придти въ негодованіе. Я потребовалъ свиданія съ monsieur Gibiat, но мнѣ отвѣтили, что monsieur Gibiat занятъ и не можетъ никого принять.

— Я хочу видѣть monsieur Gibiat, настаивалъ я до тѣхъ поръ, пока маленькій секретарь monsieur Gibiat, убѣдившись, что моя настойчивость не такого рода, чтобы отъ нея можно было скоро отдѣлаться, не отправился извѣстить monsieur Gibiat, что какой-то «journaliste russe» во что бы то ни стало хочетъ лично съ нимъ говорить.

Monsieur Gibiat съ красной ленточкой въ петлицѣ, съ жирнымъ и самодовольнымъ лицомъ, съ нахмуренными бровями вышелъ ко мнѣ, безъ всякаго сомнѣнія съ цѣлью обрушить на меня потокъ упрековъ, что я смѣю безпокоить его публицистическое вдохновеніе, которое такъ недавно еще служило для того, чтобы восхвалять мудрость генія Наполеона III.

— Monsieur Gibiat, обратился я къ нему съ рѣчью, вотъ ужъ пять, шесть дней, какъ меня заставляютъ приходить къ вамъ каждый день, обѣщая билетъ; я давалъ себѣ этотъ трудъ и

вмѣстѣ дѣлалъ себѣ эту непріятность вовсе не для того, чтобы получить въ концѣ концовъ отвѣтъ, что я не получу билета.

— Не вы одни, прервалъ онъ меня...

— До другихъ мнѣ нѣтъ дѣла, потому я говорю только о себѣ и нахожу, что вы могли не заставлять меня ходить сюда два раза въ день, а должны были съ самаго начала сказать мнѣ, что можетъ быть билетъ будетъ, можетъ быть нѣтъ, и тогда я не потратилъ бы столько времени на посѣщеніе вашего синдиката.

Я говорилъ такимъ образомъ потому, что физіономія monsieur Gibiat мнѣ крайне не нравилась; я не могъ отдѣлаться отъ мысли, что вижу предъ собою одного изъ представителей той шайки продажныхъ журналистовъ, къ которымъ, гдѣ бы я ихъ ни встрѣтилъ, въ Москвѣ или въ Бордо, я чувствую такое глубокое презрѣніе.

— Обращайтесь съ вашими жалобами къ президенту національнаго собранія. Онъ выдалъ всего пять билетовъ для представителей иностранной прессы, и такъ какъ «Times» и другіе обратились прежде, то они и получатъ.

— Я и обращусь къ президенту, отвѣтилъ я ему, и сейчасъ же, отъ васъ я отправлюсь къ нему.

— Сдѣлайте одолженіе, только можете быть увѣрены, что онъ васъ не приметъ.

— Посмотримъ! сказалъ я ему, и отъ него тотчасъ же отправился къ президенту, думая дорогой о той печати наглости, которую наложилъ бонапартовскій режимъ на всѣхъ его служителей.

Я подошелъ къ дому, гдѣ жилъ президентъ національнаго собранія. У воротъ стояло два солдата.

— Où allez vous monsieur?

— Chez monsieur le président, отвѣтилъ я, проходя въ воротахъ и сталъ подниматься по лѣстницѣ.

Въ передней дожидалось нѣсколько человѣкъ. Я сказалъ одному изъ служителей, что мнѣ нужно видѣть президента.

Онъ занятъ въ настоящую минуту, и назвалъ при этомъ одного изъ министровъ; но если вамъ угодно будетъ вернуться въ другой разъ, то...

Я не имѣлъ терпѣнія. Я сказалъ, что мнѣ хотѣлось бы видѣть его тотчасъ же и вынулъ свою карточку, на которой приписавъ: journaliste russe, просилъ ее снести президенту. Я написалъ еще на карточкѣ, что прошу monsieur le président удѣлить мнѣ нѣсколько минутъ своего времени.

Человѣкъ возвратился и сказалъ, что monsieur le président

проситъ немножко подождать и какъ только освободится, сейчасъ приметъ меня. Въ самомъ дѣлѣ не прошло и четверти часа, какъ изъ кабинета вышелъ Греви и произнесъ мою фамилію. Я вошелъ къ нему въ кабинетъ и объяснилъ мою исторію съ билетомъ.

— Но зачѣмъ же вы обратились, — было первымъ его словомъ, — въ тотъ синдикатъ, зачѣмъ вы не пошли въ синдикатъ «Жиронды»!

Я объяснилъ ему, что попалъ въ синдикатъ monsieur Gibiat совершенно случайно, совершенно не зная о существованіи другого радикальнаго синдиката. Я чувствовалъ, что я точно извиняюсь, что попалъ въ синдикатъ, гдѣ предсѣдательствовалъ старый бонапартистъ.

— Что же мнѣ дѣлать, продолжалъ Grevy, я роздалъ всѣ постоянные билеты и у меня буквально не осталось ни одного.

— Но вы не были великодушны къ намъ, иностранцамъ, прибавилъ я улыбаясь: на всѣхъ насъ, вы дали всего пять билетовъ.

— Кто это вамъ сказалъ?

—Monsier Gibiat.

— Ce n'est pas vrai! произнесъ онъ рѣзко, я далъ пятнадцать билетовъ. Ступайте же, добавилъ онъ, въ синдикатъ «Жиронды», предъявите ваши права, вы должны получить билетъ. Они поймутъ, что, пріѣхавъ нарочно изъ Петербурга, вы должны попасть въ національное собраніе.

— А если нѣтъ! произнесъ я, если они всѣ билеты уже роздали?

— Тогда приходите ко мнѣ. Я не обѣщаю вамъ постояннаго билета, но я буду давать вамъ свой билетъ и постараюсь давать почаще.

Мнѣ оставалось только поблагодарить президента національнаго собранія и поспѣшить удалиться, чтобы не отнимать у него времени. Хотя я не достигнулъ своей цѣли, но тѣмъ не менѣе я остался очень доволенъ своимъ посѣщеніемъ Греви. Оно убѣдило меня на практикѣ, что доступъ къ такому значительному лицу, какъ президентъ національнаго собранія, какъ нельзя болѣе легокъ и простъ. Такая простота нравовъ, при моей непривычкѣ къ ней, не могла не произвести на меня самаго благопріятнаго впечатлѣнія.

Я отправился отъ Греви прямо въ синдикатъ «Жиронды», но увы! получилъ отвѣтъ, что всѣ билеты, назначенные для представителей иностранной прессы, уже розданы, и что мнѣ слѣдовало обратиться прежде.

— Впрочемъ, добавилъ мнѣ тотъ, который объяснялся со мною, приходите сегодня вечеромъ. У насъ будетъ общее собраніе всѣхъ журналистовъ, какъ французскихъ, такъ и иностранныхъ, которое собственно и должно распредѣлять билеты. Приходите, можетъ быть вамъ и удастся добиться себѣ билета.

Надежды однако было у меня мало, и озлобленный на monsieur Gibiat, я вышелъ изъ синдиката «Жиронды». Встрѣтившись съ однимъ господиномъ, который принималъ участіе въ томъ, чтобы добыть мнѣ билетъ, я разсказалъ ему свои неудачныя похожденія. Онъ предложилъ мнѣ отправиться еще къ одному господину, который могъ «что-нибудь сдѣлать».

— Нѣтъ, довольно, я не хочу больше странствовать отъ одного къ другому, чтобы постоянно выслушивать одинъ и тотъ же отвѣтъ: «какъ жаль! но я ничего не могу сдѣлать». Если хотите, и главное, если вы можете, дайте мнѣ письмо къ кому-нибудь, кто дѣйствительно можетъ имѣть вліяніе, а то лучше не давайте.

— Я дамъ вамъ письмо къ *X.*, хотите?

— Къ нему да, давайте, я съ удовольствіемъ отправлюсь. Если онъ ничего не сдѣлаетъ, тогда останется обратиться только къ Тьеру.

X., къ которому я получилъ письмо, занималъ довольно важное мѣсто въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ. Я отправился. Ко мнѣ вышелъ человѣкъ уже пожилой, но не старый, и первыя его слова были: «я право удивляюсь, что васъ послали ко мнѣ; если бы я желалъ кому-нибудь доставить билетъ, то я именно адрессовалъ бы chez ces messieurs. Я долженъ вамъ сказать, что у меня у самого есть одинъ только билетъ, такъ что отъ меня это нисколько не зависитъ». Я выразилъ сожалѣніе, но дѣлать было нечего.

— Но однако это невозможно, прибавилъ онъ, чтобы вы, пріѣхавъ нарочно изъ Петербурга, не получили билета. И наконецъ, это наша прямая выгода, чтобы представители иностранной прессы сами видѣли и слышали, что̀ у насъ дѣлается. Какъ ни дурно, все-таки пусть лучше знаютъ правду, чѣмъ ложь, изобрѣтаемую нашими врагами.

— Вы правы, отвѣчалъ я; тѣмъ болѣе, что лжи распространяютъ на вашъ счетъ такъ много.

— Мы это знаемъ, но что же дѣлать. Скажите, насъ очень не любятъ у васъ, прибавилъ онъ.

— Какъ кто? Я не знаю о комъ вы спрашиваете. Если вы говорите о нашемъ правительствѣ, то вы, какъ дипломатъ, должны знать лучше меня, какъ оно къ вамъ относится. Я стою такъ

далеко отъ сферы правительственной, такъ чуждъ міру дипломатическому, что все, что́ я ни сказалъ бы, не имѣло никакого значенія. Я журналистъ и знаю только то, что́ дѣлается въ журналистикѣ и что говорится въ массѣ общества.

— Объ этомъ именно я, главнымъ образомъ, и спрашиваю. Симпатіи народныя, симпатіи общества мѣняются далеко не такъ быстро, какъ симпатіи одного правительства къ другому правительству. На это столько причинъ. Поэтому я и думаю, что гораздо болѣе слѣдуетъ обращать вниманія и дорожить симпатіями общества, чѣмъ симпатіями правительства.

— Когда между ними существуетъ разладъ, добавилъ я.

— Вы хотите слѣдовательно сказать, что между симпатіями вашего правительства и симпатіями вашего общества разлада не существуетъ.

— Я этого вовсе не сказалъ и не могъ сказать, потому что я не знаю симпатій нашего правительства. Я оффиціальнымъ образомъ знаю только то, что оно объявило себя нейтральнымъ. Что же касается общества, то я, не ошибаясь, могу сказать вамъ, что значительное большинство стояло на вашей сторонѣ и съ горячимъ участіемъ слѣдило за всѣми вашими бѣдствіями, за всѣмъ, что́ дѣлалось у васъ. Наша печать высказала по этому случаю рѣдкое единодушіе, единодушіе, которое подчасъ было далеко не пріятно, такъ какъ приходилось сходиться въ мнѣніяхъ съ людьми, съ которыми бы никогда и ни въ чемъ не хотѣлось сталкиваться.

— Наполеонъ I-й былъ дурнымъ политикомъ, было мнѣ отвѣтомъ, но иногда ему удавалось вѣрно угадывать. Я думаю, что онъ былъ правъ, когда сказалъ, что еслибы Россія и Франція жили въ тѣсномъ союзѣ, то онѣ могли бы диктовать законы цѣлому міру и раздѣлить между собою Европу. Дѣлить Европы мы, конечно, не станемъ, но вѣрно одно, что еслибы между Франціею и Россіею установился тѣсный союзъ, то въ Европѣ можетъ быть не совершалось бы столько насилій. И этотъ союзъ долженъ установиться. У насъ собственно нѣтъ ничего, за что мы могли бы ссориться, напротивъ, мы можемъ жить какъ нельзя болѣе дружно, у насъ нѣтъ такихъ интерессовъ, которые должны были бы приводить насъ къ враждебнымъ столкновеніямъ. Я не вѣрю, говорю вамъ это прямо, въ союзъ Россіи съ Пруссіею, вы живете слишкомъ близко другъ отъ друга; пока Пруссія была какъ бы въ подчиненномъ отношеніи, тогда нѣтъ спора, но теперь, когда она будетъ считаться чуть не первою державою въ Европѣ, ваше согласіе скоро кончится, ревность вступитъ въ свои права. Вы-то увидите навѣрно, а можетъ быть еще и я,

какъ черная кошка пробѣжитъ между Россіею и Пруссіею. Но помимо всего этого, сколько мнѣ ни приходилось имѣть дѣла съ русскими, между нами и вами есть много общаго въ характерѣ. Вотъ отчего я и говорю, что симпатіями общества слѣдуетъ дорожить болѣе, нежели симпатіями правительства...

— Хотя, докончилъ я, симпатіи послѣдняго всегда бываютъ болѣе полезны, чѣмъ симпатіи перваго. Правда, это не въ первый разъ, что практика расходится съ теоріею.

Я не отвѣчаю, разумѣется, за то, чтобы все это говорилось въ томъ порядкѣ, въ которомъ я привожу разговоръ; но таковъ былъ общій его смыслъ, таково впечатлѣніе, которое оставилъ онъ въ моей памяти.

— Во всякомъ случаѣ, сказалъ мнѣ мой собесѣдникъ, когда я уходилъ, я напишу вамъ, или быть можетъ вы зайдете ко мнѣ завтра, и тогда я скажу вамъ, что́ отвѣтитъ мнѣ Grevy, котораго я увижу сегодня и сегодня же попрошу у него для васъ билета. Быть можетъ онъ и не откажетъ. Я не могу допускать мысли, чтобы вы не попали въ національное собраніе.

Разумѣется, я былъ бы слишкомъ наивенъ, еслибы относилъ всю эту любезность лично къ себѣ, къ человѣку совершенно имъ незнакомому, котораго они видѣли въ первый разъ въ жизни. Нѣтъ, эта любезность относилась къ журналисту, но нужно сказать, что русскій журналистъ пользовался ею не благодаря самому себѣ, а благодаря тому понятію о журналистѣ, которое существуетъ вообще въ западной Европѣ. Журнализмъ вездѣ является силою, такъ какъ вездѣ существуетъ общественное мнѣніе, которому онъ служитъ представителемъ. Серьезное же общественное мнѣніе, существующее опять-таки тамъ, гдѣ есть серьезная общественная жизнь, неизбѣжнымъ образомъ вліяетъ на правительственную политику, а потому-то, что́ говорится въ журналистикѣ, то что́ требуется въ прессѣ, говорится и требуется не безплодно, а имѣетъ, въ большинствѣ случаевъ, серьезные результаты. Не такъ у насъ. На требованія заявляемыя въ журналистикѣ у насъ никто не обращаетъ вниманія, а если и обращаютъ, то вовсе не для того, чтобы слѣдовать указаніямъ, дѣлаемымъ въ прессѣ, а прямо съ противоположною цѣлію. А если подчасъ и случается, что дѣлается такъ, какъ хотѣлось того общественному мнѣнію, то опять-таки вовсе не потому дѣлается, что хотѣлось такъ общественному мнѣнію, а потому, что общественному мнѣнію посчастливилось попасть въ тактъ. Однимъ словомъ, на Западѣ пресса самостоятельна, у насъ она не пользуется большими гражданскими правами; тамъ она сила, у насъ нуль или почти что нуль; тамъ она предвозвѣщаетъ ту или другую правительствен-

ную мѣру, ту или другую правительственную политику, у насъ же она только служитъ отраженіемъ той или другой мѣры, той или другой политики; на Западѣ она имѣетъ голосъ рѣшительный, у насъ же только совѣщательный, а еще чаще никакого— вотъ почему на Западѣ пресса пользуется уваженіемъ и съ нею обращаются какъ равный съ равнымъ, у насъ же уваженіемъ она не пользуется, и обращаются съ ней свысока.

Такія грустныя мысли одна за другою смѣнялись въ моей головѣ, когда я выходилъ отъ французскаго дипломата, и обидна мнѣ была его любезность, потому что я сознавалъ, что любезность эту я узурпировалъ, что она не принадлежала мнѣ по праву, что она относилась вообще къ европейскому журналисту, а вовсе не къ русскому журналисту.

Поиски за несчастнымъ билетомъ въ національное собраніе доставили мнѣ случай быть въ собраніи журналистовъ, происходившемъ въ редакціи газеты «la Gironde». Получивъ приглашеніе въ это собраніе, я отправился, въ надеждѣ тронуть его моимъ длиннымъ и труднымъ путешествіемъ. Собралось человѣкъ до пятнадцати. Шумъ и безпорядокъ долго не унимались. Всѣ требовали порядка и своими требованіями только производили величайшій безпорядокъ. Наконецъ, предсѣдателю кое-какъ удалось успокоить собраніе, и начались дебаты по поводу билетовъ. Два, три журнала получили по одному билету, съ тѣмъ, чтобы они чередовались.

— Я требую себѣ билета! раздается голосъ.

— Какой вы журналъ собою представляете?

Оказывалось, что господинъ, заявлявшій требованіе, представлялъ собою нѣсколько маленькихъ провинціальныхъ журналовъ.

— Ваши журналы не имѣютъ никакого вліянія! слышалось ему.

— Всѣ ваши журналы не представляютъ и тысячи читателей!

Восклицаніе горячаго негодованія раздавалось въ собраніи, которое покрывало это негодованіе смѣхомъ или апплодисментами, смотря по тому, остроумно или нѣтъ выражалось это негодованіе.

Очередь дошла и до иностранной прессы. Предсѣдатель прочелъ списокъ тѣхъ странъ, которыя имѣютъ право получить билетъ. Къ моему ужасу, имя Россіи не было упомянуто въ этомъ спискѣ. Я хотѣлъ уже заявить о такомъ нелюбезномъ упущеніи, какъ раздалось нѣсколько голосовъ:

— Et la Russie, et la Russie! oui, la Russie.

La Russie была помѣщена въ списокъ; лучъ надежды промелькнулъ въ моихъ глазахъ. Но это было еще не все, нужно было отстоять свое право.

Явился какой-то безконечно длинный и сухощавый англичанинъ, который на ломанномъ французскомъ языкѣ обратился съ рѣчью къ собранію: «Messieurs,... citoyens!... вы хотите дать билеты Times'у, Daily News и другимъ и въ тоже время отказываете Standard'у, который одинъ защищалъ дѣло Франціи и боролся съ Times'омъ и другими, которые рабски служили Пруссіи. Это съ вашей стороны несправедливо, нашимъ сочувствіемъ вашему дѣлу мы заслужили....» рѣчь его была прервана громкими апплодисментами, и собраніе немедленно постановило: выдать билетъ Standard'у и отказать Daily News! Каждый такимъ образомъ защищалъ свои права, собраніе обсуждало, и смотря потому, важенъ ли журналъ, сочувственно ли онъ относился къ Франціи, много ли онъ имѣлъ читателей—рѣшало, долженъ онъ имѣть билетъ или нѣтъ. Когда обсужденіе дошло до Россіи, я попросилъ слова; но едва я успѣлъ произнести первую фразу о томъ, что хотя никто изъ нихъ и не знаетъ и не читаетъ по-русски, но что я сожалѣю о томъ, такъ какъ часто они встрѣтили бы въ русской прессѣ голосъ сочувствія къ Франціи, какъ со всѣхъ сторонъ раздались крики: oui, oui, la presse russe doit être représentée! и немедленно было постановлено дать русской прессѣ и не одинъ, а два билета. Меня закидывали въ этотъ вечеръ вопросами о Россіи, и что меня несказанно удивляло—это теплота, съ которою относились къ русскимъ. Я невольно себя спрашивалъ, чѣмъ можно объяснить это сочувствіе къ странѣ, которую они и мало знаютъ и съ которою никогда не были въ особенной дружбѣ.

— Скажите, говорили мнѣ, насъ очень бранятъ у васъ.

Когда я отвѣчалъ отрицательно, мнѣ говорили:

— Мы вовсе не въ претензіи на Россію, что она не помогла намъ; это такъ естественно, мы всегда напротивъ думали, что Россія будетъ противъ насъ, не потому, чтобы вы не любили насъ, а потому, что ваше правительство очень дружно съ Пруссіей. Вотъ Англія, Италія — дѣло другое: что онѣ не помогли намъ — это стыдно, позорно.

— Правда ли, спрашивали меня, и этотъ вопросъ я слышалъ довольно часто во Франціи, что у васъ въ высшихъ сферахъ происходитъ расколъ, что одни горячо стоятъ на сторонѣ Пруссіи, другіе напротивъ съ полнымъ сочувствіемъ относятся къ намъ?

Я промолчалъ.

— Это такъ, это такъ, здѣсь всѣ это знаютъ, неужели вы ничего не слышали объ этомъ? говорили французы, и при этомъ разсказывали такія подробности, которыхъ никто, я думаю, не могъ знать.

— Ахъ, приходилось мнѣ слышать и въ этотъ вечеръ, еслибы только у васъ разгорѣлась война съ Пруссіею, вотъ когда бы мы сдѣлались вашими союзниками; и нашъ союзъ былъ бы проченъ, намъ нечего дѣлить.

— Je ne sais pas pourquoi mais j'aime les russes! говорилъ мнѣ одинъ юный журналистъ и при этомъ до боли пожималъ мнѣ руку.

Это наивное признаніе, которое дѣлалъ мнѣ молодой французъ, я слышалъ очень часто, и я не думаю, чтобы оно было притворно. Трудно конечно представить на это доказательства, но ихъ симпатія чувствовалась какъ-то во всѣхъ сношеніяхъ, которыя мнѣ когда-нибудь приходилось имѣть. Я привелъ эту исторію съ билетомъ, потому что она только подтверждаетъ мои слова. Это сочувствіе не было вызвано разсчетомъ, потому что они знали, что русская пресса не имѣетъ ни большого значенія, ни большого вліянія; не было оно вызвано и личными отношеніями, такъ какъ во всемъ этомъ собраніи я зналъ только одного человѣка. Я не могъ слѣдовательно отнести этого сочувствія на свой счетъ. На другой день послѣ этого собранія журналистовъ я получилъ билетъ. Пора было, потому что на слѣдующій день должно было послѣдовать публичное засѣданіе національнаго собранія, въ которомъ оно должно было выслушать за цѣлую Францію мирныя условія, предложенныя побѣдителемъ.

Вамъ знакомо то затишье, которое бываетъ передъ бурей. Въ немъ есть что-то роковое, зловѣщее. Въ такомъ минутномъ затишьи оставалось все населеніе Бордо весь канунъ памятнаго дня 28-го февраля. Никому положительно не были извѣстны предварительныя условія мира; но всѣ знали, всѣ журналы объявили, что эти условія крайне тяжелы. Слухи, толки, новости смолкли, «вѣрныя» извѣстія болѣе не появлялись, наступилъ моментъ высшей сосредоточенности. Глубокая печаль, болѣзненная скорбь вышла наружу и рѣзко бросалась въ глаза. Все было пасмурно и угрюмо. Всѣ избѣгали разговоровъ, предпочитая молчаніе, да и о чемъ, въ самомъ дѣлѣ, говорить въ такія тяжелыя историческія минуты.

— Пообѣдаемъ сегодня вмѣстѣ, сказалъ мнѣ одинъ депутатъ, принадлежавшій къ умѣренной лѣвой; глупое положеніе и разговоръ не клеится и говорить не хочется, а вмѣстѣ съ тѣмъ

тяжело оставаться одному. Хоть-бы поскорѣй ужъ что-нибудь было рѣшено, такъ или иначе, а то эта неопредѣленность, эти сомнѣнія.... и онъ не кончилъ своей мысли.

Мы отправились въ одинъ ресторанъ, гдѣ сходились обѣдать нѣкоторые депутаты и журналисты. Такъ было и въ этотъ разъ. За столомъ уже сидѣло нѣсколько человѣкъ, двое парижскихъ депутатовъ, одинъ провинціальный, два-три литератора и самый близкій секретарь Гамбетты. Я поминутно смотрѣлъ на часы и думалъ про себя: Боже, какъ медленно тянутся минуты! Скучно не было. Скучно бываетъ только тогда, когда чувствуешь и внутри себя и кругомъ себя какую-то пустоту. Тутъ же было прямо противоположное пустотѣ. Но тутъ было какое-то томительное, натянутое молчаніе, точно каждый опасался дать волю высказаться всему, что накипѣло такъ и наболѣло на сердцѣ.

— Вы долго еще останетесь здѣсь, обратился одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ къ моему сосѣду, человѣку лѣтъ пятидесяти, который покинулъ Францію послѣ декабрьскаго переворота и занялъ каѳедру исторіи въ Женевѣ, гдѣ и жилъ до 4-го сентября, т.-е. до провозглашенія республики. Это былъ одинъ изъ извѣстныхъ французскихъ историковъ.

— Я уѣзжаю сегодня, отвѣчалъ онъ.

— Куда?

— Въ Женеву!

— Надолго?

— Кто знаетъ, можетъ быть навсегда. Мнѣ больше здѣсь дѣлать нечего. Приходится опять ѣхать въ добровольную ссылку. Для борьбы я уже болѣе негоденъ. Я возвратился во Францію, когда провозглашена была республика, и надѣялся прожить здѣсь до конца жизни. Я еще все-таки не такъ старъ, чтобы мнѣ не позволительно было иногда, ну хоть въ торжественныя минуты увлекаться. Я воображалъ, продолжалъ онъ съ какимъ-то озлобленіемъ, что республика утвердится во Франціи; вы видите, какъ недолго продолжалось мое заблужденіе. Вы завтра, обратился онъ къ депутатамъ, будете хоронить республику,—что же мнѣ дѣлать? Служить же Франціи не-республиканской я не хочу, да и не могу. Они меня не потерпятъ, да и я ихъ не потерплю. Лучше уѣхать!

Послѣ этого горькаго признанія наступило опять нѣсколько минутъ молчанія. Въ этомъ «лучше уѣхать» такъ явно слышалось разбитое сердце, разбитая вѣра и надежды, что я невольно спросилъ его:

— Неужели-же вы думаете, что если республика уничтожена, то уже все погибло, что Франція не подымется снова на ноги

и что надъ нею долженъ быть поставленъ печальный могильный крестъ?

— Какъ вамъ отвѣтить. Да, для меня, я думаю, все погибло. Мнѣ уже болѣе не увидѣть разсвѣта, для этого нужно новое поколѣніе людей. Они, сказалъ онъ, указывая на болѣе молодыхъ, они увидятъ, я надѣюсь, лучшее время. Они подъ старость не должны будутъ обрекать себя на добровольную ссылку. Республика погибла уже de facto, хотя и сохранено ея имя. Когда во главѣ правительства становится само воплощеніе монархическихъ традицій, тогда смѣшно говорить о республикѣ. Мнѣ тяжело, и я уѣзжаю. Но между тѣмъ, что я говорю, и вашимъ могильнымъ крестомъ лежитъ цѣлая бездна. Я этого никогда не говорилъ, не скажу и теперь; несмотря на все мое отчаяніе, несмотря на разрушенныя иллюзіи. Франція, я въ этомъ убѣжденъ, поднимется, но когда.... когда меня уже не будетъ въ живыхъ. Вы видите, что я правъ, когда говорю, что для меня все погибло.

— Скажите, обратился къ нему одинъ изъ молодыхъ журналистовъ, знавшихъ его старую дружбу съ Кинэ: — что же Кинэ, также мрачно смотритъ на дѣло какъ и вы?

— Почти, но не совсѣмъ, онъ все еще надѣется, ему не хочется разставаться съ взлелѣянными мечтами; онъ надѣялся, отправляясь во Францію, произнести слова: нынѣ отпускаешь, Господи, раба твоего! и теперь онъ колеблется. Вы его услышите, добавилъ онъ, вы увидите, какая удивительная ясность взгляда сохранилась въ немъ; онъ написалъ уже свою рѣчь, которую онъ хочетъ произнести въ пользу продолженія войны, и вы увидите всю его силу!

— Какъ продолжать войну! со вздохомъ сказалъ одинъ изъ сидѣвшихъ за столомъ.

— А какъ заключать миръ! рѣзкимъ голосомъ произнесъ другой.

— Что-жъ дѣлать! развѣ вы находите, что это стыдъ быть разбитымъ?

— Нѣтъ, разразился первый цѣлымъ потокомъ страстныхъ словъ, я не называю стыдомъ быть разбитымъ, но я называю стыдомъ входить въ переговоры съ такимъ наглымъ побѣдителемъ; я называю стыдомъ подписывать унизительный и вмѣстѣ глубоко безнравственный миръ; я называю стыдомъ допустить оторвать у васъ то, что въ васъ есть самаго лучшаго, самаго благороднаго въ то время, когда во Франціи есть еще люди, есть оружіе, есть деньги. Я называю стыдомъ, я называю позоромъ отказываться отъ борьбы въ то время, когда двѣ трети

Франціи еще не тронуты, когда есть руки, способныя держать оружіе, когда есть деньги, на которыя можно купить это оружіе. Мы поправимся, говорятъ вамъ; вздоръ, не вѣрьте, вы никогда не поправитесь, вамъ никогда не смыть этого позора, который погубитъ Францію....

Когда онъ выбрасывалъ изъ себя эти слова, голосъ его дрожалъ, грудь его видимо колыхалась, въ глазахъ блестѣли слезы; долѣе онъ говорить не могъ, онъ задыхался отъ этого прилива отчаянія и злобы и чуть слышно произнесъ, опускаясь на мѣсто: ah! nous sommes lâches, nous sommes tous des lâches!

Никто не возражалъ ему. Всѣ понимали его, всѣ сочувствовали ему, даже тѣ, которые не соглашались съ нимъ, и точно спрашивали себя: неужели правъ онъ, неужели оправдаются его пророчества о погибели Франціи? Въ этомъ раздумьи прошло нѣсколько минутъ — такихъ минутъ, которыя даже вчужѣ долго не забываются. Этотъ обѣдъ, эта сцена рѣзко врѣзались въ моей памяти; впечатлѣніе было сильно, но какъ передать его? На другой день думы должны были получить болѣе опредѣленный характеръ, сомнѣнія должны были исчезнуть, вся Франція должна была въ одинъ голосъ сказать: вотъ до чего дошли мы!

Неопредѣленность, сомнѣнія почти всѣхъ тяготили, всѣ почти стремились вырваться изъ неизвѣстности; но когда горькая дѣйствительность во всей ея наготѣ предстала передъ французами, какъ многіе пожалѣли и тяготившую неизвѣстность и измучившія сомнѣнія въ тотъ день, когда эта завѣса, скрывавшая горькую дѣйствительность, была отдернута старческою рукою Тьера: національное собраніе выслушало предварительныя условія мира!

Евг. Утинъ.

БОЛЬШАЯ МЕДВѢДИЦА

РОМАНЪ.

Конецъ четвертой части *).

VII.

Нянька провела Виктора въ домъ, въ прихожую, никого не встрѣтивъ. Дверь кабинета была заперта.

— Вотъ онъ гдѣ.... прошептала нянька, указывая на эту дверь.

— Я подожду здѣсь; вы подите, сказалъ Викторъ тоже тихо.

Нянька подумала-было, пріостановилась изъ преданности къ «красавцу», изъ любопытства, и вдругъ махнувъ рукой, на-цыпочкахъ, но стремительно убѣжала къ себѣ. Ей пришла болѣе благоразумная мысль: сейчасъ тутъ поднимется святыхъ-вонъ-выноси; — лучше быть подальше.... И безъ того, Боже помилуй, она его впустила.... Онъ, правда, предъ образомъ побожился, что ее не оставитъ; да кто его знаетъ, какой онъ, въ самомъ дѣлѣ!... Но въ чемъ же она виновата? Онъ—сынъ родной; не могла же она его не впустить; почему она знала? дѣла господскія!... Эти господскія дѣла никогда особенно не нравились Прасковьѣ Ѳедоровнѣ, и еще болѣе теперь, когда и ей грозила бѣда за состраданіе къ тому, кого «напрасно обидѣли»....

Викторъ, сидя на скамейкѣ въ прихожей, тоже предавался размышленіямъ. Размышленія, впрочемъ, были довольно разсѣяны и вѣрнѣе могли бы назваться наблюденіями. Пустая комната съ вы-

---

*) См. выше: май, 162 стр.

бѣленными стѣнами и вѣшалкой не представляла много любопытнаго. Викторъ, съ порога, заглянулъ въ гостинную. Тамъ еще не было убрано; вчерашній вечеръ сказывался въ сдвинутой мебели, въ разбросанныхъ предметахъ. Рояль открытъ. На диванѣ книга журнала, вышитая подушка, еще смятая какъ на нее опирались. На столѣ недопитый стаканъ съ чаемъ. Кресло безпорядочно отодвинуто въ сторону; на немъ длинная полузавялая вѣтка зелени; кругомъ разсыпались ея ощипанные листья. Котенокъ скакалъ и возился въ ниткахъ, тянувшихся отъ какой-то работы. Викторъ удержался толкнуть его, когда онъ подкатился ему подъ ноги: еще запищитъ, услышатъ....

Онъ улыбался. Не роскошно поживаетъ родитель. Понятное дѣло: изъ ничего началъ, не умѣетъ, боится, прижимается. Жаденъ и остороженъ. Всегда такой былъ: все «про черный день». Тѣмъ лучше. Чѣмъ меньше выставляться на показъ, тѣмъ вѣрнѣе можно обдѣлать дѣлишки: въ глаза не бросается, уликъ нѣтъ, а денежка любезная лежитъ-себѣ да лежитъ покойно.... А на себя не тратитъ папаша,—это ужъ и вовсе прекрасно.... Однако, такъ, пожалуй, кто-нибудь зайдетъ, да застанетъ.

Викторъ притворилъ гостинную и воротился опять сторожить на скамейку.

Багрянскій проснулся давно, нездоровый. Первая мысль была, что праздничный день пройдетъ безъ обѣдни. Это оттого, что вчера долго засидѣлся, заговорился. Ему было досадно; его упрекала совѣсть. Обѣдня въ праздникъ была для него долгомъ, не исполнить который онъ считалъ за грѣхъ, потребностью души, привычкой. Онъ испытывалъ лишеніе и, чтобы замѣнить его, облегчить душу, сталъ молиться долѣе обыкновеннаго. Нездоровье разстроивало нервы. Нужды и печали, отъ которыхъ онъ просилъ избавленія, сильнѣе наводили на воспоминанія всѣхъ нуждъ, печалей, потерь. Мольба о помощи убѣждала въ безпомощности; ея повтореніе, научая покорности, утѣшало какъ-то искусственно, но даже не восторженно, а какимъ-то прощальнымъ, холодно спокойнымъ утѣшеніемъ, отъ котораго сжималось сердце.... Миръ и успокоеніе только въ могилѣ; но о смерти молиться не должно....

Въ жизни бывали и радости. Онъ вспомнилъ ихъ и прославилъ имя божіе, но усталый отъ всего пережитаго, былъ не въ силахъ понимать радость. Она казалась чѣмъ-то священнымъ, отошедшимъ невозвратно въ лоно того, кто ниспослалъ ее, гдѣ прикасаться къ ней не должно, чтобъ не возбудить въ себѣ сожалѣнія и ропота. Душа застывала въ покорномъ самоотрече-

тіи. Настоящее являлось безцвѣтно; его заботы тревожили, пугали, отнимали руки....

— Грѣхи мучаютъ....

Онъ сталъ каяться, осыпая себя тѣми ужасными именами, въ которыхъ, преувеличивая вину, грѣшникъ будто спѣшитъ заявить свое сознаніе, чтобъ предупредить и умилосердить правосудіе. Покаяніе отчаянное, болѣзненное....

— Господи, хочу или не хочу—спаси меня! выговорилъ онъ, тяжело приподнимаясь, и постоялъ нѣсколько минутъ, отдыхая и стараясь дать затихнуть своему волненію. Волненіе затихло, но скорбь томила все глубже и все крѣпче.... Багрянскій порывно перекрестился въ послѣдній разъ и пошелъ къ рабочему столу.

Принимаясь разбирать бумаги, онъ охнулъ. Работа надоѣла, кости ломили; труженичество стольких лѣтъ вставало передъ глазами и будто дразнило. Онъ со злостью читалъ, отмѣчалъ карандашемъ; многое летѣло на полъ.

Въ прихожей, послышалось, прошли. Думая, что это, по обыкновенію, просители, Багрянскій всталъ и отворилъ дверь.

Кто-то упалъ ему въ ноги.

— Что такое? вскричалъ онъ: — чтó вамъ нужно? Встаньте, я не архіерей! Чтó нужно?

— Отче, согрѣшихъ на небо.... вскричалъ Викторъ.

Багрянскій придержался за косякъ двери.

— Зачѣмъ пожаловалъ?.. спросилъ онъ странно и тихо.

Викторъ упалъ опять, хватаясь за его сапоги. Багрянскій прислонился къ стѣнѣ, зажалъ руками лицо и горько заплакалъ. Прошло нѣсколько долгихъ минутъ. Слышались рыданія Виктора; голова его билась о полъ.

— Охъ, встань.... выговорилъ Багрянскій.

— Не встану, не встану! недостоинъ....

— Встань.... Господь съ тобою!

Въ одно мгновеніе, Викторъ уже лежалъ на его плечѣ, рыдая, стараясь усилить объятія. Багрянскій, ничего не помня, ничего не видя, цѣловалъ его.

— Создатель мой, Господи, какъ хорошо! Охъ, какъ хорошо! Боже милосердый, слава тебѣ!

— Родитель мой! скиталецъ, безпріютный, бездомный....

— Домъ твоего отцá — твой домъ! произнесъ Багрянскій твердо и торжественно осѣняя его крестомъ. Боже, помилуй, прости меня грѣшнаго!... Прощаю и разрѣшаю тебя, сынъ мой! да-будетъ надъ тобою милость Господня и мое благословеніе,

во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа отнынѣ и до вѣка! Аминь!... Взгляни же на меня, покажись...

— О, нѣтъ! Еслибъ я могъ прочесть въ вашихъ чертахъ....

Багрянскій взялъ его голову и повернулъ къ себѣ. Ихъ взгляды встрѣтились. Викторъ опустилъ глаза; по лицу Багрянскаго пробѣжалъ какой-то испугъ.

— Смотри на меня прямо! сказалъ онъ нетерпѣливо.

— Другъ! Сестра! вскричалъ Викторъ, бросаясь отъ него.

Въ дверяхъ, какъ смерть блѣдная, показалась Катерина.

— Батюшка.... выговорила она.

— Я простилъ! отвѣчалъ Багрянскій и отвернулся.

— Моя прекрасная владычица! продолжалъ Викторъ, склоняясь предъ нею на одно колѣно:—клянусь посвятить жизнь....

Катерина выдернула у него свое платье.

— Батюшка, и вы могли....

— Я простилъ! подтвердилъ онъ строго. Довольно грѣха! Приказываю тебѣ: обними его; онъ тебѣ старшій братъ.

— Онъ мнѣ не братъ! выговорила она громко, оттолкнула Виктора и вышла.

— Катерина!

— О, батюшка! горестно произнесъ Викторъ, удерживая его въ своихъ объятіяхъ: — простите, я сейчасъ уйду! я не хочу бросать раздора.... Я ей не братъ!!.. Творецъ, прости ей, какъ я прощаю!

Онъ бросился къ двери.

— Катерина! повторилъ Багрянскій.

— Обнимите ее, утѣшьтесь, продолжалъ Викторъ, падая на скамейку: ваше неоцѣненное сокровище! Забудь меня опять! Мнѣ мелькнулъ призракъ.... Будьте счастливы! Мнѣ довольно— вы меня простили, и я готовъ хоть сейчасъ на смерть.... Что-жъ, видѣлъ, былъ, вотъ, въ вашей лакейской....

Онъ рыдалъ.

— Она вамъ отъ колыбели дороже всего.... чѣмъ заслужила? я думалъ самъ заслужить, хоть на своихъ послѣднихъ дняхъ!... Раненъ, разбитъ... А, такъ и быть!

Онъ стремительно всталъ.

— Батюшка, прощайте!

— Катерина! вскричалъ еще разъ Багрянскій.

— Напрасно! не зовите; покуда я здѣсь — не придетъ! возразилъ Викторъ съ горькимъ смѣхомъ. — Она знаетъ свою власть....

— Чтó ты осмѣлился сказать? прервалъ Багрянскій. Какая власть? надъ кѣмъ? Въ моемъ домѣ нѣтъ другой власти, кромѣ

моей. Угодно мнѣ было — я тебя помиловалъ, захочу—выгоню. Выгоню тебя, выгоню ее! я — отецъ!... Я тебѣ сказалъ—оставайся,—ну, и оставайся....

Онъ отвернулся, вошелъ въ кабинетъ и прибавилъ, не оглядываясь:

— Есть у тебя какіе пожитки? Ступай за ними, принеси.

Дверь за нимъ захлопнулась и заперлась. Все вдругъ стихло. Викторъ оглядывался.

— Чтò, мой батюшка? прошептала нянька, высовывая голову изъ другой комнаты.

Викторъ приложилъ палецъ къ губамъ и осторожно, чтобы не скрыпнуть, большими шагами, пошатываясь, вышелъ къ ней.

— Старая, быть по нашему, сказалъ онъ, взявъ ее за плечи. Ну, смотри тутъ, чтобъ сестрица чего не изволила.... Я ворочусь мигомъ. Давай мою шинель.

Катерина вошла въ свою комнату и упала въ кресла, безъ слезъ, безъ движенія, но въ полномъ сознаніи всего, чтò случилось. Подавляла, именно, эта отчетливость чувства. То, что было двѣ недѣли назадъ, въ тотъ день, когда отецъ въ первый разъ былъ жестокъ, а она—въ первый разъ несчастна,—опредѣлялось теперь съ такой же ужасающей ясностью.

— Вотъ, какъ люди бываютъ одни.... подумала она.

Много-ли прошло времени, она не помнила. Очнувшись, открывая глаза, она увидѣла отца. Онъ давно стоялъ надъ нею.

— Тебѣ дурно? спросилъ онъ отрывисто.

— Ничего.... (Она вдругъ встала). Чтò прикажете?

— Тебѣ дурно, повторилъ онъ почти съ крикомъ, сажая ее насильно.—Что ты со мной дѣлаешь?

Она схватила его руки и прижалась къ нимъ.

— Милый, жизнь моя, чтò вы-то съ собой сдѣлали?

Багрянскій смотрѣлъ на ея опущенную голову и молчалъ. Онъ шелъ къ ней не за тѣмъ. Въ его душѣ поднялось сомнѣніе, самъ себѣ не сознаваясь въ томъ чтò хотѣлъ дѣлать, онъ шелъ разогнать его гнѣвомъ, шелъ укорять, грозить, смирять.... Она лежитъ полумертвая. Она притворяться не умѣетъ. Сомнѣніе подтверждалось. Теперь, онъ ужъ не зналъ чего хотѣлъ. Ему было нужно оправдаться....

— Какъ вы допустили этого человѣка.... выговорила Катерина.

— Онъ мой сынъ! вскричалъ Багрянскій, какъ-то обрадо-

ванный, что она его вызвала. Сынъ, кровь моя! Какъ ты осмѣлилась....

— Да, осмѣлилась, прервала она, поднимаясь. Осмѣлилась, отреклась, отрекаюсь. Не братъ онъ мнѣ, я его не знаю! Не сынъ онъ вамъ! Вы—рядомъ съ этимъ человѣкомъ?... Да кому вы покажете глаза?

— Замолчи!

— Нѣтъ! Гдѣ справедливость? Вы гоните бѣднаго чиновника, если онъ взятку возьметъ, вы гоните крестьянина.... а этотъ, этотъ.... воръ, убійца! И вы это знаете! Вы дурно сдѣлали!

— Ты смѣешь судить отца.... вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ.

— Дѣлайте со мной что хотите; я сказала правду.

— Счастлива ты... выговорилъ онъ, сжавъ кулаки и отступая:—счастлива ты....

— Что вы меня любите? досказала она. О, родной, не то! я тѣмъ счастлива, что вы сознаетесь!

Она бросилась ему на шею.

— Возьмите-же ваше слово назадъ. Вы не простили, вы не можете простить. Вы, такъ, забылись. Онъ васъ обманываетъ; онъ лицемѣръ. Это не блудный сынъ.... Если-бъ онъ только растратилъ наслѣдство!... Отдайте ему все, что̀ есть у насъ, — не знайтесь съ нимъ. Вѣдь вы такъ и хотѣли; зачѣмъ же вы это перемѣнили? На что онъ вамъ?

— А тебѣ чѣмъ онъ мѣшаетъ? прервалъ тихо Багрянскій.

— Мнѣ?

Она остановилась, пораженная.

— Тебѣ. Вспомни Бога, продолжалъ онъ настойчиво, протяжно, будто убѣждая самого себя въ томъ, что говорилъ. Богъ гордымъ противится.... Гражданка! гуманныя чувства! Начни-ка ихъ съ своей семьи. Что̀?... Онъ виноватъ.... ну, правда. Но покаяться можетъ человѣкъ или нѣтъ?

— Батюшка....

— Нѣтъ, я спрашиваю, можетъ онъ покаяться? закричалъ онъ. Я вотъ что спрашиваю! Можетъ или нѣтъ? Говори?

Онъ топнулъ ногою.

— Можетъ, но не покаялся, отвѣчала Катерина, глядя ему въ лицо.

У него мелькнула мысль, что Викторъ не вынесъ его взгляда.

— Кто тебѣ сказалъ, безжалостная? Была ты въ его душѣ? Знаешь ты, каково по землѣ валяться, молить, каково вымолвить: «согрѣшилъ»? Знаешь? Не дай Богъ тебѣ знать! Ты непорочна... Смерть легче, чѣмъ, вотъ, чувствовать на груди—за-

душило.... На ликъ Господень не взглянешь, къ таинству приступаешь.... Вѣдь ты была при этомъ, была? Когда узнали, что онъ подъ судомъ, а я его....

Онъ схватился за голову въ изступленіи.

— Былъ-ли съ тѣхъ поръ одинъ спокойный часъ.... Ты скажешь: бывали? Много ты понимаешь! Ты хвалилась, что знаешь мою душу!... Что ни дѣлаю, куда ни пойду, забылся, а *оно* все тамъ, на самомъ днѣ.... Мечъ обоюдуострый,—въ него вонзилъ и въ себя!... Передъ тобой покаюсь: и ты мнѣ въ тягость бывала...

Онъ тихо и жалко заплакалъ. Катерина отошла, заломивъ руки.

— Не могъ я этого вынести, не могъ, — какъ увидѣлъ его предъ собою... Въ прахѣ, какъ преступникъ! Царь небесный, но я самъ такой же преступникъ! Самъ ты, Господи, сказалъ, что приходящаго къ тебѣ не отгонишь; я грѣшный, по слову твоему.... Охъ! И вдругъ—легость такая, райскія двери отверзлись, мертвое воскресло... Поди сюда!

Онъ притянулъ ее къ себѣ.

— А ты, въ такія минуты? Добрая, чистая, да ты ангелъ-хранитель между нами! Безъ тебя-то, Катя моя, чтожъ со мною будетъ?... Я отецъ; я хочу; мое слово свято. Такихъ словъ не берутъ назадъ. Ты должна покориться. Вѣдь ты сказала, что никогда меня не оставишь?

Онъ сталъ цѣловать ея руки. Ей хотѣлось отнять ихъ, такъ горьки, безпомощны, униженны казались ей эти поцѣлуи. Человѣкъ, которому она привыкла поклоняться, внушалъ ей только состраданіе. Онъ такъ чувствовалъ что̀ сдѣлалъ, такъ отбивался отъ этого страшнаго чувства, такъ хотѣлъ увѣрить себя, что правъ, такъ ждалъ отъ нея милости — вынужденнаго, притворнаго умиленія... Минута рѣшительная. Чужой вошелъ подъ ихъ кровлю и все пропало, все что было счастьемъ, гордостью жизни; все уничтожено, отъ святыни убѣжденій до простого веселья. Всему конецъ. Нѣтъ покровителя, нѣтъ наставника; на рукахъ слабый, запуганный старикъ. Вѣра, молитва, прощеніе, его лучшія силы сломили его самого, погубили... А онъ губитъ ее! За что̀? Съ дѣтства благоговѣла предъ нимъ, молилась на него, видѣла его глазами, отдавала ему всякій помыслъ... вчера, вчера на этомъ мѣстѣ, помня его, оттолкнула другого несчастнаго, оттолкнула любовь, — и еще похвалила себя, что хорошо сдѣлала!... А сегодня, еще жертвы?...

— Но вѣдь безъ меня онъ пропадетъ.... подумала она от-

четливо, словами, вся холодѣя. Ея рукамъ стало больно отъ его горячихъ слезъ.

— Ну, довольно, выговорила она вслухъ. Мое слово тоже свято: я — ваша.

Онъ приподнялся, будто воскресшій, обхватилъ ее и прижалъ къ себѣ.

— Помни этотъ день и часъ, Катерина. Да наградитъ тебя за него Господь и въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ! произнесъ онъ торжественно и вдругъ вышелъ, будто боясь, чтобъ она чего не сказала.

Она распахнула балконъ и тоже вышла. Былъ вѣтеръ; облака висѣли, казалось, надъ самыми верхушками деревьевъ; солнце свѣтило холодно; въ окнѣ большого дома, чрезъ садъ, сверкала, раскачиваясь, отворенная рама. Катерина стояла, смотрѣла, ничего не ожидая.... Вдругъ, одинъ за однимъ, всякій предметъ, что былъ передъ глазами, началъ выставлять свое воспоминаніе, — будто свое участіе, свою заслугу въ счастьи, котораго не стало. Маленькія воспоминанія, мельчайшія заслуги, но на каждомъ шагу, — отъ краснаго песку дорожки, до воробьинаго гнѣзда подъ стрехой; все какъ-то дѣтски-чисто, забавно-мило.... Вдругъ отчаяніе захватило ей грудь; Катерина схватилась за свои разметанныя косы.

— Что-жъ это будетъ?...

— Папенька кличетъ, сказала, появясь, нянька.... Нў, сударыня, иди, будетъ! грѣшно.... Иди. Да и некогда долго возиться. Люди говорятъ, дня-то пол-утра прошло.

Домъ Багрянскаго, кромѣ прихожей, состоялъ весь изъ пяти комнатъ. Одну изъ нихъ, за комнатой Катерины, занимала Маша. Багрянскій приказалъ убрать ее для Виктора.

— Какъ ты думаешь? спросилъ онъ Катерину.

— Какъ вамъ угодно. Маша помѣстится со мною, отвѣчала она и ушла опять къ себѣ.

Перемѣщеніе было не велико, но стоило хлопотъ, какъ всегда у людей небогатыхъ. Нянька выказала необыкновенную распорядительность, спросила денегъ у барина, сбѣгала въ лавки, привезла кровать, шкафъ для платья и прочее, призвала своего знакомаго, отставного «кавалера», который очень много стучалъ и приколачивалъ, достала у себя изъ-подъ замка какой-то линялый коверъ, разстилала, разставляла, украшала, ахая, что красавцу будетъ непокойно.

Желаніе Катерины не могло исполниться: въ ея тѣсной комнатѣ не было никакой возможности помѣститься Машѣ. Была еще одна переходная комната со множествомъ оконъ, печей и

дверей, гдѣ можно было сидѣть съ работой днемъ, но для ночлега оставалась только кухня: нянька раскричалась и разобидѣлась, когда Катерина попросила ее принять Машу.... Такъ проявилась на первый разъ практическая сторона, *проза* несчастія. Это была не малость: стѣсненіе, лишеніе касалось единственной близкой особы, и помочь не было средства.

— Сбрасывай книги съ этажерокъ, Маша, сказала, запыхавшись, Катерина: — вытащимъ ихъ въ гостинную, вытащимъ туда и письменный столъ; вотъ и будетъ намъ съ тобой просторно.

— Развѣ вы станете сидѣть цѣлый день *тамъ*? возразила Маша. Богъ съ вами. Вамъ нуженъ свой уголъ.

Катерина отвернулась. Въ двери щелкнулъ ключъ.

— Чтò ты дѣлаешь?

— Замóкъ пробую, отвѣчала Маша. — Никогда не запирали, я боялась—заржавѣлъ. Ничего.

Катерина упала ей на руки.

— Охъ, голубушка, не плачьте такъ страшно.... выговорила Маша.

Викторъ воротился. На дрожкахъ у него былъ большой чемоданъ, свертки, дорожные мѣшки, ловко сложенные, какъ у человѣка походнаго и аккуратнаго. Багрянскій и Катерина заперлись каждый у себя. Предвидя, чтò это сконфузитъ пріѣзжаго, нянька выбѣжала въ сѣни, услыша звонокъ.

— Пожалуй, батюшка, комнату убираемъ, объявила она радостно.

— А! Убираете!...

Онъ не прибавилъ и не спросилъ больше ничего. Отецъ и сестра не встрѣтили, не показывались, но все равно, — комнату ему убирали. Съ помощью извощика, няньки и кавалера пожитки были внесены. Викторъ обозрѣвалъ свое помѣщеніе.

— Не взыщи, тѣсновато, повторяла нянька.

— Въ тѣснотѣ люди живутъ, старая. На́ тебѣ, за ласку.

Онъ поднесъ ей свертокъ: шерстяная матерія на платье, пестрый ковровый платокъ, шелковая косынка на голову. Нянька разахалась, кинулась цѣловать ручку, потомъ умилилась.

— И отъ роду на себѣ такого не видала! восклицала она. Который годъ живу у *нихъ* — не вспомнятъ! Вотъ, какъ видишь, про святъ-день одѣта! Одинъ ты, батюшка....

Комната скоро убиралась, но Викторъ не выражалъ нетерпѣнія, аккуратно самъ вбивалъ гвозди, развѣсилъ надъ постелью

какую-то звѣриную шкуру и на ней шашку, ятаганъ, пистолеты, уздечку съ серебряными бляхами. Нянька дивилась, какъ прекрасно.

— Лошадка была, подо мной убили... А другую продалъ, прибавилъ онъ со вздохомъ.—У васъ-то держатъ лошадей?

— И!... съ презрѣніемъ отвѣчала нянька.

Она стѣснялась присутствіемъ «кавалера», но когда онъ ушелъ, кончивъ свое дѣло и получивъ отъ Виктора «на чай»— нянька не выдержала.

— Зачѣмъ это ты, красавецъ? Береги свое. Это папенькѣ слѣдуетъ заплатить, я ему такъ и скажу. Чтò-жъ онъ, — принялъ сына — и успокой его. Теперь ужъ нельзя такъ-то, не во гнѣвъ сказать, скаредно жить: однѣ бабы въ домѣ. Онъ возьми для тебя какъ должно прислугу, человѣка. А у насъ, чтò за порядки? Бѣлье мыть — въ люди отдаемъ; полы мыть — нанимаемъ; дворъ мести, дрова рубить, вонъ, сосѣдъ мужикъ - огородникъ нанимается. Давно бы своихъ мужиковъ завелъ, когдабы съ толкомъ. Не обокрали насъ еще, потому — красть нечего.... Охъ, скажу тебѣ, какъ эта бѣдность одолѣла!

— Вы, нянюшка, хозяйничаете, или сестрица?

— Ай, родные мои! вдругъ вскричала она: — про обѣдъ-то я и забыла! Ишь ты какой, все съ тобой заболталась. Побѣжать скорѣе, десятый часъ....

— Да, десятый, подтвердилъ Викторъ, вѣшая подъ оружіемъ дорогіе часы. Только постойте еще, нянюшка. Что тутъ безъ меня было?

— Что? катавасія была.... Пусти ты меня, Христа-ради, не держи. Сестрица твоя злилась. Вотъ, обѣдъ не угожу, и еще озлится....

— Злилась? Плакала?

— Ну, изъ нея не очень слезу вышибешь. Папашенька разливался. Да ты поди къ нему, стукни, авось не укуситъ. «Благодарю, молъ, за покой». А мы съ тобой еще натолкуемся. Я и сама рада слово перемолвить; день-деньской молчишь....

Викторъ остался одинъ, прилегъ, закурилъ, соображалъ и улыбался. Въ комнатѣ за его дверью прошли. Онъ вскочилъ, открылъ свой еще неразобранный чемоданъ, поспѣшно выбросилъ изъ него бѣлье въ комодъ, платье въ шкафъ, опорожнилъ дорожные мѣшки, спряталъ какъ попало все чтò въ нихъ было, засунулъ ихъ, чемоданъ, свертки, веревки подъ постель, поставилъ на столъ складное зеркало, стклянки духовъ, разбросалъ какія нашлись письма и въ нѣсколько минутъ придалъ комнатѣ видъ, будто въ ней жили давно. Кончивъ, онъ снялъ свое воен-

ное платье и переодѣлся въ статское, сидѣвшее красиво и неловко, какъ вообще на непривычныхъ, — посмотрѣлся въ зеркало, разчесалъ усы, надушился и пошелъ въ гостинную. Расположеніе дома было ему уже извѣстно.

Въ прихожей сидѣли два мужика. Катерина выходила изъ кабинета. Викторъ учтиво посторонился; она не взглянула.

— Не разочли вы, когда пріѣхать, обратилась она къ мужикамъ. Воскресенье, присутствія нѣтъ, ничего нельзя сдѣлать. Навѣдайтесь на недѣлѣ.

— А прошеніе-то онъ, барышня, принялъ?

— Какъ же не принять.

— Нынче, вонъ, и къ себѣ не допущаетъ,... продолжалъ уныло мужикъ.

— Ничего! Все сдѣлаетъ! отвѣчала, смѣясь, Катерина. Съ Богомъ!

Ея голосъ звенѣлъ какъ разбитый; она кивнула имъ головой и скоро прошла.

Викторъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ и постучался въ кабинетъ.

— Могу ли я войти, батюшка?

Отвѣта не было. Викторъ провелъ непріятную минуту; для Багрянскаго она была ужасна.... Стукъ въ дверь, вопросъ сына такія естественныя вещи послѣ того, что рѣшено, — заставили отца вздрогнуть. Жизнь начинается. Надо переломить себя, смирить себя....

— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! Я простилъ! повторялъ онъ въ смятеніи. — Пошли миръ душамъ нашимъ; пути твои неисповѣдимы.... Вотъ, дочь сейчасъ здѣсь была, свободно, смѣло... а *этотъ*, — съ трепетомъ, съ покорностью,—не знаетъ какъ приступить.... Охъ, не легко ему.... — Викторъ!

Онъ отворилъ дверь, увидѣлъ сына и вдругъ удержался, не впустилъ его къ себѣ, а вышелъ самъ.

— Здравствуйте еще разъ, батюшка, сказалъ Викторъ, подходя поцѣловать руку. — Позвольте васъ благодарить. Какая превосходная комната.

Онъ шелъ за отцомъ въ гостинную.

— Чтó тамъ превосходнаго!

— О, еслибы вы видали мои жилища! Дорогой батюшка... Ахъ, какъ здѣсь все хорошо... и зелень...

Онъ осматривался.

— Ты въ статскомъ? замѣтилъ Багрянскій.

— Да, батюшка. Въ отставкѣ. Я болѣе не имѣю права носить военную форму, но далъ клятву, что вы меня увидите въ званіи офицера, что я сниму свой мундиръ только подъ роднымъ кровомъ.

И я сдержалъ клятву, чего ни стóило. Я это время оставался въ Москвѣ, ожидая извѣстій отъ его превосходительства, Алексѣя Владиміровича. Въ Москвѣ, за форму могли привязаться: Алексѣй Владиміровичъ написали: «надежды нѣтъ!» — но я рискнулъ и, чтобъ явиться къ вамъ, купилъ новые эполеты... Увлеченіе! договорилъ онъ, вздыхая.

— Катя! кликнулъ Багрянскій, садясь на диванъ, къ накрытому чайному столу. — Викторъ стоялъ.

— Только и осталось мнѣ памяти отъ военной карьеры, что—вотъ.

Онъ показалъ на бантики, украшавшіе его лѣвый рукавъ.

— Легкая рана? спросилъ отецъ.

— Хотѣли отнять руку, скромно отвѣчалъ Викторъ.

— Ты, кажется, владѣешь ею свободно, сказалъ Багрянскій и обратился къ входящей Катеринѣ. — Поскорѣе, Катя.

— Вы всегда поздно кушаете чай? спросилъ Викторъ.

— Какъ случится, отвѣчалъ Багрянскій, также какъ онъ напрасно выжидавшій отвѣта Катерины.—Въ будни, я въ десять часовъ ухожу въ должность.

— Я видѣлъ, у васъ и сегодня просители... Святое дѣло.

Онъ бросился подвинуть стулъ Катеринѣ и не успѣлъ.

— Вы не хотите, чтобъ я вамъ служилъ? прошепталъ онъ, любезно улыбаясь.

Она, заторопясь, что-то уронила; Викторъ ловко подхватилъ. Ихъ руки встрѣтились. Катерина съ отвращеніемъ отдернула свою.

— Я все дѣлаю сама, сказала она.

Отецъ смотрѣлъ на нее. Она ничего не видѣла, не слышала. Все кругомъ колыхалось, уплывало, свѣтъ, тѣни, предметы; воздухъ душилъ; въ ней самой чтó-то дрожало и стучало... И это — толькó начáло? и такъ — всякій день?.. Вдругъ рѣзко раздался голосъ отца:

— Ты не хочешь говорить со мной, Катерина?

— Я не слышала... выговорила она съ трудомъ.

У него не стало силы смотрѣть на нее; онъ отвернулся къ окну. Викторъ, слѣдя за его движеніемъ, заговорилъ о погодѣ и разнообразилъ предметъ своими воспоминаніями о Кавказѣ, о Венгріи. Онъ замѣчалъ, что къ нему невнимательны, но продолжалъ несмѣло и покорно, какъ-то почтительно подвергая на судъ свои впечатлѣнія, готовый, казалось, сейчасъ же отъ нихъ отказаться, даже усомниться въ дѣйствительности того, чтó видѣлъ, если-бы слушатели въ этомъ усомнились. Его разсказы были, впрочемъ, занимательны; онъ съ тактомъ умѣлъ поминать о себѣ только какъ о зрителѣ, вскользь, и то изрѣдка. Багрянскій

сталъ слушать и вдругъ, какъ-то затруднившись тѣмъ, что разсказчикъ говоритъ одинъ—сталъ спрашивать. Викторъ замѣтно обрадовался, но очень ловко не сдѣлался веселѣе, а бросивъ взглядъ на сестру, тяжело вздохнулъ.

Катерина молчала и разбиралась въ своей работѣ, въ безпорядкѣ забытой съ вечера. Тамъ были слѣды чужихъ рукъ, такихъ, которыя по привычкѣ, изъ шалости, или въ раздумьи, вертятъ чтó попадается. Въ складкахъ полотна остался изорванный листъ клёна. Катерина судорожно зажала его въ горсть.

Викторъ прохаживался по комнатѣ. Отецъ взялъ сигару; это было отступленіе отъ его привычекъ: послѣ утренняго чая онъ всегда уходилъ работать, если не въ должность. Еще наканунѣ онъ говорилъ, что дѣла будетъ много.

— Вы мнѣ позволите... тоже? Не безпокою? спросилъ Викторъ, доставая папироску и слегка кланяясь Катеринѣ.

Отецъ протянулъ ему зажженую спичку. Викторъ еще разъ поклонился.

— Привычка! продолжалъ онъ, пожимая плечами.—Никакъ не могъ отстать, какъ себя ни принуждалъ. Бывало, — нечего, рѣшительно, ни табаку нѣтъ, ни гроша—курилъ листъ съ дерева. Изобрѣтательность! прибавилъ онъ, позволивъ себѣ засмѣяться, потому что отецъ улыбнулся.—Въ подраженіе мнѣ, другіе катали папироски: листъ и почтовая бумага отъ писемъ... Я этого не дѣлалъ.

— Ужъ слишкомъ скверно?

— У меня не было писемъ, отвѣчалъ отрывисто Викторъ, и оставивъ небольшую паузу, продолжалъ замѣтно стараясь воротиться на прежній тонъ.—Эта милая привычка... Разъ, были мы «въ секретѣ». Ночь темная. Такъ—овражекъ небольшой, а за нимъ, говорятъ, лезгины.

Онъ красиво показывалъ рукой.

— Ну, приказано наблюдать. Осень; мороситъ что-то; холодъ въ горахъ стóитъ русскаго и похуже. У кого была водка, тотъ погрѣлся, болтаютъ между собой потихоньку. Я мерзну; не съ кѣмъ сказать слова, сонъ такъ и клонитъ. Постой—есть папироска! Спичку,—зажегъ—и въ тужъ минуту по насъ залпъ изъ-за оврага...

— И что же? спросилъ отецъ.

— Завязалась перестрѣлка... Обыкновенная исторія!

— Ну, и съ тѣхъ поръ полно закуривать «въ секретѣ»? продолжалъ Багрянскій съ участіемъ, съ шуткой, съ той дрожью, въ которой сказывается пересиливаемая душевная мука и желаніе скорѣе отъ нея избавиться.—Осторожнѣе сталъ?

Викторъ помолчалъ.

— Нѣтъ, сказалъ онъ тихо, но будто отчаянно рѣшаясь: — я съ тѣхъ поръ сталъ это часто дѣлать, нарочно.

— Зачѣмъ.

— Жизнь доставалась такая... Ну, думаешь, авось попадутъ — одинъ конецъ.

— Господи!.. сказалъ съ ужасомъ Багрянскій.

— Чтожъ, продолжалъ Викторъ: — я ужъ ничего въ жизни не ждалъ.. Вспомню васъ, все, мысленно прощусь, и... И всякій разъ—судьба! кругомъ, глядишь... Меня даже не задѣнетъ! Судьба!

— Воля Господня, возразилъ отецъ.

У него навернулись слезы; Викторъ поднесъ платокъ къ глазамъ.

— Ну, а тѣмъ, которыхъ кругомъ задѣвало, тоже судьба или воля Господня? сказала Катерина.

Отецъ и братъ оглянулись.

— Чтó? спросилъ Багрянскій. —Ты слышала, чего онъ хотѣлъ.

— Слышала. Но вѣдь другимъ не было охоты умирать. Чѣмъ забавляться, подкликать лезгинъ на огонекъ, — пистолетъ себѣ въ ротъ: коротко и просто.

— Что ты, обезумѣла? что ты говоришь? самоубійство, преступленіе...

— А это чтò? спросила она холодно и обратилась къ своей работѣ.

Была минута ужаснаго молчанія. Багрянскій, пораженный, опустилъ голову. Викторъ остолбенѣлъ; онъ готовился ко многому, но не къ такому. Катерина шила и колола себѣ пальцы въ кровь, ничего не чувствуя. Она сама не знала, ужъ не хотѣлось-ли ей воротить того, что сорвалось, но въ ея груди кипѣло что-то еще ужаснѣе. Въ какомъ-то туманѣ ей мелькнуло лицо отца.

— Я его убиваю... подумалá она и, едва владѣя собою, шатаясь, вышла въ свою комнату.

Багрянскій вздрогнулъ на стукъ запиравшейся двери. Викторъ подошелъ къ нему.

— Чѣмъ я могъ заслужить такую ненависть? сказалъ онъ съ оскорбленнымъ достоинствомъ. — Такъ истолковывать слова, движенія души... Что я ей сдѣлалъ? Позвольте мнѣ уйти, батюшка. Я не ошибался, когда ужъ хотѣлъ уйти, а вы меня удержали; я съ первой минуты понялъ, что передъ *ней* — вы безсильны...

Онъ говорилъ долго, подходилъ къ двери и возвращался, то начиная новый монологъ, то будто не имѣя силы переступить порога, то снова, порывно, бросаясь къ отцу. Багрянскій всталъ, заложилъ руки за спину и ходилъ взадъ и впередъ, не обращая

на него вниманія. Еслибы Викторъ исполнилъ свою угрозу и ушелъ, Багрянскій не сталъ бы его удерживать; сказать—«уходи»,—онъ не могъ. То, чтó онъ выносилъ, то чтó онъ передумалъ, было неизобразимо... Да, къ *этому человѣку* у него только животная привязанность, а другой и быть не можетъ... Тяжкій грѣхъ такое чувство! Смертельный грѣхъ—гордость—самое сознаніе такого чувства! Еще грѣхъ—ожесточеніе: изъ низшаго чувства отецъ *не можетъ* сдѣлать чувства просвѣтленнаго, человѣческаго! *Не можетъ*—слѣдовательно, воля не тверда, милосердія нѣтъ... А *она*, *она*, немилосердная...

«Она права»... вдругъ промчалось у него въ мысли.

Права! Вотъ онъ, первый грѣхъ: любленіе твари паче Бога, кумиръ, ненаглядная дочь! Права! Какъ она смѣетъ указывать, какъ она смѣетъ учить? Всѣхъ оскорбила, всѣ несчастны... Она не понимаетъ любви родительской...

Онъ ужъ забылъ какъ самъ, сейчасъ, опредѣлилъ свою любовь.

«Безжалостная»... твердилъ онъ, не зная, куда дѣвать уши отъ голоса Виктора. Его душило отвращеніе.—Безгрѣшная!.. И ангелы безгрѣшны, но вѣрятъ покаянію. Горда... гордымъ Богъ противится. Совершенна?—докажи свое совершенство: смирись!

Онъ нечаянно взглянулъ на Виктора.

— Молчать! вскрикнулъ онъ и отвернулся.

Боже всемогущій, чтожъ это такое? Опять на тоже, сугубый грѣхъ? Простилъ и взялъ прощеніе назадъ? А какъ Господь также сотворитъ и съ тобою, окаянный? Фарисей *такъ* не прегрѣшилъ, какъ этотъ несчастный, но всячески прегрѣшилъ! Опомнись: ты отецъ равно обоимъ. Разрѣшилъ, простилъ и—да будетъ такъ!

— Викторъ! сказалъ онъ громко.

Викторъ сидѣлъ, печально опустивъ голову; онъ всталъ и подошелъ почтительно.

— Знай однажды навсегда, что я своихъ словъ не перемѣняю. Все прошлое я забылъ. Ты для меня—новорожденный... Сестру ты долженъ уважать, потому что она... она, Катя... Охъ, пощадите вы меня, договорилъ онъ, протягивая сыну руки.

Викторъ склонился въ эти объятія, нѣжно, но слегка снисходительно, скорѣе уступая, нежели увлекаясь.

— Я въ душѣ моей, батюшка, ничего не имѣю, но какъ благородный человѣкъ...

Въ сѣняхъ раздался звонокъ.

Катерина была въ своей комнатѣ, одна, не зная чтó дѣлать. Непостижимое происходило въ ея жизни; вся жизнь перевернулась,

оборвалась,—мысль, дѣло, даже простыя привычки. Все кругомъ глядѣло отчужденіемъ, все прощалось, все уходило, все торопилось куда-то, будто сейчасъ должно начаться что-то еще, что-то новое и такое же зловѣщее, какъ то, что только наступило, а ужъ успѣло истомить будто цѣлыми годами... Катерина металась; то сидѣла, разбросивъ руки, то подходила къ балкону, не рѣшаясь выдти. Окно въ домѣ отворено; Верховской дома,—можетъ быть, свободенъ; увидитъ, придетъ... Она не хотѣла его видѣть. Стыдно такъ ему показаться... Что за ложный стыдъ! Пусть видитъ, какъ она потерялась; мужество еще воротится... Счастье не воротится, вотъ что!

Послышался звонокъ... Охъ, что еще?..

— Васъ спрашиваютъ, сказала, входя, Маша:—Лѣсичевъ и дамы; я не видала кто.

— Tout de suite... Mille pardons... Prenez place... раздавался въ гостинной голосъ Виктора, который принималъ какъ хозяинъ, подвигалъ кресла...

— Ужъ познакомился, представился... Гдѣ батюшка? спросила Катерина.

— Давно заперся у себя, отвѣчала Маша.

— Ma soeur, мы ждемъ васъ, прокричалъ Викторъ у самой двери.

«Онъ смѣетъ звать меня»... думала, выходя, Катерина. Лѣсичевъ взглянулъ на нее бѣгло и особенно внимательно. M-lle Ольга и ея мать подступили съ объятіями.

— Пріятная нечаянность, говорила эта дама:—звонимъ къ вамъ,—отворяетъ молодой человѣкъ; входимъ и узнаемъ...

— Поздравляю, душка! какое счастье—братъ! лепетала Ольга: — вотъ, я воображаю...

— Да, воображаю! повторила дама.—А вашъ папа́?

— Папа́ отдыхаетъ! Но вѣдь и она отдыхала! отвѣчалъ Викторъ, весело указывая на сестру.—Я ихъ засталъ въ расплохъ, на зарѣ; покуда, вотъ, занялся газетой...

Онъ показалъ на листы на столѣ.

— Я, человѣкъ привычный, усталъ меньше всѣхъ.

— Ахъ, какъ не устать! томно сказала Ольга.

Ея взглядъ поймалъ его бантики.

— Я думаю, вы такъ торопились, летѣли... подхватила мать.

Она, не меньше дочери, была рада встрѣчѣ. Онѣ зашли къ Багрянской только потому, что увидѣли входящаго Лѣсичева; это было интересно. Визитъ получилъ новый интересъ.

— Я съ порученіемъ отъ m-me Волкаревой, сказалъ Лѣсичевъ Катеринѣ:—она проситъ васъ сегодня вечеромъ къ себѣ.

Пріѣхала одна ея московская знакомая, пѣвица; словомъ — будетъ пріятно.

— Поблагодарите за меня, отвѣчала Катерина:—очень жалѣю, что не могу быть.

— Ахъ, душка, почему? вступилась Ольга.—И я буду! отчего вы не хотите...

— Не могу.

— Ахъ, это потому, что братъ пріѣхалъ!

— Я ее не стѣсняю, возразилъ любезно Викторъ.—Я самъ хотѣлъ быть у Волкаревыхъ. Но, кажется, слѣдуетъ прежде быть утромъ.

— «Кажется!» Будто вы не знаете?

— Я, вѣдь, азіатецъ, дикарь. Въ которомъ часу у васъ здѣсь дѣлаютъ визиты?

— Ah, mon Dieu, que c'est drôle! закричала, хохоча, m-lle Ольга.

Викторъ ей вторилъ; маменька приняла участіе. Поднялись любезности.

— Если вы боитесь пѣвицы, Катерина Николаевна, сказалъ Лѣсичевъ:—то, смѣю васъ увѣрить,—поетъ прелестно, я вчера ее слышалъ,—и премиленькая женщина.

— Очень вѣрю, тихо отвѣчала Катерина:—но все равно, не приду.

Лѣсичевъ посмотрѣлъ на нее пристально.

— Катерина Николаевна...

— Что?

— Такъ, ничего... Ну, я самъ туда не пойду. Можно придти сегодня вечеромъ къ вамъ?

— Нѣтъ.

— Помѣшаю?

— Чему? спросила она какъ-то невольно горько.

— Почему я знаю! Конечно, не дурному... Третьяго дня, у Волкаревыхъ, какъ вы были веселы!.. Катерина Николаевна, я виноватъ передъ вами.

— Не знаю.

— Нѣтъ, очень знаете.

— Такъ не помню.

— И не можете не помнить. Но я вижу, что вы меня искренно простили. Спасибо вамъ за это.

Онъ незамѣтно, тихо пожалъ ея руку.

— Только третьяго дня, у Волкаревыхъ, я убѣдился, что вы меня простили. Оттого я къ вамъ и глазъ не казалъ до сихъ поръ... Оттого и прошу: дайте провести часокъ съ вами, сегодня,

завтра, когда хотите. Вы когда-то сказали, что я для васъ не чужой...

Онъ говорилъ все тише. M-lle Ольга взглянула на нихъ, улыбнулась и, желая показать, что можетъ сразу пріобрѣтать поклонниковъ, еще живѣе бросилась въ разговоръ Виктора съ своей мамашей. Мамаша усердно привлекала «молодого человѣка»: Викторъ ужъ получилъ приглашеніе бывать утромъ, вечеромъ, всегда безъ церемоній, — и тоже съ своей стороны старался очаровывать. Лѣсичеву было не до нихъ, но, по привычкѣ все видѣть, онъ замѣтилъ, что Викторъ засунулъ свою лѣвую руку за жилетъ и, смѣясь, все-таки интересничалъ. Компанія была занята. Лѣсичевъ опять обратился къ Катеринѣ.

— Глупъ я былъ, неблагодаренъ, какъ хотите меня назовите; но я, вотъ, только въ послѣднее время восчувствовалъ, что вы тогда говорили, — *тогда*, давно! И до слова вспомнилъ... И вы мнѣ стали дороги...

Онъ шепталъ, потупляясь, закусывая губы.

— Катерина Николаевна, вѣдь это не объясненіе въ мазуркѣ... Вы говорили «надо другъ друга беречь»... Могу я какъ-нибудь васъ поберечь?

— Спасибо, отвѣчала она тихо и кротко подняла на него глаза: — но не отъ чего.

— Не отъ чего? повторилъ онъ, въ радости забываясь, почти громко.

— Да, не отъ чего.

Лѣсичевъ вдругъ всталъ и, чтобъ не упасть передъ ней на колѣни, отошелъ къ роялю.

— Вы много занимаетесь музыкой? спросила гостья Катерину, предоставивъ Виктора дочкѣ.

— Нѣтъ; я дурно играю.

— Однако, рояль открытъ.

— Вчера вечеромъ, отъ нечего дѣлать.

— Это разочарованіе мнѣ, сказалъ Викторъ; — я страстный любитель музыки.

— И конечно, артистъ?

— Аккомпанирую себѣ, когда пою. Но, съ годъ даже не видалъ инструмента. Была какая-то гитара, а теперь... невозможно и это!

— Ахъ, да;.. Но будетъ аккомпанировать сестра, а мы послушаемъ, любезно договорила гостья, подавая ему руку. — До свиданія. Теперь, мы, конечно, скорѣе дождемся и васъ, Катерина Николаевна...

— Душка, que je suis heureuse! почему-то прошептала m-lle Ольга, бросаясь цѣловать Катерину.

— Жалуюсь вамъ, Викторъ Николаевичъ, продолжала мать, по древнему провинціальному обычаю останавливаясь разговаривать въ прихожей, куда Викторъ вышелъ за ними: — сестра ваша — затворница!

— О, я постараюсь ее исправить, отвѣчалъ Викторъ.

Лѣсичевъ колебался уйти или остаться, посмотрѣлъ на это прощанье, взялъ шляпу, молча простился съ Катериной и ушелъ, не взглянувъ на Виктора.

Виктора какъ будто озадачила эта неучтивость, какъ будто смутило еще что-то; онъ хотѣлъ тоже уйти, но вдругъ передумалъ, воротился въ гостинную, сѣлъ на диванъ и взялъ газету. Мелькомъ онъ взглянулъ на сестру, равнодушно и только будто удивившись, что она тутъ. Нельзя сказать, чтобы онъ былъ совершенно спокоенъ, но онъ сообразился. Отецъ самъ указалъ сторону, съ которой можно имъ овладѣть; слѣдовательно нужно только дѣйствовать ловчѣе и бить по этой сторонѣ; она оттого дѣлается еще чувствительнѣе: простилъ во имя Господа-Бога, такъ не осмѣлится сознаться, что сглупилъ... Викторъ съ удовольствіемъ улыбнулся. Вотъ, съ барышней мудренѣе. Кто ее знаетъ, что она такое.. Э, найдется и у нея слабая сторонка!.. Незамѣтно, чтобъ она очень-то забрала *его* въ руки...

— Викторъ, сказала Катерина.

— Pardon... Онъ вскочилъ.—Что вамъ угодно? Можетъ быть, хотите читать?

Катерина тихо отвела газету, которую онъ подавалъ, и оперлась на спинку кресла, все еще не рѣшаясь взглянуть на брата.

— Намъ пришлось свидѣться... начала она твердо и, блѣднѣя, остановилась.

— Да... И, я вижу, вамъ это непріятно, досказалъ онъ. — Неужели пламенная преданность брата, воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ...

— Будемъ говорить просто, прервала она. — Зачѣмъ ты пріѣхалъ?

— Сестра!! вскричалъ онъ трагически.

— Для меня это любопытно, продолжала Катерина, становясь все спокойнѣе и холоднѣе.—Отвѣчай прямо.

— И ты еще отрицаешь чувство, отрицаешь? повторялъ онъ:— но ты сама, сейчасъ... Сестра, это сердечное *ты*...

— Привычка, возразила она, отступая.

— Нѣтъ, Catherine, о, нѣтъ! Это порывъ сердца, это сама природа...

— Оставь меня! вскричала она нетерпѣливо.—Если ужъ я осуждена видѣть тебя, выдерживать, молчать,—такъ я тебѣ объявляю, чтобъ ты не смѣлъ подступать ко мнѣ ни съ какими комедіями, ни съ лестью, ни съ разговорами, чтобъ ты даже въ шутку... какъ, вотъ, сейчасъ, при этой барынѣ... не позволялъ себѣ подумать взять надо мной власть! Даже въ шутку, говорю тебѣ, въ малѣйшихъ пустякахъ! Ты для меня чужой. Я отъ тебя съумѣю оградиться. Я не о себѣ хлопочу... Отвѣчай мнѣ, зачѣмъ пріѣхалъ.

— Я сказалъ: моя привязанность...

— Я ей не вѣрю.

— Чтожъ я скажу еще? возразилъ онъ съ достоинствомъ.— Я хотѣлъ видѣть моего отца.

— И видѣлъ. Зачѣмъ же ты остался?

— На то воля отца.

— Воля отца? Ты его обманулъ.. Ну, на этотъ разъ поступи честно: уѣзжай по своей волѣ.

— Странное предложеніе!

Онъ засмѣялся.

— Не странное, Викторъ, возразила она печально и тихо.— Ты сдѣлалъ много дурного, удержись отъ послѣдняго: не отравляй жизни отца. Большей рознi понятій, какъ между нимъ и тобой— быть не можетъ.... Неужели это надо еще объяснять? Ты самъ знаешь!... Но ты не понимаешь страданія отъ розни понятій.

Викторъ принужденно вытаращилъ глаза.

— Онъ нуженъ обществу. Не дѣлай его неспособнымъ трудиться, ожесточеннымъ человѣкомъ. Вздорныя дрязги раздражаютъ, отнимаютъ смыслъ, справедливость. Отъ твоихъ выходокъ могутъ потерпѣть сотни людей....

Гримаса изумленія Виктора переходила въ насмѣшливый испугъ.

— И еще... Но ужъ этого ты совсѣмъ понять не можешь!... Гражданинъ, человѣкъ, по праву гордый предъ людьми и передъ Богомъ.... о, милый отецъ!... Викторъ, уходи, уѣзжай! умоляю тебя, ради чести отца! я готова простить тебя, только избавь его отъ стыда!

— Вы очень горды, сказалъ онъ, усмѣхаясь.

— Да.

— Да-съ; вижу. Можно подумать, слушая васъ, что только вы однѣ и понимаете благородныя чувства.... что вамъ противорѣчить! Только ужъ очень вы себѣ присвоиваете попечительство надъ батюшкой; понятно, что желаете оставаться съ нимъ однѣ, — да дѣлать то нечего-съ: уступите и мнѣ частицу. Мо-

жетъ быть, у меня нѣжности не меньше чѣмъ у васъ, только краснорѣчія нѣтъ, выражаться не мастеръ.

— Ты, однако, краснорѣчиво выразился въ послѣднемъ письмѣ, сказала она со злостью.

— Въ какомъ письмѣ? когда?

— Въ письмѣ ко мнѣ, два мѣсяца назадъ.

— Catherine, я умиралъ, я былъ въ бреду, въ горячкѣ....

— Неправда, ты не умиралъ. Ты тогда же писалъ отцу. Объясни, чтó значило твое письмо ко мнѣ.

Она сложила руки и ждала. Викторъ смутился.

— Я не знаю, чего вы не понимаете, возразилъ онъ наконецъ. Это очень натурально.... Душа переполнилась; я высказался сестрѣ....

— Ты высказался? настойчиво повторила Катерина, подходя ближе. Отъ полноты души? Ты самъ въ этомъ сознаешься? *Ты высказался?* Подумай, не возьмешь ли этого слова назадъ?

— Не понимаю, чего вы добиваетесь. Ну, да, чтó чувствовалъ, то и выразилъ.... Если, вы претендуете, тамъ было что-нибудь оскорбительное для васъ, я готовъ извиниться....

— О, не безпокойся! тотъ, кто писалъ это письмо, оскорбить меня не можетъ!

— Это, право, странно.... Я не свѣтскій человѣкъ, тонкостей не понимаю; что такое я могъ сказать....

— Чтó? Ты хвастался, что воровалъ, ты хвастался, что убилъ человѣка, ты ругался надъ закономъ, который тебя осудилъ, ты осмѣлился заподозрить отца, что онъ крадетъ.... вотъ твои чувства, вотъ какъ ты высказался....

— Позвольте мнѣ видѣть это письмо....

— Неужели ты воображаешь, что я стану его беречь?... И у тебя достаетъ наглости смотрѣть мнѣ въ глаза, притворяться? Вѣдь я знаю, каковъ ты; ты самъ себя выдалъ и сейчасъ подтвердилъ, ты меня не проведешь слезами и божественными словами.... ты и надъ ними ругаешься!

— Позвольте, сдѣлайте одолженіе, видѣть это письмо, повторилъ Викторъ очень почтительно.

— Развѣ я могу лгать, какъ ты? вскричала она внѣ себя: я тебѣ сказала—нѣтъ его, изорвала, сожгла, чтобъ людямъ не попалось, отца берегла.... Столъ свой берегла, чтобъ на немъ такой ужасъ не лежалъ!

Викторъ улыбнулся, замѣтно переведя духъ.

— Вы изволите, говорить, что я лгунъ. Ну, а мнѣ ужъ позвольте видѣть въ этомъ письмѣ однѣ мечты вашего воображенія.

Онъ подвинулъ себѣ подушку подъ локоть и взялъ газету.

Катерина осталась неподвижно среди комнаты. Это было что-то непонятное, неожиданное. Точно кто-то шепнулъ ей, что ее поймали и одурачили. Чрезъ темное, сплошное, страшное горе перелетѣла мелкая, дрянная досада; хотѣлось отмахнуться, презрѣть.... но вдругъ по душѣ потянулись отвратительныя чувства, отвратительные помыслы, житейски-вѣрныя догадки, что-то забавно ужасающее. Вѣдь если бы тогда не пожалѣть отца, не поделикатничать, а показать это письмо, или хоть припрятать его до случая—вѣдь, этого несчастья бы не было.... Идеалистка! Ну, теперь и справляйся какъ знаешь!... Она съ любопытствомъ слѣдила, какъ росла и развивалась эта трусливая злость; слѣдила за своими соображеніями, убѣждалась, что могла бы быть ловка, искусна, осторожна, могла бы перехитрить хоть кого.... «Будьте мудры, какъ змѣи....» подумала она насмѣхаясь, и ужасаясь....

«Господи, пошли какое тебѣ угодно несчастье, только не эту мудрость»! сверкнуло въ ея душѣ, и вспыхнуло снова ея честное мужество. Терпѣть, но не быть виноватой!

Викторъ оглянулся на ея движеніе; она, не оглядываясь, ушла къ отцу.

Отецъ давно ждалъ, не придетъ ли она. Ему казалось невозможно, чтобъ она такъ долго, такъ упрямо могла выносить мученіе, которое должно остаться въ ея душѣ, послѣ того, что она сказала.... Или она выносила это легко?... Она должна придти, повиниться. Онъ готовъ простить, но пусть придетъ. Становилось какъ-то жаль ее; воображалось, какъ, сейчасъ, она явится....

Онъ принялся за работу, въ другой разъ въ это утро, и не могъ работать. Катерина была ему нужна; онъ не звалъ ее со злости.

Наконецъ, она вошла, тиха, спокойна. Онъ чуть ее не выгналъ, молча бросилъ ей бумаги и сталъ диктовать, будто покоряясь необходимости. Катерина вспомнила, что ужъ такъ однажды было, но нынѣшній разъ нѣтъ, какъ тогда, надежды, что это пройдетъ. Ея мужество пригодилось только для покорности. Въ принужденіи, въ мученіи исчезала высокая цѣль труда—польза для другихъ, отрадная цѣль—помощь дорогому человѣку. Исчезало дѣтское желаніе «постараться», то, что̀ отецъ въ шутку называлъ «писарскимъ кокетствомъ», что̀ доставляло такія славныя минуты, понятныя немногимъ на свѣтѣ, то *счастье бездѣлицъ*, безъ котораго жизнь не полна. Теперь, работалось прилежно по привычкѣ, по обязанности,... по ужасной необхо-

димости забыться. Работалось для себя. Что́ дѣлается только для себя, то не утѣшаетъ....

— Ты говорила съ братомъ? спросилъ Багрянскій.

— Да.

Больше ни слова. Въ комнатѣ раздавались его шаги, отрывистая диктовка, шелестъ бумаги, скрыпъ пера, шуршанье ножа и резинки, шипѣнье сургуча, щелканье на счетахъ, будто однообразно-сложный шумъ машины, и цѣпенящій и раздражающій. Катеринѣ не разъ случалось писать не вставая по нѣскольку часовъ, но никогда она такъ страшно не уставала; у нея тѣснило грудь, ломили локти. «Будь моя воля, сейчасъ бы легла въ постель....» подумала она, тутъ же думая, что у нея нѣтъ этой воли, и что вчера она была. Мысль унесла далеко. Катерина не дослышала, что́ диктовалось, переспросила. Отецъ повторилъ, потомъ повторилъ еще два раза одно и тоже, безъ ея просьбы, съ такимъ злымъ терпѣніемъ, съ такой насмѣшливой снисходительностью, что Катерина приподнялась на мѣстѣ.... «Все брошу!» чуть не сорвалось у нея громко.... Она еще ниже наклонила голову; ея стиснутые пальцы побѣлѣли; перо щелкнуло и раскололось....

— Ну, и прекрасно, сказалъ Багрянскій, равнодушно прохаживаясь.

Эта пытка длилась три часа. Пробило пять.

— Пора обѣдать.

— Сейчасъ даютъ, сказала Катерина, продолжая дописывать.

— Оставь.... «Сейчасъ даютъ....» Кто привыкъ поздно, тому ничего, а кто пріѣхалъ съ зари, да не ѣлъ....

Онъ ушелъ, оставя ее одну.

Викторъ, въ гостинной, бесѣдовалъ съ нянькой, накрывавшей на столъ. «Господа» были близко, бесѣда не могла быть интимною и имѣла больше игривый характеръ. Въ гостинной было больше воздуха, свѣтлѣе; говоръ какъ-то освѣжалъ.

— Что̀ у васъ тутъ? спросилъ, входя, Багрянскій.

Нянька стала болтать разный вздоръ. Она какъ-то брала смѣлость съ бариномъ, чего прежде никогда не бывало. Теперь онъ до того не похожъ на себя, что это возможно. Тишина, простота, серьезныя занятія, серьезное веселье дома ей надоѣли; она пользовалась случаемъ доказать, что не съ одной «разумницей» можно смѣяться; да и грѣшно: сынъ пріѣхалъ, а домъ словно гробъ; ей хотѣлось также придать себѣ важности и передъ Викторомъ. Пришла Катерина. Викторъ намѣревался, садясь за столъ, сыграть небольшую сцену умиленія предъ

этимъ «первымъ обѣдомъ послѣ столькихъ лѣтъ», но благоразумно передумалъ: сценъ было довольно, отецъ и сестра, кажется, достаточно не въ ладахъ, и горячее стынетъ. Нянька, ради торжественнаго дня, отстранила Машу отъ услугъ, сама подавала кушанье и сплетничала. Неизвѣстно, откуда она брала безконечные разсказы, зная, казалось бы, одинъ свой домъ. Викторъ, будто подтрунивая надъ старухой, будто изъ снисхожденія, ловко поддерживалъ болтовню. Ему было нужно, чтобъ въ комнатѣ не молчали. Багрянскій тоже, какъ-то смутно боялся молчанія. У него трещало въ ушахъ — онъ принуждалъ себя слушать; пошлость его бѣсила — онъ сталъ разспрашивать подробнѣе; потухшій взглядъ Катерины рѣзалъ ему душу — онъ засмѣялся.... Веселость Виктора удвоилась.

— Это что? спросилъ Багрянскій, когда нянька поставила на столъ пирожное.

— Зефиры, сударь, отвѣчала она, торжествуя. Это не барышня приказывала, — я сама. *Онъ* еще маленькимъ былъ до нихъ охотникъ.

Она никогда не знала Виктора маленькимъ, но ей не возражали.

— Люди говорятъ, сударь, нынче праздникъ, а у насъ онъ вдвое; Богъ велитъ праздновать. Да ужъ и чтожъ, все скудость.... вонъ, давеча, гости пришли; слѣдовало бы имъ кофей....

— Кто у тебя былъ? спросилъ Багрянскій Катерину. Ему хотѣлось хоть одну минуту слышать ея голосъ.

— Лѣсичевъ, отвѣчала она.

— Я хотѣлъ и забылъ спросить: кто онъ такой? обратился къ ней Викторъ, просто и добродушно, между тѣмъ какъ его взглядъ выражалъ: посмотримъ, какъ ты мнѣ не отвѣтишь.

— Чиновникъ губернатора, отвѣчала Катерина, вспыхнувъ.

— Кажется, малый съ состояніемъ? продолжалъ Викторъ, продолжая туже игру.

— Не знаю.

— Давно знакомъ съ вами?

— Давно.

— И бываетъ часто?

— Очень рѣдко.

— Рѣдко? А представьте, ma soeur, мнѣ показалось, что онъ къ вамъ неравнодушенъ!

Катерина вдругъ вскрикнула. Къ ней подъ руку сунулась огромная желто-сѣрая голова собаки, съ разинутой пастью, съ кровавыми глазами....

— Чья это? Откуда? закричалъ Багрянскій.

— Ахъ, Марсъ! вскричалъ Викторъ: Марсъ! Марсъ!

Онъ схватилъ его за шею; чудовище рвалось, лаяло и огрызалось.

— Это мой Марсъ.... Какое чутье! нашелъ меня.... Я не смѣлъ.... оставилъ его на постояломъ дворѣ.... Catherine.... Ахъ, Catherine, не сердитесь.... Онъ спасъ мнѣ жизнь, мой лучшій другъ.... Ахъ, Catherine, вамъ дурно! Я убью его сейчасъ, сію минуту! Няня, подай кинжалъ! Сейчасъ!

Онъ поволокъ собаку.

— Что ты дѣлаешь, ради Бога, оставь его,... вскричала Катерина, внѣ себя бросаясь за нимъ.

— Ты его пощадила? Catherine, ты—ангелъ! Марсъ, проси прощенія, проси прощенія, подлецъ! кричалъ онъ громче рева собаки, топча ее ногами. Catherine, ангелъ, прости меня!

Катерина вырвалась отъ него и убѣжала.

Въ сумерки, въ домѣ все затихло,—не той милой тишиной, въ которой чувствуется отдыхающая жизнь, готовая сейчасъ проснуться для дѣла и добраго веселья, не благоговѣйной тишиной горя, кротко приклонившаго свою усталую голову. Это была тишина страха и стѣсненія, отъ которой даже воздухъ кажется тяжелѣе, въ которой такъ и носится перешептыванье и подслушиванье.... Нянька, для парада, вздумала зажечь лампу въ пустой гостинной. Багрянскій и Катерина оставались порознь у себя. Виктора не было дома. Изъ его комнаты раздавалось храпѣнье Марса.

— Денёкъ!... приговаривала нянька, прохаживаясь одна. И ей что-то становилось жутко.

— Маша, сказала Катерина, отворяя дверь въ переходную комнату, гдѣ дѣвушка, тоже одна, пригорюнилась у окошка: тамъ идетъ Верховской; покуда онъ еще не позвонилъ, выйди на крыльцо и откажи.

— Чтó-жъ ему сказать?

— Чтò хочешь.

VIII.

По случаю праздника, въ городскомъ саду въ тотъ вечеръ было гулянье; въ бесѣдкѣ играла гарнизонная музыка. Гулялъ большею частью средній N-скій кружокъ, довольный, что можно какъ-нибудь разнообразнѣе провести время. Наряды были пест-

рые; общество не разборчиво и потому въ восхищеніи отъ того, что̀ его заставляли слушать. Встрѣчались весело, говорили громко; вообще все было такъ непринужденно, нецеремонно, что немногія дамы-«аристократки» только взглянули на гулянье и оставили эту «толпу».

Викторъ прогуливался, заглядывая подъ шляпки, улыбаясь «хорошенькимъ» и заинтересовывая своими прекрасными усами и своей совершенной неизвѣстностью. Ему было пріятно производить впечатлѣніе. Уставъ ходить, онъ присѣлъ на скамейку, въ аллеѣ, напротивъ музыки. На другой скамейкѣ помѣстилось семейство одной очень почтенной чиновницы; множество розовыхъ, полненькихъ, смѣющихся дѣвушекъ. Онѣ стали поглядывать на Виктора; Викторъ, замѣтя это, не сводя глазъ смотрѣлъ на нихъ. Дѣвушки были весьма неопытны, а онъ весьма искусенъ, и скоро его настойчивые взгляды стали производить смятеніе, — впрочемъ, скрываемое отъ маменьки, которая окликала проходящихъ знакомыхъ.

— Григорій Ивановичъ, не узнаёте? закричала она, увидя Духанова.

Скорѣе можно было бы не узнать самого Духанова; онъ пріосанился, растолстѣлъ, отпустилъ модные баки; на немъ было пальто-пальмерстонъ на распашку, отъ часовъ болталась толстая золотая цѣпь; французскія перчатки, вычурная золотая булавка у галстуха, трость съ яшмовой головкой. Его превосходительство, губернаторъ, одѣвался не дороже и держался не величавѣе. Духановъ, впрочемъ, удостоилъ узнать чиновницу, подалъ руку всѣмъ дѣвицамъ подъ-рядъ и даже присѣлъ.

— Давно васъ не видно, сказала маменька.

— Хлопотъ много въ деревнѣ-съ, въ Спасскомъ. Все лѣто такъ отъ города отбился. Да вѣдь и рай въ деревнѣ, воздухъ. Все равно какъ на дачѣ. И знаете, въ пріятной компаніи, все свое. И погуляешь, и распорядишься, и преферансикъ—дня-то и не видишь.

— Это все у Верховскихъ?

— У Лидіи Матвѣевны. Я у нихъ, могу сказать, просто, какъ у себя дома, что только мнѣ вздумается...

— То-то въ должности и не бываете, замѣтила чиновница, чувствуя себя обиженною и желая уязвить: — здѣсь ужъ стали говорить — васъ отъ мѣста прочь.

— Это что-же, возразилъ равнодушно Духановъ: пожалуй себѣ, я не гонюсь. Ныньче одинъ туракъ станетъ въ уголовной служить. Я самъ думаю выдти.

— Совсѣмъ на покой, что̀-ли?

— Нѣтъ-съ, зачѣмъ. А куда-нибудь приличнѣе для благороднаго человѣка. Въ казенную. Мнѣ Лидія Матвѣевна ужъ обѣщались.

— Вотъ какъ. Хорошо, когда знакомство есть.

— Да-съ.

— Можетъ, и супругъ ихній вамъ предоставитъ, къ себѣ васъ возьметъ.

— Нѣтъ-съ, этого я и самъ не хочу. А покуда мнѣ и безъ должности дѣла довольно. Вотъ, сейчасъ заходилъ къ нимъ въ домъ, распорядиться, осмотрѣть, знаете, кладовыя, сараи, погреба. Варенья сахарнаго одного десять пудовъ, — то возьмите. Царями живутъ. Ну, только ужъ какой домъ наняли, совсѣмъ не по моему вкусу, въ закоулкѣ. Я говорилъ, чтобъ на бульварѣ, угловой, знаете? Нѣтъ, поручила мужу...

Духановъ рукой махнулъ.

— Должно быть, постарался онъ поближе къ своему пріятелю, моему отцу - командиру бывшему, Николаю Степановичу Багрянскому...

— Ахъ, прелесть... неосторожно сказала одна изъ дѣвицъ, глядя на Виктора.

— Что «прелесть»? спросилъ ее Духановъ.

— Вотъ, полька, что сейчасъ играли...

Викторъ поглядѣлъ на нее пристально, всталъ и пошелъ къ музыкантамъ.

— У насъ въ Спасскомъ я всякій день музыку слушаю, продолжалъ Духановъ. Лидіи Матвѣевны родственница...

Викторъ возвратился.

— Вамъ понравилась полька; ее сейчасъ повторятъ, сказалъ онъ, подходя къ дѣвицѣ и кланяясь.

Испугъ вышелъ неописанный. Это была не обида, пожалуй, даже любезность, но — «кто его знаетъ, что за человѣкъ»? первая мысль провинціальной барыни при всякой подобной неожиданности. Почтенная мать поднялась вмигъ, сдѣлала знакъ семейству и почти бѣгомъ отправилась искать другой скамейки, но еще не начавъ поисковъ, рѣшила, что лучше всѣмъ убраться домой, «покуда не привязался». Викторъ смѣялся имъ вслѣдъ.

— Надѣлали хлопотъ! сказалъ ему Духановъ, оглядѣвъ его очень внимательно.

— Да, чуть самъ не попался: какъ еще не позвала полицію! отвѣчалъ Викторъ: такія-то у васъ дамы?

— А вы, вѣроятно, пріѣзжій?

Духановъ жестомъ приглашалъ его сѣсть.

— Да, пріѣзжій, отвѣчалъ Викторъ и сѣлъ. Духановъ ему тоже сразу понравился.

— Издалека?

— Съ Кавказа.

— Сейчасъ замѣтно. На-долго къ намъ пожаловали?

— Да совсѣмъ.

— Отдыхать, значитъ. Позвольте быть знакомымъ. Имѣю честь рекомендоваться: Духановъ, десятаго класса.

— Очень радъ. — Багрянскій.

— Неужели Николая Степановича сынъ? Да я вашего батюшку...

— Я слышалъ, вы сейчасъ его называли. Давно вы его знаете.

Духановъ вмигъ сообразился. Впрочемъ, соображенія было нужно не много. Исторія Виктора была въ свое время, по обыкновенію, глухо помянута въ газетахъ и, какъ исторія лица не крупнаго, не надѣлала шуму. Въ N. знали, что сынъ предсѣдателя разжалованъ — и только. Духановъ узналъ подробности отъ Лидіи Матвѣевны и, сочувствуя ей, сочувствовалъ и тому, кого она брала подъ свое покровительство; но еслибы и этого не было, онъ вполнѣ раздѣлялъ убѣжденіе Виктора о чести и дисциплинѣ, а Багрянскаго терпѣть не могъ. Лидія Матвѣевна открыла также, что о возвращеніи Виктора старался Волкаревъ, по секрету отъ отца. Отношенія губернатора и предсѣдателя были очень извѣстны; если *секретъ* — значитъ, хотятъ сдѣлать непріятность; если *непріятность*,—то, зная своего бывшаго начальника, Духановъ легко догадывался, каковъ долженъ быть сынъ. Потому, онъ затруднился только на минуту, и то больше для вида.

— Не долго я его зналъ-съ, отвѣчалъ онъ:—но, похвалиться могу, коротко изучилъ. Образцовой жизни человѣкъ, только, откровенно скажу, суровъ. Но никогда я не забуду той чести, что бывалъ принятъ въ его домѣ.

Онъ еще нѣсколько времени продолжалъ въ хвалебномъ духѣ, но замѣтивъ, что собесѣдникъ равнодушенъ и даже утомляется, перешелъ на другое; словоохотливо, добродушно, разсказывалъ о себѣ самомъ, о своей службѣ и очень ловко и натурально обратился опять къ Багрянскому, — къ его начальнической суровости. Тутъ начались очень сложныя исторіи, со множествомъ эпизодовъ и именъ. Предсѣдатель Багрянскій являлся извергомъ, но Духановъ не переставалъ прибавлять къ его имени самыя почтительныя и лестныя прилагательныя. Викторъ заинтересо-

вался и разспрашивалъ; Духановъ видѣлъ, что онъ вывѣдываетъ, и поддавался, чтобы въ свою очередь вывѣдать. Новые знакомые все больше сближались съ каждымъ словомъ и все откровеннѣе сообщали свои мнѣнія, поступки, приключенія. Бесѣда длилась. Они находили пріятность одинъ въ другомъ, хотя каждый мысленно сознавалъ другого мошенникомъ, и, можетъ быть, именно это и доставляло имъ удовольствіе. Случалось, они, вскользь, даже обличали другъ друга и не останавливались на обличеніи, не обижались, а смѣялись вмѣстѣ, и взаимная ловля только тѣснѣе скрѣпляла дружбу. Быстрота откровенности происходила, можетъ быть, и оттого, что каждый понялъ сразу, что ему не провести другого, а двумъ равнымъ силамъ полезнѣе соединиться. Впрочемъ, поддерживая это нравственное равенство и не скрывая, что считаетъ себя способнымъ взять даже перевѣсъ,—Духановъ, съ свойственнымъ ему тактомъ, тотчасъ поставилъ себя ступенью ниже предъ свѣтской образованностью и положеніемъ новаго знакомаго. Онъ дѣлалъ это съ насмѣшливо - скромной ужимкой, но все-таки дѣлалъ, и Викторъ, хотя понималъ его, но удовлетворялся и былъ не прочь взять тонъ свысока: все-таки онъ сынъ бывшаго начальника...

— Такъ вы и разстались съ моимъ батюшкой? за что́-же, собственно? спросилъ онъ, слегка подшучивая.

— Да что́ же! отвѣчалъ, мило смѣясь, Духановъ: — вижу— одного исключилъ, другого выгналъ, того подъ судъ, того безъ суда, —думаю, чего-жъ мнѣ-то дожидаться? Вѣдь этакъ погибнешь ни за что́, какъ говорится, во цвѣтѣ лѣтъ. Подыскалъ себѣ мѣстишко... Завѣдывалъ я тогда дѣлами одной госпожи Запольцевой; она постаралась. «Идите, говоритъ, хоть на это, покуда, а тамъ доставлю лучше». Да такъ и надула. Вотъ онѣ какія, барыни. А изъ - за нея и пострадалъ, изъ-за ея дѣла, все, вотъ, это, Спасское... Ну-съ, прихожу въ палату, прошу уволить меня. И пошло! Спасскіе однодворцы *ему* просьбу подали... Да вы, правда, не знаете! Такъ *онъ* меня при всѣхъ даже сконфузилъ. За меня старшій лѣсничій, совѣтникъ, вступился, что я, по бѣдности моей... Хуже! «Я, говоритъ, родному сыну не спущу»! Такъ и сказалъ, очень мнѣ памятно. И должно быть, самому стало совѣстно — изъ присутствія вонъ, разстроился... А уволить меня, уволилъ; потому, явныя какія-жъ причины... Я, какъ освободился, признаться, даже смѣялся; вы меня извините... «Сыну родному»!

Викторъ пожалъ плечами и извинилъ очень охотно.

— Помилуйте, — я, какъ онъ, скажу: хоть и отецъ родной,

но если несправедливъ? И къ родному сыну можно быть несправедливымъ. Что-жъ онъ такъ поминаетъ своего родного сына...

— Это правда ваша, замѣтилъ Духановъ. Я, извините меня, тогда же подумалъ и даже кое-кому говорилъ, — не зная васъ совсѣмъ!—что вашему батюшкѣ слѣдовало бы выразиться деликатнѣе. Какъ-такъ, это... Неловко, ей-богу... Мнѣ о вашемъ несчастіи одна благородная дама говорила, и признаться, я душой скорбѣлъ. Какъ это, такимъ манеромъ, негодяй предъ вами осмѣлился... Понятно, что вы, какъ офицеръ...

— Ну, да, прервалъ, вспыхнувъ, Викторъ: папенька мой на моемъ мѣстѣ тоже бы сдѣлалъ, оказіи не было, подъ руку не подвернулось... Онъ горячъ, а я въ него...

— Совершенно справедливо говорите! отвѣчалъ Духановъ.

Ему очень хотѣлось, по этому поводу, выслушать отъ самого героя повѣствованіе о «несчастіи», но Викторъ, еще волнуясь, вынулъ часы.

— Однако, поздно становится. Гдѣ-бы здѣсь можно закусить? милости просимъ вмѣстѣ.

Духановъ принялъ приглашеніе съ подобострастной благодарностью и указалъ трактиръ, куда они отправились.

— Не смѣю просить къ себѣ, помѣщеніе мое тѣсное, говорилъ дорогой Духановъ.

— И у меня не просторно, отвѣчалъ Викторъ: все-таки, милости просимъ, заходите.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Конечно, намъ, холостымъ людямъ, нечего церемониться. А стѣснительно вамъ должно быть, Викторъ Николаевичъ, потому — батюшка, сестрица... Я, если затруднялся васъ принять, то потому, что у меня еще все не въ порядкѣ. Все лѣто живу въ деревнѣ у госпожи Верховской, Лидіи Матвѣевны. Ахъ, какая прекрасная, образованная дама! Двѣ тысячи душъ у нихъ...

— Я слышалъ, вы разсказывали. Вы говорили, — что̀ это? мужъ ея пріятель съ моимъ отцомъ?

— Я въ шутку-съ. Обстоятельство щекотливое, — когда-нибудь вамъ разскажу въ подробности. Вашъ батюшка такъ подвелъ, что Андрей Васильевичъ,—то-есть, Верховской,—напуталъ дѣла супруги своей, убытокъ ей сдѣлалъ большой. Какой вашему батюшкѣ былъ отъ этого интересъ, я не знаю, не мое дѣло, только Лидія Матвѣевна супруга своего непремѣнно довѣренности лишитъ, — потому, такому человѣку нельзя...

— Кутитъ много?

— Не то что-бы... Но знаете, человѣкъ молодой... Лидія

Матвѣевна, конечно, достойная дама и чего-жъ бы ему еще, но...

— Но все-таки кутитъ, досказалъ Викторъ. — Изъ чего-жъ у него пріязнь съ батюшкой? тотъ до знакомствъ никогда не бывалъ охотникъ.

— Ужъ не знаю-съ. Еслибѣ интересъ — а то вѣдь Верховскому и дать нечего: все женино. А должно быть, онъ часто у вашихъ бываетъ. Я, вотъ, сегодня вечеромъ, иду мимо—онъ съ вашего крыльца сходитъ.

— Сегодня?

— Вотъ, сейчасъ, какъ сюда идти. Непонятно для меня, что они могутъ между собой находить; вашъ батюшка все-таки человѣкъ разсудительный... Развѣ вотъ чтó: Верховской этотъ теперь важная особа... Курьезы, я вамъ скажу, у насъ въ губерніи!... такъ не хочетъ ли чего поразвѣдать насчетъ того... Ну, да это на досугѣ; теперь не мѣсто.

Викторъ пріятно закончилъ свой день; былъ ужинъ, органъ, пѣніе, составились еще разныя знакомства. Расходясь, Духановъ предсказывалъ, что Виктору здѣсь скоро найдутся невѣсты, но совѣтовалъ «не дешевить себя».

Нянька ожидала на крыльцѣ.

— Папенька ужъ легъ, зашептала она.—*Она* у него сидѣла; сама пришла, онъ не звалъ. Писала, все молчкóмъ. А прощался съ ней, ничего, ласково. Пойдешь къ ней?

Викторъ махнулъ рукой и отправился къ себѣ.

— Собачку я накормила.—Ты-то кушать хочешь?

— Не хочу, выговорилъ онъ.

Она замѣтила, подавая ему свѣчу, что онъ блѣденъ.

— Христосъ съ тобой, красавецъ, отдохни.

Катерина слышала это возвращеніе. Стукъ и ходьба оторвали ее отъ книги, которую она читала. Она опустила книгу на колѣни и засмѣялась.

Бываетъ же безуміе: вообразить, что, читая, можно успокоиться, цѣлый часъ слѣпить глаза, не понимая ни слова, и только сію минуту оглянуться, что не понимаетъ! Вотъ какъ одуряются.

Она со злостью бросила книгу въ уголъ... — Еще лучше! Недостаетъ только выучиться срывать сердце!...

А хорошо тому живется, кто срываетъ сердце!...

Божеская жизнь! Съ обоими душа въ душу, думай какъ хочешь, говори чтó хочешь, и поняли, и поддержали, и приласкали... Свой уголъ, свое дѣло... Какая утѣха во всякомъ дѣлѣ! Умъ занятъ; все чтó есть на свѣтѣ — все свое, родное! И какъ все пышно, нѣжно, прекрасно! Вѣра въ жизнь, въ милосердіе Бога, все это счастье, чѣмъ думалось замѣнить и благодарно замѣнялась невозможность счастья принадлежать *ему* нераздѣльно... — И ничего больше нѣтъ!

Еслибы *онъ* уѣхалъ, еслибы разстались на вѣки — какъ она рѣшала тогда, — здѣсь оставалось бы спокойное честное существованіе, дорогóй долгъ и отрада въ этомъ самомъ долгѣ, отрада въ трудѣ, въ тишинѣ дома, куда не смѣло войти ничто недостойное... А теперь?

Какое есть еще горе? Какое есть еще униженіе послѣ тѣхъ, что сегодня вынесены?

— Сейчасъ убѣгу, куда-нибудь, я свободна! Къ *нему* убѣгу, я его люблю! Семья уничтожена, жизнь отравлена... Судъ людской? Вздоръ!... Грѣхъ? Какой грѣхъ? Душу отдала — не сочла грѣхомъ, а это... *Онъ* будетъ счастливъ...

— Отецъ, чтóжъ, еще это я обрушу тебѣ на голову? Еще я тебя оставлю? Въ жертву моему идолу брату живого человѣка? По какому праву?... Нѣтъ, — жертвовать собой, не жертвовать ни кѣмъ!

Она рыдала.

— «*Помни этотъ день и часъ...*» Помню!... Останусь, несчастный, останусь съ тобой, не дамъ тебѣ унижаться, помогу тебѣ жить... потому что ты самъ чувствуешь, что виноватъ и не отступишься—твой Богъ велѣлъ тебѣ простить!... *Твой* Богъ... А *мой* Богъ... Неужели онъ у насъ не одинъ?

— Творецъ, вскричала она, на колѣняхъ у своей постели: — но чтó же я такое? Не могу простить и не хочу, ни въ чемъ не каюсь — и мнѣ не страшно!

Она, забываясь, припала къ подушкамъ. И вдали, и кругомъ, казалось, чтó-то разливалось какъ волна, что-то гудѣло, будто слышалось какъ летитъ время; что-то охватывало, закачивало и влекло, томительное, какъ удушливый сонъ... Она вдругъ вскочила и рванулась къ балкону.

— За чтóжъ я прогнала его сегодня?

По небу неслись разорванныя облака, полный мѣсяцъ, казалось, бѣжалъ между ними. Мгновенно то обливалась тѣнью, то бѣлѣла дорога, вырисовывались свѣтомъ клѣтки желѣзной

кровли большого дома и сверкали холоднымъ блескомъ стекла затворенныхъ оконъ. Въ нихъ не было огня.

— Усталъ... Ужъ поздно; заснулъ... Спи, мое сокровище!

Вся прелесть, вся святыня любви мгновенно озарила ея душу.

— Милый, вотъ и я такая же бѣдная, какъ и ты. Ну, что-жъ?—мы вмѣстѣ, хоть врозь. Ты не обманешь... Трудился—отдыхай. Я вынесла свое — и отдохну.

Она смотрѣла на окна, тихо плакала, вдругъ отерла глаза и улыбнулась своей невинной улыбкой.

— Не буду больше, милый, сказала она вслухъ. — Прощай, покойной ночи.

Верховской былъ на вечерѣ у Волкаревыхъ.

В. Крестовскій.
Псевдонимъ.

ИТОГИ
СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

V *).

До судебной реформы у насъ не было магистратуры въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова. Для занятія судейскихъ должностей не требовалось ни особой подготовки, ни спеціальныхъ познаній; члены судебныхъ мѣстъ не отличались рѣшительно ничѣмъ отъ совѣтниковъ губернскаго правленія или казенной палаты; почти никто не посвящалъ себя исключительно судебному поприщу, переходъ изъ судебнаго вѣдомства въ административное совершался такъ-же легко, какъ и переходъ изъ административнаго вѣдомства въ судебное. Въ высшемъ судебномъ учрежденіи—въ судебныхъ департаментахъ правительствующаго сената—число юристовъ по профессіи, по призванію, было болѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было незначительно. Сенаторами назначались дивизіонные командиры, губернаторы, оберъ-полиціймейстеры, директоры департаментовъ,—и только въ рѣдкихъ случаяхъ оберъ-прокуроры или другіе чиновники министерства юстиціи. Канцеляріи судебныхъ мѣстъ, начиная съ низшихъ до высшихъ, были наполнены дѣльцами, болѣе, или менѣе знакомыми съ буквой законовъ, съ формами судопроизводства, но лишенными всякаго спеціальнаго и даже общаго образованія. Учрежденіе училища правовѣдѣнія измѣнило къ лучшему составъ сенатскихъ канцелярій, возвысило хотя немного нравственный уровень губернскихъ судебныхъ мѣстъ, но не имѣло и не могло имѣть никакого вліянія ни на

*) См. выше мартъ 283 стр.; май 357 стр.

уѣздные суды и магистраты, ни на канцеляріи гражданскихъ и уголовныхъ палатъ. Несомнѣнная заслуга училища правовѣдѣнія заключается въ томъ, что оно дало судебнымъ мѣстамъ множество *честныхъ* дѣятелей, благодаря которымъ понятіе о судѣ перестало быть неразрывно-связаннымъ съ понятіемъ о взяткѣ; но настоящихъ юристовъ, преданныхъ своему дѣлу, не довольствующихся скудными школьными познаніями и механически-усвоенными взглядами, соединенныхъ между собою общностью умственныхъ интересовъ, а не одною только общностью воспоминаній — училище правовѣдѣнія дало немного. Обвинять его за это было бы столь же несправедливо, какъ и обвинять юридическіе факультеты нашихъ университетовъ за то, что они въ продолженіе своего вѣкового или полувѣкового существованія не создали у насъ сословія юристовъ. Исполнить такую задачу не въ силахъ никакое учебное заведеніе (и всего менѣе заведеніе закрытое); она можетъ быть исполнена только цѣлымъ обществомъ—а въ нашемъ обществѣ не было, до послѣдняго времени, ни одного изъ условій, благопріятствующихъ образованію магистратуры. Средневѣковая Европа, съ своими университетами и сословными собраніями, съ своею деспотическою, но образованною церковью, выработала типъ легиста—типъ не чуждый глубокихъ недостатковъ, но по крайней мѣрѣ выросшій на почвѣ науки и тѣсно связанный со всѣми сторонами общественной жизни. Русская старина выработала только типъ подъячаго, буквоѣда и крючкотворца, мертваго для науки и враждебнаго всѣмъ живымъ стремленіямъ народа. XVII-е и XVIII-е столѣтія, уничтоживъ послѣдніе остатки народнаго суда, внесли въ нашъ юридическій бытъ только обрывки западно-европейской терминологіи, только форму безъ содержанія,— письменность безъ основательной разработки процесса, громадное число инстанцій безъ внутренняго превосходства высшихъ надъ низшими. Попытка Екатерины II-ой сблизить суды съ народомъ посредствомъ выборнаго начала не имѣла никакого успѣха; выборные суды не знали и не хотѣли знать ввѣреннаго имъ дѣла, и всесильными рѣшителями процессовъ по прежнему остались судебныя канцеляріи. При глубокомъ равнодушіи общества къ своимъ собственнымъ интересамъ, при полномъ безсиліи всѣхъ общественныхъ учрежденій, это не могло быть иначе. Если высшія учебныя заведенія, начиная съ послѣднихъ десятилѣтій XVIII-го вѣка, могли внушить нѣкоторымъ, особенно воспріимчивымъ своимъ питомцамъ болѣе вѣрныя понятія объ обязанностяхъ гражданина и назначеніи государства, то въ практической жизни эти понятія или исчезали безслѣдно, или оставались безъ примѣненія, или искоренялись открытой силой. Въ чемъ и гдѣ могъ

найти поддержку молодой человѣкъ, вступавшій въ жизнь съ самыми лучшими намѣреніями и принимавшій на себя званіе судьи съ полнымъ сознаніемъ его святости и важности? Передъ нимъ открывался цѣлый лабиринтъ законовъ, соединенныхъ, и то не всегда удачно, чисто внѣшнею связью [1],—лабиринтъ, для изученія котораго онъ напрасно сталъ бы искать какой-нибудь путеводительной нити. Запрещеніе печатать судебныя рѣшенія не позволяло образоваться судебной практикѣ, судебнымъ обычаямъ и преданіямъ; критическое отношеніе къ закону считалось чуть не преступленіемъ — а безъ критики немыслима юридическая литература. Вмѣсто помощниковъ молодой судья встрѣчалъ вокругъ себя только «дьяковъ, въ приказѣ посѣдѣлыхъ» или людей забитыхъ нуждою и лишеніями, привыкшихъ видѣть въ каждомъ процессѣ доходную статью, дополняющую скудное до невѣроятности казенное жалованье. Всѣ усилія замѣнить этихъ людей другими, лучшими, должны были оставаться напрасными, потому что причина нравственной порчи коренилась не въ лицахъ, а въ самомъ положеніи ихъ. Обращаясь къ дѣламъ, судья находилъ въ нихъ только массу бумагъ и ни одного живого слова. Онъ не становился лицомъ къ лицу ни съ тяжущимися, ни съ подсудимыми, и долженъ былъ доискиваться истины, безъ всякихъ надежныхъ средствъ къ ея раскрытію. Вину или невинность подсудимыхъ онъ долженъ былъ опредѣлять на основаніи доказательствъ чисто-формальныхъ, и признавъ виновность—примѣнять наказаніе по узкому масштабу закона, проникнутаго недовѣріемъ къ способности и честности суда. Прибавимъ къ этому, что въ губерніяхъ судьи и суды были болѣе или менѣе зависимы отъ губернатора и губернскаго правленія, что право министерства юстиціи назначать, перемѣщать и увольнять коронныхъ судей не было ограничено рѣшительно ничѣмъ. Въ такой ли атмосферѣ, при такихъ ли условіяхъ могло сложиться сословіе юристовъ, достойное этого имени? Удивляться ли тому, что большинство судей смотрѣло на судебную карьеру какъ на нѣчто переходное и во всякое время готово было промѣнять ее на всякую другую? Несмотря на всѣ преимущества, которыми пользовались правовѣды именно въ вѣдомствѣ министерства юстиціи, они оставляли его, до судебной реформы, цѣлыми массами. Интересно сравнить слѣдующія цифры: въ концѣ 1865-го г., т.-е. непосредственно передъ введеніемъ въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, изъ числа 663 лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ училищѣ право-

---

[1]) Мы говоримъ объ эпохѣ, слѣдующей за изданіемъ Свода законовъ; до этого времени положеніе добросовѣстнаго судьи было еще болѣе безотрадно.

вѣдѣнія, въ вѣдомствѣ министерства юстиціи служило 285, т.-е. гораздо менѣе половины, въ другихъ вѣдомствахъ — 204. Въ концѣ 1869-го г., т.-е. три съ половиною года послѣ осуществленія судебной реформы, изъ числа 770 лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ училищѣ правовѣдѣнія, въ вѣдомствѣ министерства юстиціи находилось 435[1]), т.-е. гораздо болѣе половины, въ другихъ вѣдомствахъ—129. Итакъ, введеніе въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ не только остановило отливъ изъ судебнаго вѣдомства въ другія, но сдѣлалось исходной точкой обратнаго движенія,—движенія, конечно охватившаго не однихъ правовѣдовъ. Мы указываемъ на этотъ фактъ, какъ на одинъ изъ видимыхъ признаковъ внутренней перемѣны, совершающейся въ средѣ нашихъ юристовъ.

Судебные уставы 1864-го г. внесли въ организацію нашего судебнаго сословія два существенно-важныя начала: назначеніе судей изъ числа лицъ, получившихъ юридическое образованіе или доказавшихъ на службѣ свои познанія по судебной части,—и несмѣняемость судей[2]). Открывая доступъ въ новые суды только лицамъ спеціально образованнымъ или свѣдущимъ, законодатель призналъ необходимость особой подготовки къ судейскому званію,—необходимость, которую такъ систематически игнорировали у насъ до судебной реформы. Нельзя не замѣтить однако, что законъ, ставящій на ряду съ юридическимъ образованіемъ пріобрѣтеніе практическихъ свѣдѣній на службѣ, имѣетъ характеръ полумѣры и не соотвѣтствуетъ высокому назначенію нашей новой магистратуры. Исторія составленія судебныхъ уставовъ показываетъ намъ, что этотъ законъ былъ принятъ не безъ колебаній. Составители уставовъ сознавали, что судьѣ, по крайней мѣрѣ въ гражданскомъ процессѣ, нельзя сдѣлать ни одного шагу безъ опредѣленныхъ свѣдѣній въ юридическихъ наукахъ, что для предсѣдателей и членовъ судебныхъ мѣстъ недостаточно одной практической опытности, что если на первое время и слѣдуетъ, по необходимости, допустить въ число судей лицъ неполучившихъ юридическаго образованія, то включать такое правило *въ постоянный законъ*, т.-е. въ текстъ устава, было бы крайне неудобно. Несмотря на очевидную силу этихъ соображеній, статья 202-я учр. суд. установл. была окончательно редактирована въ смыслѣ уравненія лицъ, доказавшихъ свои познанія на службѣ, съ лицами

---

[1]) Въ эту цифру, заимствуемую нами изъ памятной книжки училища правовѣдѣнія за 1869—70 г., включены и присяжные повѣренные—не совсѣмъ точно, такъ какъ они на службѣ не состоятъ, но въ сущности вѣрно, такъ какъ они дѣйствуютъ на судебномъ поприщѣ.

[2]) Мы говоримъ теперь только объ общихъ судебныхъ мѣстахъ.

юридически образованными. Говоря о мировыхъ судьяхъ, мы имѣли уже случай замѣтить, что недостатокъ образованія не можетъ быть пополненъ никакою опытностью; къ членамъ общихъ судебныхъ мѣстъ это замѣчаніе примѣнимо въ гораздо бо̀льшей еще мѣрѣ. Отъ новыхъ судовъ Россія въ правѣ ожидать раціональнаго толкованія законовъ и установленія раціональной судебной практики, согласной съ основными началами права, съ потребностями нашего времени и нашего государства. Для того, чтобы исполнить эту задачу, для того, чтобы возвыситься надъ рутиной, надъ поклоненіемъ мертвой буквѣ закона, необходимо, если не юридическое, то по крайней мѣрѣ высшее общее образованіе. Говорятъ, что у насъ не хватило бы юридически-образованныхъ лицъ для занятія новыхъ судейскихъ должностей. Мы не вполнѣ убѣждены въ этомъ, такъ какъ судебные уставы вводятся не одновременно во всей Россіи, и притомъ вмѣстѣ съ введеніемъ ихъ закрываются (съ 1869-го г.) старыя судебныя мѣста; но если недостатокъ и существовалъ, то во всякомъ случаѣ онъ уменьшается съ каждымъ днемъ и скоро исчезнетъ совершенно. Со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ юридическіе факультеты всѣхъ русскихъ университетовъ переполнены студентами и выпускаютъ ежегодно цѣлую массу лицъ, предназначающихъ себя къ службѣ по судебному вѣдомству. Вакансіи въ судебныхъ мѣстахъ открываются очень часто, вслѣдствіе учрежденія новыхъ судовъ и увеличенія состава судовъ существующихъ; эти вакансіи ничто, повидимому, не мѣшало бы замѣщать лицами, получившими юридическое образованіе. Нельзя не пожалѣть, поэтому, что разрѣшеніе назначать на судейскія должности лицъ, юридическаго образованія неполучившихъ, включено въ текстъ учрежденія судебныхъ установленій. Какъ временное правило, оно уже отслужило свою службу и могло бы быть отмѣнено безъ всякихъ затрудненій, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ должностямъ чисто-судебнымъ (предсѣдателей, товарищей предсѣдателя, членовъ суда, судебныхъ слѣдователей); какъ постановленіе устава, оно по всей вѣроятности переживетъ, и надолго, условія его вызвавшія. Административная власть, отъ которой, какъ мы увидимъ ниже, всего больше зависитъ назначеніе судей, не расположена, кажется, отказаться отъ свободы дѣйствій, предоставляемой ей правиломъ ст. 202-й, не расположена ограничить кругъ лицъ, изъ которыхъ она можетъ выбирать судей. Въ началѣ 1870-го г. въ тридцати двухъ открытыхъ къ тому времени окружныхъ судахъ [1]) было двѣсти двад-

[1]) Въ этотъ разсчетъ не входятъ судебныя мѣста округа тифлисской судебной палаты.

цать семь членовъ; изъ этого числа, сорокъ четыре получили домашнее воспитаніе или окончили курсъ наукъ въ губернскихъ гимназіяхъ, въ кадетскихъ корпусахъ, въ духовныхъ семинаріяхъ, въ уѣздныхъ училищахъ—однимъ словомъ въ учебныхъ заведеніяхъ, не дающихъ никакого юридическаго образованія. Изъ числа тридцати двухъ предсѣдателей окружныхъ судовъ одинъ получилъ домашнее воспитаніе, одинъ окончилъ курсъ въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, одинъ—въ кадетскомъ корпусѣ, одинъ — въ губернской гимназіи, одинъ—въ уѣздномъ училищѣ. Изъ числа тридцати двухъ старшихъ нотаріусовъ семнадцать не получили юридическаго образованія [1]). Если число лицъ юридически-образованныхъ не соотвѣтствуетъ числу судейскихъ должностей, то одною изъ главныхъ заботъ министерства юстиціи должно было бы быть, повидимому, привлеченіе въ судебное вѣдомство и удержаніе въ немъ возможно-бóльшаго числа молодыхъ людей, окончившихъ курсъ юридическихъ наукъ. Какъ оно исполняетъ послѣднюю изъ этихъ двухъ задачъ—это мы покажемъ тогда, когда будемъ говорить о кандидатахъ на судебныя должности; что касается до первой, то здѣсь самою характеристическою чертою дѣятельности министерства юстиціи представляется извѣстное распоряженіе 1869-го г., до сихъ поръ, если мы не ошибаемся, не отмѣненное, — о недопущеніи на службу по судебному вѣдомству студентовъ, которые принимали какое-нибудь участіе въ университетскихъ безпорядкахъ. Періодическая печать выяснила въ свое время всю несправедливость этой мѣры, не нашедшей, кажется, подражателей ни въ одномъ изъ административныхъ вѣдомствъ; съ нашей точки зрѣнія еще ярче бросается въ глаза ея непрактичность, въ виду совершающагося преобразованія судебныхъ учрежденій. Развѣ у насъ есть такой избытокъ силъ, который позволялъ бы быть щепетильно-разборчивымъ въ ихъ употребленіи? Развѣ изобиліе юристовъ такъ велико, что можно добровольно отказываться отъ содѣйствія цѣлой категоріи ихъ? Развѣ увлеченіе молодости, уже достаточно наказанное, уничтожаетъ всѣ права, пріобрѣтенныя образованіемъ, всѣ нравственныя преимущества, съ нимъ сопряженныя? Неужели практикъ стараго покроя, ни въ какомъ увлеченіи незамѣченный — можетъ быть только потому, что условія, при которыхъ онъ воспитывался, исключали всякую возможность увлеченія,—достойнѣе занять мѣсто судьи,

---

[1]) Число старшихъ нотаріусовъ-неюристовъ заслуживаетъ особеннаго вниманія потому, что они всѣ назначены послѣ перемѣны, происшедшей въ 1867-мъ году въ личномъ составѣ высшей судебной администраціи.

чѣмъ образованный юристъ, позволившій себѣ, на двадцатомъ году отъ роду, слишкомъ откровенно высказать свое мнѣніе о лекціи профессора или распоряженіи начальства? Нѣтъ; признавая спеціальное образованіе существенно-необходимымъ для правильнаго отправленія судейскихъ обязанностей, отступая отъ этого условія только въ виду невозможности его исполнить, законодатель очевидно не могъ желать установленія произвольныхъ ограниченій, которыя, затрудняя для юристовъ доступъ къ судейскимъ должностямъ, облегчаютъ его этимъ самымъ для лицъ, неполучившихъ юридическаго образованія.

Составители судебныхъ уставовъ находили—и совершенно справедливо, — что для судьи, кромѣ юридическаго образованія, необходима практическая опытность. Они установили цѣлый рядъ правилъ, на основаніи которыхъ судьями могутъ быть назначаемы только лица, прослужившія извѣстное число лѣтъ по судебной части или состоявшія извѣстное число лѣтъ присяжными повѣренными. На практикѣ пришлось допустить нѣкоторыя отступленія отъ этихъ правилъ, по самому существу своему не вполнѣ примѣнимыхъ къ переходной эпохѣ, къ первому времени дѣйствія судебныхъ уставовъ [1]. Признавая неизбѣжность такихъ отступленій, мы думаемъ однако, что они должны быть заключены въ тѣсные, по возможности, предѣлы. Есть отрасли служебной дѣятельности настолько несходныя съ обязанностями судьи, что переходъ отъ первыхъ къ послѣднимъ рѣшительно не долженъ быть допускаемъ. Полицейскій чиновникъ, напримѣръ—за самыми рѣдкими исключеніями, которыхъ нельзя предугадать заранѣе и на которыя поэтому не слѣдуетъ разсчитывать, — не можетъ сдѣлаться судьею въ настоящемъ, лучшемъ смыслѣ слова. Привычка къ произволу, къ исполнительности, къ быстротѣ и натиску—слишкомъ плохой задатокъ для спокойнаго, безпристрастнаго, обдуманнаго, строго-законнаго образа дѣйствій. Съ другой стороны, если человѣкъ, получившій юридическое образованіе, но незнакомый практически съ судебными дѣлами, можетъ сдѣлаться хорошимъ членомъ окружнаго суда, а затѣмъ пріобрѣсти всѣ условія, необходимыя для занятія высшихъ судебныхъ должностей, то это еще не значитъ, чтобы онъ могъ занять сразу мѣсто, напримѣръ, члена судебной палаты; вѣдь учрежденіе двухъ судебныхъ инстанцій имѣетъ смыслъ только тогда,

[1]) Понятно, напримѣръ, что при открытіи новыхъ судовъ въ округахъ с.-петербургскомъ и московскомъ нельзя было исполнить правила ст. 206 учр. суд. уст., по которой членами судебныхъ палатъ назначаются лица, состоявшія не менѣе трехъ лѣтъ въ должностяхъ не ниже членовъ и прокуроровъ окружнаго суда.

когда высшая изъ нихъ отличается отъ низшей и бо́льшею опытностью своихъ членовъ. Съ этой же точки зрѣнія нельзя не возразить безусловно противъ назначенія лицъ, никогда незанимавшихся судебными дѣлами, прямо предсѣдателями или товарищами предсѣдателя окружнаго суда, или, тѣмъ болѣе, предсѣдателями судебной палаты. Министерство юстиціи смотритъ на дѣло нѣсколько иначе; извѣстны случаи, въ которыхъ оно находило возможнымъ возлагать на лицъ, никогда не служившихъ по судебной части или давно оставившихъ ее для дѣятельности административной, весьма важную роль въ новой судебной организаціи. Признать такой образъ дѣйствій правильнымъ мы можемъ тѣмъ меньше, что для замѣщенія высшихъ судейскихъ должностей лицами, вполнѣ къ тому приготовленными, никакихъ затрудненій въ настоящее время быть не можетъ. Въ продолженіе пяти лѣтъ, истекшихъ со времени введенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ, достаточное число лицъ успѣло ознакомиться съ ними на практикѣ и пріобрѣсти навыкъ къ правильному примѣненію ихъ. Никто, конечно, не станетъ утверждать, чтобы изъ числа этихъ лицъ нельзя было избрать предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ, предсѣдателей и товарищей предсѣдателя окружныхъ судовъ во вновь образуемыхъ судебныхъ округахъ. Между тѣмъ, неисполненіе закона, установляющаго извѣстныя условія для замѣщенія судейскихъ должностей, можетъ быть оправдываемо только необходимостью; гдѣ ея нѣтъ, тамъ является уже не неизбѣжное отступленіе отъ закона, а произвольное его нарушеніе.

Несмѣняемость судей установлена ст. 243-й учр. суд. устан. Предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ не могутъ быть ни увольняемы безъ прошенія, кромѣ случаевъ, указанныхъ въ статьяхъ 228 — 230, 295 и 296-й [1]), ни переводимы изъ одной мѣстности въ другую безъ ихъ согласія [2]).

---

[1]) Случаи эти слѣдующіе: 1) неявка къ должности въ установленный закономъ срокъ, безъ особо уважительной причины; 2) болѣзнь, въ продолженіе цѣлаго года непозволяющая являться на службу; 3) присужденіе судьи, за проступокъ неотносящійся къ службѣ, къ уголовному наказанію, хотя бы и не соединенному съ потерей права на службу, и 4) объявленіе судьи несостоятельнымъ должникомъ или личное задержаніе его за долги. Въ первыхъ двухъ случаяхъ увольненіе судьи зависитъ отъ общаго собранія того суда, къ составу котораго онъ принадлежитъ, въ послѣднихъ двухъ — отъ общаго собранія кассаціонныхъ департаментовъ, которое можетъ, смотря по обстоятельствамъ, воспользоваться или не воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Постановленію объ увольненіи судьи, во всякомъ случаѣ, предшествуетъ истребованіе отъ него объясненія.

[2]) Исключеніе изъ этого общаго правила установлено для судебныхъ слѣдователей, которые, на основаніи ст. 227 учр. суд. устан., могутъ быть, въ случаяхъ

Временное устраненіе судей отъ должностей допускается только въ случаѣ преданія ихъ суду, а совершенному удаленію или отрѣшенію отъ должностей они подвергаются не иначе, какъ по приговорамъ уголовнаго суда. Громадное значеніе принципа несмѣняемости не требуетъ подробныхъ объясненій. Только благодаря ему у насъ начинаетъ слагаться правильно-организованная, нравственно-сильная магистратура, только благодаря ему новый судъ можетъ исполнить ту высокую роль, которая возложена на него судебными уставами. Оставить за министерствомъ юстиціи право перемѣщать и увольнять судей по своему усмотрѣнію, значило бы низвести новыхъ судей на степень административныхъ чиновниковъ, зависимыхъ, стѣсненныхъ въ своей дѣятельности волею ближайшаго и высшаго начальства, постоянно опасающихся за свое мѣсто и поэтому самому слишкомъ расположенныхъ заботиться больше всего о его сохраненіи. Есть, конечно, люди, умѣющіе отстоять свою самостоятельность даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, при постоянномъ давленіи сверху и при отсутствіи всякой внѣшней поддержки; но много ли такихъ людей, и притомъ, долго ли они удержались бы въ судѣ, безусловно зависимомъ отъ высшей административной власти?—Само собою разумѣется, что гарантія несмѣняемости одинаково необходима для всѣхъ лицъ, занимающихъ судейскія должности, т.-е. отправляющихъ одну изъ функцій, входящихъ въ составъ судебной власти. Къ числу такихъ лицъ несомнѣнно принадлежатъ судебные слѣдователи, не только по буквѣ закона (учр. суд. уст. ст. 79), на основаніи котораго судебные слѣдователи считаются членами окружнаго суда, но и по самому существу возложенныхъ на нихъ обязанностей. Отъ судебнаго слѣдователя зависитъ не только приготовленіе дѣла къ судебному разбирательству, не только собраніе матеріаловъ, на основаніи которыхъ обвинительная камера постановляетъ опредѣленіе о преданіи суду или о прекращеніи слѣдствія, но и совершеніе такихъ дѣйствій, которыя не могутъ быть повторены или повѣрены судомъ — напримѣръ, осмотръ легко-изгладимыхъ по своему свойству слѣдовъ преступленія, допросъ свидѣтелей, уѣзжающихъ изъ мѣста производства дѣла, и т. п. Наконецъ, что́ всего важнѣе, отъ него зависитъ личная свобода гражданъ, онъ имѣетъ право заключать ихъ подъ стражу. «Дѣла судебнаго вѣдомства—сказано въ ком-

---

крайней въ томъ необходимости, переводимы изъ одного участка въ другой, вѣдомства того же окружнаго суда, но не иначе, какъ постановленіями общаго собранія отдѣленій окружнаго суда, состоявшимися по предложеніямъ прокурора суда и утвержденнымъ министромъ юстиціи.

ментаріяхъ къ ст. 243 учр. суд. устан.—касаются важнѣйшихъ интересовъ частныхъ лицъ: ихъ гражданской жизни, чести и достоянія. Въ дѣлахъ этого рода могутъ быть нерѣдко заинтересованы или непосредственно, или въ качествѣ покровителей подсудимыхъ и тяжущихся, лица сильныя по своему положенію въ обществѣ. *Поэтому, судьи должны быть поставлены въ положеніе сколь возможно болѣе независимое*». Никто, конечно, не станетъ отвергать, что эта глубоко справедливая мысль вполнѣ примѣнима къ судебнымъ слѣдователямъ. Между тѣмъ, министерство юстиціи преслѣдуетъ въ отношеніи къ нимъ, уже нѣсколько лѣтъ сряду, цѣль прямо противуположную той, къ которой стремились составители судебныхъ уставовъ [1]), къ достиженію которой направлены ст. 227 и 243 учр. суд. установл.; оно старается поставить судебныхъ слѣдователей — или лучше сказать лицъ, производящихъ предварительныя слѣдствія — *въ положеніе сколь возможно болѣе зависимое*. Судебныхъ слѣдователей въ законномъ смыслѣ этого слова, т.-е. судей, приносящихъ судейскую присягу и пользующихся всѣми правами, несущихъ всѣ обязанности членовъ окружнаго суда,—министерство юстиціи давно уже не назначаетъ [2]). Оно командируетъ для производства предварительныхъ слѣдствій или для исполненія обязанностей судебнаго слѣдователя чиновниковъ, состоящихъ при министерствѣ; чиновники эти остаются вполнѣ зависимыми отъ министерства, перемѣщаются, по его усмотрѣнію, изъ одного участка, изъ одного округа въ другой, и даже не увольняются отъ должности, а просто *отзываются изъ командировки*. Такое положеніе дѣлъ очевидно составляетъ шагъ назадъ не только въ сравненіи съ судебными уставами, но и въ сравненіи съ за-

---

[1]) Составители судебныхъ уставовъ ставили должность судебнаго слѣдователя такъ высоко, что отвергли мысль объ утвержденіи судебныхъ слѣдователей министромъ юстиціи и признали необходимымъ назначеніе ихъ, наравнѣ съ судьями, высочайшею властью (объясненіе къ ст. 212 учр. суд. устан.).

[2]) Въ харьковскомъ и одесскомъ судебныхъ округахъ въ началѣ 1870-го г. не было *ни одного* судебнаго слѣдователя, утвержденнаго въ должности. Въ с.-петербургскомъ округѣ изъ 73 должностей судебныхъ слѣдователей 40 были заняты чиновниками, командированными министерствомъ юстиціи для производства слѣдствій, въ московскомъ округѣ изъ 183—99. Разница между двумя первыми и двумя послѣдними судебными округами объясняется тѣмъ, что въ округахъ с.-петербургскомъ и московскомъ судебная реформа введена въ 1866-мъ г., въ округахъ харьковскомъ и одесскомъ — въ 1867 и 1869 г., т.-е. послѣ перемѣны, происшедшей въ личномъ составѣ высшей судебной администраціи. Вліяніе этой перемѣны отразилось всего яснѣе на нижегородскомъ окружномъ судѣ, принадлежащемъ къ московскому судебному округу, но открытомъ въ 1869-мъ г. Въ округѣ этого суда числится 30 лицъ командированныхъ для производства слѣдствій, и *ни одного судебнаго слѣдователя*.

кономъ 8 іюня 1860-го г., установившимъ для судебныхъ слѣдователей (за четыре года до изданія судебныхъ уставовъ!) нѣчто въ родѣ несмѣняемости. Законныхъ основаній для порядка вещей, созданнаго министерствомъ юстиціи, судебные уставы въ себѣ не заключаютъ [1]). Они разрѣшаютъ только суду командировать для производства слѣдствій кандидатовъ на судебныя должности, и притомъ не иначе, какъ въ случаѣ недостатка судебныхъ слѣдователей и крайней въ томъ надобности (учр. судеб. установл. ст. 415); другими словами, они допускаютъ замѣну судебнаго слѣдователя лицомъ, не пользующимся всѣми его правами, лишь на короткое время и лишь по усмотрѣнію суда. Административная командировка къ исполненію судейскихъ обязанностей, не ограничиваемая никакимъ срокомъ, не вызываемая необходимостью и возводимая на степень общаго правила, представляется рѣшительно несовмѣстной съ духомъ судебной реформы, съ буквальнымъ смысломъ основныхъ положеній 1862 г. (ст. 66, 67). Можно сказать безъ преувеличенія, что институтъ судебныхъ слѣдователей, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ задуманъ судебными уставами и осуществленъ въ продолженіе перваго года послѣ введенія ихъ въ дѣйствіе, въ настоящее время болѣе не существуетъ, и что зданіе новаго суда поколеблено въ одномъ изъ главныхъ своихъ основаній. Предварительное слѣдствіе—это фундаментъ, на которомъ строится весь уголовный процессъ; отдать его производство въ руки лица, зависимаго отъ администраціи, значитъ парализовать на половину всѣ гарантіи, созданныя уставомъ уголовнаго судопроизводства для общества, для подсудимыхъ. При видѣ того, что сдѣлалось въ три-четыре года съ институтомъ судебныхъ слѣдователей, невольно возникаютъ опасенія за будущность судебной реформы. Кто можетъ поручиться за то, что рядомъ съ исправляющими должность судебныхъ слѣдователей не явятся завтра исправляющіе должность членовъ окружнаго суда или судебной палаты, что высокое начало несмѣняемости судей не обратится въ громкую фразу безъ всякаго внутренняго содержанія? Даже измѣненіе закона въ ретроградномъ смыслѣ было бы, въ нашихъ глазахъ, чѣмъ-то лучшимъ, чѣмъ постоянный, систематическій обходъ его косвенными путями. Разладъ между буквой закона и практикой — не

---

[1]) Въ рѣшеніи уголовнаго-кассаціоннаго департамента прав. сената по дѣлу Александрова и Богданова (1870 г. № 1411), къ которому мы еще возвратимся, говорится о чиновникахъ министерства юстиціи, временно командируемыхъ, *по особому высочайшему повелѣнію*, къ исполненію обязанностей судебныхъ слѣдователей; но такъ какъ это высочайшее повелѣніе не было распубликовано, то мы не можемъ опредѣлить отношеніе его къ образу дѣйствій министерства юстиціи.

говоря уже о нравственномъ вредѣ, съ нимъ сопряженномъ, — неизбѣжно приводитъ къ аномаліямъ, тяжело отзывающимся на ходѣ дѣла. Судебные слѣдователи призываются по закону (учр. суд. устан. ст. 146) къ присутствованію въ окружномъ судѣ, за недостаткомъ другихъ членовъ. Такой недостатокъ встрѣчается на практикѣ весьма часто, не только въ окружныхъ судахъ третьяго и четвертаго разряда (съ однимъ и двумя отдѣленіями), не только при выѣздахъ суда въ уѣзды, но даже въ С.-Петербургѣ. Между тѣмъ, прав. сенатъ разъяснялъ неоднократно, что въ составъ присутствія суда могутъ входить только лица, пользующіяся всѣми правами судьи и принявшія судейскую присягу, или по крайней мѣрѣ лица, призванныя къ исправленію обязанностей судебнаго слѣдователя въ установленномъ для того законномъ порядкѣ. Лица, командированныя министерствомъ юстиціи для производства предварительныхъ слѣдствій, не подходятъ ни подъ одну изъ этихъ категорій и не могутъ, слѣдовательно, входить въ составъ присутствія окружнаго суда. Руководствуясь этими соображеніями, уголовный кассаціонный департаментъ прав. сената отмѣнилъ рѣшеніе присяжныхъ и приговоръ суда по дѣлу Александрова и Богданова, въ производствѣ котораго участвовало, на правахъ члена суда, лицо, командированное министерстомъ юстиціи для исполненія обязанностей судебнаго слѣдователя (касс. рѣш. 1870 г. № 1411). По справедливому замѣчанію «Судебнаго Вѣстника» (№ 78), это рѣшеніе прав. сената, лишая окружные суды, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, возможности пополнять составъ присутствія [1]), ставитъ ихъ въ положеніе весьма затруднительное, иногда почти безвыходное. Само собою разумѣется, что отвѣтственность за это упадаетъ не на правительствующій сенатъ, ограничившійся совершенно правильнымъ истолкованіемъ и примѣненіемъ закона. Рѣшеніе прав. сената по дѣлу Александрова и Богданова, распубликованное въ половинѣ апрѣля, состоялось 29-го октября прошедшаго года, и безъ сомнѣнія тогда же сдѣлалось извѣстнымъ министерству юстиціи, но не произвело, повидимому, никакой перемѣны въ его образѣ дѣйствій. Остается только пожелать отъ души здоровья всѣмъ членамъ окружныхъ судовъ, въ особенности провинціальныхъ, потому что болѣзнь одного изъ нихъ часто будетъ равносильна совершенной пріостановкѣ дѣятельности суда.

---

[1]) Кромѣ судебныхъ слѣдователей, въ составъ присутствія окружнаго суда могутъ быть призываемы почетные мировые судьи; но мы уже знаемъ, что они не вездѣ и не всегда слѣдуютъ этому призыву.

«Судебный Вѣстникъ» объясняетъ образъ дѣйствій министерства юстиціи недостаткомъ въ нашемъ обществѣ хорошо приготовленныхъ людей, которымъ безъ опасенія можно было бы предоставить обширную власть судебнаго слѣдователя, при соединенной съ этой должностью привилегіи несмѣняемости. Мы охотно бы допустили правильность этого объясненія, еслибы не узнали случайно изъ приказа по министерству юстиціи 24-го апрѣля 1871-го г. («Суд. Вѣстникъ» № 84), что въ округѣ псковского окружнаго суда производствомъ слѣдствій по особенно важнымъ дѣламъ занималось лицо, командированное министерствомъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что производство слѣдствій по особенно важнымъ дѣламъ могло быть возложено только на опытнаго юриста, вполнѣ приготовленнаго къ исполненію самыхъ трудныхъ задачъ судебной дѣятельности; тѣмъ не менѣе министерство юстиціи не находило для себя удобнымъ утвердить его въ должности судебнаго слѣдователя. Не слѣдуетъ ли заключить отсюда, что въ основаніи системы, принятой министерствомъ юстиціи, лежитъ не одно только недовѣріе къ опытности лицъ, призываемыхъ къ производству предварительныхъ слѣдствій [1])? Съ другой стороны, что могло измѣнить такъ радикально, такъ быстро, степень довѣрія къ судебнымъ слѣдователямъ? Составители судебныхъ уставовъ знали какъ нельзя лучше, что должности судебныхъ слѣдователей будутъ предоставляемы въ большинствѣ случаевъ людямъ молодымъ, сравнительно неопытнымъ; убѣдить ихъ въ этомъ долженъ былъ, независимо отъ всѣхъ другихъ соображеній, опытъ четырехъ лѣтъ, истекшихъ со времени изданія закона 8-го іюня 1860-го г. Если они все-таки нашли необходимымъ распространить на судебныхъ слѣдователей привилегію несмѣняемости, то это было съ ихъ стороны не недосмотромъ, не недомолвкой, а результатомъ убѣжденія, что изъ двухъ золъ—возможныхъ ошибокъ при назначеніи слѣдователей несмѣняемыхъ и неизбѣжной зависимости слѣдователей смѣняемыхъ—послѣднее и вѣрнѣе, и опаснѣе перваго. Законъ, состоявшійся подъ вліяніемъ этого убѣжденія, не отмѣненъ до сихъ поръ законодательною властью и сохраняетъ обязательную силу для высшей судебной администраціи, какъ бы она сама ни относилась къ спорному вопросу. Правда, положеніе слѣдственной

---

[1]) Къ тому же заключенію приводитъ насъ и то обстоятельство, что утвержденіе въ должности слѣдователя лица, временно исправлявшаго эту должность—явленіе, въ настоящее время, столь же безпримѣрное, какъ и прямое назначеніе кого-нибудь судебнымъ слѣдователемъ.

части у насъ далеко неудовлетворительно; но развѣ оно измѣнилось къ лучшему съ тѣхъ поръ, какъ производство слѣдствій перешло въ руки чиновниковъ командированныхъ министерствомъ? Въ чемъ заключается, въ чемъ можетъ заключаться преимущество такихъ чиновниковъ передъ настоящими судебными слѣдователями? Одно изъ двухъ: если они достаточно опытны, то нѣтъ препятствія къ утвержденію ихъ въ должности; если они недостаточно опытны, то слѣдствія въ ихъ рукахъ пойдутъ не лучше, чѣмъ въ рукахъ недостаточно-опытныхъ судебныхъ слѣдователей. Намъ могутъ возразить, что командировка есть испытаніе, что тѣ изъ числа командированныхъ лицъ, которыя оказываются неспособными къ производству слѣдствій, тотчасъ же отзываются изъ командировки; но это возраженіе конечно не имѣетъ серьезнаго значенія. Какими средствами располагаетъ министерство юстиціи, чтобы слѣдить за дѣятельностью, чтобы узнавать способности каждаго командируемаго имъ лица? Оно можетъ только полагаться на отзывъ мѣстнаго товарища прокурора, т.-е. лица въ большей части случаевъ столь же мало опытнаго какъ и тотъ, кого онъ долженъ аттестовать,—и притомъ не всегда безпристрастнаго, потому что столкновенія между слѣдователемъ и прокуроромъ почти неизбѣжны. Не въ тысячу ли разъ надежнѣе и полезнѣе надзоръ окружнаго суда, которому судебные слѣдователи подчинены по силѣ самаго закона? Положимъ, наконецъ, что министерство юстиціи имѣетъ возможность отличить способныхъ слѣдователей отъ неспособныхъ; къ чему приведетъ удаленіе послѣднихъ, если преемники ихъ будутъ избраны изъ той же среды и поставлены въ тѣже условія? Измѣнить положеніе слѣдственной части можетъ только возвышеніе должности судебнаго слѣдователя и предоставленіе ея не лицамъ, только - что начинающимъ службу по судебному вѣдомству, а старшимъ и наиболѣе опытнымъ изъ числа членовъ окружныхъ судовъ. Мы еще возвратимся къ этому вопросу, когда будемъ говорить о производствѣ предварительныхъ слѣдствій.

Все сказанное выше доказываетъ съ полною ясностью, что несмѣняемость судей, перенесенная на нашу почву, долго еще останется растеніемъ нѣжнымъ, требующимъ самаго тщательнаго ухода. Но даже тамъ, гдѣ она глубоко вкоренилась въ общественные нравы, она не составляетъ, сама по себѣ, достаточнаго оплота противъ вліянія администраціи на судей. Источникомъ этого вліянія можетъ служить не только право администраціи увольнять судей, но и участіе ея въ ихъ назначеніи, повышеніи и награжденіи. У насъ судьи назначаются и повышаются высочайшею властью, *по представленіямъ министра юстиціи;* исклю-

ченіе изъ этого общаго правила сдѣлано только для сенаторовъ кассаціонныхъ департаментовъ, назначаемыхъ высочайшими именными указами, по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Награжденіе судей зависитъ, по закону, единственно отъ высочайшаго усмотрѣнія. Въ случаѣ открывшейся въ окружномъ судѣ или судебной палатѣ вакансіи члена (въ томъ числѣ и судебнаго слѣдователя [1])), немедленно составляется общее собраніе суда или палаты, для совѣщанія, при участіи прокурора, о кандидатахъ на эти должности. Представленія окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ объ избранныхъ такимъ образомъ кандидатахъ поступаютъ къ министру юстиціи черезъ старшаго предсѣдателя судебной палаты. Министръ юстиціи представляетъ на высочайшее усмотрѣніе какъ объ указанныхъ судебными мѣстами кандидатахъ, такъ и о другихъ, имѣющихъ право на занятіе открывшихся вакансій. Участіе самого суда въ выборѣ кандидатовъ для занятія судейскихъ должностей ограничено, такимъ образомъ, рамками довольно тѣсными. *Во-первыхъ*, право представлять кандидатовъ принадлежитъ только окружнымъ судамъ и судебнымъ палатамъ, а не кассаціоннымъ департаментамъ правительствующаго сената. Мы узнаемъ изъ комментаріевъ къ ст. 218 учр. суд. устан., что сначала предполагалось предоставить его и прав. сенату, но что при окончательномъ обсужденіи уставовъ это было признано излишнимъ. Почему? на этотъ вопросъ комментаріи не даютъ никакого отвѣта. По всей вѣроятности, представленіе кандидатовъ со стороны сената было признано несовмѣстнымъ съ назначеніемъ сенаторовъ по непосредственному усмотрѣнію верховной власти. Мы позволяемъ себѣ усомниться въ правильности такого взгляда. Назначенію, отъ кого бы оно ни исходило, неизбѣжно предшествуетъ собраніе свѣдѣній и данныхъ о назначаемомъ лицѣ, — и если такія свѣдѣнія и данныя могутъ быть представляемы на высочайшее усмотрѣніе министромъ юстиціи, то нѣтъ, кажется, никакого основанія устранять представленіе ихъ и прав. сенатомъ. *Во-вторыхъ*, окружные суды и судебныя палаты имѣютъ право выбирать кандидатовъ только на званіе членовъ суда или палаты, а не на званіе предсѣдателя или товарища предсѣдателя окружнаго суда, старшаго предсѣдателя или предсѣдателя депар-

---

[1]) Замѣтимъ, по этому поводу, что командировка чиновниковъ министерства юстиціи къ производству предварительныхъ слѣдствій лишаетъ окружные суды принадлежащаго имъ по закону права участвовать въ выборѣ кандидатовъ на должности судебныхъ слѣдователей — а между тѣмъ участіе окружныхъ судовъ въ этомъ отношеніи, болѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ, было бы необходимо для правильности назначеній.

бы сопряжено съ серьезными неудобствами, уже указанными нами въ главѣ о мировыхъ учрежденіяхъ; но дать ему совѣщательный голосъ въ дѣлѣ, столь близко его касающемся, было бы, кажется, весьма полезно. Оцѣнка судьи, сдѣланная земствомъ, конечно не всегда была бы безошибочна, но въ связи съ другими данными она могла бы служить драгоцѣннымъ матеріаломъ для окончательнаго рѣшенія власти, отъ которой зависитъ назначеніе судей. Итакъ, представленіе кандидатовъ на должность предсѣдателя или товарища предсѣдателя должно было бы, по нашему мнѣнію, исходить одновременно отъ суда, въ которомъ открылась вакансія, отъ суда высшаго и отъ мѣстнаго земства или мѣстныхъ земствъ. Единогласіе всѣхъ этихъ трехъ учрежденій, или даже двухъ изъ нихъ, было бы лучшимъ залогомъ того, что указанное съ разныхъ сторонъ лицо вполнѣ достойно назначенія; при разногласіи ихъ высшая административно-судебная власть не имѣла бы, по крайней мѣрѣ, недостатка въ данныхъ, на которыхъ она могла бы основать свое окончательное представленіе. Возвращаясь отъ порядка нами предположеннаго къ порядку дѣйствительно существующему, мы не можемъ не пожалѣть о томъ, что министру юстиціи принадлежитъ неограниченное право дополнять по своему усмотрѣнію списокъ кандидатовъ, указанныхъ самимъ судомъ. При такомъ положеніи дѣлъ избраніе кандидатовъ судебными мѣстами слишкомъ легко можетъ обратиться въ пустую формальность, назначеніе судей—сосредоточиться исключительно и безусловно, вопреки намѣренію закона, въ рукахъ министра юстиціи. Точныхъ свѣдѣній о числѣ назначеній, состоявшихся помимо представленій суда, мы, къ сожалѣнію, не имѣемъ; мы знаемъ только, что представленія с.-петербургскаго окружнаго суда не всегда принимались во вниманіе, и что по крайней мѣрѣ трое изъ настоящихъ его членовъ избраны не судомъ, а министерствомъ юстиціи,—несмотря на то, что судъ представляетъ на каждую вакансію не одного, а нѣсколькихъ кандидатовъ. Мы становимся, поэтому, на сторону тѣхъ изъ числа составителей судебныхъ уставовъ, которые признавали необходимымъ обязать министра юстиціи къ объясненію причинъ, побуждающихъ его къ устраненію кандидатовъ, избранныхъ окружнымъ судомъ или судебной палатой [1]). Правда, особенно дѣйствительнымъ стѣсненіемъ произвола и это правило служить бы не могло. Выборъ кандидатовъ на судейскія должности сдѣлается вполнѣ нормальнымъ только тогда, когда прекратится антагонизмъ между судомъ и администраціей, когда

---

[1]) См. объясненіе къ ст. 215-й учр. суд. установл.

изгладятся слѣды прежняго значенія министерства юстиціи въ системѣ нашихъ судебныхъ учрежденій.

Противники самостоятельнаго суда и лица мало знакомыя съ духомъ новыхъ судебныхъ уставовъ расположены думать, что несмѣняемость судей равносильна безотчетности и безотвѣтственности ихъ. Болѣе грубую ошибку трудно себѣ представить. Несмѣняемость обезпечиваетъ судей только противъ произвола начальства, но ни мало не ограждаетъ ихъ отъ преслѣдованія, въ законномъ порядкѣ, за каждое неправильное дѣйствіе или упущеніе. Съ этой точки зрѣнія судьи отвѣтственны въ гораздо большей мѣрѣ, чѣмъ должностныя лица административныхъ вѣдомствъ. Для послѣднихъ дисциплинарныя взысканія — т.-е. взысканія, налагаемыя безъ формальнаго суда за легкія упущенія по службѣ—de facto почти не существуютъ, развѣ въ формѣ домашнихъ начальственныхъ увѣщаній и наставленій; судьи, со времени введенія въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, привлекаются къ дисциплинарной отвѣтственности довольно часто — конечно не потому, чтобы они чаще прежняго совершали неправильныя дѣйствія, а потому, что эти дѣйствія не покрываются больше канцелярскою тайной, потворствомъ начальства и безгласностью частныхъ лицъ. Дисциплинарное производство противъ судьи можетъ быть возбуждено и судомъ, къ которому онъ принадлежитъ, и судомъ высшимъ, и министромъ юстиціи; поводомъ къ возбужденію производства можетъ служить и жалоба частнаго лица, и донесеніе прокурора, и сообщеніе предсѣдателя или другаго члена суда. Преданіе суду должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства зависитъ въ значительной степени, какъ мы уже видѣли, отъ ихъ начальства; судьи предаются суду кассаціоннымъ департаментомъ прав. сената, т.-е. учрежденіемъ по преимуществу безпристрастнымъ, не имѣющимъ никакого повода отстаивать судей, per fas et nefas, противъ обвиненій на нихъ взводимыхъ. Наконецъ, частныя лица могутъ взыскивать судебнымъ порядкомъ убытки, понесенные ими вслѣдствіе неправильныхъ или пристрастныхъ дѣйствій судьи,—испросивъ на то разрѣшеніе судебной палаты или кассаціоннаго департамента прав. сената. Нельзя не пожалѣть только, что просьбы этого рода разсматриваются въ закрытомъ засѣданіи палаты или сената. Отъ домогательствъ неправильныхъ достоинство судей конечно не пострадало бы, а основательныя требованія во всякомъ случаѣ дѣлаются гласными при дальнѣйшемъ разбирательствѣ дѣла, которое подчиняется по закону (уст. гражд. судопр. ст. 1,336) общимъ правиламъ, т.-е. происходитъ публично.

Независимо отъ юридической отвѣтственности передъ судомъ дисциплинарнымъ, уголовнымъ и гражданскимъ, на каждомъ судьѣ лежитъ нравственная отвѣтственность передъ обществомъ и передъ судебной корпораціей. Отвѣтственность передъ обществомъ возникла съ тѣхъ поръ, какъ отправленіе суда сдѣлалось гласнымъ, доступнымъ для обсужденія, для критики. Отвѣтственность судьи передъ своими товарищами по службѣ тоже ведетъ свое начало съ реформы 1864 г., до которой, какъ мы уже видѣли, у насъ не было правильно организованной магистратуры. Несмѣняемость судей, назначеніе ихъ если и не исключительно, то по крайней мѣрѣ преимущественно изъ числа лицъ получившихъ юридическое образованіе, гласность судопроизводства, обнародованіе кассаціонныхъ рѣшеній, образованіе, рядомъ съ судомъ, прокуратуры и адвокатской корпораціи—все это вмѣстѣ взятое произвело и производитъ глубокую перемѣну въ обычаяхъ и нравахъ судебнаго сословія, или лучше сказать создаетъ его вновь, какъ нѣчто единое, цѣльное, живущее своею самостоятельною жизнью. Въ сознаніи общества и въ особенности въ сознаніи самихъ судей вырабатывается мало-по-малу идеальный типъ судьи,—типъ, котораго конечно еще не осуществила и рѣдко будетъ осуществлять практическая жизнь, но который во всякомъ случаѣ будетъ служить руководительной нитью для дѣятельности судьи, и вмѣстѣ съ тѣмъ нормой для ея оцѣнки. Сословіе, уважающее свое призваніе, требуетъ такого же уваженія къ нему отъ всѣхъ своихъ членовъ; каждый изъ нихъ, въ свою очередь, старается поддержать, насколько это отъ него зависитъ, нравственное достоинство сословія и довѣріе, которымъ оно пользуется. Это стремленіе, вполнѣ понятное и законное, не имѣетъ ничего общаго съ такъ-называемою сословною честью, основанною на рутинѣ, на предразсудкѣ; оно направлено не къ тому, чтобы поставить сословіе въ какое-то привилегированное положеніе, чтобы вознести его надъ всѣми другими общественными дѣятелями; единственная цѣль его — установить на твердыхъ началахъ серьезное отношеніе къ обязанностямъ, лежащимъ на сословіи. Въ торжествѣ, въ господствѣ этого стремленія заключается объясненіе того высокаго мѣста, которое принадлежитъ судебному сословію въ западно-европейскихъ государствахъ; въ появленіи его у насъ мы видимъ залогъ постепеннаго возвышенія и укрѣпленія нашей магистратуры. Готовымъ орудіемъ вліянія, которое судъ, какъ учрежденіе, долженъ имѣть и отчасти уже имѣетъ на отдѣльныхъ судей, представляется у насъ въ Россіи общее собраніе суда. Не уклоняясь отъ буквы закона (учр. суд. устан. ст. 160 пун. 7 и

10), оно можетъ установить контроль надъ дѣйствіями каждаго судьи, — контроль, нисколько не стѣсняющій его свободу, но предупреждающій легкомысленное или ненамѣренное нарушеніе судейскаго долга. Еще важнѣе, конечно, та сумма убѣжденій и взглядовъ, которая составляетъ нравственное достояніе судебнаго сословія, вліянію которой невольно подчиняется каждый вступающій въ среду его. Это достояніе существуетъ у насъ еще недавно, но оно увеличивается съ каждымъ днемъ, и, созданное однажды, становится неотъемлемою собственностью общества.

Внѣшнее положеніе, данное нашей магистратурѣ уставами 1864-го года, отличается еще одною характеристическою чертою— почти совершеннымъ уничтоженіемъ значенія чиновъ, табели о рангахъ. На основаніи ст. 236 учр. суд. устан., лица, удовлетворяющія требуемымъ отъ судьи условіямъ (образованіе, опытность и т. д.), могутъ быть назначаемы въ должности по судебному вѣдомству *независимо отъ ихъ чиновъ*. Старшинство между членами суда опредѣляется не чиномъ, а временемъ назначенія. Благодаря этимъ правиламъ, мы видимъ предсѣдателями окружныхъ судовъ надворныхъ и коллежскихъ совѣтниковъ, членами окружныхъ судовъ—губернскихъ и коллежскихъ секретарей, пользующихся одинаковыми правами съ статскими и дѣйствительными статскими совѣтниками. Судебное вѣдомство освобождено, такимъ образомъ, отъ стѣснительной формальности, часто заставлявшей отдавать предпочтеніе старшинству передъ заслугой, рутинѣ передъ талантомъ. Производство въ чины за выслугу лѣтъ для судей вовсе не существуетъ; они сохраняютъ только право на производство, при оставленіи судейскаго званія, въ чинъ соотвѣтствующій времени ихъ службы въ судейскихъ должностяхъ. При обсужденіи судебныхъ уставовъ было,—какъ видно изъ комментаріевъ къ ст. 248 учр. суд. устан.,—высказываемо опасеніе, что люди способные и достойные предпочтутъ судебной дѣятельности другіе роды службы, дающіе право на производство въ чины и облегчающіе полученіе наградъ; но составители судебныхъ уставовъ признали это опасеніе неосновательнымъ — и опытъ доказалъ, что они были совершенно правы. Судебная реформа, какъ мы уже видѣли, не уменьшила, а увеличила число лицъ, готовыхъ посвятить себя судебному поприщу; да и могло ли это быть иначе, въ виду глубокаго интереса, сопряженнаго съ дѣятельностью судьи въ новыхъ судебныхъ учрежденіяхъ, въ виду самостоятельности—по крайней мѣрѣ сравнительной,—которая дана реформой суду и судьямъ?

VI.

Судебные уставы 1864-го года введены или вводятся въ дѣйствіе въ тридцати шести губерніяхъ и областяхъ (не считая округовъ Закатальскаго и Черноморскаго). Для всѣхъ этихъ губерній и областей учреждено семь судебныхъ палатъ—въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Казани, Саратовѣ и Тифлисѣ, —и сорокъ восемь окружныхъ судовъ. Двадцать семь губерній и областей [1]) имѣютъ каждая по одному окружному суду, находящемуся, конечно, въ главномъ городѣ губерніи или области. Затѣмъ въ Новгородской губерніи открыто три окружные суда — въ Новгородѣ, Бѣлозерскѣ и Устюжнѣ (къ округу послѣдняго присоединенъ одинъ уѣздъ Тверской губерніи), въ Псковской губерніи два — въ Псковѣ и Великихъ Лукахъ, въ Тверской губерніи три—въ Твери, Ржевѣ и Кашинѣ, въ Ярославской губерніи два—въ Ярославлѣ и Рыбинскѣ, въ Орловской губерніи два—въ Орлѣ и Ельцѣ (съ присоединеніемъ къ округу послѣдняго двухъ уѣздовъ Тамбовской и одного уѣзда Воронежской губерніи), въ Воронежской губерніи два—въ Воронежѣ и Острогожскѣ (съ присоединеніемъ къ округу воронежскаго суда одного уѣзда Тамбовской губерніи), въ Харьковской губерніи три — въ Харьковѣ, Изюмѣ и Сумахъ (съ присоединеніемъ къ округу изюмскаго суда двухъ уѣздовъ Екатеринославской губерніи, а къ округу сумскаго суда — двухъ уѣздовъ Курской губерніи), въ Екатеринославской губерніи два — въ Екатеринославѣ и Таганрогѣ, и въ Херсонской губерніи два — въ Одессѣ и Херсонѣ. Окружные суды раздѣляются на разряды, смотря по числу отдѣленій, изъ которыхъ они состоятъ. Окружные суды с.-петербургскій и московскій считаются судами перваго разряда, и состоятъ первый изъ семи, второй изъ шести отдѣленій; къ этому же разряду будетъ по всей вѣроятности отнесенъ и одесскій окружной судъ, послѣ того какъ кътремъ отдѣленіямъ его прибавлено еще два. Восемнадцать окружныхъ судовъ принадлежатъ ко второму разряду; эти суды, состоящіе изъ трехъ отдѣленій, учреждены въ тѣхъ губерніяхъ (кромѣ Кавказскихъ

[1]) Губерніи С.-Петербургская, Московская, Владимірская, Рязанская, Тульская, Калужская, Курская (съ отдѣленіемъ двухъ уѣздовъ), Таврическая (съ отдѣленіемъ одного уѣзда), Полтавская, Нижегородская, Смоленская, Казанская, Симбирская, Самарская (съ отдѣленіемъ одного уѣзда), Костромская, Саратовская (съ присоединеніемъ одного уѣзда Самарской губерніи), Пензенская, Тамбовская (съ отдѣленіемъ трехъ уѣздовъ), Тифлисская, Кутаисская, Бакинская, Елисаветпольская, Эриванская и Ставропольская, области Бессарабская, Терская и Кубанская.

и Таврической), на которыя приходится по одному суду, и сверхъ того въ Орлѣ и Екатеринославѣ. Окружныхъ судовъ третьяго разряда, состоящихъ изъ двухъ отдѣленій, открыто 18: въ Новгородѣ, Псковѣ, Твери, Ярославлѣ, Ельцѣ, Воронежѣ, Харьковѣ, Таганрогѣ, Херсонѣ, Симферополѣ[1]), Ставрополѣ, Екатеринодарѣ, Владикавказѣ и въ пяти Закавказскихъ губерніяхъ. Окружные суды четвертаго разряда состоятъ изъ одного отдѣленія, и открыты въ Бѣлозерскѣ, Устюжнѣ, Великихъ Лукахъ, Ржевѣ, Кашинѣ, Рыбинскѣ, Острогожскѣ, Изюмѣ и Сумахъ. Въ распредѣленіи окружныхъ судовъ по губерніямъ—или лучше сказать по мѣстностямъ, такъ какъ нѣкоторые судебные округи составлены изъ уѣздовъ различныхъ губерній, — были приняты, какъ видно изъ вышесказаннаго, двѣ различныя системы: одна — сосредоточивающая всѣ дѣла губерніи или обширной мѣстности въ одномъ главномъ ея центрѣ, другая — раздробляющая ихъ между нѣсколькими судами. Изъ приведенныхъ нами выше фактическихъ данныхъ видно, что вторая изъ этихъ системъ въ настоящее время почти оставлена; послѣдніе окружные суды четвертаго разряда учреждены въ 1867-мъ году, при образованіи харьковскаго округа, а въ двухъ вновь открытыхъ судебныхъ округахъ, казанскомъ и саратовскомъ, равно какъ и въ губерніяхъ, причисленныхъ въ 1869-мъ и 1870-мъ году къ округамъ московскому и харьковскому (Нижегородской, Смоленской, Костромской, Полтавской), не учреждено даже ни одного суда третьяго разряда. Опытъ, сдѣланный съ небольшими судебными округами, очевидно признанъ неудавшимся.

Каждая изъ двухъ системъ, указанныхъ нами, имѣетъ свои достоинства и свои недостатки. Система раздробленія дѣлъ неизбѣжно влечетъ за собою два неблагопріятные результата: уменьшеніе личнаго состава окружныхъ судовъ и открытіе ихъ въ такихъ городахъ, гдѣ нѣтъ никакой общественной и умственной жизни, нѣтъ иногда даже самыхъ простыхъ матеріальныхъ удобствъ. Окружной судъ, состоящій изъ предсѣдателя и трехъ членовъ, слишкомъ часто можетъ быть поставленъ въ невозможность продолжать свою дѣятельность (требующую присутствія по крайней мѣрѣ трехъ лицъ) — напримѣръ, во время вакацій, во время выѣзда въ другіе уѣзды, въ случаѣ отсутствія или болѣзни одного изъ членовъ суда. Такое положеніе дѣлъ въ особенности возможно съ тѣхъ поръ, какъ судебные слѣдователи замѣнены почти повсемѣстно чиновниками минис-

[1]) Въ Симферополѣ до 1871-го года существовалъ окружной судъ второго разряда, но теперь число отдѣленій уменьшено въ немъ съ трехъ на два.

терства юстиціи, неимѣющими права участвовать въ засѣданіяхъ суда. Прибавимъ къ этому, что вакансіи, открывающіяся въ судахъ, остаются иногда, по неизвѣстнымъ причинамъ, незамѣщенными въ теченіе весьма продолжительнаго срока [1]. Съ другой стороны, нелегко найти способныхъ и опытныхъ судей, которые согласились бы поселиться на нѣсколько лѣтъ въ отдаленномъ, малонаселенномъ, глухомъ городкѣ, стоящемъ, если можно такъ выразиться, за предѣлами образованнаго міра. Кто рѣшается принять на себя званіе судьи въ такомъ городѣ, тотъ, въ большинствѣ случаевъ, утѣшается мыслью, что искусъ его будетъ продолжаться недолго, и не старается привыкнуть къ своему положенію, заботясь только о скорѣйшей его перемѣнѣ. Намъ могутъ возразить, что служатъ же въ самыхъ ничтожныхъ, самыхъ печальныхъ городахъ полицейскіе и акцизные чиновники, мировые судьи и т. д.; но мы на это отвѣтимъ, что мировые судьи—большею частью уроженцы или постоянные жители той мѣстности, въ которой они избраны, а чиновники административныхъ вѣдомствъ поставлены въ положеніе совершенно отличное отъ положенія судей. Для суда необходима гласность, которой нельзя найти въ небольшомъ уѣздномъ городкѣ; для судей необходимо движеніе умственной жизни, внѣ котораго они слишкомъ легко могутъ погрузиться въ апатію, въ рутину, несовмѣстную съ правильнымъ отправленіемъ судейскихъ обязанностей. Сосредоточеніе судебныхъ дѣлъ цѣлой губерніи или обширной мѣстности въ одномъ окружномъ судѣ представляетъ неудобство другого рода: оно отдаляетъ судъ отъ населенія ему подсуднаго. Это неудобство увеличивается нашими разстояніями, нашими путями сообщенія, нецентральнымъ положеніемъ многихъ изъ числа нашихъ губернскихъ городовъ, и наконецъ требованіемъ закона, въ силу котораго тяжущіеся или ихъ повѣренные должны быть на лицо въ мѣстѣ нахожденія суда во все время производства дѣла. Не слѣдуетъ забывать также, что въ окружныхъ судахъ производится множество дѣлъ весьма малоцѣнныхъ (напримѣръ дѣла о недвижимыхъ имѣніяхъ, изъятыя, независимо отъ цѣны иска, изъ вѣдѣнія мировыхъ учрежденій, дѣла о вводѣ во владѣніе, объ утвержденіи духовныхъ завѣщаній), по которымъ дальній переѣздъ для тяжущихся особенно обременителенъ. Неудивительно, поэтому, что во многихъ губерніяхъ, имѣющихъ по одному окружному суду, раздаются громкія жалобы на недоступность суда для тяжущихся. Такова, напримѣръ, Полтавская

[1]) Такъ было, напримѣръ, въ прошедшемъ году въ Бѣлозерскѣ съ должностью предсѣдателя окружнаго суда.

губернія, въ которой много мелкихъ поземельныхъ участковъ, а слѣдовательно много и мелкихъ споровъ о недвижимыхъ имѣніяхъ. Между тѣмъ, Полтава, въ которой находится единственный для цѣлой губерніи окружной судъ, лежитъ на южномъ краю губерніи, далеко отъ большинства уѣздныхъ городовъ (отъ Полтавы до Прилукъ—218, отъ Полтавы до Переяслава—265 вер.), изъ которыхъ только два, и притомъ ближайшіе (Кобеляки и Кременчугъ), соединены съ нею желѣзною дорогой. Еще невыгоднѣе положеніе Костромской губерніи, въ которой тоже будетъ только одинъ окружной судъ, въ Костромѣ. Кострома лежитъ на юго-западномъ краю губерніи; изъ числа одиннадцати уѣздныхъ городовъ три отдалены отъ нея болѣе чѣмъ на 150, два—болѣе чѣмъ на 200, два—болѣе чѣмъ на 300 верстъ (изъ нихъ одинъ—Варнавинъ—почти на 400!). Всѣ эти семь городовъ расположены не на берегу Волги и не имѣютъ никакихъ удобныхъ сообщеній съ Костромою. А есть деревни, лежащія еще верстъ на 100 дальше Ветлуги, дальше Варнавина! Въ каждой почти губерніи, имѣющей только одинъ окружный судъ, найдутся города, отдаленные отъ губернскаго города на 150—200 верстъ болѣе или менѣе дурной дороги. Таковъ, напримѣръ, въ С.-Петербургской губерніи городъ Гдовъ, въ Тамбовской губерніи городъ Елатьма, во Владимірской губерніи городъ Муромъ, въ Нижегородской губерніи городъ Сергачъ, въ Казанской губерніи городъ Тетюши и т. д. Понятно, что такія разстоянія затрудняютъ не только пріѣздъ тяжущихся въ мѣсто нахожденія суда, но и выѣздъ суда на уѣздные ассизы. Вотъ почему мы думаемъ, что если опытъ доказалъ неудобство раздробленія дѣлъ между слишкомъ большимъ числомъ окружныхъ судовъ, то столь же неудобнымъ должно быть признано и сосредоточеніе ихъ въ одномъ судѣ на всю губернію, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда губернскій городъ лежитъ въ центрѣ губерніи и въ недальнемъ разстояніи отъ большинства уѣздныхъ городовъ, или когда въ губерніи нѣтъ рѣшительно ни одного уѣзднаго города, въ которомъ могъ бы быть безъ серьёзныхъ затрудненій учрежденъ окружной судъ. Въ такихъ уѣздныхъ городахъ, которые соединяютъ въ себѣ по крайней мѣрѣ главныя условія, необходимыя для учрежденія окружнаго суда, у насъ во многихъ мѣстахъ нѣтъ недостатка. Таковы, напримѣръ, изъ числа городовъ, въ которыхъ уже открыты окружные суды — Ржевъ, Рыбинскъ, Елецъ, изъ числа другихъ — Бѣлгородъ, Муромъ, Бѣлевъ, Моршанскъ, Царицынъ, Ромны и др. Безусловно отказаться слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, только отъ учрежденія окружныхъ судовъ чет-

вертаго разряда, т.-е. съ однимъ отдѣленіемъ. Существующіе суды этого разряда будутъ по всей вѣроятности либо закрыты, либо усилены прибавленіемъ втораго отдѣленія, съ соотвѣтствующимъ расширеніемъ судебнаго округа. Наконецъ, при устройствѣ судебныхъ округовъ слѣдовало бы еще менѣе принимать во вниманіе раздѣленіе на губерніи, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ. Такъ, напримѣръ, нѣсколько уѣздовъ Смоленской губерніи, теперь составляющей одинъ, широко раскинутый судебный округъ, могли бы быть присоединены къ округу ржевскаго окружнаго суда; въ Муромѣ могъ бы быть открытъ окружной судъ для нѣсколькихъ уѣздовъ Владимірской, Рязанской и Тамбовской, а можетъ быть и Нижегородской губерніи [1]). Само собою разумѣется, что для правильнаго распредѣленія судебныхъ округовъ необходимы самыя разнообразныя и точныя статистическія свѣдѣнія, которыми мы не располагаемъ; мы настаиваемъ не на той или другой подробности, приводимой нами лишь въ видѣ примѣра, а только на общей мысли о неудовлетворительности распредѣленія, существующаго въ настоящее время.

Болѣе удовлетворительнымъ представляется распредѣленіе губерній между судебными палатами. Съ перваго взгляда больше всего бросается въ глаза неравномѣрность этого распредѣленія; палатамъ с.-петербургской, казанской и саратовской подчинено только по три губерніи, между тѣмъ какъ въ округѣ московской судебной палаты ихъ числится *десять*. При болѣе внимательномъ разсмотрѣніи дѣла эта неравномѣрность перестаетъ, однако, казаться существеннымъ недостаткомъ новаго судебнаго устройства; она объясняется какъ временнымъ характеромъ дѣленія, такъ и географическими условіями Россіи. Такъ, напримѣръ, къ округу с.-петербургской палаты безъ сомнѣнія будутъ присоединены губерніи Олонецкая и Архангельская, по всей вѣроятности губерніи прибалтійскія, къ округу казанской палаты — Вятская губернія, къ округу саратовской палаты—Астраханская губернія, и т. д. Съ другой стороны, судебные округи по необходимости должны быть расширяемы тамъ, гдѣ густое населеніе и удобные пути сообщенія, съуживаемы тамъ, гдѣ нѣтъ этихъ условій. Отсюда широкіе размѣры, данные московскому судебному округу.

---

[1]) Муромъ отдаленъ отъ Владиміра на 187 верстъ; вокругъ него лежатъ на близкомъ разстояніи города Меленки (Владимірской губерніи, въ 226 в. отъ губернскаго города), Касимовъ (Рязанской губ., въ 136 в. отъ губернскаго города), Елатьма и Темниковъ (Тамбовской губ., въ 271 и 340 в. отъ губернскаго города), Ардатовъ (Нижегородской губ., въ 161 в. отъ губернскаго города).

Москва имѣетъ значеніе географическаго и соціальнаго центра для восьми губерній, густо населенныхъ, и соединена желѣзными дорогами съ семью[1]) изъ числа девяти губернскихъ городовъ, принадлежащихъ къ округу московской судебной палаты. Съ географической точки зрѣнія не вполнѣ цѣлесообразнымъ представляется только причисленіе къ округу одесской судебной палаты окружныхъ судовъ екатеринославскаго и въ особенности таганрогскаго. Екатеринославъ и Таганрогъ гораздо ближе къ Харькову, чѣмъ къ Одессѣ, не только по числу верстъ, но и по удобству сообщеній[2]), а также, если мы не ошибаемся, и по торговымъ сношеніямъ и интересамъ. Намъ самимъ случалось слышать отъ лицъ, имѣвшихъ дѣла въ таганрогскомъ окружномъ судѣ, жалобы на затруднительность сообщеній между Таганрогомъ и Одессой. Вмѣсто Екатеринославской губерніи къ одесскому округу могла бы быть отнесена губернія Полтавская; Полтава хотя и ближе къ Харькову, чѣмъ къ Одессѣ, но соединена желѣзными дорогами какъ съ тѣмъ, такъ и съ другою.

Судебная реформа была направлена, между прочимъ, къ устраненію медленности, которою отличалось наше прежнее судопроизводство, какъ гражданское, такъ и уголовное. Къ сожалѣнію, эта цѣль достигнута не вполнѣ — и пятилѣтній опытъ доказалъ съ достаточною ясностью, что всего дольше дѣла задерживаются въ судебныхъ палатахъ. Главной причиной этого факта служитъ безъ сомнѣнія крайняя малочисленность состава судебныхъ палатъ. Будущій историкъ судебной реформы съ трудомъ повѣритъ тому, что въ судебныхъ палатахъ, призванныхъ къ окончательному пересмотру рѣшеній шести или восьми окружныхъ судовъ, къ разсмотрѣнію предварительныхъ слѣдствій по шести или восьми судебнымъ округамъ, къ производству, на правахъ первой инстанціи, нѣсколькихъ категорій гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, было всего по двѣнадцати судей (считая и старшаго предсѣдателя, и предсѣдателя департамента). Такой штатъ могъ быть данъ судебнымъ палатамъ на первый годъ ихъ существованія; но чтобы онъ могъ остаться безъ измѣненій въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ сряду, несмотря на жалобы тяжущихся, на указанія печати, на представленія самихъ

---

[1]) Тверь, Ярославль, Владиміръ, Нижній-Новгородъ, Рязань, Тула и Смоленскъ. Не соединены съ Москвой желѣзными путями только Кострома и Калуга; но Кострома отстоитъ отъ Ярославля менѣе чѣмъ на сто верстъ, а Калужская губернія, по самому положенію своему, не могла быть отнесена ни къ какому другому округу кромѣ московскаго.

[2]) Таганрогъ соединенъ съ Харьковомъ желѣзной дорогой, Екатеринославль безъ сомнѣнія тоже скоро примкнетъ къ харьковско-азовской желѣзной дорогѣ.

палатъ — это, повторяемъ, выходитъ изъ сферы вѣроятнаго и правдоподобнаго. Во Франціи, до послѣдней войны, было *двадцать восемь* судебныхъ палатъ — по одной, приблизительно, на три департамента, между тѣмъ какъ у насъ одна палата приходится среднимъ числомъ на пять губерній. Minimum членовъ французской палаты—*двадцать;* но это число существуетъ лишь въ одной палатѣ (на островѣ Корсикѣ),—единственной, которая раздѣлена только на два отдѣленія или департамента. Всѣ остальныя палаты состоятъ по крайней мѣрѣ изъ *двадцати четырехъ* членовъ и имѣютъ по крайней мѣрѣ три отдѣленія— одно для дѣлъ гражданскихъ, другое для дѣлъ уголовныхъ, рѣшаемыхъ палатой по существу, третье для разсмотрѣнія предварительныхъ слѣдствій. Въ каждомъ отдѣленіи засѣдаютъ, такимъ образомъ, восемь членовъ. Maximum отдѣленій—*шесть*, maximum членовъ — *шестьдесятъ шесть*[1]). У насъ только одна судебная палата — московская — имѣетъ (съ 1870 г.) *три* департамента; во всѣхъ остальныхъ по два департамента, и въ каждомъ департаментѣ по шести судей. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей является накопленіе дѣлъ, постоянно увеличивающееся, и соотвѣтственно - возрастающая медленность ихъ производства. По совершенно вѣрному разсчету «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей» (1871 г. № 100), средній срокъ нахожденія дѣла въ гражданскомъ департаментѣ с.-петербургской судебной палаты — *годъ*, считая даже не со времени рѣшенія дѣла окружнымъ судомъ, а со времени поступленія его въ палату. Таже газета сообщаетъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о движеніи гражданскихъ дѣлъ въ с.-петербургской судебной палатѣ. Къ 1868-му году оставалось нерѣшенныхъ дѣлъ 242. Въ 1868-мъ году поступило 894 дѣла, рѣшено 742, осталось 394; въ 1869-мъ году поступило 894 дѣла, рѣшено 739, осталось 549; въ 1870-мъ году поступило 948 дѣлъ, рѣшено 744, осталось 753—другими словами, осталось столько дѣлъ, сколько палата, при настоящемъ ея составѣ и при усиленномъ трудѣ ея членовъ, можетъ разрѣшить въ теченіе одного года. «Если очередь между дѣлами будетъ строго соблюдаема — прибавляютъ «С.-Петербургскія Вѣдомости» — то ни одно изъ дѣлъ, которыя поступятъ въ палату въ 1871-мъ году, не можетъ быть разрѣшено ранѣе будущаго года. Въ настоящее же время (т.-е. въ апрѣлѣ 1871 г.) рѣшены еще не всѣ дѣла 1869-го года». Очевидно, что такая

[1]) Книга, изъ которой мы заимствуемъ эти цифры, нѣсколько устарѣла; если мы не ошибаемся, въ послѣднее время maximum отдѣленій и членовъ, по крайней мѣрѣ для парижской палаты, еще болѣе возвышенъ.

медленность въ движеніи дѣлъ несовмѣстна съ цѣлью законодателя, съ назначеніемъ суда, съ интересами тяжущихся и всего общества [1]); столь же очевидно и то, что она не можетъ быть устранена безъ значительнаго усиленія личнаго состава судебной палаты. О ходѣ дѣлъ въ уголовномъ департаментѣ с.-петербургской судебной палаты у насъ нѣтъ точныхъ числовыхъ данныхъ; но мы знаемъ, что апелляціонныя дѣла разрѣшаются имъ обыкновенно черезъ полгода и болѣе послѣ постановленія приговора первою инстанціей, что заключенія о прекращеніи слѣдствій лежатъ безъ движенія по цѣлымъ мѣсяцамъ, и что нѣкоторая, и то не всегда достаточная быстрота производства существуетъ только для обвинительныхъ актовъ по дѣламъ арестантскимъ. Въ Москвѣ учрежденіе третьяго департамента оказалось мѣрой палліативной, уменьшившей, но не предупредившей накопленіе дѣлъ, тѣмъ болѣе, что почти одновременно съ открытіемъ новаго департамента къ московскому округу была присоединена Смоленская губернія, а въ нынѣшнемъ году присоединяется губернія Костромская. Въ Харьковѣ, въ Одессѣ число дѣлъ тоже давно превышаетъ силы палатъ. Намъ кажется, что искоренить медленность производства могло бы только одновременное увеличеніе числа департаментовъ и числа судей въ каждомъ департаментѣ. Число судей въ палатахъ столичныхъ, включая и предсѣдателей, должно было бы быть увеличено по крайней мѣрѣ до двадцати четырехъ — хотя и эта цифра едва ли была бы надолго вполнѣ достаточною. Расходъ, котораго потребовала бы эта мѣра (для Петербурга около 50.000 рублей, для другихъ палатъ нѣсколько меньше), слишкомъ незначителенъ въ сравненіи съ ея необходимостью и пользой, въ сравненіи съ нашимъ четырехсотъ-милліоннымъ бюджетомъ. Вѣдь здѣсь — можно сказать безъ преувеличенія, — дѣло идетъ о чести судебной реформы. Кто изъ людей, искренно ей преданныхъ, можетъ оставаться равнодушнымъ зрителемъ того, какъ новый судъ, по медленности производства, становится похожимъ на старый? Кого изъ нихъ не возмущаетъ злорадство, возбуждаемое этимъ фактомъ въ противникахъ новаго суда? Мы не знаемъ, что думаетъ объ этомъ министерство юстиціи; но если судить о его взглядахъ по результатамъ его дѣятельности, то поневолѣ при-

[1]) По справедливому указанію «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», медленность пелляціоннаго производства побуждаетъ отвѣтчиковъ, сознающихъ свою неправоту, ереносить дѣло во вторую инстанцію только для того, чтобы отдалить моментъ сполненія лежащей на нихъ обязанности. Ненормальность положенія дѣлъ, при оторомъ возможны такія соображенія, не требуетъ дальнѣйшихъ доказательствъ.

дется пожалѣть еще разъ о недостаткѣ сочувствія къ реформѣ со стороны высшей судебной администраціи.

Кромѣ медленности производства, малочисленность членовъ судебной палаты влечетъ за собою еще одно серьёзное неудобство. Учрежденіе апелляціонной инстанціи тогда только можетъ служить гарантіей правильности рѣшеній, когда она отличается отъ первой инстанціи и большею опытностью, и большимъ числомъ судей. Само собою разумѣется, что первое изъ этихъ условій важнѣе послѣдняго, — но за то оно менѣе уловимо, менѣе осязательно. Степень опытности не можетъ быть точно опредѣлена внѣшними, формальными признаками; требованіе закона, въ силу котораго членами судебной палаты могутъ быть только лица, прослужившія большее, сравнительно съ членами окружнаго суда, число лѣтъ по судебному вѣдомству, не даетъ еще членамъ палаты безусловнаго преимущества передъ членами суда; опытность, въ лучшемъ смыслѣ этого слова, пріобрѣтается одними весьма скоро, другими весьма медленно, а нѣкоторыми не пріобрѣтается никогда. Между тѣмъ, болѣе многочисленный, сравнительно, составъ присутствія палаты обезпечиваетъ всестороннее разсмотрѣніе дѣла или по крайней мѣрѣ усиливаетъ нравственный авторитетъ окончательнаго рѣшенія. Вотъ почему мы не можемъ не признать вполнѣ раціональнымъ постановленіе французскаго закона, на основаніи котораго гражданскія дѣла могутъ быть разсматриваемы судебными палатами не иначе какъ въ составѣ *семи*, уголовныя дѣла— въ составѣ *пяти* членовъ. Эта послѣдняя цифра кажется намъ *наименьшимъ* числомъ судей, необходимымъ для составленія присутствія въ апелляціонной инстанціи. У насъ въ засѣданіи судебной палаты (по крайней мѣрѣ гражданскаго ея департамента) присутствуютъ обыкновенно предсѣдатель и два члена, или три члена безъ предсѣдателя [1]), т.-е. такое-же число судей, какое участвуетъ въ засѣданіяхъ окружнаго суда. Ненормальность такого порядка сознается самими судьями; это доказывается тѣмъ, что для слушанія дѣлъ особенно важныхъ нѣкоторыя судебныя палаты собираются въ полномъ составѣ департамента, т.-е. въ числѣ шести судей; такимъ образомъ разсмотрѣно, напримѣръ, с.-петербургскою судебною палатою дѣло о духовномъ завѣщаніи графини Зубовой, харьковскою судебною палатою—дѣло Пшеницына съ с.-петербургскимъ городскимъ кредитнымъ обществомъ, по кото-

---

[1]) Въ С.-Петербургѣ въ засѣданіяхъ гражданскаго департамента судебной палаты постоянно присутствовалъ и присутствуетъ его предсѣдатель; такой же порядокъ заведенъ и въ Харьковѣ, по крайней мѣрѣ въ послѣднее время. Но въ московской палатѣ весьма часто предсѣдательствуетъ старшій изъ трехъ наличныхъ членовъ.

рому рѣшенія палатъ три раза были отмѣняемы прав. сенатомъ. Засѣдая въ составѣ трехъ членовъ, судебныя палаты очевидно уступаютъ необходимости, такъ какъ въ противномъ случаѣ пришлось бы уменьшить число засѣданій или число слушаемыхъ въ засѣданіи дѣлъ, т.-е. еще болѣе замедлить дѣлопроизводство. Еслибы въ каждомъ департаментѣ палаты было восемь членовъ, то при составѣ присутствія изъ пяти судей каждый членъ палаты все-таки имѣлъ бы достаточно времени для приготовленія дѣлъ къ докладу и для составленія рѣшеній.

Какъ ни необходимо, въ нашихъ глазахъ, усиленіе личнаго состава судебныхъ палатъ, оно не можетъ быть признано единственнымъ средствомъ къ ускоренію производства дѣлъ въ палатахъ. Вопросъ о недостаткахъ существующей системы преданія суду и прекращенія слѣдствій, о перемѣнахъ, которыя могли бы быть произведены въ кругѣ дѣйствій обвинительной камеры, разобранъ подробно въ изданномъ нами сборникѣ практическихъ замѣтокъ: «Преданіе суду и дальнѣйшій ходъ уголовнаго дѣла до начала судебнаго слѣдствія» (Спб., 1870). Сущность нашего мнѣнія заключается въ томъ, что на разсмотрѣніе судебной палаты, какъ обвинительной камеры, слѣдовало бы вносить обвинительные акты и заключенія о прекращеніи слѣдствій только по важнѣйшимъ дѣламъ, и притомъ обвинительные акты лишь тогда, когда этого будетъ требовать подсудимый или его защитникъ; затѣмъ мы признаемъ излишнимъ предварительное разсмотрѣніе дѣла прокуроромъ окружнаго суда[1]) и прокуроромъ судебной палаты, находя, что достаточнымъ выраженіемъ взгляда обвинительной власти служитъ составленный ею обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи слѣдствія. Что касается до дѣлъ гражданскихъ, то причину медленнаго движенія ихъ въ апелляціонной инстанціи слѣдуетъ искать, независимо отъ недостаточности личнаго состава судебныхъ палатъ, отчасти въ обычаяхъ, установленныхъ практикою, отчасти въ нѣкоторыхъ особенностяхъ нашего устава гражданскаго судопроизводства. Въ судебной палатѣ, какъ и въ окружномъ судѣ, слушаніе дѣла начинается докладомъ его однимъ изъ членовъ присутствія. Главная цѣль доклада заключается въ томъ, чтобы познакомить судей съ обстоятельствами дѣла и приготовить ихъ къ выслушанію объясненій тяжущихся сторонъ. Цѣль эта можетъ быть достигнута только сжатымъ, короткимъ изложеніемъ главнѣйшихъ фактовъ дѣла; чѣмъ длиннѣе и сложнѣе докладъ, тѣмъ менѣе онъ можетъ запечатлѣться въ

[1]) Разумѣется за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда онъ самъ составляетъ обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи слѣдствія.

памяти присутствующихъ. Доводы сторонъ, если онѣ находятся на лицо, всего лучше могутъ быть изложены ими самими; содержаніе состязательныхъ бумагъ, апелляціи и объясненія должно въ подобныхъ случаяхъ быть указываемо докладчикомъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Къ отдѣльнымъ подробностямъ дѣла во всякомъ случаѣ приходится возвращаться при обсужденіи его въ совѣщательной комнатѣ; изложеніе ихъ въ докладѣ представляется, поэтому, совершенно напраснымъ. Между тѣмъ, въ нашихъ судебныхъ палатахъ доклады отличаются, вообще говоря, именно излишнею полнотою и обстоятельностью, до крайности увеличивающею трудъ члена-докладчика и продолжительность засѣданій. Система доклада отражается и на рѣшеніи, въ историческую часть котораго докладъ входитъ обыкновенно почти цѣликомъ. Затѣмъ мотивы рѣшенія излагаются, въ большей части случаевъ, также весьма пространно. Намъ не случалось еще видѣть рѣшенія, въ которомъ судебная палата ограничилась бы утвержденіемъ рѣшенія окружнаго суда на основаніи принятыхъ имъ мотивовъ, какъ это часто дѣлается во Франціи (la cour, adoptant les motifs des premiers juges, confirme etc.). Большимъ облегченіемъ для палаты была-бы подача каждою стороною, передъ самымъ слушаніемъ дѣла, письменнаго мотивированнаго заключенія (conclusions motivées), предварительно сообщеннаго противной сторонѣ. Заключеніе той стороны, въ пользу которой разрѣшается дѣло, могло бы быть обращаемо въ рѣшеніе палаты, съ тѣми только дополненіями или измѣненіями, какія палата признала бы необходимыми. Первая мысль о пользѣ такихъ заключеній была заявлена у насъ предсѣдателемъ одной изъ судебныхъ палатъ, находившимъ, и совершенно справедливо, что подача ихъ могла бы войти въ обычай безъ измѣненія закона; но она возможна только при веденіи дѣла съ обѣихъ сторонъ присяжными повѣренными, и потому едва-ли установится раньше предоставленія имъ однимъ права вести гражданскія дѣла, по довѣренностямъ, въ общихъ судебныхъ установленіяхъ.

Порядокъ апелляціоннаго производства, установленный нашимъ закономъ для дѣлъ гражданскихъ, отличается двумя характеристическими чертами: возможностью перехода въ высшую инстанцію всѣхъ дѣлъ, подсудныхъ окружному суду, безъ *различія цѣны иска*, и ничѣмъ неограниченнымъ правомъ тяжущихся представлять въ судебную палату новыя доказательства, не бывшія въ виду окружнаго суда. Предоставляя тяжущимся право апелляціи на *всѣ* рѣшенія окружнаго суда, большинство составителей устава руководилось убѣжденіемъ, что «ограниченіе права апелляціи цѣною иска было бы правиломъ не только произвольнымъ, но и не-

опредѣленнымъ, постоянно измѣняющимся и—что всего важнѣе—несправедливымъ. Понятіе о малоцѣнности иска есть понятіе относительное, несвязанное ни съ важностью дѣла для тяжущихся—потому что процессъ въ 500.000 рублей для милліонера можетъ быть менѣе важенъ, чѣмъ для бѣдняка процессъ въ 50 рублей, ни съ трудностью разрѣшенія дѣла для суда—потому что и самые малоцѣнные иски часто могутъ быть труднѣе для разрѣшенія, чѣмъ иски цѣнные. Съ другой стороны, цѣнность иска есть признакъ всегда и вездѣ постоянно измѣняющійся, и потому влекущій за собою слишкомъ частое измѣненіе закона. При существованіи закона, ограничивающаго право апелляціи цѣною иска, неизбѣжно возникаетъ множество споровъ о неправильной оцѣнкѣ иска. Наконецъ, такой законъ ограничивалъ бы права тѣхъ лицъ, дѣла которыхъ подвержены всего больше недосмотрамъ и ошибкамъ какъ со стороны тяжущихся, такъ и со стороны судей, и слѣдовательно составлялъ бы родъ привилегіи богатымъ на счетъ бѣдныхъ». Съ перваго взгляда эти соображенія могутъ показаться убѣдительными; но вслѣдъ затѣмъ возникаетъ вопросъ, почему же они непримѣнены законодателемъ къ мировымъ учрежденіямъ? Если цѣнность иска—признакъ до такой степени шаткій и ничего не доказывающій, то зачѣмъ же онъ положенъ въ основаніе распредѣленія гражданскихъ дѣлъ между мировыми и общими судебными учрежденіями, зачѣмъ же установленъ цѣлый разрядъ дѣлъ (на сумму менѣе 30-ти рублей), рѣшаемыхъ окончательно, именно вслѣдствіе ихъ малоцѣнности, мировыми судьями? Если ограниченіе права апеляціи на рѣшенія окружныхъ судовъ дѣлами болѣе цѣнными было бы привилегіей, данной богатымъ въ ущербъ бѣднымъ, то развѣ предоставленіе дѣлъ, цѣна которыхъ превышаетъ 500 рублей, вѣдомству общихъ судебныхъ мѣстъ—не такая же, не бо̀льшая еще привилегія? Проводя послѣдовательно мысль, принятую составителями устава, придется, наконецъ, признать, что изъятіе дѣлъ о недвижимой собственности изъ вѣдѣнія мировыхъ учрежденій — привилегія, данная поземельнымъ владѣльцамъ. Дѣло въ томъ, что не все правильное въ теоріи примѣнимо къ практической жизни. Съ отвлеченной точки зрѣнія нельзя не признать, что важность дѣла и даже трудность его разрѣшенія не зависитъ отъ цѣнности его предмета, и что, слѣдовательно, установленіе двухъ различныхъ порядковъ суда—одного для дѣлъ болѣе цѣнныхъ, другого для дѣлъ менѣе цѣнныхъ—не имѣетъ раціональнаго теоретическаго основанія; тѣмъ не менѣе никто не станетъ утверждать, что споръ объ одномъ рублѣ долженъ разсматриваться тѣмъ же судомъ и въ томъ же порядкѣ, какъ и споръ о нѣсколькихъ тысячахъ рублей. Всякій

согласится съ тѣмъ, что правило, въ силу котораго искъ въ 499 рублей подсуденъ однимъ судебнымъ мѣстамъ, искъ въ 501 рубль — другимъ, устроеннымъ и дѣйствующимъ на совершенно иныхъ началахъ, есть правило чисто произвольное; тѣмъ не менѣе никто не станетъ отвергать необходимости учрежденія для дѣлъ малоцѣнныхъ особаго суда, близкаго къ населенію и освобожденнаго, по возможности, отъ всякихъ формальностей. Измѣненіе цѣнъ, безспорно, влечетъ за собою необходимость измѣнять отъ времени до времени цѣновой масштабъ вездѣ, гдѣ онъ установленъ законодательствомъ; но серьезныхъ затрудненій такая перемѣна конечно не представляетъ. Споры о цѣнѣ иска столь же возможны въ мировыхъ учрежденіяхъ, какъ и въ общихъ, — однако мировыя учрежденія вовсе не обременены ими; притомъ, правила ст. 273 и 274 уст. гражд. судопр. значительно затрудняютъ предъявленіе неосновательныхъ споровъ о цѣнѣ иска. Что касается до привилегіи въ пользу богатыхъ, установляемой будто бы ограниченіемъ права апелляціи, то о ней могла бы быть рѣчь только въ такомъ случаѣ, еслибы состояніе обѣихъ тяжущихся сторонъ всегда соотвѣтствовало цѣнѣ иска; но развѣ мы не видимъ безпрестанно богатыхъ людей, спорящихъ у мирового судьи о нѣсколькихъ десяткахъ рублей, и бѣдняковъ, предъявляющихъ требованія на нѣсколько десятковъ тысячъ? Съ гораздо бо̀льшимъ основаніемъ можно утверждать, что различіе между богатыми и бѣдными — различіе, благопріятное для первыхъ, — возникаетъ именно при такомъ порядкѣ судопроизводства, который допускаетъ апелляцію на всѣ рѣшенія окружнаго суда. Для человѣка богатаго или по крайней мѣрѣ достаточнаго, выигравшаго дѣло въ первой инстанціи, нечувствительна отсрочка въ исполненіи рѣшенія, вслѣдствіе апелляціи противной стороны, нечувствительны издержки, требуемыя веденіемъ дѣла во второй инстанціи; на человѣка недостаточнаго и то, и другое ложится тяжелымъ бременемъ. Вотъ почему намъ кажется, что ограниченіе права апелляціи исками болѣе цѣнными (напримѣръ свыше двухъ или трехъ тысячъ рублей) имѣло бы послѣдствіемъ не только уменьшеніе числа дѣлъ, поступающихъ въ судебныя палаты—а слѣдовательно и ускореніе дѣлопроизводства въ апелляціонной инстанціи, и бо̀льшую правильность ея рѣшеній, — но и облегченіе для тяжущихся, всего болѣе въ томъ нуждающихся, неудобствъ и потерь, сопряженныхъ съ веденіемъ процесса. Мы не думаемъ, чтобы малоцѣнныя дѣла *были подвержены всего болѣе недосмотрамъ и ошибкамъ со стороны суда* (какъ сказано въ комментаріяхъ къ ст. 202-й учр. суд. установл.). Если законъ предоставлялъ и

предоставляетъ коммерческимъ судамъ, устроеннымъ по старому образцу, до 1866-го г. дѣйствовавшимъ непублично, право рѣшать окончательно дѣла довольно цѣнныя (въ С.-Петербургѣ — до 3,000 рублей), если этотъ порядокъ не возбуждалъ и не возбуждаетъ жалобъ въ нашемъ торговомъ мірѣ, то на какомъ же основаніи можно считать опаснымъ или несправедливымъ предоставленіе такой же власти окружнымъ судамъ, обставленнымъ всѣми гарантіями новаго гражданскаго процесса? Мы вполнѣ убѣждены, что окончательныя рѣшенія окружныхъ судовъ постановлялись бы съ особенною тщательностью и осторожностью, именно потому, что они окончательныя. Притомъ, окончательныя рѣшенія окружныхъ судовъ могли бы подлежать обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, наравнѣ съ окончательными рѣшеніями судебныхъ палатъ.

Допуская апелляцію на всѣ безъ исключенія рѣшенія окружныхъ судовъ, составители судебныхъ уставовъ предполагали, что производство дѣлъ въ апелляціонной инстанціи будетъ существенно отличаться отъ производства ихъ въ первой степени суда, что повѣрка доказательствъ и разрѣшеніе всѣхъ побочныхъ вопросовъ, возникающихъ въ дѣлѣ, будетъ лежать исключительно на окружныхъ судахъ. Это предположеніе не оправдывалось на практикѣ. Пользуясь разрѣшеніемъ закона (или лучше сказать отсутствіемъ запрещенія), тяжущіеся весьма часто представляютъ въ апелляціонную инстанцію новые документы, ссылаются на новыя доказательства, просятъ о допросѣ свидѣтелей или о производствѣ осмотра на мѣстѣ, однимъ словомъ — ставятъ палату въ необходимость возобновлять инструкцію дѣла. Неудобства, соединенныя съ такимъ порядкомъ вещей, весьма серьезны. Явка въ судебную палату гораздо затруднительнѣе для тяжущихся, чѣмъ явка въ окружной судъ; поэтому законъ уполномочиваетъ палату приступать къ слушанію дѣла безъ просьбы тяжущихся и даже въ ихъ отсутствіи (уст. гражд. судопр. ст. 767, 770). Съ другой стороны, однако, отъ нихъ требуется заявленіе объ избраніи ими мѣстопребыванія въ городѣ, гдѣ находится палата, и въ случаѣ неисполненія этого требованія всѣ слѣдующія къ сообщенію имъ бумаги и повѣстки оставляются въ канцеляріи палаты (ст. 763). Такимъ образомъ весьма легко можетъ случиться, что тяжущійся, не имѣвшій средствъ прибыть въ мѣсто нахожденія палаты или избрать тамъ повѣреннаго, вовсе не будетъ знать о представленіи противною стороною новыхъ доказательствъ и будетъ лишенъ возможности ихъ оспорить и опровергнуть. Допросъ свидѣтелей или осмотръ на мѣстѣ, производимый по распоряженію палаты въ городѣ, от-

даленномъ отъ нея на нѣсколько сотъ верстъ, замедляетъ до крайности окончаніе дѣла. Наконецъ, необходимость повѣрки доказательствъ, отвлекая апелляціонную инстанцію отъ прямаго ея назначенія — ревизіи рѣшеній первой степени суда, служитъ одною изъ главныхъ причинъ накопленія дѣлъ въ судебныхъ палатахъ. Запрещеніе представлять въ палаты новыя доказательства кажется намъ, поэтому, еще болѣе необходимымъ, чѣмъ ограниченіе права апелляціи на рѣшенія окружныхъ судовъ. — Замѣтимъ въ заключеніе, что было бы весьма полезно сократить апелляціонный срокъ по дѣламъ, производившимся въ окружномъ судѣ въ обыкновенномъ (несокращенномъ) порядкѣ. При обязательномъ для тяжущихся избраніи мѣста жительства въ городѣ, гдѣ находится окружной судъ, и при подачѣ апелляціи въ этотъ судъ, а не въ судебную палату, четырехмѣсячный срокъ представляется слишкомъ продолжительнымъ и служащимъ только къ проволочкѣ дѣла въ пользу отвѣтчика, желающаго отсрочить моментъ платежа, или въ пользу истца, надѣющагося утомить отвѣтчика и склонить его этимъ путемъ къ заключенію мировой сдѣлки.

Количество уголовныхъ дѣлъ, разсматриваемыхъ судебными палатами въ качествѣ апелляціонной инстанціи, не можетъ быть названо обременительнымъ для палатъ, хотя всякій приговоръ окружнаго суда, состоявшійся безъ участія присяжныхъ засѣдателей, подлежитъ обжалованію въ апелляціонномъ порядкѣ. Это объясняется тѣмъ, что категорія уголовныхъ дѣлъ, подсудныхъ окружному суду безъ участія присяжныхъ засѣдателей, ограничена у насъ въ Россіи болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь тѣсными предѣлами. Аномалія, указанная нами въ отношеніи къ дѣламъ гражданскимъ, существуетъ, тѣмъ не менѣе, и въ отношеніи къ дѣламъ уголовнымъ. Мировой судья имѣетъ право постановлять *окончательный* приговоръ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ наказаніе не превышаетъ внушенія, замѣчанія или выговора, денежнаго штрафа до пятнадцати рублей или ареста до трехъ дней; приговоръ окружнаго суда считается и въ такихъ случаяхъ неокончательнымъ и можетъ быть обжалованъ въ апелляціонномъ порядкѣ. Намъ кажется, что окружнымъ судамъ слѣдовало бы предоставить въ дѣлахъ уголовныхъ по крайней мѣрѣ такую же степень безапелляціонно-карательной власти, какою облеченъ каждый мировой судья.

Производство дѣлъ въ окружныхъ судахъ отличается, вообще говоря, довольно значительною быстротою. Въ с.-петербургскомъ окружномъ судѣ гражданскія дѣла, производящіяся въ сокращенномъ порядкѣ, оканчиваются бо́льшею частью въ

одинъ или два мѣсяца, если только онѣ не замедляются неизвѣстностью или отдаленностью мѣста жительства отвѣтчика, и не усложняются отводами, привлеченіемъ или вступленіемъ третьихъ лицъ, осмотромъ на мѣстѣ и т. п. Уголовныя дѣла прежде лежали безъ движенія въ окружномъ судѣ по нѣскольку мѣсяцевъ; но съ тѣхъ поръ, какъ для разсмотрѣнія дѣлъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей, для разрѣшенія частныхъ вопросовъ и для выѣздовъ изъ С.-Петербурга образовано, въ 1869-мъ г., особое (третье) уголовное отдѣленіе, а другія два отдѣленія засѣдаютъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, почти ежедневно, уголовныя дѣла оканчиваются почти всѣ въ теченіи перваго мѣсяца со времени вступленія ихъ въ окружной судъ. Первоначальное устройство такого порядка вещей стоило уголовнымъ отдѣленіямъ с.-петербургскаго окружнаго суда нѣсколькихъ мѣсяцевъ усиленной работы, дающей имъ большое право на благодарность общества; но теперь онъ поддерживается безъ особенныхъ усилій. Подробныхъ свѣдѣній о скорости рѣшенія дѣлъ въ другихъ окружныхъ судахъ мы не имѣемъ; но жалобы на медленность ихъ встрѣчаются и въ судебной практикѣ, и въ печати довольно рѣдко, такъ что есть поводъ думать, что они свободны отъ этого недостатка. Мы едва ли ошибемся, если скажемъ, что единственными или по крайней мѣрѣ главными препятствіями къ быстрому движенію дѣлъ въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ служатъ *для дѣлъ уголовныхъ* — неудовлетворительное положеніе слѣдственной части и слишкомъ обширный кругъ дѣйствій обвинительной камеры, въ связи съ малочисленностью личнаго ея состава, *для дѣлъ гражданскихъ* — указанныя нами особенности апелляціоннаго производства, также въ связи съ малочисленностью личнаго состава апелляціонной инстанціи.

Въ слѣдующей статьѣ мы разсмотримъ главныя перемѣны, произведенныя судебною реформой въ самомъ характерѣ отправленія правосудія.

К. Арсеньевъ.

ДЕСЯТЬ ЛѢТЪ РЕФОРМЪ

1860—1870 гг.

Статья пятая *).

IX.

Если мы видѣли, что наши составители проекта встрѣчали много затрудненій при утвержденіи такихъ реформъ, какъ смѣтная и кассовая, то читатель легко пойметъ, какія возникали затрудненія при разсмотрѣніи проекта *контрольной реформы.* Тамъ дѣло шло объ ограниченіи правъ распорядительныхъ управленій, если можно такъ выразиться, только въ принципѣ, здѣсь же принимались мѣры къ введенію этихъ ограниченій на практикѣ, т.-е. мѣры для наблюденія за исполненіемъ какъ вновь изданныхъ правилъ, такъ и тѣхъ, которыя прежде существовали и на основаніи которыхъ производились расходы и собирались доходы. Такимъ образомъ, контрольная реформа является такимъ же логическимъ послѣдствіемъ кассовой, какъ кассовая послѣдствіемъ смѣтной. Можно утвердительно сказать, что какъ смѣтная, такъ и кассовая реформы остались бы мертвой буквой, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ не была введена контрольная. Подтвержденіе этого положенія мы встрѣчаемъ даже на практикѣ: хотя смѣтная реформа введена была съ 1863-го года, хотя доходы и расходы подлежали извѣстной классификаціи, но при отсутствіи единства кассы и того бухгалтерскаго порядка, какой введенъ кассовыми правилами и инструкціей казначейства, счетоводство сообразно смѣтному исчисленію было невозможно. Точно также, еслибъ казначейства и управленія не были обязаны тотчасъ же по введеніи системы единства кассы ежемѣсячною

*) См. выше: февр. 778; мар. 332; апр. 771; май, 386 стр.

отчетностью, то новый порядокъ остался бы надолго мертвою буквой. Безъ контрольной реформы всѣ ограниченія правъ распорядительныхъ управленій, предположенныя смѣтной и кассовой реформой, остались бы только на бумагѣ и не перешли бы въ область дѣйствительности. За это ручается весь строй нашей провинціальной жизни.

Прежній порядокъ отчетности и ревизіи состоялъ въ томъ, что каждое мѣсто и лицо, получавшее казенныя суммы, вело приходорасходныя книги, которыя, вмѣстѣ съ документами, представлялись на ревизію отъ мѣстъ уѣздныхъ и губернскихъ въ казенныя палаты, а отъ другихъ мѣстъ въ контрольныя установленія, существовавшія въ каждомъ министерствѣ, куда также казенныя палаты представляли генеральные отчеты мѣстъ губернскихъ и уѣздныхъ, провѣренныя съ книгами—по каждому министерству отдѣльно. Государственный же контроль провѣрялъ только общіе итоги генеральныхъ отчетовъ по каждому министерству. Это было не повѣрка, а скорѣе составленіе свода всѣхъ счетовъ на суммы, отпущенныя изъ государственнаго казначейства за извѣстный періодъ времени. Повѣрка книгъ съ документами производилась или въ самихъ министерствахъ, или въ казенныхъ палатахъ; послѣднія въ этомъ отношеніи были подчинены тѣмъ министерствамъ, къ вѣдомству которыхъ принадлежала ревизуемая ими отчетность. Понятно, что при такомъ порядкѣ вся ревизія сводилась на провѣрку дѣйствій приходорасходчиковъ, вовсе не касаясь дѣйствій и распоряженій самихъ управленій, такъ какъ лица, провѣрявшія отчетность, вполнѣ зависѣли отъ распорядителей.

Новый порядокъ отчетности состоялъ въ томъ, что ею обязаны были не распорядительныя управленія, а кассы, собирающія доходы и производящія расходы и притомъ ежемѣсячно. Что касается распорядительныхъ управленій, то они обязаны доставлять кассамъ документы, оправдывающіе поступленіе доходовъ и производство расходовъ. На основаніи этой отчетности и приложенныхъ къ ней документовъ производится, въ настоящее время, ревизія не только кассъ, но и управленій по отношенію къ законности и хозяйственности ихъ распоряженій.

Съ этой цѣлью учреждены, въ видѣ опыта, для ревизіи отчетности главнаго казначейства, удовлетворяющаго расходы центральныхъ управленій,—временная ревизіонная коммиссія, а для ревизіи отчетности другихъ кассъ контрольныя палаты въ каждой губерніи. Тѣ изъ нихъ, которыя состоятъ въ военно-окружныхъ центрахъ, ревизуютъ всѣ расходы военнаго вѣдомства по всему округу. Всѣ палаты и ревизіонная коммиссія дѣйствуютъ подъ надзоромъ совѣта государственнаго контроля, куда представляются всѣ возраженія противъ постановленій контрольныхъ палатъ. Средства для этихъ новыхъ учрежденій образованы упраздненіемъ всѣхъ контрольныхъ частей въ другихъ вѣдомствахъ и переводомъ соотвѣтствующихъ кредитовъ въ смѣту государственнаго

контроля. Вслѣдствіе этого всѣ старыя неоконченныя дѣла, а также необревизованная отчетность за послѣдніе годы передъ реформой переданы въ контрольныя палаты. На этомъ основаніи въ новыхъ учрежденіяхъ оказалась двойная масса работы: ревизія текущей ежемѣсячной отчетности и ревизія шнуровыхъ книгъ за прежнее время, — которая требовала гораздо болѣе труда, нежели новая отчетность. Такимъ образомъ, новыя учрежденія, обыкновенно встрѣчающія значительныя затрудненія въ самомъ установленіи новыхъ порядковъ, въ непривычкѣ къ дѣлу, въ неустановившихся еще пріемахъ — встрѣтились еще съ особыми затрудненіями: во-первыхъ, съ такой массой труда, въ которой даже трудно было оріентироваться и, во-вторыхъ, съ тѣмъ противодѣйствіемъ, которое было естественнымъ послѣдствіемъ ограниченія правъ лицъ, прежде безотчетно распоряжавшихся государственными средствами. Если принять въ соображеніе эти обстоятельства и притомъ вспомнить, что для произведенія подобной реформы не потрачено никакихъ новыхъ средствъ, а употреблены лишь тѣ, которыя тратились до сихъ поръ, то становится понятнымъ, почему новыя учрежденія не могли принести тѣхъ результатовъ, которые были бы возможны при другихъ условіяхъ. При этомъ необходимо замѣтить, что размѣръ кредитовъ, переведенныхъ въ смѣту государственнаго контроля, опредѣлялся по штатамъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ, изданныхъ до паденія цѣнности кредитнаго рубля. Вслѣдствіе этого паденія всѣ вѣдомства нашли необходимымъ измѣнить штаты и возвысить оклады, но штаты контрольныхъ частей, въ виду предстоящей реформы, оставались въ прежнемъ видѣ: такъ, штаты казенныхъ палатъ измѣнены въ 1865-мъ году во время совершенія реформы и многіе оклады увеличены на 75 процентовъ, кредиты же на контрольныя ихъ отдѣленія остались безъ измѣненія. На совершеніе кассовой реформы министерству финансовъ потребовались значительныя прибавки, несмотря на то, что трудъ казначействъ значительно сокращался, государственному же контролю, несмотря на то, что онъ на первое время принялъ на себя двойную работу, не было предоставлено никакихъ особыхъ средствъ.

Первоначальный проектъ ревизіонной реформы состоялъ въ томъ, чтобъ ввести предварительный контроль, т.-е., чтобъ въ каждой кассѣ находился ревизоръ, который бы провѣрялъ ассигновки управленій и въ случаѣ неправильности требованій, сообщалъ бы свое замѣчаніе управленію, если же послѣдняя повторила бы свое требованіе, несмотря на возраженіе, тогда касса обязана выдать деньги, а ревизоръ представить свое замѣчаніе контрольной палатѣ, которая и вошла бы въ переписку съ управленіемъ и постановила бы заключеніе о правильности расхода. Государственный совѣтъ не счелъ возможнымъ согласиться съ этимъ проектомъ, вслѣдствіе чего порядокъ предварительной повѣрки былъ исключенъ изъ реформы и ревизія производится уже по совершеніи

расхода. Намъ, конечно, довольно трудно сказать утвердительно, составляетъ ли подобный порядокъ существенную необходимость; мы готовы согласиться, что правильность расходовъ можетъ быть достигнута и другими средствами, какъ, напр., большей отвѣтственностью лицъ производящихъ расходы; но, въ виду тѣхъ порядковъ, которые существуютъ у насъ, въ виду отсутствія почти всякой отвѣтственности со стороны распорядителей, въ казенныя денежныя дѣла вкралась какая-то небрежность, которая ведетъ къ очень частымъ ошибкамъ. Предупредить эти ошибки было бы гораздо полезнѣе, нежели преслѣдовать ихъ. Это тѣмъ болѣе справедливо, что неправильные расходы встрѣчаются большею частію не по винѣ лицъ, распоряжающихся выдачей, а по винѣ ихъ подчиненныхъ, представляющихъ дѣло не въ томъ видѣ, какъ бы слѣдовало. Въ этихъ случаяхъ часто одно указаніе на законъ, или предыдущее обстоятельство, могутъ остановить неправильный расходъ. Поэтому мы думаемъ, что предварительный контроль, если и не можетъ считаться безусловно необходимымъ, то былъ бы весьма полезенъ при тѣхъ порядкахъ, которые существуютъ у насъ, тѣмъ болѣе, что онъ не вносилъ бы того неприязненнаго чувства противъ контроля, которое является почти неизбѣжнымъ послѣдствіемъ начетовъ. Самолюбіе каждаго распорядителя страдало бы гораздо менѣе, ежели бы его предупредили въ то время, когда дѣло можно исправить, а не тогда, когда онъ, за свою ошибку, подлежитъ уже отвѣтственности. Ошибка, за которую человѣкъ подлежитъ какой бы то ни было отвѣтственности, заставитъ его поддерживать свое оправданіе до послѣдней крайности, что влечетъ за собой огромную переписку между второстепенными распорядителями и контрольными палатами, и въ большинствѣ случаевъ входитъ на разсмотрѣніе центральныхъ учрежденій. Но укажите тому же человѣку его ошибку въ то время, когда расходъ еще не произведенъ, и онъ не только согласится съ вами, но еще поблагодаритъ васъ за указаніе. Само собою разумѣется, что это можетъ относиться только къ случаямъ, гдѣ нѣтъ сознательно неправильныхъ дѣйствій. Въ этихъ случаяхъ, конечно, предупрежденіе не можетъ дѣйствовать, а необходимо преслѣдованіе. Составители проекта, безъ сомнѣнія, въ этихъ практическихъ видахъ и предложили ввести предварительный контроль, но къ сожалѣнію, принуждены были отказаться отъ этой мѣры, хотя она значительно бы облегчала государственному контролю исполненіе своей задачи. Проектъ возлагалъ также на ревизора контрольной палаты, который долженъ былъ находиться въ кассѣ, обязанность наблюдать, чтобъ всѣ документы, необходимые для ревизіи, были приложены къ самому требованію суммъ; при отсутствіи же этихъ документовъ, ревизоръ, не останавливая платежа, если нѣтъ другихъ причинъ, долженъ былъ заявить объ этомъ управленію тотъ же часъ и требовать ихъ представленія. Съ исключеніемъ изъ проекта предварительнаго контроля

обязанность эта возложена на кассы, которыя не имѣютъ никакого интереса заботиться о томъ, что необходимо для другого вѣдомства.

Эта обязанность кассами вовсе не исполняется, а потому отчетность поступаетъ въ ревизіонное учрежденіе, большею частію, безъ документовъ и послѣднее прежде, нежели приступитъ къ дѣйствительной ревизіи, должно вести переписку о высылкѣ документовъ, что нарушаетъ одно изъ главныхъ основаній новой реформы—современность ревизіи. Такимъ образомъ, исключеніе изъ общей системы одной ея части ведетъ къ невозможности осуществленія тѣхъ частей общаго плана, о необходимости которыхъ никто и не спорилъ. Недостатокъ одного колеса останавливаетъ дѣйствіе всей машины: если документы присылаются не вдругъ, а постепенно, то отсюда происходитъ масса практическихъ неудобствъ, изъ которыхъ самое важное состоитъ въ необходимости постоянно возвращаться къ прежней ревизіи и притомъ въ такое время, когда на рукахъ уже другое дѣло, быть можетъ, гораздо серьезнѣе. Не желая отрываться отъ срочной текущей ревизіи, ревизоръ откладываетъ разсмотрѣніе присланныхъ документовъ, и вотъ, черезъ нѣсколько времени уже у него столько разнообразныхъ вопросовъ, что онъ не знаетъ, за что взяться. При такомъ порядкѣ успѣхъ дѣла возможенъ только при большихъ средствахъ, а ихъ-то контроль и не имѣетъ. Мы должны были коснуться этихъ подробностей для того именно, чтобы указать, какъ вредны иногда полумѣры.

Для насъ всего удивительнѣе тѣ доводы, которые намъ случалось слышать противъ предварительнаго контроля. Не говорятъ, что тѣхъ же результатовъ можно достигнуть другими средствами, а утверждаютъ, что это повлечетъ за собою медленность платежей, что это стѣснитъ свободу дѣйствій распорядительныхъ управленій, что, наконецъ, это дискредитируетъ власть. Всѣ эти возраженія не выдерживаютъ ни малѣйшей критики. Что касается медленности платежей, то, по нашему мнѣнію, нечего говорить о той медленности, которая произошла бы въ кассѣ, когда не находятъ нужнымъ устранять ту медленность, которая происходитъ въ нашихъ присутствіяхъ и канцеляріяхъ вслѣдствіе существующаго порядка дѣлопроизводства; сверхъ того, ассигновка должна поступать въ кассу и теперь наканунѣ платежа, а этого времени совершенно достаточно, чтобъ обревизовать ее и разсмотрѣть всѣ ли же слѣдующіе къ ней докоменты приложены. Стѣсненіе свободы дѣйствій можетъ быть только въ случаѣ неправильныхъ распоряженій, но мы думаемъ, что въ этихъ случаяхъ стѣсненіе не только не вредно, но весьма желательно; къ тому же вѣдь все законодательство о порядкѣ распоряженія государственными средствами имѣетъ цѣлію именно стѣсненіе *такой* свободы дѣйствій, т.-е. уничтоженіе произвола. Здѣсь является стѣсненіе не потому, что существуетъ извѣстный порядокъ производства расходовъ, но потому, что существуетъ законъ, недо-

пускающій подобнаго расхода. Но люди, непривыкшіе стѣсняться требованіями закона и убѣжденные изъ опыта, что одно существованіе закона не препятствуетъ имъ дѣйствовать по усмотрѣнію, возстаютъ не противъ самого закона, а лишь противъ тѣхъ мѣръ, которыми гарантируется исполненіе закона. Что-же касается до возможности неправильныхъ замѣчаній со стороны контроля, то неудобства, могущія произойти отсюда, вполнѣ устраняются вторичнымъ требованіемъ платежа, которое касса обязана исполнить, несмотря на возраженіе контроля, если только есть кредитъ, назначенный въ распоряженіе управленія. Стало быть, здѣсь есть только одно предупрежденіе. Наконецъ, что значитъ дискредитировать власть? По нашему мнѣнію, это значитъ ронять нравственное достоинство власти. Но, повидимому, всякая гарантія правильности распоряженій возвышаетъ это достоинство, а возможность ошибокъ и неправильныхъ дѣйствій необходимо вредитъ нравственному значенію власти. Кажется, что все это довольно ясно; но характеристично то обстоятельство, что у насъ приходится возражать на подобныя мнѣнія; у насъ есть даже такіе господа, которые утверждаютъ, что при самодержавномъ правленіи не можетъ и не должно быть никакого контроля надъ дѣйствіями управленій, такъ какъ они представляютъ собою органы самодержавной власти. Но эти господа забываютъ, что самодержавная власть передаетъ свои права не вполнѣ, а подъ извѣстными условіями, выраженными въ законодательствѣ. На этомъ основаніи самодержавная власть особенно заинтересована въ томъ, чтобъ изданные ею законы дѣйствительно соблюдались, и слѣдовательно контроль, какъ органъ наблюденія за правильнымъ употребленіемъ государственныхъ средствъ, при самодержавномъ правленіи гораздо нужнѣе, чѣмъ въ государствѣ съ представительными учрежденіями. Въ послѣднемъ это наблюденіе ввѣряется также и народнымъ представителямъ, слѣдовательно задача центральнаго правительства облегчается, тогда какъ при самодержавномъ правленіи эта обязанность лежитъ только на государственномъ контролѣ, вслѣдствіе чего онъ не только необходимъ, но даже долженъ имѣть особое значеніе. Конечно, намъ могутъ сказать, что контроль у насъ не пользуется такимъ значеніемъ, но вѣдь мы и не говоримъ о томъ, что есть, а о томъ, что́ должно быть.

Въ настоящее время у насъ существуетъ только временное положеніе о контрольныхъ палатахъ; общаго же устава о государственномъ контролѣ еще нѣтъ. Точно также нѣтъ и общаго ревизіоннаго устава. Такая коренная реформа, какая производится по государственному контролю, необходимо требовала практическихъ указаній, а потому и признано полезнымъ издать только временныя правила, опредѣляющія права и обязанности новыхъ учрежденій въ самыхъ общихъ чертахъ. Конечно, это отсутствіе подробныхъ правилъ,—утвержденныхъ законо-

дательнымъ порядкомъ и равно обязательныхъ для всѣхъ вѣдомствъ,—представляетъ для новыхъ учрежденій огромныя практическія затрудненія, но, не имѣя въ виду указаній опыта, трудно было составить такія правила, которыя достигали бы своей цѣли. Кромѣ того, ограниченіе правъ распорядительныхъ управленій—это такой, къ несчастію, щекотливый у насъ вопросъ, который трудно было бы провести съ самаго начала во всѣхъ его подробностяхъ. Надо вспомнить, что осуществленіе его зависѣло во многомъ отъ тѣхъ самыхъ лицъ, права которыхъ должны были подлежать ограниченію. На первое время необходимо было устроить хотя бы одну форму, даже еслибъ она была и безъ содержанія, и устроить ее такъ, чтобъ она какъ можно менѣе пугала людей, ревниво охранявшихъ свои права, доходившія до произвола. Эта новая форма повѣрки, даже безъ дѣйствительнаго значенія, однимъ фактомъ своего существованія заставляла людей справляться съ существующимъ законодательствомъ и отвыкать отъ произвола. Конечно, намъ могутъ сказать, что такое положеніе дѣлъ не очень утѣшительно; но вѣдь мы и не думаемъ возражать противъ этой мысли и готовы вполнѣ согласиться, что было бы гораздо лучше установить необходимую реформу прямо со всѣми ея послѣдствіями, но это бываетъ не всегда возможно, и мы имѣли случай высказать выше, что у насъ часто реформы встрѣчаютъ препятствіе для своего осуществленія въ отдѣльныхъ вѣдомствахъ, которыя являются, такъ сказать, судьями въ своемъ собственномъ дѣлѣ. На этомъ основаніи люди, вполнѣ сознающіе необходимость полной реформы, ограничиваются полумѣрами, и реформа не приноситъ тѣхъ результатовъ, которыхъ отъ нея ожидали.

II.

Взглянемъ теперь, какое значеніе имѣетъ контроль въ средѣ органовъ правительственной власти и какія средства онъ имѣетъ для выполненія своей трудной и подъ-часъ весьма щекотливой обязанности.

Всякое правительственное учрежденіе для выполненія лежащихъ на немъ обязанностей имѣетъ извѣстную долю власти въ извѣстномъ кругѣ дѣйствій. Безъ этого условія немыслимо никакое отправленіе правительственныхъ функцій. Казалось бы, что и государственному контролю въ его кругѣ дѣйствій необходима извѣстная доля власти, тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ дѣло не съ частными лицами, а съ людьми, которые сами облечены извѣстной долей власти и, слѣдовательно, имѣютъ болѣе возможности не подчиняться другой власти. Между тѣмъ контроль, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, не облеченъ ровно никакой властью. Начать съ того, что дѣятельность государственнаго контроля можетъ быть парализована очень просто неприложеніемъ къ требованію суммъ документовъ, необходимыхъ для ре-

визіи. Контроль обращается съ просьбою о высылкѣ ихъ; но, вслѣдствіе отсутствія всякой отвѣтственности, можно не только не исполнить требованіе контроля, но даже и не отвѣчать. Контролю остается жаловаться начальству. Положимъ, начальство предпишетъ объ исполненіи требованія контроля, но развѣ мало у насъ самыхъ строгихъ предписаній, которыя остаются безъ исполненія? Впрочемъ, это средство возможно только тогда, когда распорядитель имѣетъ начальство, а если само министерство не исполняетъ требованія, какъ дѣйствовать тогда?... Въ губерніяхъ бывали случаи, что такія просьбы ревизіонныхъ учрежденій оставались неисполненными по четыре года. Но положимъ, что контроль, послѣ долгихъ ожиданій, соберетъ наконецъ всѣ нужные документы и находитъ расходъ неправильнымъ. Тогда онъ обязанъ требовать объясненіе отъ распорядителя. Но вѣдь съ объясненіемъ можетъ быть та же исторія, какъ и съ требованіемъ документовъ; сверхъ того отвѣтъ можетъ быть данъ неполный и неудовлетворительный, тогда необходимо входить въ новую переписку и т. д. Наконецъ, положимъ, что заключеніе контроля о начетѣ состоялось; но оно не имѣетъ силы до тѣхъ поръ, пока на него не изъявитъ согласія начальство мѣста или лица, подвергаемаго начету. Если же начету подвергается именно начальствующее по извѣстному вѣдомству лицо въ губерніи, то опредѣленіе ревизіоннаго учрежденія сообщается ему на заключеніе. Но скажите, читатель, кто-жъ самъ себѣ врагъ и у кого подымется рука написать, безъ особой необходимости, что онъ дѣйствительно виноватъ и подлежитъ начету? Скажемъ болѣе, рѣдко и начальство соглашается своихъ подчиненныхъ признать виновными, а по большой части отстаиваетъ ихъ до послѣдней крайности, самого же себя и Богъ велѣлъ отстаивать. Такимъ образомъ, почти во всѣхъ случаяхъ начетъ входитъ на разсмотрѣніе совѣта государственнаго контроля, гдѣ начинается опять та же процедура, тѣ же ожиданія заключеній и согласія съ мнѣніемъ контроля. Если же такого согласія не получится, или если начетъ падаетъ на губернатора, то дѣло должно идти на разсмотрѣніе правительствующаго сената. Отсюда слѣдуетъ, что постановленія контроля получаютъ законную силу только тогда, когда съ ними соглашаются распорядительныя управленія и что окончательное опредѣленіе начета можно затянуть лѣтъ на 10 и болѣе, а отъ времени его окончательнаго опредѣленія до взысканія еще далеко. Не въ правѣ ли мы были сказать, что контроль не имѣетъ никакой власти, и если онъ имѣетъ какое-нибудь значеніе въ административныхъ сферахъ, такъ это значеніе чисто нравственное.

Мы указываемъ на это обстоятельство потому, что контроль съ каждымъ днемъ становится все болѣе и болѣе въ безвыходное положеніе. Отъ каждаго обревизованнаго года остается множество возбужден-

ныхъ вопросовъ, по которымъ или не получено отвѣтовъ распорядителей, или заключеній ихъ начальствъ, или дѣла представлены на обсужденіе совѣта государственнаго контроля. По всѣмъ этимъ вопросамъ необходимо вести переписку почти безплодную, такъ какъ личный составъ распорядителей измѣняется, а съ измѣненіемъ его трудно получить удовлетворительный отвѣтъ; между тѣмъ оставлять безъ послѣдствій возбужденные вопросы — значитъ давать поводъ къ заключеніямъ о несостоятельности контроля. Если же принять въ соображеніе, что несмотря на значительность общей цифры расходовъ, подвернувшихся замѣчаніямъ, всѣ они состоятъ изъ мелкихъ суммъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, то легко понять, какъ трудно слѣдить за всѣми отвѣтами за три и четыре года, между тѣмъ какъ каждый мѣсяцъ поступаетъ новая отчетность, имѣющая гораздо болѣе значенія, какъ современная. Въ такихъ обстоятельствахъ контрольнымъ чинамъ не только не возможно выполнять въ точности возложенныя на нихъ обязанности, но даже трудно оріентироваться въ массѣ дѣлъ, книгъ и документовъ, находящихся въ производствѣ. Что же касается личнаго состава палатъ, то онъ ограниченъ строгою необходимостію для ревизіи текущей отчетности, въ томъ предположеніи, что распорядительныя управленія не будутъ затруднять ревизію ни недостаткомъ документовъ, ни медленностію отвѣтовъ. Предположенія эти далеко не оправдались, и количество труда въ контрольныхъ палатахъ растетъ съ каждымъ днемъ.

Намъ кажется, что при составленіи новаго устава государственнаго контроля прежде всего необходимо принять въ соображеніе такое положеніе дѣлъ въ ревизіонныхъ учрежденіяхъ, тѣмъ болѣе, что средства государственнаго контроля, въ сравненіи съ тѣмъ трудомъ, который лежитъ на немъ, представляются совершенно ничтожными. Мы уже имѣли случай сравнивать средства контроля съ средствами акцизнаго вѣдомства; посмотримъ теперь, какъ эти средства относятся къ средствамъ министерства государственныхъ имуществъ. По смѣтѣ на 1870-й годъ, на содержаніе государственнаго контроля назначено 1.890.000 рублей, тогда какъ на министерство государственныхъ имуществъ 8.880.000, т.-е. цифра почти въ пять разъ большая. Между тѣмъ количество труда въ этомъ послѣднемъ вѣдомствѣ не можетъ идти ни въ какое сравненіе съ трудомъ, лежащемъ на государственномъ контролѣ. Завѣдываніе доходомъ въ 10 или 11 мил. рублей не можетъ представить такихъ трудовъ, какъ повѣрка цыфры въ 3.200 мил. рублей показанныхъ по кассовому своду государственнаго контроля, не считая суммъ спеціальныхъ и партикулярныхъ. Достаточно сказать, что все то, что дѣлаетъ управленіе государственныхъ имуществъ по надзору за поступленіемъ государственныхъ доходовъ, все это должна повторять и контрольная палата при повѣркѣ; но у нея не

одно это дѣло. Еслибы государственный контроль могъ удвоить личный составъ своего вѣдомства, тогда другое дѣло, онъ могъ бы исполнять обязанности на немъ лежащія; но, по нашему мнѣнію, это нисколько не желательно, такъ какъ это повело бы только къ размноженію переписки и безъ того громадной, безъ всякой существенной пользы, а потому необходимо обратиться къ другимъ мѣрамъ.

Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ слѣдовало бы прежде всего установить общія начала отношеній государственнаго контроля къ распорядительнымъ управленіямъ. Первый представляющійся здѣсь вопросъ состоитъ въ слѣдующемъ: долженъ ли быть государственный контроль блюстителемъ только интересовъ государственнаго казначейства и ходатаемъ за него въ случаѣ неправильныхъ дѣйствій распорядительныхъ управленій, или ему самому должна быть ввѣрена извѣстная судебная власть, въ силу которой онъ имѣлъ бы право налагать начеты? Въ нашемъ законодательствѣ, какъ прежнемъ такъ и новомъ временномъ, мы не находимъ яснаго и положительнаго отвѣта на этотъ вопросъ. Ревизіонныя учрежденія имѣютъ право налагать начеты, но распорядительныя управленія могутъ съ ними не соглашаться. Другими словами, все зависитъ отъ соглашеній между высшей распорядительной и ревизіонной властями; но вѣдь такой порядокъ отзывается произволомъ, между тѣмъ какъ всѣ подобные вопросы должны бы рѣшаться только закономъ. Кромѣ того, высшія распорядительныя власти отказываютъ въ своемъ согласіи на начеты, налагаемые на губернаторовъ, не считая возможнымъ налагать эти взысканія безъ опредѣленія правительствующаго сената. Но если только судебной власти принадлежитъ право наложенія начетовъ на губернаторовъ и высшихъ должностныхъ лицъ, то почему же другія лица, состоящія на государственной службѣ, могутъ быть подвергаемы взысканіямъ по распоряженію административныхъ властей? Это уже явная несправедливость. Такимъ образомъ, въ нашемъ законодательствѣ понятія о правахъ контроля выражаются весьма неопредѣленно. Между тѣмъ отъ рѣшенія вышеприведеннаго нами вопроса зависитъ вполнѣ характеръ дѣятельности государственнаго контроля и порядокъ производства въ немъ дѣлъ. Если онъ только блюститель казеннаго интереса и ходатай за него передъ судебной властью, то обязанность его состоитъ, по истребованіи объясненій, въ передачѣ дѣла на разсмотрѣніе подлежащей судебной власти; въ противномъ случаѣ, если контролю предоставляется судебная власть, то при рѣшеніи ревизіонныхъ вопросовъ должны быть допущены тѣ же гарантіи правильности опредѣленій, какія существуютъ въ судахъ, т.-е. гласность, аппелляція и кассація. Мы думаемъ, что наиболѣе правильный порядокъ былъ бы въ томъ случаѣ, еслибъ судебная власть не разъединялась, т.-е., чтобъ контроль получилъ только право преслѣдованія неправильныхъ дѣй-

ствій передъ тѣмъ судомъ, которому подсуденъ виновный на основаніи общихъ постановленій; но это можетъ быть допущено только въ томъ случаѣ, если на членахъ судебныхъ мѣстъ не будетъ лежать никакихъ административныхъ дѣйствій ни по распоряженію кредитами, ни по сбору доходовъ. Между тѣмъ мы видимъ, что наши судебныя мѣста, по отношенію къ средствамъ ихъ содержанія, поставлены въ одинаковыя условія со всѣми другими распорядительными управленіями, и кромѣ того являются кассами спеціальныхъ сборщиковъ извѣстнаго рода доходовъ и такимъ образомъ отвѣчаютъ передъ государственнымъ контролемъ вдвойнѣ. Въ такихъ обстоятельствахъ судебныя мѣста являются солидарными съ другими распорядительными управленіями. Другое дѣло, еслибы ревизіонные вопросы рѣшались судомъ присяжныхъ, тогда и солидарность судебныхъ мѣстъ съ другими распорядительными управленіями не могла бы вредить правильности приговора; но такъ какъ подобнаго порядка, въ силу сложившихся условій, у насъ ожидать нельзя, то необходимо придти къ заключенію, что у насъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, контролю должна быть предоставлена извѣстная доля судебной власти, т.-е. наложеніе начетовъ или взысканій неправильно издержанныхъ суммъ, разумѣется при всѣхъ тѣхъ гарантіяхъ, которыя допускаются въ общихъ судебныхъ мѣстахъ, т.-е. съ правомъ обжалованія въ извѣстныхъ случаяхъ и въ извѣстные сроки. Чтоже касается до постановленій высшей ревизіонной инстанціи, то оно должно быть окончательное, и сложеніе начетовъ можетъ быть только въ видѣ милости, по соизволенію высочайшей власти.

Впрочемъ, предоставленіемъ контролю извѣстной доли судебной власти еще не устраняются вполнѣ затрудненія ревизіонныхъ учрежденій. Неприложеніе документовъ, опредѣленныхъ въ правилахъ о назначеніи денежныхъ выдачъ и медленность въ доставленіи отвѣтовъ, составляютъ едва ли не большее препятствіе успѣху ревизіи, чѣмъ возможность оспаривать опредѣленіе начета. Для устраненія перваго необходимо установить штрафы, хотя бы въ очень незначительныхъ размѣрахъ, по опредѣленію первой ревизіонной инстанціи. Жалобы на такія опредѣленія могутъ быть допускаемы лишь въ томъ случаѣ, когда штрафъ наложенъ за такой документъ, приложеніе котораго необязательно по правиламъ о назначеніи денежныхъ выдачъ, или когда распорядитель можетъ доказать, что документъ былъ приложенъ, но утраченъ или кассой, или самимъ ревизіоннымъ учрежденіемъ. Мы убѣждены, что́ одно изданіе такого постановленія совершенно устранитъ недостатокъ документовъ и доставитъ дѣйствительную возможность своевременной ревизіи, что́ въ настоящее время составляетъ исключеніе. Чтоже касается до медленности въ доставленіи отвѣтовъ, то она устраняется еще легче назначеніемъ срока для отвѣта, по

истеченіи котораго ревизіонное учрежденіе обязано постановить приговоръ по имѣющимся документамъ, а распорядительное управленіе теряетъ право на жалобу въ случаѣ наложенія начета. При невозможности представить объясненіе въ опредѣленный срокъ распорядительное управленіе должно, по крайней мѣрѣ, сообщить ревизіонному учрежденію о причинахъ невозможности, которыя должны быть приняты въ соображеніе при окончательномъ постановленіи.

Мы не считаемъ, впрочемъ, возможнымъ входить въ подробности, а обрисовываемъ только въ общихъ чертахъ тѣ условія, при которыхъ ревизіонное дѣло можетъ идти съ успѣхомъ, безъ увеличенія тѣхъ силъ, которыя находятся въ настоящее время въ ревизіонныхъ учрежденіяхъ. При настоящихъ же условіяхъ и при тѣхъ же средствахъ точное исполненіе возложенной на контроль обязанности немыслимо. Въ тѣхъ палатахъ, гдѣ ревизія производится тщательно, всегда будетъ накопляться масса дѣлъ и наконецъ придется издавать временныя правила, на основаніи которыхъ остаются безъ послѣдствій возбужденные по старой отчетности вопросы. Это явленіе будетъ повторяться періодически, если не будутъ приняты во вниманіе обстоятельства, на которыя мы указываемъ. Если желаютъ, чтобъ контроль у насъ былъ дѣйствительный, а не призрачный только, — необходимо придать ему значеніе, необходимо вооружить его извѣстной долей власти — безъ этого ничего не будетъ. Контроль не долженъ находиться въ положеніи дипломатическаго агента при извѣстныхъ управленіяхъ, въ настоящее же время онъ находится именно въ такомъ положеніи или близко къ нему подходящемъ. Мы не будемъ спорить противъ того, что въ первое время иначе и быть не могло; мы вполнѣ готовы согласиться, что на первый разъ было довольно и того, что сдѣлано; но это не должно такъ продолжаться. Настоящее дѣло рискуетъ погибнуть и обратиться въ исполненіе одной обрядности, въ особенности, когда настоящіе дѣятели убѣдятся въ безполезности своихъ усилій. Новый уставъ государственнаго контроля съ болѣе широкими правами, а также новый ревизіонный уставъ, не только замѣняющій, но и во многомъ измѣняющій, по указанію опыта, всѣ правила, изданныя до сихъ поръ по соглашенію отдѣльныхъ вѣдомствъ съ государственнымъ контролемъ, положительно необходимы въ настоящее время.

III.

Но какъ бы ни былъ хорошо устроенъ порядокъ документальной ревизіи, она одна все-таки недостаточна. Документальная отчетность заставляетъ принимать многое на вѣру и не даетъ полнаго понятія о дѣйствительномъ положеніи дѣла. Состояніе наличности кассы, или другого казеннаго имущества, а также количество извѣстныхъ пред-

метовъ, подлежащихъ обложенію налогомъ, при повѣркѣ по документамъ, по необходимости должны быть приняты по показанію отчетнаго управленія. Фактическая повѣрка на мѣстахъ дѣйствій служитъ для документальной ревизіи необходимымъ дополненіемъ. Такая фактическая повѣрка отчасти допущена и у насъ. Такъ, напримѣръ, контролю предоставлено право внезапнаго свидѣтельства кассъ, постоянное на мѣстѣ наблюденіе за сборомъ почтовыхъ доходовъ въ губернскихъ городахъ, свидѣтельство въ таможняхъ выгруженныхъ и неоплаченныхъ пошлиною товаровъ. Что касается до насъ, то мы не признаемъ необходимости постоянной, фактической повѣрки, какая производится въ настоящее время въ губернскихъ и столичныхъ почтовыхъ мѣстахъ; мы думаемъ, что она не окупаетъ тѣхъ издержекъ, какія для этого дѣлаются, но вполнѣ убѣждены въ пользѣ и необходимости права подобной повѣрки иногда. Существованіе такого права можетъ очень часто предупреждать важные безпорядки и даже злоупотребленія. Въ нашихъ правилахъ фактическая повѣрка хотя и допущена, но далеко не во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она могла бы существовать и принести дѣйствительную пользу. Такъ, напримѣръ, никогда не производится фактической повѣрки арестантской одежды; между тѣмъ бывали примѣры, что по матеріальнымъ книгамъ числились большіе запасы, которыхъ неоказывалось въ натурѣ и даже наоборотъ, находились запасы вовсе незначившіеся по книгамъ; никогда также не провѣрялись матеріалы отопленія, между тѣмъ какъ подобная повѣрка могла бы принести громадную пользу. Извѣстно, что законъ назначаетъ для отопленія каждой голландской печи въ теченіи мѣсяца по сажени однополенныхъ дровъ, чего израсходовать, какъ извѣстно всякому, нѣтъ никакой возможности, даже въ самыхъ холодныхъ и небольшихъ домахъ; между тѣмъ при расходѣ матеріаловъ отопленія, въ особенности въ помѣщеніяхъ войскъ, всегда отпускается это *maximum* разрѣшеннаго къ отпуску топлива. Для приготовленія пищи отпускается по закону двѣ трети сажени въ мѣсяцъ на каждыхъ 10 человѣкъ: между тѣмъ, если это количество и не совсѣмъ достаточно на 10 человѣкъ, то оно очень велико при ста человѣкахъ, а при продовольствіи тысячи человѣкъ становится громаднымъ. Еслибы контролю предоставлена была фактическая повѣрка всѣхъ поставокъ дровъ и внезапное ихъ свидѣтельство въ теченіи года, то навѣрное можно сказать, что во многихъ мѣстахъ, если не вездѣ, оказалась бы громадная экономія, а расходъ на заготовку отопленія уменьшился бы очень значительно. Многія управленія и не скрываютъ этого, но они говорятъ, что этими остатками они покрываютъ другіе расходы, по которымъ назначенія недостаточны. Число лицъ, состоящихъ на казенномъ довольствіи въ тюремныхъ замкахъ, арестантскихъ ротахъ, больницахъ и полицейскихъ домахъ безъ фактической повѣрки рѣдко

выводится безъ ошибокъ, а это ведетъ къ безпорядку и излишнимъ расходамъ. Фактическая повѣрка винокуренныхъ заводовъ и складовъ могла бы также обратить въ дѣйствительную, нынѣ почти фиктивную повѣрку отчетности акцизнаго управленія. Если намъ скажутъ, что для такой фактической повѣрки контроль будетъ нуждаться въ новыхъ средствахъ, то мы замѣтимъ, что средства эти отпускаются государственнымъ казначействомъ. Такъ, при губернскомъ акцизномъ управленіи состоятъ два ревизора, которые получаютъ вмѣстѣ съ разъѣздами и процентными деньгами до 4.000 руб. каждый. Между тѣмъ управленіе акцизными сборами имѣетъ полную возможность установить бдительный надзоръ черезъ окружныхъ надзирателей и ихъ помощниковъ. На этомъ основаніи кредиты эти, безъ малѣйшаго неудобства, могутъ быть переведены въ смѣту государственнаго контроля, который, вслѣдствіе этого, получитъ возможность производить фактическую повѣрку не только мѣстъ приготовленія и продажи спиртныхъ напитковъ, но и всѣхъ другихъ предметовъ обложенія, а также матеріальнаго имущества казны. Думаемъ, что при такомъ порядкѣ и надзоръ со стороны самихъ акцизныхъ чиновниковъ былъ бы гораздо бдительнѣе, такъ какъ никому не можетъ быть пріятно, если постороннее вѣдомство укажетъ безпорядокъ, который мы должны были сами видѣть. Насколько могло бы выиграть государственное казначейство отъ введенія фактическаго контроля по всѣмъ отраслямъ государственнаго хозяйства—это предвидѣть трудно, но въ виду того безцеремоннаго обращенія съ государственными средствами, которое извѣстно всѣмъ, кромѣ тѣхъ кому объ этомъ вѣдать надлежитъ, мы думаемъ, что фактическая повѣрка на мѣстахъ дѣйствій не только денежныхъ суммъ, но всего казеннаго имущества, принесла бы неисчислимую пользу.

Чтобъ наши слова не показались голословными, мы приведемъ одинъ примѣръ: намъ извѣстна одна казенная ферма, подъ которую отведено до 800 дес. земли отличнаго качества; окрестныя земли приносятъ арендной платы до 7 руб. съ десятины; на капитальное обзаведеніе этой фермы потрачены значительные капиталы; на ежегодный расходъ въ видѣ оборотнаго капитала фермѣ открывается кредитъ до 14-ти тыс. руб., не считая расходовъ на содержаніе при ней земледѣльческаго училища; при фермѣ заведено овцеводство и скотоводство. Сколько же такое заведеніе приноситъ валового дохода, какъ вы думаете, читатель? Отъ трехъ до четырехъ тысячъ въ годъ, такъ, что казна ежегодно употребляетъ на содержаніе фермы изъ другихъ доходовъ до 10-ти тыс. руб., не считая процентовъ на затраченный капиталъ и арендной платы за землю, которая можетъ простираться, по крайней мѣрѣ, до 4000 руб. Развѣ возможны были бы подобные факты, еслибъ хотя одинъ разъ произвести строгій фактическій учетъ

фермы. Намъ могутъ сказать, что фермы существуютъ не для дохода, а для распространенія раціональныхъ способовъ хозяйства. Но, скажите пожалуйста, возможно ли говорить о раціональности хозяйства, когда оно приноситъ громадный убытокъ и желательно ли распространеніе подобнаго способа хозяйства? Мы смѣемъ увѣрить читателя, что хозяйство фермы, несмотря на свою многопольную систему, ничѣмъ не отличается отъ хозяйства мѣстныхъ крестьянъ, у которыхъ оно покупаетъ даже сѣмянный хлѣбъ, вмѣсто того, чтобъ снабжать крестьянъ таковымъ. Впрочемъ, виноватъ, оно отличается, во-первыхъ, тѣмъ, что крестьянское хозяйство приноситъ доходъ, а фермерское убытокъ и, во-вторыхъ, тѣмъ, что продукты на фермѣ часто погибаютъ отъ непогодъ, тогда какъ крестьянскіе сохраняются. Все это факты, на которые мы имѣетъ въ виду положительныя доказательства. Для чего существуютъ подобныя заведенія, мы не знаемъ, но конечно не въ видахъ развитія сельскаго хозяйства, такъ какъ факты подобнаго рода вызываютъ въ окрестныхъ жителяхъ смѣхъ, а не желаніе подражать.

Мы просимъ извиненія у читателя за это отступленіе, но оно было нужно для того, чтобъ доказать необходимость и пользу фактической повѣрки; а что такая повѣрка по всѣмъ отраслямъ хозяйства въ губерніи можетъ быть устроена на тѣ средства, которыя отпускаются на ревизоровъ акцизнаго вѣдомства, — это не можетъ также подлежать сомнѣнію, такъ какъ на эти средства можно имѣть при контрольныхъ палатахъ по пяти младшихъ ревизоровъ и отпускать имъ по 400 руб. на разъѣзды. Съ введеніемъ же фактической ревизіи документальная облегчится значительно, какъ потому, что бдительность распорядительныхъ управленій увеличится, такъ и потому, что многіе вопросы будутъ разъясняться на мѣстахъ словесными объясненіями, не говоря уже о томъ, что уменьшится самая возможность безпорядковъ и злоупотребленій.

Раціональное устройство системы ревизіи составляетъ весьма существенную обязанность государственнаго контроля, но, какъ намъ кажется, не въ этомъ состоитъ его главная задача. Весь ревизіонный трудъ контроля долженъ быть только средствомъ для разрѣшенія другой, болѣе важной задачи. Вооруженный всѣми фактами, открывающимися при подробной ревизіи исполненія государственной росписи, государственный контроль является самымъ компетентнымъ органомъ для критической оцѣнки бюджета и не только въ тѣхъ тѣсныхъ рамкахъ, въ которыя поставлена эта оцѣнка смѣтными правилами и на которыя мы указывали въ предыдущей статьѣ, а съ разныхъ точекъ зрѣнія, и не въ интересахъ одного фиска, а въ интересахъ цѣлаго государства и его будущности. Здѣсь нельзя ограничиваться одной юридической стороной дѣла. Пора оставить ту точку зрѣнія, что

предполагаемый расходъ правиленъ, если онъ оправдывается существующими постановленіями, такъ какъ всѣ постановленія объ извѣстныхъ расходахъ имѣютъ свое оправданіе только во времени и должны считаться постановленіями временными. Государственный бюджетъ есть также временной законъ и, конечно, можетъ отмѣнять всѣ предшествовавшіе законы. Намъ кажется, что всѣ государственные сборы и расходы должны получать окончательную законодательную санкцію не иначе, какъ утвержденіемъ государственнаго бюджета, а при отсутствіи его не должны имѣть никакого другого законнаго основанія. Только при усвоеніи нашимъ законодательствомъ этого принципа можетъ быть обезпечено правильное развитіе финансоваго дѣла. Вѣрная оцѣнка всякаго налога и всякой денежной траты можетъ быть сдѣлана только въ виду общихъ средствъ и общихъ потребностей государства. Еслибъ эта точка зрѣнія была усвоена, тогда не могло бы существовать такихъ ненормальныхъ явленій, какъ цѣлое вѣдомство государственныхъ имуществъ, которое завѣдуетъ сборомъ 11-ти милл. дохода, а стóитъ государству слишкомъ 8-мь милліоновъ. Подобные расходы встрѣчаются только потому, что они основываются на законахъ, изданныхъ въ другое время и имѣвшихъ можетъ быть тогда свой raison d'être, а теперь потерявшихъ всякое значеніе. Вотъ почему мы думаемъ, что при каждомъ новомъ разсмотрѣніи бюджета слѣдовало бы относиться критически ко всѣмъ тѣмъ законоположеніямъ, которыя служатъ основаніемъ смѣтныхъ назначеній. Эта критическая оцѣнка должна имѣть въ виду не только экономическое и соціальное положеніе страны, но и ея отношеніе къ другимъ державамъ, слѣдовательно должна обнимать какъ внутреннюю, такъ и внѣшнюю политику государства. Кромѣ государственнаго контроля, ни отъ какого другого органа правительственной власти нельзя ожидать безпристрастной оцѣнки бюджета съ этой, высшей точки зрѣнія. Всякое министерство необходимо будетъ увлекаться интересами своего вѣдомства, и тѣмъ болѣе, чѣмъ добросовѣстнѣе оно относится къ своему дѣлу. Министерство финансовъ можетъ также увлекаться интересами фиска, и только одинъ государственный контроль, не имѣя въ своемъ завѣдываніи ни одной отрасли государственнаго управленія, можетъ относиться безпристрастно ко всѣмъ государственнымъ потребностямъ. Мы не хотимъ этимъ сказать, что государственный контроль можетъ выполнить эту задачу вполнѣ удовлетворительно; нѣтъ, мы очень далеки отъ этой мысли какъ потому, что *errare humanum est*, такъ и потому, что государственный контроль не можетъ ни въ какомъ случаѣ считаться представителемъ всѣхъ общественныхъ интересовъ. Мы говоримъ только, что онъ можетъ выполнить эту задачу удовлетворительнѣе другихъ вѣдомствъ, не будучи связанъ спеціальными интересами,

которые значительно съуживаютъ взглядъ на дѣло. Что-жъ касается до государственнаго совѣта, то мы говорили въ предыдущей статьѣ и теперь повторяемъ, что онъ по своему высокому положенію не можетъ быть призванъ къ подробному изслѣдованію, онъ долженъ быть только рѣшителемъ вопросовъ, возникшихъ при разсмотрѣніи бюджета въ министерствѣ финансовъ и государственномъ контролѣ.

Изъ этого очерка читатель видитъ, какое значеніе мы придаемъ государственному контролю при настоящемъ порядкѣ вещей, и если мы ясно формулировали нашъ взглядъ, то читатель легко убѣдится, что контрольная реформа далеко еще не окончена: она намѣчена лишь въ общихъ чертахъ рукою замѣчательнаго государственнаго человѣка, который велъ ее, вполнѣ понимая и цѣль, къ которой стремился, и среду, въ которой дѣйствовалъ, что рѣдко встрѣчается между людьми. Преемникамъ его выпадаетъ на долю быть можетъ еще болѣе трудная задача. Въ видахъ общей государственной пользы необходимо продолжать начатое дѣло въ томъ же, а не другомъ направленіи; но для этого слѣдуетъ не только уяснить, но усвоить себѣ цѣль, руководившую основателемъ реформы и довести корабль въ удобную гавань, минуя тѣ подводные камни, которые могутъ встрѣтиться на пути и которыхъ можно ожидать тѣмъ болѣе, чѣмъ ближе къ берегу.

Какъ будетъ выполнена такая задача, это покажетъ намъ ближайшее будущее. Мы же съ своей стороны можемъ только пожелать, чтобъ дѣло шло путемъ уже указаннымъ опытною рукою. Всякое измѣненіе самаго направленія будетъ напрасною тратою силъ. Кромѣ того, можно пожелать болѣе быстраго поступательнаго движенія впередъ, такъ какъ въ настоящее время есть уже въ виду опытъ и путь намѣченъ довольно ясно, чего прежде не было, а слѣдовательно особенная осторожность была необходима только прежде.

Мы окончили разсмотрѣніе различныхъ операцій и законодательныхъ работъ по управленію финансами. Какой же окончательный результатъ этой десятилѣтней дѣятельности? Каковы практическія послѣдствія всѣхъ принятыхъ мѣръ? Вотъ вопросъ, который необходимо представляется въ концѣ каждаго изслѣдованія.

Въ отвѣтъ на эти вопросы мы представимъ читателю вѣдомость доходовъ и расходовъ съ 1866-го по 1869-й годъ включительно, помѣщенную въ объяснительной запискѣ къ отчету государственнаго контроля по исполненію росписи за 1869-й годъ (стр. 40). Цифры этой вѣдомости за 1866-й и 1867-й годъ разнятся съ цифрами прежнихъ отчетовъ, и эта разность объясняется тѣмъ, что нѣкоторые доходы и расходы до 1868-го года не включались въ общую роспись, поэтому для удобства сравненія эти цифры исправлены:

	Расходъ.	Доходъ.
	Милліоновъ	рублей:
1866	432,6	382,1
1867	424,9	423,1
1868	441,2	423,5
1869	468,7	457,4

Если изъ этихъ годовъ исключить 1866-й годъ, какъ, очевидно, ненормальный и представляющій дефицитъ въ 50 милл. рублей, то окажется, что въ теченіи трехъ послѣднихъ лѣтъ доходы возрасли на 34 милл., тогда какъ расходы на 44 милл., т.-е., что наши расходы возвышаются сильнѣе, чѣмъ доходы. Если же мы вспомнимъ, что доходы наши возвышаются преимущественно отъ возвышенія налоговъ, а не вслѣдствіе развитія благосостоянія, и притомъ такихъ налоговъ, которые оплачиваются бѣднѣйшимъ классомъ народа, что не можетъ и не должно продолжаться, то невольно приходишь къ весьма неутѣшительному заключенію. Что возвышеніе дохода отъ податей достигло своего предѣла, ясно изъ того, что по смѣтѣ на 1869-й годъ цыфра ихъ была опредѣлена въ 94 милл., между тѣмъ дѣйствительное поступленіе оказалось въ 83 милл., слѣдовательно оказывается недоборъ въ 11 милл., и мы не только не будемъ удивлены, если поступленіе этого дохода въ 1870-мъ году не достигло цыфры 1869-го года, но почти убѣждены, что это будетъ такъ. Что касается возвышенія питейнаго дохода, который, какъ видно, достигъ до 150-ти милл., потому что въ этой цифрѣ занесенъ въ смѣту 1871-го года, то, судя по прежнему опыту, надо полагать, что въ настоящемъ году онъ также не достигнетъ этой цифры. Въ 1864-мъ году, вслѣдствіе возвышенія акциза, доходъ тоже возвысился, но затѣмъ въ 1866-мъ году онъ упалъ почти до цифры 1863-го года. На этомъ основаніи мы никакъ не думаемъ, чтобъ цифра нашихъ доходовъ могла возрастать въ такой же пропорціи, какъ это было до сихъ поръ. Съ другой стороны, мы видимъ, что наши расходы возвышаются еще въ большей степени, нежели доходы, и въ этомъ отношеніи предположенія смѣтныхъ расходовъ на 1871-й годъ насъ нисколько не успокоиваютъ. Принимая же въ соображеніе настоящее положеніе дѣлъ въ Европѣ и необходимость привести наши военныя силы въ равновѣсіе съ другими державами; принимая въ соображеніе, что новая воинская повинность, требующая значительной заготовки запасовъ и предстоящее устройство флота на Черномъ морѣ должны значительно возвысить цифру постояннаго возрастанія бюджета, — намъ рисуется неутѣшительная картина въ будущемъ, въ особенности, если мы вспомнимъ, что эти потребности возникаютъ, несмотря на мирное время; что́ же будетъ, если отечество наше принуждено будетъ принять участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ, — о томъ мы и гадать не смѣемъ.

Но неужели только въ этой картинѣ, спроситъ читатель, заключается вся полезная сторона тѣхъ реформъ, которыя произведены въ смѣтной и контрольной системахъ? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы можемъ сказать читателю, что финансовое положеніе государства есть продуктъ цѣлой исторической жизни народа и что радикальное улучшеніе его врядъ ли возможно въ скоромъ будущемъ. Оно зависитъ отъ тѣхъ принциповъ, которые положены въ основу народной жизни, а не отъ какихъ-нибудь смѣтныхъ, кассовыхъ или контрольныхъ правилъ. Все, что могутъ эти послѣднія—это дать средства къ изученію финансоваго положенія государства, но исправить его они не въ состояніи, для этого нужны другія средства, и, во-первыхъ, чтобы мы съ вами, читатель, сами отвыкли отъ всѣхъ крѣпостныхъ привычекъ, которыя до сихъ поръ составляютъ подкладку нашей жизни, чтобъ мы начали интересоваться нашими общественными дѣлами и серьезно ихъ изучали. Только тогда и могутъ исчезнуть крѣпостныя условія нашей системы податей и налоговъ, только тогда и возможно улучшеніе нашихъ финансовъ. Заслуга людей, взявшихся за описанныя нами реформы, состоитъ въ томъ, что мы можемъ, опираясь на вѣрныя данныя, изслѣдовать дѣйствительное положеніе дѣлъ, мы можемъ видѣть, что у насъ дѣла идутъ не такъ, какъ напр., въ Пруссіи, гдѣ доходы постоянно возрастали *) безъ всякаго возвышенія налоговъ, и притомъ всегда превышали расходы, а изъ постоянныхъ остатковъ образовывались значительныя запасныя средства; что Пруссія никогда не скупилась въ средствахъ для народнаго образованія; что эти издержки оказались для нея самыми производительными, что она, наконецъ, не стремилась стѣснять свободу преподаванія, и даже въ періоды реакціи свобода преподаванія оставалась неприкосновенною...

Г.

*) Кстати, мы можемъ рекомендовать читателямъ только-что вышедшій трудъ А. П. Заблоцкаго-Десятовскаго: «Финансовое управленіе и финансы въ Пруссіи» (Спб. 1871, два тома), гдѣ можно найти всѣ данныя для ближайшаго ознакомленія съ прусскимъ государственнымъ хозяйствомъ.—*Ред.*

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюня, 1871.

Начало Музея Промышленности въ Петербургѣ, и рѣчь по этому поводу Е. И. В. Герцога Лейхтенбергскаго.—Вопросъ объ отмѣнѣ узаконеннаго роста въ пользу промышленности. — Мнѣніе экономистовъ и законодательное рѣшеніе вопроса о ростѣ на Западѣ.—Ходъ его у насъ.—Развитіе промышленности, какъ земскій вопросъ.—Тверскія артели, созданныя земствомъ.—Проектъ о городскихъ начальныхъ училищахъ и учительскіе институты.—Полемика о процентѣ гимназистовъ, кончающихъ курсъ.—Письмо изъ Остзейскаго края.

Давно уже у насъ шла рѣчь о необходимости устроить въ Петербургѣ Музей Промышленности. За-границей устройство такихъ музеевъ—дѣло не новое и весьма распространенное: тамъ подобные музеи можно встрѣтить не въ однихъ столицахъ. Наша печать отнеслась къ мысли объ основаніи музея промышленности въ Петербургѣ съ полнымъ сочувствіемъ; даже въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, если не ошибаемся, никто не доказывалъ, что было бы полезнѣе открыть по всей Россіи одни музеи римскихъ и греческихъ древностей, и что вся цивилизованная Европа, кромѣ такихъ классическихъ музеевъ, не имѣетъ ничего другого для развитія воображенія и вкуса въ обществѣ: „Московскія Вѣдомости“ ограничились подобнымъ нелѣпымъ утвержденіемъ только въ отношеніи школъ. Музеи промышленности представляютъ собою своего рода школу, гдѣ каждому является возможность слѣдить за дальнѣйшими успѣхами человѣческаго труда и мысли и наглядно изучать всѣ успѣхи той или другой промышленной отрасли. Потому такіе музеи должны быть основываемы прежде всего въ мѣстностяхъ, куда привыкло стекаться населеніе, гдѣ слѣдовательно можно разсчитывать на самое большое число посѣтителей, которые потомъ развезли бы вмѣстѣ съ собою по всей странѣ сдѣланныя ими наблюденія и пріобрѣтенныя познанія. Въ такомъ случаѣ, помѣщеніе музея промышленности въ Петербургѣ можетъ быть названо весьма удачнымъ и обѣщающимъ хорошіе плоды.

По поводу благополучнаго рѣшенія вопроса о петербургскомъ музеѣ, Русское Техническое Общество имѣло недавно чрезвычайное общее собраніе, въ которомъ Е. И. В. герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максимиліановичъ, почетный предсѣдатель Общества, обратился къ членамъ Общества съ слѣдующею рѣчью:

„Я пригласилъ васъ, господа, чтобъ объявить въ настоящемъ чрезвычайномъ засѣданіи высочайшее соизволеніе на благопріятное разрѣшеніе вопроса, могущаго имѣть важное значеніе для проявленія нашей дѣятельности на пользу общую.

„Нашъ уставъ уже указываетъ намъ на устройство промышленныхъ музеевъ, какъ на одно изъ средствъ къ распространенію техническихъ знаній; слѣдовательно, осуществленіе такого учрежденія лежитъ на насъ долгомъ, составляетъ одну изъ нравственныхъ обязанностей, добровольно нами на себя принятыхъ.

„При самомъ основаніи Общества, мысль эта нашла ревностнаго поборника, преслѣдовавшаго ее съ тѣмъ постоянствомъ и настойчивостью, которыя характеризуютъ людей, дѣйствующихъ по сознанію важности принятаго ими однажды намѣренія—я говорю объ уважаемомъ предсѣдателѣ общества П. А. Кочубеѣ, котораго, къ сожалѣнію, нѣтъ теперь между нами.

„Зародышъ нашихъ коллекцій, собранный бывшимъ секретаремъ общества Е. Н. Андреевымъ,—благодаря просвѣщенному вниманію г. министра государственныхъ имуществъ Александра Алексѣевича Зеленаго,—нашелъ себѣ временный пріютъ въ образцовомъ, имъ основанномъ сельско-хозяйственномъ музеѣ. Я сказалъ—пріютъ временный, потому что, къ сожалѣнію, въ то же время выяснилось, что зданіе манежа, занятаго музеемъ, оказалось далеко неудовлетворительнымъ, и г. министръ озаботился прісканіемъ болѣе приличнаго помѣщенія для своихъ драгоцѣнныхъ коллекцій.

„Затѣмъ дѣло, казалось, остановилось; средствъ на правильное распредѣленіе, на пополненіе нашихъ коллекцій въ виду не имѣлось. Но въ дѣйствительности дѣло не останавливалось, выработывалась та форма, въ которой долженъ былъ осуществиться нашъ будущій техническій музей и выжидались благопріятныя для того обстоятельства.

„Случай этотъ представился годъ тому назадъ. При соображеніяхъ объ устройствѣ имѣющей быть въ Москвѣ политехнической выставки, комитетъ для того составленный возъимѣлъ мысль превратить ее въ постоянный музей, а начинавшаяся въ прошедшемъ году мануфактурная выставка въ Петербургѣ и сдѣланное приспособленіе къ помѣщенію ея въ бывшемъ Соляномъ городкѣ дали нашему почетному члену Николаю Васильевичу Исакову мысль о соединеніи въ одно цѣлое въ этомъ зданіи существующихъ въ С.-Петербургѣ музеевъ.

„Предположеніе это удостоилось всемилостивѣйшаго вниманія и по высочайшему соизволенію образованы были двѣ коммиссіи. Первая—для обсужденія вообще вопроса о музеяхъ и о содѣйствіи къ устройству ихъ правительства—состояла изъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Алексѣя Александровича, меня, гг. министровъ финансовъ, государственныхъ имуществъ и внутреннихъ дѣлъ, начальника главнаго управленія военно-учебными заведеніями и статсъ-секретаря Набокова; вторая—болѣе спеціальная, для выработки самаго плана

с.-петербургскаго музея и приспособленія для помѣщенія его зданій Соляного Городка.

„Это предположеніе правительства нашло тогда же сочувственный отзывъ въ первомъ всероссійскомъ съѣздѣ заводчиковъ, фабрикантовъ и лицъ, интересующихся отечественною промышленностью.

„Вторая коммиссія, подъ предсѣдательствомъ г. директора департамента торговли и мануфактуръ, преслѣдуя свою задачу, выработала дѣйствительно грандіозный проектъ с.-петербургскаго музея прикладныхъ знаній, который обличалъ въ составителяхъ его и знаніе, и вполнѣ благонамѣренное направленіе для удовлетворенія этимъ учрежденіемъ потребности въ наглядномъ изученіи того, что́ геній изобрѣтательности, наука и искусство могутъ приспособить къ потребностямъ человѣка, возвысить его производительный трудъ и дать самымъ произведеніямъ художественную, изящную форму.

„Понятно, что осуществленіе такого проекта должно было потребовать огромныхъ затратъ; и дѣйствительно онѣ были исчислены до 3 милліоновъ рублей.

„Какъ ни желательно было созданіе такого музея, правительство не могло однако рѣшиться, чтобъ столь значительныя суммы, собранныя съ труда народнаго для охраненія внутренней и внѣшней безопасности государства и его благоустройства, потратились на такія учрежденія, косвенное вліяніе которыхъ на благосостояніе народное могло бы только отозваться въ будущемъ.

„Но, признавая всю основательность, всю справедливость этихъ государственныхъ соображеній, большинство членовъ первой высочайше учрежденной коммиссіи не могли допустить той мысли, чтобъ Петербургъ лишился удобнаго мѣста для устройства своего музея. Они были убѣждены, что, дѣйствуя постепенно, въ предѣлахъ возможности, удастся осуществить это полезное учрежденіе средствами, которыми уже обладаютъ музеи государственныхъ имуществъ и военно-учебныхъ заведеній, и помощью частныхъ лицъ для устройства нашимъ Обществомъ техническихъ коллекцій. Во всякомъ случаѣ, члены эти предполагали нужнымъ испытать, въ какой мѣрѣ сознаніе въ полезности учрежденія музея установилось въ массѣ публики, и какое содѣйствіе оно встрѣтитъ со стороны тѣхъ, кто считаетъ нравственною своею обязанностью способствовать къ распространенію у насъ техническихъ знаній.

„Мнѣніе это удостоилось высочайшаго утвержденія. Въ силу его зданіе Соляного-Городка предоставляется на пять лѣтъ въ распоряженіе министерства государственныхъ имуществъ, вѣдомства военно-учебныхъ заведеній и нашего Общества, съ тѣмъ, что если по истеченіи этого времени музей не устроится, зданіе должно быть возвращено министерству финансовъ.

„Понятно, что самая трудная задача представляется нашему Обществу. Тогда какъ названныя мною вѣдомства могутъ войти въ новое помѣщеніе съ вполнѣ организованными коллекціями, наше Общество должно позаботиться о приспособленіи помѣщенія, и о собраніи коллекцій.

„Вотъ тотъ планъ дѣйствія, который я предлагаю: смотря по тѣмъ средствамъ, которыя у насъ будутъ накопляться, мы постепенно бу-

деть приспособлять бóльшія или меньшія отдѣленія въ зданіи Соляного-Городка къ помѣщенію коллекцій и ихъ собирать.

„Разумѣется, намъ невозможно будетъ вдругъ собрать все то, что обнимаетъ не только европейская, но даже русская техника, а потому мы ограничимся на первое время только главнѣйшими отраслями ея; но постараемся, чтобъ каждое изъ выбранныхъ производствъ было представлено по возможности полнѣе, начиная съ сырья до окончательнаго его вида, съ показаніемъ всѣхъ фазисовъ и процессовъ обработки, а также снарядовъ, орудій и машинъ для того употребляемыхъ.

„Но на чемъ я настаиваю въ особенности и въ чемъ, вѣроятно, примутъ участіе и наши будущіе товарищи по музею—это устройство прежде всего аудиторіи для публичныхъ лекцій, которыя я бы желалъ уже начать съ будущей осени.

„Гдѣ же у насъ средства? Гдѣ же дѣятели? Я питаю надежду, скажу болѣе—увѣренность, что они найдутся.

„Я предлагаю свой личный трудъ, свои средства, которыми могу располагать; надѣюсь, что этотъ трудъ раздѣлятъ со мною теперь же, за отсутствіемъ П. А. Кочубея, товарищъ его Э. И. Тилло и всѣ члены совѣта.

„Но какъ бы ни были успѣшны наши труды, я не смѣю допустить мысли, чтобъ забота объ устройствѣ музея пала только на насъ. Это будетъ дѣло всего нашего общества, всего петербургскаго фабричнаго и заводскаго сословія, всѣхъ русскихъ людей настолько развитыхъ, что имъ ясно образовательное значеніе такого учрежденія для русскаго народа и дорого его развитіе въ осмысленномъ приложеніи добытыхъ знаній къ труду производительному.

„Если каждый зараждающійся американскій городъ считаетъ первою своею общественною потребностью на-ряду со школою положить и основаніе музею съ народно-образовательною цѣлью; если на частныя средства Лондонъ могъ создать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ кенсингстонскій музей, который считаетъ своихъ посѣтителей не тысячами, а милліонами; если Москва нашла нѣсколько сотъ тысячъ для устройства политехнической выставки и обращенія ея потомъ въ музей,—то неужели Петербургъ не поддержитъ починъ Русскаго Техническаго Общества въ дѣлѣ, полезность котораго признана всѣмъ цивилизованнымъ міромъ?

„Отъ васъ, мм. гг., будетъ зависѣть доставить матеріальныя и нравственныя средства для осуществленія этого предпріятія; я не знаю еще, какія будутъ эти средства; но вѣрю въ жизненность нашего будущаго музея, который будетъ не складочнымъ мѣстомъ, не хранилищемъ цѣнныхъ вещей, а воплощеніемъ идеи распространенія тѣхъ знаній, изъ которыхъ слагаются производительныя силы народовъ, и которыми возвышается уровень ихъ благосостоянія".

Эта рѣчь была принята самымъ сочувственнымъ образомъ, и тотчасъ же приступили къ подпискѣ на пожертвованія. Самъ почетный предсѣдатель, герцогъ Лейхтенбергскій Николай Максиміліановичъ, подписался на 10,000 рублей; изъ крупныхъ пожертвованій указываютъ: 3,000 рублей А. М. Варшавскаго; М. А. Пастуховъ и братья Варгунины подписались на 1000 руб. каждый; Н. И. Путиловъ и М. А. Ратьковъ-Рожновъ по 500 руб.; всего подписалось 19 лицъ на

55 руб. Въ числѣ подписавшихся замѣчательно имя простого ко-
ѣнаго мастера Ег. Озерова, пожертвовавшаго 100 рублей.
Что касается до дальнѣйшаго устройства нашего музея, то въ
ъ дѣлѣ, нѣтъ сомнѣнія, для насъ не пропадутъ готовые образцы
Западѣ. Въ нынѣшней нашей корреспонденціи изъ Флоренціи чи-
ли найдутъ очеркъ Промышленнаго Музея въ Туринѣ, одного изъ
ѣчательныхъ учрежденій въ этомъ родѣ; слѣдуя его примѣру, нашъ
щій музей сдѣлаетъ весьма хорошо, включивъ въ свою дѣятель-
ь, кромѣ предполагаемыхъ лекцій, изданіе обозрѣнія, подобнаго
ьянскому журналу „Annali del Regio Museo industriale italiano"—
дѣлью придать возможно большую гласность дѣятельности музея.
Въ рѣчи почетнаго предсѣдателя высказана весьма ясно одна опас-
ь, которая можетъ угрожать предпріятію: это—вовсе не равнодушіе
ества къ пожертвованіямъ, не недостатокъ матеріала для коллек-
а характеръ, который можетъ пріобрѣсть музей, независимо отъ
ой воли его основателей. Онъ можетъ сдѣлаться „складочнымъ
омъ, хранилищемъ цѣнныхъ вещей"; въ западной Европѣ о та-
опасности никто не будетъ и думать, но именно потому, что,
сказано въ той же рѣчи, тамъ существуетъ потребность основы-
музеи „на ряду со школою".

Но кромѣ недостатка у насъ школъ, есть много и другихъ при-
, невыгодно обусловливающихъ отечественную промышленность
надлежащее развитіе. Остановимся нынѣшній разъ на одной
такихъ причинъ, тѣмъ болѣе, что, какъ извѣстно, дѣло теперь
ь о ея устраненіи. Мы разумѣемъ—узаконенный ростъ и связан-
имъ частный кредитъ.
Недостатокъ частнаго кредита есть такое препятствіе къ успѣхамъ
зводительности, на которое у насъ жалуются искони, а между
кредитъ представляется намъ весьма важнымъ факторомъ въ
ованіи капиталовъ. Нужно ли говорить о важности кредита для
ховъ производительности во всѣхъ ея видахъ? Изъ нихъ особенно
ается въ развитіи частнаго кредита производительность промыш-
я, такъ какъ и земледѣліе, и торговля гораздо легче находятъ
тъ въ государственныхъ и общественныхъ банкахъ, чѣмъ про-
ительность мануфактурная, ремесленная. Въ этой послѣдней
ную, чѣмъ въ иныхъ отрасляхъ, роль играетъ изобрѣтеніе. А
о не всегда мысль объ улучшенномъ или болѣе дешевомъ спо-
производства приходитъ въ умъ человѣку, обладающему доста-
ми средствами для ея осуществленія. Безъ значительно разви-
частнаго кредита, безъ готовности капиталистовъ ссужать про-
ительности денежныя средства на улучшенія по одному личному
денію въ практичности такихъ улучшеній, хотя и безъ залога

или съ недостаточнымъ залогомъ — немыслимо вообще то оживленіе производительности, какое мы видимъ въ нѣкоторыхъ странахъ на Западѣ. И въ дѣйствительности, оказывается, что страны, въ которыхъ кредитъ частный наименѣе развитъ, и есть именно тѣ страны, въ которыхъ мануфактурная, ремесленная производительность стоитъ на низшей степени развитія и держится въ несоотвѣтственно узкихъ размѣрахъ.

Для легкости, доступности частнаго кредита необходимо прежде всего условіе не экономическое, а чисто-гражданское: необходимо довѣріе къ силѣ и твердости юридическаго договора. Самое слово *кредитъ* значитъ довѣріе, и довѣріе здѣсь предполагается не только къ денежной состоятельности заемщика или успѣху его предпріятія, но и къ попеченію государства о дѣйствительномъ исполненіи договора. Это послѣднее условіе въ прежнее время существовало у насъ весьма недостаточнымъ образомъ, а при отсутствіи его, нéчего было и помышлять о широкомъ развитіи частнаго кредита. Всѣ сбереженія и шли въ государственныя кредитныя установленія, и уже только за ихъ посредствомъ и на ихъ рискъ они приливали къ частной производительности, въ видѣ ссудъ изъ тѣхъ же кредитныхъ установленій. До какой степени нерасположенъ былъ русскій капиталъ къ частному кредиту при прежнихъ судахъ, явствуетъ изъ факта, что въ то время трудно было занять деньги у частнаго лица по 10%, хотя бы и подъ вѣрный залогъ, а между тѣмъ въ государственныя кредитныя установленія частные капиталы приливали за 5% такъ упорно, что пришлось понизить банковый процентъ сперва до 4, потомъ до 3, а наконецъ до 2%, чтобы обратить этотъ приливъ назадъ. Но и это само по себѣ еще не создало легкости частнаго кредита. Капиталы не знали, куда дѣваться, и они бросились съ лихорадочнымъ увлеченіемъ на строительство и на учрежденіе акціонерныхъ компаній, вовсе не имѣя въ виду выгодности того или другого изъ предпріятій, предположенныхъ этими компаніями, предпріятій иногда весьма непрактичныхъ, а потому только, что акціонерныя компаніи представлялись прежнимъ вкладчикамъ въ государственный банкъ какъ нѣчто въ родѣ банковъ же, разрѣшенныхъ правительствомъ, и обѣщающихъ на капиталъ еще бóльшій доходъ, чѣмъ сколько давалъ банкъ казенный. Оживленія же производительности не произошло, и вскорѣ выпускъ новыхъ государственныхъ цѣнныхъ бумагъ съ высокими процентами сталъ снова поглощать наличные русскіе капиталы и продолжаетъ поглощать до сихъ поръ безъ всякой пользы для оживленія производительности, за исключеніемъ однѣхъ желѣзныхъ дорогъ, гдѣ посредникомъ кредита и поручителемъ явилось опять-таки правительство.

Только въ послѣдніе годы учреженіе нѣсколькихъ частныхъ банковъ принесло производительности пользу и нѣсколько ее оживило.

банковый кредитъ, какъ бы онъ развитъ ни былъ, все-таки ни-
а не замѣнитъ легкости, доступности частнаго кредита непо-
ственнаго, кредита изъ рукъ въ руки, уже потому, что банковый
дитъ всегда ограниченъ, а сверхъ того банки питаютъ наименѣе
оложенія именно къ кредиту промышленному, такъ какъ высокій
дендъ гораздо вѣрнѣе достигается, при обширныхъ банковыхъ
отахъ и вліяніи на рынокъ торговлею бумагами, чѣмъ умѣрен-
ь и спокойнымъ путемъ промышленныхъ ссудъ. Но это вовсе не
итъ, что отдѣльному капиталисту не стóитъ заниматься креди-
промышленнымъ, въ виду выгодности торговли цѣнными бума-
. Отдѣльный, и въ особенности не первостатейный капиталистъ
дится совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ банковое общество. Съ
й стороны, торговля бумагами для него не можетъ быть такъ вы-
а, такъ какъ онъ вліянія на рынокъ не имѣетъ, *не дѣлаетъ* самъ
ь, и не знаетъ положенія рынка такъ, какъ его можетъ знать
кція обширнаго банка. Съ другой же стороны, иниціатива его
здо шире, онъ гораздо свободнѣе можетъ дѣйствовать по одному
ому своему убѣжденію. Вотъ почему онъ именно способенъ найти
судѣ денегъ на производительныя предпріятія такой доходъ, ко-
й можетъ далеко превышать банковые кредитные заработки и
й барышъ торговли бумагами.

[о для того, чтобы это могло быть для него выгодно, въ сравне-
ъ иными спекуляціями, необходимо что-же? Разумѣется, необхо-
прежде всего, чтобы *норма его барыша въ ссудѣ не была про-
ьно ограничена закономъ*. Съ какой стати онъ сталъ бы под-
ться риску, соединенному со ссудою на промышленное предпрія-
когда законъ говоритъ ему:—„ты не возьмешь болѣе шести про-
овъ, а если возьмешь болѣе, то тебѣ угрожаетъ штрафъ и даже
ючееніе?" Съ какой стати, при такомъ совершенно произвольномъ,
а чемъ неоснованномъ ограниченіи кредитнаго барыша, свобод-
капиталы обратятся на оживленіе промышленности, когда то же
е государство, запрещая имъ обращаться къ ней на условіяхъ
6%, само нерѣдко предлагаетъ имъ больше, приглашая ихъ
ставить эти сбереженія именно ему? Мало того: раціонально ли
образно ли со справедливостью въ то время, когда собственнику
го иного имущества, напр., земли, дома, товаровъ, позволяется
ать это имущество въ пользованіе постороннимъ на всякихъ
іяхъ, какъ можно болѣе выгодныхъ, безъ какого бы то ни было
ниченія,—запрещать только собственнику имущества, состоящаго
ньгахъ, отдавать его въ пользованіе, по добровольному соглаше-
точно такимъ же образомъ, то-есть совершенно свободно? И это
въ то самое время, когда государственному банку дозволено опре-
гь учетный процентъ по векселямъ сообразно съ торговыми обстоя-

тельствами, т.-е. безъ ограниченія узаконенною нормою роста? Какимъ образомъ то, что само государство полагаетъ возможнымъ дѣлать въ непосредственныхъ своихъ финансовыхъ операціяхъ, оно преслѣдуетъ относительно частныхъ лицъ какъ преступленіе?

Съ точки зрѣнія обще-экономической, вопросъ о нормѣ роста или объ указномъ процентѣ сводится къ общему вопросу *о таксѣ*. Можетъ ли быть полезна такса вообще, т.-е. установленіе указныхъ предѣловъ для цѣнъ продажи или найма какихъ бы то ни было предметовъ потребности? Затѣмъ: возможно ли дѣйствительное соблюденіе этихъ цѣнъ въ силу закона, или онѣ соблюдаются только въ тѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ, когда указныя цѣны оказываются соотвѣтствующими соотношенію предложенія и запроса, то-есть когда онѣ соблюдаются независимо отъ закона, и соблюдались бы хотя бы закона и не было? Опытъ всѣхъ странъ убѣждаетъ въ томъ, что такса въ самомъ дѣлѣ приносила пользу, имѣла значеніе и соблюдалась единственно въ тѣхъ именно случаяхъ, когда она являлась въ видѣ частной *экспропріаціи*, т.-е. принудительнаго регулированія частной собственности въ видахъ временной, настоятельной необходимости въ данной мѣстности, для отвращенія иныхъ катастрофъ, совершенно уже непоправимыхъ, какъ, напр., голодная смерть или общее разграбленіе. Во всѣхъ же иныхъ случаяхъ, установленіе указныхъ цѣнъ, имѣя смыслъ принужденія къ сдѣлкѣ по обстоятельствамъ невыгодной, никогда не достигало своей цѣли, и вовсе не исполнялось, а только искажало естественныя условія торговли, заставляя продавцовъ прибѣгать къ хитростямъ для того, чтобы обойти законъ и тѣмъ самымъ въ дѣйствительности только возвышало реальную цѣну, платимую пріобрѣтателемъ, отнимая у него въ количествѣ или качествѣ товара гораздо болѣе, чѣмъ сколько онъ переплатилъ бы прямою вольною цѣной въ сравненіи съ указною. Такъ было и съ займами по указнымъ процентамъ. Цѣли своей эта мѣра все-таки не достигала, потому что заемщикъ за указный процентъ получалъ вовсе не тотъ капиталъ, какой оговоренъ былъ въ договорѣ, а меньше его, и меньше настолько именно, чтобы указный съ него процентъ представлялъ заимодавцу процентъ, сообразный съ состояніемъ рынка. Но это еще не все. Невозможность торговать частнымъ кредитомъ иначе, какъ обходя законъ и совершая подлогъ, устраняла отъ этой торговли честныхъ людей, уменьшала предложеніе денегъ, а стало быть увеличивала *дѣйствительно-платимый* процентъ противъ того, какой бы могъ существовать, еслибы стѣсненія въ ссудѣ и необходимости въ подлогѣ не было.

Не будемъ цитировать мнѣній знаменитыхъ экономистовъ. Нѣкоторыми изъ старѣйшихъ высказаны были и возраженія противъ отмѣны законовъ о ростѣ и лихвѣ, а именно Адамомъ Смитомъ, Рау и

іером. Но возраженія ихъ были скорѣе оговорки противъ безу-
зннаго перехода отъ неестественнаго состоянія къ естественному,
:ъ возраженія по принципу. Адамъ Смитъ, впрочемъ, при концѣ
ни, отказался отъ своихъ возраженій. Бентамъ, Маклеодъ и Милль
азывали справедливость и пользу отмѣны законовъ о ростѣ. Но-
шее время все болѣе и болѣе усвоиваетъ себѣ единственную
инѣ неопровержимую истину, добытую политической экономіею,
именно ту аксіому, что всѣ экономическія отношенія должны
ь свободны, что законодательныя стѣсненія только искажаютъ ихъ,
го политическими законами экономическихъ законовъ замѣнить не-
южно. Вотъ почему, въ спеціальномъ вопросѣ, которымъ мы заня-
ь теперь, мы видимъ, что уже всѣ главныя государства, за исклю-
іемъ впрочемъ одной Франціи, отмѣнили у себя законы объ указ-
нормѣ процента. Въ Англіи относящіяся сюда постановленія от-
іялись постепенно, согласно съ общимъ ходомъ англійскаго законо-
ельства, и наконецъ окончательно отмѣнены въ 1854-мъ году. Въ
дииніи законы объ указномъ процентѣ и о наказаніяхъ за лихву
:и отмѣнены одновременно, въ 1857-мъ году, по настоянію вели-
о ея министра Камилла Кавура, который былъ, какъ извѣстно, за-
іательнымъ финансистомъ. Сардинскій законъ затѣмъ введенъ и во
й Италіи. Въ Испаніи узаконенный ростъ отмѣненъ въ 1856-мъ году;
отмѣненъ также въ Виртембергѣ, Голландіи, нѣкоторыхъ канто-
:ъ Швейцаріи, въ Ольденбургѣ, Бременѣ, и почти во всѣхъ шта-
ъ большой американской республики. Въ Швеціи предѣльный раз-
ъ роста отмѣненъ въ 1864-мъ г., въ Даніи въ 1855-мъ году. Въ
:тріи указный ростъ и всѣ постановленія о лихвѣ безусловно от-
іены закономъ 1868-го года. Самая первая инціатива въ Европѣ
смыслѣ отмѣны законоположеній, направленныхъ противъ лихвы,
:надлежала именно австрійскому императору Іосифу II-му; но послѣ
о австрійское законодательство возвратилось на прежній путь, и
пь въ 1868-мъ г. не безъ затрудненія осуществилась полная от-
іа въ Цислейтаніи законовъ о ростѣ. Въ Пруссіи отмѣна указнаго
цента послѣдовала въ силу закона 12-го мая 1866-го года. Проектъ
го закона былъ дважды отвергнутъ верхнею палатою, и наконецъ
ошелъ только благодаря настояніямъ г. Бисмарка. Въ 1867-мъ г.,
:ретъ 12-го мая 1866-го года былъ распространенъ на всѣ новыя
риторіальныя пріобрѣтенія Пруссіи, а затѣмъ въ томъ же году и
все пространство сѣверогерманскаго союза.

Итакъ, въ настоящее время законы объ указномъ процентѣ от-
нены во всѣхъ главныхъ государствахъ, за исключеніемъ Франціи
Россіи. Но и во Франціи много разъ уже былъ поднимаемъ этотъ
ирось, и правительство Наполеона III-го было положительно въ
пьзу его отмѣны, согласно отзывамъ огромнаго большинства торго-

выхъ корпорацій. Если Наполеонъ III-й не рѣшился осуществить этой мысли, за которую стояли и самъ онъ лично, и Мишель Шевальè, и Руэ, то только потому, что Наполеонъ держался тѣмъ „деревенскимъ большинствомъ", которому здравыя экономическія понятія столько же чужды, какъ и здравыя понятія политическія. Французскій крестьянинъ-землевладѣлецъ, по предразсудку, боится отмѣны указнаго роста, опасаясь, что за этой мѣрою усилится ростовщичество, хотя самъ же платитъ и теперь никакъ не указные проценты, а самый разорительный процентъ, на ту сумму, какую онъ въ дѣйствительности получаетъ при займахъ, потому именно, что онъ согласенъ на всякія условія, лишь бы только пріобрѣсть клочекъ земли.

Въ Пруссіи отмѣнѣ узаконеннаго роста противились тоже землевладѣльцы и именно потому, что дворянское землевладѣніе въ Пруссіи крайне обременно долгами, обусловленными семейными выдѣлами. Они опасались, что когда капиталу откроется болѣе удобства для помѣщенія въ промышленныя предпріятія, то онъ уже не такъ охотно и не такъ дешево будетъ обращаться подъ ипотеки, тогда какъ при существованіи узаконеннаго ограниченія роста, капиталу удобнѣе всего обращаться именно подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Но такія соображенія отражаютъ интересъ чисто-сословный. Дворянскому землевладѣнію хотѣлось принудительнымъ образомъ удерживать капиталъ для служенія преимущественно именно этому землевладѣнію; землевладѣльцамъ не хотѣлось пустить капиталъ на свободный рынокъ для равномѣрнаго служенія всѣмъ отраслямъ производительности; они предпочитали стѣснять его, такъ, чтобы онъ охотнѣе и дешевле служилъ ихъ цѣлямъ, то-есть дворянскимъ выдѣламъ. Но, подъ вліяніемъ Бисмарка, дворянство наконецъ уступило.

Изъ примѣровъ иностранныхъ государствъ доселѣ не усматривается, чтобы процентъ и ростовщичество, вслѣдъ за отмѣною касавшихся ихъ ограниченій, усиливались. Напротивъ, имѣется даже въ виду примѣръ противоположнаго послѣдствія, а именно: по удостовѣренію бывшаго сардинскаго правительства, землевладѣльцы, послѣ отмѣны указнаго процента, стали легче находить капиталы для займа, и дѣлали займы дешевле, чѣмъ до 1857-го года.

У насъ, въ Россіи, церковныя правила издавна осуждали лихву въ смыслѣ вообще капитальной ренты. На этомъ основаніи въ Уложеніи Алексѣя Михайловича постановлено, что въ случаѣ иска занятыхъ денегъ слѣдуетъ требовать съ должника одну „истину", то-есть самый капиталъ, а „роста не править", потому что „по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ росту на заемныя деньги имати не велѣно". Но это вовсе не соотвѣтствовало дѣйствительному обычаю, установившемуся изстари. Такъ „Русская Правда" допускала въ годовыхъ займахъ брать десять кунъ на гривну, то-есть 40%. Самое существованіе ка-

лы, то-есть личнаго служенія за ростъ, признанное между прочимъ дебникомъ Ивана Грознаго, доказываетъ, что народъ всегда признаіъ ростъ на капиталъ естественнымъ правомъ. Замѣчательно еще, о вопреки церковнымъ правиламъ, именно духовенство, т.-е. монаіри преимущественно и занимались ростомъ, ссужая деньгами купвъ, землевладѣльцевъ и служилыхъ людей за 20 и болѣе процентовъ. XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ, было принято нѣсколько мѣръ для аниченія тягости накопившихся долговъ и въ особенности личной жбы за ростъ. Но формальное дозволеніе закономъ брать проценты ссуду явилось особенно только въ царствованіе Петра II, именно 1727-мъ году, но и то только въ видѣ штрафа, на случай неуплаты ятыхъ капиталовъ въ срокъ; именно постановлено было, что съ ъ, кто у себя продержитъ за срокомъ деньги, брать по шести протовъ на годъ, сверхъ проѣстей и волокитъ, „дабы вѣдая такой тежъ, должники могли отъ долговременнаго у себя денегъ держауняться, а имѣющіе деньги съ пользою оставались". Настоящее признаніе процента, въ смыслѣ платы за пользованіе капиталомъ, нашемъ законодательствѣ является въ первый разъ только въ авѣ заемныхъ банковъ 1754-го г. Этимъ уставомъ, между прочимъ, золялось и частнымъ лицамъ заключать между собою договоръ о иѣ съ процентами, но не свыше шести процентовъ въ годъ.

Императрица Екатерина, манифестомъ 28-го іюня 1786-го года объ жденіи государственнаго заемнаго банка, запретила частнымъ люъ брать болѣе *пяти* процентовъ; превышеніе этой нормы объявлено э лихвою, и какъ этими, такъ и другими актами того же царствоя, лихва объявлялась уголовнымъ преступленіемъ. По показанію гама, однако самый низшій процентъ въ Россіи въ то время (онъ лъ въ 1787-мъ г.) и то подъ вѣрные залоги, былъ восемь. Уловки ребительныя нынѣ были уже извѣстны и тогда. Законъ объ указь процентѣ, какъ онъ существуетъ у насъ до сихъ поръ, постаенъ императоромъ Александромъ I, 28-го октября 1808-го года, а ено разрѣшеніе въ частныхъ сдѣлкахъ брать по *шести* процентовъ, е выше. Это правило подтверждено закономъ 5-го іюля 1854-го года, рый вмѣстѣ съ тѣмъ запрещалъ выговаривать въ договорахъ о ныхъ займахъ проценты сложные, т.-е. проценты на проценты; юченія были допущены только для капиталовъ малолѣтныхъ, въ зу которыхъ разрѣшались проценты безъ ограниченія, а также по торымъ мѣстнымъ законамъ, именно въ Закавказскомъ краѣ и арабіи.

Въ новѣйшее время вопросъ объ отмѣнѣ указнаго роста у насъ возбужденъ бывшимъ главнымъ начальникомъ законодательнаго ленія собственной Его Величества канцеляріи, барономъ М. А. юмъ. На основаніи общихъ соображеній, какъ юридическихъ, такъ

и экономическихъ, онъ, по соглашеніи съ министрами финансовъ и юстиціи, внесъ въ 1863-мъ году въ государственный совѣтъ представленіе объ отмѣнѣ постановленій объ указномъ ростѣ. Обсужденіе этого проекта остановилось въ 1864-мъ году главнымъ образомъ потому, что въ то время еще только-что возникла выкупная операція и вмѣстѣ значительно увеличилось обращеніе процентныхъ бумагъ. Явилось опасеніе, что отмѣна узаконеннаго роста, открывая капиталамъ новое удобство для помѣщенія, независимо отъ выкупныхъ свидѣтельствъ и вообще государственныхъ процентныхъ бумагъ, тѣмъ самымъ можетъ уронить цѣнность этихъ бумагъ, такъ что тѣ помѣщики, которые нуждались бы въ немедленной реализаціи своихъ выкупныхъ свидѣтельствъ, должны были бы продать ихъ по цѣнѣ сравнительно невыгодной. Опасеніе это, кажется, и въ то время было напрасно, потому что государственная бумага во всякомъ случаѣ представляетъ такое обезпеченіе, какого не можетъ дать частное долговое обязательство, особенно безъ залога, и всегда будетъ принимаема и съ низшимъ процентомъ противъ того, какой можно получить въ частныхъ сдѣлкахъ.

Между тѣмъ невозможность занимать деньги на усиленіе производительности иначе, какъ по высокому проценту съ неизбѣжными уловками для того, чтобы обойти законъ, и слабость частнаго кредита вообще въ Россіи, продолжали существовать и парализировать развитіе производительности. И рядомъ съ этимъ продолжалъ существовать фактъ, что на государственныя бумаги можно получать болѣе указнаго процента, такъ какъ онѣ стоятъ ниже пàри, да еще возникъ такой новый фактъ, какъ такъ-называемыя кассы ссудъ, въ которыхъ завѣдомо всѣмъ, и отчасти именно благодаря стѣсненію добросовѣстнаго частнаго кредита, взимаются съ заемщиковъ проценты истинно-лихвенные, обходя законъ подъ видомъ платы за храненіе вещей, когда эти же вещи служатъ вѣрнымъ обезпеченіемъ, охраняютъ ростовщика отъ всякого риска!

Такія соображенія не могли не оказать дѣйствія на наше высшее законодательное учрежденіе, которому приходилось утверждать уставы разныхъ частныхъ кредитныхъ обществъ, допускающіе отступленія отъ общаго правила объ указномъ процентѣ. И вотъ, какъ мы слышали, по инціативѣ возникшей именно въ государственномъ совѣтѣ, было поручено въ 1868-мъ году министру финансовъ внесть свое заключеніе относительно общаго вопроса объ узаконенномъ ростѣ, что министромъ финансовъ въ самомъ концѣ прошлаго года и исполнено. По проекту закона, внесенному министромъ финансовъ, сколько намъ извѣстно, предполагалось отмѣнить всѣ постановленія объ ограниченіи размѣра процентовъ въ обязательствахъ по займу, и удержать законный размѣръ 6% только для примѣненія къ тѣмъ сдѣлкамъ, въ ко-

рыхъ размѣра не условлено по соглашенію. Это есть то, что назы-
ется taux légal, то-есть процентъ законный, но не обязательный.
įѣстѣ съ тѣмъ предположено объявить недѣйствительность въ до-
ворахъ условій о сложныхъ процентахъ. Наконецъ, предположено
;е постановить, что всѣ сдѣлки, заключенныя до отмѣны узаконеній
ростѣ, должны быть исполняемы на точномъ ихъ основаніи, и что
всѣмъ заемнымъ обязательствамъ, которыя будутъ заключаемы
:лѣ такой отмѣны, должникъ вправѣ возвратить занятый имъ капи-
ľъ во всякое время, спустя шесть мѣсяцевъ по заключеніи займа,
тѣмъ лишь, чтобы заимодавецъ былъ предупрежденъ объ этомъ
менѣе какъ за три мѣсяца впередъ.

Положенія эти вполнѣ раціональны и соотвѣтствуютъ способу рѣ-
нія этого вопроса въ большей части другихъ государствъ. Послѣд-
изъ приведенныхъ постановленій содержитъ мысль совсѣмъ новую
первые осуществлено было въ законодательствѣ итальянскомъ. Въ
льянскомъ законѣ 1857-го года должнику предоставлено право во
кое время, по истеченіи пяти лѣтъ послѣ заключенія заемнаго до-
)ра, несмотря ни на какое противорѣчащее условіе, возвратить ка-
алъ, если этотъ капиталъ занятъ за ростъ превосходящій процентъ
нятый закономъ (taux légal), который, впрочемъ, не обязателенъ.
этомъ случаѣ, должникъ обязанъ только письменно сообщить о
ъ заимодавцу за *шесть* мѣсяцевъ до возврата. Это остроумное
гиводѣйствіе закона лихвѣ въ видѣ долгосрочной кабалы вошло и
:ѣверогерманскій законъ 1867-го года, но безъ всякаго уже срока
пріобрѣтенія должникомъ права; такъ что отъ невыгодной сдѣлки
можетъ отказаться тотчасъ же, и затѣмъ исполнять ее только
іеніи *трехъ* мѣсяцевъ,—срока, установленнаго для предваренія имъ
іодавца о предстоящемъ возвратѣ капитала. У насъ предполагается
:рь нѣчто среднее: право должника возникаетъ по прошествіи не
: лѣтъ, какъ въ Италіи, а только 6-ти мѣсяцевъ, и срокъ для пред-
:нія заимодавца постановленъ 3 мѣсяца, какъ въ сѣверогерман-
ľъ законѣ.

Іо нашему убѣжденію однако, въ предположеніе министерства
энсовъ напрасно не вошла какая-либо оговорка относительно осо-
надзора и особыхъ правилъ для такъ-называемыхъ кассъ ссудъ,
щихъ деньги подъ залогъ вещей. Эти заведенія въ Англіи и Прус-
несмотря на отмѣну указнаго роста общимъ закономъ, остались
ниченными извѣстнымъ максимумомъ прибыли. Это собственно
ниченіе можетъ быть признано непрактичнымъ, но во всякомъ
аѣ, съ отмѣною указнаго процента, естественно было бы пере-
рѣть нынѣшнія правила о ссудныхъ кассахъ, съ цѣлью обезпе-
я сохранности залоговъ и устраненія возможности обмана.

Іроектъ, внесенный министромъ финансовъ въ наше высшее зако-

нодательное учрежденіе, не встрѣтилъ тамъ, сколько извѣстно, оппозиціи по существу. Тѣмъ не менѣе на законодательномъ пути онъ встрѣтился съ совершенно неожиданными препятствіями. По одному мнѣнію, согласному съ мыслью выраженною министромъ юстиціи, отмѣну у насъ указнаго роста слѣдовало бы отложить до разрѣшенія вопроса объ отмѣнѣ тюремнаго заключенія за долги. Сторонники этого мнѣнія говорятъ, что странно было бы заставлять суды сажать людей въ тюрьму за неуплату какихъ-нибудь чудовищныхъ процентовъ. Но это чистое недоразумѣніе. Развѣ нынѣ не сажаютъ людей въ тюрьму за неуплату въ дѣйствительности чудовищныхъ процентовъ? Вся разница въ томъ, что съ отмѣною указнаго роста, размѣръ откровенно бы показывался въ договорѣ. Но развѣ достоинство суда, зависитъ отъ внутренней справедливости и обоюдной выгодности тѣхъ обязательствъ, которыя судъ охраняетъ? Вовсе нѣтъ: дѣло суда—сила свободнаго договора, а не разборъ его равномѣрной выгодности. Говорятъ: ростовщичество усилится, если дозволить брать сколько угодно процентовъ, сохраняя притомъ для него гарантію тюрьмы, угрожающей должнику. Но кто думаетъ, что послѣдствіемъ отмѣны указнаго роста будетъ усиленіе ростовщичества, тотъ долженъ говорить противъ самой отмѣны указнаго роста, а не въ пользу ея, съ какою-либо отсрочкою. Въ этомъ мнѣніи недостаетъ логической связи. Можно утверждать по логикѣ, что если отмѣнить гарантію займа тюрьмой, то процентъ возрастетъ. Это будетъ справедливо или нѣтъ, но будетъ логично. Но логично ли утверждать, что прежде слѣдуетъ отмѣнить гарантію, для того чтобы процентъ не возросъ? Вѣдь процентъ и можетъ возрасти именно отъ увеличенія риска, а никакъ не отъ сохраненія лишней гарантіи.

Другое мнѣніе высказалось противъ такой отсрочки осуществленія проекта министра финансовъ. Но за то оно, къ сожалѣнію, полагаетъ исключить изъ него весьма полезное постановленіе, относительно права должника возвращать занятый капиталъ, вслучаѣ невыгодности сдѣлки, т.-е. постановленіе заимствованное изъ итальянскаго закона и вошедшее въ законъ германскій. Соображеніе послужившее къ такому мнѣнію заключается единственно въ томъ, что такое правило было бы стѣснительно для капиталистовъ, которые при его дѣйствіи никогда не могли бы быть увѣрены въ помѣщеніи своего капитала на извѣстный срокъ, а это вело бы къ возвышенію ими процента ссудъ. Какимъ образомъ капиталисты, для устраненія невыгодности ихъ ссуды для должника, стали бы впередъ увеличивать эту невыгодность особымъ повышеніемъ процента—непонятно. Что касается понятія о „стѣснительности“, то оно весьма растяжимо. Во всякомъ случаѣ рискъ для капиталиста получить свой капиталъ обратно въ цѣлости и еще съ предвареніемъ за три мысяца не такъ великъ, какъ рискъ для заем-

ика попасть на долгіе года въ какую-нибудь разорительную кабалу, ъ которой нѣтъ исхода.

Не знаемъ, какое мнѣніе относительно узаконеннаго роста одержитъ рхъ въ правительственныхъ сферахъ, но мы думаемъ, что примѣръ падныхъ государствъ, подкрѣпляемый и наукою, не долженъ остаться зъ вліянія на рѣшеніе этого вопроса у насъ въ смыслѣ выгодномъ я будущаго развитія частнаго кредита и промышленной предпріимвости.

Въ этомъ будущемъ развитіи отечественной промышленности, по шему мнѣнію, должно также играть большую роль наше земство. ѣ настоящее время, найдется не мало такихъ людей, которые нынче все не интересуются земскими дѣлами, и они съ извѣстной точки ѣнія правы. Съ тѣхъ поръ, какъ выяснилось на практикѣ, что земія учрежденія не могутъ служить достаточнымъ контролемъ для министраціи, у которой они сами находятся въ подчиненіи, и съ хъ поръ въ особенности, какъ ограничена земская гласность, не лько исчезли преувеличенныя надежды, прежде возлагавшіяся на ство, но ослабѣли и тѣ скромныя ожиданія, которыя ничего преличеннаго въ себѣ не имѣли. Объ этомъ надо жалѣть, такъ какъ шъ путь къ европейскимъ условіямъ быта лежитъ не только чрезъ ле политическихъ или государственныхъ улучшеній и реформъ, но чрезъ необъятную область въ дѣлахъ чисто-хозяйственнаго благустроенія, и послѣдній путь все-таки непремѣнно долженъ быть ойденъ для того, чтобы русская жизнь въ самомъ дѣлѣ стала знью европейскою. Онъ долженъ быть пройденъ неуклоннымъ, упормъ стараніемъ, и ни въ какомъ случаѣ не могъ бы быть обойденъ иному пути, будто бы кратчайшему. Для устройства школъ, догъ, для развитія промысловъ, нѣтъ иного пути, нѣтъ пути кратйшаго, какъ именно устраивать школы и дороги, и содѣйствовать звитію промысловъ.

На самыя земства, впрочемъ, нельзя сѣтовать относительно собенно школьнаго дѣла. Намъ уже случалось доказывать цифрами, о земство на дѣло народнаго образованія почти вездѣ обратило знательную долю своихъ небольшихъ средствъ, и что земскій бюджетъ роднаго образованія постоянно возрастаетъ. Пусть министерство роднаго просвѣщенія объявляетъ неудовлетворительною дѣятельсть училищныхъ совѣтовъ, въ которыхъ движущимъ элементомъ ляется именно элементъ земскій, и пусть оно предпочитаетъ имъ ои инспекціи народныхъ училищъ. Такое мнѣніе министерства, коно, не можетъ быть для земства утѣшительнымъ, послѣ сдѣланхъ земствомъ пожертвованій и усилій. Но, во всякомъ случаѣ, въ ѣшеніе земству остается тотъ неоспоримый фактъ, что его дѣятель-

ность по училищному дѣлу состоитъ въ принесеніи ему средствъ, постоянно возрастающихъ, между тѣмъ, какъ дѣятельность инспекторовъ съ помощниками прежде всего обусловливается предоставленіемъ средствъ имъ самимъ, средствъ, которыя, какъ извѣстно, предполагается и теперь еще увеличить присоединеніемъ къ инспекторамъ особыхъ помощниковъ и т. д. Въ отношеніи устройства дорогъ, дѣятельность земствъ разныхъ мѣстностей слишкомъ различна, чтобы ее можно было охарактеризовать одной чертою. Въ этомъ отношеніи добытые земствомъ доселѣ результаты также различны, какъ различно оставленіе въ дѣйствительности почти полнаго бездорожья съ устройствомъ даже желѣзныхъ дорогъ съ гарантіею. И тому, и другому есть примѣры. Что же касается начинаній въ смыслѣ развитія промысловъ, то объ этомъ земская хроника, пока, сообщаетъ весьма мало, хотя всѣми, конечно, сознается тотъ капитальный фактъ, что неразвитость промысловъ въ Россіи не только лишаетъ земледѣльческую массу важнаго подспорья къ уплатѣ податей, но и вредитъ самому земледѣльческому хозяйству, оставляя его въ зависимости у сельскихъ кулаковъ и у мѣщанъ-барышниковъ. Сами мелкіе города въ Россіи существуютъ не промыслами, служащими къ снабженію земледѣльческаго хозяйства селъ, а мелкою торговлею и перекупкою, основанною на отсутствіи промысловъ въ селахъ. Эти мелкіе города, въ томъ числѣ множество уѣздныхъ, сами не производятъ ничего, а живутъ только доставленіемъ въ села промышленныхъ продуктовъ первой потребности изъ большихъ городовъ и промышленныхъ центровъ. У насъ нерѣдко вмѣняютъ въ вину евреямъ то, что, скученные въ одной полосѣ государства, они мало производятъ, а больше занимаются перекупками, мелкою торговлею, барышничествомъ. Но среди евреевъ въ западной Россіи больше ремесленниковъ, чѣмъ среди мѣщанъ мелкихъ городовъ внутреннихъ губерній; эти мѣщане въ дѣйствительности главнымъ образомъ занимаются именно тѣмъ барышничествомъ, той эксплуатаціею селъ, которая получила названіе еврейской. Только мѣщане внутреннихъ губерній не могутъ привесть въ свое извиненіе, подобно евреямъ, что они скучены всѣ въ одной полосѣ, что на всѣхъ не хватитъ заработка и что надо же чѣмъ-нибудь жить: законъ не поставляетъ преграды разселенію этихъ мѣщанъ по всему пространству имперіи, сообразно съ потребностью и цѣнами заработковъ въ разныхъ ея мѣстностяхъ.

Развитіе промысловъ — дѣло огромной важности и, конечно, зависитъ не отъ одного земства. Преобладающіе для нея факторы — система податей, система тарифа и система кредита, не находятся въ рукахъ земства. Но земство можетъ и въ этомъ отношеніи принесть большую пользу, а именно посредствомъ устройства промышленныхъ артелей, при чемъ оно явится вооруженное весьма важными для раз-

ітія промысловъ данными: починомъ и надзоромъ въ устройствѣ ар-
ілей и кредитомъ, въ видѣ ссудъ изъ своихъ капиталовъ. Примѣръ
Іульце-изъ-Делича показываетъ, чтó значитъ въ такомъ плодотвор-
омъ дѣлѣ починъ даже *одного* человѣка. Тутъ безкорыстная любовь
ь дѣлу и просвѣщенныя личныя усилія важнѣе всего, потому что
ързрозненность и безпомощность рабочихъ зависятъ въ значительной
тепени просто отъ недоразумѣнія, отъ вялости, оттого, что рабочіе
икогда и не видали такой посреднической услуги, которая бы не
ыла эксплуатаціею. Нѣтъ народа, которому артельное начало было
ı сроднѣе, чѣмъ народъ русскій. И если за дѣло устройства про-
ышленныхъ артелей принялось бы все земство, а не одинъ человѣкъ,
мство, располагающее притомъ капиталами, стало быть способное
только руководить дѣломъ, но и класть его основаніе ссудами,—то
ѣтъ никакого сомнѣнія, что промышленныхъ артелей, для изготовле-
і первоначальныхъ мануфактурныхъ потребностей, въ Россіи скоро
зникло бы громадное число. Дѣло это—истинно-плодотворное, и будь
кой повсемѣстный починъ земства, оставалось бы только желать,
обы дѣло строго удерживалось въ границахъ раціонально-артельнаго
тройства, то-есть, чтобы артели не превращались постепенно въ
мпаніи съ наймомъ рабочихъ, какъ то отчасти случилось въ Анг-
ı. А пойти оно, во всякомъ случаѣ, пойдетъ и очень быстро.

Такой примѣръ просвѣщеннаго почина въ артельномъ дѣлѣ и
ітомъ съ соблюденіемъ строгой раціональности въ его постановкѣ
іатривается изъ журнала тверской губернской управы отъ 8-го
рта текущаго года. Тверское губернское собраніе въ 1869-мъ году,
предложенію управы, рѣшилось сдѣлать опытъ „принятія мѣръ къ
ıленію и развитію мѣстныхъ промысловъ на артельномъ началѣ".
я этой цѣли собраніе ассигновало на первый разъ тысячу рублей,
разивъ притомъ убѣжденіе, что и „весь принадлежащій земству, такъ
ываемый, продовольственный капиталъ имѣетъ исключительно ту же
ль пособія для развитія мѣстныхъ промысловъ". Всего этого капи-
а у тверского земства числится свыше 46$^1/_2$ т. р. Изъ него и были
игнованы, по смѣтѣ 1870-го года, первоначальные 1000 р. на разви-
промысловъ на артельномъ началѣ, а затѣмъ открыта, въ 1870-мъ
у, ссудная касса для содѣйствія развитію сельскаго хозяйства и
мышленности, причемъ по смѣтѣ 1871-го года уже ассигновано
0 р. на безвозвратные расходы по устройству ссудныхъ товари-
ствъ и улучшенію промысловъ на артельномъ началѣ. Итакъ, при-
ллено къ образованію и сельскаго взаимнаго кредита и артелей
мышленнаго производства.

Дѣло тотчасъ пошло на ладъ, и какъ ни скромны эти начинанія
рского земства, какъ ни многосложно все, чтó оно успѣло сдѣлать

до сихъ поръ въ столь короткое время, мы не колеблясь признаемъ за этими начинаніями весьма важное значеніе для всей Россіи. Изложимъ вкратцѣ ходъ дѣла по образованію артелей. Въ февралѣ 1870-го года, нѣсколько затверецкихъ мѣщанъ-кузнецовъ просили управу оказать имъ помощь, такъ какъ они находятся въ совершенной зависимости отъ капиталистовъ, у которыхъ они постоянно въ долгу. Управа согласилась оказать имъ помощь, но не иначе, какъ въ составѣ правильно организованной кузнечной артели. Пять кузнецовъ образовали такую артель, вѣроятно по указаніямъ же членовъ управы, и она выдала имъ изъ своего первоначальнаго кредита въ 1000 р.—300 руб. заимообразно, на покупку необходимаго для производства матеріала, желѣза и угля. Затѣмъ, въ октябрѣ, подобное желаніе заявлено было уже крестьянами нѣкоторыхъ деревень первитинской волости тверского уѣзда. Управа рѣшилась „сдѣлать опытъ учрежденія артельнаго производства въ нѣсколько бóльшемъ размѣрѣ и притомъ въ средѣ крестьянскаго населенія, какъ наиболѣе поставленнаго въ зависимость отъ мѣстныхъ кулаковъ и скупщиковъ". Управа не только оцѣнила важность этого дѣла, но и съумѣла совершенно вѣрно взвѣсить условія для его успѣха. Она убѣдилась, что починъ въ немъ долженъ принадлежать земству, и не только починъ, но и наблюденіе и руководство въ первоначальныхъ дѣйствіяхъ учреждаемыхъ артелей, по новости этого дѣла. На учрежденіе артелей она положила употребить 3 т. р. изъ продовольственнаго капитала.

При содѣйствіи земской управы, очень скоро образовались уже восемь артелей, основанныхъ на формальныхъ нотаріальныхъ договорахъ. Сущность этихъ договоровъ состоитъ въ томъ, что члены артели обязались работать соединенными силами втеченіи шести лѣтъ, на общія средства покупать инструменты и матеріалъ, и продажу артельнаго продукта (гвоздей) производить отъ артели, съ тѣмъ, чтобы изъ чистаго барыша въ концѣ перваго года отчислялось въ пользу каждаго члена только по рублю, а въ слѣдующіе годы не менѣе двухъ рублей. Никто изъ артельщиковъ не имѣетъ права посылать на артельную работу другое лицо, вмѣсто себя, и обдѣлывать артельный товаръ наемными работниками — условіе весьма важное для сохраненія артелей, впослѣдствіи, когда онѣ уже твердо станутъ на ноги съ характеромъ рабочихъ, производительныхъ обществъ. Общія дѣла въ артели, относительно производства, рѣшаются большинствомъ голосовъ членовъ артели, и новые члены принимаются въ артель также большинствомъ голосовъ. Артель избираетъ себѣ старосту, который ведетъ книги и хранитъ имущество, но артельво всякое время контролируетъ и книги, и имущество, и всѣ дѣйствія старосты. По прошествіи шестилѣтняго срока, все имущество артели и капиталъ, образовавшійся въ ней, раздѣляются между ея членами по счету времени, втеченіи котораго каждый

ъ нихъ принималъ участіе въ образованіи запаснаго капитала. Все
о вполнѣ раціонально. Единственное возраженіе, какое можно сдѣ-
ть противъ этого нормальнаго договора, служащаго артелямъ уста-
мъ, касается слѣдующаго пункта: „всѣ члены артели должны отвѣ-
ть своимъ имуществомъ съ круговою порукою другъ за друга по ис-
ненію всѣхъ принятыхъ артелью на себя обязательствъ.“ Поло-
мъ, здѣсь договоръ заключается всего на 6 лѣтъ, и притомъ никто
подвергается такой круговой порукѣ иначе, какъ по *личному* сво-
желанію, такъ какъ отъ всякаго зависитъ вступать или не всту-
ъ въ такую артель съ круговою порукою; это большое отличіе отъ
ледѣльческой общины. Еще болѣе существенное отличіе первой
послѣдней состоитъ въ томъ, что члены тверскихъ артелей отвѣ-
ютъ своимъ имуществомъ за коллективныя дѣйствія самой артели, а
за исправность взноса личныхъ податей. Солидарность членовъ
мышленнаго предпріятія по отношенію къ самому этому предпрія-
вполнѣ понятна. Тѣмъ не менѣе, едва ли полезно было бы настаи-
ь впослѣдствіи, т.-е. когда въ артеляхъ уже образуются свои ка-
алы, на удержаніи такой неограниченной отвѣтственности членовъ
ели за дѣйствія ея *всѣмъ* ихъ имуществомъ, стало быть и тѣмъ,
орое находится *внѣ* артели. Иначе могутъ представиться случаи,
обные поколебать охоту къ участію въ артеляхъ. Напр., легко
ставить себѣ, что у крестьянина-кузнеца описали бы скотъ за
правность артели въ такой операціи, противъ которой самъ этотъ
тьянинъ подалъ голосъ.

Губернская тверская управа ссужаетъ деньги артелямъ на 6-ть
ъ, съ тѣмъ, чтобы эти деньги были употребляемы непремѣнно на
зводство, и по прошествіи 6-ти лѣтъ были возвращены съ про-
ами по 3 к. на рубль, при чемъ оговорено, что артели не имѣютъ
а вступать ни въ какія постороннія денежныя обязательства или
ючать займы безъ согласія губернской управы. Управа также ос-
ла за собою наблюденіе надъ артелями, поручивъ его своему
номоченному. Управа пошла еще далѣе, и на первое время при-
на себя даже коммерческое содѣйствіе артелямъ, выговоривъ
нихъ выгодную поставку желѣза у одного купца, за свой счетъ,
редивъ въ Осташковѣ свой складъ для сбыта гвоздей, которые
принимаетъ отъ артелей за деньги. Дѣло пошло такъ успѣшно и
разрослось, что теперь образовалось уже, съ содѣйствіемъ и при
щи ссудъ управы, 27 кузнечныхъ артелей и двѣ сапожныя ар-
Журналъ управы, заключающій эти свѣдѣнія, подписанъ кня-
Б. Мещерскимъ и гг. П. Максимовичемъ, Л. Ушаковымъ и В. Лин-
которыхъ имена мы съ особеннымъ удовольствіемъ заносимъ на
страницы; дѣло ихъ почтенно само по себѣ и весьма важно
примѣръ, какъ начало, которому земство всѣхъ губерній можетъ

придать большіе размѣры, такъ, чтобы сдѣлать значительный шагъ къ развитію разныхъ отраслей промысловъ въ Россіи.

Въ началѣ хроники, по поводу разрѣшеннаго открытія въ Петербургѣ Музея Промышленности, мы коснулись того, что́ должно сопутствовать, если не предшествовать, открытію подобныхъ музеевъ, а именно—такими ихъ спутниками должны быть народныя школы. Весьма потому кстати, въ числѣ проектовъ, которые были внесены министерствомъ народнаго просвѣщенія въ государственный совѣтъ, находится, какъ извѣстно, и проектъ объ учрежденіи начальныхъ народныхъ училищъ въ городахъ, а также учительскихъ институтовъ, для снабженія тѣхъ школъ спеціально-приготовленными учителями. Сущность этого проекта состояла въ томъ, чтобы изъ 443 существующихъ нынѣ уѣздныхъ училищъ, 405 преобразовать въ городскія училища одноклассныя, двухклассныя, трехклассныя и четырехклассныя, и затѣмъ, по мѣрѣ потребности, учреждать новыя такія училища на счетъ государства, а также разрѣшать ихъ учрежденіе на земскія или частныя средства, и для снабженія городскихъ училищъ учителями учредить, на первое время семь учительскихъ институтовъ, т.-е. по одному на каждый учебный округъ (въ двухъ остальныхъ, именно: варшавскомъ и дерптскомъ уже есть учительскія семинаріи). Основнымъ типомъ городскихъ училищъ будетъ служить одноклассная начальная школа. Курсъ ученія въ городскомъ училищѣ, будь оно съ однимъ, двумя, тремя или четырьмя классами, все равно продолжается шесть лѣтъ, что́ достигается посредствомъ подраздѣленій каждаго класса. Притомъ на высшей ступени обученія въ каждомъ изъ этихъ училищъ, т.-е. въ высшемъ подраздѣленіи училища одноклассного и въ высшемъ классѣ училищъ многоклассныхъ обученіе принимаетъ характеръ профессіональный, „согласно потребностямъ мѣстнаго населенія".

Противъ этого послѣдняго предположенія можно бы возразить, что оно основано на нѣкоторой иллюзіи. Что значатъ „мѣстныя потребности" въ дѣлѣ первоначальнаго образованія? Конечно, приморскимъ жителямъ полезно имѣть понятіе о постройкѣ легкихъ судовъ, управленіи парусами, рыбной ловлѣ. Но, во-первыхъ, такія опредѣленныя потребности и существуютъ собственно только въ средѣ поморовъ. Во всѣхъ же остальныхъ городахъ Россіи, много ли различаются мѣстныя профессіональныя потребности? Во-вторыхъ, такія прикладныя или ремесленныя познанія ничего общаго съ первоначальнымъ обученіемъ не имѣютъ, потому что научная теорія на той степени, какую она имѣетъ въ первоначальномъ обученіи, ничего не въ состояніи сдѣлать для ремесла. Простое обученіе ремесламъ, разумѣется, полезно; но это уже не образованіе, и министерство не предполагаетъ дѣлать въ своихъ школахъ обязательнымъ ремесленнаго обученія, для чего, впрочемъ, оно вовсе не имѣло бы и средствъ. Что же касается такого профессіональнаго

іаправленія первоначальнаго обученія, которое предполагается по ариѳметикѣ въ видѣ „выбора содержанія задачъ изъ мѣстной промышіенной дѣятельности", или по естествовѣдѣнію въ видѣ „объясненія іолезныхъ и вредныхъ животныхъ", то это педагогическія мысли конечно ѣевинныя, но и не болѣе, какъ невинныя.

Но не будемъ дѣлать возраженій на подробности различныхъ предоложеній министерства на пользу начальнаго обученія, хотя бы и въ дныхъ только городахъ. Правда, на первое время предвидится не чрежденіе новыхъ училищъ, а только преобразованіе прежнихъ. Но се-таки средства на народное образованіе при этомъ увеличиваются, именно испрашивается добавочный ежегодный отпускъ изъ государвеннаго казначейства по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія ь 350,905 рублей, да еще одновременный отпускъ 140 т. р. на устройство іемныхъ помѣщеній для учительскихъ институтовъ и пособіе учителямъ ѕздныхъ училищъ. Впрочемъ, всѣ эти средства потребуются не въ інѣшнемъ же году, а постепенно, по мѣрѣ хода преобразованія. Главе же дѣло въ томъ, что учреждается же наконецъ, хотя и малое сло, учительскихъ семинарій или институтовъ. Это хорошее начало, утѣшительно видѣть, какъ раціонально министерство усвоило себѣ мысль, которую ему неоднократно рекомендовали. Мысль эта весьма оста: разсчитать, сколько потребуется учителей для предполагаемаго сла школъ, опредѣлить соотвѣтственное число учительскихъ инститовъ, сосчитать, сколько учителей будетъ приготовлено ими къ изстнымъ годовымъ срокамъ, и такимъ образомъ знать, что въ опреіенное время мы получимъ столько спеціально-приготовленныхъ ітелей, сколько намъ надо. Это значитъ дѣйствовать не на-обумъ, о сознательному плану, и много разъ говорилось уже, что необходимо ѕть такой планъ, что безъ него все школьное дѣло не пойдетъ, что езъ того упущено уже много времени.

Наконецъ, взялись-таки за это дѣло и вотъ теперь сдѣланъ разгъ, по которому и при 7-ми всего учительскихъ институтахъ, мы ѕъ шесть лѣтъ получимъ 1040 спеціально-подготовленныхъ народныхъ гелей. „Полагая изъ этого числа 105 человѣкъ неудавшихся— читываютъ составители проекта—остается хорошихъ учителей 935", азсчитываютъ основательно. За симъ, можно только пожалѣть, что читываютъ они поздно и все еще въ такихъ малыхъ размѣрахъ. яснимъ нашу мысль: нынѣшнее начинаніе министерства мы примъ плодотворнымъ, сочувствуемъ этому начинанію вполнѣ, и жаѣъ только, что оно не состоялось раньше да и нынѣ ограничивается узкими размѣрами.

Іинистерство народнаго просвѣщенія въ предшествующее управленіе самаго начала своей дѣятельности усердно занялось вопросомъ о дныхъ училищахъ вообще, и плодомъ его кратковременной дѣятель-

ности было положеніе 1864-го года, которое учредило училищные совѣты и правильно рѣшило важный вопросъ о надзорѣ за народными училищами, рѣшило его болѣе справедливо и болѣе сообразно съ успѣхомъ дѣла, чѣмъ онъ рѣшенъ въ самой Пруссіи. Тѣмъ же министерствомъ, передъ самымъ прекращеніемъ его дѣятельности, было составлено предположеніе объ открытіи 15-ти учительскихъ семинарій, для чего имъ и было испрошено 150 т. р. Затѣмъ извѣстно, что все, что̀ сдѣлано послѣ для народныхъ училищъ, сдѣлано земствомъ, и извѣстно также, что земство сдѣлало это благодаря своему вліянію въ училищныхъ совѣтахъ, которые были учреждены положеніемъ 1864-го года. Нынѣшнее министерство народнаго просвѣщенія разсчитало теперь, что и при 7-ми только учительскихъ институтахъ, изъ которыхъ каждый будетъ стоить государству 27,200 р. въ годъ, можно приготовить въ шесть лѣтъ около тысячи хорошихъ учителей. Итакъ, еслибы нынѣшнее министерство съ самаго начала своей дѣятельности, т.-е. съ 1866-го года, взялось за то дѣло, за которое принимается теперь, и притомъ учредило бы не 7, а положимъ хоть двадцать, что̀ составило бы лишній ежегодный расходъ всего въ 544 т. р., то мы *уже теперь*, т.-е. къ 1872—73-му году ожидали бы готоваго комплекта около *трехъ тысячъ* народныхъ учителей. Не говоримъ уже о томъ, что можно было и сократить эту издержку, но что же значило бы для государства увеличеніе бюджета на полмилліона на такое крайне-настоятельное, крайне-спѣшное дѣло? Да, наконецъ, вѣдь министерство въ послѣдніе пять лѣтъ увеличило свой бюджетъ и болѣе чѣмъ на такую сумму. Не правы ли мы были говоря—„дѣло вовсе не въ недостаткѣ денегъ; вся сила въ системѣ принятой министерствомъ. Если же виновата эта система, то эту систему необходимо отмѣнить".

Люди, всегда дѣйствующіе изъ личныхъ цѣлей, усмотрѣли въ этихъ нашихъ словахъ единственныя понятныя имъ побужденія, т.-е. чисто-личныя цѣли. Они истолковали наши слова такъ, что мы будто-бы предлагаемъ перемѣну въ личномъ составѣ управленія. Но насъ, людей постороннихъ, разсуждающихъ объ общественныхъ интересахъ, вовсе не такъ интересуетъ этотъ личный составъ, какъ тѣхъ людей, которые, подобно господину Леонтьеву, состоятъ на службѣ въ министерствѣ. Имъ важно имѣть начальникомъ именно такое-то *лицо*. Мы вовсе не находимся въ его положеніи, а потому насъ интересуетъ именно только система, а не лицо. Необходимость перемѣны системы, необходимость внесенія въ дѣло начальнаго обученія иныхъ убѣжденій сознана была нами. Если перемѣна убѣжденій возможна безъ измѣненія личнаго состава, то это насъ нисколько не занимаетъ; намъ все равно, лишь бы убѣжденія примѣнялись иныя, лишь бы въ дѣлѣ учрежденія начальнаго образованія, какъ и въ дѣлѣ направленія образованія средняго система, которой слѣдовали до сихъ поръ, была оставлена, была осуждена новыми начинаніями.

Въ дѣлѣ начальнаго образованія теперь такое осужденіе прежнихъ ннциповъ осуществлено проектомъ министерства, и притомъ осужденіе нааго рѣшительнаго свойства. Министерство 1866-го года, пропустивъ ть лѣтъ, возвращается нынѣ къ тому пункту, на которомъ прервалась ятельность министерства 1861-го года, т.-е. къ учрежденію учительнхъ семинарій или институтовъ. Разница только въ томъ, что при ежнемъ управленіи такихъ заведеній предполагалось уже съ 1866-го тнадцать, а настоящее управленіе предполагаетъ устроить ихъ и нѣ, по прошествіи пяти лѣтъ, только половинное количество, именно 7. при этомъ все-таки нынѣшнее управленіе возвращается къ принципу его предшественника, и самымъ рѣшительнымъ образомъ осуждаетъ и собственные принципы.

Въ самомъ дѣлѣ, оффиціальный органъ управленія 1866-го года, урналъ М. Н. П." на самыхъ же первыхъ порахъ, именно въ январѣ 67-го года заявилъ, что учрежденіе педагогическихъ семинарій въ дѣніи министерства народнаго просвѣщенія имѣло бы самыя гибельныя лѣдствія, устранивъ отъ народнаго образованія духовенство, и тѣмъ нивъ его религіозно-нравственнаго характера. Оффиціальный органъ истерства объявлялъ такую руководящую мысль новаго управленія, приготовленіе народныхъ учителей должно быть всецѣло прегавлено православному духовенству, министерство же, какъ и земство, этомъ отношеніи должно ограничиться однимъ *доставленіемъ духотву средствъ* на открытіе школъ. Весь разсчетъ Журнала М. Н. П. ъ въ то время на воспитанниковъ духовныхъ семинарій, многоенность ихъ служила ему порукой, что въ хорошихъ народныхъ теляхъ у насъ недостатка не будетъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ смѣту истерства были внесены съ 1870-го года 51 т. руб. на стипендіи телямъ изъ семинаристовъ. Между тѣмъ, нынѣ предполагается дить въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія 7 учительъ институтовъ, и гибельныхъ послѣдствій отъ этого никакъ не видится, напротивъ, выражается увѣренность, что получатся, такимъ зомъ, хорошіе народные учители. Мало того: предполагается разеніе и даже учрежденіе на государственныя средства новыхъ начальь училищъ въ городахъ, и въ проектѣ устава прямо указанъ покъ разрѣшенія такихъ училищъ, и единственнымъ условіемъ при ъ указана просто дѣйствительная мѣстная потребность въ учиихъ. Между тѣмъ, въ прежнее время то же министерство народнаго вѣщенія заявляло такое правило, что народныя школы вѣдѣнія стерства народнаго просвѣщенія могутъ быть учреждаемы не иначе, *послѣ удостовѣренія отъ духовнаго вѣдомства*, что къ тому съ стороны не имѣется препятствій. Это правило, какъ видно изъ кта, министерство нынѣ не считаетъ нужнымъ примѣнять, и въ мъ дѣлѣ, возможно ли удостовѣреніе въ пользѣ учрежденія школы?

Все это, безъ сомнѣнія, успѣхи, и мы искренно поздравляемъ съ ними наше учебное вѣдомство. Мы доказывали только, что прежняя система, прежнія убѣжденія несостоятельны. Затѣмъ, если перемѣна убѣжденій возможна безъ перемѣны личнаго состава, повторяемъ, то намъ это совершенно все равно; не насъ касается этотъ вопросъ.

Наше дѣло только пожалѣть, что такая перемѣна ограничивается слишкомъ узкими размѣрами для самаго дѣла и указать въ новыхъ предположеніяхъ нѣкоторые слѣды прежнихъ преоккупацій, которыхъ сущность осуждается уже самымъ смысломъ проекта. Жаль, что все-таки не предполагается учрежденіе бо́льшаго числа народныхъ школъ не въ городахъ только, гдѣ онѣ есть и теперь, а именно въ селеніяхъ; жаль, что учительскихъ институтовъ предположено всего семь. Спросимъ еще, отчего въ проектѣ нигдѣ не упомянуто, что городскія училища подчиняются училищнымъ совѣтамъ, въ которыхъ принимаетъ участіе земство? Вѣдь въ самомъ проектѣ положенія сказано, что городскія училища содержатся или на счетъ правительства, или на счетъ мѣстныхъ земствъ, городскихъ обществъ, сословій и частныхъ лицъ. Неужели же земству и городскимъ обществамъ не будетъ предоставлено никакого надзора за училищами, которыя будутъ содержаться на ихъ счетъ? Этого нѣтъ ни въ какой странѣ. Неужели же всѣ надежды успѣха школьнаго дѣла возлагаются исключительно на „инспекторовъ народныхъ училищъ“? Въ такомъ случаѣ, надо только пожелать, чтобы не всѣ они были похожи на того инспектора, о подвигахъ котораго сообщалъ гласный тверского уѣзда г. Толстой въ № 116 „С.-Пет. Вѣд.“. Этотъ инспекторъ, г. Дружининъ, представилъ уѣздному училищному совѣту объ увольненіи учителя весьма способнаго за то только, что ученики хотя оказались очень развиты, но изъ нихъ немногіе знали молитвы и заповѣди (которымъ учитъ священникъ, а не учитель), да вдобавокъ учитель (получающій 120 руб. въ годъ) былъ не чисто одѣтъ. Отзывъ г. Дружинина любопытенъ: „такъ какъ народное образованіе должно быть религіозно-нравственное, въ училище же никольскомъ не обращается вниманія ни на религію, ни на нравственность, а только на развитіе (!!) — что́ составляетъ существенное свойство нигилистическаго направленія, то....“ и т. д. Итакъ далѣе значитъ, что г. Дружининъ узнавъ, изъ сплетенъ, конечно, что учитель находится въ сношеніи съ „людьми, признанными правительствомъ вредными и лишенными права быть преподавателями“, представлялъ объ увольненіи его, что и было достигнуто въ губернскомъ училищномъ совѣтѣ въ отсутствіи обоихъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Вотъ къ какой системѣ заподозриванья и совершенно произвольнаго характера дѣйствій можетъ повести инспекція чисто-бюрократическая. Поэтому общество должно обращать особое вниманіе на всѣ постепенные шаги, направленные въ послѣднее время

къ дискредитированію училищныхъ совѣтовъ. Если цѣль ихъ — установить бюрократизмъ и произволъ, то это было бы весьма плачевно. Произволъ убиваетъ школу нравственно, бюрократизмъ же отстраняетъ отъ нея не только живое участіе общества, но и самыя средства для ея существованія.

Кстати, говоря о народномъ образованіи, мы считаемъ нелишнимъ указать на нѣкоторое недоразумѣніе, истекающее изъ обнародованныхъ въ Ж. М. Н. П. цифръ объ успѣхахъ учениковъ нашихъ гимназій. На основаніи этихъ цифръ замѣчено было въ „С.-Петерб. Вѣдомостяхъ", что процентъ оканчивающихъ курсъ ученія въ гимназіяхъ крайне малъ въ сравненіи съ общимъ числомъ учившихся, и именно составляетъ съ небольшимъ 4 процента этого числа. На такое замѣчаніе помянутой газетѣ прислано было сообщеніе, весьма рѣшительно опровергающее подобные выводы. Это сообщеніе входитъ въ пространныя ариѳметическія объясненія по вопросу весьма несложному, по простому вопросу дѣленія, и въ заключеніе излагаетъ, что для приблизительнаго разсчета, сколько изъ каждой тысячи учениковъ бывшихъ въ гимназіи оканчиваютъ курсъ, слѣдуетъ найденное процентное отношеніе помножить на число классовъ, такъ чтобы оно оказалось 289 изъ тысячи, или около 29%, а никакъ не 4,1%.

Вслѣдъ затѣмъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости" привели изъ вышедшаго нынѣ IV-го выпуска „Военно-статистическаго Сборника" — представляющаго богатое собраніе статистическихъ свѣдѣній собственно о Россіи — нѣкоторыя цифры о числѣ учениковъ въ гимназіяхъ по сословіямъ, исповѣданіямъ и т. п., — а между прочимъ и о числѣ учениковъ подвергавшихся въ 1866-мъ году гимназическому экзамену по 7-ми округамъ. Изъ этихъ цифръ въ самомъ „Военно-статистическомъ Сборникѣ" прежде всего выведено такое заключеніе, что „процентъ доходящихъ до выпускного экзамена незначителенъ, такъ какъ всего въ 79-ти гимназіяхъ было въ 1866-мъ году 20,150 воспитанниковъ, а въ VII-мъ классѣ держало выпускной экзаменъ лишь 1,148 человѣкъ, слѣдовательно около 4%". 1,148 на 20,150 составляютъ не 4%, а менѣе 5,7%. За этимъ измѣненіемъ выводъ вѣренъ. Противъ этого казалось бы ничего возразить нельзя, и ясно, что если мы помножимъ эти числа на 10, то отношеніе между ними останется тоже, и что, стало быть, по этому разсчету только около $5^1/_2$% лицъ поступившихъ въ гимназіи въ теченіи десятилѣтія, дошли втеченіи десятилѣтія же до выпускного экзамена. Но утверждать, что именно таковъ, а не больше или не меньше этотъ процентъ, никто не возьмется, потому именно, что само министерство народнаго просвѣщенія можетъ аттестовать негодными и ни къ чему не служащими основныя данныя этого вычисленія. Какой бы безспорный разсчетъ мы ни представили, авторы „сообщенія" все-таки могутъ прямо заявить намъ, что сама

основная цифра разсчета — 253,980, никуда негодится, что она ничего означать не можетъ, что она представляетъ что-либо въ родѣ числа учениковъ за 10 лѣтъ, помноженнаго еще на число лѣтъ, которое каждый пробылъ въ гимназіи, и еще раздѣленнаго, пожалуй, на возрастъ каждаго ученика. Повторяемъ—не мы поставили данныя для сужденія, и если намъ дана цифра ничего незначащая, то не мы отвѣтственны за разсчетъ, основанный на этой цифрѣ. Но если она означаетъ то, что по грамматическому смыслу она означать должна, то къ иному результату изъ нея, какъ тотъ, къ которому пришли мы, *ариѳметически невозможно*. А ариѳметическая невозможность не то, что классическое — nil impossibile volenti; пусть классическіе составители оффиціальныхъ цифръ имѣютъ въ виду *это* свойство точныхъ наукъ.

Мало того: мы утверждаемъ, что и само министерство народнаго просвѣщенія раздѣляло нашъ взглядъ на процентный разсчетъ и, подобно намъ, не выводило изъ него утѣшительныхъ соображеній. Мы утверждаемъ, что или самому министерству народнаго просвѣщенія неясны собственныя его цифры, опредѣляющія степень успѣха преподаванія въ гимназіяхъ, или само оно держится вывода сходнаго съ нашимъ, а не съ тѣмъ, который теперь представленъ авторами сообщенія. Доказательство тому мы приведемъ вполнѣ положительное. Г. министръ народнаго просвѣщенія, въ приложенной къ разсмотрѣнному выше проекту о городскихъ училищахъ запискѣ, обращенной къ государственному совѣту, свидѣтельствуетъ, что только „*самый ничтожный* процентъ оканчиваютъ полный курсъ гимназическаго ученія, а именно 4,2%, по отношенію ко всему числу учащихся". Это слово-въ-слово то, что и мы утверждали, и это говоритъ самъ г. министръ народнаго просвѣщенія. За симъ, какое же значеніе слѣдуетъ придавать словамъ „сообщенія", что „процентное отношеніе числа оканчивающихъ курсъ къ общему числу учащихся въ нашихъ гимназіяхъ не должно особенно тревожить ни правительство, ни родителей, ни подавать повода газетамъ къ толкамъ способнымъ поколебать довѣріе общества къ этимъ заведеніямъ?" Какое это можетъ имѣть значеніе, когда самъ г. министръ указываетъ на это процентное отношеніе, какъ на ничтожное, а слѣдовательно, неблагопріятное? Газеты тутъ могутъ оставаться и въ сторонѣ; имъ достаточно цитировать приведенный нами, вполнѣ компетентный и авторитетный отзывъ о „ничтожномъ процентѣ оканчивающихъ полный курсъ гимназическаго ученія", а слѣдовательно, и о ничтожномъ результатѣ этого ученія.

P. S. Мы получили, по поводу нашей майской хроники, возраженіе отъ того же лица, которое уже разъ почтило насъ своимъ вниманіемъ, и считаемъ долгомъ представить своимъ читателямъ возраженіе противной стороны:

М. Г. Позвольте мнѣ начать съ исправленія нѣкоторыхъ ошибокъ, вкравшихся во Внутреннее Обозрѣніе „Вѣстн. Евр.“ за май нынѣшняго года. Авторъ Внутр. Обозр. спрашиваетъ, какая же связь существуетъ между тремя остзейскими губерніями, различествующими и по климатическимъ, и почвеннымъ, и даже по историческимъ условіямъ своимъ? и находитъ всего два обстоятельства, связывающія ихъ, а именно: *остзейскій комитетъ* и *нѣмецкое меньшинство образованное и богатое*. Мнѣ кажется, есть между ними еще много другихъ связей, несравненно существеннѣйшихъ, чѣмъ упоминаемыя авторомъ Обозрѣнія. Назову двѣ изъ нихъ: 1) *единство администраціи*[1]) въ рукахъ одного генералъ-губернатора для всѣхъ трехъ губерній; и 2) *единство господствующаго вѣроисповѣданія*[2]); и эта послѣдняя связь могущественнѣе всякой другой, ибо связываетъ не только три губерніи между собою, но и, что гораздо труднѣе, сглаживаетъ ту рознь между сословіями и національностями, которая, къ глубокому сожалѣнію всѣхъ истинныхъ доброжелателей провинцій, все еще существуетъ (sic!) въ этихъ трехъ губерніяхъ. Во имя защиты своего вѣроисповѣданія, во имя свободы совѣсти соединяются воедино всѣ сословія и національности, вовсе между собою не дружныя. Затѣмъ говорится о какомъ-то *„эстляндскомъ адресѣ“*, а именно, на стр. 419-й сказано: *затѣмъ появился эстляндскій адресъ отъ 17 (29) марта прошлаго года“*. О какомъ это адресѣ говорится? сколько мнѣ извѣстно, никакого адреса со стороны эстляндскаго дворянства не было подано. Стало быть, онъ явился лишь въ „Аугсбургской Газетѣ“, предъявленной не нашему правительству, а иностранной публикѣ, и вовсе не дворянствомъ Эстляндской губерніи, а г. Каттнеромъ. И такой адрессъ вы считаете достойнымъ серьезнаго разбора! Я привыкъ смотрѣть на „Вѣстн. Евр.“, какъ на журналъ серьезный, а поэтому мнѣ непонятно то значеніе, которое

---

[1]) Но эта администрація устроена, какъ и остзейскій комитетъ, Россіею же; и притомъ такихъ «единствъ» у насъ окажется много: во всѣхъ генералъ-губернаторствахъ! Остзейское генералъ-губернаторство есть такое же генералъ-губернаторство, какъ и всякое другое. — *Ред.*

[2]) «Господствующимъ» вѣроисповѣданіемъ и въ Остзейскомъ краѣ остается православное; авторъ, вѣроятно, хотѣлъ сказать о многочисленности лютеранскаго населенія въ Остзейскомъ краѣ; притомъ, авторъ ниже является защитникомъ свободы совѣсти, а съ такою свободою плохо вяжется мысль о лютеранскомъ исповѣданіи, какъ «господствующемъ». Мы именно утверждаемъ, что, во имя свободы совѣсти, не слѣдуетъ изъ религіи дѣлать политическаго средства къ достиженію государственнаго единства, и мы правы, такъ какъ, наприм., въ Пруссіи Познань и Нижнерейнскія провинціи составляютъ общее государственное единство, при религіозной противоположности, и ни одинъ нѣмецкій публицистъ, если онъ не клерикалъ, не будетъ требовать для Познани или Нижнерейнскихъ провинцій какого-нибудь «единства», основаннаго на католичествѣ. — *Ред.*

авторомъ Обозрѣнія придается такому адресу[1]). За симъ позвольте мнѣ изложить вамъ взглядъ мой и всѣхъ *благоразумныхъ* людей въ прибалтійскомъ краѣ на капитуляціи и пр., вытекающее изъ нихъ.

Императоръ Петръ Великій, завоевавъ силою оружія и занявъ своими войсками нынѣшнія Эстляндскую и Лифляндскую губерніи, несмотря на это, согласился принять ихъ въ подданство свое на основаніи капитуляцій, заключенныхъ имъ не только съ каждою губерніею отдѣльно, но и отдѣльно съ каждымъ сословіемъ въ этихъ губерніяхъ. Онъ это сдѣлалъ, мнѣ кажется, по глубокому уразумѣнію тѣхъ началъ и принциповъ, которые кроются въ отдѣльныхъ статьяхъ капитуляцій, видя въ этихъ началахъ залогъ будущаго развитія и преуспѣянія подчинившихся ему новыхъ подданныхъ. Капитуляціи эти, заключенныя съ сословіями, имѣютъ поэтому исключительно *сословный* характеръ. Этотъ-то сословный характеръ и противорѣчитъ новѣйшему развитію учрежденій въ Европѣ и особенно въ Россіи. Остзейскія губерніи (я, конечно, говорю только о благоразумной части ихъ населенія) вполнѣ сознаютъ это противорѣчіе и *соціальный переворотъ въ нихъ положительно совершается.* Мнѣ кажется, однако, естественнымъ и понятнымъ, что тамъ, гдѣ сословное начало усиливается еще національною разницею, тамъ, гдѣ еще охранительное направленіе всесильно и увеличивается національною гордостію, переворотъ этотъ долженъ совершаться гораздо медленнѣе и труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, напр., чѣмъ въ коренной Россіи, гдѣ этихъ препятствій не существовало. Это, мнѣ кажется, столь ясно, что не сознавать этого можетъ только тотъ, кому неизвѣстны ни мѣстныя особенности края, ни общіе законы исторіи и развитія народовъ. Безпристрастный судья, вникнувшій въ борьбу либерализма и феодализма въ остзейскихъ губерніяхъ, я увѣренъ, вполнѣ оцѣнитъ и то немногое, что въ послѣднія 10—20 лѣтъ было совершено тамъ на пути либеральныхъ реформъ и развитія.

Сословный характеръ капитуляцій заключаетъ, однако, въ себѣ основанія, которыя настолько же опередили время, въ которое они возникли, насколько нынѣ характеръ этотъ представляется отжившимъ. Несмотря на сословный характеръ капитуляцій, остзейскія губерніи всѣмъ своимъ нравственнымъ, матеріальнымъ и общественнымъ развитіемъ обязаны тѣмъ началамъ, которыя заключаются въ нихъ. Начала эти представляютъ собою наиважнѣйшіе элементы всякаго развитія, которые прочимъ частямъ имперіи достались въ удѣлъ въ самое послѣднее время и то не вполнѣ; а именно: *свобода вѣроисповѣданія, извѣстная доля самоуправленія, независимый судъ* и *свободное употребленіе удобнѣйшаго, въ данныхъ случаяхъ, языка.* Эти начала составляютъ, такъ сказать, зерно, только въ нихъ мы можемъ найти смыслъ капитуляцій; ибо форма ихъ, характеръ относятся къ давно прошедшимъ временамъ и отжили свой вѣкъ. Но вѣдь форма вездѣ

---

[1]) Но, во-1-хъ, «Аугсбургская Газета» издается вовсе не для одной иностранной публики, и въ Ревелѣ эту газету также хорошо читаютъ, какъ и въ Петербургѣ; во-2-хъ, никакая серьезность журнала не избавляетъ его отъ необходимости говорить о публикованномъ фактѣ, нигдѣ не опровергнутомъ, хотя было такъ легко его опровергнуть. Авторъ также говоритъ: «сколько мнѣ извѣстно», а не категорически опровергаетъ этотъ фактъ.— *Ред.*

и всегда бываетъ мертвою,—только смыслъ, идея, заключающаяся въ формѣ, даетъ ей значеніе. Форму всегда можно измѣнить безъ всякаго ущерба для смысла въ ней заключающагося; измѣнить форму и здѣсь необходимо. Время этого требуетъ настоятельно; сословное начало, отвергнутое всѣми народами и государствами, должно исчезнуть и здѣсь, остаться должны тѣ начала, тѣ элементы развитія, которые мы выше назвали. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ никакого сомнѣнія, что эти самыя начала, въ измѣненной *лучшей* формѣ, поведутъ и къ *лучшимъ* результатамъ. Вотъ какимъ образомъ здѣсь смотрятъ на тѣ начала, которыя заключаются въ капитуляціяхъ. Всѣ сознаютъ, конечно, что трудно говорить о капитуляціяхъ, условіяхъ подданства и т. п., имѣя въ виду при этомъ 1-ую ст. I т. свода законовъ. Но я нахожу, что если правительство до сихъ поръ сохранило и само сохраняетъ тѣ начала, заключающіяся въ капитуляціяхъ, на которыя я выше указывалъ, то это потому, что оно справедливо въ нихъ видитъ залогъ развитія и благосостоянія края. Но сохраняло оно ихъ вѣдь только по причинѣ содержащихся въ нихъ началъ, для нихъ сохраняло оно и форму, въ которой они заключаются. Вотъ, мнѣ кажется, гдѣ кроется причина, побуждавшая правительство сохранять до сихъ поръ, въ сущности уже устарѣвшія, капитуляціи, привилегіи и т. п.

Въ „Обозрѣніи" еще упоминается о сочиненіяхъ „*Каттнера*". Я очень много занимаюсь и занимался тѣмъ, что̀ у насъ называютъ „*остзейскимъ вопросомъ*", хотя въ сущности „*вопроса*" тутъ никакого не вижу,—признаюсь, однако, откровенно, что въ первый разъ (!) приходится мнѣ слышать имя Каттнера. Это для меня и для многихъ жителей здѣшнихъ губерній, думаю, совершенно новая личность. Кто такой этотъ Каттнеръ? и кто просилъ его писать о здѣшнемъ краѣ, обнародовать документы, не подлежащіе вовсе гласности и вообще вмѣшиваться не въ свое дѣло. Скоро ли Господь Богъ избавитъ насъ отъ всѣхъ этихъ Каттнеровъ, Самариныхъ и т. п. крикуновъ. Если принимать за чистую монету все то, что пишутъ такіе господа, то придемъ къ такимъ ужасающимъ выводамъ, что просто —

„Схвативъ въ охабку
Кушакъ и шапку"....

только не домой!

Въ концѣ „Обозрѣнія" авторъ упоминаетъ о брошюрѣ „Russland & Deutschland". Вотъ это другое дѣло; это писано со смысломъ и пониманіемъ, хотя и въ ней нѣсколько ошибокъ, доказывающихъ, что авторъ брошюры не вполнѣ знакомъ съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ умовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Между прочимъ онъ говоритъ, что жители остзейскихъ губерній протестуютъ противъ учрежденія русскихъ школъ, мѣропріятій правительства къ обрусенію края, возведенія новыхъ православныхъ храмовъ и т. п.—Это невѣрно! Вовсе не противъ этого протестуютъ здѣсь: пусть правительство устраиваетъ школы, русскія, или эстскія, или латышскія—это безразлично, давай Богъ ихъ побольше, пусть строитъ православные храмы и вводитъ въ правительственныхъ учрежденіяхъ дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, — противъ всего этого никто и не думаетъ протестовать, это все естественно и понятно. Протестуютъ же противъ тѣхъ дѣятелей, которые искажаютъ эти мѣропріятія, возмущаютъ своими дѣйствіями

всѣхъ и каждаго, клевещутъ на вполнѣ преданное населеніе въ имперіи, и самыя невинныя дѣйствія возводятъ на степень государственныхъ преступленій. Примѣровъ множество,—приведу ихъ два: 1) Изъ Ревеля (не хочу называть никого по имени) писали въ Петербургъ, что жители Ревеля вывѣшиваютъ на своихъ домахъ флагъ Сѣверо-Германскаго Союза. Оказалось, что былъ вывѣшенъ во всемъ Ревелѣ одинъ только такой флагъ на домѣ сѣверо-германскаго консула. 2) Изъ тѣхъ же источниковъ пустили извѣстіе, что жители города Ревеля надѣваютъ въ царскіе дни трауръ (о нелѣпость!) и изъ оконъ своихъ домовъ вывѣшиваютъ черные флаги. Сущность же дѣла такова: въ одинъ изъ царскихъ дней прошлаго года были похороны одного изъ старшихъ и самыхъ уважаемыхъ гражданъ города Ревеля, купца Роттермана; изъ оконъ дома Роттермана, во время церемоніи, были вывѣшены черные флаги; толпа, шедшая за гробомъ, также была въ трауръ. Теперь, спрашиваю васъ, не возмутятъ ли такія дѣйствія самаго спокойнаго, невозмутимаго нѣмца? Затѣмъ, протестуютъ еще и противъ того, что учреждаемыя правительствомъ и содержимыя имъ русскія школы дѣлаются центромъ разныхъ подпольныхъ политическихъ интригъ и пропагандъ между сельскимъ населеніемъ, подрывающихъ спокойствіе края. Не послѣднее мѣсто между ними занимаетъ пропаганда объ *„inge-maa“* (Seelenland), т.-е. *даровомъ* подушномъ надѣлѣ землею. Наконецъ, протестуютъ противъ той пропаганды православія, которая, подъ личиною христіанской любви и смиренія, возбуждаетъ одно сословіе противъ другого и сѣетъ раздоръ и ненависть. Съ другой стороны, протестуютъ еще и противъ органовъ русской печати, которые извращаютъ смыслъ правительственныхъ мѣропріятій, которые выходками своими возмущаютъ не одно населеніе остзейскихъ губерній, но и благоразумную часть русской прессы. Наконецъ, протестуютъ и противъ тѣхъ лицъ, которыя даютъ у себя пріютъ (?) агитаторамъ изъ здѣшнихъ губерній, слушаютъ ихъ бредни и на основаніи ихъ распространяютъ въ русской публикѣ совершенно превратныя понятія о положеніи дѣлъ въ краѣ, не принимая, между тѣмъ, никакихъ опроверженій и оправданій. Вотъ противъ чего протестуетъ благоразумная часть населенія въ остзейскомъ краѣ, и, мнѣ кажется, совершенно правильно.

Вообще говоря и относясь къ дѣлу совершенно со стороны, спрашивается: кому вредитъ и почему опасно существованіе въ остзейскихъ губерніяхъ нѣкоторыхъ особенностей и для нихъ нѣсколькихъ особыхъ законоположеній, если только они способствуютъ развитію и благосостоянію края. Я думаю, прямо, безъ обиняковъ, отвѣтить на этотъ вопросъ затруднится даже самый ярый изъ патріотовъ „Московскихъ Вѣдомостей“. Укажите же прямо на тотъ вредъ, ущербъ Россіи или что-нибудь такое положительное, что́ можетъ возникнуть изъ этихъ мелочныхъ въ сущности особенностей? Нелѣпость фабулы о будто бы существующемъ отношеніи остзейскаго края къ Пруссіи, кажется, достаточно доказана. Да даже, еслибы оно и существовало въ какихъ-нибудь безмозглыхъ читателяхъ Каттнера и К°, то сама Пруссія захочетъ ли протянуть руки къ такому захвату? Пруссія управляется далеко не столь великими политиками и патріотическими фантазерами, какіе завѣдуютъ редакціею „Московскихъ Вѣдомостей“, и тамъ всегда предпочтутъ заняться собственными дѣлами.

Предоставьте каждому свободу совѣсти и развитія, и все будетъ тихо, спокойно и счастливо; а это, кажется, есть главная цѣль, къ которой всѣмъ надо стремиться.

Прим. и пр.

Н. Л.

м. А. въ Эстляндіи.
11 мая 1871 года.

На многія изъ положеній почтеннаго автора мы возражали не разъ и не будемъ повторять нашихъ доводовъ; но на просьбу его отвѣтить „прямо и безъ обиняковъ“ на вопросъ: кому вредитъ и почему опасно существованіе въ остзейскихъ губерніяхъ *нѣкоторыхъ* особенностей,— мы отвѣтимъ именно такъ, какъ желаетъ авторъ: оно вредитъ не Россіи, а Остзейскому же краю, всему краю, а не той или другой части его населенія; а вредитъ потому, что нельзя считать полезными для края тѣхъ капитуляцій, характеръ которыхъ, по собственному признанію автора, „противорѣчитъ новѣйшему развитію учрежденій въ Европѣ и особенно въ Россіи“. Слѣдовательно, мы вполнѣ согласны съ почтеннымъ авторомъ въ принципѣ, и затѣмъ можемъ разойтись только относительно деталей: напр., по мнѣнію автора, „переворотъ“ въ Остзейскомъ краѣ необходимъ, какъ то думаемъ и мы, но онъ совершится „гораздо медленнѣе и труднѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ, напр., чѣмъ въ коренной Россіи“. Легко разсуждать автору теперь a posteriori; но смѣемъ его увѣрить, что до надѣла крестьянъ русскаго происхожденія землею, у насъ было точно также очень много людей, которые думали, какъ и авторъ, а именно, что у насъ переворотъ необходимъ-молъ, но его нужно совершить „гораздо медленнѣе“. А теперь мы очень довольны, что партія нашихъ Фабіевъ Кунктаторовъ въ свое время не восторжествовала.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го іюня, 1871.

Взятіе Парижа версальцами.—Побѣжденные и побѣдители.—Тьеръ въ собраніи.—Франкфуртскій трактатъ и измѣненіе въ первоначальныхъ условіяхъ мира.—Трактатъ между Англіею и Соединенными Штатами. — Положеніе кабинета Гладстона. — Бюджетъ Лоу и его исторія. — Новые налоги. — Борьба по поводу бюджета.

Въ Парижѣ есть такое преданіе: „въ 1814-мъ году, когда союзники заняли столицу Франціи, князь Шварценбергъ и какой-то русскій генералъ вошли на монмартрскій холмъ и оттуда смотрѣли на покоренный городъ. Русскому генералу пришла мысль о сожженной Москвѣ, и онъ воскликнулъ:—Итакъ, вотъ, наконецъ, Парижъ, и мы сожжемъ его!—Зачѣмъ, будто бы спросилъ Шварценбергъ.—Чтобы отмстить Франціи и наказать ее. — Въ такомъ случаѣ оставьте ей Парижъ, сказалъ австрійскій фельдмаршалъ, и указавъ собесѣднику внизъ, на громадный городъ, прибавилъ: вотъ ракъ, который съѣстъ ее". Правительство, избранное Франціею, повидимому держалось того же мнѣнія. Въ Парижѣ въ самомъ дѣлѣ проявилась съ невиданною силою язва агитаціи безплодной, агитаціи, которая не умѣетъ служить цѣлямъ, взятымъ ею въ оправданіе, но не хочетъ и отказаться отъ нихъ. Вожди парижскихъ агитаторовъ оказались людьми частью негодными, частью неспособными, а сама масса агитаторовъ людьми слѣпыми, неразумными, неспособными дѣлать какое бы то ни было дѣло. Многіе изъ нихъ были искренни, но всѣ они были слѣпы. Это были фанатики не идеи, а только агитаціи по поводу идеи; люди несерьезные, способные пожалуй умирать, но неумѣющіе умирать тамъ, гдѣ слѣдуетъ, и тогда, когда смерть ихъ могла принесть пользу. Правительство Тьера самымъ безжалостнымъ образомъ приступило къ той хирургической операціи, которую Шварценбергъ будто бы отсовѣтывалъ нѣкогда съ коварной цѣлью. А защитники Парижа не съумѣли защитить его и предпочли его разрушить. Впустивъ въ городъ разсвирѣпѣвшихъ

наполеоновскихъ драбантовъ, они все равно должны были пасть жертвами междоусобицы. Но они предпочли умирать, разрушая Парижъ, чѣмъ жертвовать жизнью для его защиты. Поведеніе парижскихъ агитаторовъ и нелѣпо и постыдно. Но хорошо также и торжество версальскихъ побѣдителей! Эти солдаты Наполеона Малаго, эти стада беззащитныхъ ягнятъ, которыхъ тысячу велъ въ неволю одинъ нѣмецкій капралъ,—какими разъяренными львами они оказались на улицахъ Парижа! „Почва Парижа напитана кровью и усѣяна трупами; наши потери незначительны“ — гласила правительственная телеграмма. Это неудивительно: тамъ, гдѣ имъ предстояли потери значительныя, войска Наполеона Третьяго не умѣли напитывать почву кровью враговъ, и усѣевать ее ихъ трупами. Но на улицахъ Парижа они дѣйствуютъ геройски. Спрашивается только: оправдывается ли чѣмъ-либо необходимость „напитывать почву кровью“, когда сопротивленіе встрѣчено столь слабое, и потери понесены незначительныя? Торжество этихъ побѣдителей постыдно, какъ и пораженіе побѣжденныхъ.

Тюльери сгорѣлъ, сгорѣла большая часть Лувра, сгорѣли дворцы, стоящіе напротивъ Тюльери на другомъ берегу Сены. Сгорѣла дума, сломана вандомская колонна, взорвана часть люксамбургскаго дворца. Керосинъ приготовленный для защиты Парижа пригодился на его разрушеніе. Кто имѣлъ мужество совершить эти дѣла? Тѣ, кто не имѣлъ мужества стоять въ сраженіи. Парижъ жгли трусы. Но кто же имѣлъ столько храбрости, чтобы избивать даромъ этихъ трусовъ, кто саблю обратилъ въ гильотину? Тѣ, кто обогатилъ исторію неслыханными примѣрами сдачи громадныхъ армій непріятелю. Храбрость, нынѣ явленная ими въ Парижѣ, совершенно соотвѣтствовала той, которою они отличились при Седанѣ. Что значитъ въ сравненіи съ этимъ разрушеніемъ Парижа и этимъ наказаніемъ его, самъ государственный переворотъ 2-го декабря 1851-го года? Лудовикъ-Наполеонъ, избранный деревенскимъ большинствомъ и опиравшійся на армію, три дня громилъ Парижъ. Версальское правительство, избранное тѣмъ же большинствомъ и опираясь на ту же армію, громило Парижъ слишкомъ два мѣсяца. Подъ конецъ, сами парижане подняли руку на Парижъ и зажгли его керосиномъ. Не забудется ли теперь 2-е декабря 1851-го года? Вѣдь изъ всѣхъ обвиненій, брошенныхъ въ лицо виновнику этого преступленія, самымъ тяжкимъ было то, что онъ „готовъ былъ“ (по увѣренію В. Гюго) зажечь Парижъ въ случаѣ нужды. Теперь это сдѣлали сами парижане.

Вотъ какъ энергически принялись за ту операцію вырѣзыванія рака, которою Шварценбергъ „нарочно“ не облагодѣтельствовалъ Францію. Что будетъ изъ Франціи при правительствѣ, которое держится на невѣжествѣ крестьянъ и на трусливой свирѣпости развращенной арміи? Что будетъ съ Парижемъ? Прекратится ли наростаніе

этого „рака“, который столько сдѣлалъ, чтобы двинуть впередъ идею свободы, и столько сдѣлалъ, чтобы повредить успѣхамъ этой самой идеи, окружая ее страшными призраками. Если Парижъ былъ для Франціи „ракомъ“ по самой своей громадности, то безъ сомнѣнія онъ заслуживалъ такого названія теперь еще гораздо въ большей степени, чѣмъ въ 1814-мъ году. Въ 1816-мъ году въ Парижѣ было 710 тыс. жителей; въ 1826-мъ году — 890 тысячъ; въ 1836-мъ — 909 тысячъ; въ 1846-мъ — 1.053,000; въ 1856-мъ — 1.774,000. Затѣмъ, вслѣдствіе включенія въ городскую черту предмѣстій, по закону 16-го іюня 1859-го года, и вслѣдствіе продолжавшагося роста населенія, — въ 1866-мъ году Парижъ уже имѣлъ 1.825,000 жителей, а въ 1869-мъ году уже болѣе двухъ милліоновъ.

Бросимъ взглядъ на происхожденіе тѣхъ великолѣпныхъ зданій, которыя стали теперь жертвою плачевнѣйшей изъ войнъ, войны между неспособностью правительства и бездушіемъ народа, между невѣжествомъ крестьянъ и безпутною агитаціею рабочихъ. Въ этомъ дѣлѣ разрушенія замѣчается одно главное желаніе: мстить бонапартовской имперіи, хотя бы только въ ея зданіяхъ. Разрушенію подверглось именно то, что было воздвигнуто для прославленія Наполеоновъ перваго и третьяго, и даже то, что послѣднимъ было только украшено и расширено.

Лувръ частью сгорѣлъ, Тюльери сгорѣлъ совсѣмъ. Извѣстно, что Лувръ и Тюльери, соединенные Наполеономъ III посредствомъ новаго Лувра, составляютъ (или составляли) одинъ, цѣльный кварталъ великолѣпныхъ построекъ разнаго времени, кварталъ, занимавшій на правомъ берегу Сены огромное пространство отъ тюльерійскаго сада, выходящаго на площадь Согласія, до площади Лувра, напротивъ церкви св. Германа Оксеррскаго, которая уже видала событія въ родѣ нынѣшнихъ, такъ какъ ея набатъ возвѣстилъ варѳоломеевскую ночь. Этотъ огромный кварталъ, состоящій изъ Тюльери и Лувра, представляетъ два смежные параллелограмма, одинъ шире, другой уже. Тотъ, который шире, это—Тюльери съ Новымъ Лувромъ; тотъ, который уже, это—старый Лувръ, съ знаменитою колоннадою. Внутри этихъ параллелограммовъ находится три площади: площадь Каруселя, которая представляетъ дворъ тюльерійскаго дворца, площадь въ новомъ Луврѣ со скверами, и внутренній дворъ стараго Лувра. Старый Лувръ былъ сперва крѣпостью, построенною Филиппомъ-Августомъ. Западный и южный фасады второго Лувра, какъ онъ былъ теперь, построены Франциском I. Дальнѣйшую, съ XVI-го столѣтія, постройку Лувра продолжали Катерина Медичи, Генрихъ IV, Лудовики XIII, XIV, XV и XVI и Наполеонъ I. Наполеонъ III, въ періодъ 1852—1857 г., окончательно отстроилъ новый Лувръ.

Собственно тюльерійскій дворецъ былъ построенъ также посте-

ценно, начиная съ Катерины Медичи. Имперіи принадлежитъ собственно та часть его, которая шла вдоль улицы Риволи, т.-е. отъ павильона марсанскаго. Павильонъ Флоры, тотъ прелестный уголъ дворца, который выходилъ на Сену у Pont Royal, перестроенъ заново Наполеономъ III всего лѣтъ пять тому назадъ. Имъ же построена и та часть дворца, которая соединяетъ павильонъ Флоры съ павильономъ Ледигьеръ, вдоль набережной Сены, параллельно тому крылу, которое идетъ вдоль улицы Риволи.

Пале-Рояль построенъ въ XVII-мъ в. кардиналомъ Ришльё и расширенъ знаменитымъ Филиппомъ-Орлеанскимъ (Egalité), который выстроилъ галлереи вокругъ сада. Пале-Рояль такъ и оставался съ тѣхъ поръ какъ бы символомъ монархическаго либерализма, довольно двусмысленнаго впрочемъ. Здѣсь Лудовикъ-Филиппъ принималъ, въ 1830-мъ году, депутаціи Франціи, и здѣсь при второй имперіи жилъ принцъ Наполеонъ, единственный ораторъ изъ семейства Бонапартовъ.

Люксамбургскій дворецъ, въ которомъ произведенъ взрывъ, былъ построенъ также въ XVII-мъ в. и былъ дворцомъ Директоріи и Консуловъ первой республики, а потомъ дворцомъ палаты пэровъ, при Реставраціи и Лудовикѣ-Филиппѣ, и сената при первой и второй имперіи. Сожженый дворецъ Почетнаго Легіона построенъ въ концѣ прошлаго вѣка для князя Сальма, и при Лудовикѣ-Филиппѣ былъ купленъ правительствомъ. Дворцы на набережной Орсе, также преданные пламени, это дворцы — министерства иностранныхъ дѣлъ и государственнаго совѣта; оба они построены при Лудовикѣ-Филиппѣ.

Дума (l'Hotel de ville), центръ парижскаго управленія и главная цѣль захвата при каждомъ революціонномъ движеніи, была начата еще въ XVI-мъ ст. и въ самомъ началѣ XVII-го была окончена центральная часть ея, съ двумя павильонами, имѣющими заостренныя къ верху крыши. Зданіе думы было значительно расширено при Лудовикѣ-Филиппѣ, и вторая имперія соединила его отдѣльныя части въ одно цѣлое новыми крыльями, такъ что зданіе думы обратилось въ такой-же родъ цѣлаго квартала, какъ Тюльери съ Лувромъ, и также вмѣщаетъ внутри себя три двора.

Вандомская колонна, разрушенная по оффиціальному распоряженію коммуны и въ присутствіи ея членовъ, была поставлена въ 1810 году. Она состояла изъ каменнаго стержня, покрытаго спиралью бронзовыхъ барельефовъ. Эти барельефы сдѣланы были на 425 металлическихъ доскахъ, отлитыхъ изъ австрійскихъ пушекъ и представляли важнѣйшіе подвиги похода 1805-го года. На колоннѣ стояла статуя Наполеона, отлитая въ 1863 году, Дюмономъ. Вандомская колонна имѣла высоты около 21 сажени (44 метра 75 цент.). Сломана она была такимъ образомъ: сперва подпилили ее съ двухъ сторонъ; со стороны улицы Кастильонъ ее подпилили въ горизонтальномъ направленіи, а

со стороны улицы Мира въ направленіи наклонномъ. Затѣмъ верхъ былъ захваченъ канатомъ, который былъ натянутъ на воротъ. Воротъ поставили близь другого конца улицы Мира, на углу улицы Neuve des Petits Champs. Въ первый разъ, когда стали двигать воротъ, онъ сломался. Во второй разъ онъ свалилъ колонну. Падая по направленію улицы Мира, колонна разломалась на четыре части. Не обошлось конечно безъ смѣшныхъ поруганій надъ статуею Наполеона: на нее ставили ноги и плевали. Гражданинъ Майеръ, который влѣзалъ на колонну до ея паденія, съ краснымъ флагомъ, неистово махалъ имъ оттуда, и потомъ, водрузивъ его на пьедесталѣ, послѣ паденія колонны, вѣроятно всю жизнь будетъ считать себя замѣчательнымъ дѣятелемъ. Всѣ эти жалкіе люди воображали, что все значеніе первой, грозной и великой революціи, заключалось въ нѣкоторыхъ театральныхъ ея сценахъ; что стоило возобновить эти декораціи, и возобновлялась сама революція. Какъ будто среди декорацій, служившихъ для любой изъ пьесъ Шекспира, нельзя сыграть жалкій фарсъ, какъ будто вся сила Шекспира именно въ случайныхъ декораціяхъ!

Но какъ эти незаконныя дѣти первой революціи недостойны своего происхожденія, такъ недостойны своихъ традицій и версальскіе законодатели. Это монархическое большинство неспособно влить рыцарскій духъ въ монархію рыцарскихъ преданій, какъ театральные революціонеры коммуны были неспособны воскресить фанатизмъ глубокаго убѣжденія и прежде всего самопожертвованіе, которымъ запечатлѣлись великія дѣла революціи 1789-го г. Генрихъ IV осаждалъ Парижъ, но онъ кормилъ осажденныхъ; Генрихъ IV не ставилъ форму выше всего на свѣтѣ; не онъ бы сталъ, какъ нынѣшніе монархисты, топить Парижъ въ крови изъ-за вопроса о законности общинныхъ выборовъ. Онъ сдѣлалъ Парижу не такую уступку, и какъ извѣстно, предпочелъ перемѣнить религію, чѣмъ крестить кровью свою столицу: Paris vaut bien une messe!

Совершены ли поджоги въ Парижѣ по непосредственному распоряженію коммуны или аматёрами изъ ея приверженцовъ — еще неизвѣстно въ ту минуту, какъ мы пишемъ. Нѣтъ ничего невѣроятнаго въ предположеніи, что это и навсегда останется неизвѣстнымъ. Daily News, высказывая подобное сомнѣніе, замѣчаетъ, что даже выстрѣлы версальскихъ войскъ могли произвесть пожары. Но самое значеніе зданій, въ которыхъ пожары произошли, не оставляетъ сомнѣнія, что поджоги были сдѣланы намѣренно, а запахъ керосина, распространившійся по Парижу, служитъ доказательствомъ, что, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, поджоги были подготовлены заранѣе. Но, впрочемъ, склонность коммуны къ формальнымъ актамъ дикаго вандализма не подлежитъ сомнѣнію. Это доказывается не только разрушеніемъ вандомской колонны, но и тѣмъ еще, что послѣднимъ распоряже-

ніемъ коммуны, приведеннымъ въ исполненіе въ Парижѣ, была сломка существовавшей, на зданіи думы, фигуры того короля, котораго мы только-что назвали, именно Генриха IV. За этимъ вѣроятно послѣдовало бы разрушеніе и конной статуи того же короля на Pont-Neuf. Къ числу зданій, подвергшихся пожару, принадлежитъ и префектура полиціи, смежная съ Palais de Justice, а отчасти и само это послѣднее зданіе. Если древнѣйшія части Palais de Justice сгорѣли, то это невознаградимая потеря для почитателей древности. Здѣсь жили французскіе короли до Франциска I и отъ ихъ дворца оставались до сихъ поръ величественные остатки: Pavillon de l'Horloge (на самомъ углу набережной Сены), башни Цезаря и Монгоммери и Sainte Chapelle. Это — древнѣйшія постройки въ Парижѣ; онѣ древнѣе лондонскаго Tower'a.

Вступленіе версальскихъ войскъ въ Парижъ произошло совершенно неожиданно. Правда, Тьеръ нѣсколько дней передъ тѣмъ сказалъ въ собраніи: „потерпите еще недѣлю"; но ничто не предвѣщало столь легкаго взятія ограды. Квартира Домбровскаго была все еще въ Мюэттъ, за оградою. Какимъ образомъ объяснить ту непостижимую панику, благодаря которой версальцы вступили въ городъ почти безъ боя? Корреспондентъ „Indépendance Belge" разсказываетъ, что Клюзерé давно предлагалъ Тьеру продать ему защиту Парижа за 10 милл. фр. (еще до своей смѣны и ареста) и что въ послѣднее время тоже самое предлагалъ Домбровскій всего за полмилліона франковъ. Но какимъ образомъ Домбровскій могъ продать хотя бы и за полмилліона свою жизнь — вотъ что непонятно. Извѣстно, что онъ разстрѣлянъ. Кажется, дѣло проще объясняется трусостью коммуны и полнѣйшею анархіею въ ея войскѣ. Феликсъ Піá и Паскаль Груссé вылетѣли на аэростатѣ; остальные, въ томъ числѣ и самъ главнокомандующій Домбровскій, бѣжали къ прусскимъ линіямъ, но пруссаки ихъ не пропустили. Солдаты же коммуны не имѣли довольно мужества, чтобы защищаться тамъ, гдѣ слѣдовало и гдѣ возможно было защищаться, именно на западной оградѣ, отъ гренельскаго водопровода до Аньера, а между тѣмъ отступая или убѣгая въ центръ Парижа самымъ безтолковымъ образомъ, защищались тамъ, гдѣ защита не могла принесть имъ никакой пользы; за баррикадами вандомской площади, на батареяхъ тюльерійскаго сада, на Монмартрѣ, на Шомонскихъ высотахъ, и наконецъ въ Бельвиллѣ и на кладбищѣ Père Lachaise, то-есть на противоположномъ, восточномъ концѣ Парижа, тамъ, куда версальскія войска явились уже овладѣвъ всѣмъ городомъ.

Изъ сообщеній Тьера въ собраніи и разсказовъ корреспонденцій Indépendance Belge и Daily News оказывается, что вступленіе въ Парижъ и овладѣніе его центромъ произошло слѣдующимъ образомъ: генералъ Дуэ попытался проникнуть въ гренельскій кварталъ со сто-

роны Сен-Клу, чрезъ такъ-называемый Point du jour, то-есть въ томъ мѣстѣ, гдѣ ограда укрѣпленій прерывается Сеною, на югозападѣ. Встрѣтивъ крайне-слабое сопротивленіе, онъ овладѣлъ водопроводомъ и тотчасъ двинулся на ближайшій кварталъ на сѣверъ, именно въ Мюэттъ и дошелъ до арки Звѣзды. Ворота всей западной линіи ограды такимъ образомъ открылись передъ прочими генералами. Тогда генералы Ламиро́, Вину́а и Сиссе́ (Cissey) вошли въ трехъ мѣстахъ и заняли лѣвый берегъ Сены въ Парижѣ, а генералъ Кленшанъ, идя лѣвѣе, т.-е. сѣвернѣе ихъ всѣхъ, направлялся чрезъ предмѣстье Сент-Оноре́ на линію главныхъ бульваровъ, и ставъ у зданія Новой Оперы, тѣмъ самымъ взялъ во флангъ батареи коммуналистовъ, наставленныя на тюльерійскихъ терассахъ. Но съ наступленіемъ ночи, генералы не рѣшились двигаться впередъ, и вотъ эта остановка ихъ на ночь и предала Парижъ на волю негодяевъ, которые не съумѣвъ воспользоваться днемъ для отраженія непріятеля, съумѣли воспользоваться ночью для того, чтобы зажечь Парижъ. Коммуналисты защищали съ нѣкоторою энергіею только баррикаду на вандомской площади, Монмартръ, Шомонскія высоты и Белльвилль. Въ этихъ послѣднихъ мѣстностяхъ они сражались—совершенно ужъ безнадежно—съ упорствомъ, и версальскія войска понесли тамъ значительныя потери. „Это было нѣчто такое—пишетъ корреспондентъ Daily News о картинѣ уличнаго боя и пожара въ Парижѣ — съ чѣмъ вѣроятно не могъ сравняться и пожаръ Москвы". Облака пожарнаго дыма и дождь пепла покрывали Парижъ, и грохотъ пушекъ и митральёзъ, безъ умолку стрѣлявшихъ съ бѣшеной торопливостью въ центрѣ великолѣпнаго города, составляли музыку этой страшной декораціи. О людяхъ нечего и говорить; кровь лилась рѣкой, и нѣтъ сомнѣнія, что невинной крови пролито не менѣе, чѣмъ виновной.

Тьеръ, возвѣщая собранію о побѣдѣ, говорилъ о „добродѣтельной крови" (le sang vertueux) тѣхъ воиновъ, между которыми было, конечно, не малое число товарищей Вину́а по рѣзнѣ 2-го декабря 1851-го года. Онъ имѣлъ духъ сказать, что эта побѣда заслуживаетъ „удивленія" (admiration) Европы. Само собою разумѣется, что собраніе вотировало благодарность войску, и во главѣ его „храброму маршалу Мак-Магону". До какой степени внѣшность для нынѣшнихъ французовъ—дѣло первостепенной важности, видно не только изъ разрушеній, предпринятыхъ коммуною, но и изъ того, что версальское собраніе, по предложенію Жюля-Симона, декретировало возстановленіе вандомской колонны и часовни въ память Лудовика XVI, и въ то самое время, когда Парижъ обливался кровью, съ одобреніемъ выслушивало безсмысленныя изъясненія Жюля-Симона, что на вершинѣ колонны нужно, вмѣсто статуи Наполеона, поставить теперь статую, представляющую Францію. Какъ будто несчастная, павшая Франція отъ этого

въ самомъ дѣлѣ станетъ выше! Когда собраніе приняло предложеніе Кошери объ изъявленіи благодарности арміи, то Тьеръ всталъ и благодарилъ, какъ будто главнокомандующій — онъ. „Вы доставили мнѣ счастливѣйшій день моей жизни“—сказалъ онъ, подражая Прюдомму. Но самый фактъ взятія Парижа наполеоновскими солдатами можетъ еще вскорѣ показать Тьеру, кто главнокомандующій на самомъ дѣлѣ. Власть фактически переходитъ въ руки генераловъ, не въ первый разъ побѣдившихъ согражданъ.

Переговоры о заключеніи окончательнаго мира тянулись въ Брюсселѣ, повидимому, безъ успѣха. Французскіе уполномоченные старались выторговать нѣкоторыя уступки, нѣмецкіе уполномоченные не могли согласиться на уступки, тѣмъ болѣе, что положеніе французскаго правительства вовсе не улучшилось со времени подписанія прелиминарныхъ условій. Между тѣмъ Бисмаркъ уже начиналъ безпокоиться, и Жюль Фавръ — какъ онъ объяснилъ версальскому собранію — предложилъ Бисмарку встрѣтиться съ нимъ гдѣ-нибудь для объясненій и для завѣренія его въ способности французскаго правительства исполнить всѣ принятыя имъ на себя обязательства. Наконецъ, князь Бисмаркъ совсѣмъ неожиданно для Европы рѣшилъ это дѣло, отправившись во Франкфуртъ, гдѣ онъ встрѣтился съ гг. Фавромъ и Пуйе-Кертье; 10-го мая (н. с.) они подписали окончательный мирный договоръ, и затѣмъ, послѣ принятія его версальскимъ національнымъ собраніемъ, 20-го мая произошелъ обмѣнъ ратификацій между княземъ Бисмаркомъ и французскими министрами. Бисмаркъ и Жюль Фавръ, пріѣхавшіе по этому случаю вторично во Франкфуртъ, собирались еще затѣмъ, 21-го числа, для обсужденія нѣкоторыхъ подробностей исполненія трактата, и затѣмъ, 22-го мая, Жюль Фавръ и Бисмаркъ выѣхали изъ Франкфурта совершенно окончивъ дѣло замиренія. Въ то время, какъ они сидѣли вмѣстѣ, они получили извѣстіе о взятіи Парижа версальскими войсками, и первое поздравленіе съ этимъ событіемъ Жюль Фавръ услыхалъ отъ Бисмарка, который такъ еще недавно самъ отнялъ Парижъ у Жюля Фавра.

Итакъ, между подписаніемъ прелиминарныхъ и окончательныхъ условій мира протекло два съ половиною мѣсяца, а именно съ 26-го февраля (н. с.) до 10-го мая (н. с.) Упомянемъ главныя измѣненія, произведенныя окончательнымъ трактатомъ въ предварительныхъ условіяхъ мира. Въ прелиминаріяхъ было условлено, что Франція заплатитъ первый милліардъ вознагражденія не позже 31-го декабря 1871-го года, а остальные четыре милліарда втеченіи трехъ лѣтъ, считая со дня подписанія прелиминарій. Теперь сроки уплаты опредѣлены точнѣе и притомъ такъ, чтобы они совершились скорѣе. Теперь условлено, что еще въ нынѣшнемъ году, то-есть не позже 31-го декабря 1871-го года Франція уплатитъ *полтора* милліарда, съ точнымъ опре-

дѣленіемъ частныхъ сроковъ уплатъ, такъ что первые 500 милліоновъ франковъ будутъ уплачены втеченіи тридцати дней по взятіи Парижа, значитъ до 24-го іюля (н. с.), такъ какъ версальскія войска вступили въ Парижъ 22-го мая (н. с.), а 23-го числа уже господствовали въ большей его части. Затѣмъ еще 1 милліардъ будетъ уплаченъ втеченіи настоящаго года и еще 500 милл. фр. до 1-го мая 1872 г. Затѣмъ, остальные три милліарда будутъ уплачены не позже 2-го марта 1874-го года, то-есть въ тотъ самый окончательный срокъ уплаты всей суммы вознагражденія, который былъ установленъ прелиминаріями. Французскіе уполномоченные въ Брюсселѣ старались добиться, чтобы только одинъ милліардъ подлежалъ уплатѣ звонкою монетою или слитками, а остальные 4 милліарда были приняты въ облигаціяхъ французской ренты. Это, при упадкѣ курса ренты, разумѣется, было бы невыгодно для Германіи, а именно понизило бы въ дѣйствительности вознагражденіе до 3/5 номинальной его цѣнности. Такого условія Бисмаркъ, конечно, не допустилъ и въ окончательный трактатъ включено постановленіе, что всѣ уплаты должны быть произведены въ главныхъ торговыхъ городахъ Германіи золотомъ или серебромъ, билетами англійскаго, прусскаго, голландскаго или бельгійскаго національныхъ банковъ, а также въ ордерахъ или векселяхъ на первостатейные дома, по курсу. Притомъ, французское правительство признало для размѣна денегъ цѣну одного прусскаго талера въ 3 фр. 75 сант., установленную германскимъ правительствомъ для его платежей во Франціи.

По увѣренію Жюля Фавра въ собраніи, само французское правительство пожелало сократить ближайшіе сроки уплаты для того, чтобы ускорить „обязательное освобожденіе“ французской территоріи отъ чужеземныхъ войскъ. Общая сумма пяти милліардовъ, или лучше сказать, тотъ милліардъ, который подлежитъ уплатѣ въ нынѣшнемъ году, по внесеніи уже первыхъ 500 мил., сократится на 325 милл. франковъ, сумму, въ которую оцѣнена восточная желѣзная дорога, съ ея рельсами, подвижнымъ составомъ и гарантіею процентовъ, уступаемая Франціею Германіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, ускоряются и первые сроки очищенія французской территоріи нѣмецкими войсками. По уплатѣ первыхъ 500 милл. нѣмцы окончательно очистятъ департаменты Соммы, Нижней Сены и Эра. Очищеніе департаментовъ Оазы, Сены-и-Оазы, Сены-и-Марны, и собственно Сены, а также и парижскихъ фортовъ, еще оставшихся во власти нѣмцевъ, произойдетъ затѣмъ, какъ только германское правительство убѣдится, что порядокъ возстановленъ въ Парижѣ и во Франціи достаточнымъ образомъ для обезпеченія обязательствъ, принятыхъ Франціею на себя по отношенію къ Германіи. Во всякомъ же случаѣ, эти мѣстности будутъ очищены тотчасъ по уплатѣ третьяго полу-милліарда, стало быть въ ян-

варѣ 1872-го года, если только французское правительство не постарается уплатить эти $1^1/_2$ милліарда раньше конца текущаго года. Сроки для очищенія прочихъ мѣстностей остались прежніе.

Новый трактатъ представляетъ и территоріальное измѣненіе, а именно—Франціи уступается около Бельфора гораздо бо́льшій районъ, чѣмъ было предположено въ прелиминаріяхъ, но за то она уступаетъ лишнюю мѣстность около Тіонвилля на границѣ съ Люксембургомъ. Хотя при этомъ Франція, относительно пространства и населенности обмѣниваемыхъ мѣстностей, остается въ барышѣ, но сомнительно, чтобы она была съ барышомъ при этомъ обмѣнѣ въ отношеніи стратегическомъ. По крайней мѣрѣ, во время преній въ собраніи, генералы Шанзи́ и Шартонъ утверждали, что этотъ обмѣнъ невыгоденъ, что территорія на границѣ Люксембурга гораздо важнѣе для военныхъ цѣлей, чѣмъ лишняя территорія вокругъ Бельфора, который и безъ нея былъ достаточно гарантированъ райономъ въ 7 — 8 километровъ, предоставленныхъ ему прелиминаріями. При этомъ депутатъ Родо́ прямо спросилъ: „неужели вы думаете, что обмѣнъ, который предложенъ вамъ Бисмаркомъ, можетъ быть выгоднымъ для васъ?“ Но Тьеръ, со свойственною ему издавна притязательностью понимать военное дѣло лучше, чѣмъ его понимаютъ люди военные, сталъ доказывать исторически, что мѣстность, уступаемая на границѣ Люксембурга, вовсе не важна для войны. Приэтомъ онъ, конечно, восхвалилъ всѣ выгоды пріобрѣтенія вокругъ Бельфора. „Бельфоръ—утверждалъ онъ—это ворота Франціи. Лишась Страсбурга, мы болѣе всего должны дорожить Бельфоромъ“. Спрашивается, какую пользу принесъ Бельфоръ Франціи въ нынѣшнюю войну, хотя, благодаря энергіи своего коменданта Данфера, Бельфоръ держался противъ пруссаковъ дольше Парижа? Вѣдь взяли же самый Парижъ, хотя Бельфоръ держался. „Тѣ, кто утверждаетъ противное — сказалъ Тьеръ — слѣпы, пусть они извинятъ меня за это выраженіе; имъ никогда не случалось изучать карту Франціи“. Эта самоувѣренность, съ которою Тьеръ возражаетъ такимъ боевымъ генераламъ, какъ Шанзи́ — старинная его привычка. Нынѣшній случай напоминаетъ намъ, какъ онъ однажды разсказывалъ по своему, то-есть „по-военному“, взятіе Мантуи, и сталъ спорить съ однимъ генераломъ, который кричалъ ему: „да я тамъ самъ былъ, monsieur! Да я тамъ лишился ноги, monsieur!“ Тьеръ зналъ лучше очевидца. Такую же цѣну имѣютъ и нынѣшнія его увѣренія о выгодности обмѣна, предложеннаго Бисмаркомъ. Впрочемъ, Жюль Фавръ и тутъ не удержался, чтобы не прихвастнуть. По его увѣренію, первое слово объ этомъ было произнесено французскими министрами, такъ какъ они требовали возвращенія Мюльгаузена. Мало ли чего они требовали. Когда они требовали права уплачивать четыре милліарда не металломъ, а рентою, вѣдь князь Бисмаркъ не согласился же на это.

И можно навѣрное сказать, что и тотъ территоріальный обмѣнъ, который имъ предложенъ, или на который онъ согласился, все равно, невыгоденъ для Германіи не будетъ. Въ трактатѣ, подписанномъ во Франкфуртѣ, было оговорено, что окончательно утверждается ими этотъ обмѣнъ, или прежде условленная граница, смотря потому, что предпочтетъ національное собраніе. Но такъ какъ правительство энергически запрещало именно обмѣнъ, то это очевидно была одна формальность, и собраніе утвердило обмѣнъ почти единогласно, то-есть за исключеніемъ пяти членовъ.

Въ трактатѣ оговорено, что послѣдующій торговый договоръ между Франціею и Германіею долженъ быть заключенъ на основаніяхъ, принятыхъ для „наиболѣе благопріятствуемыхъ націй", что предупреждаетъ возможность энергическихъ запретительныхъ мѣръ, къ которымъ Тьеръ, глава французскихъ протекціонистовъ, имѣетъ большую склонность. Выговорено также право изгнаннымъ изъ Франціи нѣмцамъ возвратиться во Францію и свободно проживать тамъ, съ возвращеніемъ имъ имѣній и другихъ правъ, пріобрѣтенныхъ ими прежде во Франціи.

Дружеское посредничество съ цѣлью облегченія для Франціи условій окончательнаго мира, на которое намекалъ лордъ Гранвилль мѣсяца два тому назадъ, вовсе не состоялось. Не слышно, чтобы англійская дипломатія сдѣлала хотя бы попытку въ Брюсселѣ въ этомъ смыслѣ. За то англійская дипломатія привела, наконецъ, къ окончанію извѣстное спорное дѣло съ Америкою, по поводу требованій вознагражденія американскимъ судовладѣльцамъ за убытки, причиненные имъ федералистскимъ каперомъ „Элебемою" во время междоусобной войны въ Америкѣ. Каперъ этотъ англійское правительство допустило выйти изъ англійскаго порта. Трактатомъ, подписаннымъ въ Уашингтонѣ 8-го мая (н. с.), королева Великобританіи выражаетъ свое сожалѣніе по этому предмету; на будущее время постановляется правиломъ, что нейтральныя державы должны прилагать всѣ старанія, чтобы подобные случаи не могли происходить, и не дозволять, чтобы нейтральные порты дѣлались операціоннымъ базисомъ для военныхъ судовъ воюющихъ сторонъ. Въ трактатѣ сказано, что королева не признаетъ, что этотъ принципъ, установляемый на будущее время, уже существовалъ въ то время, къ которому относится дѣло „Элебемы", но что изъ дружественнаго желанія устроить недоразумѣніе, она все-таки соглашается дать вознагражденіе за убытки, причиненные „Элебемою" и другими каперами, вышедшими изъ англійскихъ портовъ. Для разбора требованій вознагражденія соберется въ Женевѣ коммиссія, составленная изъ членовъ, назначенныхъ слѣдующими сторонами: королевою великобританскою, президентомъ Соединенныхъ

Штатовъ, королемъ Италіи, президентомъ швейцарскаго союза и императоромъ бразильскимъ, отъ каждой стороны, по одному. Трактатъ этотъ, гдѣ принципъ получаетъ обратное примѣненіе, очевидно, представляетъ полную уступку Англіи требованіямъ Америки. Но изъ него не возникло для Гладстона опасности въ парламентѣ; всѣ были убѣждены, что надо уступить. Впрочемъ, популярности Гладстона этотъ трактатъ, конечно, не увеличитъ.

Кабинету Гладстона, при открытіи нынѣшней сессіи британскаго парламента, представлялись двѣ опасности. Первая изъ нихъ благополучно миновала: это была опасность со стороны внѣшней политики. Кабинетъ Гладстона главную нравственную силу почерпалъ, какъ извѣстно, изъ своей системы экономіи. Благодаря ежегоднымъ свободнымъ остаткамъ, онъ каждый годъ уменьшалъ налоги и погашалъ нѣкоторую часть долга. Втеченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ, онъ уменьшилъ налоги на 8½ милл. фунтовъ, т.-е. примѣрно на 56 милліоновъ рублей и погасилъ государственнаго долга на 10 милл. фунтовъ, т.-е. на около 70 милл. рублей. Итакъ, это были дѣйствительные свободные остатки, а не цифровые только, и происходили они не оттого, что непредусматривалось на большую сумму возрастаніе доходовъ, а оттого, что англійское министерство въ самомъ дѣлѣ дѣлало всевозможныя сбереженія по всѣмъ частямъ администраціи, въ томъ числѣ и по части военной и морской. Но другія великія державы Европы слѣдовали въ тоже время совсѣмъ иной политикѣ, а именно употребляли всѣ свои экстраординарные рессурсы на умноженіе вооруженныхъ силъ, которыя и достигли въ главныхъ континентальныхъ государствахъ размѣровъ прежде никогда неслыханныхъ, между тѣмъ, какъ вооруженіе Великобританіи не только не увеличивалось, но, вслѣдствіе вѣчно-преобладавшаго старанія о возможной экономіи, приходило даже въ нѣкоторое запущеніе.

Этотъ фактъ былъ извѣстенъ на континентѣ, гдѣ постепенно и установилось убѣжденіе, что англійское правительство не можетъ предпринять войны, да и ничего такъ не опасается, какъ перерыва въ своей системѣ экономіи, той системѣ, которая составила славу, популярность и внутреннюю силу Гладстонова кабинета. Удивляться ли, что при такихъ данныхъ, воинственныя державы континента стали привыкать къ тому, что голосъ Англіи въ общеевропейскихъ дѣлахъ имѣетъ лишь весьма условное значеніе. О Франціи при Лудовикѣ-Филиппѣ говорили именно въ Англіи, что „пѣтухъ поетъ, но не дерется“. Поэтому англичанамъ должно было казаться довольно естественнымъ мало-по-малу слагавшееся на материкѣ убѣжденіе, что „бульдогъ лаетъ, но не кусается“. Но оказывается, что большинство англійскаго общества не вполнѣ еще свыклось съ мыслью о принесеніи окончательно внѣшняго вліянія въ жертву внутреннему благосостоянію. Ка-

ковы будутъ взгляды на этотъ вопросъ Англіи „будущей", т.-е. демократической, еще неизвѣстно, хотя очень вѣроятно, что демократическая Англія, не увлекаясь собственно военною славой, склонится однако къ прежней теоріи вмѣшательства въ европейскія дѣла, только на новомъ основаніи, то-есть именно не на теоріи „вмѣшательства для поддержанія своего значенія"—теоріи аристократической, которой послѣднимъ представителемъ былъ Пальмерстонъ—а на теоріи вмѣшательства въ пользу „общечеловѣческой идеи". Теоріею этою злоупотреблялъ Наполеонъ III; но это злоупотребленіе все-таки не лишаетъ эту теорію ея истиннаго сродства съ кореннымъ принципомъ и конечными стремленіями демократизма. Будущность демократіи, очевидно, состоитъ въ поставленіи политики космополитической на мѣсто политики національной. Изъ всѣхъ заявленій англійскихъ демократовъ и митинговъ лондонскихъ и бэрмингемскихъ рабочихъ, слѣдуетъ вывесть заключеніе, что будущая Англія, Англія демократическая, будетъ склонна ко вмѣшательству въ дѣла континента.

О нынѣшней же, буржуазной Англіи нельзя сказать, что она имѣетъ опредѣленное воззрѣніе на этотъ вопросъ. Теорія невмѣшательства, представленная Гладстономъ, ей очень нравилась потому, что она соединена съ экономіею. Но отъ крайнихъ послѣдствій этой теоріи британскіе коммонёры отрекаются, потому что они представляются имъ обидными для національнаго самолюбія. И вотъ, когда послѣдняя война и послѣдовавшая за ней лондонская конференція обнаружили вмѣстѣ и громадность военной силы Германіи, и исчезновеніе на материкѣ Европы всякаго страха передъ тѣмъ, что Англія можетъ *сдѣлать*, то въ томъ самомъ обществѣ, которое видѣло въ Гладстонѣ идеалъ современнаго британскаго министра (мы не говоримъ о радикалахъ), возникло нѣкоторое неудовольствіе и по поводу „излишней осторожности", и даже по поводу „излишней экономіи", то-есть коренныхъ основъ Гладстонова управленія. Мало того, въ нѣкоторой части англійскаго общества возникла даже настоящая паника при мысли о томъ, что дѣятельность по военному и морскому вѣдомствамъ въ послѣдніе годы была направлена почти исключительно къ сокращенію расходовъ. Въ печати появились отзывы спеціалистовъ военно-сухопутнаго и морского дѣла о полномъ безсиліи Англіи для континентальной войны и даже о беззащитности ея противъ возможнаго вторженія. Заявленія въ этомъ смыслѣ были сдѣланы и въ парламентѣ. Оказалось, что еслибы, напр., Англія захотѣла въ случаѣ нужды поддержать дѣйствіемъ свое словесное вмѣшательство въ защиту нейтралитета Бельгіи, то могла бы выставить на континентѣ войска не болѣе 30 или 50 тысячъ чел., а въ самое первое время никакъ не болѣе 20 тысячъ. Что значили бы 20 т. или хотя 50 т. чел. солдатъ въ виду милліонныхъ армій континента? Одинъ флотскій капитанъ отвѣчалъ

въ печати на вопросъ—„какую цѣну имѣетъ нашъ броненосный флотъ въ настоящее время“, такимъ образомъ: „онъ стóитъ цѣну стараго чугуна и желѣза употребленныхъ на его постройку“. А между тѣмъ, корреспонденты большихъ газетъ, посланные въ прусскую главную квартиру, стали сообщать, что въ Версали въ офицерской средѣ громко говорятъ о возможности успѣшнаго вторженія въ Англію, и что въ виду безплодныхъ, но назойливыхъ посредническихъ попытокъ англійской дипломатіи, прусскіе офицеры крайне озлоблены и утѣшаютъ себя мыслью, что „дойдетъ чередъ и до Англіи“.

Такое настроеніе, вмѣстѣ съ событіемъ, вызвавшимъ лондонскую конференцію, и сопровождавшими ея обстоятельствами, породило отчасти въ самыхъ достаточныхъ классахъ Англіи положительное неудовольствіе противъ Гладстона и его экономіи. Однакоже попытки оппозиціи поразить министерство по внѣшней политикѣ успѣхомъ не увѣнчались. Страшно было выразить недовѣріе къ кабинету по вопросамъ внѣшней политики, т.-е. франко-германскому или черноморскому. Выразить такое недовѣріе значило прямо провозгласить готовность свою къ войнѣ, въ первомъ случаѣ съ Германіею, во второмъ—съ Россіею. А можно ли было имѣть такую готовность, когда именно средства не готовы, еслибы даже и была готовность нравственная, которой опять-таки не было. Въ такомъ случаѣ, благоразумнѣе всего было показать видъ, будто видятъ въ лондонской конференціи торжество британской дипломатіи. Такъ и сдѣлали, и опасность для кабинета Гладстона со стороны внѣшней политики положительно миновала, благодаря *необходимости* остановиться на оптимистическомъ воззрѣніи.

Но это еще не значитъ, что событія, происшедшія на континентѣ, исчезли съ пути Гладстонова кабинета безслѣдно. Совсѣмъ нѣтъ. Вопросъ о вмѣшательствѣ былъ устраненъ, но вопросъ объ экономіи остался. Чтоже, въ виду того, что представляетъ вся Европа, возможно ли дальнѣйшее неуклонное слѣдованіе одной Англіи по пути экономіи? Очевидно нѣтъ, и министерство внесло проектъ о преобразованіи армій, о которомъ мы уже упоминали, а затѣмъ внесло и бюджетъ, въ которомъ требуется на увеличеніе вооруженій лишняя сумма около 4 милл. фунтовъ, т.-е. военный и морской бюджетъ увеличенъ на сумму около 28 милл. рублей. Добыть лишнихъ 28 милл. рублей ничего не стоитъ на континентѣ, гдѣ установилось такое мнѣніе, что займы составляютъ какъ бы нормальный источникъ дохода, добытый современною экономическою наукой. Но въ Англіи смотрятъ на это дѣло нѣсколько иначе, и о займѣ никто и слышать не хочетъ, а менѣе всѣхъ самъ Гладстонъ и его министръ финансовъ, Робертъ Лоу. Хотя и займами можно распоряжаться экономно, и отъ нихъ могутъ даже втеченіи года оказываться „свободные остатки“, но въ Англіи

отказываются видѣть въ займахъ такую производительную операцію. Затѣмъ, какъ извѣстно, для покрытія лишнихъ расходовъ остаются только два средства — готовыя уже сбереженія или возвышеніе налоговъ. Готовыя сбереженія—кто же ихъ имѣетъ? Англія имѣетъ ихъ. Доходы за 1870-й годъ дошли до итога почти 70 милл. фунтовъ. Въ самомъ концѣ года понадобились вдругъ лишнія деньги, чтобы немедленно принять нѣкоторыя мѣры по вооруженію, и что же? Оказалось возможнымъ изъ наличныхъ суммъ тотчасъ употребить на это, съ разрѣшенія парламента, два милліона фунтовъ, т.-е. около 14 милл. рублей, и все-таки общая сумма государственныхъ расходовъ, а именно 69,548,000 фунт. не только не превысила итогъ доходовъ, но отъ послѣдняго остался, и за удовлетвореніемъ сказанныхъ 2 милл. ф. дополнительныхъ расходовъ—*еще излишекъ* въ 397,000 фунт. т.-е. почти въ 2,800,000 рублей. Вотъ что такое бываютъ „свободные остатки", въ самомъ дѣлѣ заслуживающіе этого названія.

Но затѣмъ въ бюджетѣ нынѣ внесенномъ, именно въ бюджетѣ на финансовый періодъ до 1-го апрѣля 1872-го года, излишка доходовъ уже не предвидится потому именно, что на увеличеніе военныхъ (сухопутныхъ) издержекъ требуется сумма въ 3½ м. фунтовъ, на флотъ требуется лишнихъ 386 т. фунт., да по гражданскому управленію лишнихъ 420 т. фунт.,—всего же около 4 милл. фунт. лишнихъ противъ прежняго времени расхода. За возрастаніе же въ 1871-мъ году доходовъ противъ 1870-го года ручаться никакъ нельзя, потому что прошлый годъ именно принадлежалъ къ „лучшимъ" въ этомъ отношеніи годамъ, то-есть далъ непредвидѣнное весьма значительное повышеніе доходовъ. На покрытіе лишняго расхода, правда, можно обратить уже упомянутый выше окончательный свободный остатокъ въ 397 т. фунтовъ, что и предположено въ бюджетѣ, но затѣмъ все-таки еще представляется 2,713,000 фунтовъ — *дефицита*. Дефицитъ въ управленіе Гладстона, когда самое это слово уже было почти забыто, такъ хорошо хозяйничалъ этотъ почтенный Бисмаркъ экономіи.

Итакъ, приходится обратиться къ увеличенію налоговъ. Увеличеніе ихъ и предположено въ бюджетѣ, и оно, очевидно — неизбѣжно. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, понятно, что внесеніе подобныхъ предположеній никакъ не могло способствовать популярности Гладстонова кабинета и увеличивать его силу въ парламентѣ. Къ оппозиціи, т.-е. тори и радикаламъ, изъявлявшимъ неудовольствіе на внѣшнюю политику министерства, теперь должны были присоединиться и многіе изъ тѣхъ людей, которые были къ нему привержены именно за его экономію, а также и тѣ, кого прямо должны коснуться новые налоги. Такую оппозицію встрѣтилъ первоначальный бюджетъ, внесенный г. Лоу. Въ немъ предполагалось дефицитъ, предвидимый въ цифрѣ около 2 м. 700 т. фунтовъ, покрыть слѣдующимъ образомъ: увеличить на 300 т. ф. по-

шлины съ наслѣдства по недвижимымъ имуществамъ, наложить подать въ 550 т. ф. на зажигательныя спички, и наконецъ подоходную подать возвысить на $1^1/_4$ пенса съ фунта, что должно было произвесть сумму около 1 м. 900 т. фунтовъ. Такимъ образомъ, бремя погашенія дефицита предполагалось разложить на всѣ классы общества: на землевладѣльцевъ, капиталистовъ и рабочихъ, которымъ однимъ былъ бы чувствителенъ налогъ на спички. Рабочіе откликнулись на это раньше всѣхъ. Около 30 т. рабочихъ, занятыхъ фабрикаціею спичекъ въ восточной части Лондона, устроили процессію въ Вестминстер-Голлъ для подачи парламенту адреса противъ налога, который могъ уменьшить ихъ заработки или сократить количество ихъ работы. Наиболѣе живописную часть этой процессіи представляли повозки, наполненныя дѣвушками и толпы мальчиковъ, распѣвавшихъ пѣсни, а посреди ихъ огромныя афиши, въ видѣ хоругвей, съ приличными случаю надписями, изъ которыхъ самая откровенная гласила: „Мы повѣсимъ Боба Лоу на кислой яблонѣ“. Но въ процессіи принимали участіе и многія тысячи взрослыхъ рабочихъ, между которыми съ полиціею дѣло дошло въ нѣсколькихъ мѣстахъ до сильной драки, такъ какъ лондонская полиція, на этотъ разъ, выступила какъ-то особенно энергически и рѣшительно заграждала демонстрантамъ путь на парламентскую улицу и площадь вокругъ вестминстерскаго дворца. Тѣмъ не менѣе на площадь эту проникло довольно народу, чтобы выразить народное мнѣніе въ лицо министрамъ, пріѣзжавшимъ и приходившимъ въ парламентъ. Гладстону слегка пошикали, и въ томъ же оппозиціонномъ смыслѣ слегка поаплодировали Дизраэли. Роберта Лоу, министра финансовъ и автора этого несчастнаго Match-box налога, усердно высматривали и даже останавливали нѣсколько кэбовъ, въ ожиданіи, не онъ ли въ нихъ сидитъ. Но эти поиски оказались тщетны. Едва ли Робертъ Лоу боялся той судьбы, которою угрожала ему упомянутая афиша, но все-таки онъ, должно быть, зашелъ въ палату общинъ съ другой стороны, т.-е. со стороны вестминстерскаго аббатства, съ подъѣзда палаты перовъ.

Но и въ самомъ парламентѣ бюджетъ его встрѣтилъ неудовольствіе, такъ что враждебная ему резолюція, предложенная Уайтомъ, была едва устранена весьма слабымъ большинствомъ. Вотъ до чего дошло: министерство Гладстона, которое располагало большинствомъ болѣе 100 голосовъ (115 голосовъ при проведеніи такой важной мѣры, какъ отмѣна господства англиканской церкви въ Ирландіи) ослабло до незначительнаго большинства противъ враждебнаго предложенія по бюджету. Значитъ, состоялось соединеніе съ тори не однихъ радикаловъ, съ ихъ вождемъ Фоусеттомъ, но и значительной части приверженцевъ министерства, „разочарованныхъ“ имъ.

И было чѣмъ разочароваться. Вмѣсто экономіи и пониженія на-

логовъ—вдругъ дефицитъ; вмѣсто твердаго слѣдованія по пути либеральной финансовой политики, которой основу положилъ знаменитый сэръ Робертъ Пиль — предположеніе реакціонерно-финансоваго свойства, то-есть возвращеніе къ обложенію податями отдѣльныхъ отраслей промышленности. Тори, конечно, возстали противъ новаго обложенія недвижимыхъ имуществъ, защитники интересовъ рабочихъ противъ налога на спички, наконецъ представители „среднихъ классовъ", то-есть преимущественно мелкихъ торговцевъ, которые „едва сводятъ концы съ концами", а между тѣмъ должны показывать респектэбльную внѣшность (keep up appearances) протестовали противъ возвышенія подоходной подати на цѣлую копѣйку съ полутора рублей. Да и сами министры Гладстонъ и Лоу во время преній выказали неувѣренность. Оказалось, что новая смѣта расходовъ была составлена въ то самое время, когда въ Англіи распространилась паника по поводу недостаточности вооруженій, а нынѣ паника эта миновала, и смѣта такимъ образомъ не соотвѣтствуетъ болѣе общественному мнѣнію. Чтобы исправить это, Гладстонъ объявилъ, что не почитаетъ обязательнымъ непремѣнно израсходовать все, что дадутъ предполагаемые налоги, что можно будетъ при исполненіи смѣты сдѣлать нѣкоторыя сбереженія.

Однимъ словомъ, положеніе министерства по бюджетному вопросу было порядочно слабо, а одно время даже опасно. Устрашенный слабою цифрою большинства, Гладстонъ взялъ бюджетъ назадъ. Въ засѣданіи 28 (16) апрѣля, онъ объявилъ, что правительство подвергло бюджетъ пересмотру и отказывается какъ отъ налога на спички, такъ и на увеличеніе пошлины съ наслѣдованія недвижимыхъ имуществъ, и затѣмъ всю сумму дефицита около 2 м. 700 т. ф. полагаетъ покрыть однимъ увеличеніемъ подоходнаго налога, но за то уже предполагаетъ этотъ налогъ возвысить не на $1^1/_4$ пенни, а на цѣлыхъ 2 пенса съ фунта. Такое предположеніе еще менѣе прежняго могло понравиться защитникамъ интересовъ среднихъ классовъ, которымъ теперь придется платить уже по лишней копѣйкѣ съ одного рубля дохода, да и вообще противникамъ системы прямыхъ налоговъ. Но новое предположеніе министерства лучше прежняго уже тѣмъ, что оно проще, откровеннѣе и не-реакціонерно, по крайней мѣрѣ въ принципѣ. Гладстонъ справедливо объяснилъ, что хотя возвышеніе налога прямого всегда гораздо болѣе чувствуется обществомъ, чѣмъ возвышеніе или установленіе налоговъ косвенныхъ, падающихъ на потребленіе, но что это-то обстоятельство и ручается за *временность* такого возвышенія прямого налога. Чѣмъ оно непріятнѣе, тѣмъ вѣрнѣе, что оно не удержится долѣе необходимости, между тѣмъ, какъ налоги на отдѣльные предметы потребленія гораздо легче переносятся и тогда, когда уже перестали быть совершенно необходимы.

Этотъ маневръ министерства по всей вѣроятности и спасъ его, такъ какъ объ опасности положенія его можно было судить уже изъ того, что Дизраэли собирался внесть предложеніе, порицавшее прежній бюджетъ, иными словами, что этотъ опытный, закаленный въ парламентской тактикѣ боецъ считалъ наступающею минуту, въ которую можно было нанесть министерству рѣшительный ударъ, и вырвать власть изъ его рукъ. Съ устраненіемъ сложности мѣръ и реакціонернаго принципа прежняго бюджета изъ новыхъ предположеній министерства, вопросъ представился парламенту и странѣ уже въ болѣе простомъ видѣ: желаютъ ли англичане платить лишнихъ 2 пенса съ фунта доходу, т.-е. платить втеченіи года по 6-ти пенсовъ съ фунта, и пользоваться управленіемъ Гладстона, или они предпочитаютъ блага управленія Дизраэли съ тѣмъ, чтобы только платить съ фунта не больше 4 пенсовъ, какъ они платятъ до сихъ поръ? Странѣ не очень нравятся дополнительные два пенса, но она несогласна промѣнять за два пенса Гладстона на Дизраэли.

Вотъ смыслъ того отвѣта, который вскорѣ послѣдовалъ въ палатѣ и былъ данъ большинствомъ въ 85 голосовъ въ пользу Гладстона. Это произошло въ засѣданіи 1-го мая, вслѣдствіе предложенія Смита объявить, что „не признается удобнымъ (it is inexpedient), чтобы прямые налоги страны были возвышены до размѣра предусмотрѣннаго въ финансовыхъ предположеніяхъ правительства ея величества“. Министерство разослало передъ этимъ днемъ записки всѣмъ своимъ приверженцамъ съ просьбою непремѣнно явиться въ этотъ день въ палату. Въ засѣданіи Смитъ, развивая свое предложеніе, возставалъ противъ возвышенія подоходной подати отчасти именно потому, что оно будетъ тягостно для классовъ необезпеченныхъ. Со стороны оппозиціи выступилъ и самъ Дизраэли, доказывая, что министерство своими предположеніями только тревожитъ страну (это легко говорить теперь, когда паника миновалась). Со стороны министерства говорили Лоу, Стэнсфельдъ и самъ Гладстонъ, который даже счелъ нужнымъ напомнить, что въ управленіе либераловъ уменьшено податей на шесть милліоновъ фунтовъ, и погашено долговъ на десять милліоновъ фунтовъ, и завѣрилъ, что нынѣшнее возвышеніе только временное. Результатъ мы уже сказали: предложеніе Смита было отвергнуто большинствомъ 85-ти голосовъ (335 противъ 250), и министерство одержало побѣду въ рѣшительномъ сраженіи.

Но въ этой побѣдѣ замѣчательны два обстоятельства: во-первыхъ, что даже въ вопросѣ о своемъ существованіи кабинетъ Гладстона получилъ большинство значительно меньше тѣхъ, какими онъ располагалъ прежде; во-вторыхъ, что самое это большинство 85 дано было никакъ не по убѣжденію въ основательности и полезности министерскихъ финансовыхъ мѣръ, а единственно только для того, чтобы

избѣгнуть перемѣны министерства. Если же мы обратимъ вниманіе на то крайне невыгодное положеніе дѣлъ, которое было бы вызвано противнымъ результатомъ именно теперь, то должны будемъ убѣдиться, что и изъ этого большинства въ 85 голосовъ, только часть обусловлена прямымъ сочувствіемъ къ кабинету, такъ что—еще вопросъ, располагаетъ ли Гладстонъ въ парламентѣ въ самомъ дѣлѣ сколько-нибудь значительнымъ большинствомъ, въ настоящее время? Дѣйствительно, еслибы кабинетъ Гладстона былъ ниспровергнутъ въ началѣ мая, то Англіи представились бы слѣдующія послѣдствія: значительная часть сессіи уже прошла, а бюджета бы еще не было, и пришлось бы новому кабинету составлять новый; этотъ, консервативный кабинетъ бросилъ бы въ сторону билль о введеніи тайной подачи голосовъ на выборахъ, который все еще не прошелъ, а также устранилъ бы изъ проекта преобразованія арміи отмѣну покупки офицерскихъ патентовъ, то-есть самую существенно-либеральную часть всего проекта. Неудивительно, что нашлось мало либераловъ, которые согласились подвергнуть страну такому риску. Вотъ почему можно сказать, что 85 голосовъ большинства въ пользу министерства при *такихъ* обстоятельствахъ вовсе не составляютъ для кабинета Гладстона гарантіи силы. Очень можетъ быть, что истинное, безусловное большинство въ его пользу гораздо меньше 85-ти, можетъ даже быть, что такое большинство въ дѣйствительности и вовсе не существуетъ. И въ самомъ дѣлѣ, около того же времени министерство потерпѣло пораженіе по вопросу о сохраненіи Epping Forest, рощи въ восточной сторонѣ Лондона, въ которомъ министерство было разбито радикалами, хотя и стояло на этотъ разъ за экономію. Дѣло въ томъ, что жители восточной части Лондона не имѣютъ другихъ мѣстъ прогулки какъ Victoria Park и Epping Forest, между тѣмъ, какъ богатый западный конецъ города (West End) имѣетъ Гайд-паркъ, Джемс-паркъ и Риджент-паркъ, огромныя и великолѣпныя гулянья. Гигіеническое значеніе лондонскихъ парковъ уясняется и поговоркою, что они — „легкія, которыми дышетъ Лондонъ“. Куперъ Темпль внесъ прошеніе, въ которомъ жители восточной части Лондона ходатайствовали, чтобы та часть рощи, которая еще не срублена и не окружена заборами, была удержана въ общественномъ пользованіи. Для этого необходимо выкупить нѣкоторые уже проданные участки этой рощи, что потребуетъ расхода въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Министерство противилось принятію въ уваженіе этого ходатайства потому именно, что оно сопряжено съ расходомъ, а и безъ того предвидится дефицитъ. Но палата рѣшила дѣло согласно предложенію столичныхъ депутатовъ, т.-е. въ пользу сохраненія рощи для публики, и это рѣшеніе послѣдовало большинствомъ 101-го голоса, именно 197 голосовъ противъ 96-ти, поданныхъ за мнѣніе правительства. Такихъ частныхъ пораженій правительство претерпѣло въ нынѣшнюю сессію

нѣсколько. Но хуже всего то, что недостатокъ силы ведетъ его къ затягиванію всего хода дѣлъ.

Итакъ, министерство Гладстона, очевидно, не падаетъ потому только, что нѣкѣмъ было бы замѣнить его. Либеральная партія составляетъ значительное большинство, и хотя собственно кружокъ близкихъ или вѣрныхъ приверженцевъ кабинета и съузился въ настоящее время до того, что уже представляетъ собою меньшинство, но остальныя группы либеральной партіи въ минуты дѣйствительной опасности все-таки поддерживаютъ Гладстона, потому что допустить его полное пораженіе значило бы передать власть въ руки Дизраэли. Третьей партіи пока еще нѣтъ, такъ какъ хотя радикаловъ, съ Фоусеттомъ во главѣ, и слѣдуетъ считать третьею партіею парламентскою, и партіею, которая постепенно все болѣе и болѣе отдаляется отъ Гладстона, но радикалы еще не пріобрѣли значенія партіи правительственной, т.-е. способной составить управленіе. Никому—вѣроятно и самимъ радикаламъ — и въ голову не приходитъ возможность кабинета, составленнаго не Гладстономъ или Дизраэли, а Фоусеттомъ. Правительственныхъ партій, т.-е. партій способныхъ не только рѣшать дѣла въ парламентѣ, но вести управленіе страною, пока все еще только двѣ, и вотъ почему, хотя Гладстонъ можно сказать уже не располагаетъ большинствомъ въ парламентѣ, но это большинство, состоящее изъ различныхъ либеральныхъ группъ, все еще держится его, не желаетъ его паденія.

Отсюда происходитъ, что Гладстона поддерживаютъ въ минуты опасности и предохраняютъ отъ серьезнаго пораженія, но частнымъ пораженіямъ онъ подвергается, и утратилъ то, что называется руководствомъ (leadership) въ ходѣ дѣлъ въ парламентѣ. Такимъ образомъ, противникамъ представляется возможность растягивать обсужденіе его мѣръ, ставить ему на каждомъ шагу новыя препятствія, и въ ту минуту, какъ онъ только-что вышелъ изъ одного затрудненія, подставлять ему другое. Главная цѣль самихъ консерваторовъ при этомъ едва ли состоитъ въ немедленномъ ниспроверженіи кабинета; но имъ хотѣлось бы, посредствомъ такихъ проволочекъ въ обсужденіи бюджета, билля о преобразованіи арміи и другихъ дѣлъ, не допускать въ настоящую сессію принятія ненавистнаго имъ Ballot-bill, т.-е. закона о введеніи скрытой подачи голосовъ на выборахъ. И дѣйствительно, чѣмъ болѣе они придумываютъ затрудненій по дѣламъ, стоящимъ на очереди впереди Baelot-bill, тѣмъ болѣе уменьшается вѣроятность, что очередь дойдетъ наконецъ до этого билля, который между тѣмъ представляетъ самое главное изъ всѣхъ дѣлъ, предстоявшихъ нынѣшней сессіи. Еслибы Гладстонъ былъ такъ силенъ какъ прежде, то онъ безъ труда устранилъ бы всѣ эти препятствія и подвинулъ бы работы парламента прямо къ этому главному предмету. Но въ томъ-

то и дѣло, что Гладстонъ нынѣ уже не имѣетъ прежняго вліянія, не управляетъ большинствомъ, а только держится имъ. Сверхъ того, нельзя не замѣтить, что канцлеръ казначейства Робертъ Лоу отличился нынѣ неловкостью, которая еще затруднила положеніе кабинета. Неловко было придумана такая мѣра, какъ налогъ на спички; неловко было и то обстоятельство, что Лоу, представляя бюджетъ, забылъ о предстоящемъ въ августѣ истеченіи срока пошлинъ на чай; такъ-что теперь, когда бюджетъ былъ уже однажды взятъ назадъ и исправленъ, представилась опять необходимость исправить его еще разъ.

Эта послѣдняя ошибка подала Дизраэли поводъ произнесть, въ засѣданіи 18-го (6-го) мая, рѣзкое обвиненіе противъ министерства. Напомнивъ о всѣхъ предшествовавшихъ колебаніяхъ министерства въ дѣлѣ бюджета, онъ сказалъ, что кабинетъ умолчалъ о предстоящемъ истеченіи срока пошлинъ на чай или потому, что самъ забылъ объ этомъ — что́ составляло бы непростительную ошибку — или потому, чтобы намѣренно уменьшить цифру предвидимаго имъ дефицита. „Въ какое странное положеніе правительство ставитъ эту палату“, говоритъ Дизраэли: „не упомянувъ въ бюджетѣ объ истеченіи срока чайной пошлины, министръ тѣмъ самымъ скрылъ отъ насъ часть дефицита. Онъ поступилъ такъ, какъ до-сихъ-поръ не поступало ни одно министерство. Никогда налогъ на чай не былъ пропускаемъ въ бюджетѣ; на удержаніе его въ силѣ всегда испрашивалось согласіе палаты. Дѣйствуя такимъ образомъ, какъ онъ поступилъ въ настоящемъ случаѣ, канцлеръ казначейства завлекъ палату къ одобренію такихъ мѣръ для покрытія дефицита, которыхъ въ дѣйствительности никто не одобряетъ“. Далѣе Дизраэли доказывалъ, что подоходный налогъ въ шесть пенсовъ совершенно напрасно представляютъ какъ мѣру временную, которая можетъ быть отмѣнена въ слѣдующемъ году, послѣ покрытія предвидимаго дефицита. Осуществленіе плана преобразованія арміи и требованія вознагражденій, какія могутъ быть предъявлены изъ Америки вслѣдъ за утвержденіемъ трактата по дѣлу „Элебемы“ (т.-е. убытковъ нанесенныхъ американскому мореплаванію этимъ федералистскимъ каперомъ, выпущеннымъ изъ англійскаго порта) сдѣлаютъ, по словамъ Дизраэли, невозможнымъ обойтись и на слѣдующій годъ безъ увеличеннаго подоходнаго налога. Это нападеніе со стороны Дизраэли было неожиданнымъ, такъ какъ въ то время правительство считало уже пройденными главные моменты бюджетной борьбы. Въ отвѣтѣ своемъ, канцлеръ признался, что пошлина съ чая не была включена въ билль объ увеличеніи подоходнаго налога на покрытіе дефицита потому, что таможенное управленіе *забыло* представить свои соображенія объ этомъ предметѣ. Въ этомъ же засѣданіи Фоусеттъ еще разъ заявилъ разногласіе радикальной партіи съ

министерствомъ Гладстона, выразивъ осужденіе вступленію его на тотъ путь преувеличенныхъ расходовъ на вооруженія, на которомъ подвизаются континентальныя государства, и сожалѣніе, что министерство не отказалось теперь отъ требованія такихъ преувеличенныхъ расходовъ, когда уже всѣ убѣдились, что они излишни.

Такъ продолжаетъ свой путь министерство Гладстона со знаменемъ нѣсколько полинявшимъ и поддерживаемымъ не совсѣмъ твердою рукой. Осборнъ, которому нерѣдко случается удачно охарактеризовать положеніе съ точки зрѣнія филистерско-объективной, по поводу этихъ преній замѣтилъ: „дѣло въ томъ, что у министровъ нѣтъ собственныхъ принциповъ, и что они готовы ежедневно отказываться отъ принциповъ, вчера ими же провозглашенныхъ". Осборнъ изъ всего этого вывелъ такое заключеніе, что „канцлеръ казначейства предпочитаетъ передѣлывать свой бюджетъ по разнымъ требованіямъ, возникающимъ въ палатѣ, лишь бы только сохранить за собою свое мѣсто, чѣмъ удалиться на отдыхъ съ собственнымъ своимъ бюджетомъ, неискаженнымъ уступками".

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

Промышленная Италія.

Апрѣль, 1871 г.

Достаточно взглянуть на каталоги новыхъ книгъ, вышедшихъ за послѣднее время въ Италіи, чтобы убѣдиться, какъ въ настоящее время Италія, эта классическая страна поэзіи и искусствъ, занята промышленными, матеріальными интересами, и какъ у насъ спѣшатъ изучать все, что относится къ ознакомленію съ современнымъ развитіемъ экономическихъ силъ страны и условіями ихъ дальнѣйшаго прогресса [1]). Утѣши-

[1]) Вотъ нѣкоторыя изъ новѣйшихъ изданій:

L'Italia economica nel 1870, per cura del dottor Pietro Maestri. Firenze, tip. Civelli, 1871 (prezzo L. 7, 50).

Annuario scientifico e industriale, fondato dall'editore della Biblioteca utile sotto la direzione di Francesco Grispigni e Luigi Trevellini. Milano. E. Treves, 1871 (prezzo L. 6).

Storia e statistica delle industrie venete e accenni al loro avvenir, del professore Alberto Errera. Venezia, tip. Antonelli, 1870 (prezzo L. 12. 50).

Monografie degli istituti di previdenza di cooperazione e di credito della industria e del commercio, per cura del prof. Alberto Errera. Venezia, tip. Antonelli, 1870.

La industria navale, studi di Alberto Errera e G. A. Zannon. Venezia, tip. Naratovich, 1871 (prezzo L. 3).

тельно видѣть, что въ Италіи такъ увеличивается число изучающихъ промышленные вопросы, а въ публикѣ растетъ интересъ къ этимъ вопросамъ. Очевидно, эта Италія, которую иностранцы привыкли считать прекрасной, но вѣчно младенчествующей Аркадіей, неспособной производить что-либо, кромѣ красивыхъ цвѣтовъ, сладкихъ звуковъ, богатыхъ риѳмъ, прекрасныхъ мадоннъ — эта самая Италія серьезно обѣщаетъ сдѣлаться трудовой страной. *Il dolce far niente*, въ которомъ французы упорно обвиняли насъ передъ цѣлымъ свѣтомъ, превращается мало-по-малу въ несправедливость, и *la terra dei morti*, какъ окрестилъ поэтъ Ламартинъ страну, живыя женщины которой внушали ему такой пламенный восторгъ,—*la terra dei morti* не только живетъ, но и борется среди живыхъ, борется самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ: силой практическаго генія, и руки итальянца крѣпнутъ въ благородномъ трудѣ.

Книги, толкующія о трудѣ и производительной способности народа, въ наше время служатъ своего рода поэзіею, и нельзя безъ удовольствія говорить о такихъ трудахъ по этому предмету, какіе въ послѣднее время явились у насъ изъ-подъ пера Маэстри, Гриспиньи и Тревеллини, Эррера, Цанона, Вимеркати, Страфорелло; въ нихъ вы найдете несомнѣнное доказательство усиливающейся у насъ трудовой и плодотворной жизни.

Докторъ Піетро Маэстри былъ однимъ изъ лучшихъ медиковъ въ Ломбардіи; въ 1848-мъ г. онъ принималъ дѣятельное участіе въ республиканскомъ движеніи Милана и вмѣстѣ съ Каттанео, Феррари и Корренти пользовался въ немъ большимъ вліяніемъ; въ изгнаніи онъ прославился своимъ искусствомъ въ медицинѣ, пока наконецъ итальянское правительство не сочло полезнымъ пріютить геніальнаго человѣка и не поручило ему должности, къ которой подготовили Маэстри усердныя предварительныя занятія,—должность директора оффиціальнаго статистическаго комитета, учрежденнаго при министерствѣ земледѣлія и торговли. Въ своей новой должности Маэстри оказалъ большія услуги, и знаменитые иностранцы, которые собирались во Флоренціи на общій статистическій конгрессъ, отдавали полную справедливость достоинству сочиненій, изданныхъ подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ. Но до 1867-го г. изданія статистическаго комитета, которыя печатались въ ограниченномъ числѣ экземпляровъ, изящнымъ шрифтомъ, но неудобнаго формата, не могли расходиться въ публикѣ. Съ 1867-го г. докторъ Маэстри сталъ издавать

Rivista scientifico—industriale, per cura di Guido Vimercai, anno secondo. Firenze, tip. dell'Associazione, 1871 (prezzo L. 2).

I fenomeni della vita industriale, spiegati al popolo, da Gustavo Strafforello. Torino, tip. dell'Unione, 1870 (prezzo L. 2. 50.) и другія недавно изданныя.

ежегодно подъ заглавіемъ: *L'Italia economica* одинъ томъ, въ которомъ публикѣ сообщаются, въ формѣ довольно популярной, самые интересные результаты трудовъ статистическаго комитета. На-дняхъ вышелъ въ свѣтъ 4-ый томъ *Italia economica*, который еще интереснѣе предыдущихъ тѣмъ, что даетъ нѣкоторыя драгоцѣнныя свѣдѣнія о римской территоріи, недавно возвращенной Италіи, и которая до сихъ поръ оставалась столь же неизвѣстной для остальныхъ итальянцевъ, какъ и изолированной отъ нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ содержитъ нѣсколько прекрасныхъ страницъ того же самаго доктора Маэстри объ исторіи итальянской мысли. Что касается отдѣльныхъ свѣдѣній, то они относительно вѣрны; абсолютной точности невозможно пока требовать по многимъ причинамъ, изъ которыхъ самыми существенными назову неудовлетворительность путей сообщенія съ нѣкоторыми провинціями и преимущественно южными, необходимость, въ которую мы поставлены до сихъ поръ, благодаря нераціональнымъ экономическимъ условіямъ, довольствоваться свѣдѣніями, получаемыми — когда случится—въ центральномъ комитетѣ, вмѣсто того, чтобы посылать спеціальныхъ лицъ въ провинціи провѣрять на мѣстѣ оффиціальныя данныя, не всегда достовѣрныя, и наконецъ привычку, которую сохранила до сихъ поръ большая часть производителей и собственниковъ скрывать точную цифру и стоимость своего производства, изъ боязни, какъ бы министръ финансовъ, высматривающій ястребинымъ окомъ—не осталось ли еще чего въ Италіи, на что можно наложить налогъ — не наложилъ бы на нихъ новыхъ налоговъ. Не существуетъ страны въ мірѣ, которая, принимая въ соображеніе богатство страны, платила бы больше налоговъ, чѣмъ Италія. Министры финансовъ постоянно утѣшаютъ насъ аксіомой, что чѣмъ болѣе налоговъ платитъ производитель, тѣмъ сильнѣе онъ заинтересованъ въ увеличеніи своего производства, и что такимъ образомъ, произойдетъ приращеніе національнаго богатства; но когда національное богатство постоянно переходитъ изъ рукъ гражданъ въ кассу государственнаго казначейства, то можно опасаться, что производителямъ надоѣстъ производить для удовольствія такого расточительнаго правительства, какъ наше. Право, я не преувеличу, если скажу, что жители большихъ городовъ въ Италіи въ числѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, ради выгоды быть управляемыми такъ, какъ они управляются, платятъ правительству болѣе половины доходовъ, которые проживаютъ ежегодно. И какъ будто бы всего этого было мало, министръ финансовъ собирался еще увеличить налоги, которые мы платимъ, и сдѣлалъ бы это, еслибы вся страна не поднялась какъ одинъ человѣкъ и не протестовала противъ такого беззаконія, которое предназначалось не для того, чтобы залечить язвы нашихъ финансовъ, но помочь настоящему министру финансовъ разыграть болѣе представительную роль въ парламентѣ для своихъ будущихъ финансо-

выхъ сношеній. До сихъ поръ Италія не роптала на громадныя финансовыя пожертвованія, сдѣланныя ею, чтобы помочь правительству; правительство никогда не обращалось напрасно къ благотворительности страны; но всѣ надѣялись, что по крайней мѣрѣ страна будетъ обезпечена и получитъ возможность свободнѣе дышать и преуспѣвать. Теперь же, напротивъ того, пришлось узнать, что дѣла идутъ не только скверно, но что, во избѣжаніе еще худшаго, всѣмъ приходится разориться—и истощенная страна воспротивилась. Правительство промоталось въ конецъ и вдобавокъ разоряетъ налогами гражданъ; еслибы, по крайней мѣрѣ, оно дало намъ сильное войско, почтенный флотъ и хорошія школы; ничуть не бывало; и вмѣсто того, чтобы отдать отчетъ, правительство снова прибѣгаетъ къ странѣ, какъ безжалостный ростовщикъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ болѣе чудовищное ростовщичество, какъ то, съ которымъ итальянское правительство обращалось съ Италіей съ 1860-го г., и видя, что несмотря ни на что страна еще жива и трудится, и производитъ,—вмѣсто того, чтобы восхищаться ею и относиться къ ней съ уваженіемъ, правительство пытается высосать изъ нея послѣднюю кровь!

Впрочемъ у насъ, чѣмъ правительство слабѣе и непредусмотрительнѣе, тѣмъ сильнѣе развивается частная дѣятельность и иниціатива. Доказательствомъ можетъ служить *l'Annuario scientifico-industriale*, которое издаетъ уже семь лѣтъ издатель Эмиліо Тревъ, въ Миланѣ, подъ руководствомъ профессоровъ Гриспиньи и Тревиллини, при содѣйствіи многихъ замѣчательныхъ ученыхъ (достаточно назвать, въ числѣ другихъ, астрономовъ Скіапарелли и Денца, натуралиста Тарджіони-Тоццетти, агронома Каччанига, палеонтолога Пигорини).

Но главная честь принадлежитъ издателю, который, переѣхавъ изъ Венеціи въ Миланъ, нашъ главный центръ книжной торговли, задался мыслью пріучить публику къ полезному и серьезному чтенію, посредствомъ большого числа книгъ и журналовъ весьма поучительнаго содержанія и весьма легкой формы. Тѣмъ бо́льшее спасибо можно сказать ему за изданіе *l'Annuario scientifico-industriale*, что нужно немалую храбрость, чтобы издавать книгу, которая по всей вѣроятности не могла разсчитывать на большое число читателей; но публика такъ привыкла считать прекрасными изданія фирмы Тревъ, что отнеслась съ благосклонностью и къ *Annuario*. Тревъ навязалъ его публикѣ, и публика начинаетъ быть ему за это благодарной, потому что находитъ въ немъ не только интересныя свѣдѣнія о современномъ ученомъ и промышленномъ движеніи, но что всего важнѣе, она находитъ ихъ освѣщенными людьми компетентными по своему уму и своей учености, старающимися передать свои знанія въ формѣ самой простой и естественной. Астрономическая часть седьмого тома *dell'Annuario*, вышедшаго недавно, редактировалась астрономами Скіапарелли,

Денца и Челоріа, физическая часть профессоромъ Террини, химическая профессоромъ Сестони, палеонтологія — Пигорини, зоологія и сравнительная анатомія профессоромъ Тарджіони-Тоццети, ботаника профессоромъ Цаннетти, земледѣліе—Каччанига, геологія и минералогія Граттароля, медицина и хирургія—Мориггія, промышленность—Грисиньи, инженерное искусство — Тревеллини, механика — инженеромъ Гудци, географія—Мальфатти. А такое соединеніе именъ и сочиненій придаетъ особенное значеніе *Annuario scientifico-industriale*, на который я указываю съ удовольствіемъ какъ на доказательство интереса, который начинаетъ распространяться въ Италіи къ вопросамъ практической пользы.

Но самыхъ живѣйшихъ похвалъ, какъ человѣкъ трудящійся, который опирается лишь на собственныя силы, въ силу личной инициативы и необыкновенной энергіи, заслуживаетъ профессоръ Альберто Эррера изъ Венеціи. Этотъ молодой и неутомимый ученый уже цѣлыхъ четыре года изучаетъ безъ отдыха и удивительно толково венеціанскую провинцію, чтобы познакомиться съ промышленнымъ движеніемъ, экономическими нуждами, способами ихъ улучшить, матеріальными условіями, и отдаетъ отчетъ въ своихъ трудахъ во многихъ изданіяхъ, изъ которыхъ самое новѣйшее то, о которомъ я упомянулъ въ самомъ началѣ настоящей корреспонденціи. *La storia e statistica delle industrie venete, con accenni al loro avvenire* заслуживаетъ поистинѣ почетное мѣсто среди итальянскихъ изданій настоящаго времени; еслибы каждая итальянская провинція обладала такимъ капитальнымъ сочиненіемъ о своей промышленности, какъ то, которое Эррера написалъ для Венеціи, то не только возможно было бы созданіе монументальнаго сочиненія — сравнительной исторіи итальянской промышленности, но изъ сравненія труда различныхъ провинцій, каждая могла бы судить о степени собственнаго развитія и относительной пользы своей промышленности и объ улучшеніяхъ, какія возможно въ ней примѣнить. Иная провинція, будучи знакома съ промышленностью другихъ итальянскихъ провинцій, быть можетъ, отказалась бы отъ своей собственной, менѣе производительной, и устремилась бы на другую, болѣе выгодную, принимая въ соображеніе условія относительно болѣе или менѣе выгодныя, въ которыхъ находится сырой матеріалъ, естественныя средства мѣстности, рабочія руки и проч. Венеціанская академія торжественно наградила преміей профессора Эррера и отозвалась самымъ лестнымъ образомъ о его сочиненіи. Изложивъ исторію перемѣнъ, которыя переживала мануфактурная промышленность Венеціи послѣ республики, оно знакомитъ, главнымъ образомъ, съ современнымъ состояніемъ промышленности въ Венеціи и указываетъ, какія отрасли ея могутъ преимущественно процвѣтать при новыхъ политическихъ условіяхъ и новыхъ сношеніяхъ. Для первой части необходимо было изучить прошед-

шее, собирая мемуары и документы, которые знакомятъ съ условіями и перемѣнами, какія переживала промышленность при различныхъ правительствахъ, пока, наконецъ, Венеція не достигла независимости и уже не какъ небольшое государство, но какъ нація. Для другихъ двухъ частей необходимо было, конечно, личное и непосредственное наблюденіе, при чемъ автору приходилось вступать въ сношенія съ венеціанскими фабрикантами, разспрашивать ихъ, посѣщать ихъ фабрики и провѣрять вымышленныя часто данныя, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло. Такого рода свѣдѣнія у насъ трудно получить въ самомъ министерствѣ, благодаря предразсудкамъ, которые заставляютъ бояться гласности; тѣмъ труднѣе получить ихъ лицу, не облеченному оффиціальнымъ характеромъ. Эррерѣ приходилось лично посѣщать различныя промышленныя мѣстности, и затѣмъ обращаться въ торговыя камеры для провѣрки и сравненія собранныхъ имъ данныхъ. Ему приходилось имѣть дѣло съ промышленниками, опасающимися правды или склонными къ преувеличенію, или невѣжественными. Но несмотря на все это, ему удалось подарить насъ превосходными и важными монографіями.

Немного мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ венеціанская академія наградила преміей сочиненіе Эрреры *Storia delle industria venete*, та же самая академія присудила премію другому спеціальному сочиненію того же самаго молодого и талантливаго политико-эконома *Sull'Industria navale*, которое онъ на этотъ разъ написалъ въ сообществѣ съ другимъ замѣчательнымъ собратомъ своимъ, профессоромъ Цанномомъ. Но авторы получили не только премію, но и приглашеніе образовать общество, которое могло бы осуществить ихъ предложенія, имѣющія въ виду содѣйствовать морской промышленности Венеціи. И такое общество основалось въ настоящее время, и надо надѣяться, что его усилія принесутъ современемъ немалую пользу Венеціи. Профессоры Эррера и Цанномъ заслуживаютъ также похвалы и за то, что заботятся не объ однихъ только мѣстныхъ, венеціанскихъ интересахъ, но не теряютъ изъ вида и общихъ интересовъ итальянской морской промышленности, которой желаютъ также возможнаго преуспѣянія, показывая, что Италіи сама природа способствуетъ сдѣлаться великой морской державой. Это такіе труженики, какихъ я отъ всего сердца желаю каждой итальянской провинціи, потому что только помощью подобныхъ трудовъ возможно содѣйствовать съ толкомъ матеріальному обновленію нашего полуострова, а только при матеріальномъ обновленіи мы можемъ воскресить наше нравственное величіе и возсоздать великое искусство и великую литературу. Богатая римская республика создала золотой вѣкъ Августа; богатымъ средневѣковымъ республикамъ обязаны своимъ появленіемъ Алигіери, Джіотти, Буонароти. Намъ слѣдуетъ разбогатѣть, чтобы стать

почтенными, а стать почтенными намъ слѣдуетъ для того, чтобы сдѣлаться великими. А не то намъ останется только водить любопытныхъ иностранцевъ осматривать галлереи и архивы, гдѣ хранятся произведенія нашихъ старинныхъ мастеровъ, и ограничиться подражаніемъ имъ или древнимъ; будемъ жить мы какъ нищіе, и искусство у насъ будетъ нищенское.

Поэтому не удивляйтесь, что я сообщаю вамъ о нашихъ промышленныхъ писателяхъ охотнѣе; чѣмъ о нашихъ поэтахъ и живописцахъ. Дѣло въ томъ, что я считаю первыхъ полезнѣе вторыхъ; первые съ пользой употребляютъ свое время; вторые, за немногими исключеніями, даромъ тратятъ его.

Чтобы дополнить свѣдѣнія о послѣднихъ и самыхъ замѣчательныхъ итальянскихъ изданіяхъ, касающихся промышленности, мнѣ слѣдуетъ еще упомянуть о *Rivista scientifico-industriale*, издаваемой въ послѣдніе два года въ одномъ небольшомъ томѣ молодымъ венеціанскимъ инженеромъ, графомъ Гвидо Вимеркати. Уже два года, какъ онъ помѣщаетъ въ *Giornale delle arti e delle industrie*, основанномъ лѣтъ семнадцать тому назадъ въ Туринѣ адвокатомъ Микелемъ Мануччи, недавно умершимъ (теперь этотъ журналъ продолжаетъ издаваться во Флоренціи, подъ редакціей инженера Ахилла, его сына) — почти еженедѣльное приложеніе, въ которомъ отдаетъ отчетъ о самыхъ замѣчательныхъ новостяхъ въ ученомъ и промышленномъ мірѣ въ формѣ ясной и блестящей. Въ концѣ каждаго года, онъ собираетъ свои различныя приложенія въ одинъ томъ, что́ составляетъ родъ огромнаго *Annuario*, нелишеннаго своей доли полезности, хотя, конечно, не такого замѣчательнаго, какъ *Annuario*, который издаетъ въ Миланѣ Тревъ и о которомъ я извѣщалъ выше читателей вкратцѣ.

Конечно, назвавъ всѣ эти изданія, я далеко не покончилъ съ библіографіей новѣйшихъ итальянскихъ изданій, касающихся промышленности, но я упоминалъ только о самыхъ полезныхъ сочиненіяхъ, между тѣмъ какъ еслибы я захотѣлъ перечислять всѣ монографіи, которыя появляются ежедневно на свѣтъ божій и трактуютъ о различныхъ спеціальныхъ промышленныхъ вопросахъ, то конечно только бы злоупотребилъ терпѣніемъ читателей. Если качество всѣхъ этихъ изданій не всегда соотвѣтствуетъ ихъ количеству,—то самое количество многознаменательно и доказываетъ, что страна не бездѣйствуетъ и старается водворить у себя экономическій порядокъ, болѣе соотвѣтствующій ея избранной природѣ и ея нуждамъ. Политическіе журналы зачастую отводятъ свои страницы обсужденію промышленныхъ вопросовъ; спеціальные промышленные журналы, изъ которыхъ *Delle arti e delle industrie*, вышеупомянутый, и *L'industriale italiano*, печатающійся уже пять лѣтъ въ Форли, изящнымъ шрифтомъ и съ рисунками, въ особенности заслуживаютъ упоминовенія. Затѣмъ народныя

изданія содѣйствуютъ не мало тому, чтобы пристрастить нашъ народъ къ труду. Адвокатъ Карло Лоцци публиковалъ въ Туринѣ два прекрасныхъ тома, касательно *Льни въ Италіи*, указывая на выгоды, которыя итальянцы могутъ извлечь изъ своего трудолюбія, а профессоръ Дино Карина въ Ливорно написалъ умную брошюру. Книга Смайльса, переведенная и изданная въ Миланѣ Тревомъ, а во Флоренціи Барбера, книга профессора Лессона, *Сила и воля*, въ которой разсказывается жизнь итальянцевъ, которые, родившись въ низкой долѣ, стали знамениты, благодаря силѣ своей воли; книга: *На Бога надѣйся, да самъ не плошай*, Густаво Страфорелло, изданная типографіей *dell' Unione* въ Туринѣ, — всѣ эти изданія доказываютъ, что читающая публика поощряетъ издателей преподносить ей лучше назидательныя книги, чѣмъ книги для легкаго чтенія. Густаво Страфорелло воспользовался этимъ настроеніемъ, благопріятнымъ для изученія промышленности, и составилъ популярную книгу политической экономіи, подъ заглавіемъ: *Явленія промышленной жизни, изложенныя для народа.* Онъ же перевелъ для издателей, миланскаго Тревъ и флорентинскаго Барбера, нѣсколько иностранныхъ сочиненій, предназначенныхъ войти въ составъ собранія книгъ для народнаго образованія.

Итальянское королевство, согласно послѣднимъ переписямъ, насчитываетъ 24.914,317 жителей, что составляетъ около 84-хъ человѣкъ на каждый квадратный километръ; населеніе увеличивается съ каждымъ годомъ; вмѣстѣ съ увеличеніемъ населенія уменьшается число безграмотныхъ. Статистическія данныя, собранныя при конскрипціи 1867-го года, показываютъ въ одномъ Пьемонтѣ 33 безграмотныхъ на 100; статистика браковъ въ 1869-мъ году показываетъ въ Пьемонтѣ 27 мужчинъ и 53 женщины безграмотныхъ на 100; а я привожу вамъ Пьемонтъ, гдѣ образованіе болѣе развито; остается страшно много сдѣлать для другихъ провинцій, гдѣ культура ничтожнѣе.

По культурѣ первое мѣсто занимаетъ въ Италіи Пьемонтъ, затѣмъ Ломбардія, Лигурія, Венеція — словомъ, верхняя Италія; послѣдними въ ряду стоятъ Базиликатъ, Калабрія, Сицилія и Сардинія; Тоскана слѣдуетъ за провинціями бывшихъ папскихъ владѣній. Въ Базиликатѣ, напримѣръ, въ 1869-мъ г. на 100 женщинъ, вступавшихъ въ бракъ, 97 не умѣли ни читать, ни писать; вещь ужасающая. Мы ожидаемъ большого прогресса отъ обязательнаго первоначальнаго обученія. Между тѣмъ, такъ какъ мы заговорили объ этомъ предметѣ, то интересно узнать, что сдѣлано въ Италіи по части народныхъ ремесленныхъ и рисовальныхъ школъ, созданныхъ не правительствомъ, по показанію все того же доктора Маэстри, но благодаря частной благотворительности и инціатитѣ муниципій и частныхъ ассоціацій. Въ началѣ 1870-го г. въ различныхъ частяхъ Италіи было разсѣяно—за исключеніемъ Базиликата и Сардиніи—165 народныхъ ремесленныхъ и рисо-

вальныхъ школъ, всѣ безъ исключенія мужскія и посѣщаемыя 23,019 ремесленниковъ. Въ этихъ школахъ преподавали 625 учителей, изъ которыхъ большая часть даромъ содѣйствовала элементарному образованію ремесленниковъ, на которое тратилось въ королевствѣ 1,413,678 лиръ. Первое мѣсто и здѣсь выпадаетъ на долю Пьемонта, который насчитываетъ 40 ремесленныхъ народныхъ школъ, 3,137 учениковъ и 348,242 лиры расхода. Затѣмъ слѣдуютъ: Венеція (31 школа, 2,508 учениковъ, 76,737 лиръ расхода), Ломбардія (22 школы, 2,694 ученика, 465,588 лиръ расхода), Кампанья (18 школъ, 10,294 ученика, 302,051 лира расхода).

Техническія школы, техническія академіи, промышленныя академіи служатъ большимъ подспорьемъ той молодежи, которая думаетъ продолжать свое техническое образованіе. Самыми лучшими заведеніями этого рода можно считать: инженерную школу и промышленный музей въ Туринѣ, высшую коммерческую школу въ Венеціи, высшую земледѣльческую школу въ Миланѣ, высшее морское училище въ Генуѣ. Между всѣми этими заведеніями промышленный музей въ Туринѣ занимаетъ первое мѣсто и заслуживаетъ упоминовенія. Промышленный музей есть постоянная историческая и прогрессивная выставка предметовъ, относящихся къ искусствамъ и промышленности. Музей сообщаетъ правительству и частнымъ лицамъ свѣдѣнія, даетъ совѣты и способы изучать и изслѣдовать промышленные вопросы. Въ музеѣ читаются лекціи, по предметамъ спеціально касающимся техническихъ производствъ и по преимуществу химико-техническихъ. При музеѣ находятся: химико-техническая лабораторія, кабинетъ и лабораторія физико-техническая, кабинетъ для механическихъ опытовъ, рисовальная зала и техническая библіотека и архивъ. Въ химической и физической лабораторіяхъ, въ механическомъ кабинетѣ и въ рисовальной залѣ могутъ производиться на счетъ частныхъ лицъ анализы, опредѣленія и копіи рисунковъ. Лекціи въ музеѣ раздѣляются на ординарныя и экстраординарныя. Первыя читаются профессорами и обнимаютъ: техническую физику, техническую химію, технологію, механику, металлургію, примѣненіе описательной геометріи, орнаментальное рисованіе. Вторыя читаются лицами, принадлежащими къ музею и вольными преподавателями на счетъ министерства или по иниціативѣ дирекціи. Студенты могутъ заниматься практически въ химической и физической лабораторіяхъ и въ экспериментальномъ кабинетѣ. Музей находится подъ управленіемъ знаменитаго профессора Кодацца, при содѣйствіи заслуженныхъ профессоровъ-спеціалистовъ. Коллекціи музея раздѣляются на слѣдующія 10 категорій: физическая техника, химическая техника, механическая техника, минеральная, орнаментальная, земледѣльческая, коллекція вспомогательныхъ средствъ, промышленный архивъ, промышленная библіотека, коллекція рисунковъ

для обученія и коллекція пособій для обученія механикѣ. Промышленный музей предпринялъ въ нынѣшнемъ году изданіе, которое выходитъ черезъ каждые два мѣсяца, подъ заглавіемъ „Annali del Regio Museo industriale italiano", въ которомъ предполагаетъ излагать постепенную исторію этого учрежденія, краткое описаніе коллекцій и экспериментальныхъ средствъ, какими располагаетъ, результаты своихъ опытовъ и проч.

Кромѣ школъ и музеевъ значительно содѣйствуютъ прогрессу нашей промышленности ежегодныя промышленныя выставки въ большей части нашихъ провинцій, также какъ и всеобщія выставки, устраиваемыя на болѣе широкую ногу. О двухъ изъ этихъ выставокъ, бывшихъ недавно и заслуживающихъ вниманія, я намѣренъ дать вамъ краткій отчетъ. Одна изъ нихъ: первая выставка женскихъ произведеній въ Италіи, которая только-что закрылась во Флоренціи, а другая — первая всеобщая морская выставка, которая открыта въ Неаполѣ.

Выставка женскихъ произведеній представляетъ большой интересъ, во-первыхъ потому, что итальянскія женщины впервые выставляютъ на показъ публикѣ произведенія своего ума и трудолюбія, во-вторыхъ потому, что нѣкоторыя изъ этихъ произведеній отличаются дѣйствительными достоинствами. Затѣянная дамами высшей флорентинской аристократіи, вся эта выставка отличается вкусомъ, съ которымъ расположены выставленные предметы и изяществомъ, съ какимъ убраны различныя залы. Изъ различныхъ итальянскихъ провинцій всего болѣе экспонентокъ, кромѣ Тосканы, дали Ломбардія, Венеція, Романья. Нѣкоторыя провинціи не выставили ничего. По большей части выставлены вышивки, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣланы съ неподражаемымъ искусствомъ и рѣдкимъ вкусомъ, по шелку и съ рисунками изумительной красоты; иные предметы роскоши сдѣланы изъ самаго неблагодарнаго матеріала съ ангельскимъ терпѣніемъ. Вообще замѣчали, что по большей части все это терпѣніе потрачено даромъ; что никто, конечно, не купитъ граціозной корзиночки, сдѣланной въ совершенствѣ изъ однихъ бумажныхъ обрѣзковъ и въ подражаніе слоновой кости и выставленной синьориной Папа,—за назначенную ею цѣну *три тысячи лиръ*, тогда какъ за меньшую цѣну можно имѣть подобную вещь изъ слоновой кости, болѣе совершенную и прочную. Точно также никто не захочетъ купить за баснословную цѣну другую корзинку, сдѣланную необыкновенно искусно, въ подражаніе слоновой кости, изъ мало поэтическаго матеріала, а именно изъ рыбьей чешуи, тогда какъ за меньшую цѣну можно купить такую же вещь изъ слоновой кости, которая не будетъ такъ отзываться кухней. Я могъ бы привести вамъ нѣсколько подобныхъ *tours de force*, исполненныхъ нашими женщинами изъ неблагодарнаго матеріала съ успѣ-

хомъ для ихъ самолюбія, но безъ всякаго экономическаго результата. Конечно, даже и такіе опыты имѣютъ свой интересъ для того, кто изучаетъ на выставкахъ вопросъ о различной способности къ *выдѣлкѣ* сырого матеріала, и нѣтъ сомнѣнія, дѣлаютъ честь терпѣнію и изобрѣтательности экспонентокъ; но если можно принимать подобныя промышленныя произведенія въ видѣ опыта, то невозможно поощрять никакую женщину продолжать такое производство, если она желаетъ заниматься *коммерческой* промышленностью. Вообще, вся выставка доказываетъ трудолюбіе, умъ и вкусъ итальянскихъ женщинъ, но въ то же самое время показываетъ, что онѣ мало понимаютъ потребности современной жизни и экономическія условія нашего общества. Надо надѣяться, что первая выставка убѣдитъ ихъ въ этомъ и побудитъ, слѣдовательно, изучать трудъ не только съ его изящной, но и полезной стороны.

Тѣмъ временемъ начинаютъ доходить до насъ первыя извѣстія о морской выставкѣ въ Неаполѣ. Она раздѣлена на десять отдѣловъ: морскія постройки, паровыя машины, суда, дерево, металлы и топливо, всѣ необходимые предметы для снаряженія судна и для мореплаванія, инструменты, спасительные снаряды, морское оружіе для коммерческихъ судовъ; отдѣлъ рыболовства; отдѣлъ ученый; главные товары и предметы внѣшней торговли Италіи. Одна изъ самыхъ интересныхъ частей этой выставки для массы публики будетъ та, которая имѣетъ въ виду возстановить всю исторію кораблестроенія, начиная съ моделей финикійскихъ и римскихъ судовъ, венеціанскихъ галеръ, генуэзскихъ, пизанскихъ, голландскихъ судовъ и кончая моделями двухъ новыхъ итальянскихъ и двухъ новыхъ австрійскихъ судовъ; послѣдніе носятъ названія *Кустоцца* и *Лисса*, но оба названія, непріятно звучащія для нашего флота, были любезно стерты съ моделей; отплачивая вѣжливостью за вѣжливость, съ моделей итальянскихъ кораблей стерты имена *Varese* и *San-Martino*, напоминающія о славѣ итальянскаго оружія, которою оно покрылось въ 1859-мъ г.

Изъ недавно вышедшей книги Н. Стивіери [1]) я почерпнулъ слѣдующія цифры ежегодной стоимости главныхъ естественныхъ продуктовъ въ Италіи: хлѣбныя растенія приносятъ 2.013,000,000 лиръ; вино 1,014,700,000; хлопчатая бумага 60,600,000 (льна и конопли на 60.000,000 лиръ); винныя ягоды 5.080,000; обсахаренные фрукты 700,000; консервы изъ овощей и плодовъ 166,000; табакъ 1.736,000; шелковые коконы 83.000,000; дубленыя кожи 63.000,000; медъ 1.500,000; воскъ 1.500,000; молоко 260.000,000; масло и сыръ ломбардскій 200.000,000; сыры изъ другихъ частей Италіи 129.000,000; кораллы 5.000,000; желѣзо 2.033,460; мѣдь 1.500,000; свинецъ и серебро

---

[1]) *Geografia e statistica commerciale del regno d'Italia.* Venezia, tip. Coen, 1871.

3.000,000; золото 235,655; ртуть 57,000; цинкъ 46,000; марганецъ 60,558; мрамору вывозится ежегодно на 8.000,000; каменный уголь 500,000; торфъ 500,000; сѣра 21.071,785; нефть 80,000; газъ 14,188,598; известь 11.500,000; гипсъ 1.500,000; терра котта 21.000,000; углекислый свинецъ 1.500,000; соль 3.500,000; краски 20,000.

Касательно другихъ произведеній, неизвѣстна точная цифра ихъ стоимости; тѣмъ не менѣе они имѣютъ для насъ извѣстное значеніе; такъ, напр., продукты рыболовства (одна морская рыба чіоггіи въ Венеціи даетъ ежегоднаго дохода 4,000 лиръ). Все это въ общей сложности составляетъ довольно значительное производство, но при этомъ выясняется, что Италія страна главнымъ образомъ земледѣльческая и несмотря на то, что количества производимыхъ ею хлѣбныхъ растеній не хватаетъ для ея собственнаго потребленія, такъ что, напримѣръ, она должна ежегодно выписывать изъ-за границы 6 милліоновъ гектолитровъ зерна—слѣдуетъ заключить, что земледѣльческое производство необходимо усилить, и прежде всего слѣдуетъ отвести подъ хлѣбопашество болѣе половины почвы удобной къ обработкѣ.

Когда мы узнаемъ, что на 28.879,900 гектолитровъ вина (громадная цифра), которые производятся въ настоящее время въ Италіи, вывозится за границу только 295,573 гектолитра, — то должны заключить, что бо́льшая часть нашего вина, вслѣдствіе неумѣнья пустить его въ продажу, ежегодно пропадаетъ. Дѣйствительно, 29.000,000 гектолитровъ при населеніи въ 25.000,000 представляютъ слишкомъ гектолитръ вина на каждаго человѣка; но если вычесть при этомъ дѣтей, женщинъ, больныхъ нищихъ, поселянъ (которые большею частію продаютъ свое вино), то получится цифра далеко превышающая нужды потребленія. Отсюда видна необходимость улучшить въ Италіи производство вина и изучить средство вывозить его съ бо́льшими удобствомъ и выгодой. До сихъ поръ главный вывозъ вина производится изъ Сициліи, откуда въ 1869-мъ г. вывезено 173,000 гектолитровъ Марсалы (производствомъ которой въ Сициліи спеціально занимаются англичане Уодхузъ и Айнэмъ и сициліецъ Флоріо); но если принять въ соображеніе, что Сицилія производитъ ежегодно 8.188,000 гектолитровъ вина, между тѣмъ какъ ея населеніе составляетъ всего 2.392,414, а сициліецъ умѣренный потребитель вина, — то можно видѣть, какія богатства остаются въ Италіи мертвыми по недостатку промышленной и коммерческой дѣятельности.

Недавно изданная докторомъ Маэстри статистика даетъ слѣдующее распредѣленіе жителей Италіи, согласно роду ихъ занятій. Изъ него мы узнаемъ, что изъ 25.000,000 итальянцевъ, около трети (8.419,582) занимается земледѣліемъ, болѣе трети (9.639,732) не имѣютъ никакихъ занятій (дѣти, старики, женщины, калѣки), 309,196 нищихъ и бродягъ (ужасающая цифра), 184,676 лицъ духовнаго зва-

нія, 243,705 образуютъ постоянную милицію, 152,766 служатъ на государственной службѣ, 561,641 занимаются частными занятіями, 58,622 работаютъ въ рудокопняхъ, 3,270,537 на фабрикахъ, 717,831 занимаются торговлей. Торговля очевидно занимаетъ ничтожное число жителей, а фабрики могли бы съ успѣхомъ занять бо́льшее число рабочихъ рукъ, еслибы уменьшить на двѣ трети солдатъ, чиновниковъ, духовныхъ лицъ, нищихъ и дать женщинамъ такого рода занятія, какія онѣ могутъ на себя взять. Такимъ образомъ и число рабочихъ рукъ и количество производства увеличилось бы. И это тѣмъ полезнѣе было бы, что у насъ въ Италіи довольно хорошо обращаются съ промышленными классами. За немногими исключеніями, хозяинъ у насъ далеко не неограниченный властелинъ; отношенія между хозяиномъ и рабочими не особенно дурны, а работникъ, принимая во вниманіе экономическія условія страны и трудъ имъ производимый, получаетъ хорошее вознагражденіе. На этотъ счетъ мы находимъ въ сочиненіи Эррера *Storia de statistica delle industrie venete* драгоцѣнныя данныя касательно различной платы, какую получаютъ рабочіе на различныхъ венеціанскихъ фабрикахъ. Цѣны измѣняются, смотря по тому, насколько трудъ тяжелъ и утомителенъ, и еще смотря по мѣсту, гдѣ рабочій трудится; такимъ образомъ, въ большихъ городахъ цѣны выше, чѣмъ на фабрикахъ провинціальныхъ городовъ и селъ.

Всего лучше вознаграждается трудъ конопатчиковъ и плотниковъ, работающихъ на верфяхъ, которые получаютъ отъ 4—5 франковъ въ день. За ними слѣдуютъ работники на чугунно-плавильныхъ заводахъ, получающіе, смотря по ихъ искусству, отъ 3 — 7 франковъ въ день (какъ, напр., на чугунно-плавильномъ заводѣ Невилля въ Венеціи); фабриканты мебели, получающіе, смотря по ихъ искусству, отъ 2—5 франковъ въ день (какъ, напр., въ мастерской Тедеско въ Венеціи); прядильщики; парикмахеры; фотографы; наборщики, которые, становясь мастерами своего дѣла, заработываютъ отъ 2—4 франковъ съ половиною въ день. На другихъ фабрикахъ день работника оплачивается вообще отъ 1 франка 25 сант. до 3 франковъ. Женщинамъ даютъ большею частію половину платы, получаемой мужчинами; дѣти на одну треть меньше женщинъ. Относительно дѣтей, которымъ приходится еще обучаться своему ремеслу, такое положеніе быть можетъ и справедливо; но не то нужно сказать о женщинахъ, работающихъ обыкновенно не только не хуже мужчинъ, но обыкновенно съ бо́льшими прилежаніемъ и аккуратностью; для нихъ желательна была бы прибавка жалованья; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ день женщины оплачивается менѣе чѣмъ полу-франкомъ, женщины по истинѣ трактуются какъ рабочій скотъ и вѣроятно не замедлятъ потребовать своихъ правъ, безсовѣстно попранныхъ. Но вообще можно сказать, что эко-

номическія условія, въ какія поставленъ итальянскій рабочій, удовлетворительны; десятичасовой трудъ на фабрикѣ или въ мастерской даетъ ему возможность содержать себя и свое семейство, такъ какъ вознагражденіе большею частію пропорціонально его нуждамъ. Этимъ объясняется рѣдкость стачекъ въ Италіи и слабое сочувствіе, какое встрѣчаютъ въ нашемъ рабочемъ классѣ соціалистическія доктрины; рабочій не особенно недоволенъ своимъ положеніемъ. Въ заключеніе скажемъ, что у насъ все есть для развитія народнаго богатства и культуры: плодородная почва, мягкій климатъ, способное населеніе; а при такихъ данныхъ способное правительство могло бы возвести нашу страну на высшую степень благосостоянія.

D. G.

NB. Въ послѣднемъ письмѣ нашего почтеннаго корреспондента, помѣщенномъ въ февральской книгѣ, вкралась незначительная, но искажающая смыслъ погрѣшность, которую мы не успѣли замѣтить въ корректурѣ и которую просимъ исправить: на стр. 882 (строч. 19 св.) напечатано: не сто́итъ и говорить; слѣдовало: мы не станемъ говорить.

Ред.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Державинская эпоха, ея люди и нравы.

Сочиненія Державина съ объяснительными примѣчаніями Я. Грота. Изданіе Императорской Академіи наукъ. Томъ шестой. Съ портретомъ Державина. Переписка (1794—1816), и «Записки». Спб. 1871 г.

Изданіе сочиненій Державина приходитъ къ концу; еще выйдутъ два тома, изъ которыхъ седьмой заключитъ въ себѣ прозаическія статьи Державина, его рѣчи, проекты и проч., а восьмой — біографію его и разныя библіографическія дополненія. Мы нисколько не преувеличимъ заслуги г. Грота, если скажемъ, что это изданіе, по добросовѣстности, внимательности, по громадной массѣ примѣчаній и объясненій и, наконецъ, по изяществу, можно смѣло поставить на ряду съ лучшими учеными изданіями Шекспира въ Англіи, и у насъ останется образцомъ изданій подобнаго рода. Поясненія библіографическія, біографическія, историческія и т. п. возстановляютъ предъ нами не одного Державина, но, съ нѣкоторыхъ сторонъ, его время; изданныя безъ этого сложнаго аппарата, требовавшаго очень большого труда со стороны издателя, сочиненія Державина не могли бы привлечь

къ себѣ вниманія современной публики; но изданныя такимъ ученымъ образомъ, они имѣютъ право на вниманіе со стороны всякаго русскаго, интересующагося мало-мальски родной исторіей и родной литературой. Настоящій томъ пріобрѣтаетъ особенный интересъ по „Запискамъ" Державина, которыя напечатаны г. Гротомъ исправнѣе и полнѣе, чѣмъ въ „Русской Бесѣдѣ" 1859 года. По массѣ фактовъ изъ жизни людей высшей государственной сферы, по безхитростному, почти наивному, хотя и крайне тяжелому изложенію, по своей безразсчетливой откровенности, „Записки" эти должно поставить въ число замѣчательнѣйшихъ мемуаровъ русскихъ людей. Дополненіемъ и поясненіемъ къ нимъ служитъ обширная переписка Державина.

До 1858-го г. записки Державина совсѣмъ не были извѣстны, хотя вскорѣ послѣ смерти поэта въ печати и заявляли о ихъ существованіи, но потомъ исчезла и память объ этихъ заявленіяхъ. Наша журналистика, при появленіи „Записокъ" въ „Русской Бесѣдѣ" и потомъ, въ 1860-мъ году, отдѣльными оттисками изъ этого журнала, воспользовалась ими, какъ матеріаломъ для обличенія поэта и низведенія его въ разрядъ натуръ самыхъ ординарныхъ и цеховыхъ стихотворцевъ. При той откровенности и безхитростности, которыя господствуютъ въ „Запискахъ", такая журнальная задача была очень благодарна и не представляла трудностей. Безспорная польза такого отношенія къ дѣятельности замѣчательнаго человѣка заключалась въ „педагогическомъ" воздѣйствіи на современниковъ: критики выяснили все фальшивое въ характерѣ Державина, все, что не согласовалось ни съ требованіями строгой морали, ни съ общественной пользой, ни съ личнымъ достоинствомъ человѣка, какъ оно понимается лучшими людьми, жившими полвѣка спустя послѣ смерти Державина.

Но педагогическая точка зрѣнія, при всей ея практической пользѣ, не опредѣляетъ безпристрастно характера дѣятеля извѣстной эпохи: она осуждаетъ этотъ характеръ и даетъ понятіе о степени нравственнаго развитія той среды, въ которой онъ жилъ. Современный литераторъ, сознательно и честно отдающійся своему дѣлу, безъ сомнѣнія, выше въ нравственномъ смыслѣ Державина, но не забудемъ, что Державинъ былъ однимъ изъ первыхъ русскихъ литераторовъ, что онъ жилъ въ тотъ періодъ русской литературы, который можетъ быть названъ чиновничьимъ, когда идея о независимости литератора не была еще выработана въ достаточной степени и на Западѣ, и когда такой великій талантъ, какъ Вольтеръ, не только не брезгалъ червонцами, идущими съ высоты троновъ, но и вдохновлялся ими. Не забудемъ также, что Державинъ былъ человѣкомъ плохообразованнымъ, учившимся на мѣдныя деньги и даже въ лѣтахъ весьма зрѣлыхъ имѣвшимъ сбивчивыя понятія и о такомъ близкомъ ему предметѣ, какъ лирика (См. переписку его съ Евгеніемъ Болховитиновымъ). Но онъ

настолько откровененъ, что въ одномъ изъ своихъ писемъ самъ говоритъ о себѣ: „Пусть я дурень, худое имѣю воспитаніе и бѣшеную голову. Но только разсудка отъ меня, думаю, никто отнять не можетъ". Разсудокъ у него дѣйствительно былъ, и притомъ довольно здравый и честный; онъ подсказывалъ ему то, чего не дало ему развитіе, хотя недостатокъ послѣдняго все-таки сказывался и въ служебной дѣятельности его и въ литературной. Онъ слишкомъ полагался на одинъ свой разсудокъ, какъ вообще люди не вполнѣ развитые, слишкомъ большое значеніе придавалъ тому, что̀ основывалось на личномъ опытѣ, традиціяхъ и формальной законности. Отсюда его самомнѣніе, укрѣплявшееся, съ одной стороны, сознаваемою имъ силою своего поэтическаго таланта, съ другой—окружающею средою, невысокій нравственный уровень которой не могъ онъ не видѣть. Отсюда его постоянныя жалобы на то, что служебныя заслуги его недостаточно цѣнятся, что ему не даютъ первенствующаго мѣста; выдающагося административнаго мѣста, быть можетъ, онъ и стоилъ по своей честности, но права его въ другихъ отношеніяхъ подлежали спору, конечно, если смотрѣть на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія справедливости, а не съ той личной, которая давала дорогу, въ вѣкъ Екатерины, полнѣйшимъ ничтожностямъ и пройдохамъ. Слѣдующія слова Державина ясно характеризуютъ его взглядъ на служебную дѣятельность: „Державинъ [1]) сначала и въ продолженіе всей своей службы имѣлъ себѣ въ непремѣнное правило, чтобъ никогда никого ни о чѣмъ не просить (?), ни на что не напрашиваться, а напротивъ ни отъ чего не отказываться, и когда какое поручаютъ служеніе, исполнять оное со всею вѣрностію и честію, по правдѣ и по законамъ, сколько его силъ достанетъ". Онъ былъ убѣжденъ, что „когда его на это призовутъ, то *невидимо самъ Богъ поможетъ ему исполнить самыя труднѣйшія дѣла съ успѣхомъ и легкостію*; а когда онъ чего происками своими доможется, то обязанъ будетъ все бремя переносить на собственныхъ плечахъ.... Вопреки же тому, когда ему приказывала вышняя власть что-либо производить по ея собственному, а не по его желанію, то онъ дѣйствовалъ тогда ни на кого не смотря, смѣло и рѣшительно, со всею возможною силою, увѣренъ будучи, что *Богу это угодно*". Наивность этого взгляда не нуждается въ комментаріяхъ, но мы позволимъ себѣ спросить: не господствуетъ ли онъ и доселѣ? не руководятся ли имъ въ настоящее время разные наши „дѣятели" на всѣхъ поприщахъ, съ тою разницею, что Державинъ разсчитывалъ на невидимую божію помощь, а они берутся за все, что̀ угодно, даже за такія спеціальности, къ которымъ они ни мало не приготовлены, разсчитывая единственно на одну „смѣлость", рѣши-

---

[1]) Поэтъ говоритъ о себѣ въ «Запискахъ» то въ первомъ, то въ третьемъ лицѣ.

тельность и происки? Державинъ выразилъ, такимъ образомъ, одну изъ тѣхъ „фундаментальныхъ“ идей, которыя, несмотря на всю свою несостоятельность и наивность, господствуютъ и доселѣ, образуя собою изрядный тормазъ въ той колесницѣ прогресса, въ которой мы двигаемся. Конечно, Державинъ не выигрываетъ отъ этого, но на его сторонѣ, при выраженномъ имъ общемъ для многихъ съ нимъ взглядѣ на государственную службу, была честность и нѣкоторая доля независимости. Происходила ли эта независимость отъ самомнѣнія, или изъ чувства личнаго достоинства, или изъ упрямства и вспыльчивости, или отъ всего этого вмѣстѣ—опредѣлять нѣтъ надобности: для насъ важно указать на самый этотъ фактъ независимости, выражавшейся, правда, угловато, несмѣло, иногда странно и непрогрессивно, но всетаки выражавшійся. У Державина не было той гибкости придворнаго, которою отличались его современники; онъ хранилъ въ себѣ нѣкоторые принципы или, лучше сказать, нѣкоторыя „правила“ общежитія и справедливости, которыми жертвовалъ рѣдко, хотя, къ сожалѣнію, всетаки жертвовалъ, если приходилось ему плохо, какъ жертвуютъ этимъ и доселѣ и люди государственные и поэты. Настоящаго мужества, стойкости у него не было, быть можетъ потому, отчасти, что его время было по преимуществу служебнымъ временемъ, когда дворянину, хотя бы онъ былъ сто разъ поэтомъ, служить считалось столь же необходимымъ, какъ и имѣть крѣпостныя души. А служба не пріучаетъ къ независимости и къ гражданскому мужеству...

Мы указываемъ на эту черту въ характерѣ Державина потому, что она, по нашему мнѣнію, объясняетъ отчасти тѣ нѣсколько угловатыя отношенія, которыя существовали между нимъ, съ одной стороны и императрицей Екатериной и императорами Павломъ и Александромъ, при которыхъ онъ служилъ, съ другой. Кромѣ того, черта эта не лишена нѣкотораго историко-литературнаго значенія: она намѣчаетъ слѣды, по которымъ шла литература и развивала свою независимость. Державинъ—не Новиковъ, заподозрѣнный въ неблагонамѣренности, и еще менѣе—Радищевъ, на котораго онъ смотрѣлъ чуть ли не глазами незабвеннаго Шешковскаго; Державинъ—это „пѣвецъ Фелицы“, консерваторъ, „придворный поэтъ“, какъ называли его часто, однако и онъ испыталъ на себѣ неудобство „независящихъ отъ самого себя обстоятельствъ“ и долженъ былъ видѣть, что литературная дѣятельность тогда только благотворна, когда она искренна и независима; если онъ вполнѣ и не сознавалъ этого, то не могъ не чувствовать своимъ поэтическимъ инстинктомъ, который многое ему подсказывалъ, вдохновлялъ его негодованіемъ и поэзіей правды. Г. Бартеневъ, извѣстный издатель „Русскаго Архива“, обставляя „Записки“ Державина своими примѣчаніями, высказалъ въ одномъ изъ нихъ сожалѣніе свое, что „поэтическая впечатлительность не покидала Дер-

жавина и на государственномъ поприщѣ“. Намъ кажется, что пожалѣть тутъ должно не Державина, а тѣхъ, которые не видятъ въ этой „поэтической впечатлительности“ Державина-сановника лучшую сторону его природы. Правдой и независимостью сказывался онъ въ своей поэзіи, хотя и не часто, правдой и независимостью сказывался онъ и въ служебной дѣятельности, хотя еще рѣже, быть можетъ. Но эта черта примиряетъ насъ съ его недостатками по крайней мѣрѣ настолько же, насколько она не мирила съ нимъ нѣкоторыхъ его современниковъ. Отъ него желали только восхваленій, онъ проговаривался укоризной и сатирой; отъ него хотѣли только исполнительности и угодливости — онъ рѣшался иногда „смѣть свое сужденіе имѣть“, которое высказывалъ своимъ прямымъ, сильнымъ языкомъ. Говорятъ, что онъ не имѣлъ способностей государственнаго человѣка — это другой вопросъ, но онъ имѣлъ ихъ, однакожъ, никакъ не менѣе многихъ изъ тѣхъ, которые слыли за способныхъ людей единственно потому, что ихъ не посѣщала „поэтическая впечатлительность“. Какъ бы то ни было, мы дорожимъ этимъ свойствомъ Державина и постараемся показать, какъ оно выражалось на ряду съ другими, почти противоположными свойствами.

Державину было уже сорокъ четыре года, когда онъ близко узналъ императрицу Екатерину. Онъ написалъ уже почти все то, что́ критика признала лучшимъ въ его произведеніяхъ, и пользовался общей извѣстностью въ тогдашней читающей Россіи; онъ успѣлъ уже получить нѣсколько монаршихъ подарковъ и губернаторствовать въ Петрозаводскѣ и въ Тамбовѣ. По неудовольствіямъ съ намѣстникомъ Тамбовской губерніи, онъ былъ уволенъ отъ своей должности и пріѣхалъ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ оправдаться передъ императрицей и получить какое-нибудь новое назначеніе. Она приняла его ласково и обѣщала дать мѣсто, но потомъ забыла или не хотѣла вспоминать, хотя Державинъ по воскресеньямъ ѣздилъ ко двору и своимъ присутствіемъ напоминалъ о данномъ ему обѣщаніи. Подождавъ терпѣливо, онъ рѣшился, наконецъ, „искать себѣ покровительства“ у любимца императрицы, Зубова. Лично онъ не былъ съ нимъ знакомъ. „Какъ трудно доступить до фаворита!“ восклицаетъ онъ, описывая свои искательства: „Сколько ни заходилъ къ нему въ комнаты, всегда придворные лакеи, бывшіе у него на дежурствѣ, отказывали, сказывая, что или почиваетъ, или ушелъ прогуливаться, или у императрицы“. Много разъ ходилъ онъ, но результатъ былъ тотъ же. Не оставалось другого средства, продолжаетъ онъ, какъ „прибѣгнуть къ своему таланту“. Написавъ „изображеніе Фелицы“, онъ черезъ Емина, бывшаго при немъ экзекуторомъ въ Олонецкой губерніи и знакомаго съ Зубовымъ, передалъ сему послѣднему эту оду. Государыня прочитала ее, осталась довольна, и Державинъ пріобрѣлъ знакомство съ любимцемъ.

Хотя „одинъ входъ къ фавориту дѣлалъ уже въ публикѣ ему (Державину) много уваженія", но мѣста онъ не получалъ; Зубовъ былъ съ нимъ только „ласковъ", да и ласка эта походила на забаву избалованнаго маменькина сынка, ибо фаворитъ часто желалъ стравливать или ссорить съ нимъ помянутаго г. Емина, который, какъ извѣстно, тоже писалъ стихи. Онъ былъ до того дерзокъ (?), что въ глазахъ фаворита не только смѣялся, но даже порицалъ его стихи, а особливо оду на взятіе Измаила, говоря, что она груба, безъ смысла и безъ вкусу. Вельможа, съ удовольствіемъ улыбаясь, то слушалъ". Сама же императрица, прочитавъ эту оду, сказала Державину: „Я не знала по сіе время, что труба ваша столь же громка, какъ и лира пріятна".

Въ это время пріѣхалъ въ Петербургъ Потемкинъ. Его тянули сюда справедливые слухи о преобладающемъ вліяніи Зубова на императрицу. Отправляясь изъ арміи, онъ сказалъ своимъ приближеннымъ: „ѣду зубы дергать", намекая этою остротою на Зубова. Острота, разумѣется, передана была любимцу съ комментаріями многочисленныхъ льстецовъ и главнымъ образомъ родственника Зубова, знаменитаго Суворова, тоже пріѣхавшаго въ это время въ Петербургъ. Потемкинъ ласково обошелся съ Державинымъ, но съ нимъ ласковъ былъ и Зубовъ, и „въ таковыхъ мудреныхъ обстоятельствахъ" Державинъ „не зналъ, что дѣлать и на которую сторону искренно предаться". Но сторона Зубова была сильнѣе, Державинъ это ясно видѣлъ и кокетничалъ съ Потемкинымъ, хвастаясь, что онъ за нимъ „волочится, желая отъ него похвальныхъ себѣ стиховъ". Черезъ правителя своей канцеляріи, Попова, великолѣпный князь Тавриды спрашивалъ Державина, чего онъ желаетъ,—обѣщая доставить ему любое мѣсто. Екатерина, конечно, не отказала бы въ просьбѣ ему, потому что, несмотря на угасшую къ нему привязанность, онъ пользовался все-таки огромнымъ значеніемъ, жилъ по-царски и внушалъ къ себѣ чувство, похожее на страхъ даже въ своей повелительницѣ. Державинъ, однако, долженъ былъ отказаться отъ услугъ князя, ибо Зубовъ, призвавъ его къ себѣ, сказалъ ему отъ имени государыни, чтобъ онъ писалъ для князя, что̀ онъ (Потемкинъ) прикажетъ, но отнюдь бы отъ него ничего не принималъ и не просилъ, что онъ (Державинъ) и безъ него все будетъ имѣть, прибавя, что императрица назначала его быть при себѣ статсъ-секретаремъ по военной части". Однако, этого назначенія или совсѣмъ не было, или оно ограничилось только слѣдующимъ испытаніемъ. На пасху, послѣ вечерни, императрица повела всѣхъ придворныхъ въ эрмитажъ. Лишь только вошли они въ залу и сдѣлали по обыкновенію кругъ, какъ Екатерина подошла къ Державину и приказала ему слѣдовать за собою: онъ пошелъ, недоумѣвая, что это значитъ. Когда пришли они въ одну изъ отдаленныхъ

комнатъ эрмитажа, императрица объявила ему, что желаетъ, чтобъ онъ написалъ стихами надпись къ бюсту Чичагова и чтобъ въ этой надписи непремѣнно были слова: „Богъ милостивъ, не проглотятъ“. Эту фразу сказалъ Чичаговъ, когда послали его съ флотомъ противъ сильнаго шведскаго флота. Державинъ, „истоща всѣ силы свои и въ поэзіи искусство“, принесъ на другой день сорокъ надписей, но ни одна изъ нихъ не удостоилась одобренія. Такимъ образомъ, статсъ-секретарство по военнымъ дѣламъ кончилось этимъ порученіемъ, неизвѣстно почему облеченнымъ въ такую таинственность. Зубовъ продолжалъ кормить его обѣщаніями и онъ „шатался“ безъ дѣла [1]). Умеръ Потемкинъ, Безбородко послали на конгрессъ въ Яссы, и кабинетскія дѣла, которыми завѣдывалъ послѣдній, перешли къ молодому любимцу. Само собой разумѣется, что Зубовъ въ дѣлахъ ничего не смыслилъ, и они валялись у него безъ всякаго движенія. Какъ-то разъ онъ спросилъ Державина: „можно ли нерѣшенныя дѣла изъ одной губерніи по подозрѣніямъ переносить въ другія“? Державинъ отвѣчалъ, что нѣтъ, и объяснилъ почему. Между тѣмъ такихъ дѣлъ было много, и Екатерина страшно вспылила: когда оберъ прокуроръ сената Колокольцевъ пришелъ къ ней по обыкновенію съ дѣлами, она схватила его за владимірскій крестъ и спросила, какъ онъ смѣетъ коверкать ея учрежденія о губерніяхъ (Державинъ вообще рисуетъ Екатерину крайне вспыльчивою: она съ крикомъ накидывалась на провинившихся, но вспыльчивость эта скоро проходила). Случай этотъ помогъ, наконецъ, Державину получить мѣсто: его сдѣлали статсъ-секретаремъ и поручили ему „наблюденіе за сенатскими меморіями, чтобъ онъ по нимъ докладывалъ ей, когда усмотритъ какое незаконное рѣшеніе“. Это было 12-го декабря 1791-го года и съ этого времени начинаются вѣчныя сношенія поэта съ императрицей.

Сначала она часто допускала его къ себѣ съ докладами и разговаривала съ нимъ о политикѣ, но потомъ все рѣже и рѣже, и даже когда допускала, то слушала доклады разсѣянно и, не понимая ихъ сущности, давала формальныя резолюціи — снестись съ кѣмъ-нибудь, переписаться и т. п. Она была въ это время упоена военною славой и дѣла гражданскія интересовали ее мало, особенно такія, которыя приходилось докладывать Державину: о бѣдствіяхъ, неправосудіи, о фактахъ, рѣзко напоминавшихъ императрицѣ о мнимомъ благоденствіи ея государства. Нерѣдко она вдругъ говорила докладчику: „еслибъ прожила я 200 лѣтъ, то, конечно, всю Европу покорила бы россійскому

[1]) Надо упомянуть, что была одна причина нерасположенія императрицы къ Державину, о которой онъ умалчиваетъ, но о которой находимъ нѣкоторыя замѣтки въ запискахъ Храповицкаго. Причина эта — женитьба Державина на дочери Бастидоновой, которая была кормилицей Павла Петровича.

скипетру". Или: „я не умру безъ того, пока не выгоню Турковъ изъ Европы, не усмирю гордость Китая и съ Индіей не осную торговлю". Или: „кто далъ, какъ не я, почувствовать французамъ право человѣка"? (?!). Если докладъ по какому-нибудь дѣлу затягивался, хотя бы и по ея желанію, она тяготилась имъ, выражала свое неудовольствіе, вспыхивала безпричинно и отсылала докладчика домой. Противорѣчій она не любила отъ него выслушивать, и разъ, когда онъ говорилъ противъ одного несправедливо рѣшеннаго дѣла, она возразила: „чтожъ дѣлать? я самодержавна". Аргументъ настолько сильный, что противъ него возражать было нѣчего; но иногда она ставила своего оберъ-секретаря въ положеніе по истинѣ траги-комическое. Такъ, однажды она поручила ему узнать, правда ли, что во Псковѣ соль продается по 2 рубля за пудъ. Державинъ навелъ справки, подтвердившія полученное императрицей извѣстіе; но вотъ бѣда: одинъ изъ начальниковъ въ Псковѣ былъ родственникомъ умершаго фаворита, Ланскаго, и императрица даетъ ему знать неоффиціально, чтобъ онъ принялъ мѣры на случай оффиціальнаго дознанія. Естественно, что оказалось все обстоящимъ благополучно, и Державину она „намылила голову". Это очень по-домашнему, какъ и многое въ тогдашней административной машинѣ, которая только-что устанавливалась, передѣлывалась изъ коллегіальнаго порядка въ личный. Но чаще всего столкновенія его съ императрицей происходили вслѣдствіе желанія Державина стоять на почвѣ законности. Когда здравый смыслъ подсказывалъ ему, гдѣ правда и справедливость, онъ не боялся поддерживать правую сторону, хотя бы это было вопреки уже установившемуся взгляду на дѣло и приближенныхъ Екатерины, и ея самой. Если хотите, заслуга не Богъ вѣсть какая, но и за это Державинъ навлекалъ на себя неудовольствія.

Весьма вѣроятно, что тяжелый умъ его, отсутствіе блестящаго образованія и „наклонность къ морали" также способствовали охлажденію къ нему императрицы тѣмъ скорѣе, что онъ не могъ замѣнить этихъ качествъ внѣшнимъ блескомъ, тонкою лестью, изящною угодливостью и интригантствомъ. По-своему, честный и прямой человѣкъ, онъ и льстилъ грубо и грубо говорилъ правду. Екатерина поторопилась отъ него избавиться, пожаловавъ его сенаторомъ. На перепутьи, такъ-сказать отъ статсъ-секретарства къ сенаторству, Державину пришлось испытать еще непріятность при докладѣ дѣла банкира Сутерланда. Дѣло было весьма непріятное, характеризующее ту всеобщую распущенность, которою ознаменованы послѣдніе годы екатерининскаго царствованія. Сутерландъ находился въ близкихъ сношеніяхъ со всѣми вельможами: онъ ссужалъ ихъ деньгами, получаемыми имъ изъ государственнаго казначейства для перевода за-границу „по случающимся тамъ министерскимъ надобностямъ". Такихъ денегъ было передано ему до 6-ти милліоновъ гульденовъ, но оказалось, что они не пошли по

своему назначенію, а истрачены или имъ самимъ, или розданы разнымъ вельможамъ; когда потребовали, чтобъ Сутерландъ взнесъ ихъ, то онъ объявилъ себя банкротомъ, а потомъ отравилъ себя ядомъ, когда увидѣлъ, что дѣлу данъ законный ходъ и когда должники отказались отъ уплаты. Должники эти были: Потемкинъ, князь Вяземскій, графъ Безбородко (эти двое, впрочемъ внесли занятыя ими суммы) вице-канцлеръ Остерманъ, Марковъ, великій князь Павелъ Петровичъ и многіе другіе. Дѣло это докладывалось довольно долго. Назначенный сенаторомъ, Державинъ спросилъ императрицу, прикажетъ ли она ему докончить докладъ или передать, вмѣстѣ съ другими, преемнику его, Трощинскому. Приказано пріѣхать вечеромъ и доложить; но когда Державинъ ушелъ, ей подумалось, или кто-нибудь намекнулъ, что Державинъ, противъ воли ея, хочетъ при ней остаться, пользуясь докладами. Вспыхнувъ, она закричала при Храповицкомъ: „нѣтъ, я покажу ему, что онъ меня за носъ не поведетъ. Пусть его придетъ сюда". И она устраиваетъ странную сцену. Зоветъ къ себѣ В. С. Попова и велитъ ему, вопреки обычаю, присутствовать при докладѣ, говоря, что Державинъ не только грубитъ ей при докладѣ, но и бранится. „Державинъ, входитъ, видитъ государыню въ чрезвычайномъ гнѣвѣ, такъ что лицо пылаетъ огнемъ, скулы трясутся. Тихимъ, но грознымъ голосомъ говоритъ: „докладывай"! Державинъ спрашиваетъ — по краткой или пространной запискѣ докладывать? „По краткой", отвѣчала. Во время чтенія она волнуется, ничего не понимая, поглядываетъ на Попова и понемногу успокаивается. „Я ничего не поняла, говоритъ она смягчившись, когда Державинъ кончилъ: приходи завтра и прочти мнѣ пространную записку". На другой день она принимаетъ его милостиво, извиняется за вчерашнюю горячность и говоритъ: „ты и самъ горячъ, все споришь со мною".

— О чемъ мнѣ, государыня, спорить? наивно возражаетъ Державинъ. Я только читаю, что въ дѣлѣ есть, и не я виноватъ, что такія непріятныя дѣла вамъ долженъ докладывать.

— Ну, полно, не сердись, прости меня. Читай, чтó ты принесъ?

Державинъ читаетъ. Доходитъ до перечисленія суммъ, забранныхъ разными ея приближенными у Сутерланда; она произноситъ резолюціи довольно спокойно: съ кого взыскать, кому простить. Потемкинъ забралъ 800,000 рублей. Извиняетъ его надобностями по службѣ и приказываетъ принять на свой счетъ государственному казначейству. „Но когда дѣло дошло до великаго князя Павла Петровича, разсказываетъ Державинъ, то, перемѣнивъ тонъ, начала жаловаться, что онъ мотаетъ, строитъ такія безпрестанно строенія, въ которыхъ нужды нѣтъ: „Не знаю чтó съ нимъ дѣлать"! и такія продолжая съ неудовольствіемъ рѣчи, ждала какъ бы на нихъ согласія; но Державинъ, потупя глаза, не говорилъ ни слова. Она, видя то, спросила: „что ты

молчишь"? Тогда онъ ей тихо проговорилъ, что наслѣдника съ императрицей судить не можетъ, и закрылъ бумагу. Съ симъ словомъ она вспыхнула, закраснѣлась и закричала: „поди вонъ"! Онъ вышелъ въ крайнемъ смущеніи, не зная, что́ дѣлать. Рѣшился зайти въ комнату къ фавориту. „Вступитесь хоть вы за меня, Платонъ Александровичъ— сказалъ онъ ему съ преисполненнымъ горести духомъ: „поручаютъ мнѣ непріятныя дѣла, и что я докладываю всю истину, какова она въ бумагахъ, то государыня гнѣвается, и теперь по Сутерландову банкротству такъ раздражена, что выгнала отъ себя вонъ. Я ли виноватъ, что ее обворовываютъ? да я и не напрашивался не токмо на это, но ни на какія дѣла; но мнѣ ихъ поручаютъ, а государыня на меня гнѣвается, будто я тому причиною".

Зубовъ, вѣроятно, заступился за него: на другой день Екатерина выслушала весь докладъ и положила резолюцію. Дальнѣйшая служба Державина не обошлась безъ непріятностей подобнаго же рода, и все потому, что такъ или иначе онъ обнаруживалъ правду, скрываемую отъ нея другими, и старался, по-своему, выказывать нѣкоторую независимость. „Живи и жить давай другимъ", говорила императрица. Правило прекрасное, но приближенные ея понимали это правило такъ, что слѣдуетъ наживаться самимъ и не мѣшать и другимъ наживаться. Она смотрѣла на это сквозь пальцы, за то иногда приходила въ гнѣвъ по пустякамъ, когда казалось ей, что посягаютъ на ея административную систему. Разъ Державинъ сидѣлъ у извѣстной г-жи Перекушкиной, интимной пріятельницы императрицы; вдругъ слышитъ крикъ въ комнатахъ государыни. Онъ входитъ туда и видитъ: ходитъ она въ волненіи по комнатѣ и „засучивъ рукава" кричитъ: „сенатъ идетъ противъ моихъ учрежденій! Я ему покажу себя". А сенатъ этотъ не имѣлъ никакого значенія, будучи, по справедливому замѣчанію Державина, доведенъ наперсниками и прочими ея приближенными вельможами или, лучше сказать, ею самою, можно выговорить, до крайняго униженія, или презрѣнія". Справедливость этого отзыва достаточно провѣрена историческою критикою. Снисходительность ея къ приближеннымъ Державинъ ставитъ ей въ укоризну, но извиняетъ обстоятельствами: такъ какъ „первый шагъ ея восшествія на престолъ былъ не непороченъ, то и должно было окружить себя людьми несправедливыми и угодниками ея страстей, противъ которыхъ явно возставать можетъ быть и опасалась, ибо они ее поддерживали. Когда же привыкла къ изгибамъ по своимъ прихотямъ съ любимцами, а особливо въ послѣдніе годы княземъ Потемкинымъ, упоена была славою своихъ побѣдъ, то уже ни о чемъ другомъ и не думала, какъ только о покореніи скипетру своему новыхъ царствъ". Легко сдѣлать выводъ изъ всего сказаннаго: типъ независимости, которую изображалъ собою Державинъ, была въ такой мѣрѣ непріятна, что къ концу ея жизни

онъ просто попалъ въ опалу, что, однако, не помѣшало ему, „пролить потоки слезъ“ на гробъ государыни.

Преемникъ Екатерины обласкалъ Державина, и обѣщалъ сдѣлать его правителемъ своего верховнаго совѣта. Тутъ произошло недоразумѣніе: ослышался ли Державинъ или обмолвился имп. Павелъ, но указомъ, вышедшимъ вслѣдъ за обѣщаніемъ императора, Державинъ назначался правителемъ не совѣта, а только канцеляріи совѣта; разница была огромная, и Державинъ рѣшился объясниться. Съ этою цѣлью онъ пріѣхалъ къ государю и принятъ былъ ласково.

— Что вы, Гавріилъ Романовичъ?

— По волѣ вашей, государь, былъ въ совѣтѣ, но не знаю, что́ мнѣ дѣлать.

— Какъ, не знаете? Дѣлайте, что Самойловъ дѣлалъ (Самойловъ былъ правителемъ канцеляріи совѣта при Екатеринѣ).

— Я не знаю, дѣлалъ ли онъ что: въ совѣтѣ никакихъ бумагъ его не читалось, а говорятъ, что онъ носилъ государынѣ протоколы совѣта, потому осмѣливаюсь просить инструкціи.

— Хорошо, предоставьте мнѣ.

— Не знаю я также, что сидѣть ли мнѣ въ совѣтѣ, или стоять, то-есть быть ли присутствующимъ, или начальникомъ канцеляріи?

„Съ симъ словомъ—разсказываетъ Державинъ—вспыхнулъ императоръ: глаза его какъ молнія засверкали, и онъ, отворя дверь, во весь голосъ закричалъ стоящимъ предъ кабинетомъ Архарову, Трощинскому и прочимъ, изъ коихъ первый былъ тогда въ великомъ фаворѣ: *слушайте: онъ почитаетъ быть въ совѣтѣ себя лишнимъ*, а оборотясь къ нему: *поди назадъ въ сенатъ и сиди у меня тамъ смирно, а не то я тебя проучу* (курсив. въ подл.). Державинъ какъ громомъ былъ пораженъ таковымъ царскимъ гнѣвомъ и въ безпамятьи довольно громко сказалъ въ залѣ стоящимъ: „Ждите, будетъ отъ этого... толкъ“. Послѣ сего выѣхалъ изъ дворца съ великимъ огорченіемъ“.

Такой пріемъ могъ бы отнять всякую охоту къ проявленію какой бы ни было самостоятельности, но Державинъ, несмотря на трепетъ, всюду царствовавшій, все-таки позволяетъ себѣ нѣкоторые смѣлые поступки, разумѣется, по тогдашнему времени, когда даже о явныхъ ошибкахъ государя при подписаніи указовъ никто не осмѣливался ему доложить: напр., въ 1800-мъ году былъ поднятъ вопросъ о внутреннемъ судоходствѣ и отданъ на обсужденіе особаго собранія изъ купечества, коммерцъ-коллегіи и адмирала графа Кушелева. Каждая сторона подала особое мнѣніе: коллегія одно, купечество другое, а адміралъ третье. Такъ какъ подобные вопросы давно уже не переходили въ сенатъ, то всѣ три мнѣнія были доложены императору и онъ подписалъ подъ ними: „Быть по сему“. Такъ этотъ указъ и вошелъ въ „Полное собраніе законовъ“. Подобнымъ же образомъ разрѣшенъ во-

просъ о спорныхъ владѣніяхъ донскихъ казаковъ и крестьянъ; межевой департаментъ поднесъ на разрѣшеніе государя докладъ, какія земли считать частными владѣніями казаковъ и какія казенными. „Государь, посреди плана, на всѣхъ спорныхъ мѣстахъ подписалъ своею рукою: „Быть по сему". И этотъ указъ былъ посланъ по назначенію, потому что генералъ-прокуроръ не посмѣлъ объяснить государю его ошибку. Повторяемъ: „смѣть свое сужденіе имѣть" въ то время было далеко не безопасно; между тѣмъ Державинъ очень рѣзко выразился въ сенатѣ о преслѣдованіи поповъ и мелкой шляхты въ присоединенныхъ къ Россіи польскихъ имѣніяхъ. Дѣло состояло въ томъ, что нѣкто Домбровскій набралъ нѣсколько полковъ поляковъ въ 1798-мъ г. и присоединился къ французскимъ арміямъ. Узнавъ объ этомъ, Павелъ „тотчасъ велѣлъ таковыхъ заговорщиковъ ловить и привозить въ петербургскую крѣпость, гдѣ ихъ въ тайной канцеляріи допрашивали, а по допросѣ прислали на судъ сенату". Ихъ обвиняли въ измѣнѣ и приговаривали къ вѣчной каторгѣ. Державинъ, обратясь къ Макарову, преемнику Шешковскаго по тайной канцеляріи, спросилъ:

— Виноваты ли были Пожарскій,召Мининъ и Палицынъ, что они, желая избавить Россію отъ рабства польскаго, учинили между собою союзъ и свергли съ себя иностранное иго?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Макаровъ: они не только не виноваты, они достойны всякой похвалы нашей и благодарности.

— Почему-жъ такъ строго обвиняются эти несчастные, что они имѣли между собою нѣкоторые разговоры о спасеніи отъ нашего владѣнія своего отечества, и можно ли ихъ винить въ измѣнѣ и клятвопреступленіи по тѣмъ самымъ законамъ, по которымъ должны обвиняться въ подобныхъ заговорахъ природные подданные?

Указавъ на то, что вѣроятно мнѣніе обвиненныхъ раздѣляютъ и сенаторы-поляки, какъ графъ Ильинскій, графъ Потоцкій и другіе, Державинъ продолжалъ:

— Чтобъ сдѣлать истинно вѣрно-подданными завоеванный народъ, надо прежде привлечь его правосудіемъ и благодѣяніями, а тогда уже и наказывать его за преступленія, какъ и коренныхъ подданныхъ по національнымъ законамъ. Итакъ, по моему мнѣнію, пусть они думаютъ и говорятъ о спасеніи своего отечества какъ хотятъ, но только къ самому дѣйствію не приступаютъ, зачѣмъ нашему правительству должно прилежно наблюдать и до того ихъ не допускать кроткими и благоразумными средствами, а не казнить и не посылать всѣхъ въ ссылку: всей Польши ни переказнить, ни заслать въ заточенье нельзя. Иное дѣло — главныхъ заговорщиковъ....

Разумѣется, слова эти переданы были Павлу, но онъ ограничился тѣмъ, „что приказалъ ему не умничать"; участь же обвиняемыхъ была

облегчена. Конечно, это не-вѣсть какой подвигъ со стороны Державина, но если мы вспомнимъ, что въ настоящее время находятся писатели, которые мечутъ обвиненія въ измѣнѣ направо, и налѣво, не спросясь разсудка и не соображая послѣдствій, то Державинъ явится передъ нами болѣе гуманнымъ, чѣмъ эти патентованные гуманисты-классики...

Дѣятельность Державина при Александрѣ достаточно оцѣнена; онъ не подходилъ къ новымъ людямъ и относился къ нимъ подозрительно и несправедливо, особенно къ Сперанскому; но онъ остался тѣмъ-же чѣмъ былъ, то-есть человѣкомъ, въ которомъ жила нѣкоторая независимость характера и чувство личнаго достоинства. Однажды, при докладѣ, на замѣчаніе императора, что генералъ-прокуроръ при Павлѣ дѣлалъ и то, что Державинъ относитъ къ обязанностямъ статсъ-секретарей, послѣдній отвѣчалъ: „я знаю это; но родитель вашъ поступалъ самовластно, безъ соображенія съ законами, что ему было только угодно, а вы въ манифестѣ вашемъ, при вступленіи на престолъ, объявили, что будете царствовать въ духѣ вашей бабки и по законамъ".— „Ты всегда меня хочешь учить, сказалъ государь съ гнѣвомъ: я самодержавный государь, и такъ хочу". Вспомнимъ, что Екатерина сказала однажды Державину тоже самое.

Обращаясь къ его поэтической дѣятельности, мы и тутъ найдемъ нѣкоторую самостоятельность, выражавшуюся въ сильныхъ обличающихъ строфахъ. Правда, онъ дѣлалъ уступки и весьма замѣтныя, но печать истиннаго таланта лежитъ только на тѣхъ его произведеніяхъ, которыя свободно исходили изъ души его. Другой оды Фелицѣ онъ не могъ уже написать, какъ скоро ближе узналъ Екатерину, и самъ-же наивно отнимаетъ историческое значеніе у этихъ стиховъ. Дѣло въ томъ, что Екатерина часто просила его писать „болѣе въ родѣ Фелицы"; онъ давалъ ей слово, запирался въ своемъ кабинетѣ, строчилъ, но „все выходило холодное, натянутое и обыкновенное, какъ у прочихъ цеховыхъ стихотворцевъ, у коихъ только слышны слова, а не мысли и чувства". Отчего-же это происходило? „Оттого, отвѣчаетъ онъ, что не могъ воспламенить такъ своего духа, чтобъ поддерживать свой высокій прежній идеалъ, когда вблизи увидѣлъ подлинникъ человѣческій съ великими слабостями". Все это намъ показываетъ человѣка честнаго, особенно для той среды, въ которой онъ вращался, и писателя, сознающаго, что вдохновеніе не можетъ быть продажно. Понятно, что ему не проходили даромъ независимыя и обличительныя мѣста въ его одахъ: онъ возбуждалъ къ себѣ сильную непріязнь въ вельможахъ и косые взгляды свыше. Это было и при Екатеринѣ, и при Павлѣ и при Александрѣ. Особенно ода „Властителямъ и Судіямъ" навлекла на него неудовольствіе государыни, а приближенные ея говорили ему, что онъ пишетъ якобинскіе стихи, и тщательно отъ него отворачивались.

За этою чертою придворныхъ нравовъ тоже любопытно слѣдить въ „Запискахъ": она проявлялась аляповато и грубо, точно при какомъ необычайномъ явленіи, для котораго не было еще выработано изящнаго этикета: даже друзья сторонились отъ поэта и открещивались отъ него обѣими руками, а просто знакомые явно не замѣчали его. Стоило пройти слуху, что свыше не одобряютъ такого-то произведенія, какъ немедленно всѣ придворные начинали пѣть по одному камертону, и несчастный стихотворецъ терялся въ догадкахъ, что такое могло вызвать къ нему подобное неудовольствіе и почему, напр., переложеніе псалма царя Давида считается якобинствомъ, когда извѣстно, что царь Давидъ совсѣмъ якобинцемъ не былъ? Естественно, что не имѣя достаточной силы духа на полный разрывъ съ этой средою, Державинъ долженъ былъ подчиниться пословицѣ: „съ волками—жить по-волчьи выть. Онъ слышалъ, какъ начальники говорили подчиненнымъ, наставляя въ правилахъ жизни: „совѣтую имѣть волчій ротъ и лисій хвостъ". Это правило приходилось практиковать и писателю, но Державинъ, если и показывалъ лисій хвостъ, то никогда не показывалъ волчьяго рта, да и лисій хвостъ не часто виднѣется въ его одахъ. Только крайнее пристрастіе можетъ утверждать противное, только полнымъ незнакомствомъ съ его поэзіей можетъ оправдываться подобный строгій приговоръ. Еслибы дѣло пошло на сравненія, мы могли бы указать въ поэзіи Державина такія сильныя строфы, какія никогда не вырывались, наприм., у г. Некрасова, этого сильнаго поэта-обличителя, пишущаго при обстоятельствахъ несравненно болѣе благопріятныхъ для свободнаго выраженія мысли. Чтобы уразумѣть неблагопріятную силу тогдашнихъ обстоятельствъ, достаточно прочесть въ „Перепискѣ" Державина исторію слѣдующихъ четырехъ строкъ изъ оды Фелицѣ:

Да вѣкъ мой на дѣла полезны
И славу ихъ я посвящу,
Самодержавства скиптръ желѣзный
Моей щедротой позлащу.

Цензоры при московскомъ университетѣ, гдѣ печатались сочиненія Державина при Павлѣ I, сначала пропустили послѣдніе два стиха, а потомъ, когда книга была уже готова, потребовали ихъ исключенія. Державинъ недоумѣваетъ; онъ пишетъ объ этомъ къ куратору московскаго университета, князю Ѳ. Н. Голицыну, удивляясь, что не пропускаютъ фразу, „которая уже не одинъ разъ была напечатана, всѣмъ извѣстна и которая одна за многихъ истинную дѣлаетъ честь самодержавному нашему правленію. Ее при покойной государынѣ приняли всѣ съ чрезвычайной похвалою; почему-же теперь нѣтъ? Развѣ теперешнее правленіе не такъ щедро и великодушно, какъ прошедшее. Истинно, я боюсь подумать, чтобъ, выпустивъ двѣ строки, не сдѣлать сатиры оскорбительнѣйшей, нежели Ювеналъ на свое время". При этомъ

письмѣ онъ препровождаетъ другое къ графу Н. Н. Головину, состоявшему гофмаршаломъ при в. к. Александрѣ Павловичѣ и его супругѣ, разсчитывая, конечно, найти покровительство тутъ. Дѣло затягивается. Почти черезъ три мѣсяца послѣ письма къ князю Голицыну, Державинъ пишетъ о томъ къ князю А. Б. Куракину, носившему въ то время званія: присутствовавшаго въ совѣтѣ Государя, генералъ-прокурора, главнаго директора ассигнаціоннаго банка, министра департамента удѣльныхъ имѣній и проч. Онъ проситъ его „приказать вразумить ихъ (цензоровъ), что помянутая фраза, ни божескому, ни гражданскому закону, ниже самой политикѣ не противна“, что „самый ея строжайшій смыслъ состоитъ въ томъ, что похваляетъ она самодержавное правленіе, умягченное щедротами“. Но цензоровъ не вразумляли, а на подлинномъ письмѣ рукою князя Куракина написано: „Государь Императоръ приказать соизволилъ: внушить господину Державину, что по искусству его въ сочиненіи стиховъ подчеркнутые-бы перемѣнилъ, чтобъ получить дозволеніе сочиненія его напечатать“. Державинъ не передѣлалъ и книга вышла безъ двухъ приведенныхъ стиховъ: тогда онъ вписалъ ихъ собственноручно во всѣ экземпляры, и тѣмъ утѣшился. Русскому писателю и доселѣ приходится утѣшаться подобными же вещами, хотя не за подобныя мысли. Литература сдѣлала большой прогрессъ, но это не даетъ ей права третировать слишкомъ свысока тѣхъ, которые только прокладывали дорогу къ независимости, хотя больше поэтическимъ инстинктомъ, чѣмъ сознательно и намѣренно. Даже при Александрѣ скромная поэзія Державина не пользовалась вполнѣ свободнымъ пропускомъ, если носила на себѣ печать какой-нибудь оппозиціи. Замѣтимъ кстати, что комедія Капниста *Ябеда* была запрещена въ продажѣ до 1804-го года, какъ это видно изъ письма Державина къ Капнисту отъ 30-го іюля этого года; хотя въ этомъ году и стали продавать, но ставить на театрахъ не допускали, „можетъ быть потому, замѣчаетъ Державинъ, что никто не проситъ о томъ; ибо теперь вкусъ здѣсь на шуточныя оперы, которыя украшены волшебными декораціями и утѣшаютъ болѣе глаза и музыкою слухъ, нежели умъ“.

Въ сужденіяхъ своихъ о литературѣ Державинъ иногда высказываетъ большое здравомысліе, но тутъ мысль у него идетъ въ разрѣзъ съ дѣломъ. „Покажите мнѣ автора, пишетъ онъ къ Сперанскому, который бы не надулъ губы, или по крайней мѣрѣ при первомъ случаѣ не вспыхнулъ, услыша критику на свои сочиненія“. Хотя Державинъ могъ служить хорошимъ подтвержденіемъ этой истинѣ, но онъ часто поддерживалъ начинающіе таланты и умѣлъ цѣнить ихъ; онъ радовался появленію Карамзина и Жуковскаго, одобрилъ пьесу Ильина изъ народнаго быта и совсѣмъ не одобрялъ критики Шишкова на новыхъ писателей. Но онъ жестоко оскорблялся, если ему не оказывали того уваженія, какого онъ почиталъ себя достойнымъ. Это особенно хорошо видно изъ его

столкновенія съ Гнѣдичемъ, происшедшаго въ то время, когда затѣвалась Бесѣда Любителей Русскаго Слова, которую предполагалось сначала назвать Атенеемъ. Гнѣдичъ относился къ Бесѣдѣ съ нѣкоторою ироніей: „Чтобъ въ случаѣ пріѣзда вашего и посѣщенія Бесѣды, не придти вамъ въ конфузію, пишетъ онъ къ Капнисту, предувѣдомляю васъ, что слово проза называется у нихъ—*говоръ*, билетъ—*значокъ*, номеръ—*число*, швейцаръ—*вѣстникъ*... Въ залѣ Бесѣды будутъ публичныя чтенія, гдѣ будутъ *совокупляться знатныя особы обоего пола*—подлинное выраженіе одной статьи Устава Бесѣды". Въ Бесѣдѣ предполагалось нѣсколько разрядовъ, и въ каждомъ разрядѣ по 10-ти членовъ, изъ которыхъ пять дѣйствительныхъ и 5 членовъ-сотрудниковъ. Державинъ пригласилъ Гнѣдича вступить въ нее. Препровождая къ нему списокъ членовъ, онъ указалъ ему и мѣсто, гдѣ онъ долженъ былъ подписать свое имя, именно 9-е по порядку, т.-е. предпослѣднимъ членомъ-сотрудникомъ. Гнѣдичъ отвѣчалъ Державину, что члены разставлены въ спискѣ по чинамъ, что казалось ему несообразнымъ съ сущностью литературнаго общества, которое составляется „не по жребію, не по чинамъ, а по избранію". „Отдавая всю справедливость, продолжаетъ онъ, и уваженіе заслугамъ по службѣ, я тогда только позволю себѣ видѣть имя свое ниже нѣкоторыхъ гг., послѣ какихъ внесенъ я въ списокъ, когда дѣло будетъ идти о чинахъ. Такъ какъ ваше в-пр. позволили мнѣ имѣть честь именоваться вашимъ сотрудникомъ, то я, умѣя цѣнить честь сію, и прошу позволенія видѣть себя какъ въ спискѣ гг. членовъ, такъ и въ другихъ случаяхъ по бумагамъ Атенея, подъ именемъ: *членъ сотрудникъ его высокопревосходительства Державина.* Когда-жъ сіе покажется непристойною отличительностію, то я пріиму на себя обязанности Атенея просто подъ именемъ члена, но не сотрудника". Державина, вѣроятно, жестоко оскорбила подобная претензія, имѣвшая такой результатъ, по словамъ Гнѣдича: „Гаврило Романовичъ, съѣхавшись разъ со мною у князя Бориса Голицына, выгналъ меня изъ дому за то, что я изъявилъ нежеланіе быть сотрудникомъ общества. Не подумайте, что сказка. Существенное приключеніе, заставившее въ ту минуту думать, что я зашелъ въ кибитку скифовъ". Писатели новаго поколѣнія заявляли другіе нравы и поэтической развалинѣ вѣка Екатерины давали чувствовать свою самостоятельность. Въ этомъ отношеніи очень любопытно письмо А. И. Тургенева въ Державину по поводу одной выходки Державина противъ Жуковскаго, какъ издателя „Сборника Русскихъ произведеній" (стр. 211—213). Мы убѣждены, что съ выходомъ послѣдняго тома произведеній Державина, критика установитъ на нихъ справедливый взглядъ, и этотъ взглядъ будетъ далекъ отъ всякихъ увлеченій, которыя по отношенію къ дѣятелю такой отдаленной отъ насъ эпохи едва-ли можно чѣмъ нибудь оправдывать.

Бесѣды въ Обществѣ любителей россійской словесности при императорскомъ московскомъ университетѣ. Выпускъ третій. Москва. 1871.

Литературныя традиціи, какъ извѣстно, сохраняются Москвою больше, чѣмъ Петербургомъ. Въ то время, какъ здѣсь перевелись уже общества любителей словесности, въ Москвѣ они находятъ свой пріютъ и даже привлекаютъ въ свои засѣданія публику. Что читается въ этихъ засѣданіяхъ, о томъ трудно судить по рѣдкимъ изданіямъ „Бесѣды", но, нѣтъ сомнѣнія, печатаются тамъ на ряду съ вещами незначащими и интересныя статьи. Если по настоящей книжкѣ „Бесѣды" заключать о дѣятельности „любителей словесности", то придется сказать, что она направлена въ ту же сторону, въ какую частныя изданія въ родѣ „Русскаго Архива". Въ самомъ дѣлѣ, наиболѣе живою частью этого сборника являются историко-литературные матеріалы, какъ „Матеріалы для исторіи русской цензуры", „Случай изъ цензурной практики", „О книгѣ Красноцвѣтова" (Библейская исторія въ пользу дѣтей). Сама „словесность" проявляетъ себя только въ переводахъ съ иностранныхъ языковъ, принадлежащихъ гг. Майкову, Ѳ. Миллеру, Юрьеву и Родиславскому. Первый перевелъ нѣсколько сонетовъ Мицкевича, второй нѣсколько коротенькихъ стихотвореній „изъ славянскихъ поэтовъ", третій трагедію Кальдерона „За тайное оскорбленіе тайное мщеніе", которой — мимоходомъ замѣтимъ — онъ придаетъ слишкомъ большое значеніе, четвертый комедію Мольера „Донъ-Жуанъ". Остановимся на матеріалахъ для исторіи русской цензуры, относящихся къ 1803—1825 годамъ.

Время это было временемъ первыхъ экспериментовъ цензуры и первыхъ проявленій борьбы съ нею зарождающейся литературы и журналистики, которая начинала оттягивать въ свое вѣдѣніе внутренніе вопросы. Борьба, разумѣется, была неравная. Съ одной стороны, въ ней принимали участіе незначительныя литературныя силы, съ другой — цензурные комитеты, попечители учебныхъ округовъ, министры народнаго просвѣщенія, министръ юстиціи, комитетъ министровъ, оберъ-полиціймейстеры и даже квартальные надзиратели. Книги и статьи преслѣдовались или не пропускались то за „недостаткомъ смысла", какъ „Граммата милымъ женщинамъ" нѣкоего Захара Некрасова, то за суевѣріе и противность здравому разсудку, какъ нѣкоторыя статьи „Сіонскаго Вѣстника", то „по несообразности съ отечественными постановленіями", какъ пьеса „Увѣнчанная Добродѣтель", „гдѣ самыя ужасныя и доказанныя злодѣйства остаются безъ должнаго наказанія" — въ этомъ обстоятельствѣ и увидѣла цензура „несообразность съ отечественными постановленіями", какъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ видѣла она тотъ же недостатокъ въ „Своихъ Людяхъ" Островскаго; то за „разгоряченіе воображенія, особливо молодыхъ людей и женщинъ", какъ извѣстная баллада Жуковскаго „Смальгольмскій Баронъ"; то за

„отступленіе отъ общихъ правилъ языка". Былъ и такой курьезный случай, именно въ 1821-мъ году: „по случаю вышедшей вновь изъ печати книги безъ употребленія въ оной буквы ъ, во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ тому слѣдовало быть по общимъ правиламъ россійскаго языка,— Высочайше повелѣно наблюдать цензурамъ, чтобъ въ издаваемыхъ книгахъ не было допускаемо подобное отступленіе отъ общихъ правилъ языка". Вообще разнообразіе мѣропріятій и опеки самое пестрое и капризное. Съ 1804-го года въ „Матеріалахъ", напечатанныхъ въ 3-мъ выпускѣ „Бесѣдъ", мы начинаемъ встрѣчать преслѣдованіе „неосторожныхъ выраженій на счетъ правъ помѣщиковъ надъ крестьянами и на счетъ другихъ состояній государства". Литература десятыхъ годовъ довольно настойчиво проводила принципъ освобожденія крестьянъ, особенно послѣ окончанія войны съ Франціей. Въ 1814-мъ году появилось довольно серьезное политическое изданіе „Духъ Журналовъ", издававшееся нѣсколькими лицами, между прочимъ Вельяминовымъ-Зерновымъ и цензоромъ Яценковымъ. Самая программа этого журнала уже возбудила тревогу въ министрѣ полиціи, Вязьмитиновѣ, и онъ писалъ графу А. К. Разумовскому: „Въ программѣ о новомъ изданіи... сказано, что въ VI-ой статьѣ помѣщаемы будутъ замѣчанія о внутреннемъ состояніи Россіи, какъ-то: „великіе ея способы и выгоды, нѣкоторые недостатки и злоупотребленія, и пр.". Находя сію статью совершенно неумѣстною, ибо упоминаемые въ ней предметы относятся до попеченія самого правительства и отнюдь не могутъ подлежать сужденію частныхъ лицъ публично", онъ просилъ не допускать подобныхъ статей въ „Духѣ Журналовъ". Разумовскій предписалъ цензурному комитету сдѣлать выговоръ цензору Яценкову, который пропустилъ программу журнала (участіе цензора въ издательствѣ было негласное) и поручить цензурованіе его Тимковскому. Въ слѣдующемъ 1815-мъ году министръ полиціи снова пишетъ Разумовскому объ одной статьѣ „Духа Журналовъ", въ которой говорится „о стараніи имп. Екатерины II-ой о дешевизнѣ жизненныхъ потребностей"; министръ полиціи увѣряетъ, что статья эта наполнена „разсужденіями не только самыми глупыми, безсмысленными, но и непозволительными, дерзкими, могущими имѣть вліяніе вредное на мнѣніе народное. Какъ дерзнуть человѣку, не имѣющему... ни малѣйшаго понятія о первыхъ началахъ науки, дѣлать примѣненія и сравненія относительно мѣръ, пріятыхъ и пріемлемыхъ правительствомъ въ разныя времена по части государственнаго хозяйства?" Говоря за симъ о томъ, чтó составляетъ „барометръ цѣнамъ", Вязьмитиновъ замѣчаетъ, какъ-бы хвалясь своей ученостью: „Сего конечно отъ ограниченнаго издателя *Духа Журналовъ* и требовать грѣшно:—но тѣмъ болѣе дерзости!" Но главное, что возмутило министра полиціи, это—сравненіе прежняго времени съ александровскимъ: Какое дерзкое заключеніе, восклицаетъ онъ, сравненію

временъ: „Тогда не то было!“ Сіе выраженіе одною только глупостію извиниться можетъ, ибо въ противномъ случаѣ было бы преступленіе, и преступленіе самое тяжкое“. Цензурному комитету, предсѣдателемъ котораго былъ С. С. Уваровъ, сдѣланъ былъ выговоръ. Но „Духъ Журналовъ“ не унимался или, лучше сказать, пользовался всякимъ случаемъ говорить о внутреннихъ вопросахъ. Помѣщаетъ онъ у себя отрывокъ изъ Бентама о мануфактурахъ, сопровождая его своими замѣчаніями; министръ народнаго просвѣщенія, въ письмѣ къ Уварову, признаетъ за „политическимъ писателемъ“, сочиненія котораго дозволены въ Россіи, право выражать „мнѣнія о предметахъ, относящихся къ государственному хозяйству“, но журналисту непозволительно извлекать изъ него статьи, содержащія опровержепіе правилъ, принятыхъ правительствомъ“. Новый министръ народнаго просвѣщенія, князь А. Н. Голицынъ, въ 1816-мъ году, обратилъ вниманіе на статьи „О преставленіи свѣта“, въ которыхъ „сей важный предметъ обращенъ въ шутку, и хотя время кончины и по священному писанію никому неизвѣстно, но статьямъ симъ данъ такой оборотъ, что можно думать: что никогда оной не будетъ“; и на „многія политическія статьи не въ духѣ нашего правительства, какъ напримѣръ въ письмахъ изъ Америки“, къ которой „Духъ Журналовъ“ относился весьма сочувственно. Поручая Уварову сдѣлать издателю „Духа Журналовъ“ „замѣчаніе, чтобы духъ сего журнала перемѣнилъ онъ на другой, который былъ бы полезнѣе“, Голицынъ грозитъ ему запрещеніемъ. Правительство тщательно старалось отстоять внутренніе вопросы отъ журнальнаго обсужденія, и эту заботу свою простирало до того, что Голицынъ повторилъ свою угрозу запретить журналъ по поводу замѣтки, помѣщенной въ „Духѣ Журналовъ“ въ 1817-мъ г. о необходимости устроить при всѣхъ полицейскихъ будкахъ *почтовые ящики*. Въ 1818-мъ г. Голицынъ обращаетъ вниманіе попечителя петербургскаго учебнаго округа на статьи, заключающія въ себѣ „разсужденія о вольности и рабствѣ крестьянъ и многія другія неприличности“. Статья, о которой преимущественно на этотъ разъ шло дѣло, трактовала о рабствѣ въ иностранныхъ государствахъ, и хотя въ ней было сказано, что „положеніе крестьянъ въ другихъ государствахъ, замѣчаетъ редакція „Бесѣдъ“, хуже, чѣмъ въ Россіи, но за то положеніе первыхъ онъ (авторъ статьи) выставлялъ въ такомъ яркомъ свѣтѣ, что защитники крѣпостнаго права въ Россіи не могли быть довольны. Притомъ, предпочитая полное рабство имущественное и личное экономической зависимости при личной свободѣ, авторъ, или правильнѣе, издатель журнала во многихъ мѣстахъ онаго требуетъ имущественнаго обезпеченія для крестьянъ въ случаѣ ихъ освобожденія—требованіе, предъ коимъ съ недоумѣніемъ останавливались самые передовые люди тогдашняго времени“. Черезъ мѣсяцъ или два, новое посланіе Голицына къ Уварову

„*Духа Журналовъ* во 2-й книжкѣ сего года подъ статьею *О сохранныхъ кассахъ* помѣщены, между прочимъ, на счетъ правительства слѣдующія изъясненія: 1) стр. 8: „какъ часто мы винимъ людей въ томъ, въ чемъ виновны гражданскія наши учрежденія!“ и 2) стр. 10:... „о нашихъ гражданскихъ учрежденіяхъ, которыя наиболѣе благопріятствуютъ тѣмъ, кои и безъ того уже судьбою облагодѣтельствованы. У богатаго тысячи и милліоны ростутъ сами собой, какъ будто хлѣбъ въ землѣ; а у бѣднаго малая лепта пропадаетъ, какъ зерно падшее на камень или на распутіе. Имущему дано будетъ и прибудетъ; у неимущаго отымется“. Голицынъ предписывалъ объявить издателю, „чтобъ онъ ни подъ какимъ видомъ не осмѣливался отнынѣ издавать въ свѣтъ никакихъ сужденій на счетъ нашего правительства“, и грозилъ снова и снова запрещеніемъ журналу. Но онъ существовалъ еще почти три года. Въ 1820-мъ г. Голицынъ писалъ Уварову, по случаю нѣсколькихъ статей, помѣщенныхъ въ „Духѣ Журналовъ“ и въ „Журналѣ древней и новой словесности“, касающихся правительства, что онъ, „неоднократно замѣчалъ с.-петербургскому цензурному комитету, что *таковыя статьи могутъ быть токмо печатаемы, когда правительство, по усмотрѣнію своему, само находитъ то нужнымъ и даетъ свое приказаніе*, безъ котораго ни подъ какимъ видомъ не должно быть печатаемо ничего ни въ защищеніе, ни въ опроверженіе распоряженій правительства“. Въ 1821-мъ г. „Духъ Журналовъ“ былъ запрещенъ. Въ своемъ распоряженіи князь Голицынъ упоминалъ о винахъ Журнала, о „намѣреніи издателя представлять въ глазахъ читателей своего журнала всѣ распоряженія правительства, какія бы они ни были, необдуманными и противными общей пользѣ“, и о томъ, наконецъ, что „нынѣ вновь оказалось въ № 17 и 18 сего журнала явное порицаніе монархичекаго правленія“.

Изъ всего сказаннаго видно, что „Матеріалы“ очень цѣнны для исторіи нашей журналистики. На цензурныхъ курьезахъ, которыхъ не мало въ этихъ „Матеріалахъ“, мы не останавливаемся, предоставляя ихъ любителямъ.

Путешествіе по Америкѣ въ 1869—1870 г. *Эдуарда Циммермана.* Изданіе «Русской Лѣтописи». Москва. 1871.

Г. Циммерманъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ, „дѣльныхъ“ русскихъ путешественниковъ, которые посѣщаютъ чужія страны не съ гигіеническою цѣлью, а съ твердымъ намѣреніемъ изучить ихъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ уже обратилъ на себя вниманіе письмами объ Америкѣ, появлявшимися тогда въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Настоящая книжка — есть результатъ второго его путешествія, когда онъ объѣхалъ значительную часть этой страны, останавливаясь въ

городахъ, посѣщая фермы и заводы, отправляясь пѣшкомъ и на телѣгѣ, часто по цѣлинѣ, безъ дорогъ, къ тѣмъ мѣстамъ поселеній, которыя характеризируютъ американскую жизнь и въ какомъ-нибудь отношеніи важны для Россіи. Эта послѣдняя цѣль дѣлаетъ книгу г. Циммермана особенно интересною для нашихъ землевладѣльцевъ, заводчиковъ и промышленниковъ. Въ ней они найдутъ полезныя практическія указанія, примѣненіе которыхъ возможно на русской почвѣ, имѣющей сходныя черты съ американскою. Независимо отъ этого, соціальная сторона жизни нашихъ „заатлантическихъ друзей“ выясняется массою собранныхъ г. Циммерманомъ фактовъ очень рельефно. И не одна жизнь большихъ городовъ, но и тѣхъ пустынныхъ мѣстъ, гдѣ кое-гдѣ лишь европейскій переселенецъ утвердилъ свой домашній очагъ и прошелся плугомъ по дѣвственной почвѣ. Нашего путешественника все интересовало отъ плуга до школы, отъ ловкости нью-йоркскихъ полисменовъ до русской колоніи въ Санъ-Франциско, мѣшающей русскія фразы съ американскими, отъ желѣзныхъ дорогъ, устроенныхъ на столбахъ, надъ тротуарами нью-йоркскихъ улицъ, отъ четырехэтажныхъ пароходовъ, совмѣщающихъ въ себѣ колоссальные размѣры съ роскошью и комфортомъ, до городскихъ мостовыхъ и какой-нибудь новой машины для обработки хлопка или иного продукта. Рѣдкая книга можетъ дать такое основательное, многостороннее понятіе объ этой удивительной, оригинальной странѣ, какъ книга г. Циммермана. Посѣщая ее въ другой разъ, онъ являлся тамъ не новичкомъ, не съ европейскими предразсудками, столь усердно распространяемыми преимущественно французскою журналистикой, которая въ самодовольномъ невѣжествѣ своемъ такъ любитъ указывать курьезы у этой истинной и могучей соперницы Европы въ дѣлѣ цивилизаціи; онъ не останавливается на поверхности вещей, а анализируетъ ихъ сущность, подъ курьезомъ онъ находитъ разумное явленіе. Любители всякихъ регламентацій, французы и многіе другіе европейцы обыкновенно съ самодовольствіемъ указываютъ на невозможную, по ихъ мнѣнію, свободу такихъ профессій, которыя въ Европѣ подчинены строгому административному надзору. Въ Америкѣ всякій можетъ выдать себя за доктора, аптекаря, капитана корабля— правительство ни мало не мѣшается въ это, предоставляя самому обществу разбирать, кто врачъ настоящій и кто самозванный, кто аптекарь съ свѣдѣніями и кто аптекарь-невѣжда. И общество съумѣло выпутаться изъ такого положенія блистательно. Настоящіе ученые медики образовали медицинское общество, которое ежегодно издаетъ реэстръ всѣхъ своихъ членовъ, т.-е. испытанныхъ врачей. Неимѣющій докторскаго диплома и не выдержавшій экзамена въ особой ученой коммиссіи, наряжаемой обществомъ, никоимъ образомъ въ этотъ списокъ попасть не можетъ. Мало того: члены общества обязуются не печатать въ газетахъ никакихъ объявленій отъ своего имени, не опускать ни-

какихъ рекламъ даже со стороны своихъ паціентовъ, словомъ, не прибѣгать ни къ какимъ зазывающимъ публикаціямъ. Они обязуются не являться на консультаціи по вызову не членовъ, т.-е. самозванныхъ докторовъ, и всякій, нарушившій какое-нибудь изъ этихъ правилъ, немедленно исключается изъ общества.

Аптекари, съ своей стороны, образовали такое-же общество, капитаны кораблей—тоже. Общества эти—какъ-бы общества застрахованія публики отъ шарлатановъ и самозванцевъ, которые уже тѣмъ изобличаютъ себя, что печатаютъ рекламы въ газетахъ, на что такъ падки, особенно у французовъ, и врачи съ дипломами. Европейскіе разсказы о грубости американскихъ обычаевъ также преувеличены, и преувеличены опять-таки французской печатью и французской драматургіей. Если въ пьесѣ есть американецъ—будьте увѣрены, что онъ непремѣнно садится съ ногами за столъ и въ шляпѣ и непремѣнно ужасаетъ дамъ и дѣвицъ своими эксцентрическими выходками. На самомъ дѣлѣ американецъ только не „стѣсняется" и во всякомъ мужскомъ обществѣ располагается какъ у себя дома; что касается дамскаго общества, то онъ ужъ потому выше всѣхъ европейцевъ, что ни въ одной странѣ Стараго свѣта женщина не пользуется такимъ уваженіемъ, какъ въ Америкѣ. Г. Циммерманъ, впрочемъ, написалъ не апологію американцевъ: онъ не скрываетъ отъ читателя и слабыхъ сторонъ Новаго Свѣта; быть можетъ, эти слабыя стороны развиты имъ мало, быть можетъ онъ довольствуется намеками тамъ, гдѣ-бы слѣдовало анализировать многосторонне, но подобный недостатокъ въ русскомъ путешественникѣ, въ человѣкѣ привыкшемъ къ русскимъ порядкамъ, весьма извинителенъ, и нѣкоторая снисходительность къ слабымъ сторонамъ общества, представляющаго рядомъ образцы своего высокаго умственнаго и нравственнаго понятія — весьма понятна.

Странствуя по Америкѣ, нашъ авторъ нигдѣ не упускалъ случая познакомиться съ русскими переселенцами; такъ какъ они разсѣяны по разнымъ концамъ территоріи Соединенныхъ Штатовъ, то не могли организоваться въ какое-бы то ни было общество. Лишь въ С.-Франциско русская колонія начинаетъ сплочиваться, и къ ней примкнули члены другихъ славянскихъ племенъ. Она открыла свою читальню и стала издавать газету „Славянинъ", выходящую два раза въ мѣсяцъ на языкахъ: англійскомъ, сербскомъ и русскомъ. Американскіе публицисты очень сочувственно отнеслись къ этому собрату; извѣстный американскій путешественникъ и ораторъ Бейардъ-Тейлоръ читалъ въ С.-Франциско, когда былъ тамъ г. Циммерманъ, публичную лекцію о Россіи и русскихъ. Онъ былъ въ Россіи и вывезъ оттуда запасъ точныхъ наблюденій, очень благопріятныхъ для насъ. Сообщая ихъ, онъ доказывалъ слушателямъ, что американцамъ необходимо получше познакомиться съ Россіей, потому что куда-бы они ни обратились въ

своихъ сношеніяхъ съ другими государствами, на востокъ или на западъ, вездѣ они встрѣчаются съ русскими. Намъ остается тотъ-же совѣтъ преподать и соотечественникамъ, хотя-бы потому, что мы считаемъ себя молодымъ народомъ, а молодому народу всего скорѣе слѣдуетъ познакомиться съ молодымъ-же, особенно если онъ далеко впереди насъ. Какъ хорошее первоначальное руководство къ познанію Америки, книга г. Циммермана удовлетворитъ всякого.

ПИСЬМО КЪ РЕДАКТОРУ.

По поводу второго изданія сочиненій Пушкина.

М. Г.

По случаю помѣщенной въ мартовской книгѣ вашего журнала (стр. 445) рецензіи 2-го изданія перваго тома сочиненій Пушкина, изданныхъ Я. А. Исаковымъ, имѣю честь объяснить слѣдующее:

Для пополненія этого тома, послѣ перваго изданія, я воспользовался всѣми указаніями и пьесами, появившимися въ періодическихъ изданіяхъ послѣ 1-го изданія. Всѣ вставки и выпущенныя мѣста, указанныя въ вашей рецензіи, находились въ приготовленномъ мною для печати первомъ томѣ, который сохранился въ типографіи съ моими вставками, но они были *зачеркнуты частію издателемъ, частію цензоромъ*, которому были представлены [1]). Этой участи были подвергнуты даже нѣкоторыя мѣста и пьесы уже прежде дважды напечатанныя въ русскихъ изданіяхъ. Изъ такихъ пьесъ, появившихся и въ лейпцигскомъ дополненіи къ изданію г. Исакова, пропущены были цензурою только пьесы: „Къ Лукуллу“ и „Ахъ тетушка, ахъ Анна Львовна“ и нѣсколько эпиграммъ. Приготовивъ къ печати текстъ, подвергнутый послѣ предварительной цензурѣ, и передѣлавъ свои замѣчанія, я передалъ ихъ издателю: вотъ въ чемъ состояла моя редакція. За корректуру я не взялся, не имѣя къ ней навыка и по случаю моего отъѣзда изъ Петербурга.

Когда мнѣ сообщены были II и III томы, я замѣтилъ въ нихъ не мало опечатокъ и предложилъ издателю поручить надзоръ за печа-

---

[1]) Мы имѣли случай убѣдиться лично въ полной справедливости этихъ словъ, такъ какъ авторъ при настоящемъ письмѣ представилъ въ редакцію и экземпляръ, служившій типографіи оригиналомъ для набора перваго тома во второмъ его изданіи. Но наша рецензія основывалась не на этомъ, никому неизвѣстномъ оригиналѣ, а на публикованномъ изданіи, которое было притомъ объявлено исполненнымъ «безъ предварительной цензуры». — *Ред.*

таніемъ І-го тома литератору, который бы занялся этимъ дѣломъ внимательно. Г. Исаковъ послѣдовалъ моему указанію, но это не избавило первый томъ отъ опечатокъ. Напрасно также въ предисловіи (не мною писанномъ) сказано, что сдѣланы всѣ возможныя дополненія и затѣмъ объявдено, что изданіе это безъ предварительной цензуры, что и дало вамъ право упрекнуть издателя за неполноту изданія и вынудило его обѣщать дополненія. Я же съ своей стороны счелъ необходимымъ заявить и указать вамъ, что всѣ дополненія къ прежнему изданію, какія могли и должны были явиться въ новомъ изданіи, мною были сдѣланы и доставлены издателю, но если они остались не помѣщенными, то это зависѣло уже не отъ меня.

Примите, и пр.

Г. Геннади.

А. Н. СѢРОВЪ
и
ЕГО ОПЕРА «ЮДИѲЬ».

Изъ воспоминаній.

Въ 1862-мъ г. я познакомился съ А. Н. Сѣровымъ, имя котораго мнѣ было извѣстно прежде по однимъ его критическимъ статьямъ. Хотя часто его направленіе и пристрастный взглядъ на нѣкоторыхъ музыкальныхъ дѣятелей возбуждали во мнѣ недовѣріе, но, во всякомъ случаѣ, я видѣлъ въ Сѣровѣ одного изъ передовыхъ людей по части музыкальной критики и исторіи искусства. Едва ли не онъ первый у насъ возбудилъ вопросъ о томъ, что музыка, какъ искусство, стоитъ несравненно выше тѣхъ понятій, какими проникнуты были всѣ диллетанты, разумѣвшіе и цѣнившіе ее какъ предметъ ушеугодія. Разумѣется, чтобы опрокинуть старыя, рутинныя понятія въ области искусства и установить болѣе раціональное направленіе, Сѣровъ не могъ самъ не впасть въ крайности. Вотъ почему въ его статьяхъ можно найти много эксцентричныхъ взглядовъ и даже пристрастія. Но нельзя согласиться съ тѣмъ, что статьи его не имѣли отношенія къ искусству, или что искусство ничего не выиграло отъ его критической разработки. Во всякомъ случаѣ, Сѣровъ былъ писатель, котораго значеніе и образованность по части музыки должны были принести свою пользу. Статьи

его разбросаны по всѣмъ періодическимъ изданіямъ и потому общаго, полнаго сужденія о нихъ теперь составить еще невозможно; современемъ, когда я, по его собственной выпискѣ, соберу ихъ въ одинъ томъ, тогда выступитъ опредѣленнѣе все его направленіе и легче составится ихъ оцѣнка. Теперь же ограничусь пока моими воспоминаніями изъ главной эпохи его музыкальной дѣятельности.

Сѣровъ, какъ и всѣ художники, былъ окруженъ толпою поклонниковъ или лучше сказать кружкомъ слушателей, по большей части молодыхъ рьяныхъ музыкальныхъ „отрицателей“ (если можно такъ выразиться). Но это было уже впослѣдствіи, когда онъ сдѣлался извѣстенъ какъ композиторъ; мое же знакомство съ нимъ относится именно къ тому времени, когда никто и не подозрѣвалъ, чтобы Сѣровъ могъ сдѣлаться музыкантомъ по профессіи. Въ то время Сѣровъ жилъ на Лиговкѣ въ деревянномъ и ветхомъ домѣ своихъ родственниковъ; обстоятельства его, какъ говорится, были не важныя, онъ существовалъ только скуднымъ гонораріемъ, который получалъ за свои статьи и ничтожнымъ жалованьемъ по службѣ. Не рѣдко въ задушевной бесѣдѣ онъ выражалъ мнѣ свои жалобы на злую судьбу, и нельзя было не пожалѣть бѣднаго труженика, употребившаго всю свою жизнь и силы на трудъ хотя и высокій, но неблагодарный. Его критическая дѣятельность даже не могла обезпечить въ матеріальныхъ нуждахъ. И въ это тяжелое, полное разочарованій и невзгодъ время должно было пробудиться въ немъ музыкальное творчество.

Въ одну изъ бесѣдъ нашихъ Сѣровъ открылъ мнѣ, что собирается писать оперу на библейскій сюжетъ. Это и была *Юдиѳъ*. Не зная еще сценаріума оперы, я возразилъ ему, что врядъ ли можно въ настоящее время заставить зрителя интересоваться сюжетомъ изъ священнаго писанія; я не могъ, конечно, знать, что въ воображеніи автора тогда уже создались тѣ грандіозныя картины языческаго и еврейскаго быта со всѣми потрясающими эффектами. Сѣровъ взялъ меня за руку, подвелъ къ эстампу, изображающему Юдиѳь и Олоферна и, указывая на нихъ, спросилъ: „неужели вы думаете, carissimo discipule, что нѣтъ никакого удовольствія воскресить и видѣть воскреснувшими эти отжившія и цѣлыми вѣками погребенныя народности?“—Да, если вы только не будете слишкомъ погружаться въ церковный стиль и удалитесь отъ изложенія библейскаго. — „Напротивъ — я слѣпо буду придерживаться оригинала“, съ жаромъ возражалъ мнѣ онъ, и при этомъ взявъ книгу, указывалъ на церковный языкъ и настаивалъ на томъ, что именно и будетъ буквально держаться въ предѣлахъ библіи. Я удивился и сомнѣніе выражалось на лицѣ моемъ.— „Какъ, вы не понимаете,—заговорилъ онъ—вы должны понять, я хотѣлъ бы, чтобъ вы меня поняли; многіе совсѣмъ не поймутъ, да и знать не будутъ, пока опера не появится на сценѣ!“ Вслѣдъ затѣмъ онъ сталъ раз-

сказывать мнѣ сценаріумъ оперы и разыгралъ на органѣ [1]) нѣсколько эскизовъ, которыми вѣроятно хотѣлъ дать понятіе о колоритѣ предполагаемаго музыкальнаго произведенія. Музыка эта была въ церковномъ стилѣ.—Что же это—месса? спросилъ я.—„Нѣтъ, опера!"—Почему?—„Потому, что 3-е и 4-е дѣйствіе будутъ имѣть другую музыку; — понимаете, какой изъ этого составится контрастъ?" —Онъ сталъ импровизировать свои ассирійскія темы... Я въ восторгѣ слушалъ неуклюжія, необработанныя еще рисунки музыки, уносившей меня далеко за предѣлы новаго міра, въ тотъ древній, забытый и отжившій міръ, который обыкновенно называютъ дряхлымъ, но нѣкогда могучимъ Востокомъ. Типъ музыки до того былъ близокъ къ исторической правдѣ, что мнѣ казалось, будто въ данную эпоху и не было другой музыки, какъ только та, которую я слушалъ. Воображеніе мое унеслось за тридевять земель въ тридесятое царство. Мнѣ чудилась уже роскошная природа Востока, глазамъ мерещились громадныя зданія столицы Ассиріи, дворцы, городскія зубчатыя стѣны, чернолицые воины, съ строгимъ свирѣпымъ лицомъ и въ простомъ безыскусственномъ вооруженіи; я видѣлъ уже говорливую толпу одалисокъ, безпечно сидѣвшихъ подъ раскрытымъ шатромъ!... — Сѣровъ кончилъ импровизацію и я пробудился.—Вѣроятно вы уже имѣете либретто? спросилъ я его. — „Пока нѣтъ, но вѣдь вы знаете, милѣйшій, что я не отдамъ своего воображенія въ чужія руки..."—Что вы этимъ хотите сказать?— „То, что никто не будетъ писать для моей оперы либретто кромѣ меня: я композиторъ, я въ то же время и либреттистъ." Тутъ возбудился у насъ вопросъ о томъ, всегда ли долженъ музыкантъ изобрѣтать для себя либретто и заключается ли въ этомъ обязательное условіе для автора? Сѣровъ, подъ вліяніемъ Вагнеровскихъ тенденцій, утверждалъ, что иначе и быть не можетъ, я же былъ того мнѣнія, что часто этотъ принципъ бываетъ непримѣнимъ къ дѣлу. Кончилось тѣмъ, что Сѣровъ показалъ мнѣ нѣсколько листовъ сценаріума и просилъ меня заняться стиходѣйствомъ.—„Только не забудьте, милѣйшій, моей убѣдительной просьбы, не уклоняйтесь отъ тѣхъ мыслей и даже выраженій, которыя найдете въ моемъ манускриптѣ". Я обѣщалъ ему, и такъ мы разстались.

Мѣсяцъ спустя (23 іюня 1862 г.) онъ писалъ мнѣ въ отвѣтъ на посланную мною къ нему работу:

„Чрезвычайно благодарю васъ, милѣйшій, за *монологъ Юдиѳи.* Съ маленькими прибавками и передѣлками (которыя я уже и сдѣлалъ) все это пойдетъ въ дѣло. Текстомъ оперы вообще теперь надо заняться пристально, а потому выберите минутку, чтобы забѣжать ко мнѣ..."

[1]) Тогда у А. Н. не было даже фортепіано.

Съ этого времени началась дѣятельная работа, либретто создавалось быстро и сцена за сценою готовы были предстать на судъ публики; однако все еще никто не подозрѣвалъ того, что критикъ Сѣровъ могъ сдѣлаться композиторомъ. Я получалъ отъ него листы, на которыхъ были набросаны эскизы текста оперы, частію стихами, частію прозою, и изъ этихъ скороспѣлыхъ набросковъ долженъ былъ создавать ровный стихъ съ размѣрами подъ музыку и послѣдовательностью въ дѣйствіи. Иногда работа моя была совершенно безполезна, такъ какъ я уклонялся въ нѣкоторыхъ случаяхъ отъ сухихъ библейскихъ формъ, и Сѣровъ переиначивалъ мое изложеніе; но по большей части мнѣ удавалось держаться въ предѣлахъ его намѣреній, и онъ оставался доволенъ моею изобрѣтательностью. Впрочемъ, его стихи были иногда такъ искусны, что я даже усомнился разъ въ томъ, не имѣетъ ли онъ кромѣ меня еще другого сотрудника, что и выразилъ въ ближайшемъ письмѣ, посылая разработанную сцену. На это я получилъ отвѣтъ:

„Благодарю васъ *очень*, но и спѣшу разувѣрить васъ въ *заблужденьи.*—Вы знаете, что я неспособенъ обманывать?—Если стихъ *старателенъ*, это для меня изумительно: я эту сцену (какъ и сцену оргіи) съимпровизировалъ прямо, какъ вы ее читали, въ *одинъ часъ.*—Если тутъ вы замѣтили чужое прикосновеніе, то это для меня еще болѣе изумительно. Этой сцены *я никому*, кромѣ васъ, еще и нюхать не давалъ. Если что не по вкусу вамъ въ текстѣ этомъ, вините только одного автора, онъ же и композиторъ и виновникъ всей этой пятиактной чепухи. — Нѣтъ, не шутя, мнѣ кажется, что и эта сцена ни мало не хуже многихъ другихъ.—Монологъ Олоферна (начало III-го акта) и сцену убійства (конецъ IV-го) получите въ воскресенье. Затѣмъ конецъ и слава Еговѣ?“

И дѣйствительно, работа приближалась къ концу: нѣсколько монологовъ влекли за собою сцены, изъ нѣсколькихъ сценъ создавались акты, однимъ словомъ грунтъ оперы уже былъ почти готовъ и не было никакого сомнѣнія въ томъ, что перо выпадетъ изъ рукъ автора, а произведеніе останется неоконченнымъ. Меня радовало то, что и Сѣровъ сдѣлался болѣе увѣреннымъ въ своихъ силахъ, онъересталъ уже роптать на судьбу, вспоминать своихъ враговъ и все болѣе и болѣе предавался вдохновенію. Кому неизвѣстно, что въ періодъ творчества авторъ забываетъ весь міръ, онъ только и дышетъ своимъ произведеніемъ, онъ только и думаетъ объ немъ, имъ только онъ и живетъ; ложится ли спать, просыпается ли, мысли его всегда сосредоточены на одномъ предметѣ, и ничто уже болѣе его не занимаетъ, какъ только его любимое дѣтище, плодъ его фантазіи и труда. Даже ѣстъ и пьетъ онъ урывками, какъ будто пища сдѣлалась для него не столь необходима и нѣтъ времени на то, чтобы насыщать себя. Помню, разъ

мы много смѣялись, когда въ жару музыкальныхъ занятій, я, сидя за фортепіано, замѣтилъ, что Сѣровъ пьетъ кофе изъ пустой чашки; и такъ онъ былъ занятъ своими мыслями, что даже не могъ остановиться и съ булкой продолжалъ пить воздухъ. Какъ бы ни было, но опера создавалась и создавалась быстро; 7-го августа онъ писалъ ко мнѣ:

„Вотъ, сударь, вамъ на просмотръ окончательныя двѣ работки по тексту моей „Юдиѳи". Очень пріятно для меня будетъ, если вы и въ этихъ сценахъ найдете участіе какого-нибудь сторонняго стиходѣя..."—Далѣе онъ писалъ мнѣ о нѣкоторыхъ перемѣнахъ, которыя сдѣлалъ въ планированіи текста: „Въ сценѣ подвига (въ IV-мъ актѣ)—я взялъ въ молитву Юдиѳи слова изъ *молитвы 2-го акта*, ибо этой молитвы во 2-мъ актѣ *вовсе* не будетъ, пришлось оставить за штатомъ. Юдиѳь, конечно, очень *благочестивая* еврейка, но *двухъ молитвъ*, съ колѣнопреклоненіемъ, въ одной пьесѣ слишкомъ много. Театръ все-таки вѣдь не церковь [1]). Есть еще и другіе резоны, которые объясню при свиданіи.—Въ сценѣ подвига — тексту *немного*, но замѣтьте, что это квинтэссенція всей драмы (и узелъ ея и вмѣстѣ развязка). Мнѣ кажется, что тонъ библейскаго еврейства тутъ вышелъ довольно добропорядочно. Остальное дѣло—музыки, которая уже начинаетъ копошиться въ воображеніи. Оргія и эта молитва должны быть вѣнцомъ всего дѣла, оттого и обдѣлываю ихъ позднѣе..."

Между тѣмъ слухъ о новой оперѣ уже пролетѣлъ по городу; во всѣхъ уголкахъ музыкальнаго міра заговорили о Сѣровѣ и о томъ, какая опера можетъ быть создана имъ. Тогда еще враги его не могли стѣсняться въ злорѣчіи и открыто подсмѣивались надъ будущимъ композиторомъ; конечно, никто изъ нихъ не подозрѣвалъ, что потомъ придется краснѣть за свои грубыя выходки. Антагонизмъ противъ Сѣрова былъ ему отчасти полезенъ тѣмъ, что все болѣе и болѣе возбуждалъ любопытство массы; и дѣйствительно, всѣмъ интересно было знать, какимъ явится на дѣлѣ композиторомъ критикъ Сѣровъ, столь строгій и взыскательный къ другимъ. Оправдаетъ ли онъ себя и будетъ ли вѣренъ тому идеалу, который проводилъ въ своихъ статьяхъ. Положеніе Сѣрова, какъ автора, становилось дѣйствительно неловкимъ; ему было труднѣе выступить со своею оперою, чѣмъ кому-либо другому. Но, къ счастію, въ это тяжелое время судьба послала ему неожиданныхъ покровителей и друзей, которые поддержали въ немъ надежду на успѣхъ. Эти люди замолвили слово въ высшихъ сферахъ, а это уже много значило потому, что авторъ, на первыхъ порахъ, не потерялъ энергіи и продолжалъ свой трудъ. Первый актъ былъ совершенно оконченъ, и Сѣровъ предложилъ его просмотрѣть бывшему

---

[1]) Пародія на мои слова.

тогда капельмейстеру русской оперы Лядову; но Лядовъ, обремененный разными служебными занятіями, долго не давалъ никакого отвѣта, такъ что однажды Сѣровъ писалъ ко мнѣ: „Отъ К. Н. Л. ни слуху, ни духу! Участь моего перваго акта начинаетъ меня даже тревожить. Большое бы одолженіе сдѣлали мнѣ, если бы сами понавѣдались...“ Впрочемъ Сѣровъ, какъ человѣкъ впечатлительный, на одну минуту, вскорѣ совсѣмъ забылъ объ этомъ и продолжалъ еще съ бо́льшимъ рвеніемъ работу надъ остальными актами; а первый изъ нихъ такъ и считался въ безсрочной отлучкѣ. Наконецъ, 22-го августа 1862-го г. начатое дѣло приблизилось къ концу, и на радостяхъ Сѣровъ писалъ ко мнѣ; „Благодаренье Еговѣ и вамъ!—Либретто окончено вовсе. Маленькая остановка за музыкою (какъ извѣстно вамъ!—въ 4-мъ актѣ есть еще кое надъ чѣмъ серьезно поработать, остальное—дѣло чисто-механическаго прилежанія, усидчиваго нотописанія, часовъ по 12-ти въ день.) — Но это бы все ничего, — на дирекцію-то больно мало надежды.—У Ѳ-ва я еще не былъ—*куражу* не хватаетъ (развѣ подвыпить для храбрости?). Въ театрѣ былъ, но съ Лядовымъ не видался, онъ былъ захлопоченъ спектаклемъ, и я не хотѣлъ *мимоходомъ* сказать ему о такомъ важномъ для него и для меня дѣлѣ... Еще разъ приношу искреннѣйшую благодарность за сотрудничество...“

Наступила наконецъ другая эпоха, т.-е. время хлопотъ о возможно-скорѣйшей постановкѣ созданнаго произведенія. Всякій согласится, что въ этотъ періодъ авторъ переживаетъ самыя трудныя минуты своей жизни. Для Сѣрова эти минуты были исключительно тяжкими, потому, что онъ менѣе чѣмъ кто-либо другой имѣлъ надежду на успѣхъ. Кромѣ незначительнаго числа покровителей и друзей, *всѣ* болѣе или менѣе относились къ нему недовѣрчиво, даже и въ театральномъ мірѣ почти никто не ожидалъ, чтобы произведенія Сѣрова могли обогатить репертуаръ русской оперы. Всѣ смотрѣли на него какъ на диллетанта съ испорченнымъ вкусомъ и завиральными идеями. Изъ музыкантовъ по профессіи почти одинъ только покойный Кажинскій сочувственно относился къ *Юдиѳи*, и даже впослѣдствіи исполнялъ въ своемъ концертѣ отрывки изъ 3-го дѣйствія оперы; всѣ же другіе были въ сторонѣ отъ Сѣрова и ждали только минуты, когда онъ со своимъ произведеніемъ потерпитъ полнѣйшее фіаско. И въ эту эпоху тревогъ и недовѣрія къ самому себѣ онъ долженъ былъ еще приводить къ окончанію отдѣльныя части оперы, онъ оркестровалъ и перекладывалъ партіи для пѣвцовъ и хора. Нѣкоторые номера были отданы для исполненія оркестру въ Павловскѣ и стоило большихъ хлопотъ, чтобы вернуть ихъ обратно, безъ нихъ нельзя было представить музыку въ комитетъ капельмейстеровъ. Такого рода хлопоты я принялъ на себя, чтобы оставить Сѣрова въ покоѣ и дать ему время окончить оркестровку. Сѣровъ не терялъ послѣдней надежды

и уже приводилъ къ концу свою оперу; и вотъ судьба какъ будто сжалилась надъ нимъ—петербургская дирекція стала внимательнѣе къ его домогательствамъ. Казалось, что безъ всякихъ протекцій, само произведеніе пробило себѣ дорогу на театральныя подмостки, и опера ступила уже одною ногою на сцену. Такимъ образомъ, въ письмѣ ко мнѣ отъ 11-го сентября, Сѣровъ сообщилъ: „Я видѣлся сегодня съ П. С. Ѳ-ымъ, онъ заявилъ мнѣ, что либретто мое уже вышло съ одобреніемъ изъ театральнаго (драматическаго) комитета, и по заведенному порядку, передано въ цензуру III-го Отдѣленія (завтра туда отправляюсь, чтобы узнать, не встрѣтилось ли закорючки со стороны церковности сюжета; впрочемъ не думаю). Пора представить въ дирекцію и музыку... былъ я и у Кажинскаго сегодня. Заявилъ ему, что, быть можетъ, придется дирижировать разучиваніемъ и исполненіемъ оперы, къ которой онъ имѣетъ уже *симпатію*. Онъ хотя высказалъ мнѣ, что это будетъ необыкновенно *трудно уладить*, чтобы его назначили, хотя и выразилъ свои опасенія, что его заѣдятъ вслѣдствіе такого remue-ménage, но видимо между тѣмъ *польщенъ*, — и, еслибы такъ случилось, опера моя выиграетъ отъ этого *чрезвычайно*, — больше чѣмъ на 50 процентовъ.... Вы видите, что теперь я никакъ не заслуживаю упрековъ. Кажется не „дремлю“ и не „мямлю“ [1]. Дай Богъ, чтобы и отъ васъ эти глаголы были подальше“.

Затрудненія на счетъ постановки оперы мало-по-малу исчезали, приходилось дожидаться только того времени, когда Юдиѳь будетъ окончательно принята на сцену. Наконецъ 20-го сентября 1862-го г. А. Н. увѣдомилъ меня: „....мы переполошили, писалъ онъ, всю дирекцію театральную. Отъ *министра двора есть оффиціальный приказъ*: заняться постановкою „Юдиѳи“ не теряя *ни дня*. Какъ видите, дѣло пошло не на шутку. Оказывается на практикѣ, что я, хотя и кабинетная крыса а, *когда надобно*, то съумѣю себѣ и дорожку протоптать. *На радостяхъ* (не могу думать, чтобы извѣстіе и для васъ не было пріятнымъ) не поскучайте моимъ порученьицемъ. Достаньте непремѣнно въ воскресенье ноты мои изъ Штраусова оркестра, я поручалъ это Б., но нѣмцы въ дѣлѣ чужомъ—страшныя мямли, притомъ „Петеръ“, отъ котораго вы тогда не могли добиться толку, Б-му приказчику объявилъ, что вручитъ музыку Сѣрова *только тому* молодому человѣку, который являлся уже въ Павловскъ съ этимъ порученьемъ. Мнѣ совѣстно, что я такъ нахально возлагаю на васъ эту коммиссію, но медлить право *невозможно*. Дѣло кипѣть должно. Я и самъ поѣхалъ бы, но *каждая минута моя* теперь идетъ на сцену *оргіи* и *убійства* [2]). Иначе.... бѣда! Итакъ — спасите!“

---

[1]) Пародія на мои слова.

[2]) Тогда А. Н. занятъ былъ 4-мъ актомъ.

Скоро начались спѣвки хора; солисты, особенно Біанки и Саріотти съ особеннымъ стараніемъ разучивали свои партіи, первая подъ руководствомъ автора у себя на дому, а второй въ квартирѣ Сѣрова. Въ началѣ мая 1863-го г. состоялись пробы съ оркестромъ, а 16-го числа того же мѣсяца Юдиѳь дана была въ первый разъ на Маріинскомъ театрѣ съ большимъ успѣхомъ. Вслѣдъ затѣмъ почти во всѣхъ періодическихъ изданіяхъ появился цѣлый рядъ рецензій *pro* и *contra* Юдиѳи, а потому говорить теперь о достоинствахъ этого произведенія совершенно безполезно, такъ какъ уже оно разобрано и оцѣнено публикою, которая всегда есть лучшій судья для автора, и потому теперь я долженъ только сказать нѣсколько словъ о Юдиѳи по отношенію этой оперы къ послѣдующимъ, т.-е. указать параллель или степень развитія и упадка дарованія автора.

Извѣстно, что каждый художникъ въ періодъ своей артистической дѣятельности создаетъ одно произведеніе, которое, по обилію красокъ и сочности вдохновенія, затмѣваетъ все прочее. Такъ точно и Юдиѳь должно отнести къ лучшему періоду творчества Сѣрова, къ тому времени, когда онъ находился еще вѣренъ принципамъ, почерпнутымъ изъ исторіи искусства, т.-е. отъ критическаго анализа великихъ композиторовъ, особенно Глука и Мейербейера. Въ его памяти твердо еще сохранялись образцы великихъ мастеровъ со своими законченными, единичными, нераспадающимися частями, онъ постигалъ цѣлость поэтическаго произведенія; и вотъ почему въ Юдиѳи мы видимъ такую строгую послѣдовательность изложенія и типичность дѣйствующихъ лицъ съ совершенно правильнымъ и логичнымъ веденіемъ драмы. Не то усматривается въ другихъ операхъ, особенно въ Рогнѣдѣ. Тамъ мы видимъ разрозненность формъ, отсутствіе драмы или рядъ сценъ болѣе или менѣе эффектныхъ, но сшитыхъ иногда бѣлыми нитками и неимѣющихъ никакого общаго интереса. Рогнѣда и всѣ окружающія ее лица выходятъ на театральныя подмостки, говорятъ, плачутъ, веселятся, рѣжутся и все это происходитъ какъ-то безсвязно, будто у автора и не было даже желанія сочинить пьесу съ болѣе или менѣе раціональнымъ веденіемъ дѣйствія; тамъ нѣтъ ни завязки, ни развязки, т.-е. нѣтъ интереса поэтическаго, который бы долженъ былъ увлекать зрителя и заставить его сочувственно отнестись къ той эпохѣ, которая изображается на театрѣ. А между тѣмъ собственно музыкальная часть Рогнѣды обращаетъ на себя вниманіе слушателя, и вчужѣ становится жалко, что такъ много потрачено красокъ на такую плохую канву или безтолково-изобрѣтенный текстъ. Въ то время, когда сочинялась Рогнѣда, Сѣровъ былъ окруженъ людьми, видѣвшими только достоинство въ такъ-называемой драмѣ бытовой, хотя эти люди не подозрѣвали даже, что и эта форма драматическаго произведенія необходимо должна имѣть строгую послѣдовательность и

цѣлесообразность. Не мудрено, что Сѣровъ, подъ вліяніемъ подобныхъ мнѣній, уклонился отъ своихъ взглядовъ на искусство и забылъ даже своего обожаемаго Шекспира, отъ котораго онъ почерпалъ образцы драмы.

Дм. Лобановъ.

КАМАРИНСКАЯ ВЪ „РУССКОМЪ ВѢСТНИКѢ“

исполненная «Русскимъ гражданиномъ».

Въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ редакція этого журнала отвела—не знаемъ, временно или постоянно—особое мѣсто для сооруженія литературнаго балагана. По обычаю нашихъ балагановъ, заглавіе первой поставленной на сцену пьесы придумано тоже по балаганному рецепту,—и такимъ образомъ въ pendant къ „Войнѣ съ Кабардинцами“, „Взятію Ахалцыха“ и т. п., г. Катковъ объявилъ у себя небывалое зрѣлище подъ заглавіемъ: „Митральеза въ войнѣ за реальное образованіе“. Для главной роли былъ выписанъ Пьерро изъ Петербурга, который явился на сцену подъ именемъ „Русскаго гражданина“(??), и „откололъ“ на двухъ печатныхъ листахъ журнала новую „Камаринскую“, имъ же сочиненную и нынѣ выполненную публично подъ редакціею г. Каткова такъ, какъ только можно ожидать отъ извѣстнаго камаринскаго героя, при его тріумфальномъ шествіи изъ трактира въ погребокъ.

Заманчивое заглавіе своей пьесы „русскій гражданинъ“ объясняетъ публикѣ слѣдующимъ образомъ въ своемъ прологѣ:

„1-го апрѣля, въ 9 часовъ утра, было то чудное мгновеніе, когда солнце озарило Россію, и не только Русь, но и вселенную (итакъ, по міросозерцанію новаго героя Камаринской, Россія подраздѣляется на Русь и вселенную)! № 4-й „Вѣстника Европы“ появился и въ немъ статья: „Наканунѣ реформъ въ народномъ просвѣщеніи“, помѣченная именно въ день ея появленія, то-есть 1-мъ апрѣля 1871-го года, дабы міръ не могъ усомниться ни въ ея современности, ни въ ея истинѣ! Все что до этого чуднаго мгновенія писалось и читалось въ защиту общеобразовательныхъ гимназій, въ пику классическимъ, было бранчиво, было остроумно, было проникнуто патріотизмомъ, было и свѣтло и убѣдительно, но страдало однимъ недостаткомъ: какою-то робостью. 1-го же апрѣля явилась *митральеза* (отсюда и названіе упомянутой пьесы) въ „Вѣстникѣ Европы“. Раненыхъ и убитыхъ классиковъ полны были улицы сѣверной столицы (самъ „русскій гражданинъ“ уцѣлѣлъ вѣроятно только потому что ничего не смыслитъ ни въ латинскомъ, ни въ греческомъ языкѣ); въ классическихъ гимназіяхъ рвали себѣ волосы, били себя въ грудь какъ во дни плѣненія Вавилонскаго,

матери лобызали дѣтей своихъ и обливая ихъ слезами восторга, скакали и играли, и въ „Вѣстникѣ Европы“ встрѣчали новаго мессію, пришедшаго избавить дѣтей ихъ отъ смерти и тлѣнія“.

Но всему этому гаерству и остроумничанью далеко не конецъ: это только цвѣтки, а вотъ и ягодки, въ родѣ волчьихъ:

„А въ кружкахъ солидныхъ, тамъ гдѣ дѣти уже легли спать, милые супруги, отходя ко сну, или глубокомысленный мыслитель другому мыслителю, не менѣе глубокомысленному, говорили такъ: „А кто писалъ эту статью въ „Вѣстникѣ Европы“, какъ ты думаешь? Вотъ видно умный, а главное современный человѣкъ“. Мужъ отвѣчаетъ женѣ, и мыслитель мыслителю: „Еще бы! я одного только не понимаю: какъ такого человѣка не назначатъ въ министры народнаго просвѣщенія; все у насъ кричатъ: людей нѣтъ, людей нѣтъ! Помилуйте, какъ нѣтъ? Вотъ они люди. Былъ бы я на мѣстѣ Государя, я сейчасъ послалъ бы узнать, кто писалъ эту статью, и его сію же секунду назначилъ бы министромъ“.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ одно майское утро, когда появилась эта балаганная пьеса въ Москвѣ, многіе говорили такъ: „Былъ бы я на мѣстѣ домашняго доктора этого „русскаго гражданина“, я сейчасъ устроилъ бы его въ сумасшедшій домъ, а по излеченіи рекомендовалъ бы его въ Петербургѣ г. Малафѣеву для будущаго его каменнаго народнаго театра.

Послѣ этого quasi-юмористическаго пролога, гдѣ авторъ доказалъ, что онъ „дурачится смѣшно“, ему пришло въ голову посерьезничать, но оказалось, что онъ и „серьезничаетъ глупо“.

Не будучи, по собственному его сознанію (стр. 718) гуманистомъ, т.-е. человѣкомъ классическаго образованія, онъ рѣшился поставить на балаганные подмостки вопросъ о значеніи классицизма, а между фигурами своей Камаринской, въ минуту отдыха, рискнулъ преподать публикѣ свой высшій „взглядъ и нѣчто“ о европейской высшей цивилизаціи.

„Куда идетъ Европа, откуда она выходитъ? вотъ вопросъ — такъ восклицаетъ „русскій гражданинъ“. Отвѣчать разомъ, взирая на Европу огуломъ (совершенно новый способъ воззрѣнія: можно считать огуломъ, но взирать огуломъ не всякій можетъ), нельзя, потому что Европа не стадо барановъ (огромное открытіе!). Въ ней очень рельефно все общество людей раздѣляется на три главныя массы. Первая масса — люди высшихъ профессій и высшаго образованія, вторая — люди среднихъ (промышленныхъ) профессій и третья — люди начальнаго образованія. Затѣмъ остается *разбродъ*, пролетаріи всякаго рода“.

Итакъ, общество людей въ Европѣ раздѣляется, по словамъ автора на три главныя массы, а на дѣлѣ оказывается у него же четыре массы; но нашъ статистикъ остается при своей логикѣ: онъ сказалъ, что общество *людей* дѣлится на три массы, а потому всякій долженъ понимать, что масса, оставшаяся внѣ тѣхъ трехъ классовъ, состоитъ уже не изъ людей: это — разбродъ, пролетаріи.

„Пролетаріи, что это значитъ? спросятъ насъ (т.-е. сочинителя „Митральезы"). Увы! да простятъ намъ наши реалисты нашу дерзость (успокойтесь, „русскій гражданинъ", — дерзости тутъ нѣтъ никакой; тутъ одно только круглое невѣжество), къ этой-то категоріи принадлежатъ такъ-называющіе себя *современные люди всѣхъ націй, всѣхъ положеній, всѣхъ сословій*". Это люди безъ твердыхъ въ себѣ основъ; образованіе ихъ было недодѣлано и т. д.

И такое опредѣленіе даетъ пролетаріату человѣкъ, принявшій на себя, хотя и въ балаганной формѣ, защиту классицизма, и не подозрѣвающій, что слово: *пролетарій* — латинское, и одна этимологія его показываетъ, что въ понятіе „пролетарія" не входятъ ни „твердыя въ себѣ основы", ни „недодѣланное образованіе". Можно быть пролетаріемъ, имѣя самое „додѣланное образованіе" и „самыя твердыя въ себѣ основы", но не владѣя никакимъ имуществомъ, которое бы приносило доходъ, и никакимъ капиталомъ, при помощи котораго можно было бы открыть промыселъ. Въ переносномъ смыслѣ, умственнымъ пролетаріемъ можно назвать, напримѣръ, автора „Митральезы", такъ какъ онъ, очевидно, не владѣетъ достаточными познаніями, чтобы серьезно толковать о чемъ-нибудь, да и капитала мысли у него нѣтъ, чтобъ было пустить что въ оборотъ.

Но нашъ умственный пролетарій не ограничился только тѣмъ, что взялъ на себя трудъ объяснить значеніе пролетарія: онъ пошелъ дальше, и съ своей статистической точки зрѣнія глубокомысленно воскликнулъ:

„Задумывается и осуществляется такой проектъ воспитанія юношества въ Россіи, благодаря которому *высшее образованіе* будетъ основанѣ *только* на гимназическомъ классическомъ или серьезномъ подготовленіи (а Лицей, Училище Правовѣденія, Технологическій Институтъ, Медицинская Академія?), а *среднее образованіе* получитъ значеніе только подъ условіемъ его приложимости къ практической жизни. Средняго между сими двумя, то-есть того образованія, которое должно воспитывать или *Тентетниковыхъ* или *нигилистовъ* не будетъ! Время, когда проектъ такого серіознаго образованія для русскаго юношества поступаетъ на разсмотрѣніе государственнаго совѣта, есть тотъ моментъ, когда невѣжество въ извѣстныхъ слояхъ нашего мыслящаго общества, съ одной стороны, начинаетъ устрашать другую часть этого общества, а съ другой стороны, довело многихъ изъ пишущей нашей братьи до послѣднихъ предѣловъ распущенности мысли (писанія „русскаго гражданина" — лучшее тому доказательство!). Все, что, ничему серіозно не учившись, люди могли высказать при цензурныхъ преградахъ, все то у насъ было высказано въ печати; начиная съ Бюхнера и кончая Чернышевскими и Помяловскими, всѣ мыслители перебывали царями русской мысли, всѣ были украшены вѣнцами мудрости и безсмертія. Горячка и бредъ, дойдя до послѣдней степени, начинаютъ затихать, но болѣзнь осталась, и не сегодня такъ завтра умственной жизни въ Россіи угрожалъ періодъ постепеннаго нравственнаго растлѣванія, еслибы многіе изъ насъ (въ томъ числѣ и „русскій гражданинъ"?) не опомнились."

Что нашъ бѣдный „классикъ“ не понимаетъ латинскаго слова *пролетарій*, это еще не удивительно; но онъ наконецъ не понимаетъ и русскихъ словъ. *Среднее* образованіе у него является чѣмъ-то лежащимъ на краю, откуда нѣтъ дальше дороги. Но тотъ, кто пожертвуетъ своимъ временемъ и рѣшится прочесть отъ начала до конца всю эту дребедень и путаницу въ терминологіи и въ идеяхъ, тотъ въ концѣ концевъ увидитъ, что сочинителю хотѣлось только замаскировать самыя дрянныя поползновенія и инстинкты самаго грязнаго свойства. Зарапортовавшись въ другомъ мѣстѣ (стр. 741), сочинитель, самъ того не подозрѣвая, сорвалъ съ себя маску и выдалъ свое настоящее имя: „Экій крѣпостникъ я въ самомъ дѣлѣ“!... Но зачѣмъ же было называть себя „русскимъ гражданиномъ“, когда слѣдовало подписаться: „Русскій крѣпостникъ“. Или можетъ быть у автора такіе же своеобразныя понятія о „пролетаріѣ“, какъ и о новѣйшемъ „гражданинѣ“, и подъ „гражданиномъ“ въ наше время онъ разумѣетъ тоже, что разумѣли римляне подъ словомъ „civis“, который у римлянъ былъ вмѣстѣ и рабовладѣтелемъ? Живи Пушкинъ въ наше время и прочти онъ эту „Митральезу“, — онъ навѣрное не согласился бы назвать ограниченнаго и полуграмотнаго ея сочинителя ни „сыномъ отечества“, ни „русскимъ гражданиномъ“! Во всякомъ случаѣ, сему господину было бы приличнѣе во избѣжаніе экивока, наименовать себя „русскимъ ситойеномъ“.

Типъ такого „русскаго ситойена“ изображенъ весьма вѣрно въ той же самой апрѣльской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“, въ статьѣ кн. В. П. Мещерскаго: „Россія подъ перомъ замѣчательнаго человѣка“. Тамъ выводится на сцену графъ Прокопій, который „родился въ одинъ изъ годовъ нынѣшняго столѣтія и родился благополучно; родившись кушалъ молоко отъ кормилицы, кричалъ много и очень рано сталъ подавать великія надежды. Впрочемъ до 12-лѣтняго возраста ничего особеннаго не происходило съ молодымъ графомъ Прокопіемъ. Перебывало много гувернантокъ, а потомъ гувернеровъ, и къ началу тринадцатаго года, вслѣдствіе всего этого, юный графъ умѣлъ читать по-французски очень хорошо, по-нѣмецки отлично, по-русски съ грѣхомъ пополамъ, думать же онъ умѣлъ только по-французски. Потомъ началось серьезное воспитаніе. Оно продолжалось до 17-ти лѣтъ, въ стѣнахъ какого-то корпуса, потомъ какого-то лицея, потомъ опять какого-то корпуса... Графъ Прокопій, окончивъ свое воспитаніе, былъ офицеромъ гвардіи и слѣдовательно полноправнымъ *гражданиномъ*.... Онъ читалъ книги иногда даже съ удовольствіемъ, но съ толкомъ рѣдко, говорилъ по-русски съ товарищами по полку, и, несмотря на корнетскій чинъ, сиживалъ въ театрахъ въ первомъ ряду креселъ, гдѣ въ антрактахъ балета или оперы, подъ впечатлѣніемъ спектакля и болѣе или менѣе оживленныхъ разговоровъ о предметахъ серьезныхъ, смутно подумывалъ о Россіи и какъ будто представлялъ себя въ до-

вольно интимныхъ съ нею отношеніяхъ"... Потомъ этотъ господинъ объѣхалъ Россію въ 17 дней, написалъ соотвѣтственныя своему умственному развитію путевыя замѣтки, которыя кн. В. П. Мещерскій взялъ на себя трудъ издать въ свѣтъ съ цѣлью „способствовать къ развитію науки отечествовѣдѣнія". Можно себѣ представить, послѣ рекомендаціи графа Прокопія со стороны издателя его писемъ, что́ за ералашъ въ письмахъ этого графа о Россіи, „представлявшаго себя въ довольно интимныхъ отношеніяхъ съ нею"? Мы склонны думать, что графъ Прокопій сдалъ кн. В. Мещерскому не всѣ свои произведенія, и главное изъ нихъ, а именно „Митральезу" самъ непосредственно препроводилъ въ редакцію „Русскаго Вѣстника" и подписался „русскимъ гражданиномъ", такъ какъ, по свидѣтельству того же кн. В. Мещерскаго, онъ „былъ офицеромъ гвардіи и слѣдовательно полноправнымъ гражданиномъ"; на классическое же образованіе этотъ графъ Прокопій имѣетъ очевидныя притязанія, такъ какъ вы у него встрѣтите и латинскія пословицы, въ родѣ: errare humanum est! и въ концѣ письма проставляется—Vale! Если ему могло притти въ голову, послѣ 17 дневнаго объѣзда Россіи, написать замѣтки о Россіи, „напоминающіе собою, вѣроятно, по ироническому выраженію кн. В. Мещерскаго, замѣтки Токвилля объ Америкѣ", — то почему же этому „полноправному гражданину" не написать было о значеніи классическаго образованія, съ которымъ онъ, побывавъ въ лицеѣ, могъ также представить себя „въ довольно интимныхъ отношеніяхъ"?

Но графъ Прокопій въ своемъ правѣ: онъ сѣлъ и написалъ нелѣпый этюдъ о Россіи; какъ же было ему не сѣсть и не написать статью о классицизмѣ; но какова та редакція журнала, которая усмотрѣла въ этой статьѣ литературную опору и доводы въ пользу исключительнаго преобладанія классицизма и утвержденіи у насъ средняго образованія, которое въ тоже время не было бы среднимъ, а окончательнымъ для огромнаго большинства русскаго общества?! Объ этомъ пусть судитъ читатель, какъ вѣроятно онъ найдетъ возможнымъ судить и о качествахъ „русскаго ситойена"; мы показали уши и хвостъ его статьи, кто же послѣ этого затруднится представить себѣ по этимъ даннымъ безобразную фигуру цѣлаго [1]). А.

---

[1]) Намъ кажется, что вся сія огромная статья «Русскаго гражданина» была написана для нѣсколькихъ строкъ, которыми сочинитель заключаетъ ее съ развязностью коломенскаго монтера: «Батюшка! — такъ обращается къ намъ графъ Прокопій — вы, которые такъ горячо стоите за образованіе народа, такъ хорошо знаете (?) предилекцію военнаго вѣдомства къ реальному образованію, ну что бы вамъ стоило молвить словечко о томъ, напримѣръ, какъ хорошо было бы изъ 160 мил. въ годъ военнаго бюджета, ну.... хоть миллiоновъ пятокъ удѣлить, любви къ русскому народу ради, на его образованіе.» — Батюшка, скажемъ и мы графу Прокопію, а что, если и этотъ-то пятокъ миллiоновъ уйдетъ на контроль и на инспекцію?!

ИЗВѢСТІЯ.

Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Общее собраніе 11-го апрѣля 1871-го года.

По открытіи собранія былъ прочтенъ слѣдующій отчетъ секретаря: „Мм. гг. Въ теченіе первыхъ трехъ мѣсяцевъ настоящаго года дѣятельность комитета Общества выразилась въ слѣдующемъ:

22 лицамъ или семействамъ оказаны единовременныя пособія въ размѣрѣ отъ 20 до 300 р., въ томъ числѣ: одному выдано 300 р., одному 150 р., одному 120 р., четыремъ по 100 р., двумъ по 75 р., одному 55 р., четыремъ по 50 р., одному 40 р., одному 35 р., четыремъ по 25 р., одному 20 р., и на пріобрѣтеніе книгъ для одного писателя употреблено 83 р. 50 к. Кромѣ того выслано въ харьковскій университетъ 120 р. на выдачу пособія бѣднѣйшимъ студентамъ.

За воспитаніе пасынка одного писателя въ гимназію уплачено 150 р.; въ уплату за слушаніе лекцій въ гимназіяхъ двумя молодыми людьми выдано 40 р., и назначено къ отпуску, въ теченіе полугода, по 15 р. въ мѣсяцъ за воспитаніе сына одного покойнаго археолога.

Въ ссуду выдано: одному лицу 85 р., одному 500 р. и одному 300 руб.

Сверхъ этихъ денежныхъ пособій, комитетъ, при посредствѣ своихъ членовъ, содѣйствовалъ одному писателю въ напечатаніи сдѣланнаго имъ перевода и ходатайствовалъ о скорѣйшемъ назначеніи пенсіи одной вдовѣ за службу ея мужа и о принятіи дочери другой вдовы въ учебное заведеніе.

Ходатайства 24-хъ лицъ отклонены по слѣдующимъ причинамъ: 1) Девяти—потому, что они не удовлетворяютъ условіямъ § 5 устава Общества. 2) Трехъ—потому, что къ увеличенію размѣровъ выданныхъ имъ пособій не представлялось правильныхъ основаній. 3) Одного — о печатномъ разборѣ его сочиненій—потому, что комитетъ не призванъ къ подобнаго рода дѣятельности. 4) Семи — потому, что они, по своимъ литературнымъ трудамъ, не имѣютъ права на частую помощь со стороны Общества. 5) Двумъ — потому, что они пользуются уже значительною пенсіею отъ правительства. 6) Одного—потому, что въ виду комитета нѣтъ мѣста, которое могъ бы занять проситель. 7) Одного — обезпеченнаго въ средствахъ къ жизни—потому, что Общество учреждено съ цѣлью вспомоществованія литераторамъ и ученымъ или ихъ семействамъ, въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда они находятся въ невозможности содержать себя собственными трудами. 8) Пять ходатайствъ еще не разсмотрѣны, по неполученію нужныхъ для разрѣшенія ихъ свѣдѣній.

Нижеслѣдующимъ лицамъ объявлена благодарность Общества за содѣйствіе ихъ комитету, или за сдѣланныя ими пожертвованія въ пользу Общества:

А. Н. Островскому, А. А. Потѣхину, Я. Я. Фейгину, И. Д. Делянову, Т. И. Музыкантову, Н. Х. Бунге, А. Н. Сомову, М. М. Стасюлевичу, Н. А. Некрасову, М. С. Каханову, П. П. Иванову, А. Н. Аѳанасьеву, А. Ѳ. Базунову, С. В. Звонареву, Я. А. Исакову, Д. Е. Кожанчикову, А. А. Черкесову".

Послѣ того секретарь, за болѣзнью казначея, доложилъ *отчетъ казначея съ 1-го января по 1-е апрѣля 1871-го года.*

Изъ отчета этого видно, что къ 1-му января состояло въ кассѣ 52,044 р., въ томъ числѣ: процентными бумагами 51,600 р., наличными деньгами 444 р.

Съ 1-го января по 1-е апрѣля записано на приходъ 20,492 р. 74 к., въ томъ числѣ: а) *дѣйствительнаго дохода:* 1) взносы 130 членовъ Общества 2,889 р.; 2) отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Великаго Князя Владиміра Александровича и Великой Княгини Елены Павловны 400 р.; 3) отъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1,000 р.; 4) единовременно пожертвовано 5 лицами 448 р.; 5) процентныя деньги отъ редакціи „Отечествен. Записокъ" 59 р. 10 к. и „С. Петербургскихъ Вѣдомостей" 100 р. за 1870 г. всего 159 р. 10 к.; 6) продана брошюра, пожертвованная Обществу за 40 к.; 7) сборъ съ литературныхъ чтеній А. Н. Островскаго и А. А. Потѣхина 289 р. 76 к.; 8) проценты съ капитала, по купонамъ 1-го января, 1-го и 20-го марта 1,086 р. 56 к.; 9) проценты по текущему счету за 1870-й годъ 88 р. 59 к. Всего 6,371 р. 41 к. — б) *По оборотнымъ операціямъ* записаны на приходъ: вырученные продажею 52-хъ акцій Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ 7,081 р. 33 к., и вновь куплено консолидированныхъ облигацій второго выпуска по нарицательной цѣнѣ 7,040 р. — Всего на 14,121 р. 33 к.

Съ 1-го января по 1-е апрѣля выписано въ расходъ 17,684 р. 72 к., въ томъ числѣ: а) *дѣйствительно израсходовано*: 1) пенсіи 13 лицамъ 998 р.; 2) ссуды 3 лицамъ 885 р.; 3) продолжительное пособіе 1 лицу 100 р.; 4) единовременное пособіе 28 лицамъ 1,625 р. 80 к.; 5) пособіе на воспитаніе 8 лицъ 352 р.; 6) ректору с.-петербургскаго университета, для уплаты за слушаніе лекцій 10 нуждающимися студентами, 250 р.; 7) государственному банку за храненіе процентныхъ бумагъ 3 р. 70 к.,—всего 4,217 р. 20 к. — б) *По оборотнымъ операціямъ* выписано въ расходъ: проданныя 52 акціи Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, нарицательною цѣною на 6,500 р., и заплаченные при покупкѣ консодилированныхъ облигацій второго выпуска нарицательно на 7,040 метал. руб. по курсу 6,967 р. 52 к., всего 13,467 р. 52 к. Къ 1-му апрѣля состоитъ въ кассѣ 54,852 р. 2 к., въ томъ числѣ: процентными бумагами 52,140 р., на текущемъ счету 2,400 р., наличными деньгами 312 р. 2 к.

Единовременныя пожертвованія приняты: 1) Я. Я. Фейгина—200 р.; 2) неизвѣстнаго, черезъ редакцію „Вѣстника Европы"—183 р.; 3) неизвѣстнаго черезъ П. В. Анненкова, — 10 р.; 4) Л. Н. Симонова— 50 р.; 5) С. Д. Арсеньевой — 5 р., всего 448 руб.

Въ заключеніе произведена баллотировка лицъ, предложенныхъ въ члены Общества, причемъ выбраны единогласно:

Иванъ Петровичъ Лѣсниковъ, Валентинъ Игнатьевичъ Сазиковъ, Иванъ Андреевичъ Петровъ, Петръ Евграфовичъ Ковалевскій, Лаврентій Марьевичъ Броссе, Николай Дмитріевичъ Бенардаки, Але-

ксандръ Владиміровичъ Креницынъ, Александръ Петровичъ Пятковскій и Викторъ Никитичъ Никитинъ.

Кромѣ того приняты въ члены безъ баллотировки:

Александра Васильевна Плетнева, Любовь Исаковна Стасюлевичъ, Евдокія Павловна Сазикова.

Чрезвычайное общее собраніе 11-го апрѣля 1871 г.

Собраніе, созванное для обсужденія предположеній комитета Общества по возбужденному ревизіонною коммиссіей вопросу объ обращеніи 500 р., отпускавшихся въ с.-петербургскій университетъ для уплаты за слушаніе лекцій бѣднѣйшими студентами, въ непосредственное пособіе студентамъ, принявъ во вниманіе заявленіе В. Ѳ. Корша о необходимости имѣть, предварительно разрѣшенія этого вопроса, свѣдѣнія о судьбѣ тѣхъ студентовъ, которые пользуются означеннымъ пособіемъ Общества, въ случаѣ обращенія этого пособія въ стипендію, положило:

1) предоставить комитету войти по этому предмету въ сношеніе съ ректоромъ университета, отъ котораго зависитъ или освободить помянутыхъ студентовъ отъ платы за слушаніе лекцій, или обратить эту плату на другіе источники, и —

2) слѣдующіе къ высылкѣ въ августѣ мѣсяцѣ 250 руб., въ уплату за слушаніе лекцій во второе полугодіе, равно какъ и въ первое полугодіе 1872 года, не высылать въ университетъ впредь до разрѣшенія предложеннаго выше вопроса въ годовомъ собраніи Общества 2-го февраля 1872 г., о чемъ и увѣдомить ректора, для зависящихъ съ его стороны распоряженій.

Отъ редакціи. — На запросъ новыхъ подписчиковъ, гдѣ можно пріобрѣсть отдѣльное изданіе первыхъ трехъ частей романа «Большая Медвѣдица», имѣемъ честь сообщить, что право отдѣльнаго изданія принадлежитъ не намъ, а автору, который, вѣроятно, напечатаетъ свой романъ особо не иначе, какъ по заключеніи пятой и послѣдней части, осенью нынѣшняго года.

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ

ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

МАЙ — ІЮНЬ, 1871.

Книга пятая. — Май.

Книга шестая. — Іюнь.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Исторія царствованія императора Александра I и Россіи въ его время. Сочиненіе автора Исторіи отечественной войны 1812 года. Т. V и VI. Спб. 1871. Стр. 530 и 523; прилож. стр. 98 и 140. Ц. 5 руб.

Послѣдніе два тома обширнаго труда М. И. Богдановича обнимають собою самую интересную эпоху царствованія Александра I съ 1814 года и до кончины императора. Внутренняя исторія Россіи занимаетъ въ этихъ двухъ томахъ видное мѣсто; но авторъ по прежнему заботится главнымъ образомъ о томъ, чтобы ограничивать свои сужденія и доводы достовѣрными фактами, и у него факты говорятъ за себя сами; этотъ пріемъ вѣренъ, но всеже историкъ не долженъ забывать, что «достовѣрное» никакъ не можетъ быть принимаемо за синонимъ «оффиціальнаго». Въ шестомъ томѣ обращаетъ на себя вниманіе изложеніе дѣйствій тайныхъ обществъ, съ 1816 по 1825-й годъ, такъ какъ оно въ первый разъ составлено на основаніи подлинныхъ дѣлъ слѣдственной коммиссіи 1826 года. Изъ внѣшнихъ событій укажемъ на весьма обстоятельное описаніе дѣйствій генерала Ермолова на Кавказѣ, вмѣстѣ съ подробною картою Кавказа, для объясненій текста. Такіе обширные труды, какъ настоящій, не всегда у насъ благополучно достигаютъ окончанія, и потому почтеннаго автора можно привѣтствовать за настойчивость и энергію, съ которою онъ преслѣдовалъ свое дѣло. Одно собраніе фактовъ въ предметѣ новомъ представляетъ большую заслугу, и мы увѣрены, надежда автора на то, что «собранные имъ факты послужатъ въ пользу искусному художнику», не обманетъ его.

Финансовое управленіе и финансы Пруссіи. А. *Заблоцкаго-Десятовскаго.* Два тома. Спб. 1871. Стр. 558 и 548. Ц. р.

Настоящій трудъ находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о пересмотрѣ у насъ системы податей и сборовъ. Образцовое прусское хозяйство, основанное по конституціи на равноправности всѣхъ подданныхъ въ отношеніи податей и на участіи плательщиковъ въ изданіи финансовыхъ законовъ и въ раскладкѣ податей, обратило на себя преимущественное вниманіе нашей податной коммиссіи, и А. П. Заблоцкій, благодаря обширнымъ средствамъ, которыя находились въ его распоряженіи, и своей собственной финансовой опытности и обширнымъ познаніямъ, составилъ, по порученію министра финансовъ, самую подробную и обстоятельную картину какъ современнаго положенія прусскихъ финансовъ, такъ и его историческаго развитія. Нашимъ читателямъ знакомо общее обозрѣніе исторіи финансовъ въ Пруссіи, извлеченное изъ перваго тома этого труда въ апрѣльской книжкѣ журнала. А въ результатѣ изученія современнаго положенія прусскихъ финансовъ оказалось, что господствующая мысль, будто равновѣсіе въ бюджетѣ есть мѣрило финансоваго положенія страны, — совершенно не основательна, и въ виду прусскаго хозяйства, авторъ утверждаетъ, что «финансовое искусство состоитъ не въ томъ, чтобы въ данное время умѣть достать тѣмъ или другимъ способомъ деньги; оно состоитъ въ умѣньи распредѣлять налоги съ возможною правильностью, собирать ихъ и расходовать съ возможною экономіею; наконецъ, вести управленіе такъ, чтобы въ немъ господствовали честность, справедливость и порядокъ». Мы еще разъ возвратимся къ этому замѣчательному труду, чтобы познакомить читателей съ его любопытными и назидательными подробностями.

Практическое изученіе французскаго языка, по методѣ *Олендорфа.* Сост. и изд. Л. Герцбергъ. Спб. 1871. Съ ключемъ къ практическому изученію французскаго языка. Ц. 1 р. 25 к.

Наша школьная система мало пользуется новыми языками, и потому весьма многимъ приходится послѣ школы прибѣгать къ практическому ихъ изученію по методамъ, цѣль которыхъ есть одно скорѣйшее овладѣніе механизмомъ языка и обогащеніе памяти лексикономъ его. Изъ всѣхъ подобныхъ методовъ самою заслуженною извѣстностью пользуется метода Олендорфа, въ которой изученіе грамматики языка идетъ вмѣстѣ съ навыкомъ усвоивать его фразеологію. Г. Герцбергъ приспособилъ этотъ методъ къ изученію французскаго языка въ Россіи, и его книга окажетъ несомнѣнную пользу всѣмъ тѣмъ, которымъ мало дала школа или кому явилась необходимость овладѣть языкомъ относительно въ позднія годы. Четвертое изданіе доказываетъ успѣхъ книги, мы посовѣтовали бы автору, съ своей стороны, при новомъ изданіи помѣстить предисловіе съ объясненіемъ самаго метода Олендорфа и способа пользоваться имъ наивыгоднѣйшимъ образомъ, даже безъ помощи преподавателя.

Военно-Статистическій Сборникъ. Выпускъ IV: Россія. Спб. 1871. Стр. 1157. Съ приложеніемъ изъ 36 колорированныхъ картъ. Ц. 2 р.

Большую часть этого огромнаго труда составляетъ отдѣлъ первый, посвященный общей статистикѣ. Спеціальныя статьи его, напр., о народномъ образованіи, о путяхъ сообщенія, торговлѣ, финансахъ и т. д., снабжены краткими историческими обзорами. Статистическій Временникъ 1866 года послужилъ источникомъ для этого изданія, но онъ теперь дополненъ и цифры обновлены. Особенный интересъ представляетъ отдѣлъ II, посвященный статистикѣ русской арміи; исторической его обзоръ могъ бы быть полнѣе, хотя бы то на счетъ нѣкоторыхъ частей отдѣла I, какъ не принадлежащихъ въ строгомъ смыслѣ къ статистикѣ.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1871 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — **15 руб.**; — 2) *съ доставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, а въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Соловьева* — **15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50 к.**, въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ доставкою или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ билетъ, вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять свой адресъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая билетъ для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются съ подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Желающіе получать по почтѣ адресуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 к.

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редакцію, и при этомъ сообщаютъ подробный адресъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фамиліи и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не въ губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, и куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и иногородные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для городскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Австрія* и *Германія* — 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды* и *Британскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* и *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція* и *Греція* — 21 руб.; *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, отдѣльными книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страницъ — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, книги сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ и иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ трактовъ. Журналъ доставляется на почту, для иногородныхъ, съ адрессомъ подписчика, въ особой обложкѣ и съ двойною бандеролью, бумажною и веревочною.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой новый адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адресса для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго нумера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика.

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»: Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА: Невскій просп., 30.